

Дневник З.Г.Фоздик

АМЕРИКА

1922 — 1923

10.VII.22

Понедельник

Мы уже четвертый день на острове Монхиган (штат Мэн). Рерихи и старший сын их, Юрий Николаевич, уже три дня здесь. Я хочу записывать все касающееся Рерихов, ибо думаю, что через несколько лет мне придется написать воспоминания о Николае Константиновиче и Елене Ивановне. Слишком великие и необыкновенные они люди, чтобы мир о них не знал, да и, кроме того, они — ученики М.М. и избраны Им для большой миссии в Америке, Индии и России, как мне сегодня говорила Е.И. Она еще не может мне сказать, что это за миссия.

Мы с ними совершили несколько прогулок по здешним скалам и холмам. Оба они просты, как дети, и мудры, как избранники Божии. Например, мы взобрались на какой-то холм, а Юрий Николаевич издал крик: “Сюда идите, тут много земляники!” Н.К., услышав, мрачно говорит: “Значит, он ее всю и съест”.

Когда мы все сидели на веранде и говорили о войне, Н.К. сказал: “Первая великая война была между Каином и Авелем, причем один убил другого — тесно им было обоим на земле”.

Сегодня мы все, кроме Е.И., отправились на прогулку. Между прочим, Н.К., говоря о художниках и школах, рассказывал, что такой великий художник, как Куинджи, предоставлял ученикам самим создавать приемы и технику рисования, вырабатывая прежде всего свой глаз, ибо выработанный глаз создает потом свои собственные приемы и технику. И тот художник не велик, который ученикам своим говорит, как начинать картину, вообще как ее писать, и от такого учителя истинно талантливый ученик должен уйти. Н.К. рассказал, как однажды Айвазовский пришел в мастерскую Куинджи, где Н.К. учился. Ему дали кисть и полотно, и Айвазовский за час написал довольно большую картину. Произошел следующий диалог. Куинджи спрашивает: “А где же волна?” — “Ах да, — говорит Айвазовский, — вот сейчас”. — “А пароход?” — “Да вот”, — пара приемов, и готов пароход. “Ну а флаг на пароходе?” — “Ах, забыл”, — раз махнул, вот и флаг. И так своими уже заученными приемами написал картину, но без всякого вдохновения.

Сегодня за столом Н.К. рассказал пару анекдотов из русской народной жизни, он их чудно рассказывает. Е.И. рассказала, как они ездили на Валаамский остров на Ладогe, где Н.К. написал дивные одиннадцать этюдов, и она его просила не посылать их в Россию, а везти с собою. А он не послушался и отослал их, и, конечно, во время революции они пропали в России. Тут она добавила: “Мастер сказал: слушайся духа Урусвати. Я скажу раз, два, настаивать не стану, а потом и выйдет нехорошо”.

Какая это дивная женщина, как она вдохновляет Н.К.! Как она понимает краски, цвета, природу, как любит ее! Ходили мы по скалам, и я обратила ее внимание на один камень, на котором было три цвета: голубой, зеленоватый и бирюзовый. Е.И. пришла в восторг и залюбовалась этим камнем. А я обратила

внимание на этот камень потому, что она раньше рассказывала, какие разнообразные цвета имеют камни в Финляндии. Вообще Рерихам здешняя природа напоминает Финляндию.

Интересную мысль высказала Е.И.: когда человек думает исключительно о своем духовном очищении, то есть старается перестать грешить, делается святым или, вернее, “святошей”, то, помимо величайшего акта эгоизма, он [становится] не нужен для теперешней жизни. Мир не удивишь теперь святостью и чистотой жизни, а удивишь именно борьбой, силой духа и силой чудес. Нужны борцы, а не святые. Людей надо ошеломлять, как это и делала Блаватская вначале, да и почти всю свою жизнь, чудесами и оккультными знаниями.

Е.И. мне сказала, что у человека есть семь центров, которые при известных упражнениях можно пробудить и развить. Главный центр — огонь кундалини, который начинается в конце позвоночного столба и идет вверх к затылку. Этот центр развивают йоги. Потом — между бровями — третий глаз. Один — в центре груди, два — в желудке. Остальные — не помню где. Благодаря им человек при тренировке и упражнениях может стать ясновидящим, начинает слышать и даже может овладеть силами природы.

11.VII.22

После ужина, вечером, Н.К. просил меня прочесть вслух два письма: одно — от Хёкнера, председателя Кор Арденс, а другое — от Местровича, известного художника из Югославии, который по приглашению Н.К. присоединился к Кор Арденс, причем он пишет, что из циркуляра не понял [основной] идеи и не знает, что за цели у общества, но присоединяется, ибо Н.К. там. От Хёкнера письмо очень интересное. Он пишет, как это печально, что многие присоединяющиеся художники ищут престижа и личных выгод.

Потом — удивительный факт. С неким Вайзеборном, художником, членом Кор Арденс, который глумился над обществом и был его противником, вдруг произошло крупное несчастье — у него случился пожар, сгорели все его картины, он сильно обжег руки и лишен на время возможности работать. Так всегда случается с людьми, враждебными идеям Мастера. Вспомнили Кристелей с болезнями семьи, Хиллера со смертью матери и неприятностями в делах, неприятностями и нарывом у Саминского перед его отъездом в Европу, неудачами у Муромцевых и болезнями у них.

Вечером в этот же день мы имели сеанс у Н.К., причем все стояли за столиком вчетвером, а Ю.Н. записывал. После сеанса, на котором нам было, между прочим, велено стоять самим четыре раза в неделю и развивать силу, я и Нуця пробовали писать автоматически*, но ничего не вышло. Ю.Н. пробовал писать, и вышло “Мория” и разные рисунки. Потом сел [за стол] Н.К. и нарисовал автоматически дивный знак для Корона Мунди с числом 11.VII.1922 и надписью: “Я даю, да, да, да”. Потом, по просьбе Юрия, Н.К. опять сел и нарисовал автоматически будущий русский герб на горностаевой мантии с челноком и парусом, двумя восьмиконечными звездами и одним крестом на куполе.

Курьезный эпизод — перед нашим уходом Ю.Н. стал пить воду из кувшина для мытья. Н.К. брезгливо махнул рукой и говорит: “Поганая вода”. Юрий выпил и отвечает: “Я уже выпил”. Тут Н.К. говорит: “Ну и опоганился”.

Интересна пара эпизодов, рассказанных Н.К. о Витте. Он как-то был в его канцелярии и, уже выходя, увидел у двери несколько картин Врубеля на стене. Он и говорит Руманову, чиновнику Витте: “Да ведь так нельзя, все-таки Врубель”. Через пару дней его встречает Руманов и говорит: “Николай Константинович, что вы

наделали! Ведь я эти картины из столовой довел до передней, хотел купить их дешево, а теперь благодаря вам они перешли в гостиную на первое место”.

Два эпизода о Боткине, плохом художнике и известном коллекционере, богатом и хитром человеке. Увидел он у графа Строганова в зале небольшой бюст Леонардо да Винчи и повел такую политику. Говорит дворецкому: “Ведь его полотеры разобьют, уберите лучше”. Тот убрал. Через пару дней Боткин приходит к Строганову и говорит: “Граф, у вас тут, кажется, какой-то бюст стоял между окнами, где он?” — “Да унесли его на чердак, — говорит граф, — чтобы полотеры не разбили”. — “Да, — говорит Боткин, — он и там разобьется, продайте его лучше мне”. — “А сколько вы дадите?” Тут Боткин говорит: “И жаль что-либо давать за него, да вещь бесценная”. Закрыв глаза и говорит: “Пятьсот рублей”. — “Ну, — говорит граф, — давайте пятьсот пятьдесят, и бюст ваш”. Так и купил миллионную [по цене] вещь. К этому же самому Боткину пришла раз старушка и принесла старинный сосуд. Он вынимает двугривенный и дает ей. Она говорит: “Что ты, батюшка, я никак не могу, понесу к Анненкову, он больше даст”. А Боткин ей: “К Анненкову? Царство ему небесное, три дня тому назад помер!” Тут она ему сосуд отдала, а Анненков и до сих пор еще жив.

12.VII.22

Пошли все, без Е.И., гулять и собирать землянику. Н.К. необычайно прост, и все его советы полны мудрости. Например, говоря о Школе*, советует, чтобы Грант написала Кристелю благодарность за данные им две тысячи долларов и запросила его, на какие отделы он хочет устроить стипендии по искусству. Также [посоветовал], чтобы Грант, если придут Саминский, Ярмолинский и им подобные, заявила им, что ввиду отсутствия у них интереса к работе Школа поняла, что они больше не желают быть преподавателями, и потому исключила их. Также он советовал приглашать тех учителей, которые будут читать лекции даром, причем не обидятся, если будет мало слушателей. Таким образом Школа не будет нести затрат на эти лекции.

За завтраком говорили о России, Н.К. рассказывал о Горьком. “Похож он, — говорит Н.К., — на преступника; на вас никогда не смотрит в разговоре, глазами бегают по комнате”. Когда ему Н.К. указал, что у него секретарь — жулик, человек известный своей нечестностью, Горький смолчал и ничего не ответил.

Гуляли мы с Н.К. и Ю.Н., собирали и ели массу ягод. Н.К. сделал два наброска карандашом со скал. Принесли Е.И. ягоды в корзинке.

Интересные беседы имели вечером после ужина, на веранде. Много рассказывала Е.И. о своей родне — какие были между ними чудовищные самодуры и жестокие люди.

Одна тетка никогда не ходила, а вставая с кровати, переходила на софу, на которой и лежала вся в черном, с веером в одной руке, а другой рукой — на подушке, и все подходили и целовали эту руку.

Другая тетка, поразительная красавица, из-за которой много людей стрелялось и погибало на дуэлях, решила надеть белую маску и так провести одной всю свою жизнь, чтобы из-за нее больше не гибли люди.

Дядя Е.И. был женат, его жена рано умерла, и он, безумно любя ее, провел три года в ее комнате, окруженный ее портретами, не выходя оттуда, потом его женили насильно на некой помещице, чрезвычайно жестокой, по фамилии Дерен. Она истязала ужасно своих крестьян и своего мужа тоже. Однажды случилось ужасное происшествие: она натыкала полную простыню булавок, и когда вечером муж пришел, стала его гладить и предложила ему лечь и отдохнуть. Он, ничего не зная,

лег, и все булавки вонзились ему в тело. Тут он не выдержал, убежал из дому и подал на свою жену в суд. На суд съехалась масса народу, вся их родня, и когда он начал рассказывать о ее жестокости, его жена, которая была красавицей, драматическим жестом сбросила с себя верхнюю часть платья и встала, показав всю грудь и спину в синяках, говоря: он говорит о моей жестокости, а посмотрите, до чего он жесток! Тут, конечно, ее оправдали, и они вместе поехали домой, а она всю дорогу над ним издевалась: “битый небитого везет”. Когда этот дядя наконец с горя и страданий умер, она, придя в церковь, где он лежал в гробу, потербила его еще последний раз за нос.

Бабка Е.И. была известна своей гордостью. Жила она при Екатерине Великой. Однажды к ней приехал осмотреть ее владения капитан-исправник, назначенный для этого императрицей. После его отъезда она написала Екатерине личное письмо: “И что я за преступница такая, что Вы ко мне назначили приехать исправника для осмотра!” Сыновья при ней не садились, а все окрестные помещики приезжали как к государыне на поклон и толпились в передней. Она была очень красивой, с тонкими суровыми чертами лица. Одна ее дочь, очень молодая девушка, в чем-то провинилась. Та ей сказала, что высечет ее при офицерах, чей полк стоял в этом местечке. Девушка, зная свою мать, отравилась.

Курьезный эпизод рассказал Н.К. У них был служитель Максим. Однажды Н.К. видит, что тот бьет по телефону кулаками. Он его спрашивает: “В чем дело?” — “Да не отвечает”, — говорит Максим. “Он дошел до сути дела”, — добавил Н.К.

13.VII.22

Читая о жизни Блаватской и слушая рассказы Е.И. о себе, прихожу к убеждению, что между ними масса сходства. Е.И. в детстве была страшно горда, не особенно послушна, любила играть в индейцев, играла и воспитывалась со своими кузенами в имении, где у них бывали чудесные приключения, отличалась большим воображением, любила чудесное и верила в него. Имела видения: видела мальчика дивной красоты; дивные глаза, часто обращенные на нее; однажды, когда была больна, видела двух высоких людей в восточных одеяниях, стоявших возле кровати и указывающих на нее. Это, оказывается, были Мастера М. и К.Х.

Всю жизнь она любила уединение. Даже выйдя замуж, каждое утро приказывала часа два никому ее не беспокоить, говоря, что одевается, а сама сидела в это время — читала, а главное, думала. Видела руку, которая показывала ей цифры, а она потом передавала их Н.К., и если он покупал известные бумаги по этим цифрам, то всегда выигрывал. Но о теософии она ничего не знала вплоть до Лондона и к спиритизму относилась равнодушно. Любила всегда Индию и вообще Восток и много читала.

“Аура* — это кладовая духа”, — сказала Е.И. Мы говорили об одном оккультисте, докторе, который заставлял одного субъекта подчиняться его воле. Этот доктор велел ему выделить астрал* и пойти в чужой дом, где он никогда не был, и тот подробно описал комнату, человека, сидящего в ней, и как он, чувствуя его присутствие, но не видя его, начал зажигать лампы, а потом вскочил и пошел в другую комнату к жене. Все это затем было проверено и оказалось фактом. Затем этот же оккультист увидел у Рерихов ауры двух из их картин и одной драгоценности, подвески черного опала, и сказал, что на ней масса крови, и велел ее продать, а картины увезти.

14.VII.22

Много беседовала с Е.И. Это дивная женщина. Она — вдохновение Н.К. Он без нее картину не напишет, всегда просит ее выбрать ему место, где писать, и запоминать увиденные краски. Если место или выбранный им сюжет не понравится ей, он там ни за что писать не будет. М.М. ей говорил: “Учи мужа писать картины. Твой вкус — Мой вкус”. Любовь к краскам у Е.И. с детства. Отец ее всегда звал, когда что-либо рисовал, чтобы она помогала выбирать краски. Она сама хотела рисовать красками, но отец посадил ее вначале за гипс, а так как она этого не любила, то сказала, что больше рисовать не будет.

Рассказала Е.И. курьезную вещь, что кушала, когда была беременна Юрием, только молоко (по пять бутылок в день), супы из зелени и салаты, больше ничего, и все время изучала географию. А когда была в положении Светиком, ела все, но сама починая свои старые сапоги — все над ней смеялись и говорили, что сын будет сапожником.

Много она мне говорила про М.М. и Его Указания ей, но я не должна об этом писать.

15.VII.22

Сегодня все немного прогулялись перед завтраком. Е.И. рассказала, что всегда безумно любила музыку, страшно увлекалась красками (с раннего детства) и понимает, почему ей не было дано развить ни то ни другое. Если бы она избрала профессию, то всецело отдалась бы ей и не могла бы так воспитать детей, быть такой женой, и вся ее теперешняя миссия погибла бы. Значит, этого не должно было быть, а так, как все случилось, было необходимо для исполнения ее теперешней миссии. А краски ей нужно было понимать ради мужа и воспитания детей. Е.И. говорит, что сильный духом ищет и выбирает себе назначение в жизни, но таких — очень мало. В большинстве люди не слушаются голоса своего духа, потому столько исковерканных жизней.

Интересная подробность: с раннего детства Е.И. смазывала себе нос каплей вазелина. Недавно она прочла, что это делают все йоги перед сном.

Сегодня провели дивный день. Утром все работали, писали письма, а днем пошли гулять на скалы, рвали землянику, много ходили. Пошли в лес, заблудились, но к шести часам дня пришли домой, поужинали и пошли на веранду. Нуця и Юрий сели играть в шахматы, но потом Н.К. попросил их пойти поснимать чаек на скале. Они ушли, и он предложил мне продолжить их партию. Мы оба не играем, — конечно, сделали невероятные ходы и ужасно смеялись, ибо Н.К. сказал: “Ну, светлые силы ушли, темные пришли”. Мы все ужасно хохотали, потом Нуця и Юрий вернулись обратно, а мы сели по своим местам как ни в чем не бывало. Но, конечно, все сразу раскрылось.

Вечером у нас был дивный сеанс, все главным образом для Книги*. А потом Н.К. сел писать автоматически, и пришло дивное послание от М., потом — рисунок гробницы, где они все будут делать раскопки (в Азии, в будущем, с Ю.Н.). Потом писал Юрий. У него чудно идет карандаш, но очень смешно двигаются пальцы — вот мы и опять хохотали. Вообще вечер прошел прямо среди чудес. Е.И. тоже пробовала, и у нее получается, но еще слабо. Н.К. говорит: “Мы еще безграмотны”.

16.VII.22

После завтрака утром гуляли. Е.И. сравнивала здешнюю природу с Финляндией и очень метко сказала: “Тут видна сила воды над сушей, а там — сила земли над водой”.

Рассказала она два своих сна в 1910-1912 годах.

Первый сон: едут они с Н.К. в колыхаге по России, все черно, мрачно, гроза, пусто кругом, и вдруг взвивается на небе огромный змей и падает на землю, причем его хвост разделяется пополам и покрывает двумя ветвями небо. Под влиянием этого сна Н.К. написал картину “Крик змия”.

А второй сон был через пару дней после этого. Опять они оба едут в колыхаге по России, все кругом пусто и серо, словно вымерло, такой скучный серый день без всяких красок. Вдруг перед ними — холм. Е.И. выходит из колыхаги и подходит к этому холму, желая взойти на него и посмотреть кругом. И видит, что это не холм, а громадный жирный змей, который свернулся множеством колец и спит. Она удивилась и ушла.

Е.И. хочет после смерти своей быть кремированной. Вчера говорили о том, чтобы нам всем постараться запомнить одно общее событие и вспомнить его в будущем воплощении, когда встретимся, и напомнить друг другу. Вот было бы чудесно! Много интересного мне сегодня рассказывала Е.И. и была очень рада, узнав, что я записываю. Детство ее было очень интересным, она была ужасно непокорной. Когда ей было около шести лет, ей взяли гувернантку, генеральскую дочь, которая была очень неопытна в воспитании детей. Девочка как-то в чем-то провинилась, и гувернантка ее заперла в ванную. Е.И. говорит ей: “Если вы меня сейчас же не выпустите, я напущу в ванну холодной воды, войду и простужусь, а потом вам достанется”. Гувернантка не поверила, но все-таки взобралась на стол у верхнего окошечка посмотреть. Она увидела, как девочка начала снимать чулки и полезла в ванну. Тут она скорее открыла дверь. Сбежался весь дом, девочке начали растирать ноги спиртом, а она хохочет, ей весело, что все беспокоятся.

Также в очень раннем детстве Е.И. усвоила привычку ругаться. И вот раз она стояла и ругала какую-то прислугу: “Лизка-подлизка, дрянь”. А та говорит: “Хорошо, барышня, хорошо”. Тут ей стало безумно стыдно, и она говорит, что как рукой сняло, и она с того дня совершенно перестала ругаться*.

Она всегда могла предсказать смерть всех своих родственников, зная про это заранее (как и Блаватская в детстве). Всегда видела огромную руку во сне и наяву. Во время сильной болезни в детстве видела у своей кровати двух огромных людей, которые тянули из ее бока к себе какие-то серебряные нити, как бы притягивая ее к себе. Позже она поняла, что это были Мастера М. и К.Х., а в руке узнала Руку М.М.

Всегда предчувствовала пожары. Девяти лет говорила всем в доме: “Скоро у нас будет пожар”. Мать всегда на нее страшно сердилась. Вот раз вечером мать уехала в театр, а Е.И. осталась одна с француженкой, и в доме начался ужасный пожар — сгорело пять квартир, но до них не дошло.

Горда была страшно, не признавала ничьего авторитета, любила уходить одна играть в свои игры, думать или же играть с кузенами в дикие воинственные игры (американских индейцев).

Видела во сне женщину, пролетевшую над ней со странным каким-то звуком. Это случилось перед смертью ее сестренки.

Н.К. своего детства абсолютно не помнит, только один сон, который повторялся три дня подряд, когда ему было около тринадцати лет. Он увидел во сне высокую белую фигуру с закрытым лицом, которая подошла к нему вплотную и через покрывало смотрела на него, чем он был очень напуган.

Характерный эпизод был сегодня вечером: мы смотрели из комнаты через окно на заход солнца, а на веранде сидели Нуца с Ю.Н. и играли в шахматы. Мы стали смотреть на них и смеяться их движениям при игре. Н.К. подошел к окну и показал сыну язык. Тот очень смутился, а Е.И. спрашивает мужа, в чем дело. А Н.К.

говорит: “Я хотел Юшу подвести, чтоб он мне ответил тем же, вот бы удивился Мор[ис] Моис[еевич], ибо принял бы это, наверно, на свой счет”.

Интересный случай произошел этой зимой с Н.К. в Метрополитен-музее. Подошел к нему вдруг в вестибюле какой-то человек и говорит: “Вы кого-то ожидаете, давайте присядем. Ваш интеллект намного превосходит интеллект всех присутствующих здесь людей. Вы сейчас нуждаетесь в деньгах, но однажды станете очень богаты. До свидания”, — помахал ему рукой и исчез*.

Бедная Е.И. мне сегодня жаловалась, что всю свою жизнь мечтала иметь огромный письменный стол, принадлежащий только ей. В Петрограде был куплен стол — его взял Н.К., еще один, красного дерева, — дети забрали. “А я, — говорит, — работала, читала и писала в одном кресле”.

Забавный случай рассказал Н.К. про известного парижского антиквара Зельмайера. Он заказал одному художнику копию с Рембрандта за 250 франков. Потом велел ему подписать своим именем и дал ему еще 500 франков. Затем отправил эту картину в Америку, но перед этим написал на себя донос, что Зельмайер отправляет в Америку старую картину Рембрандта, но под другой подписью, и послал донос в таможеню. Там картину задержали, пишут ему и назначают большой штраф. Зельмайер клянется, что картина не Рембрандта, а вот того художника. Таможня ему говорит: “Нет, картина [подлинная] — настоящий Рембрандт”. Заставили заплатить огромный штраф и дали удостоверение. А в Америке он ее продал за громадную сумму.

Массу подробностей из своего детства рассказала мне Е.И. после ужина, когда мы сидели на веранде.

Мать начала ее вывозить в свет на балы с самого раннего возраста, чуть ли не с семи лет. Она ее повсюду брала с собой. В тринадцать лет Е.И. раз высчитала, что за декабрь и январь была на тридцати двух балах, и ей все это было ужасно противно. Балы оканчивались к шести или семи часам утра, она ложилась спать на пару часов, а потом надо было идти в гимназию, где она изучала все предметы, кроме танцев, рисования и рукоделия (была от них освобождена, ибо просто не имела сил). Вообще Е.И. с детства страдала малокровием и нервами, и это у нее до того обострилось, что, когда она была барышней, ее повезли за границу лечить душами Шарко от острого малокровия и нервного состояния.

С семнадцати лет она начала увлекаться музыкой, а мать ее все настаивала, чтобы она ходила на балы, и у них происходили ужасные драмы. Бывало, мать, которая чудно ее одевала, приготовит для нее туалет, а Е.И. в душе знает, что на бал она не поедет, и вот за пару часов до бала она говорит: “Мама, а я на бал не поеду”. Мать начинала сердиться, а однажды даже набросилась на нее в гневе с кулаками, и бедной Е.И. пришлось спастись под роялем.

Когда Е.И. стала невестой Н.К., она и мать жили с ее тетей (это было уже после смерти отца). Бедный Н.К., когда ездил к ним, чтобы никого не обидеть, всем кузинам и тетушкам привозил конфеты, коробок десять, так что приезжал к ним, бывало, весь нагруженный. Барышней Е.И. была поразительно хороша: тоненькая, стройная — считалась красавицей. За ней многие ухаживали, и много людей любили ее всю жизнь.

Когда ей было около тринадцати лет, она приехала погостить к своей тете. А было это под Ивана Купалу. Тут ей тетя говорит: “Вот тебе и приснится твой будущий муж”. Е.И. приснился следующий сон: будто она в громадной пустой церкви, стоит на коленях в подвенечном платье перед иконой Божией Матери, а за ней в темноте стоит мужчина. Она видит только его профиль: гладкие черные откинутае со лба волосы, громадные глаза, а вся остальная фигура — в тумане. И вот он ей говорит: “Помолись, моя дорогая”. Она только позже узнала в нем М.М. А

этой зимой Он им сказал на сеансе: “И тогда узнала Мой профиль, когда приходил к тебе”.

Вечером у нас был общий сеанс. Потом Юрий писал автоматически и получил дивные послания по-английски, а Н.К. — по-русски.

18.VII.22

Дивный разговор имела с Е.И. о ее жизни, когда она вышла замуж. Она мне много рассказала о себе, своих мечтаниях, о том, как много читала и как много дала своему мужу, уведя его из школы старых форм на новый путь, развив в нем стремление читать [книги] по духовным и религиозно-философским вопросам и потом направив его мысли на то, чтобы он начал писать статьи, стихи.

В тридцать лет Н.К. был уже директором Школы [Общества Поощрения] Художеств. Пришлось ему перенести много интриг и неприятностей. Бывало, на собраниях [совета] директоров он сидел и молчал, все слушал, все переносил, а как приходил домой — ей до трех часов ночи приходилось его успокаивать, пока он ей все рассказывал, не скрывая перед ней своих огорчений и волнений. Приходилось ей зажигать его дух, направлять мысли, создавать новый путь, и он шел за нею, понимая ее дух и чуткость. Мудр он был всегда, но была в нем нерешительность, иногда человеческая слабость, и много пришлось побороть Е.И. Без нее, его жены, не было бы Рериха как великого художника и человека.

Сегодня, после завтрака, Юрий рассказывал о своих и Светика проделках в гимназии и университете. Е.И. говорит, что Светик пошел в нее всеми своими проказами. Когда она была девочкой, очень любила устраивать разные пакости, например, раз вошла в комнату гувернантки, влезла в корзину от грязного белья и взяла в руки гармонику. Гувернантка вечером пошла спать и вдруг видит, что корзинка медленно идет на нее и издает очень странные звуки. Та — в крик, убежала, а когда все сбежались, корзина стояла среди комнаты пустая. Потом Е.И. с кузеном зашли в сарай, где стригли овец, подкрались сзади и открыли дверь. Все овцы разбежались, и их около недели пришлось искать. Набросали немке-гувернантке шиповнику в кровать, та вечером легла спать и, конечно, подняла крик. [Домашние] всегда знали источник этих проделок и ее с кузеном Степой* примерно наказывали.

Е.И. вчера ночью ясно слышала голос Мастера, который ей сказал: “Пора, пора уже вам податься из чужой Америки”. Она мне рассказывала видение-сон, которое видела пару месяцев тому назад в Нью-Йорке. Обстоятельства у них были, между прочим, довольно затруднительные. Она увидела, что стоит в громадном Храме, в котором [находилось] несколько людей и между ними — М.М., стоящий с нею рядом у Алтаря. Над Алтарем струится дивный свет из радужных лучей. Вот М. отходит от нее, подходит еще ближе к Алтарю, делает какие-то знаки (не то заклинания), свет еще усиливается, наполняет весь Храм, и раздается дивная, грандиозная музыка. Когда она потом проснулась, то у нее дней пять вся душа пела.

Потом [Е.И.] рассказала другой сон, как она очутилась у подножия башни, где живет М.М. Башня очень высокая, из желтого камня, как бы песчаника, с черными железными скобами вроде буквы “Т” в ней. Башня сужалась кверху, Е.И. подошла к ней вплотную и верхушки ее не видела. А за башней виднелось ярко-синее небо. Этот сон был в Лондоне.

Было у Е.И. еще несколько поразительных снов. Один ей приснился, когда ей было особенно тяжело, она была тогда невестой Н.К. Мать и родня были против [этого брака] и хотели, чтобы она с ним рассталась. Раз она легла спать и перед сном подумала: “Господи, хоть бы папа пришел и помог мне решить”. Ей приснился

отец, который пришел к ней и говорит: “Успокойся, Ляля, все будет решено к Вознесению”. Потом отец пошел на высокую гору, она — за ним и видит, оглядываясь, что вся их огромная семья идет за ними. Пришли они на гору, на ней — высокий шест. Отец ухватился за этот шест и вдруг провалился вниз — в бездну. Е.И. чувствует, что ей надо прыгать за ним и спасти его, но вместе с тем сознает, что если она прыгнет, то умрет, а ей умирать не хочется. Она оглядывается — за ней идут мать и дядя. Она и говорит: “Дядя, прыгай за папой”. Тот прыгнул, она проснулась. Действительно, вскоре всё в семье пошло на лад в отношении Н.К., и его признали женихом. А дядя этот вскоре умер, а за ним и ее мать.

Потом, уже когда она была замужем, ей приснилось, что сидят они за столом, а рядом с нею тетя Стася, [которая] вся как бы фосфорически светится, будто разлагающийся труп, и говорит ей: “Ляля, как тяжело мне всех оставить”. Она утром просыпается, вызывает эту тетю по телефону, а дядя подходит и говорит: “Тете этой ночью было очень плохо, мы уже доктора позвали”. А через пять дней та умерла.

<...>

Раз мать Е.И. ехала с ней на извозчике, потом вышла и пошла вперед, а Е.И. за ней. И она ясно почувствовала, что мать — уходящая тень. Та действительно через неделю захворала и, проболев несколько месяцев, умерла.

Перед смертью отца Е.И. зашла на кухню к старой прислуге, жившей у них около двадцати лет, и говорит: “Лиза, папа умрет”. Так и случилось через пару дней. Между прочим, отец Е.И. приходит [к ней] во сне перед какими-нибудь событиями и дает советы и указания. Тяжело было Е.И., когда за ней ухаживал Н.К. Мать и родня были против. Тогда же ухаживал за ней видный, богатый человек из прекрасной семьи, гусар, и мать хотела, чтобы Е.И. вышла за него. Но она чувствовала, что ей нужно выйти [замуж] за Н.К., человека более чистого из всех, с которым она будет истинно счастлива. Ей не позволяли с ним встречаться, следили за ней. Наконец, когда она уже была его невестой, пытались все между ними расстроить. Увезли ее за границу, а он за ними ездил в Ниццу, оттуда в Милан, наконец их с матерью вызвали в Россию. Н.К. получил в это время должность секретаря при Великой Княгине. Имя его уже тогда стало очень известным в России, картина его была куплена для Третьяковской галереи. Конечно, семья уже ничего не говорила [против], и они повенчались. Но много тяжелого ей пришлось перенести: борьбу с матерью и родней.

Она спросила М.М.: отчего она должна была готовить и делать всю черную работу, которую она делала зимой? М.М. ответил, что это важно для других, которые увидят, что у них [Рерихов] были не только богатство и обеспеченность, но часто и лишения, и критические положения, но они не отступили от пути.

Вчера вечером Е.И., Н.К. и я пошли гулять и пришли к пастбищу быка, а перед нами через калитку прошли две барышни. Н.К. и говорит: “Масенька (или “мамочка”, как он называет Е.И.), не ходи туда, пожалуйста, там бык”. Е.И. отвечает: “Да ведь быка нет”. Н.К. говорит: “Он сейчас выйдет из-за той горки, как только мы зайдем”. Е.И.: “Но неужели тебя не манит? Смотри, там чудесные скалы”. Н.К.: “Нет, нисколько не манит, там бык”. Е.И.: “А вот прошли же барышни там”. Н.К.: “Так это скотницы, наверно”. Так мы ушли и хохотали ужасно.

На прогулке они всегда держат друг друга за руку. Так прекрасно [они] любят друг друга, такая нежность в обращении, такая чуткость в понимании и столько преданности во взгляде, когда смотрят друг на друга. Более прекрасной и гармоничной любви между мужем и женой я не видела. <...>

Этой ночью перед сном Е.И. видела М. Руки Его — в венце вокруг нее, как она всегда видит. Из глаз (в особенности из правого) струились синие с серебром лучи. И бросал Он на нее какие-то стрелы, а с [Его] Рук на нее струились лучи. И голос Его сказал: “Возрадуйся”.

Е.И. жалуется, что организм ее настолько утомлен, что когда она слышит голос М., то не может запомнить, что Он ей говорит, тогда как в Нью-Йорке она каждый день видела Его, целые картины, слышала и помнила фразы.

Н.К. рассказал забавный факт. Директора гимназии, где он когда-то учился*, на Пасху поздравляли: “Христос воскрес, поздравляю, Карл Иванович!” А он обычно отвечал: “И я тоже”.

Вчера вечером мы все пошли гулять и видели со скал дивный закат. Было довольно трудно подойти к берегу, и мы хорошо попрыгали по мокрой земле и скалам, но наконец пришли почти к самой воде и стали наблюдать закат, причем Н.К. набрасывал рисунок на листке бумаги.

У Е.И. поразительное воображение, она видит целые картины в облаках и так сообщает о них другим, что и все начинают их видеть. Благодаря ей мы видели и замки, и горы, и две широкие дороги, ведущие в дальний город, и высокую фигуру в остроконечной шапке, а потом два солнца. Мы наслаждались всем этим.

Е.И. учит всех наблюдать цвета на камнях: серые, лиловые, розовые — у нее учишься видеть природу в красках.

22.VII.22

Я, Нуця и Н.К. пошли сегодня утром гулять и сделали несколько снимков, много ходили по скалам. Н.К. сделал набросок одной скалы карандашом. Между прочим, он говорит, что художник обыкновенно рисует [с натуры] прибой, небо, скалы, и часто получается фотография, то есть то, что лишь слепой не увидит. А главное — это подметить в природе настроение и передать его на полотне.

Н.К. попросил меня записать, как однажды этой зимой он ехал в подземке и напротив себя на скамейке увидел такую картину: М. около Своей башни, вдали горы, снег, и на нем даже оттенок синего цвета. Прямо, говорит, мог бы эту картину написать. Продолжалось это видение довольно долго.

Н.К. нравится морской прибой, но рисовать его он не будет, потому что выйдет слащаво, как фотография.

Читаю теперь о раджа-йоге. Е.И. дала мне ряд указаний, как делать дыхательные упражнения. Надо вдыхать в правую ноздрю, отсчитывая пять, задерживать дыхание, отсчитывая пять, и выдыхать через левую ноздрю, отсчитывая пять. Делать это [надо] на воздухе утром перед завтраком четыре раза подряд, а через две недели — и вечером, а через месяц — направлять дыхание вначале на кундалини, соединяясь мысленно с этим центром и представляя его себе в виде треугольника, потом — на центр в желудке, представляя себе человека, потом — на солнечное сплетение в груди, представляя себе его в виде солнца, потом — на два центра в затылке, представляя их как двуконечное пламя, потом — на третий глаз, представляя его в виде пламени. Но Е.И. говорит, что прежде надо спросить М., можно ли мне это делать.

23.VII.22

Мы сегодня вечером спросили М., и мне с Нуцей было позволено сделать пранаяму* по известным указаниям. У нас был прекрасный сеанс и очень интересное послание, данное автоматически через Ю.Н.

Сегодня мы гуляли, и Е.И. с восхищением припоминала Финляндию, ее дивные цветы и природу и говорила, что, благодаря двум годам, прожитым там, у нее накопился такой запас здоровья и праны*. Этим она и объясняет свои необыкновенные видения в Лондоне. Теперь же, после Нью-Йорка, она жалуется на усталость и говорит, что ей трудно видеть отчетливо, все [как бы] в тумане, и слышит она не очень ясно из-за усталости в организме.

Н.К. удивительно мил и прост в жизни. Сегодня за завтраком мы потребовали чай из новых машин — перкуляторов, а прислуга говорит: “Чай кончился”. Н.К. заявляет: “Чай умер, надо требовать молока”. Между прочим, он сегодня почти закончил картину у себя наверху (он работает в башне дома, где мы живем) и говорит: “По быстроте — вроде Айвазовского”.

3.Г.Фосдик. Остров Монхиган, 1922

Сегодня он нам рассказывал, как Государь со всей семьей ездил осматривать их музей*, а он и Е.И. с остальными работниками музея его принимали. Вдовствующая Государыня очень много беседовала с Н.К., а Государь первым разговора вообще не начинал. Всегда приходилось самому начинать разговор, нарушая этикет (ибо первым должен заговорить Государь), поскольку он обычно не знал, о чем говорить, и разговора бы вообще не было.

Завтра приезжают Хорши и Грант, и наши сеансы, конечно, на неделю будут прекращены, только будем писать автоматически каждый вечер у Рерихов.

24.VII.22

Утром, за завтраком, Нуця рассказал смешную историю из своего детства. Он привязывал на ниточку кошелек и из окна опускал на улицу, а потом следил, как прохожие, согласно своим индивидуальным чувствам, бросались на кошелек и потом ругались, когда кошелек взлетал у них под носом вверх. Н.К. это ужасно понравилось, он пошел к себе, записал эту историю в виде новеллы и назвал ее “Святой рыбак”, обратив Нуцю в монаха Джованни, который со стен монастыря проделывал это с кошельком на нитке, думая так спасти души жителей городка. В результате все об этом узнали, и никто, видя кошелек, к нему больше не подходил, говоря: “Опять этот сумасшедший монах выбросил на дорогу кошелек”. А монах, сидя наверху, радовался, что все стали идеальными. Мы все очень смеялись этой истории.

Приехали Хорши, и мы сегодня провели пять часов, обсуждая дела. Хорши дают деньги на рекламу и на перегородки для Школы. Очень хорошие люди, и Школа дорога их сердцу. Нас теперь семь человек. М.М. уже давно сказал нам про семерых. Вечером много писали автоматически Н.К., Юрий и Грант.

25.VII.22

Хорш дает семь с половиной тысяч для Школы и несколько тысяч для Корона Мунди. Поразительно, как [активно] они и Грант взялись за дело, [удивительна] их любовь к Школе. Во всем Рука М., Его любовь и забота о Школе. И как трогательно отношение Рерихов к этой поддержке. Они это принимают как дар, посланный М. на Его дело. Это не радость пришедшим деньгам, а умиление перед силой М., приведшего новых людей для Своей Школы.

Конечно, сеансов у нас нет, но вчера Юрий писал автоматически.

29.VII.22

Вчера уехали Хорши, и поразительные вещи случились за время их пребывания. Они вначале вошли в Школу и Корона Мунди. Мы инкорпорируем оба общества, и нас семь участников, как нам уже давно было указано М. Их [Хоршей] энтузиазм поразителен. Они дают деньги, веру в дело и самих себя.

По их приезде мы обыкновенно собирались утром и работали над планами, каталогами, рекламой, днем гуляли, вечером собирались, писали автоматически и получали дивные послания — Н.К., Юрий, Грант, Хорш и его жена. 27 июля на сеансе у Рерихов М.М. сказал Е.И., чтобы она послала ласку мадам Хорш. Она ее приласкала, и та прямо раскрыла ей свою душу, а вечером через Юрия было дано автоматически дивное послание к мадам Хорш, как к матери, от Единой Божественной Матери, и мы все были потрясены и тронуты до слез. Между прочим, М.М. сказал: “Цветов Моих — семь”.

На другой день мы все гуляли, а Нуця и Юрий отошли в сторону. Нуця увидел чудесные синие цветы. Он их все, то есть всю грядку, сорвал для нас, потом пересчитал, и [их] оказалось семь.

24-го июля индейцем, продающим в своей палатке мокасины и корзинки, под окном Е.И. была водружена доска с надписью “India” и рука, показывающая направление в Европу. Это нас всех поразило. Два дня спустя Н.К. писал автоматически, с закрытыми глазами, как он обыкновенно пишет, и под его рукой вышел рисунок этой самой доски с надписью “India”. До приезда Хорша нам было сказано на сеансе не приглашать его, и мы все этому бесконечно удивлялись. На второй день после приезда Хорш нам рассказал, что слышал в Нью-Йорке голос, который ему говорил не верить в М., ибо Он обыкновенный человек, и вообще не входить в Школу. Он это испытание выдержал и приехал. Вот почему М. и не велел его приглашать как раз тогда, когда он слышал этот голос. И Грант имела пару раз неприятные мысли, но о них рассказывала и их поборол. <...>

Уехали Хорши в восторге от всего случившегося и полные веры в дело М. Теперь нас семеро в этом деле. М.М. сказал: “Я дал. Теперь действуйте”.

Прекрасно говорил со мной и Нуцей сегодня Н.К., с которым мы проделали длинную прогулку. Мы шли по дороге и увидели даму, рисующую дом. Н.К. говорит: “Ведь это можно рисовать и в Нью-Йорке, и гораздо лучшие дома, а все происходит оттого, что учивший ее не сказал ей, что брать в природе”. И вспомнил он, как Куинджи обыкновенно говорил, когда его ученик приезжал с Кавказа и привозил этюд гуся или телянка: “Это все, батюшка, хорошо, только вы ведь могли это писать в Петрограде на дворе”.

Сегодня, гуляя с нами, Н.К. делал наброски карандашом и все сравнивал здешнюю природу с русской, причем заметил, что скалы здесь не как в Финляндии — громадные и имеющие формы, — а просто милые и ничего не говорящие. “Вот, — говорит Н.К., — пишете вы сверху вниз, небо не захватите, а пишете, желая захватить и скалы внизу, и вид наверху, и небо, и что же получается? Зритель,

смотрящий потом на эту картину, меняет много раз положение головы, чтобы ее осмотреть со всех сторон”. И многие пишут такие картины.

Интересный случай рассказал нам Н.К., как-то раз в Петрограде в обществе спорили, кто больше понимает: Рерих или Бенуа. Тут один и сказал: “Я знаю, что Рерих будет всегда творить, а Бенуа критиковать”. Интересно также рассказал Н.К., как он по окончании Академии [Художеств] со Стасовым и Римским-Корсаковым ехали в Москву повидать Льва Толстого. По приезде Толстой поразил Н.К. — какие глупости он говорил об искусстве. “Самый великий художник в России Орлов”, — говорит. Н.К. выразил на лице недоумение. “Как не знаете? Тот, кто написал картину “Секут мужика””. Тут Н.К. вспомнил эту ужасную картину. Потом, хотя они все и были приглашены провести у Толстого весь день, Н.К. не мог выдержать и отпросился уехать после завтрака. Те же провели у Толстого целый день, и на другой день Стасов ему говорит: “Жаль, что вас вечером не было. Какие глупости он тут говорил, какие глупости! Сцепился с Римским-Корсаковым о музыке и какие глупости говорил”. Тут Н.К. добавил, что был поражен нечуткостью Толстого по вопросам искусства и, несмотря на его незнание в этой области, такую авторитетностью суждений.

Н.К. — большой мудрец, в жизни добрейший человек, полный простоты, удивительно скромный, редкой чистоты взглядов и прекрасный рассказчик. Рассказывает он с чудным мягким юмором, употребляет смешные меткие сравнения, подбирает удивительно забавные фамилии. Например, говоря о каком-то талантливом японском художнике, имя которого забыл, сказал: “Какой-то Кипупу — странное такое имя, как и вообще у них имена”. На деловых заседаниях он молчит, но если что-либо промолвит, то все соглашаются с ним, так это мудро и правильно решено. Очень любит длинные прогулки, вообще любит много ходить.

Е.И. он обожает, прямо молится на нее, она для него всё — весь мир. Между ними полная гармония, хотя они совершенно противоположны.

Между прочим, Н.К. добровольно воплотился после того, как был Далай-ламой* в Тибете, сказал М.М. Он — высокая душа, и у него громадная миссия в России будущего.

Е.И. — натура ищущая, мечущаяся с раннего детства за знанием духа. У нее сильный характер, ясный, глубокий ум. Она очаровательна в обращении, умеет всех приласкать, обнять, и вся она светится внутренней красотой. Кроме того, она обладает большой внешней красотой. Дивные карие глаза, ясный большой лоб, изумительные черные длинные брови, прелестный, неправильный, но тонкий нос, красивый тонкий рот, очаровательная улыбка с ямочками на щеках и удивительный цвет лица — румянец на слегка смуглом лице. Кожа на лице как персик, ни одной морщинки под глазами, у рта, а ей теперь сорок три года. Волосы черные с сильной проседью, она завивает их. Не имеет никаких фотографических карточек, — как мы ее все ни просили, не позволила себя снять и сознается, смеясь, что это делает из кокетства, ибо в молодости всегда ужасно выходила на карточках. Рассказывает, что в молодые годы была кокеткой, любила одеваться, до сих пор любит красивые вещи, тонкое белье и имеет прекрасный вкус. Но всегда стремилась к познанию духа и массу [книг] читала по философии и религии.

31.VII.22

Е.И. рассказала сегодня милый эпизод, как, будучи маленькой девочкой, любила варить разные травы и цветы, толкла их в ступке, а потом варила, чтобы получить красивые цвета жидкости, как в аптеке.

Утром, показывая свои волосы Н.К., жаловалась, что они страшно выпадают из-за того, что она их всю жизнь завивает, они прямо образуют три яруса коротких волос. Он посмотрел и говорит: “Да, мочало”. Тут она рассердилась и говорит: “А у тебя пакля”.

Н.К. рассказал вчера забавную историю, как он проучил одного скульптора не говорить скверно о картинах, не видя их. Был такой скульптор Суслов — рот кривой, рост малый, сам сюсюкал в разговоре. (Н.К. его чудесно изобразил.) И как-то он скверно где-то отозвался о Н.К., не видя вообще его картин. Позже в Париже, когда там был Н.К., туда попал и Суслов и, не зная языка, прицепился к нему, бывал у него часто, считал другом, забыв, что сам его когда-то ругал. Вот раз сидит Суслов у него и рассказывает, как его кто-то ругал, не зная его. Тут начал Н.К. говорить в третьем лице, что бывают такие мерзавцы и негодяи, которые это и с ним делали, и удивительно расписал таких людей. Суслов сперва горячо соглашался, а потом посерел, глаза стали стеклянные, уменьшился, начал смотреть на часы и сказал: “Знаете, мне уже пора идти”. Чудно рассказал этот случай Н.К.

К Н.К. подъезжали большевики в первый раз в Лифляндии. Потом определенно [обратились к нему] в Лондоне с просьбой, чтобы он приехал и сделался главой художественного образования. Потом в Нью-Йорке при нас — мадам Стриндберг, которая прямо [ему] говорила: “Денег будет, сколько надо”. А теперь [получено] письмо из России с предложением печатать за счет правительства второй том монографии о нем и перевести книгу на немецкий язык.

На Монхигане Н.К. рассказал мне, [что] название Кор Арденс было принесено Н.К. на первое собрание, и все присутствующие, имея каждый свое предложение, единогласно соединились с Н.К., [даже] еще не понимая значения, приняли его.

Идея и название Корона Мунди удивительно интересно пришли в жизнь. Мысль об этом обществе и план были у Н.К. всю зиму, но как-то раз в мае, проснувшись, он сказал Е.И. это название и весь план, которые ему бесспорно были посланы Учителем, и это название уже обрисовало всю дальнейшую деятельность и возможности общества.

Кор Арденс — это выявление творческой силы.

Master School of United Arts [Школа Объединенных Искусств] — это Образование, Гармония, Единение.

Корона Мунди — это Творчество, Результаты Сил Искусства.

Кор Арденс — “Пылающее сердце” — то есть прежде всего сердце должно зажечься — единый путь.

Master School of United Arts — После зажженного сердца наступает School of the Master [Школа Учителя].

Корона Мунди — Результатом этой школы является Корона Мунди (как было сказано М.М.: “Я дал Корону”). Космическое творчество во всем логично, во всем просто.

1906 год. Виллар сюр Оллон*. Ясновидящая указала среди многих пророчеств о революции и гибели царской семьи, что видит Рерихов в Америке и видит огромное дело, “много бумаги”, в смысле развития дела.

1920 год. В Лондоне ясновидящая указала, [что] когда будут семь человек вместе и когда Елене Ивановне исполнится 44 года, начнется замечательный успех всего дела, в котором будут семь человек. А когда Е.И. исполнится 49 лет, наступит кульминационный период какого-то блестящего развития.

1921 год, 1 мая. В Чикаго ясновидящая указала успех всех этих дел, и при этом было дано много картин будущего.

1922 год, июнь. В Метрополитен-музее господин, подошедший к Н.К. и сказавший ему: “Я вижу, как что-то возникает вокруг вас, и будет это очень скоро”. Абсолютно незнакомый человек, который сказал: “Желаю удачи” — и ушел.

[1922 год], 11 июля. Само название Кор Арденс было дано на квартире д-ра де Бей в Чикаго в апреле. Знак Корона Мунди был дан автоматическим рисунком Н.К.

Страшные трудности и противодействия в связи со словом “Мастер”. Когда Н.К. и Нуця поехали в Олбани лично — препятствие устраняется, но когда это слово упоминается и желают его утвердить в бумагах — начинается какая-то борьба. Три подтверждения этому: первое в Олбани, второе у Хорша с его адвокатом, который против, третье — Слободин против [этого] названия. Крейнер тоже считал такое название претенциозным и просил изменить его.

Е.И. рассказала три интересных случая предвидения.

Первый случай был в Лондоне, когда Рерихи пошли снимать дом и пришли к одному чудному дому, который был им посоветован агентом. Дом оказался занят, но Е.И. сказала, что они будут в нем жить. Через неделю агент послал их опять к этому же дому, из которого выселили за неплатеж прежних жильцов, и Рерихи действительно сняли его.

Потом здесь, на Монхигане. Из Нью-Йорка они писали в [отель] “Island Inn”, и Е.И. говорила, что там [они] жить не будут. В “Albee House” ей вообще не хотелось писать, а получив проспект “Monhegan House”, она сказала: “Вот тут мы и проживем”.

Третий случай [произошел] в России, когда они перебирались в свою квартиру при школе в Петрограде, Е.И. [однажды] вечером пришла на квартиру расставлять мебель и была совершенно одна в столовой, где стояли часы с неприятным звоном, ею очень нелюбимые и потому не заводимые никогда. И вдруг она услышала, как часы пробили десять, не будучи заведены, ей даже стало немного жутко. Через пять минут раздался звонок, пришли ее мать и тетя, она их спросила, который час, оказалось пять минут одиннадцатого. Прожили они на этой квартире ровно десять лет. Часы потом больше никогда не били.

[Когда Рерихи] жили в Нью-Йорке на 67-ой улице, Мастер им сказал: “Известите всех — 82”. Это было в марте, а в сентябре, после приезда из Санта-Фе, они переехали в пансион на 82-ой улице. Когда Е.И. начала искать квартиру через агентов и объявления, страшно уставала, ей Мастер сказал: “Найдешь в понедельник”. Она нашла прекрасную квартиру на 82-ой улице, в которой и прожили всю зиму.

Перед выездом с 82-ой улицы Е.И. потеряла одно свое кольцо с бирюзой, которое купила в Мехико. Она долго искала [его], но не могла найти. Переехав на новую квартиру, в первую же минуту Н.К. увидел: на диване что-то блестит. Е.И. пошла посмотреть — и там лежало ее кольцо. Потом Мастер сказал, что оно было у Него в Тибете. Он ей прислал его обратно, и она никогда не должна его снимать, что она и делает, постояннонося на пальце.

1.VIII.22

Я, Нуця, Н.К. пошли на прогулку. Н.К. зарисовывал много видов. Ему очень понравилось одно место — ущелье между большими и интересными скалами, и он говорит: “Тут приятно, можно написать несколько этюдов, есть материал”.

Зарисовал места четыре, и [все] порядком устали, но Н.К. ничуть. Он очень легко ходит и совершенно не устает. Рассказал много смешных вещей о Лядове, какой он был остроумный, любил и выпить, и в компании с хорошими людьми посидеть, и покалякать. А Римский-Корсаков был другого склада — серьезный, с драматической жилкой, человек интересный и образованный. <...>

2.VIII.22

Е.И. вспомнила случай, когда, будучи в Санта-Фе на сиесте индейцев, она сидела в ложе, любовалась их играми, танцами, пением и подумала: чувствуют ли они ее любовь и симпатию к ним? Сидела она в ложе, на дальнем расстоянии были деревья, погода была тихая — и вдруг сорвалась ветка с дерева, и ее буквально понесло прямо на грудь Е.И. Сидевшая с ней в ложе какая-то индейская принцесса сказала: “Это дар от дерева”.

Е.И. получила сегодня письмо от своего сына, в котором он пишет, что был вместе с Грант и Хоршами на завтраке в отеле. Грант рассказала о своей подруге — члене эзотерического кружка. У них в кружке известно, что один из Мастеров принял руководство над Россией. Знаменательно, что говорила об этом Грант при Хоршах, ибо только недавно, когда они все были на Монхигане и у нас был сеанс, Грант получила автоматически послание, что Мастер М. правит Россией. А задолго до этого было у Е.И. видение. Она видела, как Мастер К.Х. давал скипетр и корону Мастеру М., коронуя Его как бы на царство, и когда Е.И. просила разъяснить ей, то было сказано: “Он будет править Россией”.

Кстати, о бедной Е.И. Она себя ужасно плохо чувствует, все время тошнота, отвращение к еде, и она чувствует сильную слабость в организме. Рассказывает, что у нее было очень болезненное состояние в Санта-Фе прошлым летом, но другого характера, — очень пухли локти, и была тяжесть в теле — она должна была лежать. Продолжалось это дней десять, потом сразу прошло. А теперь это другого рода недомогание — она, видимо, худеет, и ей очень нездоровится.

Уже дня три по утрам она со мной долго беседует. Какая это дивная, но бурная душа, все мечется и все ищет. Все время старается разрешить тайны мироздания — сливается ли душа совершенная в Высшей Гармонии Духа или же продолжает свою эволюцию все дальше? Наше ли личное “я” все предчувствует или, как это говорят, Высшее Сознание или Голос Мастера? Где разница между инстинктом и духом? Как часто инстинкт бывает и высокого порыва, и когда он таковой — голос ли он духа или же только инстинкт? Потом Е.И. все думает, будет ли полная красота в будущих проявлениях их жизни, сообразно с обещаниями Мастера, или же она разочаруется? Она очень боится разочароваться в красоте проявления творческой силы. Верит в красоту ее и боится, что не всегда красота будет полной. Е.И. жаждет высшего знания и стремится к нему. Не знает, чему еще научиться за этот год в Нью-Йорке, мечтает о поездке в Индию и “надеется, что она ее удовлетворит”. Богатая, тонкая душа! Все эти переживания заставляют ее глубоко страдать. Она прямо умиляется и поражается спокойствию и непоколебимости Н.К., который верит и знает, что все случится как надо и в положенное время. Какие оба — огромные личности и какая разница между ними и в то же время полная гармония. Е.И. со мной в эти дни часа по три беседует каждый день и делается мне все ближе и дороже. Сегодня я не вытерпела и сказала ей: “Бедная Елена Ивановна!” и поцеловала ее, когда она мне говорила о своих глубоких сомнениях в тайне бытия и своем страдании.

Н.К. сегодня после прогулки со мной, Нуцей и Е.И., вернувшись в отель и усевшись на веранде, рассказал много забавных случаев из жизни Школы Искусств в Петрограде, которой он заведовал. Во время первой революции пришли учащиеся и

сказали, что на такой-то день будет в школе сходка. Привожу слова Н.К.: “Сходки не будет”, а они мне говорят: “Будет”. А я говорю: “В школе сходки не будет”. — “Что ж, вы полицию позовете?” — “Это уж вы увидите мои способы, а сходки не будет”. А они в ответ: “Сходка в четыре часа”. В четыре часа налезло пятьсот человек, я созвал совет и объявил, что ввиду случившегося закрываю школу. Позвал смотрителя над зданиями и сказал ему, чтобы он пошел и закрыл школу, приняв от меня здание. Тот был грубый скот, взял с собой дворника, позванивает ключами, идет на сходку и говорит: “Расходитесь, господа, школа закрыта, профессоров нет, и я принимаю здание”. Те наскоро вынесли резолюцию: возмущение грубому произволу — и разошлись. Но курьезнее всего, что были исключены и революционеры, и монархисты, и просто безобразники”. Второй курьезный эпизод разыгрался с одной ученицей школы, дочерью генерала В. Ее вдруг отец выгнал из дома, она приходит к Н.К., рассказывает ему и просит что-нибудь устроить для нее. А он как раз в это время возил выставку к Государю в Царское Село. На этой выставке были работы и этой ученицы, а Государь перед некоторыми работами останавливался. И вот “в пределах правды” (любимое выражение Н.К.) Н.К. садится и пишет письмо отцу ее — генералу: “Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что Его Величество на текущей выставке останавливался перед работами Вашей дочери и выразил им свое одобрение и похвалу”. На следующий день генерал в мундире и при всех орденах приезжал благодарить Н.К. и, конечно, с радостью принял дочь обратно. Потом одна ученица школы, Иванова, сошла с ума, заперлась в классе, забаррикадировалась и выставила такие требования. Требуется Христа, а не будет Христа — Рериха, а не будет Рериха — Билибина, преподавателя школы. Христа не оказалось, звонили Билибину по телефону, тот, заика, ответил: “Я н-н-ни за что не п-п-пойду”. “Нечего делать, иду я. Захожу в класс и все стараюсь, чтоб между мной и ей во время разговора был стол. Кричала она страшно и буйствовала. Я очень поспешно удалился, и она скоро ушла”. Потом Н.К. рассказал, что бывшая ученица школы Попова была недавно в Нью-Йорке с мужем и пригласила Н.К. и Е.И. завтракать. Они пришли, завтрак съели, а в ответ их к себе и не пригласили и уехали на Монхиган. Е.И. и говорит ему: “Папа, как это мы все-таки гадко поступили”. А Н.К.: “Да, я потом сам сообразил, что поступили мы по-свински”. И все это было рассказано с неподражаемым юмором.

4.VIII.22

Удивительные видения были вчера у Е.И.: синие лучи, направленные на нее Мастером, и потом будто тяжелый предмет какой-то странной формы упал на нее, на грудь, и она буквально почувствовала физическую боль. А сегодня видела направленные на нее желтые лучи. Мастер ей пояснил, что ее теперешняя болезненность — результат открытия новых центров в ее организме, и [именно] они вызывают в ней это болезненное состояние. Сегодня она слышала голос, сказавший ей: “Учись гибкости в мудром служении”. Это относится, она думает, к Школе, ибо у нас все время телеграммы от Грант и Хорша — не хотят им разрешить инкорпорировать Школу Объединенных Искусств в какой бы то ни было форме. Думаем, что даже не будем инкорпорировать.

Сегодня гуляли с Н.К. и мадам Колокольниковой, милой русской дамой, приехавшей сюда. Много Н.К. рассказывал о своих встречах с Андреевым, какой это был обаятельный человек в жизни и как был различен в обществе — был позёром и не “давал себя”, употребляя выражение Н.К. Также о Горьком рассказывал, какой это хитрый, неприятный человек, всегда “под стол смотрит”, никогда вам в глаза не

взглянет. Также Н.К. опять сравнивал природу острова Монхиган с Россией — и тут такой же лес, и тропочка, и цветы такие же, но сердцу не мило.

5.VIII.22

Опять гуляли вчетвером (без Е.И.) с Колокольниковой. Много вспоминал Н.К. о Куинджи, своем бывшем учителе. Был он человек строгий, сильного характера, и, когда к нему, бывало, человек приходил жаловаться на судьбу, он всегда говорил: “Да [если] вас надо под стеклянный колпак, так вам лучше и правильно пропадать. Хороший, истинный художник — он и в тюрьме писать будет. А что вы делаете от 4 до 10?” Ученик спрашивал: “Утра?” — “Да, утра”. — “Да я сплю обыкновенно”. — “Значит, все просыпаете, а я в Одессе от 4 до 10 утра для себя работал, а потом с 10 до 6 ретушером был в фотографии”. Начал он свою жизнь в Крыму пастухом, рассказывает Н.К. Когда он пришел в Академию к Благоличнову и принес ему свою картину, тот ее долго критиковал, взял кисть и поправил что-то. Куинджи все молчал, потом вышел. Благоличнов и говорит стоявшим около него: “Господа, я уверен, он за дверью стирает все, что я поправил”. Все выглянули — и так оно и было, тот все стирал. Перед смертью он заболел, вызвали Н.К. Он приехал и видит: сидят около него масса людей, а он говорит ужасную чепуху. Тут Н.К. говорит: “Да ведь он с ума сошел”. Все на него набросились. Он говорит: “Я его уважаю, а вы, очевидно, — нет, ведь вы же слышите, что он говорит”. Позвали психиатров — те подтвердили. И вот тут такое происходило. Сидят все около него, и чуть начинает он говорить, один за другим начинают пятиться от него и говорить: “Да, ты велик, ты велик”. А был у него служитель Петр, который раньше у Н.К. служил. Куинджи многое понимал и, бывало, говорил: “Видишь, Петр, ты человек простой, смотри, что вокруг меня делается”.

Е.И. давно сказала, что Куинджи как-то собравшимся вокруг него ученикам, которые от него всегда чего-то добивались, сказал: “Вы все у меня в результате будете только деньги просить, а Рерих вот пойдет своей дорогой”. Также рассказывал Н.К. про Репина, какой это был лукавый и хитрый человек. Например, перед Великой Княгиней Марией Павловной, когда она приходила, так прямо на кривых ногах ходил, до того все тело выражало почтительность и подобострастие. Зашел разговор о Стасове, друге Репина, Толстого. Н.К. рассказал известный ходивший о нем анекдот: “Ты знаешь Стасова? — Какого, их же трое? — Да высокого! — Да они все высокие. — Да седого! — Да они все седые. — Да (самого) глупого. — Да они все глупые”.

Милое воспоминание у Е.И. о ее первом знакомстве с картинами Рериха. Пришла она как-то с матерью на выставку в Академию, еще очень молоденькой барышней, обошла всю выставку и остановилась вдруг перед картиной Н.К. “[Сходятся] старцы” и ужасно авторитетным образом заявила своей матери: “Вот истинный талант, только жаль, что так аляповато пишет”. Потом начала читать его фамилию — Рерих, и страшно она ей не понравилась, никак не могла ее прочитать.

Гуляла со мной Е.И. сегодня часа полтора и все говорила о великом идеале и значении матери в женщине, всем жертвующей, все отдающей, в противовес мужчине, все захватывающему и все берущему. Хотя она тут же добавила, что оба начала — и женское, и мужское — необходимы друг для друга, оба исчерпывают друг друга, у нее даже есть теория, что оба начала существуют в одной искре, пущенной в свет, и всегда ищут самих себя, чтобы слиться. И в конце концов наше стремление всегда [направлено] к идеалу, противоположному нам. Е.И. мечтает пробудить женщину в России, начиная с низов, ибо в корнях есть больше силы, а женщина уже столько веков в приниженном состоянии. Какой у нее глубокий ум,

пытливый. Недаром ей Мастер сказал: “Не терзайся вопросами мироздания, все объясню в Индии”.

Сегодня был трогательный случай после завтрака. Я допивала молоко, что по обыкновению делаю очень медленно, и в это время все поднялись из-за стола, а я осталась сидеть. Н.К. заметил и говорит: “А Иеровоамчика* забыли, оставили одного!” Тут Е.И. заметила и говорит со своей чудесной улыбкой: “Бедный Иеровоамчик!” Все начали страшно смеяться и ждать меня, а Н.К. все жалел и сокрушался о том, как это могло случиться. А после ужина я к концу говорю: “Я сейчас допью молоко”. Тут Н.К. подхватил и говорит: “Как же, надо ждать Иеровоамчика, сейчас допьет молоко”. Тут опять [началось] общее веселье, и Е.И. говорит мне: “Вы не знаете, как Н.К. умилился сегодня вами, когда вас оставили одну за столом, и все потом повторял: “Бедный Иеровоамчик””.

Какие оба чудесные люди! Е.И. светится, когда говорит о бхакти-йоге, и как дивно она [ее] толкует. Она вся дышит любовью к Богу, любовью к природе и всем ее мудрым законам и красоте, разлитой в ней. Вечером Н.К. заканчивал читать книгу “Листы Сада Мории”, которую мы начали читать вчера для редактирования перед тем, как напечатать на машинке в Нью-Йорке. Какая красота! Как многое становится понятно, и шире делается каждое обращение к нам и всему миру. Эта книга потрясает сердце, и мы были счастливы, читая ее вместе и вспоминая, как многое было нам сказано при разных случаях и теперь внесено в нее.

Исправляю фразу Мастера, сказанную Е.И.: “Ты должна быть гибкой в Мудром Служении”. [См. также 4.VIII.22].

О Боткине. Он был злейшим врагом Н.К. и перед выборами его в Академию [Художеств] держал длинную речь против. Но Н.К. был все-таки выбран. На другое утро в 9 часов Боткин первым приехал его поздравить и сказал: “Битва была сильная, но вы победили”. Этого же Боткина изругал Н.К. в статье по поводу реставрации Софийского собора в Новгороде. Боткин при встрече и говорит ему: “Читал статью, жаль, что вы меня раньше не спросили, я б вам многое еще рассказал”. У него на стенах висели картины других художников, он выскребал подписи и выдавал их за свои. После его смерти Н.К. поехал к вдове просить для музея несколько картин ее мужа. Та, конечно, согласилась и повела Н.К. на чердак, где лежали все картины. Н.К. выбрал семь картин, привез, начали чистить, и оказалось, что пять из них были не Боткина, даже подписанные другими, видно, тот забыл стереть подписи.

Любопытный эпизод был за обедом сегодня. После рыбы подали курицу, а у нас ужасно глупая прислуга за столом, совершенно не умеет служить. Я ей велела переменить вилки для курицы, а Н.К. говорит: “Нет, мне не надо, мы уже опростились”.

Е.И. вспомнила, как Куинджи сказал: “Все мои ученики у меня еще денег просить будут, а Рерих и меня прокормит”. Дягилев переманил Н.К. и еще одного художника, обоих наиболее талантливых учеников Куинджи, к себе на весеннюю выставку. И вот на приеме у Н.К., когда весь “Мир Искусства” у него собрался, подходит к Куинджи Дягилев, нахально его хлопает по плечу и говорит: “Ну, милый профессор, что скажете о Рерихе и другом (не помню имени)?” Куинджи говорит: “Да, вы вырвали у меня мои зубы”. Е.И. говорит, что никогда не забудет, сколько грусти у него было на лице. Вообще он мало говорил, но удивительно метко отвечал, стоял за все справедливое и был довольно стыдлив — дам избегал, жил уединенно с женой. Очень нежно о нем говорят и Е.И., и Н.К.

Сегодня Е.И. опять очаровательно рассказала, как она первый раз познакомилась с Н.К., когда он приехал в Бологое, имение ее тетки княгини Путятиной, где она тогда гостила. Приехал он вечером. “Сначала, — говорит Е.И.,

— через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога или, вернее, пыльный сапог”. Е.И. подошла к окну, а Н.К. спрашивает: “Здесь живет князь Путятин?” Е.И. пошла в комнату своей тетки и говорит: “Тетя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал”. Та велела ей обратиться к лакею, чтобы он провел его к мужу. Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то, его еще никто не видел. Тетя говорит:

“Археолог, какое-то старье, положить его спать у князя в кабинет”. На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким, и решили ему дать комнату для приезжих.

Пробыл он там три дня. Е.И. говорит, что он расположил их к себе тем, что дипломатично и тонко завел разговор о старине своей фамилии Рерих и своего рода, а вся семья Путятиных увлекалась старинными родословными.

Потом Е.И. рассказала мне и мадам Колокольниковой о жизни своей тетки, княгини Путятиной, когда она была первый раз замужем за Митусовым, известным богачом и развратником. Прямо роман какой-то. Долго мы сидели на веранде и беседовали о литературе. Е.И. говорит, что никогда не простит Л.Андрееву его “Бездны”*. Вообще Е.И. чудно говорила об ответственности писателя перед читающим его молодым поколением. Тонко она чувствует истину в искусстве.

Е.И. в самом раннем детстве преследовали голоса, богохульствующие против Бога. Голоса эти ее страшно мучили, все время шепча против Бога, и она, боясь говорить взрослым об этом, обыкновенно садилась на диване в темной комнате и твердила, закрыв глаза: “Боженька хороший, Боженька хороший”. И долго ей приходилось это твердить, иногда целыми часами, до того ее мучили эти голоса. Е.И. говорит, что с тех пор она получила постоянное памятование о Боге, то есть мысль о Боге ее никогда не покидала. Когда что-нибудь хорошее случалось в ее жизни, она всегда посылала благодарность Богу. Она даже думает, что эти голоса в детстве были для нее нужным испытанием*.

Очень красиво описала она богослужение в Валаамском монастыре, где была с Н.К. Но с ужасом говорила об ужасных черных одеждах схимников, считая, что они пугают своим видом людей, а это неправильно по идее служения Богу — такой ужасный костюм с черепом, крестами и другими атрибутами, вышитыми на нем.

Во время нашей прогулки мадам Колокольникова спросила, каких друзей Е.И. имела среди женщин, да вообще с какими дамами она сталкивалась. Е.И. ответила, что женщин вообще не любила, с ними не могла разговаривать. Мне было крайне отрадно, когда она сказала, что я ее первый друг и первая женщина, с которой она так легко может беседовать. Я бесконечно счастлива, зная это. <...>

Н.К. сегодня за ужином подтрунивал над нами. Во-первых, расспросил каждого в отдельности, хотелось ли нам спать. Оказалось, всем хотелось. “Как же, говорит, Достоевского изругали, Арцыбашева уничтожили, Толстого ругнули, Чехова не признали, а вместо всего этого всем надо было спать идти”.

Вспомнила я, кстати, эпизод Е.И. с колибри. Когда Рерихи были в прошлом году летом в Нью-Мексико, Е.И. страшно [много] работала: и печи топила, и варила. Никто из мужчин ей не помогал, на что она ужасно обижалась. Раз они ушли гулять, приходят домой и говорят: “Мама, а мы видели массу чудных колибри”. А она как раз мучилась над топкой печи во время их отсутствия. Услышав про колибри, она горько зарыдала, [так как] чаша ее обиды переполнилась. Так они ее потом и дразнили “колибри”.

7.VIII.22

Н.К. рассказал сегодня за завтраком, как раз в молодости написал картину очень густыми красками и поставил ее лицом к печи сушиться, а сам ушел.

Возвращается домой, нюхает воздух в комнате — блины, не блины. Смотрит, а краски все растопились и потекли густым слоем. Он ее, конечно, сейчас же положил на пол, чтобы дальше не текло. И вот образовался какой-то удивительный эффект тонов и сама краска стала прямо как эмаль. Потом все смотрящие нюхали ее, осматривали со всех сторон и никак не могли понять, как он ее писал. А сказать правду он тоже не мог, ибо подражание такому процессу для многих было бы опасно.

Разговор зашел об экзаменах, и Н.К. рассказал из своей жизни два эпизода. На выпускном экзамене в гимназии Н.К. блестяще отвечал по геометрии, алгебре, тригонометрии и когда дошел до простой арифметики, то ни слова, абсолютно ничего не помнил. Учитель, знавший его по классу, все говорил: “Ну хоть что-нибудь скажите”. Тот — ни звука, все позабыл. Наконец учитель диктует ему задачу, потом продиктовал вывод. Н.К. дошел до такого состояния, что, написав на доске вывод, спросил: “Ну а теперь, что дальше будет?”

Почти такое же состояние с ним случилось на государственном экзамене в Университете по уголовному праву. Экзаменовали двое: Файницкий и Ванновский, последний — ужасный зверь. Н.К. как-то высчитал, что его будет экзаменовать первый и совершенно успокоился. Но вдруг, о ужас, оказалось, что его экзаменует Ванновский. “Тут,— он говорит, — мой ум перепутался. Подхожу, вынимаю билет, чувствую, что ничего не знаю, и говорю ему: “Я экзаменоваться не буду”. Тот говорит: “То есть как это, ведь это государственный экзамен!” — “А я все-таки экзаменоваться не буду”. Тот посмотрел на него и говорит: “Вы здесь будете у меня так долго сидеть, пока не ответите”. Я обиделся и сел. Вначале он экзаменовал других, и я совсем и не слушал, потом у меня появилось желание им помочь в ответах, а после экзамена пяти людей он обращается ко мне и говорит: “Ну что, будете отвечать теперь?” — “Буду”. Ну и прекрасно ответил по всем вопросам. Тот, хотя и зверем был, но понял мое состояние в тот момент”.

Курьезный случай был у них в университете. Приехал шах Персидский к ним, и вот депутация университета произнесла ему речь на персидском языке. Он выслушал, потом спросил через переводчика, на каком языке они ему говорили. Оказывается, речь была на древнеперсидском языке, на котором уже столетия никто не говорит!

7.VIII.22

Удивительно смешно как-то рассказал Н.К., что его в детстве учили играть на рояле, чего он терпеть не мог. Давали ему рубль в час за практиковку и учили играть “Буренушку”, но он и от денег, и от игры отказался. “Левой рукой играл, правая не могла двигаться или же играла то же самое, что и левая, а правой рукой когда играл, повторял ту же историю с левой рукой. Двумя руками разное играть никогда не мог”. “Потому, — раз сказала Е.И., — что в детстве Н.К. поедал у своей сестры сладкие булки и ее кукол сажал или, вернее, прятал в неприличные места”.

Долго мы сегодня вечером сидели с Е.И. и мадам Колокольниковой. Колокольникова уверяла Е.И., что та кокеткой была и будет всю жизнь. Е.И. страшно смеялась этому, признавалась, что девушкой действительно была холодной кокеткой, то есть любила людей мучить. Никем не увлекаясь сама, любила, когда за ней ухаживали, но, выйдя замуж, ушла в детей, [в] работу мужа и забросила всякое кокетство. А мадам К[олокольникова] все уверяла, что еще и недавно наблюдала, что Е.И. кокетничает с мужчинами.

Вот мы все посмеялись и пошли потом наверх, у нас с Рерихами была Беседа. Нам было позволено Мастером остаться еще на два дня здесь ввиду того, что “мы

были готовы уехать”. А к концу Беседы нам было указано прочесть две фразы из “Tertium Organum”*, и они всецело касались нашего разговора о кокетстве. Причем кокетство не называлось таковым, а [именовалось] эстетикой, любовью к красоте, к новизне в проявлениях жизни, то есть именно всем тем, что так богато заложено в натуре Е.И., на которую Колокольникова нападала, конечно, игриво, но настаивая, что она кокетка. Проглядела она тонкость и сложность натуры Е.И.

Вчера получена телеграмма от Хоршей: неожиданный успех обеспечил название Мастер Институт для нас. Так всегда оканчиваются дела Мастера, за которые мы боремся по Его воле.

Утром беседовали с Е.И. и мадам Колок[ольниковой]. Е.И. много рассказывала о Тибете, Далай-ламе, обычаях его выбора и советовала прочесть книгу о Тибете одного индуса, пробравшегося туда. Потом много рассказывала о Блаватской. Е.И. массу читала, у нее глубокие знания, читает она с раннего возраста, удивительно красиво говорит и при этом вся светится, в особенности когда говорит о Мастере. У нее два идеала женщины — русской и индуски. Между прочим, [Е.И.] рассказала, что перед ее замужеством у нее три раза был сон, все тот же: голос велел ей выйти замуж за Н.К. А она с раннего детства голосу этому беспредельно верила.

8.VIII.22

В ночь на 8-е августа мне снился очень интересный сон, который Н.К. велел записать. Е.И., Н.К., я и Нуця были в антикварной лавке, и какая-то женщина в черном показывала нам предметы странного вида: на длинной палочке восьмиконечной широкой формы была посажена какая-то штука, серебряная, тонкой филигранной работы, и к ней наверху был приделан еще шпиль. Все это издавало легкий серебристый звон, когда им потряхивали в руке. Эти предметы были все одинаковы, постепенно увеличивались в размерах. Наконец, последний предмет оказался скипетром, на котором горели ярко желтые камни в виде цветка. Он был дан Е.И. в руки, и она его очень серьезно рассматривала, держа в руке. Мы же все сидели и смотрели.

Вчера вечером наслаждались дивным закатом.

10.VIII.22

Н.К. вспомнил, как покойный Леонид Андреев ему говорил: “Луначарский хуже всех теперь в России. В то время как Троцкий и Ленин хотят покупать тела людей, он старается купить их душу”.

Интересные воспоминания у Н.К. об известном антикваре и коллекционере Делярове. Тот, желая в каком-то доме что-либо купить, обыкновенно говорил хозяйке дома: “Как же вы такую картину повесили. Ведь у вас же дочери, взрослые дочери!” <...>

11.VIII.22

Вчера, 10-го августа, мы выехали с Н.К. и Е.И. с Монхигана и ехали всю дорогу вместе до Бостона, откуда они поехали сегодня утром, 11-го августа 1922 г., к Чарльзу Крейну в Вудшелл — погостить на два дня. Дорога у нас была прекрасная, от Монхигана до Тумбстоуна ехали маленьким пароходиком два с половиной часа, и нас не качало — день стоял дивный, мы все время любовались прелестными видами и островками по дороге. Из Тумбстоуна взяли автомобиль в Роклэнд, проехали через [весь] прелестный старый городок Тумбстоун, причем Е.И. наслаждалась по

дороге чудным воздухом, пахнущим свежим скошенным сеном. Вообще воздуха морского она не переносит, говорит, что он всегда пахнет рыбой и солью. Она же гораздо больше любит горы, реки, озера, как, например, Ладогу, которую она, видимо, обожает. Приехав в Роклэнд, мы сели на пароход, поужинали. Посидели часа два на палубе: Е.И. мне много рассказывала о физическом и моральном воспитании своих детей. И действительно немудрено, что вышли такие чудные сыновья при такой прекрасной системе. Идеальная диета — нормальная, здоровая, легкая; полная забота о желудке и вообще обо всем организме ребенка, приобретение детям всевозможных самых дорогих игрушек, самого прекрасного, самых лучших книг по природе, ботанике, зоологии, воспитание в них чувства красоты, развитие в них любви к животным. Е.И. — самая идеальная мать, какую я когда-либо встречала, не говоря уже о том, что это одна из мудрейших и начитаннейших женщин. И какое дивное сердце! Какая любовь к людям!

Она мне, между прочим, на днях рассказывала, что, начиная с детского возраста, обожала больных и уродливых животных: собак, птиц с разбитыми и подбитыми крыльями, старых воробьев, некрасивых утят. Одно время она ухаживала за журавлем, у которого было сломано одно крыло. И “журка” бежал за ней, как собака, она его кормила, лечила, но он, бедный, все-таки умер. Живя в имении, она вставала с раннего утра и ходила кормить всех птиц, лошадей, собак и коз в имении. Все они ее знали, все к ней бежали.

Прожили мы с Рерихами на Монхигане немного больше месяца, с 7-го июля до 10-го августа, имели наслаждение проводить с ними целые дни в беседах и планах о Школе и нашей будущей совместной жизни здесь и в России в будущем. Три раза в день встречались за столом. Сколько смеха, шуток, тонкий юмор Н.К., его неподражаемые рассказы, воспоминания, глубокие беседы с Е.И., полные эзотерического и религиозного значения! Ее дивное сверкающее лицо, полное красоты и блеска, прямо не от мира сего. Длинные почти каждодневные прогулки. Три раза в неделю — общие Беседы с Мастером и счастье слушать вместе с Рерихами мудрость Учения, и благодать любви, направленной на нас; поучение нас на деятельность. Это был лучший месяц в моей жизни и жизни Нуци, и это время положило краеугольный камень в основу всей нашей будущей жизни.

Прекрасно вспомнил как-то на днях Н.К. о Куинджи, как тот ему сказал: “Мое несчастье было в том, что я уж слишком загонял человека в угол, а тот, не найдя выхода, как овца, начинал показывать волчьи зубы”.

Расстались с нами сегодня Рерихи прямо как отец и мать. Теперь едем в Нью-Йорк на новую деятельность для Школы и Корона Мунди.

10-го августа 1922 года мы выехали с Н.К. и Е.И. из Монхигана вместе. Они поехали к Крейну под Бостоном на два дня погостить, а мы — в Нью-Йорк, как нам было указано М.М. У нас была дивная дорога до Бостона, время пролетело как сон в разговорах о будущем, Школе, их [Рерихов] миссии. В Бостоне мы расстались и поехали дальше.

По приезде в Нью-Йорк мы застали Грант работающей в Школе очень усердно и ревниво. До того ревниво, что не хотела участия никого из остальных в работе. Были очень небольшие трения, которые постепенно нарастали, но не серьезно. Кое-что видно было между Хорш[ами] и Г[рант].

15.IX.22 **Нью-Йорк**

11 сентября приехали Рерихи. Мы все встречали их на вокзале, а вечером пошли навестить их в отель. У всех было дивное настроение, чувствовалось, что

приехал мозг и душа всего. На следующий день все собрались в Школе, много ценного мы услышали от Н.К., его идеи о Корона Мунди — начать дело не с большого дома и “окна на Пятой Авеню”*, а незаметно, скромно, нащупывая друзей и врагов. Дом М.М. велел найти с весны. Мы все время встречались в Школе, все семь человек, а также одни с Н.К. и Е.И., где у нас была уже Беседа вместе. В четверг у нас было собрание, на котором Н.К. просил нас всех работать и учиться у него эти десять месяцев. Вчера, 14 сентября, после разговора был вечером сеанс, на котором писали автоматически Хорш, Грант и Ента. Были получены дивные Указания.

20.IX.22

Н.К. на днях рассказал мне [про] удивительное событие. Прошлой зимой сюда приехал Чистяков, очень культурный человек, интересующийся народным образованием и имеющий большой пост в Сибири. На него было обращено серьезное внимание, ему посылались дивные послания через Рерихов, давались поручения. Но он не взялся и не применил всего этого материала серьезно. Его оставили. На днях он написал письмо Муромцеву, в котором пишет о потере своей должности и страшно жалеет, что не воспользовался в прошлом году всем ему указанным, ибо мог бы именно теперь все это применить и работать на этом поприще. Теперь же он абсолютно без всякого дела. Еще один факт того, как Н.К. мне на днях сказал: “Все, что дается, это как через мегафон. Вы получаете и посылаете миру как вашу работу, но если отказываетесь от этого, то мегафон превращается в воронку и все это хлынет на вас же обратно и образует опасность, в большинстве случаев очень серьезную”.

Вечером были у Рерихов. В этот же день утром приехала Грант из Детройта, куда уезжала на пять дней. До ее приезда все работали дружно, все были счастливы. По приезде она всех допросила, каждого в отдельности, о том, что было. Очень ревнует, и мы чувствуем будущие трения. Вечером я, Нуця и она ужинали вместе, потом [мы] ей сказали, что должны поехать на 40-ю улицу, ибо были приглашены к Рерихам и не хотели ей этого говорить, но она, видимо, догадалась. Когда мы были у Рерихов, в девять часов, она позвонила и хотела к ним прийти, но Е.И. сказала, что они заняты — пишут два важных русских письма. Она очень странно на это засмеялась, на что было сделано указание позже на сеансе в этот же вечер. Е.И. думает, что положение неприятно из-за ее характера и ей придется с Грант серьезно поговорить. Е.И. почему-то кажется, что 1929 год, который был указан Грант, будет годом, когда она оставит Школу.

Мадам Хорш была три дня тому назад у японской танцовщицы — пригласила ее танцевать у нас на первом приеме. Та ей вдруг заявила, что ведь наша Школа не имеет учеников, что она, видно, узнала от Толстой, ибо потом в разговоре упомянула ее имя. Но разговор был закончен тем, что она танцевать будет, если мы ее пригласим на факультет и будем рекламировать ее класс. На другой день Н.К. пришел в Школу и передал нам следующее сообщение, полученное Рерихами накануне вечером: “Щит Мой подозревают японцы. Друзей в них не вижу. Поставь лучше первой Индию”. Конечно, мы сейчас же написали [японской танцовщице] вежливое письмо и отклонили ее участие в приеме. Теперь понятно, что Толстые враждебны Школе и почему они исключены из каталога.

В Школе во вторник, 19-го сентября, Н.К. и Нуцей были найдены в открытом ящике все послания Грант, лежащие на виду, потом бумажка, на которой было написано полностью Имя, а также на виду бумага, на которой писали автоматически в прошлую субботу. <...> Мы все были огорчены, ибо много раз уже получали

предупреждение о том, чтобы не упоминать Имени и быть осторожными с тайной. Еще 31-го августа было Сказано Рерихам на Монхигане: “Предупреди новых, Имя Мое не сходит с языка”. Решили быть чрезвычайно осторожными в будущем.

Е.И. рассказала: ясновидящая в Чикаго сказала им, что видит, как Руки протягивают лавровый венец от Н.К. к Е.И. и обратно. Кроме того, на Н.К. надевали разные чалмы — красную, белую, пурпуровую, причем она сказала, что он будет носить пурпуровую чалму и одеяние.

Опять Е.И. рассказала видение с мальчиком в 1914 году в России. В этот день она была в церкви и видела Лик Христа, благословляющего детей. Придя домой, покормила кроликов и, ложась вечером, испытывала чувство благодатного покоя, которому даже поразились. Проснувшись ночью, Е.И. увидела перед собой видение дивного мальчика с громадными глазами. Она почувствовала такую огромную радость, что подумала: не брат ли это ее? — но нет; не муж ли ее? — до того ощущала близость и счастье. Это было появление М.

В прошлом году, еще в “Hotel des Artistes”, Е.И. вечером легла спать (Н.К. уехал в Бостон) и была разбужена толчком; проснувшись, увидела у кровати, возле столика, большую руку, светящуюся, которая что-то писала карандашом на листе бумаги. Успела разобрать только: “Ты должна достичь”, но испугалась читать дальше, до того ей было жутко слышать шум карандаша на бумаге. Три раза она открывала глаза, чтобы прочесть, но все пугалась, на четвертый раз видение исчезло. <...>

22.IX.22

В Школе было первое заседание с адвокатом относительно Корона Мунди. Были подписаны бумаги, распределены акции, и Корона Мунди официально вошла в жизнь.

Чудесно было следующее. Н.К. вчера продиктовал Грант письмо для “Architectural Records” — журнала, который взял для своей обложки картину Н.К. еще в прошлом году и в котором [были] воспроизведены несколько его картин, а также [напечатана] статья о нем Боссом. Грант просила [редакцию журнала] прислать ей шесть копий. Сегодня с нарочным мальчиком они были присланы с письмом, в котором было написано: “В данном случае мы не берем с Вас деньги [за журналы]”. Мы не поняли этого “в данном случае” и поразились. Во время заседания с адвокатом журнал лежал на столе, и Нуця, начав рассматривать обложку, увидел следующее: женская фигура подает корону, а мужская — храм, между ними древо знания, которое произрастает из американского орла. Он всем нам сказал об этом, и мы поразились, и больше всех поразился этому символу двух обществ Н.К., который тут же подарил эту картину Корона Мунди.

После окончания заседания мы пошли с Грант и Рерихами вместе ужинать, а после ужина — к ним наверх, причем Е.И. начала перечитывать [записи] сеансов и, ища сообщение об Истмане (Рочестер-Истман будет полезен) от 3-го июля 1921 г., тут же наткнулась на [запись] “Лучше продать картины L.”. Тогда это понято не было, а теперь мы догадались, что “L.” — Луис Хорш. Какое дивное творчество и факты, претворяющиеся в жизнь. Чудно сказал сегодня Н.К.: “О нашей Школе есть две истории: одна для всех людей — это иллюзия, ибо многое нельзя сказать, а реальность, то есть все дивные события и чудеса, — нам известны”.

Должна по совету Е.И. и Н.К. записать два сна. Позавчера мне снилось, будто мы вчетвером в Школе, и Е.И. показывает мне ящичек и из него вынимает медали и ордена, данные Н.К. Один — бронзовая фигурка, вроде божка на ленте, другой — звезда на ленте, а третий орден — с надписью “Dutch Legion d’Honneur”*. Причем

она очень была весела, показывая мне их. Вчера мне снился следующий сон. Мы вчетвером на банкете, сидим за длинным столом, я рядом с Е.И., около нее — Рабинов, а напротив — Н.К. Я слежу за Рабиновым с подозрением и тут же во сне рассказываю Н.К. о моем вчерашнем сне. Потом Е.И. говорит, что нам надо поспеть на другой банкет. Мы только поднимаемся, чтобы туда пойти, и приходим в другую залу, как замечаем, что я потеряла свое обручальное кольцо. Мы с Е.И. бежим обратно, подходим к стойке, где сидит кассирша, она нам показывает все найденные вещи, но кольца там нет. Тогда она нам советует обратиться в бюро, называет несколько раз его название, но я его забыла, вроде “Westbridge”. Потом Е.И. уходит, и я чувствую, что с ней что-то неладно. Я бегу куда-то и нахожу ее на улице, лежащей на софе, без сознания, но плачущей, говорящей в забытии и нервно вздрагивающей. Я и спрашиваю Н.К., который сидит возле нее: “Неужели, Н.К., она загипнотизирована?” — “Да, — говорит Н.К., — она загипнотизирована, но скоро придет в себя”. И я вижу, как она постепенно успокаивается, дышит ровнее и перестает говорить. Этот сон мне снился в ночь на 22-е сентября 1922 г. Фигура Е.И. произнесла Имена двух других Мастеров, но я не помню их. Лицо ее было серьезно. Она меня не видела или, вернее, была так поглощена происходящим, что не могла обратить свое внимание на меня. <...>

24.IX.22

Вчера у нас всех с Енточкой было вечером собрание в Школе, писали автоматически Н.К., Грант, Хорши и Енточка. Н.К. получил дивную “Книгу о Жертве”*, и в ней было дано, между прочим, имя шейха Россул-ибн-Рагима, которым был М.М. Мне рассказала Е.И. летом на Монхигане, что ей снились сны — ряд картин. Будто она выходит замуж за шейха и ее родня присутствует на свадьбе. Потом будто он показывает арабских лошадей собравшимся. Потом будто у нее от него сын и он его очень нежно любит. Потом шейх куда-то уезжает и она подает ему сына на коня, чтобы он ехал с ним. И вот вчера было дано имя этого шейха. <...>

25.IX.22

Была сегодня у Е.И. Провела дивных три часа. Она мне говорила о своей будущей созидательной работе в России, устройстве школ, [заботе о] материнстве и новой этике в связи с этим, говорила, что с детства мечтала давать бедным-убогим людям платье, пищу, деньги и учить их, соприкасаться со всем этим лично, а не только создавать образы. Е.И. было сказано, что по исполнению поручения в России она может вернуться в Тибет к М. в теле и там остаться. У нее громадная миссия в России, и я буду бесконечно счастлива, работая под ее руководством. Причем Е.И. меня так тепло и горячо уверила, что я буду ее помощницей и работать с ней, что я вышла полная счастья. Я счастлива, имея таких дивных друзей.

26.IX.22

Мы втроем были у Рерихов в отеле “Веллингтон”. Е.И. припомнила, как ей ясновидящая в Лондоне предсказала самый счастливый год в ее жизни — 1928-й, когда ее счастье достигнет апогея, а муж ее будет занимать громадную, великую должность. М.М. тоже назвал 1928-й год [как] “часы счастья”. Также Сказал, что в 1929-1930 [годах Рерихи] поедут в Россию через Сибирь, где прочтут послание народу. Видно, в Сибири [они] опять увидят Колокольникову и Чистякова. Также

ясновидящая сказала Е.И., что важные дела начнутся для них, когда ей будет 43 года, что и есть теперь, а бесконечно счастлива она будет, когда ей будет 49 лет, то есть в 1928-ом году.

Е.И. рассказала нам, каковы у них были видения в Лондоне, когда они [только] начались. Она ясно видела фигуры, подходившие к ней и протягивающие книги, которые она очень старалась прочесть, но не могла. Потом [Е.И.] помнит, как у одной фигуры на лбу была повязка, на которой были какие-то огромные электрические знаки; теперь ей припоминается, что это были цифры — возможно, 24-29 и т.д. Но тогда ей только хотелось прочесть книги. Потом ее семья видела повсюду перед собой глаза, в особенности Е.И. и мальчики — большие, глубокие глаза, конечно М.М. Даже в ванной, Е.И. говорит, на нее смотрели глаза, на стенах повсюду. Потом она видела Лик М.М. анфас, затем лицо медленно поворачивалось и показывалось ей в профиль. Повсюду в [их] квартире в Лондоне были стуки. Сила была тогда накоплена поразительная, так что иногда им было велено сидеть в темноте спокойно и не зажигать света, а перед ними стол, на котором никто рук не держал, сам двигался, ходил и стучал. Они задавали вопросы ночью, когда уже лежали в постелях, и им отвечали стуками, и так они могли долго вести беседу. На днях Е.И. тоже, лежа в постели, ночью задавала вопросы, и ей было отвечено сильными периодическими стуками. Она сомневалась в правильности и даже приписывала их ветру и сквозняку, но ей было сказано на сеансе третьего дня, что стуки были явлены для нее. Незадолго до отъезда с Монхигана она слышала дивный хор ночью, даже думала: не ветер ли это? А вчера на сеансе с нами была подтверждена истинность этого “хора”. Воздух поет ночью. Е.И. сказала, что ей хочется называть меня почему-то “Рада”*. Она хочет спросить, можно ли.

Е.И. и Н.К. светятся мудростью и любовью к миру. <...>

29.IX.22

В Школе я и Нуця, сидя с Н.К., подумали, что было бы важно пометить дату основания Корона Мунди более ранним, чем 2-ое августа, числом из-за статьи, которую вчера прочли в “Times”. [Там говорилось] об обществе, основывающемся якобы с теми же целями, что и Корона Мунди, но только для американских художников и против иностранных “художников”, то есть [создаваемом] темными силами, идущими в светлое начинание. И вот мы вспомнили, что знак и число Корона Мунди было дано 11 июля на Монхигане при нашем присутствии. И ведь мы все время получали одиннадцать стуков! Мы решили поставить дату 11-го июля под статьей Н.К. в буклете Корона Мунди. Замечательно, что в прошлом году после основания Школы Объединенных Искусств через два месяца появился проект майора Хилана об основании такой же школы всех искусств, что, бесспорно, было бы политически окрашено и окружено темными элементами. А теперь статья в “Times” по поводу еще одного “Clearing House of Arts”. Как сказал Н.К.: “Идеи носятся в воздухе”.

30.IX.22

Вечером у нас было собрание в Школе, на котором, как и раньше, писали автоматически. Придя в Школу, Е.И. рассказала, что ей снилось ночью, будто она с Хоршем находилась в какой-то комнате и на него был направлен сильный луч розовато-фиолетового света, но до того сильный, что она, боясь за его здоровье, прикрыла его своим телом, и тогда от силы луча, направленного на нее, она проснулась и открытыми глазами продолжала видеть этот свет, причем он был ей

неприятен и у нее было сердцебиение. Е.И. рассказала Хоршу, [но] он ночью ничего не чувствовал. Но, когда Енточка писала [автоматически], было дано по-французски, что свет на Хорша был направлен рукою врага и что Урусвати его отразила.

Н.К. записал данную “Книгу о Радости”*. Грант получила длинное красивое послание, потом Хорш написал одну фразу по-английски и очень много по-китайски. Мадам Хорш имела красивое письменное послание. Енточка писала на трех языках — обращение к Н.К. и Е.И. очень красивое. Потом Н.К. сказал, что он чувствует, что ему надо писать. Он сел [за стол], и было дано обращение к Урусвати очень важное, но его велено было разорвать и не упоминать о нем. Оно относилось лично к ней. После окончания мы пошли с Рерихами пить чай, а остальные поехали домой.

Сидели мы долго с Рерихами и говорили о Школе. Е.И. чувствует, что ей надо укрепить Грант еще больше в деле, ибо она боится, как бы та немного не охладела. Е.И. решила называть меня “Рада”. <...>

Енточке же приснился следующий сон в эту же ночь. Будто она была вместе с Е.И., и Е.И. подали громадную, чудную ветвь винограда. Когда Енточка увидела этот виноград, у нее стало очень тяжелое чувство и она сказала: “Е.И., не кушайте этот виноград, там черви”. Она сказала ей это два раза, потом стала [вместе] с Е.И. разнимать грозди и нашла между ними больших белых червей.

1.X.22

Мы все семеро собрались в Школе для экзамена на получение стипендии, и после экзамена, когда ученики ушли, мы все остались поболтать. И вот я начала рассказывать мой сон, а потом сон Енточки. При рассказе сна Енточки я заметила, как у Е.И. изменилось лицо и как она была глубоко поражена и переглянулась с Н.К. И она рассказала, что вчера вечером Крейн прислал ей в коробке дивный виноград — одну ветвь, уже второй вечер [подряд], и она начинает быть недовольна его вниманием к ней и виноград даже не кушает. И поразительно то, что сегодня утром М.М. дал им весть о враге Е.И., который был когда-то ее учителем, великим иерофантом зла и даже розенкрейцером. Он хотел сорными путями достигнуть тайны золота, и Е.И. была его главной ученицей и источником золота*. Но перед последним испытанием она постигла его характер и ушла в монастырь. А иерофант зла потерял всю силу и сделался врагом Е.И.* Он старался на нее и змей наслать, и в беду ее толкал. А теперь, когда М.М. посылает им друзей и нужных людей, враг внушает им посторонние нехорошие мысли, как, например, Крейну, который пришел под видом дружбы, а теперь имеет дурные мысли. Также М.М. обещал сегодня пояснить им отношение этого врага к Кругу, то есть нам всем. Замечательно [было показано] во сне Енточки: черви в винограде — это гадкие мысли Крейна.

Сон, который мне снился недавно, [тот] в котором Е.И. была гипнотизирована и была в таком нехорошем состоянии. Е.И. тоже сказала, что она была, наверно, гипнотизирована злой силою своего врага. <...>

3.X.22

Были все после обеда в Школе. “Нападения” уже, видимо, начались — получили глупое письмо от Фокса, директора Бруклинского музея, в котором явно сквозят шантаж и вымогательство, а потом явился доктор Бринтон, с которым Н.К. имел очень внушительный разговор, указывая на то, что ему выгоднее быть в хороших отношениях с Корона Мунди и Н.К., нежели с Фоксом.

Вечером мы были у Рерихов. Е.И. очень огорчена Светиком: его окружают опасные люди вроде Данилова, и он под их влиянием очень меняется. Она нам много о нем говорила, видно, ей все это больно, ибо у него была такая светлая, прекрасная душа, а теперь, как было Сказано: “Мутно его сознание”.

Потом мы с ними ужинали, и после у нас был сеанс. Нам было велено вынуть первые бумаги, видно, очень важно. Враг наш общий, видно, очень силен, ибо связаны были с ним я, Грант и г-н Хорш, помимо Е.И. Будучи Сохрайей, тронной дамой в Сирии, я стремилась к власти.

Вчера обнаружился поразительно интересный факт. Еще на Монхигане при нас было Сказано Е.И. читать “Мудрость Соломона”, а на ее вопрос, где достать [ее], было Сказано: “Спроси у Нуци”. Нуця же около месяца тому назад купил старую большую Библию и вчера, сидя дома, перелистывал ее. Придя вечером к Рерихам, он им рассказал, что нашел там целую главу “Мудрость Соломона” с примечаниями Оригена. Конечно, это и есть то, что надо прочесть Е.И., и сегодня Нуця везет ей эту Библию. Сидим у них до двенадцати — дивные, светлые, мудрые люди, от которых черпаешь знание и свет!

8.X.22

Позавчера у нас было собрание учителей в Школе, но, к сожалению, без Н.К., ибо он заболел инфлуэнцей и не мог быть. Были почти все, кроме нескольких учителей. Грант прочла короткий адрес от имени Н.К., прочла статью из Корона Мунди, цитату, потом [сказала] несколько слов от себя. Очень мило сказал несколько слов Хорш. Мы имели случай изучить некоторых лиц — неприятное впечатление произвели мисс Хитон, мадам Тротин, Крейнер. Остальные пока симпатичны — остается ждать будущего. Интересно, что скажет Салмонд: он был, по-видимому, недоволен вторым местом в буклете. Увидим. В общем впечатление от собрания осталось приятное. Это было 6 октября, так что сбылась цифра “6”, данная нам на сеансе с Рерихами около месяца тому назад.

Сегодня мы навестили Рерихов на их новой квартире на 82-ой улице. Там чудная аура. Н.К. болен и лежит, он с нами много беседовал и дал много ценных указаний относительно Школы на завтра. Е.И. рассказала, что вчера вечером она, ложась спать, увидела перед собой видение — лик Енточки, но [она выглядела] красавицей в золотых локонах, с чудными чертами лица. Видение продолжалось довольно долго и потом уплыло. Е.И. думает, что это было астральное тело Енточки. А вчера вечером она и Н.К. наблюдали ауру руки Е.И. Причем оба видели очень ясно ауру как свет — вещество, которое то увеличивалось, то уменьшалось, светило то ярче, то слабее. Сегодня утром Рерихов навестил Хорш, и Н.К. видел Лик Мастера во время его визита, Который протягивал над ними Руку, а потом Руку по направлению к Е.И. [Подумав,] Е.И. и Н.К. пришли к заключению, что нам вшестером надо выработать тактику против Грант и учить ее многому, ибо иначе тяжело с ней работать и делаются упущения в Школе.

Они оба дивные люди, и от них уходишь с бодростью и большим подъемом духа. Как я счастлива, что они нас так любят!

Е.И. сегодня сказала, что всю дивную сказку мы с ними прожили вместе и она ценит, что так много нам вместе понятно и доступно.

9.X.22

Е.И. рассказала следующее: важно, сколько несчастий было в жизни у нее и Н.К. Их вывалили из коляски во время поездки по России, причем у Е.И. было разбито все лицо, она долго страдала и болела, и чудо, что не остался шрам на лице.

Поехали в Финляндию смотреть дачу. Возница повез их по речке, покрытой тонким слоем льда. Лед все время проваливался, лошадь и возок проваливались, они бешено мчались и были уверены, что погибнут, но чудом спаслись.

Один раз [случился] пожар в Петрограде, где у Е.И. страшно обгорели руки, и она долго страдала. Другой раз, когда Е.И. и Н.К. вздумали покрыть лаком новую, купленную картину и разбили банку с бензином, вспыхнул пожар, который с трудом потушили домашними средствами. Много раз их несли лошади, выбрасывало из экипажа и они чудом спасались.

В детстве Е.И. очень разбилась, катаясь на гигантских шагах*.

В поездке на пароходе из Лондона в Нью-Йорк Н.К. упал с верхней койки вниз на спину, ударившись в железный выступ. Спина была страшно повреждена.

Все — нападения известного врага.

16.X.22

Вчера мы были на лекции Роджерса в теософском обществе “Superman”. Хитрый, не зажигающий, но ловкий лектор. После лекции пошли к Рерихам, ибо они просили нас прийти и рассказать им о лекции. У них, как всегда, было дивно, и многое мы познали от их мудрости. Н.К. говорил многое о том, что результаты работы Школы начнутся в будущем, их нельзя ожидать сейчас и поэтому надо научить Хоршей не быть нетерпеливыми.

[Н.К.] рассказал, как вообще началась школа, которой он заведовал в России. Она началась в маленькой комнате и просуществовала так четыре года. Потом переехала в другое помещение и 30 лет работала незаметно, ничем себя не проявляя. Когда ее позже принял Н.К., она была обыкновенной школой, потом появилось пять зданий, закипела работа, и школа блестяще выявила себя в жизни под его руководством в течение многих лет. Рекламы он никогда не делал, ибо у них всегда было переполнено и ломились двери от учеников.

Относительно Корона Мунди Н.К. находит, что главным образом надо теперь напирать на обмен — международный обмен картин, — а не на продажу картин, иначе, он очень остро и умно сказал: “Представьте себе, что у нас 10 [картин] Рембранта и мы их все продали на другой же день. Значит, Хорш заболевает от волнения, что делать в будущем, а Грант просто надо одеть в смиренную рубашку. Нет, Корона Мунди сначала должна войти в жизнь как выставка и обмен произведениями искусства, а потом уже продажа и покупка вещей. Или же, — Н.К. говорит, — что бы мы сделали, если бы теперь пришли 10 000 учеников в школу! Ведь все так мудро, ибо идет медленно, путем нарастания”. Е.И. и Н.К. оба находят, что Хорш должен быть терпеливым и понимать ход вещей, а Грант, хотя и имеет тяжелый характер, но она, безусловно, исправится. Надо Хоршу, да и нам всем, и с ней уметь говорить спокойно, решительно и *не раздражаясь*. Н.К. говорит, что 17 лет с ним сидел в совете школы в России Боткин, его злейший враг, который только и думал ему вредить и хотел спихнуть. И что же! Он благодарен теперь Боткину, за то, что он вынес для жизни благодаря борьбе с ним, и мы можем учиться на этом примере. Е.И. чудно говорила опять о том, что должна быть в жизни борьба, иначе нет роста и эволюции в деле.

Она говорила и опять вспомнила свои видения в школе — направленные на нее лучи, полные синих глаз, позже — золотых рыбок. Потом разные манипуляции, проделанные над ней прямо как лечение организма — вроде массажа, электрических

токов и т.д. Недавно Н.К. слышал Голос, говоривший ему: “Мысли, мысли”. Енточка же видела во сне фразу: “Начнете учить с весны”. Говоря о Енточке, Н.К. сказал, что, бесспорно, у нее развивается громадная сила и странно то, что теперь она как бы является свидетелем дел Школы и нашей жизни. Мы долго у них сидели, до половины первого ночи, и они так показывают свою любовь к нам, что не хотелось и уходить.

Н.К. было сказано М. на прошлой неделе: “Не учи. Дал тебе шестерых учеников, их [надо] учить”. Так что Н.К. преподавать не будет, а уже приглашен Джоунс, который будет вести его класс. Как все мудро!

[17.X.22]

16 окт[ября] получили дивное письмо от миссис Эдни к Н.К. Она ему пишет о послании, которое имела с внутреннего плана. <...>

Вчера вечером, 16-го окт[ября], мы зашли к Хоршам и говорили, конечно, о делах будущего. Мы принесли им дивные свежие хризантемы, и вдруг среди разговора мы услышали шелест и увидели, как посыпались лепестки с одного цветка. Тут я вспомнила, как было Сказано Е.И. недавно (в Монхигане, кажется): “Умей слышать Мой зов и в падении лепестков розы”*. Мы были поражены и перевели Хоршам. У нас было чудное чувство весь вечер. Прекрасные люди.

18.X.22

Провели вечер с Рерихами, которые нас пригласили прийти, ибо Н.К. на следующий день уезжал в Чикаго. Дивно провели вечер в разговорах о будущем. Какие мудрые советы дает Н.К. и как он учит нас, как поступать в жизни и в Школе! Его любимое выражение, когда его спрашивают: “Как мне говорить с этим человеком, он хороший, кажется, человек”, Н.К. всегда отвечает: “Сделайте с ним дружбу”. Или же часто спрашивает: “А что мне сказать г-ну Х.?” — “Выслушайте его, дайте ему говорить, а потом скажите, что дадите ему знать через пару дней”. Даже с врагами Н.К. умеет говорить так, что они его уважают и пишут о нем хорошо в печати, например, случай с Бурлюком, который написал о нем статью здесь, в “Новом Русском Слове”. Он художник-большевик-кубист и неприятная личность. Все чувствуют огромную силу Н.К., силу внутреннюю.

Е.И. читала нам [записи] предыдущих сеансов, где М. говорит о ней: “Торопливость стремительного духа”, что так необыкновенно характеризует ее. И тут она припомнила забавный эпизод, [случившийся] много лет тому назад, где она “поторопилась погибнуть”. Они все ехали за границу во время первой революции в 1907 г. Е.И. спала в поезде на верхней полке, а дети — на нижних. И вот ночью она сквозь сон слышит ужасный треск. До этого же она все время была взволнована, ожидая беспорядков в пути или же неприятностей. Не разобрав со сна, в чем дело, она подумала, что это, наверное, крушение поезда и дети уже погибли, и не задумываясь, бросилась головой вниз. Конечно, ужасно расшиблась и упала в обморок. Кажется, Светик не мог почему-то уснуть и няня разложила на столике все его игрушки, которые из-за толчка поезда упали, что и создало такой шум.

Е.И. дала мне читать книгу Штайнера. Говорит, она ей много дала. Я счастлива, что они так нас любят. Пришла к ним в новом пальто, которое имеет барашковый воротник и рукава. Н.К. говорит: “А на вас что-то новое. Мамочка, иди скорее сюда”. Е.И. пришла и говорит: “Барашек ничего”.

Потом у нас был сеанс. Замечательно, что было Сказано о Енточке: “Поставлю Ояну свидетельницей Моих дел”. Ведь только недавно Н.К. сказал о Енточке:

“Замечательно, что она является свидетельницей всего происходящего, *не принимая* активного участия, но все наблюдая со стороны”. Как он дивно знал и подметил все, что через несколько дней сказал М.

Привожу здесь отрывками замечательное письмо миссис Эдни к Н.К. Он всем нам сообщил его содержание. Она получила послание из внутреннего плана относительно Корона Мунди: “Она [Корона Мунди] имеет первостепенное значение для искусства многих стран. Она может развернуть свою деятельность, но необходимо приложить все распознавание, какое только возможно. Скорость работы может немного замедлиться в некоторых фазах, но поистине она освящена Белой Иерархией. Брат Н. инспирирован на одно из уникальнейших благодеяний, когда-либо совершавшихся на Земле. Он — храбрая душа, и ему понадобится все его мужество и вся помощь его преданной жены и друзей для завершения чудесной работы”.

23.X.22

Вчера вечером была у Е.И. и провела с ней вместе весь вечер от 8 до 12 часов ночи. Имела громадное удовольствие и многому научилась. Мы говорили долго о Грант. Е.И. признаётся с грустью, что у нее больше нет никакой любви к Грант, наоборот, даже неприятное чувство возникает, когда она у нее бывает. Она считает ее неумной, слишком много о себе мнящей, и даже говорит, что она теперь уже не так горит и у нее нет больше любви к делу и преданности, какая замечалась раньше. Мы с Е.И. долго говорили о том, что еще не уяснили себе, в чем, собственно, заключается значение Грант для Школы и ее задачи, как указал М. Мы не понимаем пока ее роли. Единственное, что понятно, она была инструментом для приближения Хоршей. Возможно, ее значение в будущем выяснится и нам будет сказано, или мы сами это увидим. Пока же трудно с ней вместе работать, и она даже тормозит дело.

Говорила Е.И. и о Поруме. Она ее немного огорчила, сказав, что М. для нее существует только в воображении, ибо она не может себе Его представить, а Е.И. она сильно любит, ибо видит и осязает ее. Е.И. же говорит, что она только старается приводить души к М. и является в этом как бы переходной стадией, но желает всей их любви не к себе, а к Нему.

Я сказала Е.И., что, как мне кажется, у Порумы это чисто человеческое чувство, и мне понятно, что она хочет представить Его Лик, ибо вначале мне тоже хотелось представить Его в жизненном теле. [И только] теперь я могу представить себе Его по желанию. Е.И. согласилась со мной, ибо понимает, что она — исключение, ибо видела М. всю жизнь, начиная с раннего детства, и всегда считала Его своим идеалом, даже не зная о Его существовании. Однажды, когда ей было пять лет, она стояла у дерева и видела мужчину в белой русской рубашке, блондина. И вдруг ей отчетливо увиделась высокая фигура брюнета, который и оказался впоследствии М., и она Его всегда видела, в разных случаях своей жизни. Е.И. и теперь, когда она в приподнятом настроении, или же думает о М., или же читает книгу, в которой встречается фразу, напоминающую ей мысль М., сейчас же видит перед собой яркую синюю, вспыхивающую, как молния, звезду.

Е.И. дала мне читать книгу Гартмана “Черная и белая магия”, причем она там подчеркнула массу мест и прочла со мной одно, касающееся алхимика Престеля, который хотел создать жизненный эликсир, но не мог, ибо не имел помощи чистой души женщины. Я дивно провела вечер и счастливая ушла домой.

29.X.22

Вечером в Школе был прием. Поставили пьесу Тагора “Махарани Арагана”. Потом давали пунш и пирожные. Пришло свыше трехсот человек. Было чудно, всем очень понравилось, и был большой успех. Школа блестяще растет, уже больше семидесяти учеников.

Вечером пошли к Рерихам, и у нас был сеанс. М. про прием ничего не говорил, но дал каждому из нас Указания на будущее.

Я счастлива, что Е.И. так любит меня и вообще всех нас.

7.XI.22

Только что была у Е.И. Долго с ней говорила. Им было вчера сказано, что война у них в доме, то есть что враг уже у них и борется с ними. <...> Четыре дня тому назад Е.И. снилось, что ее будит Н.К. и говорит: “Вставай, он уже здесь”. Она проснулась (все во сне), подумала: воришка зашел в квартиру — и пошла на разведку. И вдруг почувствовала, что это враг, который уже в гостиной, в их квартире. В это время она ясно увидела перед собой его голову в профиль, в черной бархатной шапке. Он пристально посмотрел на нее. Тут она почувствовала, как ее тело боится, но дух спокоен, как бы два человека в одном. Ее будили еще два раза в эту ночь и говорили, какое влияние уже имел враг в их жизни.

Замечательно, что вчера вечером я пришла домой одна, Нуця был в кинематографе, и пошла в ванную мыться перед тем, как пойти спать. И почувствовала такой ужас, думая, что вдруг я увижу врага. Мне стоило больших трудов убедить себя, что мне ничего не будет и надо мной Щит М. и Руководителей. Это было около 12-ти часов вечера. <...>

Е.И. много со мной говорила о будущем учении у М. Ей хочется не большего развития слуха или зрения, а учения — порыва, высшего устремления, знания высших миров, мирового плана. Этому Сам М. обещал их учить. Е.И. думала: кто из мифологии или истории ее больше привлекает как мировая душа? И решила, что не Будда, который спокоен в экстазе любви и созерцания, а Прометей как душа в порыве стремления, посягающая на новые небеса, желая узнать, что за ними. Много говорила Е.И. о том, как М. дает им возможность изучить лики видных фигур в теософии, чтобы после не разочаровались. О Безант Рерихи много знают, Вадью встречали в Лондоне и были разочарованы. Письма Кришнамурти читали и выяснили его личность. В Адьяре им было Сказано: молчать, слушать, но не унижать Его Руководства, то есть не делаться учениками Безант.

Н.К. пришел позже, когда я уже собиралась уходить. Он только что говорил с Хоршем и сказал ему когда они уедут и нас останется шестеро, *ни под каким видом не принимать никого в наш Круг, даже брата Н.К., который будет нам полезен в делах.* <...>

16.XI.22

Я была у Е.И. и сидела у ней с 8 до 12-ти ночи. Н.К. уехал в Чикаго, так что мы были одни и беседовали по душам. Пару дней тому назад у нее ночью было поразительное переживание. Она проснулась часа в три, увидела ослепительный свет, в голове с безумной быстротой вертелись какие-то круги, и чувствовала огромную тяжесть, которую как бы катали по ее телу. Она говорит, что испытывала ужасное чувство страха за свое тело. После этого была очень разбита.

На другой день пришла мадемуазель Манциарли и рассказала ей очень грустную историю своей жизни. Она обрисовала свою мать в совершенно другом свете, чем Е.И. о ней думала, то есть женщиной, которая забросила детей и жила

только для блага других, заставляя этим жестоко страдать своих детей. Этот рассказ очень повлиял на Е.И. Она мне сказала, что поняла: и она не должна настолько углубляться в себя и свой мир, чтобы забыть своих сыновей, и как она была близка к этому. Е.И. признаёт единственным истинным путем достижения путь Бхакти*, то есть [путь] любви. Ее жизнь — это безмерная любовь к М. и преданность Ему.

Между прочим, мы вообще говорили об отдельных жизнях. Е.И. рассказала, что ее жизнь с детства была жизнью “в золотой клетке” и ей всегда было очень тяжело. Выйдя замуж, она вся отдалась семье, не имея времени для себя лично, и только когда Н.К. был занят или уходил на заседания, она могла спокойно читать и думать одна.

18.XI.22

Хорши, Ента, Нуця и я были сегодня у Рерихов. Н.К. только что приехал из Чикаго. Нам было всем велено сесть за стол в темноте. Потом, когда мы сидели, было сказано по азбуке: “Срок света — 9”. Было много раз простукано “9”. Мы пришли к Рерихам до прихода Хоршей, и они нам очень много рассказали, главным образом Н.К., который только приехал из Чикаго, где с громадным успехом прошла “Снегурочка” с его декорациями и костюмами. Там его чудно принимали, он познакомился с многими влиятельными и полезными для будущего людьми. С одной очень интересной дамой он имел очень интересный разговор. Она очень богата и дает много денег на устройство какого-то китайского клуба. Н.К. ее и спросил: “Вот вы всегда даете, а, собственно, что вы получаете в обмен? Удовлетворяете ли вы ваши духовные потребности тем, что даете, ибо ведь всякий дающий получает кое-что взамен?” Потом Н.К. сказал другой даме, что человек, который духовно растет, как бы образует над собой облако, которое его защищает, но стоит ему духовно пойти назад, как это облако на него же обрушивается. Одна дама устроила для него обед и просила позволения пригласить молодежь, ибо сказала, что через 15 лет они все вспомнят и будут думать о том, что о им поведал Н.К. на этом обеде. Одна дама, придя к Н.К., стала перед ним на колени и сказала, что она первый раз в своей жизни видит пророка и поэтому стала перед ним на колени. Вообще к нему стучалось много людей и говорили: “Духовная потребность в вас, профессор Рерих”.

Потом он был у миссис Дьюби, относительно гороскопов, и она ему сказала, что раньше 15-го ноября будущего года они не должны выезжать из Европы в Индию, ибо Е.И. грозит смертельная опасность. А для Ю.Н. было сказано, чтоб “он любил больше”. А [для] С.Н. — чтоб “не сорил так много деньгами”. Она также сказала, что семь лет тому назад окончилась одна жизнь Рерихов и началась другая, которая и ведет их куда нужно, а прежнее все было сметено.

Н.К. также дал имена Хоршей и спросил их гороскоп. Миссис Дьюби сказала, что у Луиса что-то неладное с мозгом (у него ведь вырезана часть кости), потом, что он сильный человек и для него наступает очень важный срок через девять лет, и он должен понимать: от него зависит или пойти наверх, или опуститься вниз. В его гороскопе наблюдается тот же знак, что и у Н.К. и Е.И. Было также сказано, что миссис Хорш когда-то страдала легкими (что правда — у нее два раза было воспаление легких и астма, но все прошло).

Потом нам всем было велено вечером сесть, и объединяли наши ауры, причем были сильные вибрации в столе и замечалось много силы. <...>

19.XI.22

Вчера мы все были на концерте Зилоти днем, сидели рядом с Рерихами. Он очень неважно играл, было грустно и чувствовалось, что он сошел со сцены. Программа была неважная, на бис он играл глупые вещи, и Н.К. увидел в этом опять то же знаменательное явление, что и на Муромцевых, Заке, Саминском, то есть ему был подан Голос, Рука помощи, а он ее отклонил. В прошлом году мы просили Зилоти играть для Школы, он вначале согласился, но потом отклонил, сказав, что его импресарио не позволяет. И вот результаты: играл он плохо, на бис играл глупости и идет на нет.

После концерта мы с Рерихами пошли пить чай. Н.К. между прочим рассказал, как в Лондоне за ними усиленно ухаживали иезуиты. У них была знакомая русская дама, которая перешла в католичество. И вот ей было велено иезуитами самой участия у Рерихов на спиритических сеансах не принимать, так как она это раньше делала, но все у них узнавать и потом говорить им, то есть иезуитам. Им очень хотелось переманить Рерихов на свою сторону. Большие прелюдии делались Рерихам со стороны миссис Тингли, их приглашали перейти в ее лагерь, угрожали многим, если они этого не сделают. Мы долго беседовали. Е.И. говорила об относительности правды в человеческих пределах, а Н.К. ей возражал, говоря, что правда безгранична, как создание Творца. Сегодняшняя правда является следствием будущей правды завтрашнего дня, и так бесконечно. Но Е.И. говорит, что люди этого не поймут, им легче все понять в пределах, но не безгранично.

[21.XI.22]

Вчера, 20-го ноября, было интересное событие в Школе — пришел Скидельский, бывший богатейший человек в Европе, и просил от Корона Мунди тысячу триста долларов под заклад двух картин Рериха, которые он у него купил в Лондоне. Тогда, когда он их покупал, он сделал очень унижительные условия для Н.К. с подписью бумаги, формальностями и т.д., воспользовавшись тем, что Н.К. тогда были нужны деньги, а теперь он обнищал и просит под залог картин на три месяца ту же сумму, что когда-то заплатил. Н.К. думает, что картины останутся в Корона Мунди.

После того как мы расстались вечером, Рерихи пошли слушать Вадью, читавшего лекцию. Вадья, [как] известно, отделился от миссис Безант после двенадцатилетней деятельности с ней вместе и в результате открыл здесь The United Lodge of Theosophists [Объединенная ложа теософов]. Его поддерживают богатые дамы, и он, видимо, сильный человек. За пару дней до этой лекции у Е.И. было видение — мужчина в желтом кафтане с блестящими пуговицами и черной бородой, лица не разглядела. На его груди она видела сердце, пронзенное стрелой. Придя на лекцию Вадьи, она увидела, что он был одет *буквально в этом самом одеянии*, и она его узнала. Потом он начал читать, читал прекрасно, о Мастерах, научно, сильно. В самом начале он возбудил в Елене Ивановне чувство непонятной для нее неприязни. Когда Вадья окончил, она почувствовала к нему даже благоволение, тем более что он упорно смотрел на них и обращался к ним. Вдруг после лекции Вадья предложил публике задать ему вопросы. Поднимается один господин и спрашивает: “Что значит розенкрейцер?” Е.И. в это время при этом имени почувствовала опасность. Вадья объяснил, что розенкрейцеры были ученые, крупные люди, а также *маги*.

Рерихи ушли с лекции, а на другой день им было сказано: “Бойтесь посланца с пуговицами”. Так что они будут избегать всяких сношений с ним. Е.И. чувствует, что Вадья теперь на нее странно влияет, она чувствует его чары, фигура его стоит перед ее глазами, и ей это очень неприятно. Рерихам было сказано, что Вадья был священным советником фараона, когда Е.И. была жрицей в храме Нефрит, в Египте,

и, боясь ее ясновидения, он ей послал яду. Также, что он узнал ее и чтобы она береглась его.

23.XI.22

В Школе был Нудияр, индус-композитор, который уже заходил раньше и хотел прочесть лекцию. Он пришел узнать результат: будет читать или нет. Вдруг он заметил Н.К. и сказал, что ему нужно с ним поговорить. Н.К. согласился, и тот ему сказал, что Вадья был очень доволен видеть его на [своей] лекции и что “они” имеют общие идеи; они ушли из теософской ложи, потому что там больше не придерживаются мыслей Блаватской, и желали бы соединиться с Н.К. и Школой и вообще работать вместе. Недаром было Сказано, что посланцы уже у нас, а вчера вечером после сеанса у Рерихов нам было Сказано, что “они ночуют у дверей”. Теперь Вадья и его клика следят за Н.К. и за нашей Школой.

Вчера вечером мы были у Рерихов. Е.И. много с нами беседовала, ибо Н.К. был вначале занят разговором с людьми, пришедшими к нему по поводу издательства. Мне и Нуце она много говорила об осторожности теперь с Вадьей. Раз и она, и Н.К. им увлеклись, хотели послать ему брошюру Корона Мунди и работать вместе и только позже осознали его опасность, то как мы должны быть осторожны. В особенности она боится за Хорша, ибо он человек увлекающийся, хотя и сильный. И опасно, если он увлечется Вадьей. Потом Е.И. прочла мне и Нуце выдержку из книги Джаджа о гневе и зависти, что полно глубокого значения для астрального тела человека.

Потом зашел Н.К., пришла Ояна, и мы сели для Беседы. У нас был дивный сеанс, полный предупреждения о врагах. Был задан вопрос о сне Ояны (она видела руку, ей казалось, Н.К., и потом видела синюю ауру этой руки, потом руку убрали, а аура осталась.) М. подтвердил, что это рука Н.К.

После сеанса много говорили о Школе, Е.И. сказала, что им через 6 месяцев Указано уехать. Рерихам было Сказано, что на последнем общем сеансе у Хоршей, когда Ояна видела мужскую голову с золотой бородой и женскую громадную фигуру и громадный глаз, что голова была Платона, фигура — Сестры Ориолы, а глаз — Е.И. и Н.К. (третий глаз). Н.К. рассказал, что два очень богатых человека, которые гадко отнеслись к нему в Лондоне, когда он нуждался, теперь совершенно разорились. Поразительно, как мы наблюдаем это на всех, кто когда-либо плохо отнесся к Рерихам или пакостил им. Нуця вчера узнал, что древнееврейская фраза, которую Ояна записала автоматически, означает “Успех вечера только в спокойствии. С вами (Школа и Корона Мунди — знак*)”.

Еще летом Нуця был назван *Авирахом*, и вот что было недавно. Нуця получил письмо от своей бабушки, где она ему желает быть *Иосифом*. В воскресенье Нуця был в магазине, где продаются древнееврейские книги, и там спросил одного ученого еврея значение этого слова, и тот ему сказал, что это прозвище давалось молодому человеку в древности, когда ему поручали большой пост! Причем он пояснил, что *это имя было дано Иосифу фараоном*. Прямо изумительно, как сплетаются нити сказки нашей жизни. Е.И. рассказала, как они проследили, что каждые 7 лет М. играет великую роль в ее жизни. Им было вчера открыто очень многое на сеансе, но не позволено говорить. То, что Нуця так часто повторял, что М. — будущий Мессия, который скоро опять придет на Землю, Е.И. почти подтвердила, хотя сказала, что не имеет права все объяснить.

Какое дивное чувство провести вечер с Рерихами — очищаешься и успокаиваешься. Е.И. говорит, что Н.К. теперь про меня так говорит: “А Иероваам вот что выдумал”. Или же: “А вот какие новые затеи у Иероваама”. На днях в

Школе он очень смешно выразился. Н.К. хотел, чтобы я присутствовала при разговоре Скидельского и Хорша. Я ему отвечаю: “Знаете, Н.К., мне неловко, он ведь мужчина, пусть лучше мой муж присутствует”. Н.К. рассмеялся и говорит: “Иероваам испугался мужчины”. Сколько в нем мудрости, спокойствия и такого жизненного, человеческого юмора, умения подметить смешную черту в людях, передразнить жесты, разговор. На днях он чудесно передразнил миссис Карпентер.

Очень Е.И. огорчается из-за Светика, тот теперь под влиянием Дукельского, очень неприятного молодого человека, и Е.И. говорит, что “война у нее в доме”. Но она, конечно, победит и, когда они увезут его с собой, он освободится от всех влияний, ибо сердце у него прекрасное и громадный талант ко всему. А пока он молод, слаб, быстро увлекается, а Е.И. из-за этого, конечно, очень страдает.

Грустно думать, что у нас [остались] считанные месяцы до отъезда Рерихов и как мы тут одни останемся, как у нас все пойдет и вообще как мы увидимся через 9 лет в 1931-ом году в России? Вообще что случится за этот период, каковы мы будем, как[ов] будет наш духовный рост и что будет за этот срок в Европе, здесь, [в] России? Все полно значения для нас, и нам многое придется пережить — и тяжелое, и отрадное. Но все впереди, и мы должны быть достойными великой миссии, выпавшей на нашу долю, и продолжать всеми силами то, что так дивно начато Рерихами.

24.XI.22

Сегодня в Школе прошло собрание с адвокатом, и было обсуждено и выполнено для Школы и Корона Мунди все касающееся акций и других формальностей. До собрания я и Грант имели очень неприятный спор, касающийся учителя по скрипке и <...> затерявшегося письма. Я сказала, что каждый из нас, директоров, должен иметь личные папки для нашей корреспонденции, посылаемой для нас в Школу. Грант была очень против этого. Много неприятного было сказано, но в результате мы расстались с хорошим чувством друг к другу.

После собрания я поехала к Е.И. и Н.К. пить у них чай. Я рассказала о нашей ссоре. Н.К. сказал: этого вопроса на собрании не поднимать, а мне с Грант еще раз поговорить наедине и выяснить. <...> Н.К. согласен со мной, но Грант этим заведовать не нужно, ибо у нее и так довольно дел. Что касается школьных папок, то там теперь порядочный беспорядок, и Н.К. говорит, когда придет его брат* — назначить его библиотекарем и, когда придется приводить в порядок архивы, дать все ему, и он уже разберется и все приведет на должное место, ибо он аккуратный человек. Вообще Н.К. советует все вопросы решать с Грант до собраний, с ней многое обсуждать и готовить почву, и на собрании всё, так сказать, оформлять в полном согласии, а не испытывать неприятное чувство при обсуждении разных вопросов. У Н.К. было так в школе: в комитете всегда ссорились, и все несли свои огорчения и обиды на заседания, и бывали неприятности. А в педагогическом совете было все “одобрено”, ибо почва к этому была подготовлена Н.К. со всеми членами задолго до заседания, а их было шестьдесят человек! Тому он говорил о важности какой-нибудь меры, тому о его выгоде, тому о пользе дела и всё дипломатически устраивал. Какой мудрый и практичный ум! Также мне посоветовал, если я с ней имею столкновение, *шесть раз глубоко вздохнуть и ей и мне*, сказав ей, что это важное *йогическое* средство. С Хоршами быть осторожными. Он теперь нервный, и с ним нельзя говорить о Грант или же, Боже упаси, о бездеятельности. Он должен понять громадную деятельность и работу в спокойствии, а не лихорадочной скорости, как в Уолл-стрит* или у него в офисе.

Н.К. сказал, что <...> у нас в офисе Школы может быть спокойная атмосфера при большой деятельности.

Хоршу было сказано за эти шесть месяцев, пока Рерихи здесь еще остаются, “подняться полётом” — то есть быстро расти духовно. Е.И. и Н.К. против боязни Хоршей за все касающееся теософии, если это [находится] в Школе, то есть памфлеты, брошюры, материалы. Мы не должны скрывать, что мы теософы, но Школу мы не собираемся выставлять теософским учреждением*.

Н.К. очень много говорил, чтоб Нуця устраивал беседы с учениками о значении новой гаммы в музыке, *нот Природы, лечения музыкой*, связи музыки с другими искусствами. Таких несколько бесед с группой учеников, человек пятнадцать, не больше, *не для публики*, а для сплочения и развития учащихся. Бесед пять в году. Мне же устраивать лекции-беседы с группами учеников о преподавании. Также устраивать беседы с детьми. Н.К. и Е.И. очень стоят за соединение учащихся с нами именно в таких небольших группах для бесед, обсуждений. У него в школе в России это часто устраивалось.

Е.И. и Н.К. было Сказано, что враг перенес центр деятельности в Нью-Йорк, и тут уже работают, то есть Вадья и другие. <...>

1.XII.22

Имела длинный разговор в Школе с Н.К. Он опять напомнил о Сказанном: “Сумейте пережить декабрь и январь”. Н.К. говорит, что это относится к здоровью и к соотношению личному в жизни каждого из нас.

Первая неприятная весть уже была в виде письма от брата Н.К. и его жены, требующих еще деньги, тогда как им уже было послано. Его просят приехать немедленно, а он собирается еще четыре месяца сидеть там.

Также два дня подряд Е.И. себя чувствует очень плохо и страдает головной болью, причем у меня то же самое, то есть сильная головная боль. Кроме того, три дня тому назад целый день я чувствовала ужасное беспокойство и вообще лихорадочное состояние. Все это объясняется объединенным сознанием, ибо и у Рерихов то же самое. Е.И. на днях в разговоре с Н.К. выразила желание уехать на неделю куда-то, и у меня пару дней была мысль о том, как бы хорошо было уехать теперь хотя бы на пару дней. Н.К. советует эти два месяца вообще быть очень осторожными, избегать встреч с новыми людьми, а уж если избежать нельзя, то быть осторожными в разговоре. Вообще, как он сказал, “даже сквозняков бояться”. Темные силы перенесли ход своей работы в Нью-Йорк теперь, и мы должны ожидать от них выступления и нападения. Также Н.К. сказал, что теперь в Европе [пришли] *последние сроки* приобретать произведения искусства, ибо кто знает, не запретят ли разные государства продажу и вывоз этих вещей из страны.

2.XII.22

Только что вернулись от Хоршей, где собрались, как всегда, по субботам, чтобы писать автоматически; после того как все писали, мы сели за стол в темноте. Во время сеанса было Сказано по азбуке: “Полное согласие теперь. Согласие в первый раз”.

Н.К. получил из Лондона буклет Общества Соединенных Искусств. Их знак — опрокинутый черный треугольник с белыми клетками. Идеи — Кор Арденс и Корона Мунди, но взятые с противоположной стороны, чем наши. Всё — работа черных.

У Е.И. на днях, в среду, случилось следующее происшествие. У нее были сняты с шеи золотая цепь и медальон с портретом М., с которым она никогда не расстанется, и было это сделано врагом, как потом пояснил М. Случилось это днем при полном свете. Но мы все под защитой и должны спокойно пережить декабрь и январь. <...>

8.XII.22

Были вечером у Рерихов. Что за дивные люди! Какой у нас мир на душе, когда сидишь и беседуешь с ними. Е.И. себя плохо чувствует. Ночью два дня тому назад ей было нехорошо — тошнота, удушье, а потом она видела следующее: как всегда, вначале заветный венец из Рук Мастера, потом она видела только Его Глаза, но в тумане, а затем поплыли грязновато-красные и серые неприятные облака перед ней и все закрыли. И на фоне этих облаков была видна открытка, и на ней было что-то написано острыми, точно стрелами, готическими буквами. Конечно, это было от врага, который проник в их дом и посланцы которого: Дукельский, Данилов, Радьяр — проникают через Святослава и все время сидят в их доме. Имеют очень плохое влияние на Святослава, Е.И. прямо больна от их присутствия, до того на нее действует их аура. Но это всё наш общий враг на нас действует. Позавчера Е.И., подойдя к окну в спальне, чтоб закрыть его, чуть не выпала из окна, а это на седьмом этаже, и счастье, что внизу на полу у нее стоит маленький чемоданчик с книгами Мастера, за который она зацепилась и который ее спас. Конечно, это тоже было подстроено врагом, ибо каждый день она закрывает это окно, и оно чуть [при]открыто, а тут оказалось открытым доверху, *не ею*, и, не зная этого, она с размаху нагнулась и была задержана чемоданчиком.

У нас был сеанс, а после было Велено сидеть в темноте. У всех нас было дивное чувство, как всегда, когда мы сидим вместе за столом. Е.И. так меня целовала, что все мое существо радовалось, и всё говорила, что мы так мало видимся и что нам надо непременно видаться с ними отдельно от всех раз в неделю, ибо они уже так скоро уезжают, что прямо страшно думать, как время мчится, и мы останемся без их дивного присутствия. Самый огромный дар, данный нам М., — это дружба Рерихов!

Между прочим, когда мы там сидели, пришел Данилов, и Е.И. говорит, что это поразительно, что,

**Учитель Мориа.
Портрет работы Г.Шмихена.
(Написан при участии Е.П.Блаватской)**

когда он ни приходит, всегда оставляет за собой входную дверь открытой, как бы *символически* открывая дорогу за собой врагу. Вчера было то же самое —

открытая дверь. Грустно, что все эти темные так плохо влияют на Святос[лава]. М. сказал: “Пусть примет опыт на жизни”.

9.XII.22

Сегодня была приглашена к Рерихам на завтрак и провела там время до 4.30 дня. Н.К. писал картину, когда я пришла, “Старый Псков”. Дивные тона, и она прямо оживала, когда на нее смотрели. Е.И. много говорила о М., как они все спрашивали, когда Он еще приходил под именем Гулаб-Лалл-Синг: “Или это М.К.Х.?”, и им всегда отвечали: “Тулаб-Лалл-Синг — Кут Хуми”. А потом, когда был Аллал-Минг, то они тоже спрашивали: “Не М.К.Х. ли это”, а им перечисляли все имена, желая их самих привести к осознанию.

Потом, когда Е.И. описывала одной теософке Лик, который она всегда видит, назвала его М.К.Х., ибо думала, что это Он, а та дама ей говорит, к ее конфузу (как она мило выразилась): “Да ведь это М.М., ибо у М.К.Х. синие глаза и [Он] блондин”.

Е.И. говорила мне, какая большая, великая миссия у нас будет в России по отношению к евреям и как нам надо готовиться к ней уже здесь. Е.И. очень рада перемене в жизни [моей] мамы и говорила, что и она нам много поможет, принимая во внимание будущее и нашу миссию. Е.И. говорит, что я на маме могу проследить значение [наставления] “Уча учись сама”, то есть и по отношению к другим людям, как их пробуждать и подходить к ним, если они, конечно, нас не отталкивают, как, например, Хиллер, ибо в последнем случае [нужно] уходить от них.

Е.И. рассказывала про Блаватскую и ее книгу “Из [пещер и] дебрей Индостана”, из которой рассказала мне интересный эпизод ее встречи и путешествия с М.М., который был под именем Гулаб-Лалл-Синга. Она опять сказала, что Блаватская, кроме Джаджа, не была никем понята, даже Олькоттом, и, в сущности, она боролась в одиночестве.

Н.К. за завтраком говорил о Корона Мунди, что мы еще не понимаем огромности ее и всей работы и надо идти медленно. Например, в Нью-Йорке никогда в аукционе не участвовать, а вне Нью-Йорка, здесь же осторожно вести продажу и покупку картин более частным образом — из рук в руки. Потом запоминать на будущее факты: например, костюмы Бакста продавались по 700 долларов в каталоге, старые китайские костюмы — 3000 долларов, а картины Судейкина, Бурлюка по 100 долларов, объявлены по ценам Наумбурга. Эти факты держать у нас в архиве. Также нам надо знать о всех текущих выставках здесь и в других больших городах и иметь по этому поводу сношения с музеями.

Я дивно провела время, слыша чудный мягкий серебряный тембр голоса Е.И. и глядя на спокойное лицо Н.К. и слыша его мудрую речь. Незабвенные часы! Как скоро наши светлые учителя нас оставят!

Были вечером у Хоршей, чтобы писать автоматически, как это делаем каждую субботу. Было у всех дивное чувство, полная гармония. После того как все писали, мы сидели в темноте и нам были сказаны, как и раньше, дивные слова М., подтверждающие Его приход как Мессии. Е.И. нам уже до сеанса открыла, что М. сказал им — *Он есть Мессия*, идущий теперь на Землю. Нуця с прошлого года это чувствовал и говорил об этом, и мы очень счастливы, что его чувство было правильно и что это было подтверждено М. Было также показано физическое явление с утяжелением стола, что поразило Хоршей и Грант.

Е.И. рассказала странный сон, снившийся ей [в] эту ночь. Ей снилось, будто она должна как феодалка Ядвига выйти замуж за кого-то. И вот ей пора одеваться, приготовили платье и корону, как будто из оленьих рогов, и вот она должна пойти к

своей будущей свекрови, которая принимает каких-то послов, чтобы научиться самой приемам для будущего. Проходя через залу, она вдруг видит лицо своего будущего свекра. Она узнаёт своего врага. Лицо очень тонкое, глаза темно-синие, волосы шатеновые, пробор сбоку, и вид весь очень утонченный. Она слышит, как о нем говорят, что он ужасной жизни человек и что его сын будет таким же. И вот она во сне решает, уж лучше ей за него не выходить замуж, а просто исчезнуть. Это она и делает. С этим она проснулась.

Замечательно, что и Енточке снился почти тот же лик врага и также корона, которая из большой сплюсцилась в малую.

Ушли от Хоршей домой со светлым чувством.

14.XII.22

Были у Рерихов вечером и обсуждали многое относительно Школы, говорили о Грант. Е.И. говорит, что она спящая душа, я говорила о ее халатности к делу. А потом у нас был сеанс, и мы сидели после в темноте, и было сказано по азбуке о том, чтобы “собрать явления доброжелательства”, это нужно. Е.И. потом пояснила: она думает, что это относится к нам всем, чтобы быть осторожными в эти два месяца, не раздражаться против Грант, не говорить с Хоршем о Грант и вообще улаживать все происходящее спокойно, ибо враг бодрствует. Также положение звезд теперь, как нам было Указано, хорошо для его действия и враждебно для нас, и поэтому мы должны не действовать теперь, а только обратить внимание на детей.

После сеанса пили чай, и Н.К. между прочим рассказал о деятельности искусственной и настоящей. Он говорит, что была школа в Петрограде, которая соперничала с его школой, на которую жертвовались миллионы и которая имела очень мало учеников. И вот директор той школы пригласил Н.К. посмотреть школу. Он приехал, и для него все устроили. Все было в полном ходу, машины стучали, станки работали, и его хотели, видимо, поразить. Перед уходом он пригласил директора в свою школу. И вот через короткое время тот ему дал знать, что он придет осмотреть школу. Н.К. собрал своих инспекторов и сказал им, чтобы они “постарались”. И вот в печатной, хоть и не было нужно, но все-таки пустили все машины, в мастерской, где делали посуду, начали топить все печи. Через этого директора начали таскать тяжелые тюки, кричали — посторонитесь. А к концу одна учительница придумала очень нелегкую, но эффектную вещь — начала переводить из одного класса в другой учеников, а [их] в это время там было около 1000 человек. Картина получилась очень ошеломляющая и поразительно деятельная. И тот директор уехал пораженным.

У нас же в Школе, Н.К. говорит, Грант — душа честная. Если есть работа — она работает, если нет, то сидит и при Хорше, и при нас и ничего не делает.

Н.К. предложил, чтобы Корона Мунди выдавала как премии талантливым ученикам Института разные произведения искусства, [такие] как картины, гравюры, скульптуру, но не книги, а главным образом *не деньги* и не медали, ибо он очень против последних. Благодаря таким призам дети станут коллекционерами с раннего возраста.

Ушли от Рерихов с дивным чувством покоя, и трудно подумать, какими мы их увидим через девять лет, какими мы будем, и не верится, что через четыре месяца они уже уедут.

16.XII.22

Была днем у Рерихов, сидела для портрета С.Н. Потом с Е.И. и Нетти поехала в Школу на концерт. Там было очень мило — девяносто пять человек, — и мы получили, благодаря концерту, трех новых учеников. Е.И. говорит, что только простая бедная публика нам нужна, ибо из них мы будем иметь истинных воинов для будущего и опору для нашего дела, а не богачи в бриллиантах. Потом мы все пошли к Хоршам, и у нас был дивный сеанс.

Н.К. нарисовал знак чаши, змеи и перстня в круге — удивительно красивый рисунок и полный значения, ибо нам Велено сделать из него кольца для нас всех, восьми человек, и заказать сто семнадцать оттисков на пергаменте с этим знаком и раздать его указанным людям, причем эти бумаги Велено хранить Поруме. Этот знак для того, чтобы узнавать по нему и ответному знаку других членов в других выбранных М. странах. После того как все писали, мы сидели в темноте и стол очень быстро кружился.

Когда нам было Велено перестать, мы зажгли свет и увидели очень замечательное явление: стол, за которым мы сидели, стоял наполовину на ковре, и он не зацеплялся, когда с такой быстротой кружился, а шел плавно. Когда же мы пробовали его сами крутить, стол [упирался] и *не мог ни за что* кружиться, ибо ковер все время мешал.

18.XII.22

Были вечером у Рерихов. Пришли к ним: у Свят[ослава] Ник[олаевича] в столовой сидели Дукельский и Небольсин, что нам всем было очень неприятно.

Вначале Е.И. говорила, что у каждого в будущем будет свое назначение, ибо будет так много деятельности, что никто не будет центральной фигурой, а всякий будет исполнять свое дело. Немного погодя мы стали за столик в спальне у Е.И. И тут все испытывали какое-то чувство неудобства, чего обыкновенно никогда не бывает. Мы это объяснили присутствием слуг или, вернее, посланцев врага в соседней комнате. Во время сеанса Нуце вдруг стало нехорошо до обморока, так что он чуть не упал и должен был уйти от столика и сесть. В это время как раз было велено прекратить сеанс. Е.И. дала Нуце воды, одеколону, на него было страшно посмотреть, до того он побелел. Но скоро ему стало лучше. Н.К. же говорит, что он тоже чувствовал какой-то гнет и давление в плечах. Потом мы все сели в темноте за столик, ибо [так] было Велено. И вдруг Е.И. сказала, что она потеряла сознание связи с нами всеми, то есть между нами как будто выросла стена и она никого из нас не ощущает возле себя. Енточка же сказала, что она видит на Е.И. Щит, покрывающий ее всю до рук. Во время сидения среди прочего нам было Сказано: “Надо очень слушаться Учителя. Новый натиск готов”. После этого нам было Велено перестать. У всех было взволнованное состояние. Мы пошли все в столовую, “посланцы” в это время уже ушли, и продолжали все время говорить о случившемся. Е.И. опять говорила о том, как ее волнует поведение Св[ятослава] Н[иколаевича] и его дружба с этими противными Даниловыми, Дукельскими и т.д. Совсем перед нашим уходом мы заговорили о музыке.

Е.И. говорит, что она очень любит сочетание нот ля и си на рояле, причем она просила Нуцю их взять. Нуця сел у рояля и взял эти две ноты. Потом он взял *сам* аккорд до#, фа, ля, си. Е.И. говорит: “Я вам покажу еще, как красиво звучат наши четыре ноты, то есть моя, мужа, Светика и Юрия”. Подошла и взяла до#, фа, ля, си. Я же сидела у стола и говорю: “Но ведь Морис Моисеевич только что взял этот аккорд”. Тут Нуця говорит: “Этот аккорд основан на гамме до#, ре#, фа, соль, ля, си, на которой я пишу и которую я изобрел”. Таким образом он наткнулся на те ноты, которые составляют четыре ноты Рерихов: си — нота Е.И., ля — Н.К., фа — С.Н.,

до# — Ю.Н. Мы были поражены этим случаем, ибо ни Нуця не знал ноты Рерихов, ни они — его гамму.

Пришли мы домой к часу ночи, сейчас же легли, и мне приснился следующий сон. Будто я и Нуця у Рерихов. Е.И. нам говорит, чтобы мы остались у нее ночевать, и заводит нас в комнату рядом с их спальней. Я, зайдя в ту комнату, открываю дверь ее настезь, но Е.И. мне кричит: “Не открывайте так широко, только приоткройте, ибо вам надо следить за пришествием злой силы. И помните тридцать священных страниц”. Мы легли спать, и у меня было чувство, что Нуце грозит какая-то опасность и мне надо его охранить. <...> И в это же время почувствовала напор на меня какой-то силы, которая выразилась в ужасных вибрациях в центре солнечного сплетения. Зная, что это враждебная сила, я не испугалась, но поняла, что мое спасение — это призыв Мастера, и я начала непрерывно повторять Его Имя — Мастер М. На время все прекратилось. Потом буквально повторилось в том же порядке — напор злой силы, вибрации у меня в центре солнечного сплетения, и я опять начала призывать Имя М. И с этим Именем проснулась. Проснувшись, я подумала, что и мне не удалось избежать атаки. Но я себя почувствовала очень больной: страшно ломила и болела грудь, недостаток дыхания и тупая боль в центре солнечного сплетения. Должна добавить, что весь наш сеанс в этот вечер состоял в прямом обращении к врагу.

21.XII.22

Были вечером у Рерихов. Как всегда, дивно провели время. Е.И. рассказала курьезный сон*, приснившийся ей накануне. Будто она живет в старом замке со своей матерью и знает, что ее должны сегодня казнить. Е.И. относится к этому очень спокойно, но только ей неприятно, что у нее очень тесное платье. Она входит в большую залу и подходит к столу, украшенному и уставленному всевозможными блюдами. Причем она думает: когда ее казнят — до обеда или после? В это время появляется мать и хладнокровно говорит, что она должна переодеть платье до казни, ибо иначе будет неудобно, когда ей будут снимать голову. Как раз в этот момент она поворачивается и видит короля — *своего врага*. Необыкновенно одетый, немного только светлее волосы, удлиненная борода, очень утонченный вид, он, прищурившись, насмешливо на нее смотрит. Тут она подходит к нему и, якобы продолжая давно начатый спор, опять начинает убеждать его в чем-то, чувствуя в душе, что это для его же блага и что он должен же наконец переменить свое мнение. Но он ей говорит: “Довольно, довольно”, и она идет через всю залу к себе переодеться для казни. И когда она проходит, мимо нее слуги проносят блюда для обеда и так небрежно ее толкают по дороге, что ей на платье падают жирные макароны. М. пояснил сон, сказав, что мать Е.И. была близка к врагу, ибо когда [бы] Е.И. он ни снился, всегда при этом бывает ее мать. Е.И. опять вспомнила, как первый раз он ей приснился в Петрограде двенадцать лет тому назад, будто она живет в старинном замке и заходит в свою комнату, чтобы лечь спать в кровать с балдахином. И когда она ложится, то видит, как большие часы, стоящие перед ней, открываются и образуют потайную дверь, и из нее выходит рыцарь, весь вооруженный, и произносит свое полное имя*. Второе событие — это в прошлом году зимой, когда Н.К. был в Чикаго и ей позвонили Муромцевы, сказав, что у них появился новый руководитель, и назвали его полное имя, и что он велел, чтобы “Елена пришла и что ее счастье с ним”. Она тогда не пришла, а когда Н.К. приехал, им сказал М., что враг может приблизиться только через Муромцевых, ибо сила Н.К. его не допускает. В этот же вечер Е.И. рассказала, что у них был накануне сеанс и им было Сказано, как они поедут посольством к Далай-ламе и “у нашего посла

знак Малой Медведицы на щеке”. Вначале Е.И. не поняла, в чем дело, но потом посмотрела на щеку Н.К. и увидела, что у него бородавки образуют в точности это созвездие. Также было им сказано, что Рука М. опустится на их плечи, когда посольство будет у Далай-ламы, и Щит засверкает над ними. У нас был дивный в этот вечер сеанс, потом сидели в темноте, у всех было чудное чувство. <...>

28.XII.22

Мы были втроем у Рерихов. Е.И. и Н.К. теперь очень грустны из-за С.Н., который попал в неприятную историю, подстроенную Дукельским. История разоблачена, Дукельскому отказано от дома, и выяснилось также, какие неприятные особы Болым и ее подруга Пеж. Теперь Е.И. удалила всех этих типов от Светика, но ей очень грустно из-за всего происшедшего и хочется, чтобы и Св[ятослав] все понял и раскусил их всех. Конечно, у них дома теперь очень грустно, ибо Св[ятослав] ходит подавленный и они его не хотят оставлять одного. <...> Скоро придет январь, и нам всем Сказано, что будут большие осложнения.

Немного погодя мы сели за столик, был дивный сеанс, был назван руководитель мамы и было велено ее этим порадовать. Потом мы сидели в темноте, у всех было дивное чувство покоя и радости. Енточка видела за спиной Е.И. Сестру Ориолу, а я видела на голове Н.К. шлем, окутывающий и совершенно закрывающий его голову. Все это было подтверждено столиком.

Потом мы пили чай, и Е.И. рассказала, как она огорчена, что со времени [натиска] врага, когда она видит Руки М. в венце, окружающем ее, после моментально появляется красновато-лиловый свет, и на днях даже в нем появилась фигура врага, который на нее бросал сильные лучи. Позавчера ночью она проснулась от очень жгучей боли в колене, как будто там была рана, и полтора часа у нее была сильная боль, хотя на колене ничего не было. Потом она поняла, что сражалась в битве и враг ее ранил в астральное тело. Это было подтверждено М. В эту ночь я ей была показана в немного измененной прическе, без ленточки, с большими темно-серыми глазами, и она думает, что и я участвовала в битве. Потом она припомнила замечательный сон, когда видела Христа. Этот сон записан Бехтеревым, известным психиатром, который, выслушав его, сказал, что Е.И. надо было быть художницей — такое богатство красок в этом сне. Ушли от них, как всегда, с дивным чувством. <...>

31.XII.22

Случилось сегодня большое чудо. Мама пришла сегодня к нам утром и рассказывает следующее. Ей снился сон. К ней пришла Матти в белом чудном платье, перехваченном поясом, на котором висел кошелек. Она была поразительно красива. Пришла и говорит маме: “Привет, тетя Софи!” Мама ей говорит: “Матти, дорогая, ты выглядишь, как ангел”. Матти ей отвечает с улыбкой: “Я и есть теперь ангел. Я принесла тебе подарок”. И она нагнулась в свой кошелек на поясе и вынула оттуда пару мелких монеток. Мама спрашивает: “Матти, ты даешь мне деньги?” А та ей отвечает: “Совсем немного, но они принесут тебе счастье”. И ушла. Мама проснулась с очень хорошим чувством, тем более что она вспомнила: именно сегодня ровно пять лет со дня смерти Матти. Она оделась и взяла ключи, чтобы закрыть свою квартиру и пойти к нам. Закрывая дверь на ключ, она случайно выронила его на пол. Мама нагнулась, чтобы поднять его, и видит две русские монетки, одна — медный грош, полкопейки, а вторая — серебряная монета в пять копеек. Она сразу поняла, что это посланное ей чудо, и у ней вся кровь от волнения

бросилась в голову. Мама подняла эти монеты и побежала к нам, чтобы сообщить про чудо. По дороге к нам она еще нашла один цент на улице. Она прибежала к нам часам к 10.30 утра и прямо вбежала в спальню и начала рассказывать. Когда она показала монетки Нуце, он вдруг говорит: “Дайте мне этот грош”. Мама и говорит: “С удовольствием”, но я говорю: “Разве можно просить у нее такую монету, как ты можешь это делать, Нуця?” Но Нуця все-таки попросил, и мама ему ее дала от всей души, говоря, что мы и она — одно.

Нуця пошел мыться и потом вдруг выбегает из ванной и говорит, что теперь он понимает, отчего ему так хотелось иметь этот грош. Восемь лет тому назад его мама написала ему в двух письмах, что *“скоро Илья Пророк пошлет ему один грош”* и чтобы он принял его. Потом она об этом ничего не писала, а три недели тому назад опять написала буквально это самое. В тот момент, когда он увидел этот грош, Нуця говорит, он почувствовал, что ему надо его иметь, но не знал почему и только позже вспомнил. Мы, конечно, сейчас же позвонили Е.И., и она была так потрясена, что просила нас всех с мамой обязательно вечером прийти к ним. <...>

Потом мы все сели пить чай, и после чая Н.К. сказал, что у него чувство, что Ояне следует писать автоматически. Она села и записала чудное послание. Потом Е.И. сказала, чтобы мама писала, и она села, и у нее очень легко пошла рука, и она написала: “Слава и благословение”. Потом и Светик сел, и у него вышло послание про сокровища данные, которые надо хранить, пока их не Велено отдать. И он еще нарисовал дивный храм, раздвоенный треугольник, треугольник с чашей внутри, а потом следующий знак: , и было Сказано, что нам надо знать его, ибо это один из собственных знаков М. Поразительно, что Хорш, когда Ояна писала, вдруг на кусочке бумаги нарисовал этот самый знак, прямо потому, что ему пришло в голову, а позже Светик автоматически нарисовал то же самое.

Мы все решили в будущем году, 31 декабря, собраться вместе и провести встречу Нового года, думая о Е.И. и Н.К., которые уже тогда будут в Индии. Мы все дивно встретили Новый год и разошлись под впечатлением дивного вечера и дивного дня. <...>

3.I.23

Вчера у нас было собрание в Школе. Е.И. и Порума были днем в книжном магазине и приехали прямо оттуда. Приехав, Е.И. начала показывать всем книгу Штайнера, на обложке которой был рисунок храма, а под ним — огненное пламя. Мы все его узнали как храм, который автоматически рисовал Светик 31-го декабря ночью, а под этим храмом он нарисовал языки пламени. И вот мы вчера, 2-го января 1923 года, читаем в “Times”, что в ночь на 31-е декабря в Швейцарии, в Дорнахе, *сгорел храм* Штейнера, который был сожжен неизвестно каким образом после того, как Штейнер прочел там лекцию.

Храм был известен своей причудливой постройкой, стоил 5 000 000 швейцарских франков. Не знаю почему, рисунки его, которые мы видели в книге Штайнера, на нас всех произвели неприятное впечатление. Мы все думаем, что Штейнер начинает злоупотреблять своей властью и силою. Мы были поражены этим случаем.

4.I.23

Были у Рерихов и имели сеанс. Е.И. встревожена событиями. Накануне был у них очень грустный сеанс, на котором было Сказано: “Нужная Мне репутация сына гибнет”. После сеанса у нас был разговор о теперешнем серьезном времени и между

прочим Е.И. рассказала, что у них большие осложнения с Юрием, которого мадам Манциарли желает женить на своей дочери. Та старше его на четыре-пять лет, и они обе совершенно окружили мальчика. <...>

6.I.23

<...> У нас был сеанс, все писали автоматически, а потом мы сидели в темноте. Когда мы сидели в темноте, было Сказано по азбуке: “Порума пусть носит через год”. Мы поняли, что это относится [к тому], когда ей иметь ребенка. Потом было Сказано: “Мой дар”. И мы, сидя в темноте, вдруг услышали, как на столе что-то начало звенеть и кататься, не падая на пол. Е.И. при этом громко заявила, что к ее рукам прикатилась бусина, которую она вначале оттолкнула, а потом она прикатилась второй раз, и она ее задержала в руке. Потом зажгли свет и увидали, что это старинная бусина, как будто индейская, дар-талисман М. Поруме, которая должна ее носить через год, а пока бережно хранить. Можно легко себе представить, как мы были поражены этим чудом, совершившимся на наших глазах. Бусина, которая вдруг очутилась на столе, не упав, ибо мы не слышали звука падения, а только как она катилась по столу, и при этом он страшно быстро кружился, а она не падала на пол. Это первая материализация, которую я когда-либо видела.

7.I.23

Была с утра у мамы, которая еще нездорова. Она сказала, что по вечерам ей очень хочется писать автоматически, и показала, как она пишет, — очень красивый и правильный английский язык, которого она не знает и почти на нем писать не умеет, что поразительно. Между прочим, она писала несколько раз адрес: Эдит Симмонс, 312 West 59th str. Она думает, что ей надо пойти и узнать, кто это такая.

Вечером мы пошли на концерт Леви, и Нуця нашел там маленький еврейский молитвенник, в котором, когда он [его] раскрыл, нашел следующую молитву: “И народ молил *Мессию, сына Давидова*, об освобождении”. Он этот молитвенник взял домой. В этот же вечер, как мне потом рассказала Е.И., она поздно вечером принимала ванну и вдруг услышала голос Хорша, который говорил: “И мы переходим мост”, — и еще говорил о жертве и еще о чем-то. Она пришла потом к Н.К. и рассказала ему. Н.К. был поражен и рассказал, что накануне он говорил с Хоршем и сказал ему, что перед отъездом хочет непременно написать три картины, не говоря, какого [они] содержания. Придя домой, он решил, что на одной картине напишет мост и сияние, идущее по другую сторону моста, и людей, повергшихся ниц перед мостом*, но *ни слова об этом* не сказал Е.И. И, конечно, он был поражен, когда Е.И. рассказала ему о голосе Хорша про мост.

8.I.23

Понедельник

Н.К. сделал набросок этой картины. Вечером у Рерихов Нуця, который пришел раньше нас всех, увидел набросок и услышал про все. Он вспомнил очень известную легенду, которую знал с детства, о том, что, когда придет *Мессия*, Он *придет по мосту и все люди его встретят*; то есть сюжет Н.К. буквален*, только Н.К. не знал, что это относится к Мессии, когда рисовал набросок. Н.К. и мы все были потрясены этим сплетением всех обстоятельств, и Н.К. подарил набросок Нуце. В этот же день утром я прочла в газете перепечатку из лондонского “Times” о том, что в Англии

образовалось Мессиянское Общество для сплетения двух религий — христианства и иудаизма. Я сказала об этом Рерихам, и они подумали: не это ли велел прочесть М., когда Он сказал нам в четверг через три дня читать “Times”? Конечно, мы не знаем, это ли нам надо читать, или о взятии Рура французами. Во всяком случае, все касающееся Мессии представляет поразительную цепь событий. У Рерихов было Сказано недавно несколько фраз, относящихся к Нуце: “Авирах держит руль твердо”. “Щит веры поднял Авирах, поэтому получка приспешила”. Это касается гроша, полученного Нуцей через маму. А когда Е.И. спросила, почему грош пришел через маму, было Сказано про нее: “Еще проще поднимает”.

Порума рассказала, что ночью, в то же время, когда Е.И. слышала голос Хорша в ванной, она проснулась, услышав голос мужа, говорящего во сне. Возможно, он и говорил во сне то, что слышала Е.И.

11.1.23

Очень большие осложнения в Европе из-за захвата Рура французами и разрыва дипломатических сношений между странами. Нам было Указано на 11-ое как на важное число.

Также Е.И. нам было передано, что М. им сказал: “Предупредите Лихтман о клевете русских”.

13.1.23

Была у Е.И. с 6 ч. дня до 11 ч. вечера. Н.К. уехал в Детройт. У нас сегодня в Школе был первый детский час, и после него Е.И. и я поехали к ней. Вначале говорили о Грант. Е.И. чувствует, что Франсис теперь не так горит, как раньше, и выбирает у Е.И. все силы, когда бывает у нее. <...>

Потом говорили о книге Корелли “Роман двух миров”. Е.И. говорит, что, по ее мнению, душа не сливается с Логосом* после завершения своего хода, а идет дальше и выше на другие миры, возможно, как бы по спирали, а не в круге, который ведь по своей форме замыкается в той же точке, из которой вышел. Затем, Е.И. твердо верит в то, что каждая душа на Земле имеет родственную душу в другом мире, с которой она после долгих исканий и стремлений к ней по ходу эволюции должна соединиться. Е.И. совершенно не верит в то, что в будущем два начала — мужское и женское — будут в одном, то есть люди будут гермафродитами. Она говорит, что Бог сотворил мир, где образовалось два начала, в силу Его Любви, ибо Он как Любовь не мог любить Себя Самого, а [мог] любить Свое создание, и поэтому Он создал два начала. Так это продолжается во всем: во тьме и свете, во всех проявлениях природы, где для создания нового всегда нужны два начала. Теория будущих гермафродитов на Земле — это одна из теорий теософов и не отвечает душе Е.И.

Е.И. мне рассказала интересный эпизод из своей детской жизни. Она поступила в гимназию 9-ти лет и была там до 16-ти. Священник гимназии ее очень любил и был к ней всегда снисходителен, хотя очень строг к другим. После выпуска он подарил всем ученицам свой портрет, ей одной не подарил. Он был поразительно красивый человек, и когда Е.И. первый раз получила портрет М., она поразилась сходству между священником и М.

Замечательно, что Е.И. уже давно имела чувство необходимости поездки Хоршей в Европу теперь, при пребывании Рерихов там, для ознакомления с произведениями искусства, картинами и разными антикварами, под личным наблюдением Н.К., который будет его, Хорша, во всем учить для будущего Корона

Мунди. Н.К. противился этому плану, а Е.И. упорно была за это. Три дня тому назад у них вечером был сеанс и было Сказано, чтобы Хорши поехали в Европу, и Велено было Е.И. сейчас же позвонить об этом Поруме, что она и сделала, удивляясь поспешности. На другой день Хорш, придя в дело, сказал об этом своему компаньону, который ему ответил, что он сам хотел ему объявить через день или два о том, что хочет ехать в Европу. Но, конечно, Хорш об этом заявил первым, и поэтому он может ехать. Вот и понятна поспешность М.

Также Е.И. говорит, что Корона Мунди должна иметь при себе издательство для открыток как копий художественных произведений и картин, а также нот и т.д., что было учреждено в России Н.К. при его школе и что еще и поныне существует, несмотря на большевизм.

Е.И. прочла лишь, что было третьего дня для меня Сказано: “Пусть Сохраня широко обнимет мир”.

Она мне читала много [записей] предыдущих сеансов, говорящих об Удрае, и мы видели, что все случившееся с ним было Предсказано два года тому назад в марте еще на 67-ой улице. Рерихам было Сказано, что Рур взят французами, а 11-го января 1923 года это предсказание исполнилось.

М. очень [часто] говорит в последнее время о том, чтобы они успели сесть на корабль и уехать в Индию до наступления серьезных событий — пожара в Европе.

1924-й год — это год их прибытия или, вернее, вступления в Индию, а число 40, также часто даваемое, — это 40-й год, большой важности для мира, что подтверждается многими пророчествами в Монголии и тибетских лам, как Е.И. дала мне вчера читать из книги “Люди, звери, боги” Оссендовского. Она мне читала из записей посланий: М. говорит, что Поруму ожидает великая участь, но ей грозит пучина, кажется, в 1929-ом или 1930-ом году, когда Е.И. мыслями на расстоянии должна будет ей помочь. Порума также должна, видимо, вести Хорша, ибо она “идет с верою”. Совет Рерихов Хоршам — в доме, купленном для Школы, устроить подземную камеру для хранения произведений искусства на случай тревожного времени, а также копить золото, начиная уже теперь. Е.И. мечтает о будущем, когда у нас будет при Школе такое бюро или отделение, где будут известны все последние открытия по всем областям науки: химии, математике, астрономии, биологии и т.д., чтобы они входили в жизнь, доступные и объясненные всем на простом и понятном языке. Сидя с ней, легко понять и обнять мир, и каждый раз она меня учит все больше понимать Мастера и Великий План Его Творчества. Идея Короля Мира становится понятной, пришествие Мессии становится прекрасным и ожидаемым с нетерпением событием.

16.I.23

Н.К. приехал из Детройта и пришел в Школу. Рассказал много интересного. Выставка имела громадный успех, но четыре картины Н.К. нашел очень испорченными и много других картин в плохом состоянии. Но он привез полный доклад от директора выставки об этом. Как раз перед отъездом на вокзал к Н.К. подошел простой русский рабочий — механик и говорит ему: “Ведь вы князь Рюрик из дома Рюрика”. Когда Н.К. спросил, откуда он знает, ответил, что он масон и ему многое понятно из каталога Н.К. И потом сказал ему, что он чувствует: теперь спасение только в искусстве. Он спросил его, как же будет в будущем с разными народностями в России. Н.К. сказал, что если он масон, то знает про постройку Храма и кто его строил. Тот говорит, что царь Соломон. Н.К. спросил, верит ли он в реинкарнацию? Тот ответил, что верит. Тогда Н.К. сказал ему, что Соломон был позже Сергием Радонежским, и этим весь вопрос о народностях разрешился.

Енточка была накануне у Е.И., и та ей говорила, что главное, чтобы в нашей будущей работе не было застоя и [не] слишком много внимания уделялось мелочам, ибо это губит движение. Лучше, чтобы были ошибки, чем думать о мелочах и застывать на них. Потом я была днем у Е.И., ибо Свят[ослав] начал писать наново мой портрет — он писал раньше, да было неудачно. И вот Е.И. думает, что с Грант не стоит читать сеансы, как мы это было решили недавно, а предоставить ей читать их самой, ибо М. велел всем читать Его Учение.

18.I.23

Были у Рерихов вечером. Е.И. вначале прочла [записи] прошлых сеансов, потом говорила о серьезном времени. Рассказала, что М.М. подтвердил о “Владыке Мира”, и при этом вспомнила свое давнее видение, как Мастер К.Х. давал скипетр и корону Мастеру М., говорил и указывал Е.И.: “Помни, Он — Король. Помни”. Теперь это становится понятным. Также пророчества из Тибета, найденные в разных книгах, становятся на [свои] места. Также Е.И. говорила, что к Далай-ламе они поедут в восточных одеяниях и Н.К. должен будет носить на себе образок Сергия Радонежского, который он снимет и даст Далай-ламе. <...>

Светик показал портрет Н.К., который он начал писать, — будет прекрасным и останется как дар в Школе. Дивные и светлые люди! Как нам будет трудно без них.

19.I.23

Сегодня говорила с Н.К. в Школе. Он опять говорил, как опасно трогать родителей. Привел в пример, как много старых людей теперь живет в России, а перевезите их в самые лучшие условия, “хоть сюда на 5-ю Авеню — развалятся”. Говорил, что, если б мать Нуци уехала из Каменца и где-то по дороге заболела, она бы не выдержала, а так, несмотря на опасную болезнь, сидя на одном месте и храня М., она была спасена. Потом Н.К. говорил о небрежности Грант и ее халатности в делах, например, Н.К. уже давно говорил о необходимости сношений с Урбаном, а она об этом позабыла. И сказал, что нам надо будет быть подобно дятлам — долбить изо дня в день, и напоминать, и настаивать, ибо обижаться тут не на кого — все работают для одной цели. А уйти ей, Н.К. сказал, не очень захочется, ибо она уже видела, с какими последствиями сопряжен уход.

20.I.23

Была у Рерихов. Светик начал наново рисовать мой портрет. Во время моего отдыха говорила с Н.К. о Школе. Он чувствует, что наше теперешнее место[нахождение] Школы уже как-то пережило свое значение, и, когда мы будем иметь дом, мы сможем его сдать. <...> Н.К. говорит, что для дела крайне важно, чтоб мы жили в доме. Советовал в классах живописи писать животных с натуры, во время их движения, что Н.К. ввел в Петрограде в своей школе. Думает, что миссис Уайт нужна для младших классов, но нам необходимы хорошие преподаватели по живописи.

Потом Светик опять меня писал, потом подошла Е.И. Она со мной говорила, как боится визита мадам Манциарли, которая 24-го приезжает, и как ей будет тяжело с ней говорить после всего, что она устроила в Париже с Юрием. Читала мне письмо молодого Шклявера, из которого опять ясно видно, как Юрия там опутали. Е.И. говорит, что ей предстоит трудная неделя с выставкой в Бруклине и встречами

со многими русскими, которых М. велел пригласить, и визитом мадам Манциарли. Потом я у них ужинала, и мы поехали к Хоршам на обычный субботний сеанс.

22.I.23

Поехали вечером к Рерихам. Е.И. рассказала, что “М. дал Музей Рериха Нью-Йорку”, так им было сказано, то есть что при Корона Мунди будет постоянный музей картин Рериха. Это, конечно, чрезвычайно крупно, и значение этого теперь даже трудно оценить. Замечательно, что накануне, в воскресенье, Рерихи, Хорши и Нуця осматривали картины Н.К. для отправки в Бостон и Е.И. заметила, как было бы дивно иметь музей при Корона Мунди и сохранить почти [все] картины Н.К. там. И на другой день М. дал это. У Рерихов вначале Светик меня немного рисовал, затем мы беседовали. Е.И. опять рассказала о видении мальчика десять лет тому назад в Петрограде и как это громадное чувство любви, которое она тогда испытала, не проходило у нее потом долгие годы. И потом она, увидя портрет М., поняла эту любовь, ибо узнала в мальчике своего давнего видения М. Потом опять рассказала встречу в Лондоне с Мастерами, которую хочется всегда слышать. Потом мы сели. Во время сеанса между прочим было Сказано, *чтобы поторопиться достать рушии*. Это также было Сказано уже неделю тому назад. А они все с тех пор поднимаются [в цене], и их уже сегодня Хорш с трудом мог достать по очень высокой цене сравнительно с ценой неделю тому назад, когда Рерихи не сказали ему об этом. Опять поучение, как на все обращать внимание моментально.

После сеанса сидели в темноте, потом пили чай, составляли листы *друзей и врагов*. Говорили, что лишь через семь с половиной лет мы опять увидимся в России и трудно нам теперь себе это представить, когда еще видишь и чувствуешь этих дивных людей здесь с нами.

23.I.23

Я, Е.И., Хорши и Светик поехали на Русскую выставку в Бруклин, где нам было Сказано: “Ходить победителями и с улыбкой, зная о будущем”. Выставка была очень плоха, и как дивно, что Н.К. в ней не участвовал, что, конечно, было Указано. Из всех художников Е.И. отметила талант Григорьева, две картины Яковлева и скульптуру Судьбинина. Она очень мудро сказала, что безобразие легче изображать, чем красоту, и вот почему все эти художники накинудись на безобразие. Вечер я и Нуця провели у Хоршей, обсуждали летнюю сессию, каталог на осень, будущий дом, музей. Читали книгу М. Мы с ними все теснее сближаемся. <...>

24.I.23

Вспомнила очень интересное видение, которое имела Е.И. и о котором она нам рассказала. Она видела работу одного из своих органов. Ей казалось, что это глазной орган. Как бы чашечка или же круглой формы, с тончайшими нитями, как кружевными, и все это раскрывалось и замыкалось, как бы пульсировало, и освещалось изнутри чудным серебряно-синим цветом. Она наблюдала это долго, около минуты. А на другой день М. сказал им на сеансе, что ей показали работу ткани ауры. И что это был один из органов солнечного сплетения. Что вообще это очень трудно наблюдать и что М. был очень рад, что она могла это видеть. А вчера Е.И. видела мужчину с очень длинными светлыми волосами, лицо утонченное, узкое, с аурой кругом, и лицо очень приятное. Е.И. и Н.К. видят очень часто звезды, маленькие и большие, серебряно-синие. Часто, когда мы сидим в темноте после

сеанса, они их видят. Я говорила с Е.И. о том, как она себе представляет встречу в Индии с М. Она думает, что ее организм должен будет пройти много перемен, прежде чем Он ей покажется, ибо когда она Его видит, у нее всегда очень сильные вибрации и сердцебиение. И поэтому Он часто показывает ей или профиль, или руку, или фигуру, как бы приучая ее к разным положениям. Конечно, в Индии во многих местах, в горах, монастырях атмосфера чистая, и ее организм окрепнет и сможет перенести огромную силу Его присутствия. Дивная душа! Она столько раз, столько жизней была связана с М., что вся ее жизнь — это сплошное горение и служение Ему.

26.I.23

Н.К. был в Школе и рассказал, что было Сказано: “Не отвечать на новые письма, быть всем осторожными, Хоршу покрыться Щитом”. Днем Хорш рассказывает, что его компаньон, несмотря на запрещение со стороны Хорша каких-либо спекуляций, все же тайно от него и всей конторы спекулировал и даже совершил что-то нечестное по отношению к делу. Поразительно, что Хоршу давно уже было Сказано, чтобы он прекратил спекуляции, ибо сила зла велика и М. Сам укажет путь. Вчера же вечером Е.И. со мной говорила по телефону и передала, что М. сказал, чтобы Хорш удалил своего компаньона, ибо он указан как негодный для дела. Также было сказано, что М. почти вытащил Хорша из западни.

Е.И. рассказала, что у них уже два раза была мадам Манциарли, впечатление произвела неважное. Е.И. было с ней очень тяжело, и она страдала головными болями и физическим недомоганием два дня после визита. Одно примирило Е.И. с ней — ее преданность Учителю и подчинение Его воле.

Интересное и значительное явление случилось с Е.И. ночью три дня тому назад. Она легла спать и во сне почувствовала, как на нее наваливается какое-то тело. <...> Она проснулась, но все продолжала чувствовать тяжесть тела и не могла понять этого. В это время она услышала голос Н.К., который ей сказал, что он уже давно не спит, у него было удушье и он видел над кроватью Е.И. лиловый луч с серебром, который долго стоял над ней. На другой день М. сказал, что враг напал на Е.И. и М. его рассеял лучом и “Фуяма бодрствовал”. Она была очень разбита после этого нападения.

Е.И. говорит, что каждый вечер, перед тем как ложится спать, она долго смотрит на портрет М. и потом всегда раскрывает какую-нибудь книгу и всегда находит ответ на свой вопрос или ценное указание. В этот вечер она раскрыла “Изречения Рамакришны” и была очень огорчена, ибо прочла следующее: один ученик Мастера получил громадные знания и начал пользоваться ими для своих дурных целей — являлся к своим друзьям в астральном теле и даже начал ходить таким способом к одной даме. Е.И. не поняла, почему именно ей было указано это место, но, конечно, после разъяснения М. ей стало ясно, что Он ее предупредил о нападении на нее врага в астральном теле. Вообще велено нам всем усиленно беречься последние десять дней до февраля.

27.I.23

День не особенно приятный для всех. Хорш разошелся со своим компаньоном, что было очень ему неприятно. Я отказала от уроков ученику.

Е.И. имела неприятный разговор с мадам Манциарли — она боится, что у нее еще будут большие неприятности и осложнения, ибо мадам Манциарли их “где-то

поцарапает” или [возможно] в Индии, где она будет через год, то есть тогда, когда там будут и Рерихи. <...>

Вечером были у Хоршей для сеанса, и Н.К. автоматически нарисовал портреты наших бывших воплощений: меня как Иероваама, Нуци как Авираха, Енточки как Ояны и Франсис как Модры. Все портреты будут в будущем в рамках висеть в Святилище Школы. <...>

29.I.23

Были вечером у Рерихов. Е.И. очень трудное время переживает, часто должна видеть мадам Манциарли, и она ей, видимо, очень не нравится. Она грозила Е.И. смертью сына, если та разлучит с ним ее дочь. Е.И. вспомнила недавний свой сон, как она у себя на руке под перчаткой прятала маленькую серую змейку и думала, что та ее не ужалит. А у нее на руке была ранка, и вдруг она почувствовала, как змейка ужалила ее прямо в ранку. Она уже тогда поняла, что эта змейка — Манциарли. Конечно, она повсюду Рерихам теперь будет вредить. Воплощение, которое Е.И. видела, когда у нее сидела Манциарли, было подтверждено М.: фрау Нехт, продавщица овощей в 19-ом столетии, то есть самое незначительное. М. обещал дать новый указ для Юрия в мае, то есть когда Рерихи будут там, в Париже.

У нас был сеанс, очень серьезный, опять указывающий на пожар Мира, потом Е.И. нам опять показала второй, чудный портрет М. За чаем Н.К. был очень весел и передразнивал Манциарли, читали мы ее статью об Н.К., появившуюся в “Herald of the Star”. Статья детская и убогая и напечатана с грубыми опечатками. Мы много смеялись и ушли домой, как всегда, в приподнятом настроении. <...>

6.II.23

Была сегодня у Е.И. Долго с ней беседовала. Тяжелое у нее время. Много сказано Удрае, но еще пройдет время, пока он поймет, хотя в результате, я верю, он пойдет по пути М. Между прочим, Е.И. рассказала, что, когда исследовали гороскоп девочки Хоршей, мадам Дьюби сказала, что у нее пустой гороскоп, то есть, видимо, недолгая и незначительная жизнь. Первые семь лет очень трудные, последующие семь лет не легче первых и вряд ли протянет до остальных семи лет. Замечательно, что Е.И. чувствует это по отношению к этому ребенку — ее не проявление себя в жизни. Говорили вообще о детях. Е.И. сказала, что во всех отношениях лучше, что у нас нет детей. Раз нам через семь лет надо уехать и при нашем служении и задаче, дети ужасно бы все усложнили и даже наше служение не было бы столь интенсивным. Вообще, она думает, теперь лучше и не иметь детей, при сложности времени и будущих осложнениях. Да и в России у нас будет много детей, которых надо будет воспитать, говорит она. Я чувствую, что Е.И. права. Как трудно понять, есть ли иногда истинная связь между родителями и детьми, которые по карме иногда совсем чужды друг другу.

М. позволил нам быть у Рерихов в четверг — через два дня, с мамой, и нам сидеть при них, не с ними. Опять Е.И. прочла мне последние Указания о пожаре Европы и что главное — доехать до Марселя, а там тихо доедут в Индию. Очень интересную вещь мне сегодня рассказала Е.И. о том, что она никогда не любила людских имен и фамилий, включая и свое собственное, и не представляла себе людей сообразно с их именами, что всегда помогало ей отрешаться от частных и широко думать обо всех и их отношении к своему духу. Какая ценная мысль! Рассказала Е.И., что она без трепета и сильных вибраций не может еще видеть М., ибо это объясняется тесной кармической связью. Говорила о Манциарли, к которой

чувствует большую жалость, так же, как и к ее дочери, хотя для меня лично это чувство к ним непонятно. Я прямо чувствую к ним обоим неприязнь, о чем и говорила Е.И. Рассказала мне Е.И. очень интересные частные вещи из России. Между торговыми фирмами Канады и Америки и крестьянами в большом количестве русских деревень на севере и западе России идет обмен сырьем и сельскохозяйственными орудиями и другими предметами необходимости, причем обмен как в старину — не денежный, а товарами. Каждая деревня имеет свой клуб, молодежь ее грамотная, и старики научились подписывать свое имя. Крупн и еще одна большая фабрика устраивают посылку сельскохозяйственных орудий и машин. Форд из Америки хочет посылать тракторы. И отовсюду, и из Москвы сведения, что жизнь устанавливается в новые широкие рамки, например, в Москве устраивается грандиозный универмаг на манер американских. Интересное событие в Торонто, рассказано Е.И. их знакомым, приехавшим оттуда. Русские и еврейские рабочие служили на одной фабрике. Была там русская церковь, а синагоги не было. Русские прогнали священника, пригласили раввина, который половину службы служит по-еврейски, а другую — по-русски. Простое решение религиозного вопроса.

Е.И. опять видела во сне врага, будто он в передней, и его нога была ясно видна Е.И., был он с большой цепной злой собакой. Было сказано, что хотя он больше не сеет, но цветы его, то есть зла, еще остались. Ушла я поздно, и когда и как я увижу наших дивных друзей?

У моей мамы был вчера ряд видений. Последнее: небольшая комната, и за длинным столом сидел М., и писал карандашом на белой бумаге, и смотрел на маму. Она подошла к столу и прочла вслух: “Two three hundred”, то есть 2300. Вчера же днем она была у нас дома [одна], мы были в Школе. Зазвонил телефон, она подошла, звонный бас ее спросил про апартамент 45. Тогда она сказала, что это частный телефон и какой телефон этому господину надобен. Тот ответил буквально: “Two three hundred”. Она очень растерялась, услышав это, и повесила трубку. Н.К. очень жалел, что она не догадалась расспросить этого господина.

7.II.23

Мы все провели очень тревожный день: Джин опасно больна, ей была сделана операция и вставлена в горло трубка для облегчения дыхания. Н.К., который уехал позавчера в Бостон, был вызван телеграммой для того, чтобы получить с Е.И. указание от М. Он и сам там настолько беспокоился, что взял заранее билет и решил уехать до получения телеграммы отсюда. У нас был сеанс, и было сказано направить нам все мысли на выздоровление ребенка. Поздно вечером по приезде Н.К. у них был сеанс, и Велено всем твердить: “*Выживет*”.

Мама видела днем видение — большого белого ангела с протянутой рукой, а по левую сторону от него черную тень. Нуца же, не зная, что она это видела, как раз раскрыл книгу сеансов на следующем месте: “Явил вам крыло Архангела”.

Ночью Енточке снился сон: глубокий голос произнес: “После долгого продолжительного сна наступит кризис в лучшую для ребенка сторону”.

9.II.23

Мама утром пришла к нам, я пошла в Школу давать уроки. Часам к одиннадцати мама, сидя у нас за чаем, случайно закрыла глаза и увидела видение — черную тень — и услышала ужасный хохот. Она произнесла молитву и громко закричала три раза: “*Выживет*”, чем даже перепугала прислугу. Н.К. был сегодня у Хоршей, видел ребенка и держал над ней руки. Всем велено о ней молиться, ибо

положение серьезно. К вечеру Хорш подумал, как бы хорошо купить собачку — фокстерьера для Джин, то есть то, что видела Ента во время сеанса — Джин с собачкой.

Вечером мы опять были у Рерихов вместе с Грант. <...>

10.II.23

В ночь с 9-го на 10-е февраля Енте снился сон: Мастер и за Его спиной враг, очень утонченный и улыбался злобно. И вдруг враг начал превращаться в изображение смерти, то есть кости, череп, впадины вместо глаз. В это время Мастер поднял руку вверх, и смерть начала уменьшаться, положила голову на плечо Мастера, голова ее начала мало-помалу исчезать, потом скатилась медленно и исчезла. А Мастер еще стоял с поднятой рукой! <...>

11.II.23

Сегодня днем Н.К. прочел в церкви Св. Марка на [улице] Бауэри лекцию на тему “Новая Эпоха”, говорил о России и об искусстве. Прекрасная лекция, и прекрасно ее прочел, так спокойно и мудро. Замечательно также, что после Н.К. следующим оратором был Карл Нехт, известный большевик, который, видимо, приготовил другую речь, но после Н.К. всю ее изменил и в общих чертах коснулся положения России, а закончил призывом к спасению трех миллионов детей, умирающих от голода и эпидемии.

12.II.23

Хотя у Джин падает температура, Е.И. предчувствует неблагоприятный результат. Мастер сказал утром, что “сохранит Шораку в новом теле для Порумы”. Но это можно понять, что дух Шораки воплотится в следующего ребенка Порумы. Увидим, что принесут следующие дни. <...>

13.II.23

Все сидели у Рерихов в 8 часов, велено было сидеть до 11-ти часов вечера.

Во время сеанса несколько раз звонил телефон от Хорша. Первый раз он звонил перед тем, как девочке должны были вынимать трубку из горла. Второй раз сказать, что трубку вынули, но Джин задыхается и хотят вставить опять. А последний раз, что Джин умерла. Е.И. и Н.К. немедленно поехали к Хоршам. Мы остались их ждать у них дома. В 11 часов они приехали обратно. <...>

14.II.23

Были в 2 часа у Хоршей. Видели мертвую Джин — как куколка восковая, такая красивая, спокойная, лежала в белом гробике. Поехали на кладбище, приехали обратно и пошли к 6-ти часам к Хоршам <...> нам сказали, что Хорши спят. Мы уже уходили, в это время вышел Хорш, позвал нас обратно. Е.И. зашла к Поруме, долго говорила с ней и с ним и зажгла в них обоим веру и мужество. Он потом с нами сидел и разговаривал, его противная семья ушла, кроме одной очень милой сестры Порумы и ее мужа, которые тоже с нами сидели. <...>

15.II.23

Была у Хоршей. Какие это поразительные люди, какие большие души! Как они чувствуют слова Мастера. Их горе превратилось в Щит Радости. У них можно многому поучиться нам, и мне в особенности. <...>

19.II.23

Все собрались на собрание в Школе. Е.И. рассказала мне, что ей все хотелось узнать значение имени Ориола. Оказывается — это название птицы “иволга” по-русски. Любимая птица Е.И., которая всегда кричит по утрам. Это имя также означает по-английски “золотая корона — golden crown”. Какое чудное значение имени для будущего ребенка Хоршей. <...>

20.II.23

Сегодня была у Рерихов — Светик писал мой портрет. После осталась немного беседовать с Е.И. Поразительное письмо они получили из Харбина от брата Н.К. — Влад[имира] Конст[антиновича], который их спрашивает, нет ли для него какого-нибудь сообщения от М.М., ибо ему это очень важно. И из его предыдущего письма Рерихи уже знают о поразительной работе и ее результатах в Урге. Н.К. говорит, что трудно поверить, что это чудо, если такой человек, как его брат, посвящен. А до того они не получали от него никаких писем, так что ничего не знают, что там случилось с ним. М. велел ему остаться в Харбине.

Накануне Рерихам было Сказано, что “Щит М. в Урге”. <...>

25.II.23

Н.К. говорил о детском часе. Его мнение: подружиться с детьми лично и с каждым иметь как бы свой маленький секрет. Сделать себе некоторых преданных, верных сотрудников и потом учредить из них клуб. Теперь, говорит Е.И., это невозможно, детей надо постепенно подобрать и заставлять их проявляться самостоятельно в музыке, рисовании, писании поэм, пьес и т.д. Но все это путем нарастания, так же, как и вся Школа. Все, что появляется сразу в большом количестве, и опасно, и ненадежно. Н.К. говорит: “Возьмите чудное дерево, пусть его привезут хоть тысяча человек и посадят у вас, оно засохнет. А если оно начнет расти с самого начала под вашим наблюдением, даст много хороших ростков и разовьется”. Говорили о Хоршах. Н.К. и Е.И. говорят, что им еще нужно понять, что не нарядные толпы помогут Школе, а открытые души простых людей. Должны понять силу нарастания Школы в жизни. Н.К. говорит, что не реклама приносит учеников, а только личное отношение учеников к Школе даст результаты. Говорил также, что хорошо случайное упоминание о Школе в газетных статьях — новости искусства, новости музыки. Полезно также покормить завтраками искусствоведов раз в год из четырех-пяти газет — это приносит результаты. Говорил Н.К.: “Какое счастье, что до сих пор небольшое количество учеников, ибо как это было бы трудно нам всем при нашей еще неопытности в ведении дел”.

Н.К. передал нам адреса людей, кому в начале 1924 г. надо будет послать Книгу.

3.III.23

Вызывала Е.И. и рассказала, что ввиду того, что она и Порума не совсем точно исполнили веление М., то есть поехали к владельцу дома на 103-ей улице не вдвоем, как им было Сказано, а с агентом, М. был недоволен и сказал, что точные Указания

надо исполнять точно, что успех был Им подготовлен, а теперь Е.И. и Поруме надо будет ехать к владельцу исправлять ошибку. Еще лишнее доказательство или, вернее, урок для всех нас, как исполнять Указания.

Затем Е.И. рассказала, что М. говорил о книге миссис Бейли*, которую Е.И. недавно купила, ибо та говорит о Мастерах, и будто бы один Мастер воспитывался в английском университете, а другой больше всех знает о планетах. Е.И. была возмущена, конечно, этим, и М. им сказал, что “никому не суждено узнать о Белом Братстве, истинно говорю, скорее Шафран увидит*, нежели Бейли”. <...>

Вечером мы с мамой пришли к Хоршам, как всегда в субботу. Поразительное явление случилось, когда Порума писала: она начала писать какие-то странные буквы. Когда мы разобрали, они оказались русскими! Она написала: “Устав узрите”. Мы все были поражены. <...>

5.III.23

Сегодня в Школе Н.К. мне и Нуце сказал много ценного.

Никому из нас не приглашать учеников для выслушивания — опасно возбудить учителей, и мы некомпетентны в разных отделах, но раз к концу года устроить неофициальное прослушивание вроде актового дня, маленькую выставку, и музыку, и хор, и сочинения по музыке и пригласить всех учителей и учеников.

Принимать же в Школу учеников, выслушивая их или рассматривая их работы. Приглашать всех полезных и дружественных людей в будущий музей, с каждым отдельно поговорить, что он или она, мол, истинный друг музея и действительно понимает цели искусства. Но не делать *патронов*, ибо тем самым мы создаем себе врагов, иные имена печатая на бумаге, а иные нет. Да и подрывается положение Хорша: каждый подумает, что эти *патроны* поддерживают музей материально, что опасно. И каждый из них имеет своих врагов, и они делаются тогда нашими врагами. Музей должен иметь свой бланк для приглашений школ и т.д.

Главное, сказал Н.К., всегда привлекать в наши учреждения людей дружественных или для активного участия в Школе, или для лекций, или же для музея.

И еще он сказал, что идея хороша, когда она применима широко, ко всему, а не хороша в одном и опасна в другом, например, с выслушиванием Хоршем или нами разных учеников. Некомпетентно и опасно!

Если какой-либо учитель окажется в течение года плохим, просто не давать ему учеников — сам уйдет, но ни за что не удалять его — врагом будет. И еще я извлекла, что при всех происходящих случаях и событиях в Школе — всегда сохранять спокойствие, как это делает Н.К.

8.III.23

Вызывала сегодня вечером Порума и сообщила, что мистер Хорш сегодня окончательно поговорил с владельцем дома по телефону и купил дом на 103-ей улице, указанный М.

Дай нам Бог всем силы оправдать доверие, до сих пор оказанное нам М., и оправдывать его всю нашу жизнь.

14.III.23

<...> Была сегодня у Е.И. Она мне много рассказала об их школе в Петрограде, где уделялось много внимания прикладному искусству: мастерские иконописные,

гобеленов, рисования по фарфору, выделка посуды, мастерские выделки мебели, где заведовал прекрасный резчик по дереву, взятый Н.К. из одной большой фабрики, — между прочим, ортодоксальный еврей, — который и обучал учеников, классы вышивки. Потом аукционы — раз в месяц. У них был один господин, который дешево скупал старинные вещи и хорошо на них зарабатывал, а школе давал из этого процент, и это приносило школе 6000 в год! Продавались только истинно художественные вещи — маленькие картины, рисунки, флаконы старые, чашки, посуда, куски материй, безделушки. Имело это громадный успех.

Выставки учеников тоже давали школе и имя, и престиж, ибо выставались художественные работы и успех был громадный.

У Е.И. возникла идея, чтобы картины Н.К. не рассылать по университетам и школам, ибо они — *дар драгоценный* для человечества, ибо дают они новый духовный мир всем видящим их. А посылать тут повсюду в колледжи хорошие работы наших же учеников, ибо это — реклама для Школы. Рассказала мне Е.И., что она имела интересный сон: будто она шла в Петербурге по улице и со всех сторон на нее мчались мотоциклетки, и как только они приближались к ней, каждая из них падала у ее ног и разбивалась. Ей М. сказал, что в то время как на них нападали со всех сторон и им угрожали опасности, они были окружены аурой М., а теперь им надо отдышаться, ибо “они много хлебнули Его ауры” — ощущение это равно как бы чувству после хлороформа.

Их теперешнее состояние, в особенности Е.И., которая себя очень теперь плохо чувствует, называется оккультной лихорадкой. Они должны будут отдохнуть летом в Индии в горах.

Е.И. опять говорила, как точно нужно исполнять указы М. На днях ей было Сказано заняться сундуками. Она не сейчас за это взялась, а когда взялась через неделю позже, оказалось, вышла задержка и нет человека, который бы починил их, — он ушел как раз неделю тому назад. Она говорила о том, какую любовь и заботу Он проявляет и как надо широко понимать сроки даваемые, ибо часто они сбываются через год или позже.

Потом она рассказала, что она видела М., как Он держал на пальце в руке цветок лотоса, будто уже увядающий, но взял его и бережно обвил вокруг пальца другой руки. Они получили в этот день журнал “Service”, и на обложке этот же рисунок лотоса. Оказывается, журнал симпатичный, 8 лет сотрудники и издатель — парализованный — бьются изо всех сил, чтобы его продолжать. Потом еще одно ее видение: перед ней проходили восточные посольства, и она им что-то говорила на незнакомом ей языке. Потом голос М. сказал ей: “Куругузан”*.

Также говорила о том, что мы все как бы с крыши домов смотрим вниз на людей, ибо мы знаем о Великом Плане, нам позволено служить Ему, мы знаем больше остальных, у нас есть радость служения. А сколько слепых, незнающих! Потом еще говорила Е.И., что много дается тому, кто сам дает широко. И что есть радость в давании.

Какая она дивная душа!

Ушла от нее опять со светом на душе и запасом на будущее.

15.III.23

Сегодня мама пошла по адресу, указанному ей давно в видении “старичком”, — 183-я улица и 3-я Авеню, и это оказалось “домом для неизлечимо больных”. Подходя к этому зданию, мама встретила пожилую женщину, выходящую оттуда. Она ее остановила и спросила, можно ли принести этим больным что-нибудь и что именно. А та ей отвечает: “Яблоки, апельсины, бананы”, то есть то, что и старичок

сказал. Нам всем стыдно, что мы раньше не узнали про этот адрес. М. сказал: “И Я удивлен”. Е.И. мне говорила, что мы не в состоянии оценить всех чудес, которые на нас сыпятся как из рога изобилия. Как бережно собирают теософы крохи и печатают о них книги, а мы имеем чудеса, доказательства, видения каждый день и даже не можем понять величие нашего Учителя, колоссальное, необъятное величие!

Хорш сказал, что для возможности освобождения дома от школы, там теперь находящейся, дом нужно будет купить на имя Нуци, ибо мы будем там жить как владельцы, и тем нужно будет выбраться.

Мы счастливы, что будем там жить. <...>

20.III.23

Вчера в Школе Н.К. рассказал мне, что получил письмо от Юрия, где он пишет, чтоб его родители не огорчались, если они прочтут в последнем номере от марта месяца “Herald of the Star” сообщение о его помолвке. Также просит родителей, чтобы, если они встретят Кришнамурти, ничего ему не говорили. Так что видение мамы об ужасно неприятном письме и Юрии, пишущем письмо, и вдруг вырастающей между ним и другими стеной — сбылось. Конечно, мать этой девушки все время старается его окружить стеною от его же родителей. <...>

Н.К. сказал, между прочим, как понятно видение или сон (не помню) Е.И., где она прятала змейку у себя под перчаткой, а та ее вдруг укусила в царапину, бывшую там. Эта змейка — мадам Манциарли, которая опять их укусила в уже нанесенную рану, объявив о помолвке Юрия и своей дочери именно в теософском журнале, а не газете, то есть чтобы это известие пошло по теософским кругам.

На днях мне Е.И. рассказала, что она определенно ощущала ночью присутствие многих существ в комнате, слышала стуки, видела образования, а потом две большие золотые стрелы, пролетевшие по комнате. <...>

23.III.23

Были вечером у Рерихов я и Нуця. Мы приехали с Н.К. раньше, сидели и составляли списки хороших, опасных и негодных артистов, художников, писателей, критиков. К шести часам приехала Е.И. Она села со мной рядом на диване, и я случайно заметила, что кольцо Е.И., бывшее в Тибете, совершенно почернело и прямо имело медно-красный отлив. Мы все были поражены, ибо это или признак нездоровья Е.И., или предвидение несчастья. Замечательно, что к концу вечера оно начало светлеть и на наших глазах почти приняло свой светлый цвет. Е.И. рассказала, между прочим, что в день, когда заболела Джин, кольцо было совершенно черное.

Много беседовали о Школе, Н.К. находит, что нам необходим его брат для художественного заведования Корона Мунди, развешивания картин, устройства выставок и т.д. Если брат Н.К. не приедет, надо будет Рерихам, они решили, выписать сюда мадемуазель Лагорию — барышню, окончившую его Школу и очень полезного для нас человека, для Корона Мунди, выставок и преподавания. Также у Е.И. и Н.К. определенная идея никогда не иметь у нас в Школе ни *членов*, ни *патронов*, ибо это опасно: дадут деньги, а потом пожелают вмешиваться в дела Школы. Лучше нам все вести самостоятельно, без чужого вмешательства. У нас могут быть только друзья Школы, люди, дающие стипендии или жертвующие деньги на Школу.

Много интересного Е.И. говорила о воплощениях. Если большой дух работает в одном направлении в своей жизни, например [занимается] умственной работой, в

нем уже сушится другая сторона — сердце, эмоции. Потому в будущем воплощении должна быть развиваема именно прежде неглижированная* черта характера. Потом Е.И. говорила, что М. пробует разные души, но не знает, что будет в результате их работы или, вернее, говорит, что это зависит от их личной кармы, свободы их воли, ибо все мы свободны. Каждому дано два пути на выбор, и от его выбора зависит ход его дальнейшей работы. Каждый из нас несет не только свою карму, но и карму своей нации, расы. Потом Н.К. и Е.И. много рассказывали о своей школе в Петрограде, учителях, курьезных типах, сторожах, в особенности одном — Антоне, который себя называл императорским секретарем, продавал Рубенсов, надувал кого только мог, [например] богатых дам, сам себя выдавал за художника и вообще был замечательным типом. На каждой выставке Н.К. замечал всегда какую-то безобразную картину, которая вдруг где-то висела. Он узнавал “великолепную кисть Антона”, приказывал ее выносить, грозил ему отказать, тот обещал больше этого не делать, но каждый раз делал то же самое. Необыкновенно мудро вел Н.К. свою школу, *во все входя сам* и улаживая со всеми сам все дела.

Провели дивный вечер, нам было очень светло, ибо мы уже давно у них не были.

24.III.23

Мы собрались у Рерихов вечером для сеанса, но только всемером, ибо Нетти больна и Хорш не хотел ее оставить. Был дивный день для нас, ибо 24-е марта — это день М. В этот день три года тому назад началась Книга: “Я твоё благо, Я твоя улыбка...”, а вчера прислали уже форму Книги и последние гранки от печатника. В этот день мы всегда должны собираться, молча сосредоточиться на М. и знать, что этот день — праздник для нас всех. После сеанса (у мамы было пять интересных и значительных видений) мы сидели и долго беседовали. <...>

25.III.23

Е.И. и Н.К. развешивали в Школе картины для выставки на вторник 26-е. Хоршей не было: Нетти больна, а Хорш был всего полтора часа. Мы сидели, и учились, и сознавали свое невежество. С 11 утра до 5.30 дня было повешено 83 картины. Подбираются не только гармоничные краски, близкие по духу сюжеты, но и пропорция — мера должна подходить. Одна картина “скучна” рядом с другой, другая “терпка”. Удача [одной] “убивает” другую. Висят пять картин, и кажется гармонично, приходит шестая — и вся гармония нарушена, и все надо перевесить. Боковой свет лучше всего для картин, “лобовой” хуже всего. Две картины одинакового тона или красок нехороши, если висят рядом. Сегодня много раз перевешивали картины на первой стене, чтобы добиться желательной гармонии для глаза. Е.И. поражает своим знанием развешивания картин и пониманием красок. Какие дивные картины, и как украсились и заговорили стены! Какой великий художник Н.К.! Многие мы поняли сегодня — мудрость и красоту в искусстве. Это всё иной мир! Краски как драгоценные камни! Все устали, кроме Е.И. и Н.К., которые больше всех и работали.

На днях, когда мы были у Рерихов, они оба определенно высказались против летней сессии на будущее, говоря, что нужно дать отдых на три месяца и ученикам, и учителям, чтобы побыть одним, набраться новых впечатлений и осенью прийти со свежими силами обратно. Школа Н.К. была закрыта три месяца в году — июнь, июль, август. То же самое и мы должны будем сделать в будущем, ибо это мнение Е.И. и Н.К.

26.III.23

Сегодня в Школе говорила с Н.К. Очень много важного было Сказано Рерихам вчера на сеансе. Опять предостережение насчет “одного злого, который пытается сокрушить дух Фуямы”. Потом насчет Хорша, что кто-то пытается его вовлечь в спекуляцию. Потом Сказано послать Заку приглашение на завтра на выставку картин Н.К. и потом подарить ему картину (костюм). Как нас мудро учит М. не ссориться с нашими врагами, а стараться употреблять орудие на хорошее для Его же дела.

Между прочим, Н.К. также сказал, что мы должны не думать о религиозной щепетильности. Это относительно Хорша, который где-то вычитал, что Крейн — враг евреев, и очень против него настроен и просит, чтобы ему ни за что не продавали картину Н.К.

Н.К. говорит, что, во-первых, он не думает, что Крейн против евреев (Нуця читал его статью, где он против сионизма, но против этого очень много религиозных евреев), а если бы даже он и был против, то нам именно нужно с ним встречаться и направить его на то, чтобы он сделал что-нибудь для нашей работы. Н.К. вспомнил, как, когда он и Нуця ходили нанимать помещение на 54-ой улице, священник говорил против евреев. Если бы они ему на это что-нибудь ответили, [это] было бы недостойно того большого дела, которое должно было в том помещении начаться. Да и вообще нам нужно забыть о евреях, христианах и национальной розни и думать лишь о деле М. Если с Заком и Бринтоном велено встречаться, — это нам урок на будущие сношения с друзьями и врагами.

Е.И. проснулась этой ночью с определенным чувством, что Безант будет им враждебна, а также какой-то писатель, который работает над историческим трудом.

27.III.23

<...> В два часа началась выставка Н.К. в Школе, устроенная на один день. Было около двухсот человек. Многие не получили приглашения, хотя им и было послано из Школы, но мы все думаем, что тут с чьей-то стороны была устроена пакость. Или ушедшая стенографистка и мальчики Хорша просто не отправили письма. Был Бринтон, держал себя явно враждебно и, видимо, старался всем, кому мог, злобно шептать. Из прессы почти никого не было, что нас всех удивило. Но оказывается, что это все было нужно, ибо Рерихам в этот же вечер было дано послание: “М. явил Щит. М. явил чудо. Читайте завтра!” На другой день Рерихи получили письма от критиков, которые хотя и были приглашены, но не пришли, не веря, что выставка всего на один день, и просят позволения прийти в конце недели посмотреть картины, чтобы написать статьи.

Е.И. думает, что все это было устроено для блага, ибо если бы была пресса, Бринтон бы, наверное, старался бы им что-то наклеветать, ибо он себя держал Бог знает как и показывал свои когти все время. А так он не имел случая напасть, как ему хотелось. Выставка произвела глубокое впечатление на посетивших ее, особенно трогательно отношение Рывкина, который специально приехал из Филадельфии и ушел последним, не мог оторваться от картин, говорил, что, глядя на них, он слышит как бы колокольный звон. Многие хотели купить картины, спрашивали цены и были разочарованы, когда узнали, что они не продаются.

30.III.23

Были у Рерихов я и Нуця, имели очень серьезный разговор. Мастер велел для меня передать: “Пусть Радна растет с каждым препятствием”. Я и Е.И. провели три часа вместе и говорили очень серьезно о будущем отношении к Хоршам, общей работе, значении Н.К. и Е.И. для нас всех и для Великого Плана. Многому меня научила Е.И. на будущее.

Я всегда должна ставить высоко перед всеми участниками дела указы М. и точное исполнение их, а также ставить перед ними на должную высоту значение Н.К., который есть “правая рука” М., и ближе, чем Рерихи, теперь к М. во всем мире нет людей. Никогда никто не должен этого забывать. Если бы не Рерихи, то и всего нашего выполнения работы, Школы, Корона Мунди, Музея бы не существовало, ибо не деньги, данные Хоршем, это создали, а М. через Рерихов. Н.К. не только великий мировой художник, не только великий мудрец, а Брат Белого Братства и великий дух, давший нам возможность приобщиться к Великой Мистерии, *Великому Плану*. Это сокровище силы, знания и духа мы получили через Рерихов, учеников, детей М., исполнителей Его воли на Земле. И я это всегда буду говорить Хоршам. И буду, и должна твердо настаивать на исполнении указов М. Если будут отклонения или потухания, нужно их зажигать и твердо держаться данного нам, иначе все на нас же обратится, если мы намеренно не исполним или пойдем по ложному течению.

Также Хорш должен понять, что Музей Рериха дан М. и что это не русский музей и нашу Школу не назовут русской, как этого боится Хорш, ибо ему кто-то из американцев что-то нашептал, а что этот Музей — памятник для нас и будет нашей гордостью в этой стране. И наша Школа, и наши идеалы — *интернациональны*, и нам американцев нечего бояться. Куда мы с ними пойдем, и кто у них держит знамя истинного искусства? Не Спайкер, Кролл, Беллоу и прочие шовинисты? Они приходят к нам, потому что Школа успешна, и мир нас признаёт, потому что у нас музей Рериха и его идеи.

Также Е.И. много говорила, что Хорши оба, в особенности он, очень честолобивы и поэтому надо быть с ними осторожными. Если он особенно нервен иногда и даже говорит и делает не то, что правильно, не говорить с ним в этот момент, ибо и он, и я или Нуця можем быть взволнованы тогда, а лучше переждать и при удобном случае напомнить происшедшее и твердо стоять на правильности и логичности действия. А если он сделает или сознательно хочет делать то, что, мы чувствуем, ошибочно, дать ему это сделать, и он почувствует, что сел в галошу, и на будущее будет осторожнее. Точно так делал иногда Н.К. в Петрограде с иными директорами его школы: давал им нарочно садиться в галошу, если они настаивали на своих мерах, а потом они остерегались и приходили обратно к нему за помощью. Е.И. знает, как и я, что у нас будут в будущем трения и препятствия, но нужно быть дипломатичными, уметь лавировать и стоять на страже указов М. Также Е.И. советовала напомнить, когда будет нужно, Хоршу о Синнетте. Когда все нападали на Блаватскую, он ее первый признал и писал о ней в своем журнале. И за это он был приближен и допущен, и ему было велено написать книгу “Эзотерический буддизм”, ценный вклад в литературу, то есть его возвысили. А после в его других, уже посредственных книгах были и фразы о Блаватской, ее вспыльчивости, ссоре с кухаркой, вещи не нужные для печати, неправильные, вредные для авторитета ее, и мы видим, что его роль свелась на нет. Он дальше не рос. А все, которые были против Блаватской, все погибли. Тот, кто допущен к свету и тайнам и пошел на это добровольно, как Хорш, тот должен понять важность своей миссии и всю ее ответственность. Напомнить ему об этом, также о его гороскопе, что от него зависит его путь и рост, иначе все может рухнуть для него, как это ему ясно сказано в гороскопе.

Мой сон и сон-видение Н.К. Были у Рерихов для обычного субботнего сеанса все, кроме Хоршей. Порума еще слаба и не выходит, а Хорш пошел на праздник к родителям. До сеанса я рассказала сон, снившийся мне накануне: я очень много работала с Е.И., над чем, не помню, но в конце она должна была уехать и дала мне в руки целую кучу дивных драгоценных камней. Я была поражена и спросила, как же мне их хранить для нее, не дать ли их в оправу, чтобы было безопаснее. Е.И. ответила, что можно, хотя это все равно, и что я должна хранить их для нее.

Когда я рассказала это, Рерихи были страшно поражены по следующей причине. Вчера же утром Н.К. вспомнил не то сон, не то видение, снившееся ему неделю тому назад. Будто мы все сидим у Хоршей на сеансе, атмосфера очень сгущена, и вдруг раздается сильный треск и на стол сыпется что-то. Зажигают лампу, и мы все видим громадную пирамиду из драгоценных камней и золота на столе. И слышен голос М.: “Теперь надо заплатить за все”. При этом Хорш с отчаянием хватается за голову. Поразительное сопоставление между этими двумя снами — моим и Н.К. <...>

Потом у нас был сеанс очень серьезного характера. М. недоволен, мы думаем, Хоршами, многое было сказано для них. Мы все были очень взволнованы, было сказано: осторожно переводить для Грант сказанное. У них, видно, сомнения, им нашептывают, это на них влияет. Мы чувствуем странное нервное состояние Хорша уже свыше двух недель. Мы вчера были серьезно взволнованы сказанным и все время думаем об этом, но надеемся, что все разрешится мирно. Нам уже давно было сказано, что апрель несет много осложнений и неприятностей для нас. И мы видим, как это сбывается.

2.IV.23

<...> Днем из Школы заехала на короткое время к Рерихам. Е.И. напомнила мне, что, когда мы у них были в прошлую пятницу (две недели тому назад), у нее так сильно потемнело кольцо, что [это] нас всех поразило, и [только] к концу вечера начало светлеть. Как раз тогда на обеде у Хоршей были Харрисы, которые им что-то, видимо, нашептали, ибо мы все после [этого] ясно почувствовали перемену в Хоршах, которая продолжается до сих пор и которую мы все теперь переживаем, так как у нас объединенное сознание. Е.И. много сегодня опять поучала на будущее относительно сношений с Хоршами. Если он будет опять говорить об Америке и американской школе и искусстве, сказать ему, что если он попадет в лужу, то не принял [бы] ее за океан. В луже тоже есть вода, но она остается лужей. Потом, что в Кор Арденс, когда было основано Н.К., вошли все мировые имена, как Метерлинк, Местрович, Тагор, не потому, что они любили Америку и ценили ее искусство, а потому, что там был Рерих и из-за него они пришли. Рерих — личность мировая, через него были даны и Мастер Институт, Корона Мунди, Музей, и задачи этих учреждений интернациональны.

Шовинизма у нас в Школе не должно быть, чуть мы станем на американскую сторону, мы этим самым теряем место в Белом Братстве, ибо Оно во главе своих Мастеров признаёт только дела всего мира. Это надо при случае сказать Хоршу.

В одном из указов М. говорит: “Если сущность ваших дел хороша для всего человечества, она хороша для вас”.

Мы не можем отдавать пристрастного предпочтения никакой нации, а [надо] собирать сокровища всех наций и давать их учащимся. Н.К. в России имел редкую коллекцию картин старых мастеров, которую собирал всю жизнь. Один Третьяков собирал только русских художников, его брат — иностранных мастеров. В Америке

наибольшие цены платят за Ван Дейков, Рубенсов и т.д. Говоря же о русском искусстве, надо не забыть, что громадный успех имеет Московский Художественный театр, русский балет, на них Отто Кан тратит громадные деньги. Один из лучших американских художников, Морис Стерн — русский из Москвы, русская музыка в лице Рахманинова, Хейфеца высоко ценится, даже американец-танцор — художник Стоуэт, прицепил себе кличку “русский”, чтобы иметь больше успеха. Лучшая опера здесь итальянская, из всего мы видим, что в Америке пока своего нет или очень мало, и благо тем, кто не шовинисты, а берут лучшее у других наций.

Если Хорши когда-нибудь скажут опять “русский художник” про Н.К., сказать им, пусть они потрудятся почитать книгу отзывов Америки и других стран о Н.К. и его собственные статьи, им многое станет понятно, ибо они, видно, не очень внимательно все читали или вряд ли вообще читали.

Нам нужно будет твердо стоять на страже указов М. и оберегать Школу от коммерческих жилков, которые в особенности проявляются иногда у Порумы. У нас будет борьба в будущем, но мы победим, ибо М. за нами. Е.И. думает поговорить с Порумой и выяснить все и сказать ей про то, что было Сказано, а также про неправильность их действий и понимания дела.

Вчера, 1-го апреля 1923 г., Е.И. меня вызвала и передала мне послание, в котором Сказано, что очень серьезный враг Вадья и с ним нужно главным образом считаться, ибо он — тот высокий человек в видении мамы, который пытался разрушить дом Школы, а всего вышиб два камня. В этом видна наша победа, но в будущем надо очень быть осторожными и следить за его действиями.

3.IV.23

Вчера утром [меня] вызывала Е.И. и сказала, что решила поговорить с Порумой, которая должна быть у нее днем. Е.И. постарается выяснить все, не огорчая ее тем, что было ей сказано, ибо она слаба и это будет для нее ударом. Я тоже чувствую, что это лучше, иначе они будут обе себя очень плохо чувствовать.

Е.И. мне рассказала, что она видела прошлой ночью во сне М. К.Х. в темном одеянии. Он был с ней где-то в большом городе, очень молодо выглядел, радостно ей улыбался, и она чувствовала к Нему огромную любовь, больше которой трудно было себе представить. Потом М.М. подтвердил, что Е.И. и М. К.Х. были в Лондоне для какой-то работы, ибо там теперь очень трудно. Замечательно то, что Он не был окружен особым светом, а Лик был даже немного изменен, вероятно, потому, что был в Лондоне в физическом теле.

Днем был у нас Н.К. и помог поставить все картины у нас в чулане. Потом он часа два сидел у нас и очень много говорил о будущем и как нам [нужно] всегда спокойно работать. Говорил также о роли президента — не давая никому чувствовать свою власть, направлять всех на должную работу. Чувствуя свою роль как большую обязанность, а не как средство для власти. Также говорил Н.К. о том, что никогда нельзя посылать из нашей Школы статьи в журналы или газеты, не имея раньше личное свидание с издателем журнала, вообще личные отношения, иначе будут отсылать не читая, как это и случалось, когда Грант прямо без разбора посылала статьи в журналы. Ей надо будет всегда лично идти и приносить самой статьи издателям.

4.IV.23

Е.И. говорила с Порумой, все выяснила, 4 часа она с ней провела и говорила с большим вдохновением. Порума даже прослезилась и сказала всё: что на них было влияние и они перенесли тяжелую пору, но теперь туча прошла и они опять видят, где истина и свет.

Конечно, как мудро, что это облако случилось именно при Рерихах, они это видели, разъяснили, и это урок для всех нас на будущее.

6.IV.23

<...> Е.И. рассказала, что с детства любила фризий. М. ей давно сказал, что это Его любимый запах. Е.И. нашла в книге портрет Акбара мальчиком с фризиями в руках!

7.IV.23

Мы все сегодня опять огорчены, ибо Порума не пришла на сеанс из-за головной боли, Хорш телефонировал, что и он не придет, и мы собрались у Рерихов без них — а это уже третью субботу так случается. Мы чувствуем в этом американское отношение к нашим собраниям, неуважение к ним, непонимание важности дня собрания. Е.И. поговорит с Порумой. <...>

Сеанс у нас был очень значительный, и Велено девять месяцев в году читать Наставления этого вечера всем, собравшись вместе. Хорши огорчают Рерихов [в] последнее время. Недостаточно только давать деньги, нужно давать весь свой дух, и всю жизнь посвятить миссии, и, учась у М., давать другим. Уже через месяц наши светлые учителя уезжают. Много нам надо будет пройти, пока мы их увидим опять.

8.IV.23

Долго разговаривала по телефону с Е.И. Много говорили о Хоршах. Е.И. чувствует, что туча над ними еще висит, и она вспомнила, как еще в декабре для нас всех было послание о “явлении бури и непогоды и о предупреждении Лихтман, сказать Лихтман, чтоб широко улыбнуться”. Всё это относится не только к маленькой клевете, которая тогда произошла, а [и] к теперешнему серьезному времени, когда Хоршу нашептали Кроль и прочие о русской школе и русском художнике. Это очень грустно, но теперь нам всем надо показать “тишину во время бури”, то есть быть с ними любезными, приветливыми, но не говорить против их резкостей и глупостей. Показать спокойствие, брать все с широкой точки зрения и даже, придет время, когда, говоря об американстве, сказать ему такую вещь по совету Е.И., что только ограниченному, маленькому человеку дорога идея о национальности, ибо он мал и эта идея его защищает, а человеку с широким кругозором, растущему, поднимающемуся на высоты, эта идея смешна, ибо он смотрит на все с мировой, интернациональной точки зрения, он перерос идеи шовинизма и национализма. <...>

После собрания я зашла к Рерихам, Е.И. еще не было дома, но Н.К. был и имел со мной подробный разговор. Он был огорчен поведением Нуци и просил нас обоих сохранять полное спокойствие, ибо мы должны чувствовать, что мы неуязвимы и ничто не должно задеть нас лично, если мы смотрим на все с широкой точки зрения. Мало того, если Хорш на чем-нибудь, даже глупом, настаивает, всегда уметь чем-то неожиданным, чем-то уже наготове сбить его с позиции. Если же он в остеклившемся состоянии, лучше молчать, не противоречить, а выбрать позже удобный момент, когда он успокоится, и тогда поговорить с ним с глазу на глаз.

Если же даже он настоит на решении какой-нибудь глупости, предоставить ему это на его ответственность, и его это ударит по носу, тогда впредь будет осторожнее. Потом подошла Е.И. Она тоже нас просила, и меня и Нуцю, который пришел вечером, всегда сохранять спокойствие, молчать, когда с ним нельзя говорить, а в удобный момент твердо сказать, если уж он пытается произвести очень серьезное нарушение, только наедине, чтобы он вспомнил, что случается с теми, которые идут против указов М. Вспомнить случай с вице-председателем Кор Арденс, который решил изменить указы, данные М., и как жестоко пострадал: был поражен чудесным огнем во время пожара у него в доме. У него обгорели руки. Или же случай с Грюнвальдом, который притеснял Н.К. в тяжелый для него момент, даже продал его картину с аукциона, а через два года умер в страшной нищете. Или же Муромцевы, ушедшие от Указов и предоставленные своей судьбе. Сказать ему, если придет момент, чтобы он знал, что Рука, охраняющая его, отстраняет от него удары, предупреждает его об опасности, возвеличивает его и его благосостояние, а если эта Рука оставит его, он погибнет рано или поздно, через год или три, ибо, неподготовленный, должен будет принять на себя всю тяжесть своей кармы в связи со своей виной и отступлениями. Он уже знает, что в этом году несколько раз был спасен от разорения тем, что не поехал в Европу и оставил здесь своего компаньона, который бы его разорил, а также тем, что Велено было ему удалить компаньона, который тайно от него производил опасные спекуляции.

Также напомнить ему письмо Блаватской к Олькотту и в случае нужды упорно напоминать о “Книге о Жертве”, где говорится о власти-жертве. Он, к сожалению, еще не понимает истинного значения власти, ибо страшно честолюбив и ему нравится идея власти в смысле даже тирании и единовластия, но это опасный путь. Но, конечно, если это нужно будет ему сказать, если придет такой момент, говорить спокойно, ибо мы знаем, что этим мы защищаем идею и Указы, данные нам, которые нам показывают прямой путь, а не by-way*. Также, если он будет пренебрегать днем Беседы с М., указать, чего он лишается — чувства приближенности к ауре М., который дал нам этот день для поучения нас и для того, чтобы дать знание на будущее.

Мы все должны знать, как мало мы знаем, и жаждать знаний, и ценить и почитать Источник, и свято чтить день наших общих собраний. Е.И. думает, что немало будет моментов, когда нам нужно будет бороться, настаивать на Указах, принципах, но, главное, нам для этого иметь *терпение, мудрость и знание*. Нам нужно много учиться. Изучать искусство старых мастеров и современное, интересоваться в Школе всеми отделами, говорить на собраниях обо всех отделах, чтобы нам нельзя [было] послать упрек, что мы [активны] только в отделе фортепиано.

Потом Е.И. и Н.К. советуют нам иметь за собой армию друзей среди учителей и лекторов, как Якоби, Уайт, Джонс, Старк-младший, который в последнем номере “New Republic” ругал американцев, их театр и драму. Такой человек нам нужен, он нам друг, ибо его можно цитировать, как это даже сам Хорш сделал вчера, забывая, что только три дня тому назад он восхищался Кролем и его идеями американского искусства и школы! Эти учителя составят нашу опору, будут нас поддерживать. Но, укрепляя с ними дружбу, бывая у них, приглашая их к себе, не сообщать об этом Хоршу, ибо он еще будет недоволен, почему он это не делает, и т.д. Лучше ему об этом не говорить, ибо в результате наше общение с учителями — это польза для Школы. <...>

И как заботливо они думают о нашем будущем, как стараются нас оградить советами, мыслями от возможных огорчений и волнений. И с каким терпением они нас учили и все время учат! Е.И. говорит мне, что будут нам в письмах все время

сообщать, что они будут делать в Европе, чтобы мы были в курсе дела и, когда приедут Хорши, чтобы мы не чувствовали себя незнающими. До слез трогательна их любовь и забота о нас.

Вечером у нас был сеанс с Рерихами вчетвером, и нам было много Сказано о победе над самим собой, что лично к нам и относится. Накануне же у Рерихов был сеанс, на котором было Сказано: “Пусть Лихтманы принесут каждую жертву и покажут пример”. Мы твердо решили быть готовыми на все, жить в доме, и если нам скажут выбраться, то выбраться. Нам все равно, что с нами случится с внешней, материальной, стороны, ибо с нами М. и Его Щит над нами, и мы твердо будем стоять на Его стороне. Мы долго сидели у Рерихов, часов до двенадцати, и все учились у них, и сжималось сердце, что они так скоро уедут и мы останемся без них, наших дивных, светлых учителей, через которых в нашу жизнь пришел Свет М. <...>

Между прочим, я вспомнила, что на днях говорила Е.И. Ей давно уже было видение, где перед ней проходили восточные послы, а она им говорила речь на неизвестном ей языке и только запомнила слово “Куругузан”. Это слово она написала своему сыну Юрию, и тот прислал объяснение, что это на лапльском языке означает то же, что Лобнор*. Замечательно, что когда все собрались этой зимой к нам на сеанс, было Сказано о Чуде у Лобнора. Я никогда не забуду этих последних вечеров у Рерихов перед их отъездом, наша связь с ними все крепнет, и я чувствую, что наша преданность к ним и любовь не только будут в этой жизни, но и во всех последующих, и дай Бог только, чтобы мы продолжали с ними быть кармически связаны. Через них мы приблизились к М. и Его Учению, и наша жизнь озарилась светом. Нам нужно учиться побеждать самих себя, чтобы быть достойными того, что они нам дали за это время! Светлые, святые души! <...>

10.IV.23

В половине 12-го ночи [меня] вызывала Е.И. сказать, что только что от них ушли Хорши, и она мне рассказывает о буквально совершившемся чуде. Хорши были совершенно другие, в особенности он, прямо поразительно, до чего они горели, были полны энтузиазма, как в первый день их прихода, говорили о будущем, смеялись над Кролем, мечтали о молодых, новых силах, полных идеалов, а не старых, которые приходят критиковать и требовать вроде Кроля. <...> Одним словом, они совершенно переродились, истинно М. совершил на них чудо. И Е.И. сказала, что туча прошла, и мы убедились и видим, как никогда не надо встречать тучу тучей, а лучше переждать явление бури и непогоды, тем более что у Хоршей настроение переходяще и долго не продолжается, а преданность их М. бесспорна. Мы все бесконечно счастливы тому, что у нас всех теперь полная гармония.

15.IV.23

После концерта, средства от которого пойдут на выплату стипендий, который недурно прошел, Ента, я, Нуця пошли с Рерихами к ним. Много нам Е.И. рассказывала об их жизни в Петрограде до революции. Как к ним все старались приближаться, богатство и имя их росло, а она за два месяца до революции подумала: “Боже мой, неужели это все так будет идти до конца моей жизни, все возрастая, эта жизнь в золотой клетке”, и она испугалась, а потом пришла революция и все переменялось. Рассказывал Н.К., как ему хотели давать ордена, чины, сделать царедворцем, а он всегда от всего этого уклонялся, все медали, присланные ему с разных выставок, он всегда отсылал обратно. Одна медаль с Брюссельской выставки шесть раз была ему прислана, а он ее все отсылал обратно.

Во время революции, когда кругом шла стрельба на улицах, убийства, грабежи, Е.И. всегда чувствовала, что им ничего не будет, уже тогда она чувствовала защиту над собой и всей семьей. Во время революции она только закрывала окна матрацами, боясь за детей, чтобы они не испугались, сама же не боялась. Однажды к ним пришла масса солдат, разместились по классам школы, их надо было кормить, потом Е.И. пошла к ним и спросила, [может] они пришли охранять школу, а один солдат ответил: “Нет, мы грабить пришли”. Но все-таки их никогда никто не тронул и не ограбил, даже не приходили обыскивать. Всегда был Щит над ними.

Н.К. говорил, что при управлении школой он имел в руках весь аппарат школы и всегда пользовался им, сам завел с прессой личные сношения и советовал нам всем об этом думать на будущее. Е.И. при этом мудро заметила, что надо стараться найти ключик к каждому человеку и уметь подходить к людям. Надо следить за прессой и тем, что выходит из Школы для прессы. <...>

Всем приближающимся к Рерихам М. протягивает Руку помощи. <...>

22.IV.23

Утром Ента и я пошли смотреть дом с Нетти и Франсис. И очень мы обиделись, что нам дали плохие комнаты. Пришли домой, целый день ходили убитыми, вечером были у Рерихов и имели с ними разговор. Они оба нам многое пояснили, дали нам урок и направили наши мысли от малого, личного к великому служению. Они сказали, что мы должны смотреть на дом как на наш весь, а не думать, что нам в нем принадлежат только три комнатки, и туда совсем не приглашать людей, нужных для Школы, а приглашать их внизу, в приемной в Музее. Поставить себя так, как должны быть в деле, то есть одинаковыми работниками со всеми, и потому принимать людей, где нам будет лучше и виднее. А наши комнаты — это наши личные, для нашего покоя, и в них посторонних не принимать и не сидеть в них, как в норе. Главное — думать не о себе, личных удобствах и обидах, а о полном служении и всех нужных жертвах для дела М. Мы получили дивный урок от Е.И. и Н.К. на будущее, и мне было потом стыдно, как я еще многого не понимаю и смотрю перед носом, а не в даль.

Был у нас после дивный сеанс, и мы тоже были названы малолетними учениками, как и Хорши недавно, ибо мы заслужили это название. Нам было сказано, что через пять лет поедем в Россию. Трудно себе представить, что так скоро мы уже уедем. Н.К. рассказал о своем посещении Судейкина, и тот ему намекал на 1931-й год и вообще говорил намеками об Индии и России в связи с Н.К. Произвел на Н.К. отвратительное впечатление, и его надо опасаться.

23.IV.23

<...> Н.К. сегодня в Школе говорил Грант о значении паблисити*, что она должна иметь сношения и посылать статьи повсюду, и в Южную Африку, и на остров Яву, поставить весь этот аппарат паблисити так, чтобы все нити были у нее в руках и она пользовалась ими для проведения великой идеи нашего Учения, а не через посредство только Школы, Корона Мунди и Музея. Тогда наша работа будет оправдана. <...>

26.IV.23

Были у Рерихов, дивно провели вечер. Е.И. со мной очень много говорила в то время, как Нуця и Н.К. составляли историю картин Н.К. Говорила Е.И. о том, что

если в будущем к нам придут стучащиеся души, быть с ними очень осторожными, вначале говорить с ними об искусстве и красоте вообще, а потом уже, если человек хочет идти духовною тропой, дать ему “At the Feet of the Master” [“У ног Учителя”], потом другие маленькие религиозные книжечки, и потом уже, если человек серьезно думает пойти по этому пути, рекомендовать ему и другие книги. Если он спросит про Мастеров, говорить с ним о Них, подтвердить наше сношение с Учителем, но никогда не говорить про способ сношения, а сказать, что у каждого свой способ, который и будет ему Указан, если человек будет Позван. <...>

29.IV.23

<...> Вечером у нас был дивный сеанс, Велено было вызвать маму для видений, и она приехала. После сеанса мы остались сидеть в темноте, и Е.И. рассказала, какие поразительные физические явления сопровождали их первые лондонские сеансы. На головы сидящих падал дождь спичек, монеты, носовые платки, по комнате летали металлические предметы, никогда никого не зацепляя и не причиняя вреда, ковры срывались с места и летали над головами, столик, без прикосновения к нему, сам двигался, всем были даны монеты-талисманы. Сидели они с утра до вечера, до поздней ночи, давалось дивное Учение, рисунки, в общем, было проявление громадной силы. Был у них один сильный сеанс, где им были продемонстрированы разные животные. Они все сидели на диване, в темноте, и слышали, как по комнате прошла собака и била хвостом по полу, прогалопировала лошадь, прошел слон и хоботом дотронулся до шкафа, прошла корова, летали птицы и царапали клювами о вещи, все звуки были поразительно отчетливы. <...>

30.IV.23

Последнее наше собрание в Школе, Н.К. сказал нам всем дивную речь, во-первых, что у нас не предвидится никаких затруднений, все налажено для будущего, новых учителей нам не нужно, этих учителей хватит для тысячи учеников, новые трудные и дорогие курсы в Школе тоже не нужны, нужно избегать разных усложнений. Все внимание устремить на прессу, и через два года мы уже можем иметь наше собственное агентство, наш синдикат прессы и давать идеи красоты и духа всему миру. У нас уже есть в руках “Hearst Syndicate” и “Underwood and Underwood”. Через прессу надо завязать сношения со всем миром. Нам уже и вселенной скоро будет мало, ибо мы стремимся выше, к планетному миру. За нашими тремя Учреждениями есть четвертое, невидимое — великая идея, которую мы должны провести во весь мир. <...>

5.V.23

В последний раз в субботу для сеанса все были у Рерихов, они уже сидели не с нами, а возле нас и во время автоматического письма и за столиком в темноте после. Были дивные сообщения, у мамы было пять чудных видений. Е.И. дала нам всем на память, что было ей указано М.: Франсис — брошку с опалом и бриллиантами вокруг. Нетти — сердце из аметиста, которое она носила на Монхигане, Енточке — кольцо с жемчугом, которое она всегда носила на пальце, маме — золотую цепь с золотой ручкой, как бы всегда указывающей и держащей треугольник, мне — часики, которые Е.И. всегда носила, будучи молодой девушкой. Часы — это символ бодрствования на часах, часового. У всех было дивное чувство единения, гармонии и любви, но грустно при мысли, что так долго не увидим наших

светлых, мудрых, великих учителей. Сидели поздно, никому не хотелось уйти, ибо мы все собрались у них последний раз.

Н.К. рассказал, что вчера они обедали у Крейна и встретили девушку из Сирии и спросили ее про имя Сохрайя. Она сказала, что это самый старый город в Сирии. Это было моим именем, когда я была тронной дамой. А имя Е.И. значит “жемчужина”, тогда было ее имя Олула. <...>

7.V.23

Были сегодня в последний вечер перед их отъездом у Рерихов. Были мы вчетвером, дивный, незабываемый вечер. Вначале беседовали, а потом сели [за стол], были даны чудные видения и глубокие, дивные слова Учения. Потом еще беседовали за чаем, а потом прощались долго, со слезами на глазах, крепко обнимая и целуя Е.И. и желая сохранить полные облики Е.И. и Н.К. в последний вечер до нашей будущей встречи в России. А пока эта пора настанет, опять продолжать работу М. на пути к Нему, чтобы дойти. Какие дивные души, горящие любовью и мудростью, — Рерихи, давшие нам все!

Днем сегодня Рерихи долго сидели в Школе, пришли в последний раз посмотреть на нее. Были и Хорши, и Грант, все мы сидели вместе в последний раз в этой Школе.

Пришла мадам Фельдман, жена художника Фельдмана, и принесла Н.К. заказ на религиозные картины для Чикаго на [сумму] 30 000 долларов — это [в] день перед отъездом!

Конечно, он отказал, но поразительно, что в последний день пребывания Рерихов в Америке, через такую прямо невероятную особу, как эта дама, является заказ на 30 000.

8.V.23

Сегодня проводили наших светлых великих учителей в Европу, Е.И. и Н.К. Они уехали со Светиком на “Mauretania” в десять часов утра. Хотя на душе у нас очень грустно, но было и очень радостное чувство при мысли, что они едут продолжать свою великую миссию на пути к М. Н.К. сказал, что у нас потому должно быть у всех радостное чувство, ибо мы должны жить будущим, а грусть — это чувство прошлого.

На прощанье он всем нам сказал: “Действуйте”. Со всеми нами поцеловался. Их дивные облики, Е.И. и Н.К., остались на всю жизнь в нашем сердце. Через пять лет мы уже будем в России, а через семь лет, 28-го сентября 1931 г., мы увидимся с ними и вручим им данное нам письмо.

Сегодня окончилась серьезная, светлая, дивная глава в нашей жизни и началась громадная ответственная новая глава нашей работы здесь. Уже два с половиной года прошло со дня приезда Рерихов сюда, и они нам все дали и закрепили все перед своим отъездом. Теперь мы должны показать в нашей работе применение великого Учения, оставленного нам М. через наших великих гуру. <...>

10.IX.23

Получили письмо от Рерихов — найден Чахембула, имя которого давно произнесла мама в одном из видений. Он — Н.В.Кардашевский из Литвы, помещик, и сам пришел к Н.К. в Париже. Ему велено найти семь человек, принявших Учение, и, когда каждый из них найдет [еще] по семь, ему будет дан новый Зов.

14.IX.23

<...> Вчера приехали Хорши, полные энтузиазма к работе. <...> Они привезли [от Н.К. и Е.И.] следующие тайны о будущем: Е.И. и Н.К. будут жить на Алтайских горах, будет построен храм, план которого будет дан [через] Светика, и Сибирь будет центром России.

Камень, обладающий великой силой, будет дан Е.И. и Н.К. в октябре. Камень этот был в глубокой древности дан со звезды Орион. Им владел Акбар. Он как магнит притягивает людей. Целые нации могут подняться, если поднять его кверху. Враг может быть уничтожен, если три раза произнести его имя, смотря на Камень. Только абсолютно чистые духом и мыслями могут смотреть на него. Он будет в руках Е.И. и Н.К.*

Шибает с поддержкой Хорша откроет в Риге Worlds Service — как и American Express здесь, значение чего колоссально для будущего.

16.IX.23

Пошли с мамой к Хоршам в Hotel Plaza в 3.30 дня. Туда же пришла Франсис. Нетти всем раздавала Знаки*, привезенные ею из Парижа. Она передала, что по вечерам каждый должен сосредоточиваться на Знаке. <...>

6.X.23

Сегодня в 11 часов утра получили от Рерихов следующую телеграмму: “Сегодня в 11 часов утра получен обещанный великий дар. Огромная радость. Рерихи”.

Значит, получен великий дар — Камень, обещанный Учителем. Мы все бесконечно счастливы. Как это случилось, не знаем, но надеемся получить подробности. В Школе между всеми полная гармония и великая радость по поводу события. <...>

8.X.23

Великий день открытия Школы в новом здании. Мы принесли портрет Н.К. вниз и поставили в первой комнате на его мольберт. Мы вчетвером взяли девять белых хризантем с надписью: “От сотрудников — Храму” и поставили их в вазе у портрета.

Нуця пошел вниз и *развел огонь в печи*, и в Школе было тепло.

Первое письмо пришло в Школу утром от Е.И., и первая строка в нем была Приветствие от Учителя. Письмо дивное. В этот же день начались классы живописи, иллюстрации, теории, пения и рояля, языков. <...>

13.X.23

Ночью у мамы было видение. Хорш сидел у стола, обеими руками держался за голову и смотрел перед собой на грош. Перед ним стояла тень и с хохотом и злорадством ему сказала: “Смотри, как бы ты не остался при гроше”. Чувство было очень неприятное. <...>

17.X.23

Сегодня получили письма от Рерихов — одно из трех писем от Е.И. с описанием принесения великого чуда — дивное письмо. Мы все потрясены, вечером собрались у Хоршей и прочли все вместе. Незабвенный день. <...>

17.XI.23

Получили телеграмму от Рерихов: “Привет из Македонии”. Это они уже были на пароходе в Марселе, выезжая оттуда в Индию. Дивный, радостный день для них и нас всех, знающих об их Великом Пути. В этот же день получили дивное письмо от Е.И. к Поруме и от Н.К. к нам.

В этот же день, 17-го ноября, был инкорпорирован Музей Рериха. Великий для нас всех день. <...>

АМЕРИКА

1924

24.X.24

Сегодня в час дня на “Аквитании” приехал Н.К. со Светиком. Встречали все мы с Таруханом и Нару*. Радость огромная. Н.К. чудно выглядит, помолодел, похудел и весь светится огромным светом. Простояли мы на пирсе до 4-х. Модра утром выехала на пароход с репортерами и устроила все, что нужно для газет. Н.К. по дороге к Школе рассказал, что в Париже ему плохо говорили о Тарухане, а Ремизов прямо просил, чтобы Н.К. не давал Тарухану “Пути Благословения” для продажи и рассылки, ибо он не сделает это хорошо. Ремизов написал новую чудную книгу, говорит в ней о Черном Камне Клятвенном и о Матери Мира. Возможно, мы ее в будущем издадим.

Приехали мы в Школу, пошли в Музей. В общем Н.К. все очень понравилось, сказал, что нужно завесить окна картинами, ибо белые тени не нужны. <...> Очень понравился ему новый этаж. Он чувствует в Школе чудную атмосферу, говорит, что все солидно. Потом мы немного посидели в приемной, и Н.К. говорил при Тарухане об ошибках Морей — что он рано приехал, ибо ему было сказано, что Тарухан должен приехать раньше, а он позднее; затем, что Морей имел обиды на братьев и сестер, чего делать нельзя; затем, что он хочет служить высшим,

а не низшим путем, а в служении все пути одинаковы; затем, он [напрасно] думает, что быть композитором важнее, чем учителем. Также [Н.К.] сказал, что Морей по натуре прекрасный дух, но М.А. опасна.

Потом мы пошли пить чай в чайную, которая напомнила Н.К. атмосферу в петроградской школе. Там Н.К. раздал всем нам, алтайским сестрам*, ступни Будды чудной по красоте работы — подарок, присланный нам Е.И., о котором она писала раньше. Наша секретарша, которую мы представили Н.К., написала ему под впечатлением момента чудное письмо. Затем мы довели Н.К. до отеля “Александрия” и разошлись, сказав при Тарухане, что встретимся в 9 часов. Но уже в 6.30 были у Н.К. Он нам показал коллекцию тибетских танка, привезенных для Корона Мунди. Их сорок [штук], некоторые очень редкие, поразительной яркости красок и разнообразия сюжета. Также [он] показал нам изображения Будды Майтрейи, одно из них сказано дать Мерриту с вопросом, чувствует ли он в себе силу принять его. Также чудные вещи времен Акбара: масляную лампу, флакон для духов из меди и камни из стены дворца Акбара, собранные Е.И.

Потом он нам говорил об “Алатасе”. Условие с авторами: 10% — автору, 10% — “Алатасу”, 80% — на издержки, книгопродавцам, расходы по жалованию и найму и на печатание книги, что не должно превысить 20%. Одобрительно отозвался об обличье книг и сказал, что нам нужно будет иметь *в будущем* книжный магазин. “Алатас” должен выпустить акции, и пусть их продает Тарухан.

Мы все ужинали, потом пошли наверх, к 9 [часам] пришли Нару и Тарухан. Н.К. говорил об Индии и о неизбежности там революции, о Тагоре, который повсюду действует нетактично, о Босе Сене, знаменитом биологе, соединяющем науку с духом. Затем Н.К. вынул Учение и прочел нам “Обращение к Кругу — Порума пусть строит Дома Блага, Радна пусть идет на гору, Нару — к целебному источнику, готово почтение посылкам Авираха. Пусть Ояна принесет дар Тары на гору Алтая, Видящая пусть найдет свое место” и так далее, затем чудные притчи о Христе и два видения, одно Е.И., а другое — видение Акбара. Затем он дал мне часть писаний, чтобы начать переписывать, и мы ушли, полные радости.

Светик возмужал, очень серьезен. “Буддийские легенды” Юрия* печатаются в Париже у Гюнтера. Вчера получили от Яруи “Пути Благословения”. Вчера также была в “Theatre Arts” статья об Н.К. со снимком “Русь языческая” [“Идолы”].

Н.К. сказал нам, что поедет обратно в Берлин и Париж, где он должен получить концессии на земли в Алтае под [разработку полезных ископаемых] для агрикультурного применения. На высоте 7000 футов будет построен Храм, а город — в долине. На высоте 11 000 футов будет место Встреч*. <...>

25.X.24

Сегодня мы сидели утром с Н.К. и обсуждали много новых возможностей. Многие картины в Музее дать для временной выставки, обозначив их. Миссис Гарретт написать, что у нас есть несколько картин из того же периода, что и у нее, но готовы купить из раннего или нью-йоркского периода. В классе рисования повесить на окно передвижные ставни, ибо трудно рисовать, имея свет с двух противоположных сторон. Н.К. привез копии со своих картин, между ними “Матерь Мира”. Сказал, что Американский Музей должен быть имени Нетти и Луиса Хоршей. Н.К. будет президентом, а Франсис и я — вице-президентами, ибо Нуця

потому не может [им] быть, что *уедет в Сибирь раньше меня*, а я еще здесь останусь на год. Поразительно! Дал ценные идеи об Американском Музее — все записали.

Вечером Н.К. пришел к нам и рассказал, что имел длинный разговор с Таруханом и спрашивал его про места на Алтае, и он [Тарухан] *их все знает*. Вот где он нужен — указать точно места и получить на них концессии. Говорил с ним о его вечере и направил его к Вирену и русским студентам. Одним словом, определил его линию. Н.К. считает Нару лучше Тарухана. Н.К. видел Морее сегодня утром с нами в чайной, и тот произвел на него тяжелое впечатление — мохнатый! Поразило Н.К., когда я ему показала книгу о неизвестной жизни Христа*, там есть тибетская карта и на ней — путь к монастырю Химес, как раз куда в будущем году летом направляются Е.И. и Н.К. В этом монастыре находятся рукописи, с которых и переведена эта книга.

Потом все были на ужине у Порумы. <...> Говорил о Ремизове, что его вторую книгу надо издать, но не трогать его духовно, ибо он идет по своему пути. После ужина пришли Нару и Тарухан, и мы в первый раз все сели, и мама имела видения. Потом Н.К. дал нам советы, как работать для Хрестоматии Учителя* — на разных языках; уже даны Легенды и Притчи; нам приносить лучшие идеи, мысли; претворять сны и видения в рассказы, все равно, длинны они или коротки, а главное — не спешить с печатанием и изданием. Работать и думать об этом, а раз в две недели, в субботу, собираясь вместе, читать и советоваться. Разошлись к одиннадцати, а на прощание Н.К. сказал: “Ну я скажу, как мой брат, бывало, говорил: “Пойду на минуту поспать, а потом опять вернусь””. Завтра в 10 часов соберемся в Музей и Н.К. будет нам читать Учение.

26.X.24

<...> В 10 часов утра мы собрались все, включая Н.К. и Светика, а также Тарухана и Нару, в приемной. Н.К. читал Учение, я переводила на английский. Как раз перед тем как было Сказано о Морее, он подошел и присутствовал при чтении. Окончив чтение, Н.К. сделал много ценных указаний о Корона Мунди, которые были записаны.

Затем мы с ним пошли обедать в отель. Н.К. рассказывал нам о Шклявере, как трудно было от него отвязаться, что он назойливый и хитрый человек. Очень много комических эпизодов. Например, Шклявер все говорил, как чудно бы издать его книгу, — Н.К. соглашался; тут он и говорит: значит, “Алатас” ее и издаст на французском. Н.К. ему отвечает, что “Алатас” ничего не издает на французском, ибо господин Хорш не любит французскую валюту!!! Такими отговорками его приходилось отклонять. Затем после чудно проведенного времени за обедом мы пошли обратно в Музей. Там мы начали разрешать вопросы о Нобелевской премии и записывать их. Делали мы это продолжительное время. В это время в Музей пришел Бурлюк и вызвал Тарухана. Тот вышел к нему. Затем Н.К. увидел репортер из “Associated News Syndicate”. Затем пришли Воган и Холл, и Н.К. их принял, долго с ними говорил, видит в них полезных будущих работников. Они были крайне поражены, увидя его здесь, и очень счастливы. Также пришла мисс Кеттунен, и ее Н.К. принял отдельно, он доволен ею. В Музей же пришли масса народу, между ними и русские, в общем свыше двухсот пятидесяти человек. Н.К., видимо, как магнит притягивает людей. Днем пришла и Мар. Ал., опять пришел Морей, но скоро ушел. Она очень темная, “к ней и приступить нельзя”, как говорит Н.К.

К 6 [часам] закрыли Музей, простились с Тар[уханом], Нару и М.А. и пошли к Н.К. помочь распаковать вещи. Н.К. привез дивные личные вещи, предметы искусства из Индии для Корона Мунди, также много своих книг, монографий и

эскизов, которые будут стоять в стеклянной витрине в Музее. Затем две дивные картины — вид Тибетских гор. Нам в подарок привез чудную медную старинную коробку, Логвану — чашу Будды, Поруме — кораллы, подаренные Е.И. ламой, принадлежавшие китайскому императору. Корона Мунди колоссально обогатилась привезенными редкими вещами Н.К., собранными им, Е.И. и сыновьями в Индии. Н.К. говорит, что тибетские танка, которые составляют большую редкость, должны быть проданы Музеем всей коллекцией; не надо дробить ее, ибо это большая редкость. [Надо] показать их на выставке в Корона Мунди будущей осенью вместе с книгой Юрия, которая будет тут же для продажи. Окончив распаковывать, мы все пошли ужинать.

Так дороги минуты, проведенные с Н.К.! От него веет особенным светом, мудрость его неисчерпаема, юмор тонок и поразителен, и при этом он очень практически рассуждает, все приводя к жизненному применению.

Пужинав, пошли к Поруме и имели подробный деловой разговор о Мастер Институте и Корона Мунди, обсудив вопросы, приготовленные нами для Н.К., и его планы. Н.К. блестяще разрешил для нас проблему “Алатаса”: 10% и ничего больше авторам, которые не хотят нам давать эксклюзивные права и кооперироваться, а кооперирующимся авторам — 10% и половина с чистой прибыли по исключении всех расходов. Юмористический эпизод — мы спросили: “А что если Тарухан предложит новое издание “Чураевых”?*” Н.К. говорит: “Нет, эта книга должна теперь быть редкой”.

Затем к концу вечера Н.К. передал нам большую новость. В Берлине он встретит Ярую, которого берет с собой на месяц в Индию — так было Указано. Он должен сделаться представителем чайных фирм в Индии, затем “Weimar Farben” в Германии и представителем “McKennon & McKensie” в Индии. Он увидит Е.И., ибо все чайные плантации как раз под Дарджилингом. Мы все бесконечно радовались за Ярую. Он заслужил эту огромную радость. Н.К. встретит Е.И. по приезде в Индию в Адьяре, где они недолго пробудут.

В 11 часов мы разошлись, проводив Н.К. и Светика домой. Светик чудесно ко всем подходит, с лаской и любовью, высказал много ценных указаний во время разговора, будет нам большой подмогой. Н.К. сказал вчера, что надо перевести Книгу с русского на древнееврейский*, заменив Имя Христа — Спасителем.

27.X.24

Сегодня утром видела мельком в Корона Мунди Н.К., где он распределял и определял, кому что делать и что оставить из коллекции привезенных тибетских вещей. А потом Н.К. сам был у нас на ужине, и мы провели незабываемый вечер. Много он нам рассказал важного. Во-первых, о Светике — хотя он и вырос колоссально, но иногда на него находят моменты, когда он говорит совсем немыслимые вещи, тогда [нужно] не убеждать его, а оставить в покое — это крайне важно.

Затем из следующего плана, о котором нам рассказал Н.К., Светик почти ничего не знает, то есть что Юрий в 26-ом году едет в Берлин, чтобы получить полномочия и концессии, а оттуда под именем монгольского полковника Нурухана едет через Россию в Монголию. Дела должны быть с большевиками. Отцу Нуци полезно завязать с ними какие-то сношения по делам, а матери — посылать Указания, видения, чтобы и она, укрепляясь в данном, говорила бы об этом евреям, готовя их практически к Новой Стране. В 28-ом году Нуця и Ента едут в Каменец, я — годом позже. Нуця может издать сборник своих статей вместе с “Легендой [о Камне]” на еврейском под псевдонимом Большем. Также [он] должен включить

туда практическую статью с указанием на Вестника Соломона — Амоса-Рериха* — может быть, зовя к практическому применению труда в Новой Стране. Также должен уметь говорить им об этом, ибо говорить только о Мессии в России невозможно и неправильно, но, говоря о легендах и ожидании, перейти на жизнь, как хорошо будет в Новой Стране при кооперативе. Указать, что Будда строил коммунистические общежития, а Христос проповедовал коммунистический строй. Об этом можно и больше сказать, признавая Ленина большим коммунистом. Нуця поедет в “Белуху” с представителем какой-то организации из Каменца, куда он раньше поедет. [Нужно] тут много строить и работать, не думая об отъезде.

Говорили о Тарухане, принимать его таким, каков он есть, считаться с его средой. “Сибиряк всегда рад не работать, получив за это деньги, а если не удастся, просит благословения”, — сказал о нем Н.К. С ним надо жить, “беря его приветливостью”, ибо от него нужны указания на места в Сибири. Принимать его легко, жалования не прибавлять, если потребует, спросить: “А как расход ляжет на “Алатас”?” В крайнем случае согласиться на печатание еще одного тома “Чураевых”. Нару жалования пока не прибавлять. Если Тар[ухан] предложит что-нибудь невозможное, сказать — это не подходит и прекратить на этом спокойно. Морею, если сильно будет жаловаться, даже предложить деньги на билет третьего класса обратно в Париж. Его Н.К. теперь не видит в деле и не советует о нем много волноваться. “Если желаешь кого-либо вытащить из пламени, надо же коснуться пламени”, — сказал Н.К. Он знает, что Тарухан ленив. Спросил, почему он не сам пишет письма, а Нару.

Затем мы имели Беседу, а Н.К. сидел около. Незабвенный вечер — дивное Учение и три видения были даны. Потом Н.К. дал много ценных указаний о Школе и монографии, отметив, какие картины больше не воспроизводить. Не одобрил покупку Хоршами Келлера, говорит, что наш Шнайдер куда лучше, и советовал подарить его Американскому Музею в будущем. Говорит, что Прендергаст дорог, также и Райдер, а Кент неважен. Если какая картина бывает дорога, купить эскизы или рисунки нужного художника, ибо в Музее вовсе не нужно представить художника только его картинами. Очень просил не торопиться с покупкой картин, “не ехать в автомобиле в галереи и покупать”, а искать случая. Важен период собирания, и в это время Хоршей будут ценить, а не тогда, когда Музей уже будет существовать. Исключить вообще Duveen, Knodler и Wildenstein* галереи. Ушел Н.К. в одиннадцать. Не забуду его мудрых слов и светлого лица с искоркой юмора в глазах, подмигивающих нам при комичном эпизоде.

Будущей зимой будет трудно сообщаться, ибо письмо в Лех идет шесть месяцев — почты нет, караван идет двадцать дней, а через два года сообщение совсем прекратится. Н.К. сказал, что будет письма писать в будущем таким образом: отмеченные “o” — лишь Кругу, отмеченные “Δ” — для всех.

28.X.24

Сегодня был митинг “Алатаса” — важные постановления Н.К. Его вступительная речь о том, что пора “Алатасу” стать на деловую почву — выпустить акции, 51% держать у основателей, а 49% — для продажи. Пока выпустить на 10 000 акций по 50 \$ каждую. Печатать теперь вторую книгу Ремизова, затем второй и третий том “Чураевых” (по короткому тому, продавая по 1 \$), затем к осени 1925 г. — Бальмонта и “Буддийские легенды” на русском. Также даны планы на печатание второго и третьего тома “Адаманта” на английском, но от Корона Мунди, а не [от] “Алатаса”. Но мы не закончили всех вопросов, пришлось отложить. Тарухан и Нару не светлые, Н.К. очень спокойно относится, в трудных случаях отвечает: “Для

капитала “Алатаса” нужно продавать акции”, или же — “это на будущее”. <...> Тар[ухан] поднял вопрос, что Тане трудно быть в чайной — слишком много времени уходит. Н.К. сказал, что он считает чайную большим делом и в будущем придется к чайной присоединить библиотеку, выпустить акции, и если Нару трудно, она должна прекратить [работу] сейчас либо работать сколько надо.

Вечером у нас ужинал Светик — добрейшая и нежная душа, умница, с тонким юмором, сильно [пошел] в отца. Потом пошли к Поруме, читали Учение, затем отвечали на заготовленные вопросы. Светло и радостно с Н.К.

29.X.24

Сегодня Н.К. давал утром советы, как сделать из малой скульптурной чудный выставочный зал для Корона Мунди. Покрыть все окна холстом, заставить кран деревянной подставкой для статуи, на радиаторы — деревянную скамейку. Потом диктовал много ответов на Американский Музей* и так далее. Пришла репортерша из газеты для интервью. После завтрака опять писали указания. Днем Н.К. поехал повидать Бородину, поговорить о местах для концессий на Алтае. Тот его чудно принял, видимо, все устроится, наметил письма к нужным людям в Москву. И вот заложен первый камень основания “Белухи”. Также решили выпустить акции ее, в большом количестве, дать Тарухану и Нару по пятьдесят акций. Вечером собрались у Хоршей, Н.К. читал нам Учение — изумительные Указания на будущее — о поездке Удраи, Яруи и Чахембулы в Монголию через Россию (Сибирь). Читал отдельные картины будущего, данные М.М. План непередаваемо грандиозен. Ушли мы поздно и видели постыдную вещь — из окон своей комнаты все время шпионили за нами Нару и Тарухан. Так что Н.К. должен был выйти один, а мы все позже, чтобы они не знали, что он был с нами. <...>

31.X.24

Сегодня Н.К. <...> беседовал с Таруханом, и тот сказал, что напечатать три книги обойдется в полторы тысячи долларов. Обещал приготовить материал и карту Белухи. Вечером мы собрались у Порумы, Тарухан принес карту, показал Белуху, долину под ней и нужные места, Н.К. забрал с собой все, так что сегодня был важный день — решился вопрос о “Белухе” и были даны места. Затем Н.К. читал Учение, я переводила. Тарухан и Нару сегодня намного светлее, возможно, что она оставит чайную. От Келлога получили странное письмо — в ответ на наше предложение ему сделаться почетным советником Музея он говорит, что должен больше знать об Учреждениях. Н.К. сказал вечером: “Когда он приедет, я буду его пилить деревянной пилой”. Но в общем Н.К. сказал, что в таких случаях не настаивать и людям объяснений не давать.

1.XI.24

Сегодня у меня удача — почти нет уроков. С утра была в Музее с Н.К., Светиком и остальными, кроме Нуци и Енты. Такое наслаждение и наука видеть Н.К., развешивать и менять места для картин. “Сокровище Ангелов” повешено там, где когда-то мечтал его иметь Нуця, закрыв оба окна, наверху “Вечер” на такой же стене, закрывая окна. “Saintly Visions” [“Владыки нездешние”] внизу на длинной панели у входа, то есть там, где мама видела давно во сне эту картину. <...> На “Сокровище Ангелов” запечатлена тропа восхождения, как нам сказал сегодня Н.К. Написана [она] в 1904 году — Ангелы охраняют Камень, на котором изображен

распятый Христос, на другой же его стороне — змей и дракон. Н.К. говорит, что Христос является как бы символом смещения одной религии другой.

Завтракали мы вместе с Н.К. в чайной, работал предварительно над развеской до 12 [часов]. И Воган был с нами, ибо как раз пришел в 11 часов видеть Н.К. Николай Константинович спросил и его совета, сказав мне: “Пусть и он попробует повесить что-нибудь сам — руки от этого не отвалятся, а удовольствие будет иметь большое”. После завтрака мы продолжали работу, закончив на время, ибо завтра Музей будет открыт, а потом продолжим. Потом Н.К. много говорил нам о Мировом Служении, давая много полезных указаний. Между прочим, он изменил бланк World Service, говорил, что огромное дело начнется, когда откроется “Белуха”, читал отчеты Яруи и остался доволен его работой и прибылью. После Н.К., Светик и все, кроме Порумы, пошли к нам пить чай. <...>

Потом мы пошли к Поруме на ужин, было чудно. Светик нас забавлял, изумительно подражая браминам и заклинателям змей в Индии. Он вообще удивителен, работает с утра до вечера, работал в Музее, развешивая, ко всем ласковый и всех и всё любит — чудесная душа и огромный талант.

Потом у нас была дивная Беседа, по обыкновению. Н.К. сел с нами, получили чудные писания, изумительные видения. Потом еще долго беседовали. Н.К. рассказывал об Индии, кастах, разошлись в 11 часов. Незабвенные дни! Сколько мудрости и света льется на нас теперь. Как терпеливо Н.К. учит нас говорить со всеми, например, Таруханом — если он попросит прибавку жалования или жалование для Нару, сказать: “Хорошо, но как падут эти расходы на “Алатас”? Ведь у “Алатаса” есть долги, и их надо выплачивать”. Если он захочет поехать в Европу — сказать ему, что там мертво и дел нет, что нужно вести дела отсюда.

Как Н.К. нас любит, как ласково на всех смотрит. Забываешь всю усталость, жаждешь момента быть с ним вместе, но, увы — летит время, уже больше недели! И все время мы ярко чувствуем возле нас Е.И. Любимые наши, светлые учителя!

2.XI.24

Сегодня в 10.30 утра собрались все с Таруханом и Нару в Школе. Н.К. продолжил чтение Учения. Затем мы пошли обедать с Н.К. и Светиком. После обеда пришли обратно в Музей, и там Н.К. рассматривал вырезки и сказал, что можно употребить для музейного каталога виньетку на последней странице — изображение герба Н.К. с пальмовыми ветвями и шестиконечными звездами, но это работа не Н.К., а другого художника. <...>

Н.К. видел Реджинальда Пола, который пришел от Джинараджадасы, [чтобы] устроить с ним свидание, Н.К. хочет его повидать. <...>

У мамы было видение — глаза Елены Ивановны смотрели через Светика и старались подать какой-то знак Н.К.

3.XI.24

Маме снилось, что приехала Е.И., и привезла три белых мешка, и начала нам показывать их содержимое — в одном мешке был белый металл, в другом как бы медь, а в третьем как бы стекло. Она сказала, что ей было нелегко принести эти металлы. Они с сибирских гор. Затем в комнату, где была Е.И., вошла молодая девушка, блондинка, очень красивая, а вторая [девушка] осталась в другой комнате, и мама подумала: как же Е.И. нам не сказала, что у нее есть еще две дочери помимо двух сыновей?

Сегодня утром Н.К. видел Колокольникову, которая произвела на него очень хорошее впечатление. Он думает, что Колокольникова нам поможет в будущем в чайной, уже не говоря о Сибири. Мы вместе завтракали, а затем он показывал нам картины, прибывшие сегодня.

Трудно описать серию “Его страна”. Они [картины] имеют в себе иное чувство и атмосферу и поражают своей нездешней духовностью и красотой. В особенности незабываемы “Мать Мира” и “Учитель и Христос”*.

Пришли сегодня Воган и Холл навестить Н.К., и он им сказал, что теперь они должны проявить себя в жизни, ибо достаточно прожили в уединении. Утром Н.К. дал перевести мне прекрасный текст, посвященный тем, кто придет с желанием работать с нами: что им сказать. Ужинал Н.К. с Селивановой у себя в отеле и указал ей на ошибки, совершённые в распространении ее книги “World of Roerich” [“Мир Рериха”], ибо она для нее ничего не сделала. Она давно сказала, что [так как] книга продана нам, значит, она умывает руки. Комичный эпизод рассказал Н.К. о Селивановой. За ужином у нее разлетелись толстые огромные бусы, которые она носила на шее. И весь ужин сыпались из-под ее платья, последняя буса вылетела во время десерта. Она решила, что это к несчастью, а Н.К., глядя на количество бус, сказал, что это к изобилию.

В 7.30 вечера Н.К. пришел к нам, и у нас был чудный сеанс, большой силы. Он сидел недалеко от стола, за которым мы стояли. Было между прочим Сказано: проявить находчивость нам. Мы после сеанса начали говорить с Н.К. о том, как обеспечить и приобрести его картины для Музея, но сделав что-нибудь для этого, а не принимая как должное. Затем говорили о том, чтобы все Учреждения были бы не на имя Логвана, ибо если в Америке будет политический переворот, ему будет невыгодно быть владельцем, а гораздо выгодней иметь их на имя Учреждений. Мы еще должны будем обсудить, как это сделать. Н.К. согласился с этим.

В 8.30 пришли Хорши, Модра и Светик. Читали чудесные письма, полученные Н.К. от Е.И., и потом подошли Тарухан и Нару, при них читали письма Чахембулы и Чистякова. Затем читали Учение — поразительные главы из жизни Христа. Все преображается, когда читаешь об этих никому не известных главах из его жизни. Материал, привезенный Н.К., изумителен, и мы счастливы оказанным нам доверием. Надеюсь лишь, что успеем переписать. Ояна мне сказала, что говорила с Н.К. Он ей сказал, чтобы мы поменьше судили о Тарухане — он нужен как проводник. Затем, чтобы мы не трогали Американский Музей, пусть уже действуют Хорши, также, что они — Е.И. и Н.К. — знают, что Логван “разбил немало посуды”, а Порума его ведет по неправильному пути честолубия.

4.XI.24

<...> Затем я сегодня была одна у Н.К. от 5-ти до 7-ми [часов] и о многом с ним говорила. Он мне сказал, что новые картины закрепляются следующим образом: Музей их приобретает за 50 000 \$, то есть за 1/3 их настоящей цены — 150 000 \$, по музейной цене. 25 000 вносятся сейчас же, 5000 из них — на имя Светика, 5000 — на имя Юрия, 15 000 — Н.К., остальная сумма на долгий срок для погашения; картины, которые будут присланы из Кашмира или Леха — на таких же условиях. В случае исчезновения Н.К. и появления кого-либо из его родственников с претензиями на право владения картинами в бумаге будет стоять, что деньги хранятся до востребования Н.К. или Е.И. <...>

Затем я говорила Н.К. о честолубии Порумы и что она толкает Логвана на неправильный путь и дает ему мало инициативы. Н.К. все это видит и даже сегодня на собрании обратил внимание, как она спрашивала отчет у Тарухана о каких-то

мелочах. Он говорит, что она должна приближать тех новых, которые именно к ней идут, ибо это не случайно и люди приходят по Лучу, именно одинаковости цвета — синего к синему и т.д. И это мы все должны понять.

Н.К. сказал, что Воган и Холл претрудные люди, гораздо труднее Тар[ухана] и Морей. Они уже пришли к Н.К. и сказали ему, что знают — у него есть Послание для них. Он им ответил: “Да — будьте проще”. Они начали расспрашивать, но он только это и повторял и сказал, что они должны сами вникнуть [в это] и проявить в жизни. Затем он сказал: “Если Морей бежит от вас — бегите и вы от него. Если Тарухан приближается к вам — [и] вы приближайтесь к нему, чтобы проявить в жизни закон ответного действия, даваемого в Учении”. <...>

Все время надо читать Указы, повторять данное и стойко идти, применяя распознавание. Но мы должны осторожно давать Учение, не все переводя. Я просила Н.К., чтобы он мне лично указал мой путь.

Он сказал: “Идите так же, миленькая, вы идете правильно и действуете правильно. Продолжайте так же”. Затем сказал мне, что мы должны остановить пересуды о Тарухане, ибо это даже не практично, не говоря о том, что это не по Учению. Каждая наша злобная мысль ему или пересуды о нем ему же приносят вред, не помогая идти высшим путем, ибо, сказал Н.К., он оборачивается на каждую нашу злую мысль о нем. Н.К. очень серьезно просил прекратить пересуды о нем за глаза. <...>

5.XI.24

Утром пришел Келлог, Н.К. с ним очень серьезно говорил и спросил: на каком основании тот отказался от звания Почетного Советника, говоря, что не знает о нравственной позиции Учреждений? Тот крайне извинялся, чуть не плакал, в результате порвал свое письмо и извинился перед Хоршем. Потом Н.К. показывал ему свои новые картины, и Келлог был поражен ими и просил продать ему одну картину, на что Н.К. согласился.

Потом мы его пригласили с нами завтракать, и он, сидя за столом, развил идею издания журнала с проведением мыслей о красоте и искусстве с духовностью для молодого поколения. Сделать журнал популярным и доступным по цене. Предложил нам принять участие, и Н.К. согласился. Возможно, первый номер выйдет 24-ого марта с обложкой репродукции картины Н.К. Много мы обсуждали идею этого журнала, Келлог очень мило и открыто говорил о многом — он теософ. Вечером мы ужинали вместе с Н.К. Опять было радостно слушать, как он говорит и дает советы и указания. <...>

Забавный эпизод — решили назвать журнал Келлога “Orion” — то есть Н.К. предложил, и все подтвердили. Я пришла последняя, и меня Келлог спросил, что мне лучше нравится: “Aea”, “Dawn” или “Orion”? Я залпом сказала: “Orion”. И Н.К. все время смеялся, как я выпалила “Orion”. <...>

6.XI.24

<...> Говорила со Светиком, он был поражен Порумой, когда она при нем за чаем говорила с Шинази о высших духовных вопросах. <...> Но у него большой такт, он все подмечает и молчит. Чудесный дух.

Мы с Н.К. пошли в чайную. Там были Морей и Тарухан, и Н.К. два с половиной часа очень сильно и серьезно говорил с Мореем. Присутствовали Нуця, я, мама, Тарухан и Нару при этом. Вначале разговор был о Нине. Н.К. опять повторил, что она не дитя, она должна работать и нужно совместить ее искусство,

то есть музыку, с трудом практическим — заработка денег. На указание Морей, что в Париже моральная опасность, разврат и грязь, указал, что лучше узнать о грязи раньше, нежели ждать до пятидесяти лет, и если у нее душа и сердце чистые, то грязь к ней не пристанет. При этом он рассказал о Куинджи. Тот настаивал, чтобы его ученики зарабатывали на жизнь вне искусства, если это было нужно, каким угодно путем, причем приводил в пример себя. Он в Одессе писал от 4 часов ночи до 10-ти утра, а от 10-ти до 6-ти был ретушером в фотографии. <...>

Затем Н.К. рассказал, что когда он окончил Академию, ему предложили место помощника редактора газеты, которое он хотел принять. Но его товарищи закричали, что он погибнет, и тогда он пошел за советом к Куинджи. А тот его спросил: “А вы как, боитесь этого?” Н.К. говорит: “Нет, не боюсь”. Куинджи ему ответил: “Ну и хорошо, а то иначе послал бы вас к дьяволу”. Но Морей на все эти примеры продолжал доказывать необходимость ее занятий музыкой. Тогда Н.К. сказал: “Насильно никому ничего нельзя доказать. Если вы так в это верите — найдите сами решение и улучшите ваше положение здесь, чтобы ей помочь”.

Затем он ему говорил, что растить обиды и иметь дурные мысли об окружающих, также братьях и сестрах, опасно и вредно. “Вы станете на улице, позовете городского, докажете, что это не по закону, будете протокол составлять, а другие уже пройдут куда надо, и двери за ними закроются, вы же все будете стоять и жаловаться. Не портите себе лично, не создавайте репутацию трудного человека, ее потом и вычистить нельзя”. Морей говорит, что он все делал, ибо хотел остаться верен своему искусству.

Н.К. говорит: “Чтобы остаться верным самому себе, надо пойти поверх всего, чтобы достигнуть цели. Вы думаете, что вам трудно, а мне было легко? Когда я приехал сюда и устраивал свою выставку, Бринтон мне сказал, что здесь обычай — дамы с собачками и обезьянами приедут, и вы им должны картины показывать. Я был удивлен, но решил — раз это надо, я сделаю. А ведь легко мне было обидеться, проклясть его и сделать из него врага. Взять хотя бы Шаляпина, который сам рассказывал, что, когда он пришел первый раз наниматься в театр, его спросили: “А вы петь можете?” — “Могу”. — “Ну спойте”. — “Я спел”. — “А вы плясать можете?” — “Могу”. — “Ну попляшите”. — “Я и поплясал, ибо нужно было добиться места”. Этот факт показывает, что Шаляпин несколько не стыдился этого факта. А вы уже многое потеряли и себе напортили. Да хотя бы с менеджером — один раз не так сделал, не вовремя, капризничали и утеряти возможность. А вы, затронув одного менеджера, затронули всех, и теперь все вам враги. Или же случай с Кусевицким — наговорили ему в первый раз, придя к нему со мной, неприятности, потом кому-то плохо о нем говорили, что было ему передано, и теперь он враг, а ведь мог бы вам здесь помочь, ибо имеет огромный успех в Америке”.

Морей начал отговариваться, что его ошибки <...> заключались в том, что он не потребовал сразу же контракта, а затем, что он неудачно играл у Стенвея.

Н.К. отвечает: “Да неудача для вас не должна существовать. Знаете, как с булочником Филипповым — ему показали в булке запеченного таракана. Он посмотрел: “В нашей фирме такого не бывает”. Проглотил этого таракана и сказал: “Это изюм первого сорта”. Затем вы считаете, что уже знаете Учение, что думаете правильно, а я знаю, что это не так. Вы мне писали, что я сделал ошибку, а какую — не сказали. Я вас в письме просил, чтобы вы написали мне об этой ошибке, а вы в ответ ни слова. Но я знаю из других источников, о чем вы писали, а именно о Ремизове”. Тут Морей сказал, что Ремизов был жестоко обижен, когда Н.К. начал с ним сближаться через посредничество Тарухана. Н.К. говорит: “Да позвольте, я Ремизова уже двадцать лет знаю, и книгу “Звенигород” он написал еще в 1914 году. При чем же тут посредничество Тарухана? А если вы видите, как что-нибудь

совершается членом из Круга, то не критикуйте и знайте: на то есть основание. Если же вы не понимаете, то придите и спросите: я не понял причины этого и прошу пояснить мне. А растить обиды (ибо они у вас были) против братьев и сестер и иметь злобные мысли — вам же вредно. Себе все время портите, а вас только и просят — не вредить самому себе”.

Это была поразительная беседа, но Морей ушел мохнатый и, видимо, не принявший сказанного. Н.К. тоже так думает и просит к нему легко относиться. Он сказал, что Тарухан и Нару скорее поймут и подойдут, нежели он. Сказал, что мы не должны платить за его рояль. Потом мы пошли к Поруме на ужин, кроме Тарухана и Нару. И Светик ужинал как раз с Холлом и Воганом, так что мы воспользовались его отсутствием и окончили Учение — для Круга.

Поразительные тайны и картины будущего были даны. <...>

7.XI.24

<...> Мы все с Таруханом и Нару, кроме Порумы и Логвана, пошли ужинать к Н.К. в отель. Он рассказал о Боткине, как все члены его семьи принадлежали к разным политическим партиям, начиная от монархической и кончая крайней левой. Жили между собой в полном согласии, но это являлось страховкой на все случаи, так, например, когда кто-либо приходил, ему заявляли, указывая на члена семьи: ведь он у нас революционер, — разное бывает в семье! В общем, Н.К. был в чудном настроении, много шутил и всех нас ужасно смешил. Он говорит, что в чайной лично присутствовал, как кто-то подошел платить известную сумму, а мама говорит: “С вас больше требуется получить”. Я спросила Н.К.: “Вы при этом лично присутствовали?” Он на меня с комическим изумлением посмотрел и говорит: “Видали! И говорит это с каменным лицом!” Я так и покатила со смеху, ибо забыла, что этот эпизод произошел со мной. После ужина пошли все к нам — пришли также Порума и Логван. Читали Учение, очень сильные места о Морее, указания Тарухану. Были все в самом светлом и радостном настроении, закончили вечер тем, что после чая Н.К. сказал о необходимости составить список участников “Белухи”, в целом семнадцать человек. “Лучше и не закончить вечер 7-го ноября, как на этом”, — сказал он, так мы и закончили. <...>

Принцип кооперации проводится повсюду. <...> Многим Н.К. недоволен, но молчит и не подает вида — например, недоволен, что выкрасили рамы его картин в золотой цвет, не любит очень черных рам, не любит ламп в Музее. <...>

Глеб Дерюжинский за работой над бюстом Н.К.Рериха

9.XI.24

Утром у Н.К. было свидание с Бородиным свыше часа, значительное по многим причинам. Бородин сказал ему, что чувствует — Н.К. сделает важную

работу в Азии. Также смотрел Музей. Затем Бурлюк пришел из здешней русской газеты интервьюировать Н.К., потом Камышников из другой газеты, которого Н.К. считает недурным человеком. Бурлюком Н.К. тоже остался доволен. Затем был художник Фельдман, которого Н.К. знал раньше, но говорит, что он постарел и Нью-Йорка не любит.

Завтракал Н.К. спешно в Школе, в чайной, я пошла обедать со Светиком, чудный он человек, с очень тонкой душой, подарил сегодня Нуце Будду Майтрею, что особенно понравилось Н.К. и тронуло его. Днем был Гольдин, пришла Колокольникова, Н.К. пригласил ее преподавать у нас русский язык. Затем Н.К. со Светиком поехали навестить Дерюжинского. Его жена им не понравилась, но он ничего — помнит все сказанное ему Н.К. и говорит, что все это было им во благо.

Встретились мы все для ужина в отеле, где живет Н.К., после пошли к Поруме, куда пришел и Тарухан с Нару. Н.К. читал Учение, потом Тар[ухан] прочел свою недурную статью об Н.К. Затем Н.К. дал Знак Нару и сказал: “Лучше нельзя и закончить вечера”. Трогательно отношение ко мне Н.К. С такой любовью и ласкою он смотрит на меня, гладит по плечу, когда увидел мое барашковое пальто, говорит: “Узнал старого знакомого”. Говорит мне, что Светик меня очень любит. Когда садится читать, зовет сидеть по правую руку для перевода. Незабвенные дни и вечера, с такой любовью он на нас глядит и окружает нас лучами своей ауры. Я его спросила, как поступить, когда придут его последующие картины, не выбраться ли нам в третий дом, уступив этаж для окончания Музея? Н.К. говорит, что картины из Кашмира еще можно будет разместить здесь, подняв выше картины на третьем этаже, но из Леа уже невозможно. Если не будет трудно, хорошо нам выбраться в третий дом — в противном случае повесить новые картины в одном или двух классах и открывать их по воскресеньям для публики, вода и направляя ее туда. Последнее, как я понимаю, более желательно Н.К.

10.XI.24

<...> Вечером Н.К. был у нас. При нем сеанс у нас был очень значительный, как и все время при нем. Очень много беседовали.

1. Н.К. против посещения Логваном Учреждений или школ для зазывания в Музей или Корона Мунди, говорит, что это совершенно непристойно для президента, а если кто-либо идет навестить Учреждение, то [действовать] с подходом, то есть приближение в смысле кооперации Учреждений, но не сразу предлагая дать лекцию или зазывать к себе.

2. Н.К. против всех циркулярных писем и расходов по объявлениям — никогда ученики не придут таким путем. Рассказывал для примера, что однажды они с Е.И. пошли по объявлению покупать мебель в одном дворце и, придя, увидели, что она продается уже пять лет и объявление о ней никогда не менялось — всё одно и то же. Также, что он принципиально по объявлению ничего не покупал — в Кёльне на улице в магазине был выставлен чудный Тенирс, так и стоял долго, а он его не купил.

3. Если в Корона Мунди приходят люди покупать что-либо, барышня должна дать предварительное объяснение, для чего ее надо обучить, а если она видит, что действительно люди пришли купить, то сказать, что она пойдет доложить директору, а уже в крайнем случае, после того, как директор переговорит с ней и найдет нужным, тогда доложить президенту. А не как Логван показал Келлогу все, что мы имеем, и тот “ушел в туман”, а потом продали ему во второй визит чепуху (кресты и маленького Будду за 72 \$), что и не следовало, ибо Будда стоил 10 \$, а

Логван по вдохновению сказал 20 \$. Н.К. говорит: чем мы будем отличаться от всех галерей, если будем думать лишь как бы дороже взять?

4. Н.К. очень улыбался, услышав слова Логвана, что он уже изучил искусство. Да, он может два часа говорить о чем-то, так что другой не будет знать, знает он или не знает, но, если увидит картину, все же не будет знать, чья она. Потому, говорит Н.К., было так мудро, когда он поехал в Вену и, сам Бог знает, что накупил, ибо он уже тогда вдруг решил, что понимает итальянское искусство. Н.К. вспомнил, как ему однажды принесли картину для продажи, она была уже совершенно черная, якобы от старости, и вся оклеена старыми тряпками. Н.К. содрал одну тряпку и видит, что под ней все новое, и велел унести “эту дрянь”.

5. Говорили о статье Тарухана. Н.К. очень одобряет написанное в ней, что Н.К. выехал из России без гроша, а в Америку приехал на последние деньги. Говорит, что об этом всегда можно писать, а то, упаси Бог, подумают, что он нагребил и вывез состояние из России. Говорил Н.К., что в наших сношениях с Таруханом сильно испортил Морей своим приездом. Опять просил избегать пересудов о Тарухане, ибо он “из Азии” и все чувствует. Как лама, к которому вы подойдете с внутренним смешком или иронией, это почувствует и сколько вы ему ни будете улыбаться, — кланяться он будет, но ничего не скажет. Это свойство всех азиатов — эта чувствительность, а ведь дед Тарухана был монгол.

6. О “Белухе” — [она] должна быть поставлена, как и все акционерные общества: акции должны продавать по подписке, в банках и частным образом, но не на бирже. До 27-го года желательно собрать миллион долларов и, возможно, к тому времени послать инженеров для изысканий. Одобрил идею Тарухана давать лекции о Сибири на английском и таким путем приблизиться к Форду. Сказал, что Е.И. не понимает одного во всем плане — как это Н.К. не будет на Белухе в начале [дел], чтобы дать план всех начинаний.

Заговорили о книгах и ведении дел, и выяснилось, что мы понятия не имели о том, что каждое учреждение, как государство, должно иметь смету на год, то есть бюджет по затратам с всевозможными статьями расхода, например статья расхода для инвентаря, для перестроек, для покупки роялей и так далее. И потом все сравнивается и разбирается и докладывается. Для налогов и порядка [все это] необходимо, иначе все висит в воздухе. Например, Корона Мунди платит за помещение Мастер Института 6000 долларов — это должно быть указано в книге. Н.К. изумлялся, что мы этого не знали. Нуця ему говорит — это необыкновенно. Н.К. в ответ — наоборот, это обыкновенно! Очень смеялись, но многому научил нас сегодня Н.К. Говорит, что в самых простых и великих делах нужен порядок — смета на год, иначе невысказано. Сказал, что, когда ему представят отчет, он поднимет вопрос о смете. Ему управлять страной! А при этом он может дать совет и понять психологию самого простого дела. Ушел в 12 ночи, ужасно дразнил меня, что я разволновалась и даже нос холодный у счетовода. Дивный светлый дух! Наполняет всю нашу жизнь и открывает мировые горизонты. Да будет благословенно имя Тары и Гуру, ведущих нас на пути к М.М.

11.XI.24

Сегодня утром Н.К. мне рассказал, что он уже внушил идею бюджета Логвану и Поруме, и они в восторге от этого, а затем сказал им, что расходы по “Алатасу” — это приход для “Белухи”. Ведь всем известно, что иностранцы хотят вывезти из Сибири горы золота, а потом на награбленные деньги там же богадельню построить. Ну а мы затеваем благодаря “Алатасу” настоящий кооператив, ибо

печатаем книги на двух языках и сносимся с русскими писателями, живущими в России.

Днем у нас было собрание с адвокатом, он длинно читал устав “Алатаса”, и выяснилось, что каждый получает по 60 акций, передавая их на хранение Логвану, за что и получает расписку. Час продолжалось подписывание бумаг, затем все было объявлено Тарухану и Нару, которые были, видимо, довольны. <...>

Пошли после ужина наверх к Н.К., и он нам читал письмо, полученное от Е.И., — пречудесное. Потом Хорши и Модра ушли, мы же остались помочь упаковать вещи Н.К. и Светика, ибо они завтра едут с Хоршами в Чикаго. Было большое веселье при упаковке. Н.К. уверял, что смокинги умножились, все искал свой жилет с роговыми пуговицами, потом взял галстук какой-то и ушел. А Светик говорит: “Это мой”. Н.К.: “Нет мой”.

Закрывали сундук, я говорю: “Нужно силой”, а Н.К.: “Нет, нельзя силой”. А я придавила, и он закрылся, я говорю: “Вот видите, нужно силой”. — “Ишь какая, смотрите”, — смеется Н.К. Смеялись много, все сложили, запаковали, а Н.К. просил нас еще остаться. Мы посидели — говорил о Логване, что нельзя продавать вещи дорого и что нужно обязательно обучить секретаршу внизу говорить с людьми и разбираться в людях. Потом расцеловались с ними и ушли. Он на нас так любовно глядит, прямо лучи любви идут от него на нас, все время гладит по плечу каждого из нас, полон любви к нам и показывает это все время.

12.XI.24

Сегодня утром получили чудное письмо к Нуце от Келлога, чисто духовного характера, в котором он обращается к нему как к самому близкому в духе и служении. Все были поражены этим письмом. Н.К. считает это очень значительным, именно как показатель явления, что по одному Лучу притягиваются люди, и он продиктовал Нуце, что ему ответить. <...>

19.XI.24

Уже больше 2-3 недель, как у меня ощущение боли в затылке и в особенности под ухом. Боль не прекращается. Сегодня утром проснулась с ясным сознанием, что произносила имя Уру несколько раз. Когда я встала, боль совершенно исчезла. <...>

22.XI.24

Вчера поздно вечером пошли встречать Н.К., Светика и Хоршей. [Они] приехали в 10.15, и все мы поехали к Хоршам. Все, видимо, устали от поездки, но она была очень удачной. Во-первых, нашли Бута, коллекционера произведений искусства и банкира, кажется, в Детройте. Нийл согласился начать изыскания, но, видимо, не совсем с полным доверием. Де Бей была очень мила, также мисс Леви и миссис Муди. Посетили Ниагару и зашли к Келлогу, которого не было дома, но все-таки посмотрели его дом, говорят, очень роскошный, большая коллекция картин, а купленный у нас Гоген висит в передней. Затем навестили его в магазине “Aries”. Был [нам] рад, но он очень трудный человек, сам не знает, что хочет. Имя журнала решили оставить “Aries”, сам пишет для первого номера статью, а вторую его племянница — обе [статьи] очень глупые. Н.К. сказал: “Авирах должен разговаривать с ним в библейском стиле”. Так нам передал Луис.

Посетили Рочестер — школу Истмана, встретили Джорджа Истмана — милый человек, (глухой), выразил желание кооперировать[ся]. Н.К. ему написал чудное

письмо отсюда. Навестили фабрику Форда в Детройте. Н.К. говорит — чудная система, повсюду чисто, а что самое главное — все улыбаются. В Бостонском художественном клубе Н.К. читал [лекцию] его членам неофициально. Повсюду устроены выставки для Светика. Встретили Валентайна, очень мил, еще не стар, приедет навестить в Нью-Йорк.

Н.К. казался чем-то недовольным, и сегодня это подтвердилось: <...> сказал, чтобы мы следили за Логв[аном] и Порумой, ибо при желании и стремлении сделать как лучше они не умеют и не могут говорить с людьми. <...>

Затем Н.К. сказал, что Музей может в будущем предпринять издание по подписке книги с описанием новых картин Гималайских, Кашмира и из Леха, в виде монографии, отлично изданной, со 100 снимками, из них 10 в красках. Расходов никаких, ибо подписчики получают книгу и платят за нее, для нас же мы должны оставить 5, максимум 10 копий, хранить их как редкость, если что продать, но в пять раз дороже, чем цена книги. Печатать в небольшом количестве копий — максимум 500, можно это будет издать “Алатасу”. <...>

В 6.30 сегодня мы вчетвером ужинаем с Н.К. и Светиком в их отеле. Мы счастливы, что Н.К. опять с нами, — чудесный свет идет от него. Н.К. говорил о “Белухе”, что она должна идти исключительно деловым порядком, то есть как все подобные корпорации, мы должны просмотреть уставы подобных обществ, поговорить со специальными адвокатами, которые заведуют такими корпорациями, и не говорить о чудесах, ибо люди не поверят и разбегутся. А сказал он это потому, что Логван ему говорил во время их поездки, что наверно будут Указания и Послания от М.М. [На что] Н.К. ответил, что никаких не будет. <...>

Говорили о поездке. Н.К. сказал, как туг на понимание Нийл, чтобы мы не удивлялись, если он, возможно, вернет Знак и, может быть, в будущем получит его обратно. Сказал, что он говорил с Мореем сегодня, рассказал ему о посещении Форда, а тот ему говорит, что там смерть и ужас, тогда как Н.К. ему рассказывает, как там чудесно. Конечно, Н.К. ему и говорит: “Вот вы говорите, что все знаете, а я вам говорю о том, что я только что видел, тогда как вы говорите со слов других. Опять, как и всегда, мыслите мохнато”. Н.К. говорит, что собственные картины Келлога, те, что он рисовал, очень плохи. Затем Н.К. говорил, что, когда его спрашивали о Гурджиеве, что так чудно и красиво его ученики танцевали, он отвечал: но сад Клингзора тоже был прекрасен (злого кудесника из “Парсифаля”). Пришли Тарухан и Нару, у нас был сеанс — семь видений. <...>

23.XI.24

Великий день — открытие зала Елены Рерих* в Музее. Уже с 10 часов утра я и Нуця, затем Модра, Ояна, Н.К., Светик и все остальные сошлись в Музее. Мы все купили цветы и [отдельно] корзину цветов для третьего этажа. Много удалось беседовать с Н.К. о предстоящей монографии — Нуця имеет готовый макет, давно присланный Коганом. Сто иллюстраций, из них двенадцать в красках, остальные коричневыми, или лиловыми, или синими, но не черными [красками]. По типу имеющейся монографии Н.К. Сто страниц текста. Также использовать диптих “Мессия” [“Легенда” и “Чудо”] и “Мост Славы” как подзаголовки для статей. Статей три: Франсис Грант — об Америке — “Voice of the People” [“Голос народа”], Тарухан — о Сибири, Н.К. — “The Image of Himalayas (Strings of Earth)” [“Струны Земли”]. <...>

Потом я пошла в новый этаж, там были четверо отвратительных русских, смеявшихся над картинами. Я и Ояна были возмущены и сошли во второй этаж. Сойдя туда, я сказала Енточке: “Как здесь мрачно, свет плох и так душно!” И как я

это сказала, свет потух! Поразительный знак! Темные силы с их нападением! Мы все были потрясены. Три четверти часа не было света, Грюнвальд не мог исправить [поломку], нашли электрика, тот был в ужасе [от того], как у нас скверно поставлено электричество: провода почти перегорели и мог быть взрыв. Весь день электричество то гасло, то опять вспыхивало — поразительно, вспоминаю то же явление, бывшее у Кингора. Логван был очень взвинченным, ходил нервным, сказал мне, что ему не нравится продажа русских книг, так как это пахнет русской пропагандой и скажут, будто это русское учреждение. Я рассказала об этом Н.К. Он очень недоволен, видит здесь влияние Порумы, говорит, что ей не нужно мелко мыслить, ибо она от космических мыслей спускается к самым ничтожным, а это ей даже физически вредно. И ей нужно помнить, что или уж всегда жить с мелкими мыслями, или уж если добраться до космических широт, то удержаться там. Порума не должна думать о вечном водительстве Логвана, ибо ей это не под силу. Затем Н.К. был недоволен боязнью Логвана русской пропаганды и сказал: “А ведь горы серебра на Алтае хочется каждому получить — и что было уже сказано — “каждому хочется ехать первым классом при личных удобствах и не поступиться ничем из своего””. Н.К. велел на столик с русскими книгами положить и английские, что мы и сделали и поставили столик при входе в Корона Мунди. <...>

За весь день пришло 450 человек, много русских, между ними и темные. Много хороших, искренних друзей. Гюнтер с женой, она — темная, он хочет помочь нам с паблисити. Н.К., говоря с ними, сказал ей, что в Тибете надо опасаться мыслей, ибо там люди их видят, и мысли опаснее дел. Она при этом опустила глаза, ибо раньше при мне плохо отзывалась о картинах. Шнайдеры, вся семья, конечно, в восторге, Дерюжинский — очень посветлел с милой женой, привел миссис Хаммонд, очень влиятельную и богатую даму. Бурлюк в ярком жилете, с серьгой, очень себя хорошо выявляет, пишет дельно и совсем неплох. Не обошлось и без противного д-ра Бринтона, который все же был поражен успехом, и отвратительного Григорьева, который только приехал и лез повсюду. Мистер и миссис Сутро были милы, но они устарели (Н.К. говорит). Миссис Букман с мужем очень приятны, привела мадам Архипенко — очень мила. Леонтина Нирш — очень трогательна — видела свет [от картины] “Матерь Мира” и сказала, что это место святое и она боится ступить по полу. Публика разошлась в 6.30. <...>

Великий день — знаем друзей и врагов. Н.К. светит всем, и благо тем, кто получает от него.

24.XI.24

Утром видела Н.К. мельком, завтракали вместе, он развил план, чтобы мы имели свой пресс-центр “New Syndicate” и высылали паблисити не из Школы, а оттуда, адрес: контора Луиса, что в деловой части города. И “Белуха” должна иметь в будущем тот же адрес, начаться она должна через два года, то есть собрать капитал — постоянный, пока без адреса, просто “Beluha Corporation”.

Днем говорила с Н.К. Он огорчен отношением Логвана к Тарухану. Опять говорил о мелочности мыслей, что нельзя заниматься такой гимнастикой — от крупного к мелкому. Подошел Логван — он повторил [это] при нем. <...> Логван слушал, а потом заявил, что Америка будет удовлетворена, когда будет Американский Музей, а пока удовлетворены русские — ибо американцы чувствуют национально. Н.К. сказал: “Худшие из людей думают подобным образом”. Сказать это, когда Музей — дар Америке!!! Затем Логван вскользь заявил, что просит Н.К. дать ему письмо, в котором тот благодарит Логвана за отсрочку ему долга на 10 лет! То есть, что Н.К. должен ему какую-то сумму! Сразу Н.К. и я почувствовали в этом

скрытую опасность. Также Н.К. говорил о том, что именно теперь [настал] момент показать дружбу России, через год будет поздно, ибо тогда ее признают все. Днем Н.К. посетили Льюиссон с музыкальным критиком “Times” (он милый человек, но она ругала Америку, видно, дела у ней плохи) и Зиманд. Вечером Н.К. и Светик ужинали у нас — много хохотали. Н.К. и Светик рассказывали, что Логвану опасно говорить об искусстве, в особенности при художниках, а Порума в Чикаго при Светике сказала одному художнику, который говорил, что он в минуты отдыха играет на рояле и импровизирует, что профессор Р[ерих] против этого и в наше время надо все силы отдать работе. Таких казусов во время поездки было немало. Мы рассказали Н.К. забавные случаи из прошлого, когда Логв[ан] и Пор[ума] нас учили искусству. Они хохотали до слез. Много говорили по поводу подписания письма, предложенного Логваном, мы все против этого. Н.К. очень озабочен, ибо его имя может быть запятнано. Ведь Логван теперь с кем-то судится, у него требуют книги для проверки, и он хочет доказать, что одолжил Н.К. большую сумму и тот может уплатить лишь через 10 лет. Или же он хочет иметь это письмо для уплаты налогов. Мы все против этого, ибо предыдущие видения говорили об осторожности с подписыванием бумаг. Н.К. перед отъездом из Америки в прошлом дал Логвану кучу векселей на деньги, которые Н.К. якобы ему должен, и тут же Логван выдал ему письмо, что он ему ничего не должен. Какая-то фиктивность.

Потом мы втроем стали, Н.К. сидел рядом, и М.М. очень сильно подтвердил, чтобы не запятнать и оберегать имя Рерих. Н.К. советовал тогда устроить все так, чтобы Корона Мунди должна Логвану деньги, которые он выдал на 10 лет для покупки картин для Музея и других. Завтра Авирах осторожно поговорит об этом с Логваном. Во время Беседы Светик работал, потом все пили чай. Много радости быть с Н.К. Какой юмор! Рассказывал о Келлоге, как он решил, что его сестра, член общества розенкрейцеров, наверху будет давать совет, какие духовные книги читать, а Келлог внизу будет их продавать. Говорили о Нийле — он большой химик, ученый, но недоверчив — спрашивал доказательства о [существовании] Учителя после прочтения ему Указа! Н.К. читал нам чудное письмо Е.И. В нем Послание: “Рады Авираху”. Долго и радостно беседовали, разошлись в 12 часов. Неповторимые вечера! Никогда не забуду их!

25.XI.24

Сегодня в 12 ч. Н.К. вернулся от Бородина, который дал ему много нужных указаний, какие письма приготовить и кого увидеть в Париже и Берлине. Сказал, что Гувер интересуется Алтаем. Ввиду чрезвычайной важности всего, в связи с визитами [к] нужным людям в Европе, Н.К. решил, что Авирах должен поехать с ним в Париж и Берлин, чтобы лично привезти сюда сведения и все планы.

Так что 10-го декабря они едут вместе. Для нас всех [это] поразительная новость, и мы все рады этому. Конечно, 10-го января Нуца будет обратно. Все взволнованы, ибо чувствуем начало больших событий.

Днем было собрание, читали и одобрили бюджеты на 25-й и 26-ой год, затем обсуждали монографию — “Himalayas”, на которую теперь решили объявить подписку.

Затем адвокат принес бумаги “Белухи” для подписи, а также завещание Нуци, уже готовое. И я делаю завещание. Утром говорила с Модрой о вчерашней беседе. Она, оказывается, была уверена, что Н.К. должен деньги Логвану. Он ей сказал, что картины Музея даны, а временная выставка на известных условиях приобретается Музеем. Она этого раньше не знала и была поражена. Я говорила об этом с Н.К. Он решил ясно прояснить всем этот вопрос. Вечером был первый концерт этого года —

играли Блейк, Феррентино и Клейнерт — чудесно. Много народу, Порумы вечером не было — была днем, еще простужена. После концерта с Беннеттами пили чай — Н.К. бросил им зерно о Сибири. Когда придет пора, они заинтересуются и будут иметь дело с “Белухой”. Разошлись поздно — большой день.

26.XI.24

<...> Вечером у нас была Беседа. <...> Опять Указания на охрану Имени. <...> Мы чувствуем, что у Хоршей что-то неладно, и Н.К. это чувствует. Не всё Послание им перевели. Пошли к ним позже, читали письмо Е.И., потом Учение. Разошлись рано, у всех радостное чувство. Н.К. шутил, со всеми тепло и любовно говорил. Но состояние чего-то напряженного со стороны Хоршей.

27.XI.24

<...> Н.К. сказал, что если нас будут спрашивать, почему он поехал именно в Лех, то ответить, что имеются факты о пребывании там Христа, и ему через Корона Мунди кем-то поручено написать на эту тему 50 картин по 10 000 каждая, и благодаря этому заказу он должен был поехать именно туда. Также научил нас, если будут спрашивать, почему Н.К. знаком с большевиками (Красиным и др.) и имеет с ними сношения — то просто ответить, что он запрашивает по поводу своей коллекции картин в Петрограде.

Н.К. просил, чтобы мы раздавали по библиотекам и частным лицам Книгу Учителя, но оставили для себя 200 копий. О Хрестоматии Учителя: в нее войдут “Легенда [о Камне]”, притчи о Будде и Христе, личные материалы, и [надо] держать материал собранным. Может быть, через два года будут Указания. <...>

28.XI.24

Н.К. поехал утром с Франсис к Бринтону, говорил с менеджером издательского отдела, добился того, что [они] хотят взять все наши английские книги для продажи на комиссию, отнеслись с большим уважением, жаловались на Когана, который до сих пор не присылает монографию и очень серьезно заинтересовался монографией “Himalayas”, хотят собирать подписку, завтра приедут переговорить. Н.К. не позволяет, говоря о себе, упоминать в печати [слова] мистический или театральный художник. Н.К. продиктовал письмо-статью для журнала Келлога. <...>

Вечером у него был на ужине Зиманд и сказал Н.К., что ему теперь нужно быть осторожным при поездке в Лех, ибо англичане следят [за ним], и вообще, чтобы он ничего русского с собой не брал: книг, журналов.

30.XI.24

<...> Утром Н.К. учил нас, как говорить с людьми в Музее, — не подходить к людям [самим], а лишь тогда, когда видишь, что люди хотят узнать и желают спросить. Спрашивать их не “как вам нравится?”, а “что вам нравится?” Если люди говорят о театральных декорациях, сказать, что из трех тысяч картин лишь триста посвящены этому роду искусства, так что не это главное в творчестве Н.К. Затем, если говорят, что картины мистические, сказать: “Живем с ними много лет и не знаем, что это за зверь такой. Если ваш портрет сюда поставить — разве это будет мистика?” Вообще [смысла] картин не объяснять, а направлять людей к “World of Roerich” [Селивановой] — там все написано. Не ходить с людьми и показывать им

картины — это их запугивает и мешает им. Затем, если приходят теософы и мы по ним видим, что они многое знают и говорят об этом, — не отрицать ничего, а молча согласиться или же сказать: если вы знаете, то поймете, что об этом и говорить нельзя.

Затем мы все пошли завтракать, пришли обратно. Бурлюк привел группу из ста русских — рабочих и интеллигентов, и Н.К. объяснял им новые картины. Так просто и ясно. Деревня лам — точно наша русская слободка. “Матерь Мира” — издревле существующий культ Изи́ды, или Иштар, теперь вновь приходящий в мир из Азии. “Рождение мистерий” — рождение классических форм, их ритм и гармония. “Падма Самбхава” — магия и ее изощренные причудливые линии. “Чинтамани” — легенда, что из недр наверх будет вынесено Сокровище Мира — на коне, без проводника. “Его Страна” — “Помни!” — тот, кто собирается на подвиг. “Гонец достигающий” [“Спешащий”] — как скачут на своих маленьких лошадках там, где нужно перепрыгнуть бездну. “Книга мудрости” [“Книга жизни”] — лама, изучающий Книгу на восходе, медитируя перед ликом Гималаев.

Удивительно объяснил Н.К. “Знаки Христа” — исторически известный факт, что Христос был в Лехе и сказал там: “Ногами и руками человеческими достигнем” и начертил на песке эти знаки. Кто-то спросил, зачем зеленые краски на картине “Звезда Матери Мира (Караван идущий)”. Н.К. сказал: “Откройте окно к вечеру, часто увидите иногда голубое, синее, иногда зеленое, иногда лиловое небо”. Говорил Н.К. об остроте мысли, о чувствах людей в Тибете: они все улыбаются. Его спросили: “Почему у старых мастеров не такие яркие краски?” Н.К. сказал, что краски тускнеют с годами и теряют свежесть: например, Рембрандта принято считать коричневым, а он любил синий цвет. <...>

Н.К. рассказал из своего детства, [что] сестра его имела какой-то особенный сладкий хлеб, который он, намеренно приходя раньше к столу, съедал, что было лишь справедливо — почему только ей его кушать?

1.XII.24

<...> Получили письмо от доктора Нийла — он очень грубо отказывается от кооперации со Святославом по предложенному лекарству. Н.К. продиктовал письмо Поруме, чтобы она написала миссис Нийл, спрашивая, не обременяет ли их Знак и не думает ли она, что должна объяснить их поступки в последнее время в ответ на их предложение и особенно на Зов. <...>

Н.К. утром ездил к доктору за мазью против раздражения кожи от холода.

<...> В начале 26-го года напомнить Логвану, чтобы ноты, подписанные Н.К., которые он ему дал для подписи, отдать Светику, и он их уничтожит.

2.XII.24

Завтракали с Н.К. Потом Н.К. повел нас объяснять новые картины. Привожу объяснения*:

Средняя комната

1) [“Субурганы в Ташидинге”]. Священные Ступы в Ташидинге перед восходом Солнца.

2) Монастырь Нам-зе.

3) [“Святые дары”(?)]. Дрона — ученик Будды — раздает священный пепел.

4) [“Красный лама”]. Очертание горной гряды Эвереста. Лама в красном играет на флейте перед восходом. Наброски Канченджанги.

1-я комната

Серия “Сикким”:

1) “Санга Челлинг”. Лама медитирует на камне, который дает трещину, если жизнь в монастыре нечиста (легенда).

2) [“Канченджанга”]. Гряда Канченджанги.

3) [“Ташидинг”]. Ташидинг с монастырем на вершине.

4) [“Силуэты”]. Силуэты Города Будущего.

5) [“Пемайандзе”]. Поселок лам вблизи Пемайандзе.

6) [“Ринченпонг”]. Монастырь Ринченпонг во время муссона.

7) [“Гималаи”]. Предгорья Гималаев.

8) Ступени к Гималаям.

9) “Лао-цзы”. Возвращается на священном быке из Китая в Тибет. Бамбуковый лес.

10) “Цзонкапа”. Медитирует на горе Менданг. Суровые скалы, будто непосредственное деяние духа.

11) “Падма Самбхава”. Маг.

12) [“Путь”]. Христос. Легенда о его хождении в Тибет в возрасте 25-27 лет.

13) “Рождение мистерий”. Сочетание раннегреческих и восточных форм. Ритм и единство океанских волн и небесных облаков. Рождение нового культа*.

14) [“Матерь Мира”]. Основана на видении. Культ Предвечной Матери Мира. Рыбы — символ молчания. Пейзаж внизу — подходы к Тибету.

3-я комната

[Серия] “Его Страна”:

1) [“Помни”]. Начало достижений.

2) [“Спешащий”]. Вестник.

3) “Книга Мудрости”. Предгималаи.

4) [“Ведущая”]. Ведет по Пути — над ледником. Гуань-инь — символ Матери Мира.

5) “Жемчуг исканий”. Равновесие земного и небесного.

6) [“Будда в подводном царстве”]. Глубже глубин.

7) “Выше гор”. Эверест с высоты.

8) “Жар-цвет”. Черный аконит, находимый в районе Канченджанги, не легенда, но быль.

9) [“Конь счастья”]. [Камень] Чинтамани. Белый Конь мудрости, приносит с гор священный Камень человечеству. Скалы в форме человеческих фигур — свидетели.

“Сожжение тьмы”. Воинство Красоты, трудящееся во благо человечества. Место было узнано участниками экспедиции на Эверест*.

“Звезда Матери Мира”. Напоминает о новом культе Азии.

“Белый Храм”. Зодчество облачных форм.

“Джелап-ла”. Путь на Тибет.

<...>

“Турфанская Мадонна”. Древнейшее изображение Богоматери*. <...>

Сегодня утром Н.К., Нуця и Франсис поехали к Бринтону. Чудно приняли Н.К. К сожалению, не могут принять [много] книг — “Адаманта” и Селивановой — для распространения, ибо они изданы и переплетены для продажи нехорошо. Монография уже лучше, очень заинтересованы “Гималаями”, также желали бы издать серию цветных снимков, для чего и придут завтра смотреть Музей оба менеджера. Окажут нам во всем содействие. Потом Нуця и Н.К. поехали к Бород[ину]. Последний много намекал о том, что получение концессии может быть и очень трудно, и очень легко. Но, главное, за этим должно стоять не общество, а Н.К. Он намекал на общее решение, говорил о единении Азии, упорно говорил об имени Н.К., а также о том, что могут быть и немалые трудности. Возможно, Н.К. придется поехать в Монреаль кого-то увидеть. Тарухан получил номер гессеновского “Руля” из Берлина — ругают книгу Н.К. и говорят, что не хотят быть учениками учителя Рериха. Н.К. рад этому выпаду — ко времени. Н.К. написал очень сильное письмо доктору Нийлу и предлагает ему вернуть Знак. Пришел Меррит, был очень глубоко тронут Музеем, мы все с ним познакомились, Н.К. дал ему изображение “The King of the World”. Он очень милый человек. Пошли все ужинать в отель. Н.К. сказал мне: не знаю, что было сегодня сделано — недоделано или переделано! <...>

<...> Было собрание с адвокатом об Американском Музее, подписали много бумаг и все передали на хранение Логвану. Случайно я увидела бумагу, подписанную Н.К., о том, что он передает свои картины Музею Рериха за “1 доллар и прочие ценные вознаграждения, уплаченные мне”. Меня этот пункт очень удивил, ибо можно подумать, что Н.К. получил миллион помимо 1 \$, чего не было. Я начала опровергать, Н.К. поддержал меня, и этот пункт о прочих вознаграждениях был вычеркнут весь.

Потом Н.К. меня хвалил, сказав мне с глазу на глаз: “Вот как защищала меня сегодня”. Но он позже сказал: “Главная бумага замарана”, и действительно — чернильная черта на даре Н.К. Музею!

Пошли ужинать все вместе, потом к Поруме, у нее перечитывали все записи, сделанные за последнее время, говорили о монографии, также [о] предстоящей работе для выставки Светика. Затем решили сдавать зал большой балетной всем учреждениям, кроме политических, на всех языках: русском, французском, немецком и т.д. <...> Чувствую, что сегодня я говорила вечером правильно, поддерживая эту идею, ибо начинаю понимать широту взглядов Н.К. — открыть двери для всех. Так было в Школе [Общества] Поощрения Художеств в Петрограде. Дивный, светлый Н.К.!

<...> Пошли к Поруме, все были на ужине, включая Тарухана и Нару. Потом Н.К. окончил чтение Учения. Потом сели, у мамы было 10 видений — одно из них опять говорило об искании Н.К. одной бумаги между кучами бумаг на столе. Мы и решили моментально пойти в Школу и начать просматривать бумаги, что и сделали. Много уничтожили — бумаги и письма с подписью Н.К. Луис еще посмотрит между своими бумагами и принесет все, что нужно просмотреть.

Ушли из Школы и потом “по традиции”, как говорит Н.К., пошли покупать газеты. Н.К. сказал, что Луис даст ему письмо, что он — Н.К. — ему ничего не должен. <...>

7.XII.24

<...> Был Морей, и Н.К. его очень ругал — тот ему говорит, что мы в письмах подстроили на него разные вещи, а Н.К. его спрашивает: “А откуда к вам [приходят] такие мысли, ведь это кухонный язык. Вы мыслите, как маленький конторский чиновник. Представьте себе, что я ангел, сошедший с неба, и даю вам полминуты на ваше самое большое желание!” Морей думал больше полминуты и говорит: “Я хочу узнать о моих работах”. Н.К. ему отвечает: “Во-первых, прошло больше полминуты, значит, что-то безвозвратно ушло, во-вторых, пока вы будете говорить это отвратительное слово “мой”, будете думать “я”, вы ничего не сделаете”. <...> “Вы думаете, нам нужны ваши письма. Они вам нужны, чтобы кристаллизировать мысли. А у нас есть телефон”. Морей говорит: “Вам, наверно, звонили в Париже по телефону?” Н.К. ответил: “Поймите же, наконец, что не о Париже речь, а о телефоне между Дарджилингом и Нью-Йорком. Вы ведь думаете, что все знаете”.

Пришел Бородин, долго разговаривал с Н.К., вызвал по телефону Монреаль и устроил так, что Н.К. не надо туда ехать, ибо оттуда пошлют телеграмму в Париж. Б[ородин] сказал Н.К., что главное для них — это объединение Азии, а дело, о котором они теперь говорят, второстепенно. Н.К. его спрашивает: а знает ли он, что объединение Азии может идти через религию? Он ответил, что знает. А знает ли он, что это можно осуществить именем Будды? Он согласился. А будут ли с этим согласны и в Париже? Б[ородин] ответил, что там они не глупы. И так пришли к полному взаимопониманию, что сделало сегодняшний день очень важным. <...>

9.XII.24

Утром получили письмо от д-ра Нийла — пишет глупо, будто оправдывается, прислал обратно Знак. Барбара Янг прислала Н.К. поэму. <...>

[На собрании] я предложила [отложить] 2000 \$ на расходы по содействию в продаже картин в Корона Мунди, имея в виду позже предложить дать Светику определенное жалование — 200 \$ в месяц. Логван неохотно принял [предложение], хотя я и мотивировала это поездками и т.д. Но Н.К. поддержал меня. <...> Н.К. выразился, что Порума с трудом поднимается и воспринимает, иногда в явной оппозиции, но просто сдерживается. Просил нас выказывать полное благодушие, а главное, не говорить на собраниях о мелочах. Затем было первое заседание “Белухи”. Решено, чтоб Тарух[ан] написал книгу “Жемчужина Сибири” со своими статьями, этнографическим материалом и [зарисовками] из народного быта. Литературную часть переведет Селиван[ова], а статьи — Модра. Также отдельные статьи издать в виде памфлетов. Книгу же [отдать] в переплет. Издать хорошо из средств, ассигнованных “Белухой”, но, конечно, [чтобы] “Алатас” позже вернул деньги “Белухе”. Н.К. подчеркнул, что Авирах привезет много материала о “Белухе”. <...>

Все пошли ужинать к Поруме, все глаза не сводим с Н.К. и ловим каждое его слово — до новой встречи. Позже пришли Нару и Тарухан. Н.К. сказал, чтобы мы все сели за стол — тут произошли изумительные движения стола, сильные вибрации, стуки, стол совершенно опрокидывался много раз, потом подымался, ткалась невидимая нить около каждого, соединяя всех, у всех [возникло] чувство необычайной силы. У мамы было два видения, сказала, что чувствовала около себя

борьбу двух сил — ей мешали, но победа [была] за светлой силой. Затем стол поднялся, обошел всю комнату и привел нас к Учителю (статуя св. Роха), так что он был в центре, мы же вокруг. Все бурные движения прекратились, стол пошел плавно и стал там. Н.К. сказал, чтобы мы прочли молитву к Нему, что мы и сделали. И все сказали, что донесут Чашу. Н.К. сказал: “Будьте все вместе”. Чувство огромной гармонии и единения [охватило нас], ибо сегодня все были объединены М.М. Чувство огромной радости, святой вечер для всех. Упорно раздавался все время тридцать один стук — первых стуков было восемнадцать, потом многократно тридцать один.

Замечательно, что днем кольцо Модры потемнело, и мы встревожились, подумав: что-то забыли для Н.К. Но должны считаться с важным временем, осторожность нужна. Разошлись в 11 часов вечера. Завтра уезжает наш любимый учитель.

До радостной встречи, удача Плану и Вестнику Великому. Будем стараться исполнить данное поручение.

10.XII.24

Сегодня утром проводили Н.К., уехавшего на “Paris” с Авирахом в Европу. Чувство было бодрое, ибо радостно сознание, что началось огромное дело и оно все растет и растет. Н.К. шутил, улыбался, и я твердо чувствую, что скоро его увидим, ибо время теперь для нас не играет той роли, что когда-то. Кроме нас всех провожали его Лазарев и Дерюжинский. Лазарев выразил желание начать работу у нас в Школе 24-го марта, устроив спектакль и вечер. Знаменательно, что он произнес эту большую для нас дату, Н.К. особо обратил наше внимание на это. Морей пришел настолько поздно, что уже не простился с Н.К., а лишь видел его уже стоящего на палубе. Так и стоит перед глазами его спокойная фигура, доброе, мудрое лицо и эта характерная раздвоенная борода. Чудный мудрец! Что он нам дал за эти шесть недель! Лишь бы все исполнить и донести Чашу до Новой Страны. Особо почувствовала за эти шесть недель, как бесконечно люблю его, Е.И. и готова душу отдать за дела Его.

Вечером пошла к Светику по его просьбе, поужинала с ним, у него отличная квартира. Славный он, добрый, ласковый и такой проницательный и умный. <...> Я счастлива, что Авирах с Н.К. Что-то он привезет обратно! <...>

РОССИЯ

1926

13.VI.26

Москва

Приехали утром в 11 часов, добрались до отеля и обнаружили там телеграмму, извещающую нас о том, что наши любимые также прибыли этим утром. Позвонили

к ним в отель и узнали, что они только что приехали (телеграмма была датирована 9-м числом, как нам неоднократно и указывалось на это число). Мы помчались туда и к огромной радости обнаружили, что Е.И. приехала с сыном. Как прекрасно все они выглядели, и какая радость чувствовать их присутствие. Разговорам нашим не было конца. <...>

Она рассказала мне об удивительных событиях своей жизни в Дарджилинге, где она напряженно работала каждую ночь (с яснослышанием и ясновидением) и все записывала. Так много болезненных ощущений, телесно связанных с работой, но все они — великая жертва во имя знания, которое она даст другим. Прочитала мне удивительную информацию о Венере; людях, ее населяющих (в уплотненных астральных телах), которые могут летать; где бушуют страшные бури, и они борются с ними, возводя плотины. Где вместо газет слова пишут в воздухе. Они называют эту планету Тула. Как-то раз она видела кольца вокруг Венеры, когда летала туда. Также однажды ей была показана огромная жуткая тьма-туман, окружающая атмосферу и угрожающая Земле.

Путешествие было ужасным, судя по их описанию: невообразимые лишения, Е.И. двадцать шесть дней [ехала] верхом на лошади, трудности при переходе высочайших перевалов, риск быть убитыми каждую минуту, претерпевали страшный холод, люди замерзали насмерть, грязь до такой степени, что их предупредили, что они пойдут по помету верблюдов, <...> пили самую грязную воду, но шли с радостью и верой.

А сейчас предстоит величайшая работа, много новых замечательных сердец уже найдено, и многие еще подойдут. А многим старым придется отойти. <...>

14.VI.26

Видели в это утро замечательные иконы в Русском Историческом Музее, также Храм Василия Блаженного. Днем поехали к нашим любимым, вместе завтракали.

Удивительная беседа о Сестре Изар, которая вернулась после 30-летнего отсутствия, посетив новую планету, которая строится под Великим Руководством Планетарного Духа. Он хотел избежать использования языка среди тамошних людей — они должны понимать друг друга внутренне, а звук и слово должны быть оставлены для красоты, такой, как музыка и другие искусства. Сестра Изар хотела остаться дольше, но Он услышал зов Белого Братства и отослал ее назад. <...>

Он [Н.К.] еще долго будет оставаться после ее [Е.И.] ухода. Сейчас она наверстывает упущенное в работе — “предначертано Владыкой Мира, что женщина должна стоять у руля и Ур[усвати] должна направлять шествие”.

Также сказано о Владыке Мира. Будучи Учителем М.М., а Он сейчас Будда — Его Учитель — Дхиани-Будда. Сейчас есть девять Будд. Но все рассказать нельзя!!! <...>

Завтра перебираемся в их отель — радость жить вместе. <...> Е.И. видела воплощение Безант (маленький клерикал пишет что-то в древнем немецком городке). Ныне никакой связи с М.М. у нее нет. Воплощение Н.К. — Державин. Тогда же, что и Рокотова. Радостно знать все это и много больше.

18.VI.26

Дни проходят в радости. <...> Вечером мы сидели вместе и (только мы четверо) получили Послание. <...> После этого нам была показана Святыня* — дивная маленькая шкатулка, очень древняя, затем надпись на бересте, которая проявилась столь чудесно в присутствии Анатолия [Шибеева] в Дарджилинге*.

Письмена удивительные, и трудно сказать, что означают слова. Затем белый деревянный ящик, в котором прибыла Святыня, с написанным на ней адресом. В Святыне — чудесный бархат с вышитым орнаментом, напоминающим знак кольца и букву М. на нем. Внутри — красивейший лоскуток вышивки, как будто бы XVI века, с инициалами H.S.I. На Святыне — четыре большие буквы, по бокам — расписанные щиты, птицы и сидящая фигура. Сохранился прекрасный красный цвет. Пергамент — очень древний, семнадцать металлических орнаментов (розочек) вокруг него. Такое дивное чувство видеть это. <...>

20.VI.26

<...> Е.И. прекрасно говорила о том, что мы не должны быть слишком привязаны к земле — но должны немного отрываться от нее, так сказать, быть между небом и землей. Иначе, будучи лишь земными, в практических вещах мы можем утратить наш дух. Она читала нам о пророчествах, касающихся разных людей, — как чудесно! Говорила об открытии центров, когда мы начинаем видеть различные цвета и вибрации. Говорила о великолепном времени в Дарджилинге, когда проходил ее эксперимент, — каждый день она слышала Голос одного из Братьев; прекрасны голоса Сестер, особенно голос Ориолы; когда она летает, она [использует] “Клич Валькирий”. Конечно, некоторые голоса принимаются ею сразу, к некоторым ей приходится привыкать из-за разного цвета вибраций. Но какую боль она испытала во время этого процесса! Все ее тело страдало — такая огромная жертва!!!

Посетили с Юрием и Н.К. несколько музеев. Видели прекрасные коллекции картин Сезанна, Ван Гога, Матисса, Ренуара, Пикассо и других художников этой школы. Прежде они находились в частной коллекции Щукина, теперь же национализированы. Н.К. любит Ван Гога больше, чем Сезанна, потому что он напоминает ему Гогена. Также он отметил натюрморт Сезанна. Пару картин Матисса, которые столь красочны. О Редоне сказал, что он был очень талантлив. Морис Дени ужасен, особенно его фрески. <...> Затем мы посетили другую частную коллекцию прошлого, в которой были собраны картины лучших художников русской школы. Н.К. особенно любит последнюю работу Серова, некоторые рисунки Репина, он отметил Левицкого, Перова и других художников старой школы. Затем мы отправились в музей Бахрушина, ныне Театральный музей. Н.К. узнали сразу и с почетом сопровождали по музею. Бывший владелец коллекции Бахрушин сейчас директор музея и, конечно, живет в этом же доме. Как знаменательно!.. Когда мы ему сказали, что в Америке есть Музей Рериха, он прослезился и сказал, что ему стыдно за свою страну, за то, что у них нет музея, посвященного этому художнику. Бахрушин — очень милый человек, одет в старинный купеческий холщовый кафтан или, скорее, поддевку. Сказал, что будет сотрудничать с Новым Синдикатом. В газете появилась коротенькая заметка о знаменитом художнике Рерихе, недавно вернувшемся в Россию.

21.VI.26

Видели сегодня восемь замечательных картин — они превосходят всё виденное нами прежде; они составляют серию “Майтрейя”. Сильные, величественные, мощные.

23.VI.26

Ходили к издателям и получили материал — два пункта нам все же не нравятся, и мы постараемся их изменить. Теперь уже все знают о приезде Н.К., народ его просто осаждает.

26.VI.26

<...> Нам рассказали сегодня удивительную историю о том, что по вечерам необходимо смотреть на Венеру — смотреть долго, временами закрывая глаза и сохраняя в уме ее сияние. Если это вызовет сонливость, то не так уж и плохо. Затем, лежа в постели, думать о Венере, пытаюсь послать себя к ней в пространство по лучам. Соединить себя с ней. Длительность и повторение этих экспериментов крайне важны. Как замечательно тренировать себя для полета к ней! Какая тема для романиста!

25.VI.26

<...> Е.И. рассказывала о Сестрах, она знакома со многими из них. Одна очень высокая и очаровательная, другая — небольшого роста, с красивым голосом. Она — сестра К.Х. Голоса такие разные, до одного — голоса Учителя Ракоци — было очень трудно добраться вначале: другой Луч. Некоторые звучат для нее очень гармонично.

27.VI.26

Сегодня посетили два музея. Один — каменного, бронзового, железного и скифского веков, другой — музей искусства XVII и XVIII веков. В последнем много работ крепостных. Мы были удивлены, увидев, какое огромное количество рабочих группами слушают лектора, сопровождающего их по музею и рассказывающего о различных орудиях труда доисторического периода, и какое внимание они к этому проявляют.

1.VII.26

Прочитали прекрасный рассказ о Хатшепсут и Мемсе II: оба были учениками Иерофанта и оба покинули свое царство, чтобы отправиться к Нему за знаниями; совсем не так, как учит история — что они были враждебны друг к другу и из-за этого расстались. В действительности же они были очень преданы друг другу и работали в полной гармонии.

4.VII.26

Утром мы с Е.И. посетили дом боярина Романова, что на Варварке. Прелестный маленький домик с чудными печами, маленькими оконцами — сразу же переносишься в тот период. Затем отправились в Музей Изобразительных Искусств, построенный Нечаевым-Мальцевым из мрамора, а внутри — только копии скульптур. Картины в основном второсортные, фламандской школы. Е.И. не любит Рубенса, любит Ван Эйка, Франса Халса, Шнайдера, не любит Пуссена, любит Мане больше, чем Моне, не любит Коро, Грёза, не любит французскую школу, за исключением раннего периода — примитивистов. Она любит картины старых мастеров, изображающих толпы людей на фоне фантастических домов, крепостей, городов. В художнике она любит не характер, а то, что обычно называют шалостью, которую художник совершает из прихоти, и изображает это. Она вспомнила Дамота, французского антиквара, у которого была замечательная коллекция именно таких художественных прихотей, которую он ей показывал. Ей скорее нравится грубая, но сильная сцена, чем сладкий пейзаж, который для нее утомителен. Она также сказала, что очень любит фламандскую школу, но любит картину не из-за имени художника, ее нарисовавшего. Она предпочитает не знать имени и не выяснять его. Затем мы отправились в Храм Христа Спасителя, внутри он безобразный, хотя снаружи прекрасные пропорции. Она любит Кремль с его стенами и изящными, словно кружева, башнями. Днем поехали вместе с ней и Н.К. на Воробьевы горы — совсем неинтересно, за исключением прекрасного вида на Москву, затем отправились в Музей мебели, бывший дворец Орлова. Прекрасный дом, мрамор внутри и снаружи и красивая мебель различных эпох — Екатерины Великой, императора Николая I и т.п.

8.VII.26

<...> Е.И. рассказывала о Босе Сене, как он хранит священные реликвии Рамакришны, Вивекананды, их портреты в особой комнате, держит там цветы, посещает ее для вдохновения и медитации, даже снимает обувь [входя туда], сам убирает комнату и не позволяет входить туда посторонним. Это было сказано в связи с нашей беседой о Святилище и о том, как однажды все там изменилось. Е.И. сказала, что все предметы там, с их аурой, создают ту особую атмосферу, которая должна сохраниться. Очень опечалилась, услышав об изменениях.

На следующий день были очень заняты. Рано утром помчались за паспортами, потом за разрешением музейного отдела на отправку предметов искусства в Нью-Йорк. Вернулись домой в 4 часа, беседовали с Е.И. Много из того, что касается ее эксперимента, она не может нам прочесть. Но она рассказала о нескольких удивительных вещах, например о ткани, сотканной для того, чтобы ее носить, о вдыхании запаха цветов в качестве питания, но никакой еды, ткань же изготовлена из особого вещества для предохранения от инфекции. Полеты на другие планеты осуществляются не всеми, в основном Сестрами. Вивекананда также отправился на другую планету, Платон, многие покидают Землю. <...>

Е.И. должна сейчас писать свою биографию, начиная с раннего возраста (4-х лет), когда она впервые узнала о существовании Учителя, отмечая все фазы своей жизни (замечательно, что они состоят из семилетних периодов), когда она знала и чувствовала Учителя. Она также сказала, что только наше страстное желание не воплощаться снова на Земле, стремясь остаться сотрудниками Белого Братства, может сделать это реальностью. Но только если мы хотим этого не для своей личной радости и удовольствия, а для того, чтобы оттуда служить человечеству в уплотненных астральных телах. Какая величественная цель жизни в этой мудрости!

Посетили вместе с ней и Юрием Останкино и Кусково — прекрасный старинный дворец и поместье графов Шереметевых. Мебель эпохи Екатерины II — Павла I. Прелестная архитектура. Сейчас все это — публичные музеи.

В понедельник днем отправились с Н.К. в Кустарный музей — очень интересный музей. При нем существует школа, в которой учат рисовать, писать картины, шить, вышивать — всему кустарному творчеству, которое можно приложить в жизни. Затем пошли домой, беседовали с Е.И. Она сегодня печальна, не может выносить условий физической жизни. <...> Опять говорила о страшном чувстве при лицезрении тьмы. <...> Сказала, что Бальзак, как великая душа, тоже в Белом Братстве. Говорила, какая огромная сила — преданность: Дерки, слуга Вогана, сейчас с ним*, потому что служил ему преданно пятнадцать лет. Рассказала, как однажды явили ей семя духа, когда Его руки показали ей на столе яйцо с синеватым пламенем, означающим дух. Теперь, похоже, после великой инкарнации и большого синего пламени, когда она ожидала, что следующее будет еще больше, — пламя едва различимо. Она объясняет это тем, что, видимо, эта личность также совершила в жизни великие дела, но мотив был эгоистичным или личным; главный же фактор роста духа, влияющий на будущую жизнь, — это всегда мотив действий — преуспеваний, достижений. Также говорила о космической тоске, как мы должны привыкнуть к ней — о мощи ее, и тем не менее мы должны победить ее, чувствуя ее. Она говорит с огромной тоской о Дарджилинге — там было ее время. Рассказывала о страшных лишениях путешествия — студеные ветра, холод, едва переносимый, ужасные проводники, мучения с багажом, паковка вещей, присмотр — все на ее плечах. Какая огромная жертва ради величайшего дела!!! Сегодня был очень трогательный эпизод: официант, убирая со стола, спросил у нее, не дочь ли я ее, и она сказала “да” и затем сказала, что Мор[ис] — мой муж, а Юрий — брат. Она сказала это с такой любовью. Я, поистине, живу в другом мире и смотрю на все другими глазами.

Вторник. <...> Получили замечательные сведения — совершенный дух, прошедший через все воплощения, получает после окончательного освобождения светящуюся оболочку под названием “Люцида”, но после этого он сбросит даже этот свет, последнее состояние есть тайна. Обычный человек идет в дэвакхан* для накопления силы и после того, как накопит знание духа в дэвакхане и почувствует, что уже готов, — уходит. Но дух, обладающий огромной энергией, может воплотиться сразу же, без остановки в дэвакхане. Докиуд* — это обитель Учителей на астральном плане, где пребывали Е.И. и Н.К. перед своим нынешним воплощением на Земле. Это ближайшее место к Белому Братству, и лица, находящиеся там, ближе всех к Учителям. Шорака сейчас там. Катаклизм Атлантиды может и теперь повториться, и поэтому мы должны делать все, чтобы предотвратить ужасную катастрофу.

22.VII.26

Уезжали 22-го — знаменательный день — похороны [Ф.Э.Дзержинского] и толпы людей, музыка, пушечные залпы, все выдающиеся личности проходят мимо — мы стоим на балконе [гостиницы “Метрополь”]. Очень нервничаем, что можем опоздать к поезду; наконец подъехали три автомобиля, и мы, среди огромных толп людей, военных со знаменами, громкой музыки, достаиваемся самых удивительных, необычных проводов. Люди дружелюбны, очень заинтересованы, наблюдают за нами, приветствуют нас, посылают приветствия далеким друзьям в

Америке. Участники похоронной процессии на нашем пути великодушно расступаются, как по волшебству, даже почтительно, давая нам проехать. Незабываемый день, великий отъезд. Е.И. вспомнила виденный ею сон: их пятеро, идущих сквозь толпы, музыка, солдаты в синих фуражках, знамена, — и ей было сказано, что это в Москве.

Когда они вначале договаривались о приезде в Москву, пришла телеграмма от Чичерина о выдаче трехдневной транзитной визы, а затем вторая телеграмма — о гражданстве. Но консул в Урумчи сказал им, чтобы они ехали, он же скажет, что телеграмма пришла позже. И затем запечатал все важные бумаги и письма дипломатической печатью — тем самым рискуя своим положением, даже не заглядывая в бумаги, которых он прежде никогда не видел, ни мгновения не колеблясь и не сомневаясь, всецело доверяя Е.И. и Н.К. За это он получил кольцо и был приближен.

Все в Москве были изумлены, что такое огромное количество багажа не было подвергнуто таможенному досмотру. Грабяр сказал, что обычно даже два чемодана досматривают! Е.И. предложила такую картину: наверху, словно маяк, Учитель, от которого к ученикам протянуты тончайшие нити. Если кто-то теряет веру, начинает бояться или сомневаться — нить обрывается. Он все еще соединен с другими учениками, но оторван от Учителя, который не может защитить его при опасности.

Первый день нашей поездки очень радостный. Много говорим о будущем, разрабатываем план, чтобы всем нам вернуться сюда в марте или апреле следующего года и вместе с Б.К. отправиться на Урал, где мы снова встретимся с Е.И. и Н.К. Должен приехать и Святослав. Говорить, что с 1914 г. они путешествуют по разным странам, что и было сейчас отражено во всех газетах. <...>

Днем проехали место железнодорожной катастрофы, которая произошла 19-го. Если бы мы выехали 17-го, как намечали, мы были бы здесь именно в это время. <...>

Утром мы все вместе сидели и беседовали. Я спросила, что самое необходимое сейчас. Е.И. ответила: первое — устремление и затем — соизмеримость. Первое включает в себя бесстрашие, второе — мудрость. Затем я спросила, над чем надо сейчас работать. Е.И. сказала: изучайте состояние библиотек, как устроены детские отделы, что там читают, например, предлагают ли библиотекари детям книги по ботанике. Также санитарные условия в библиотеках, на фабриках, есть ли необходимая спецодежда. Хорошо бы посетить приюты для сирот и заведения для малолетних преступников. Сказать всем дома, что это будет моей работой. <...>

Отправившись в четверг, 22-го, 26-го мы приехали в Новониколаевск*. Путешествие было замечательным. Их любовь и мудрость превосходят всё. Мы вели самые вдохновенные беседы, наслаждались каждой минутой нашего совместного пребывания.

Новониколаевск — маленький грязный городок, завтра на пароходе мы отплываем в Бийск.

Они оба [Е.И. и Н.К.] советуют нам не скрывать нынешнюю поездку от Гребенщикова. Говорить, что у Н.К. все идет замечательно, но теперь он направляется в Абиссинию, и мы действительно не знаем его адреса.

Необходимость в поездке на Алтай хотя бы на короткое время стала очевидной, еще когда мы были в Москве, и это будет наше первое посещение Алтая. <...>

Думается, что для нашей работы потребуются многие годы.

Вечером было Сказано: “Истинное мужество было явлено при передаче Моего Послания самым ужасным людям. Невозможно передать, в какой вы были опасности, когда были в Москве.

Малейшее сомнение или колебание могли бы привести к гибели. Потому просил вас понять серьезность момента. Учитель новых должен трансмутировать мысль в действие. Прежде чем привлекать других, надо работать над собой. Считаю, результаты, достигнутые в Москве, имеют историческое значение. Вы будете все жить в Верхнем Уймоне...”

Мы начали нашу поездку по Оби, сев на пароход в Новониколаевске. Очень жаркий день, но к вечеру становится прохладнее. Кругом леса, чудесный, благоухающий ароматом сосен воздух. Говорили о смерти. Е.И. так прекрасно сказала: Учитель будет с вами в последний час, Он не оставит своих учеников. <...>

Два дня — 27 и 28 [июля] — мы плыли по реке Обь, прекрасные места, великие беседы, так много было нам дано, о нас думали каждую минуту. Незабываемые дни. Очень жарко, бедная Е.И. страдала ужасно. Когда мы прибыли в Барнаул, оказалось, что пароход, на котором мы должны были плыть дальше, не пришел, и весь следующий день мы провели в Барнауле, аж до трех часов утра, пока не подошел следующий пароход. Становится прохладней. Огромная река Обь и такая широкая!

Вечером пришло: “Ручаюсь за успех. Примите неслыханную серьезность момента. Удержите ощущение центра Моей Страны. Бывшее в прошлом — лишь игрушки в сравнении с настоящим. Считаю, как жемчуг, мгновения вашего устремления. Так важно его присутствие. Ужасный ящер угашивает огонь ваших шагов. Потому будем держать факел в неприкосновенности. С соизмеримостью Мы будем смотреть на подробности, которые подвержены превратностям, и тем охраним ствол дерева”.

30-го прибыли в Бийск после долгого плавания по Оби. Опоздали на полтора дня в сравнении с расписанием. Город небольшой, тихий. Наняли возниц, четыре брички, упаковывали вещи, купались и целый день просидели вместе, принимая сообщение.

1.VIII.26

Следующий день начался позже, чем планировалось. Е.И. не понравился возница Едоков, сказала, что у нас с ним будут неприятности, умоляла нас оставить его и взять других лошадей, возницу и брички. Мы не послушались, но слова ее, как всегда, оказались пророческими: в пути мы все время подвергались опасности из-за Едокова.

Поздно вечером прибыли в Красный Яр, не могли устроиться на ночлег, пришлось идти в село Алтайское, где была изба, вся заполненная людьми, так что Н.К. и Мор[ис] полночи просидели за столом, облокотившись, а мы — я, Е.И. и Юрий — остались в бричках. Мы начали понимать, что Едоков даже не знает дороги и лошади у него были слабые. На следующее утро опять бродили несколько часов в поисках дороги. Он повез нас по отвратительной, каменистой дороге в Баранчу — за несколько часов проехали 10 верст. По пути Авир[ах] вывалился из брички, но, к счастью, не ушибся. Это произошло после того, как Е.И. услышала: “Сын мой, держись левой стороны”. Удивительно, что Авир[ах] все время сидел справа. Вот потому-то он и упал. Достали двух лошадей, и Авир[ах] и Юрий поехали верхом. В Баранче остановились в доме Бочкарева, бывшего полкового

солдата, весьма умного молодого человека, издающего здесь газету и возглавляющего кооператив. Нас посетило несколько кержаков*.

Утром выехали в Таураг, пообедали в доме молодой незамужней женщины — учительницы, очень приветливой, но печальной. Днем мы тронулись в путь и сразу же попали под проливной ливень, так что были вынуждены остановиться на час в одной небольшой избе, затем отправились дальше. По дороге колесо, которое нам внушало подозрение еще с Бийска, сломалось, и мы в трех бричках поехали в село Марьинское, переночевали в убогом домике у одинокой татарки. Утром колесо починили, мы переправились через Единголь. Природа становится все более и более величественной, такие виды, оттенки гор и ковры всевозможных цветов. Наконец прибыли в Черный Ануй. Остановились не в таком уж красивом, но очень чистом домике. Примечательно, что вблизи есть пещеры, приблизительно семидесяти саженей в длину. В них находят кости и какие-то надписи. Погода резко изменилась, подул сильный ветер, появились комары. Покинув Черный Ануй, мы надеялись в тот же день прибыть в Усть-Кан, но не подумали о нашем ужасном вознице и лошадях. В пути две лошади остановились, никак не хотели идти дальше, и нам пришлось свернуть на Мульту, чтобы нанять еще двух лошадей. Там мы спали очень плохо, не раздеваясь, — мужчины на столах, Е.И. и я на кроватях. Рано утром на четвертый день пути приехали в Усть-Кан и остановились у одной очень гостеприимной старухи, пили чай, молоко, ели яйца. Она — бывшая учительница, революционерка, ходила в народ. Рассказывала нам много интересного, говорила, что Христос был первым проповедником коммунизма, что она и ее товарищи сеют, а жатву собирать будут внуки. Ее сын не такой смелый и энергичный, как его мать. Уезжая днем, видели молодого орла, журавлей, много диких гусей. Дорога и пейзаж великолепны, ковер всевозможных цветов — голубых, лиловых, желтых. Е.И. чуть не плакала от радости, видя такую красоту. Необычные, причудливые контуры гор лиловых и темно-синих оттенков. Неожиданная остановка в Кырлыке — лошади отказывались идти, казались почти мертвыми. Во всяком случае, это были очень слабые лошади. Едоков поехал в соседнее село за лошадьми, и нам пришлось здесь заночевать. Место очень красивое, видели много киргизов, живущих здесь, — весьма колоритные люди. В пяти милях отсюда находится место, где зародилось поверье о Белом Бурхане*, вокруг много глубоких пещер.

В пять утра со свежими лошадьми мы выехали в Абай. Остановились в доме мараловода туркмена Романова. Славные [люди] он и его жена. Достал для нас пять новых бричек и возниц. Рассчитались с Едоковым и избавились от него. Ужасный человек, предатель. Другие возницы — Василий и Карпов — приличные люди, но Александр также ужасен. Все они алтайцы из Ойротии. Упаковали всё с новыми возницами в пять бричек и выехали. В Юстике бричка, на которой ехал геген*, перевернулась, он выскочил из нее, и лошади понесли. К счастью, ни он, ни возница (очень плохой) не пострадали. Нам пришлось оставить сломанную бричку. Переложили все в четыре брички и отправились дальше. Ночью в тумане была опасная переправа через Синий Яр и Громатуху. Все время лил сильный дождь, продолжавшийся четыре дня. Наш багаж превратился Бог знает во что, весь вымок и разбух, кожаные чемоданы намокли и стали краситься. <...> Поздно ночью, промокнув до костей, приехали в Коксу или Усть-Коксу. Переночевали в конторе Госторга. Я и Е.И. спали в фойе на кроватях, мужчины — в комнате на столах. Наутро, несмотря на сильный дождь, выехали в Верхний Уймон, с трудом переправились на пароме. Морис, Юрий и возница толкали паром. Переправились через Катунь и в 11 утра были уже в Верхнем Уймоне. Лил сильный дождь, удалось снять два дома, очень хороших; один для Рерихов, другой для нас. Прелестное место, чистое. Примечательно, что во всех деревнях очень чисто и нет насекомых.

Сейчас мы остановились у кержаков. В общем ехали семь дней по опасным и почти непроезжим дорогам. Геген сказал — и очень правильно, — что на пути к Шамбале должны быть препятствия. Я все время была вместе с Е.И. Она научила меня видеть и понимать гармонию и сочетания разных цветов, а также форму гор, тени, оттенки, открыла мне глаза на красоту природы. Теперь она знает и понимает природу и цвета. Все время она страдала от жары, болело сердце, особенно на пароходе, но по пути из Бийска сердце болит меньше. Теперь беспокоят колени. В Баранче она упала с лестницы и ушибла колено, которое и так уже было повреждено. Очень страдала, когда мы совершали опасные переходы, так как тогда ей приходилось выходить из брички.

Какое счастье быть рядом с ними! Н.К. такой терпеливый, мудрый и добрый. Е.И. такая любящая, Юрий задумчивый, всегда готовый помочь. Везде она называла меня своей дочерью.

Опечалена легкомысленностью Америки, упущенными возможностями.

8.VIII.26

Сейчас мы устраиваемся на новом месте — условия очень простые, но люди милые, стараются сделать для нас все, что могут. Из-за дождя в деревне такая грязь, что к родителям* можно добраться только верхом на лошади. Н.К. и Авир[ах] собирают сведения о Беловодье — все здесь верят в эту страну. Попасть в нее можно только через степь, претерпев голод и всякие лишения, и многие отправившиеся туда не вернулись. Как-то раз оттуда пришла женщина, красивая, но темнокожая. Все говорят здесь о Беловодье. Создается впечатление, будто все староверы собрались на Алтае, чтобы отыскать Беловодье.

Дед Атаманова, у которого остановились Рерихи, много лет назад отправился на поиски Беловодья. Они, видимо, пошли в Монголию и там увидели темнокожую женщину в белом одеянии и услышали звон колоколов. Но они не смогли вынести лишения пути и возвратились. Жил здесь также и народ чудь. Не желая терпеть тиранию “белого царя”, они ушли под землю. Мы видели место, усеянное камнями и большими дырами, через которые, как уверяют местные жители, чудь ушла под землю и спряталась там. <...> Такая же легенда о подземном народе агарти известна гораздо южнее, в Тибете и Индии.

В доме, где жили родители, на стене одной из комнат была значительная роспись — красная чаша. Дом считается историческим*: в нем размещалось белое, а затем и красное правительство во время боев 1917-21 годов.

Днем мы все собрались в доме родителей, писали, много работали. Пришли несколько человек, очень интересовались Америкой, надеются на сотрудничество с ней. Опять рассказы о Беловодье. Большие люди живут там, справедливые люди, многие подземные ходы ведут к ней. Не многие видели ее. Но некоторые из ее обитателей живут в других странах, [например] в Америке.

Мы посылаем отсюда людей по разным направлениям, чтобы обследовать эти места, и они привозят интересные сведения. Предстоят две поездки к Белухе.

Долго обсуждали неприятности, связанные с “Алатасом” и Гребенчиковым, и, вследствие трудностей с книгоизданием в России, Германии и Франции, мы видим, насколько невозможно продавать там наши книги. <...>

Мы должны усвоить правило, что когда кто-нибудь говорит “нет” или отказывается от какой-нибудь должности, мы должны принимать это незамедлительно, не давая ему возможности переменить свое решение. Вечером мы обсуждали, что мне говорить остальным по возвращении в Нью-Йорк. Нам указано говорить, что, как только мы прибыли в Москву, тотчас все двери распахнулись

перед нами, стоило лишь нам произнести имя Н.К. Он приехал — и в первый же день чудесный прием у Чичерина, а затем — дома у Луначарского, Каменева, Крупской. Но самая замечательная встреча была в ГПУ, где были произнесены Имена Майтрейи и Шамбалы и куда прошли с Именем М. Предложения о сотрудничестве встречены с энтузиазмом, несколько раз встречались с теми, в чьих руках находится власть.

Подчеркнуть, что только благодаря имени Н.К. открылись двери перед Б.К. Сперва у Ямполь[ского], которого посетил Н.К. и который был очень рад этому; затем Горный отдел, Свердлов, сказавший, что если бы не Н.К., он не принял бы нас, так как для бесед с людьми у него имеются специальные помощники, однако, когда он увидел, кто нас рекомендует, он захотел сам иметь с нами дело. Мы должны были продемонстрировать ему серьезность наших намерений, поэтому мы послали инженера-изыскателя для закрепления наших позиций и подготовки почвы для экспедиции в следующем году.

10.VIII.26

Третий день верхом. Ездим в разные места, ищем материалы, посылаем проводников в разные стороны. Особенно были интересны вести, принесенные одним из проводников об Аккеме — озере с белой, молочного цвета, водой (ак — белый). Он также привез рога маралов, которые используются китайцами для лечения.

Утром мы выезжаем верхом и общаемся с людьми, днем после завтрака переписываем Послания и Е.И. читает нам, затем все вместе обсуждаем планы на будущее, маршруты и т.п. Затем идем домой ужинать и собираемся на вечернюю беседу. Сейчас, во время продолжительных бесед, дается третья Книга*. Какую удивительную жизнь мы ведем! Такая жизнь закаляет нас и расширяет наше сознание.

11.VIII.26

Говорили о неразумности людей, цепляющихся за свою национальность. Мы особенно должны это понимать — как мы должны называть себя, если не гражданами Новой Страны? Как же иначе осознать нашу работу и служение? Нужно много думать об этом и избегать узконациональных проявлений, например, даже при проведении выставок не ограничиваться работами художников только одной национальности.

12.VIII.26

Утром опять выезжали верхом в поисках материалов. Удивительный край. Горы, таящие богатства. Скот, молочные продукты, чудесный климат, непревзойденная красота природы. Только строить, только создавать!

Мне Сказано в Нью-Йорке посмотреть, как создаются студенческие клубы, клубы женщин-работниц. Побывать в них, изучить, как они устроены и какова система их работы. Также сблизиться с детьми, молодежью в школах и быть с ними.

13.VIII.26

Прелестный день. Долгая поездка верхом в поисках материалов. Нашли несколько прекрасных образцов. Учусь лучше ездить верхом.

Е.И. и Н.К. сегодня сказали мне, что настоящая аристократия — это не те, кто богат, владеет собственностью и состоянием, но — по-настоящему великие люди. Они надеются, что мы, в Америке, поймем, что не надо прибегать к каким-то особым приемам для привлечения богатых людей. Да, их надо приближать, но только если они принимают идею общины и желают работать для Общего Блага. Мы не должны стремиться привлекать их из-за их имени или богатства.

14.VIII.26

Сегодня в горах выпал снег. Стало холодно. Вечером нас посетили геолог Падуров, профессор математики и студент университета, которые только что приехали в деревню. Первый очень симпатичный, из геологического комитета в Ленинграде. Они жили месяц на Аккеме, занимались научными исследованиями, нашли радио[активность]. Взирались на Белуху, рассказывали об удивительной красоте этой местности. <...>

17.VIII.26

Сегодня Е.И., проснувшись, увидела, что все ее четыре кольца потемнели. Мы должны были уехать завтра утром, но решили остаться до послезавтра.

19.VIII.26

Сегодня утром переправились через Катунь в Уймонскую долину и видели прекрасную Белуху и ее снежные вершины.

День такой ясный, чудный, и Белуха видна во всем великолепии. <...>

Возникли трудности с паромом, все мужчины толкали его — мелководье.

Вечером Е.И. предложила мне сказать всем нашим сотрудникам в Нью-Йорке по поводу всех совершённых нами ошибок, что мы должны забыть о них, учась на них, и начать все заново. И чтобы мы не молчали, если видим промахи и ошибки со стороны наших сотрудников. Я буду просить других наблюдать за мной и говорить мне, в чем я неправа, так же и я могу поправлять их. Е.И. просила нас упомянуть, что более всего она осуждает самомнение и тщеславие.

Она сказала, что мы можем рассказывать детям легенду о Камне, говоря вначале о магнитах, которые закладываются в основание городов. Далее, что некогда с Ориона упал камень и теперь он охраняется Тайным Братством, и затем о куске его, который сейчас путешествует. <...>

Нам было указано обратиться с письмом к китайскому послу, выразив наше удивление, что такому большому другу Китая, как Н.К., не было позволено пересечь Китай. Также Е.И. просила меня записать для нее все те возможности, какие были нам даны: те, что были использованы, и те, что были упущены. Также, если в следующем году я поеду с другими на Алтай, иметь в группе женщину-геолога. <...>

Н.К. был ведом М., когда ему было 17 лет, — три раза подряд во сне он видел высокую фигуру, обнимавшую его; он очень боялся этого сна. Е.И. получила прямой импульс от М. и его руководство, когда ей было около 24 лет — она стала читать Рамакришну, Вивекананду, учение йогов. <...>

Продолжили путешествие новым путем — через Черный Ануй, Туманово, Матвеевку, Карпово, Солонику — до Бийска. Этот новый путь гораздо лучше дороги, которой ехали в Верхний Уймон, — не сравнить! Дожило, а все же чудесный край. Все время сидела с Е.И. <...>

26.VIII.26

Вчера на пароходе “Жорес” отплыли в Новониколаевск из Бийска.

В первый день все было прекрасно, но сегодня утром наскочили на песчаную отмель, большинство вещей выгрузили на берег, просидели до четырех часов пополудни, затем отправились дальше. Работали с Е.И. весь день.

27.VIII.26

Утром сильный буран, все засыпало песком, да и мы покрыты им. Чувствуется Азия во всем ее многообразии.

Приехали в Новонико-

лаевск. Застали телеграмму из Америки. Вечером было Сказано, что мы должны ехать домой в Нью-Йорк вместе, потому что мы нужны там, чтобы усилить работу. <...>

28.VIII.26

Работали сегодня с Н.К. Мне дали прочитать [книгу] “Космос” Вивекананды, где просто и мощно изложены идеи о реинкарнации. Е.И. посоветовала, чтобы мысли, изложенные в ней, были доведены до многих. Юрий показал нам вечером портрет Е.И., когда ей было 20 лет, — какое на редкость красивое и одухотворенное лицо!!! Он показал пять монет с санскритскими словами, которые означали “Лев мужества”. Они чудесным образом появились в Лондоне в 1920 г. Н.К. попросил одну из них дать мне, что они и сделали. Е.И. чувствует, что они принадлежали М. Был очень серьезный разговор о Пор[уме]. Е.И. попросила сказать Логв[ану], что М. оплатил за все, дав им ребенка. Как они смогут уравновесить на весах то, что получили, и свою ответственность? Пор[ума] должна если не физически, то духовно подняться сейчас высоко и страстно, всем своим сердцем стремиться к знаниям, впитывая их из всех великих источников мудрости и красоты. Осознать космический момент, чтобы не воспитать ребенка для страшной катастрофы! Но понять, что может наступить момент, когда на одном полюсе будет стоять Будда, на другом — Христос, на Эвересте — Мать Мира, пытаясь сдерживать страшные токи разрушения мира. Но если Учителя увидят, что человечество окружает себя злом и не стремится ко благу, Они оставят его и уйдут на Венеру, взяв с собой тех, кто оставался с Ними до конца. Остальные пойдут на Сатурн, лучшие — на планету, которая сейчас за Юпитером.

Простились с Юрием, который завтра уезжает в Верхнеудинск. Какая удивительная душа и блестящий ум! Надеемся увидеть его в будущем году в Монголии.

30.VIII.26

Приехал Б.К., и мы целый день работали над нашими планами.

31.VIII.26

Пришла еще одна телеграмма из Америки. <...>

Было Велено показать Святыню Б.К. Ему показали ее в моем присутствии, сказали, что она была сделана в XIII веке в Роттенбурге, кожа [которой обтянута шкатулка] принадлежала Соломону. Также было Сказано, что Камень, будучи седьмым чудом света, был послан в ней. Е.И. рассказала, каким образом он был

послан, об адресе на конверте. Также о том, что он творит “чудеса”, излучает тепло, прыгает по столу; что он — частичка Камня, упавшего с Ориона и хранящегося сейчас в Белом Братстве. Что время от времени он исчезает и посылается только тому, кто является водителем новой эволюции.

Е.И. много рассказывала Б.К. о Белом Братстве. Она спускалась вниз, на огромные глубины, где находятся глиняные макеты построек атлантов, а также все, что относится к заре человечества. Также была она на двадцать шестом этаже, где выставлены предметы, принадлежавшие Христу и использовавшиеся в то время; картины и рисунки, изображающие Его (написаны маслом и акварелью). Очень широкий лоб, продолговатые глаза, очень длинные волосы, немного выющиеся, с пробором посередине. Очень оригинальное лицо. Будда — очень маленький лоб, маленькие глаза, выющиеся волосы, квадратное лицо, очень мощное. Люди на Венере живут в астральных телах, младенцы уже при рождении имеют такое же развитие, как семилетние дети на Земле, живут до сорока лет, затем растворяют свои тела. Называют свою планету Тула. Одно дерево оттуда растет сейчас в Докиуде, где с лепестков цветов падают капли праны.

Этот вечер я не забуду никогда. Я поклялась, что мы четверо не отступим и доведем до конца наше дело во имя Его. Я это выполняю.

3.IX.26

Последний день вместе в Новосибирске. <...> Завтра мы все уедем: они — навстречу великой задаче, мы — сражаться. Е.И. зовет меня воином — с помощью М. мы будем сражаться и побеждать.

МОНГОЛИЯ

1927

29.III.27

В пять часов приехали в Улан-Батор. Добираться до города очень тяжело — такая ухабистая дорога! Мы должны были пройти таможенный досмотр, но нас пропустили, даже не взглянув на вещи. Город ужасно грязный, но тихий, интересный, с храмами, юртами, святилищами, прекрасными белоснежными горами, с такими контурами и оттенками лилового, розового и синего! Помчались в Консульский переулок — прелестный дом, большие ворота, которые распахнулись перед нами, и мы обняли Н.К. и Юрия, выбежавших нам навстречу. Е.И. осталась дома, лежала в постели: от простуды у нее поднялась температура. Мы были так счастливы, никак не могли нацеловаться. Они ждали нас уже два дня, посылали брички на дорогу, сами выходили встречать нас, и бедная Е.И. простудилась. Отдали нам комнату в доме своего хозяина, в том же дворе, где жили сами.

Комнатка была маленькая, ни одной кровати, и они предложили нам свои раскладушки до приезда нашего багажа. Мы счастливы быть рядом с ними. Доктор (Рябинин) и В.К.* жили у Всесвятского, в полуквартале от них. Мы были такие грязные, что походили на бродяг, поэтому быстро приняли ванну и опять помчались к ним. Все они поправились, Юрий выглядел прекрасно, Н.К. немного постарел, но также выглядел великолепно, но бедная Е.И. совсем не казалась здоровой. Всю зиму она болела: горло, насморк. Атмосфера здесь ужасная, пыль, ветер, в воздухе так много микробов. Сердце ее также ослабло. Кроме того, все эти месяцы они очень много работали, Н.К. заканчивал около ста картин, а Е.И. готовила к печати сразу две Книги.

А теперь я опишу, как они жили. Прелестный небольшой домик, низкое крыльцо с двумя ступеньками, большой широкий двор. Вы сразу же попадаете в столовую, где стоит встроенный деревянный шкаф, два сдвинутых стола и стулья, большая печь, отапливаемая дровами. От столовой ведет небольшой вестибюль, в котором стоит вешалка с меховыми пальто, а также раковина, где вы часто моете руки из-за страшной пыли. Крошечная комнатка Юрия: книжные полки, стол и раскладушка. Затем вы проходите в комнату побольше, в центре небольшой столик, несколько стульев, занавешенные полки с многочисленными лекарствами и материалами, на стенах очень красивые танка, делающие комнату столь красочной. В ней два окна. Н.К. рисовал в этой комнате всю зиму. Справа от нее расположена комната Е.И. Очень маленькая, с двумя окнами, двумя раскладушками (Н.К. тоже спал здесь) и небольшим столиком. Чудесные танка на стенах и Святыня, вся устланная лиловым бархатом (третье окно использовалось специально для этого). В центре стоял Будда, занавешенный хатыками, несколько меньших Будд, также занавешенных хатыками, много бусинок из сандалового дерева, хрусталя, медные чаши, где горело масло, священные маленькие фигурки и изображения — все это производило неизгладимое впечатление. Е.И. работала всю зиму, и днем и ночью, чтобы подготовить к печати две Книги. Во дворе также стояли две юрты — одна служила туалетом и ванной (ванна небольшая, цинковая), в другой юрте, побольше, жила и спала прислуга (буряты и тибетцы). Повар Людмила, прекрасная русская девушка, на которую было Указано еще в Урумчи, и ее четырнадцатилетняя сестра готовят еду. Рерихам прислуживают также два тибетских ламы и Кончок, который путешествует вместе с ними. Еще у них в доме есть Дедка, прекрасный тибетский старец, которого Н.К. называет “полчеловека”; он убирается в комнатах и топит печь, но с ними он не поедет. Остальные слуги — буряты. Всего десять слуг, но неумелых, необученных, сырой материал. Трудно описать, с какой радостью мы встретились — нам хотелось сразу же узнать обо всем и все им рассказать. У них также есть секретарь и технический помощник, Павел Констант[инович] Портнягин, молодой человек двадцати четырех лет — не очень приятный, но, возможно, он изменится, и от него будет больше пользы. Но самой важной новостью для нас было строительство двадцатичетырехэтажного здания, которое должно начаться в Нью-Йорке. Такие большие перспективы и возможности!

<...> Трудная у них была зима, никакой помощи от тех, кто ее обещал, только препятствия, мелкие неприятности, глупые советы вроде того, который дал Никифоров, — подарить монгольскому правительству картину, на чем он настаивал. Н.К. неохотно, но сделал это, раскрыв таким образом свое местопребывание. Но монголы были весьма учтивы и ценили его величие и значение. Спустя два дня после нашего приезда мы нанесли визит Джамсарано, советнику правительства. Весьма образованный человек, говорил о возможном сотрудничестве с Америкой. <...> Перед уходом попросили его дать человека, который бы сопровождал экспедицию по стране вплоть до границы. Это было крайне важно, и он исполнил

эту просьбу, дав им человека — ламу. На следующий день мы пошли посмотреть на подаренную картину “Великий Всадник”. Она висела в приемной премьеры.

8.IV.27

Встали, как обычно, рано утром и пошли к родителям. Завтрак в 8.20. Затем Мор[ис] и Н.К. отправились в город по различным делам, которые надо было уладить до отъезда. Вернувшись домой, они рассказали, что ходили в Торгпредство и торгпред убеждал их уехать как можно скорее, он готов подготовить все машины к самому раннему сроку, ибо на некоторых участках дороги вскоре ожидаются движущиеся пески, что сделает их отъезд невозможным. Удивительно, что этот совет последовал после вчерашней беседы с одним человеком, посланным Блюмкиным, который настаивал, что они должны остаться и дожждаться возвращения Блюмкина. Упаковали книги для их отправки домой, я и Юрий пошли в Министерство Иностранных Дел за пропусками для таможни, поскольку большинство наших вещей отправлено с первым аэропланом, а сами мы летим на втором. Работали весь день, помогая Е.И. паковать вещи, работая с Н.К., записывая его советы.

У меня была замечательная беседа с Е.И. о душе. Как она объясняет в книге по буддизму*, каждое воплощение есть как бы новый ингредиент*. <...> Вечером Е.И. рассказывала о Братьях, называя многие имена, а также о Сестрах. Одиннадцать Братьев и три Сестры находятся в физических телах, остальные — в уплотненных астральных. Она многих описывала, [в частности] Вогана, очень любит Сестру Пхон По. Получили длинные, серьезные Послания. На следующий день рано утром пошли к родителям, упаковывали вещи, затем все отправились в центр города, а я и Е.И. остались и долго беседовали о новом доме и помещениях для директоров.

<...> Сегодня отправили часть багажа с аэропланом, а в пятницу сами полетим. Ближе к вечеру пришел Джамсарано и сказал много прекрасных слов Н.К. Он рассказал, как в августе 1926 года у ламы было видение: все монголы, обратившись к западу, молились. Вдруг появился Великий Всадник и повернул все их головы на юго-восток. “А вы приехали в сентябре”, — добавил он. Так что все они придают огромное значение картине “Великий Всадник”, подаренной Рерихом. Он также попросил Н.К. сделать для них проект храма-библиотеки, где будут храниться эта картина, священные книги и вещи. Храм будет сооружен из порфира и яшмы.

<...> Вечером мы остались одни. <...> Е.И. рассказала Доктору свой сон о двух сферах, приснившийся ей, когда она носила траур по своей матери. Она ходила по астральному плану, подошла к длинному коридору и вошла в большую залу с огромной лестницей, ведущей высоко вверх. По обеим сторонам ее стояло множество народу в красном, с неприятными черными пятнами. И чем выше они стояли, тем меньше было на них пятен. Очень красивое розовато-красное сияние заполнило лестницу, поднимаясь все выше и выше. Вдруг она увидела, как сверху вниз стремительно пронеслась гигантская фигура в красном, с черной мантией, перекинутой через плечо. Необычайно красивое лицо, длинные черные волосы. Фигура полетела вниз, по направлению к Е.И., но, достигнув нижней ступени, в изнеможении упала на бок, но так грациозно и красиво. Это был Люцифер, и он был прекрасен. Она взирала изумленно, но равнодушно. Затем она сразу же увидела другую сферу в голубоватых, серебристых и белых тонах, больше приближающихся к солнечному свету. Также большую лестницу, людей в белом, с голубоватыми оттенками, стоящих по обеим ее сторонам, и гигантскую фигуру Христа, очень медленно спускающуюся вниз. Он дотрагивался до группы людей на каждой стороне лестницы, и они начинали излучать золотистый солнечный свет. Она была

очень взволнована — подойдет ли Он к ней, дотронется ли до нее и станет ли она светиться. И Он подошел, и она начала светиться и восчувствовала великий свет. М. сказал, что она стала свидетельницей падения Люцифера.

10.IV.27

Начали работать рано утром, до 10 часов паковали вещи. Е.И. удивительно энергична и проворна, практически все сделала сама. <...>

Днем опять паковали вещи, стараясь помочь Е.И. Так радостно с ними — слышен постоянный смех, шутки, никакого раздражения или грубого слова, и тем не менее они суровы и требовательны, когда нужно. Вечером были гости, милые, но утомительные люди. Затем мы с Б.К. читали одну работу, разговаривали, а потом обсуждали будущее. Е.И. сказала, что те, кто растет быстрее, должны чувствовать себя одинокими и изолированными от других, ибо те завидуют им и не понимают их. Говорила, что мы должны сохранять спокойствие в самые критические моменты. Сказала, что через три года мы снова встретимся. И ласкала меня, и обнимала, и целовала — будто солнышко согрело меня изнутри — так я чувствовала. Еще два вечера — и они уедут!

11.IV.27

Пошли к ним рано утром, позавтракали и только начали планировать работу, как пришел тиб[етский] полпред, приятный человек, принес хатыки и подарки на прощанье. К сожалению, кроме меня и Е.И., больше никого не было, и нам пришлось развлекать его три часа — слуга был переводчиком; наконец, не зная, что делать, я попросила его произносить тибетские имена и слова, так что у меня был часовой урок и очень хороший. <...> Утром Е.И. сделали укол спермина (два грамма), боль была ужасная, она кричала и плакала. Весь организм получил нервный шок. Страшная боль, наверно, она чувствовала себя ужасно, если плакала.

12.IV.27

Был очень трудный день. Столько всего надо было подготовить с утра. <...>

Неожиданно Е.И. увидела, что у всех машин только по одной запасной шине — и это для такой трудной и опасной дороги! Она настояла на том, чтобы шоферы пошли к торгпредам и потребовали все необходимые запчасти. Если бы не она — экспедиция началась бы ужасно, а главный торгпред, вместо того чтобы следить за отправкой экспедиции, ушел на охоту! Пришел лама и принес всем хатыки.

Грустно видеть, что Доктор и Портнягин — два гостя в экспедиции, хотя и оплачиваемые, которые должны были бы сотрудничать, не хотят работать, только всё требуют, особенно Доктор.

Невозможно описать всю любовь, которую она и Н.К. излили на меня в течение всех этих дней, и сегодня Е.И. все время целовала и обнимала меня и повторяла снова и снова, как ей грустно, что во время всей этой суматохи у нее не было времени поговорить со мной спокойно и почитать с нами. Чтобы вновь увидеть их любовь, я с радостью бы обошла весь мир, только бы встретиться с ними. Н.К. положил свою руку на мое плечо и с любовью говорил со мной. Великие души. Когда мы их увидим снова?

Сегодня вечером мы расстались рано, Е.И. пришлось лечь, она чувствовала себя такой больной и уставшей. Она сказала, что видела меня во сне: я пришла и принесла ей книгу со своими мыслями, и она поцеловала книгу. Теперь она

полагает, что в следующий раз я приду и поделюсь с ней своими мыслями о проделанной работе. Завтра утром они уезжают.

13.IV.27

В шесть утра мы были у них дома. Подготовка к отъезду уже началась, вещи почти погружены на машины, раскладушки сложены, спальные мешки свернуты. Я помогала упаковывать вещи.

В семь тридцать пришел Джамсарано с одним чиновником, чтобы провести их через таможеню. Мы вместе выпили чай. Замечательно, что он привел с собой ламу, который будет сопровождать их до границы. Сказал, что работал всю ночь, готовил необходимые пропуска для этого ламы, чтобы он мог отправиться вместе с ними. Такое уважение и внимание!

Около девяти мы вышли во двор, и вдруг Джамсарано спрашивает, где ваши номера и лицензии на машины, без них вас не пропустят. Стало очевидным, что по небрежности или чего еще хуже торгпред не позаботился об этом вопросе. И началось самое необъяснимое и возмутительное. Н.К. и Юрий носились от одного места к другому, стараясь получить номера. Каждый чиновник сваливал вину на другого, пытаясь выгородить себя, а монголы, видя это, смеялись над таким проявлением некомпетентности.

Должно отметить, что Джамсарано носился по всем инстанциям, стремясь поправить положение, — его желание помочь поразительно. Поползли различные слухи, что отъезд хотели задержать, но наконец в три часа они принесли номера — Н.К. и Юрий, оба измучены. <...>

Е.И. напомнила нам об Указании, что последние обеды не будут вкусны. Теперь это сбылось. Все это время с девяти до трех мы были во дворе, волновались, ждали. <...>

Затем пришел торгпред, который все утро охотился, вместо того чтобы за всем следить, и, устыдясь, предложил сесть в свою машину и [решил] показать дорогу до первого поста. Я ехала в его машине, В.К. ехал в машине Джамсарано, который также захотел их проводить. <...>

И так мы поехали их провожать, день чудесный, небо ясное, лазурное. Авир[ах] простудился и остался дома. Мы проехали двадцать одну милю до Сенгена и там простились. Нет нужды говорить, какую торжественность все мы чувствовали при расставании, зная, куда они отправляются и что мы расстаемся в последний раз, ибо при следующей встрече мы уже останемся вместе с ними. Е.И. и Н.К. обняли и расцеловали меня, просили рассказать дома обо всем, что я видела, и передать всем их любовь и мысли. <...>

Оба они выглядели замечательно, когда мы расставались, такие великие, но такие изнеможенные, любимые мои! Е.И. в мягкой серой шляпке, привезенной нами из Москвы, улыбающаяся. Она обнимала и целовала меня, называя Зиной. (Слово “зина” на санскрите означает “неотложность”). <...>

Мы отправляемся завтра в 4.30 утра на аэродром, ибо аэроплан вылетает в 5.00. Смертельно устали. Утром или, скорее, ночью встали, умылись, попили чай и покинули наш дорогой, маленький, но уже пустой дом. Дедка пропел несколько гимнов с пожеланиями счастливого пути и указал на счастливые знаки в небе, предсказывая хорошую погоду. В 5.45, простившись с горничной Дашей и Дедкой, сели в аэроплан.

ИНДИЯ

1928

12.VIII.28

В Дарджилинг прибыли в 12.43. Проф[ессор] Р[ерих] и Юрий ждали нас на станции, родные лица.

Н.К. выглядел великолепно, как и прежде, только борода поседела, но такой энергичный, и молодой, и проворный. Юрий выглядит отлично. Мы так счастливы видеть друг друга.

Дарджилинг — большой, красивый, извилистые дороги, добрались до “Хиллсайда” на машинах, вышли, поднялись наверх, подъем крутой, они живут на горной вершине, чудный дом, такой вид на всю гряду Гималаев, Канченджангу — только дождь и туман, из-за муссона, все портят, скрывая вид.

А затем любимая фигура, вся в белом, быстро подходит к нам, чудное, дорогое лицо. Вся наполнена любовью, целует, обнимает нас. Е.И. выглядит хорошо, но ужасно страдала, потеряла много здоровья, должна быть так осторожна во всем. Такой утонченный, чувствительный организм! Мы так счастливы быть с ними. Необычайное счастье для меня видеть их каждый год — это словно сон. Я могла бы все отдать ради них, и я так сильно чувствую их любовь ко мне. Свет[ик] приезжает на следующей неделе.

13.VIII.28

[Вчера] добрались из Салигури до Дарджилинга в 12.43. Приятная поездка, только такой туман, что не видно Гималаев. Нас встретили Н.К. и Юрий, оба выглядели великолепно — мы так счастливы. Подъехали к их дому, что высоко на горе, чудный дом, Е.И. вышла нас встречать, выглядит хорошо, загорела, как всегда прекрасна, но немного похудела. Такая радостная встреча, ее объятия и поцелуи. Нам показали наши комнаты; какая у нее потрясающая интуиция — сначала она хотела дать нам одну комнату с верандой, но затем догадалась, что нам лучше иметь две отдельные комнаты, так что я получила комнату с верандой, а Фр[ансис] — комнату побольше, с отдельными ваннами. А ведь я ей ничего не говорила, даже не упомянула ни о чем. Так много они нам рассказали: какие ужасные месяцы они провели в Тибете, на высоте почти 22 тысячи футов, замерзали, не хватало топлива, еды, но какое это было чудо!

Каждое столетие Братство избирает одного, дабы принести предупреждение людям. Н.К. принес такое предупреждение России*, но они его не слушали. Их послали в Тибет сказать людям, что нужны перемены, и тогда наступит их великое будущее. Но они не слушали. Учитель заранее знал, что так случится. Но предупреждение должно быть дано, и они принесли его. В конце концов, город Знания был предсказан Е.И. еще в Виши, а позднее подтверждена столица в Гималаях. Так и будет. Н.К. на несколько дней потерял зрение из-за ослепительного солнечного света, зрение Е.И. сильно испортилось. Они стойко переносили все

страдания, теперь дана великая работа: перевести “Агни-Йогу”, “Криптограммы Востока”, третью Книгу и “Основы буддизма” и опубликовать их сейчас на английском.

Доктор небольшого роста, ленивый, плохо отзывался о Полковнике, не написал книгу по материалам Агни-Йоги с точки зрения медицины, как было указано Учителем. Он наблюдал за состоянием Е.И. после того, как она видела огонь, пламя внутри себя и симптомы впоследствии, и это все, что он делал. И она хотела помочь ему, но он был слишком ленив, чтобы писать книгу. Полковник сперва был мил, потом стал враждебен к Е.И., не мог смотреть на нее и ненавидел Раю*, приказал ей хорошенько сжигать книги, которые он хотел сжечь, и пригрозил, что выдаст ее и она будет повешена, если не сделает это как следует. Странно — ребенок напоминает Жанну д’Арк, а он был Тальботом и предал ее тогда. Сходство тут же вызвало у него отвращение. Почти все время он был чем-то одержим, стрелял в воздух, сказал, что какая-то сила заставляет его делать это. Только к концу переменялся, посетив Храм Майтрейи и испросив у Е.И. прощения. Сейчас он захотел стать епископом, дабы люди прислуживали ему, дитя! Так мало им все помогали. И все же Е.И. говорит, что так мало людей действуют сообща, что каждый может сделать что-то. Она имела замечательные видения — фохат*, дезинтегрирующийся в солнечных лучах, и кристаллы материи люциды. Но потом очень плохо себя чувствовала, ибо это был огненный процесс, который сжигал ее изнутри. Недавно было сказано, что Беатрис Розен может снова приблизиться. Обо мне было сказано, что в эту зиму открылись мои центры, и Сестра Ориола сказала, что это было очень опасно и Учитель помог предотвратить эту опасность.

<...> Мы должны будем приехать в город Урусвати, который начнется с семи домов и небольшого храма. Там будут изучаться растения, биология, астрономия, химия.

<...> Е.И. так часто ласкает меня, оба они излучают такую любовь. Невероятно — мы в Индии, с ними. Изумительны святыня и рабочий кабинет Е.И., в котором много танка и произведений искусства. Чудные Будды. В нем также есть стул, обтянутый синей парчой, на котором никому нельзя сидеть. Это — Место Учителя.

Расстояние от нового города до Братства должно занимать три с половиной недели. Летательный аппарат Братства имеет форму яйца. Многие члены видели его.

Они добровольно остались здесь на год, чтобы закончить научную станцию, а затем уйти в горы.

14.VIII.28

Не передать, насколько возмутительно вели себя Полковник и Доктор в пути, требовали слуг, совсем не работали, спали по 12 часов в день, говорили о еде. Мучительно было лицемерие Доктора, его мелочность, и [желание] командовать, и требования Полковника.

Е.И. говорила о психической энергии — это основная субстанция мира и каждого живого существа. Это то, что неправильно называют духом. Ее нужно осознать и посылать, излучая из себя как посылки духа. Но нужно сознательно чувствовать психическую энергию в себе. Это как семя (дух) через ряд воплощений (эманаций) должен взорвать и напитать ими семя. Тогда низшее и высшее сознание соединяются вместе и дух запоминает в последующих жизнях прошлое. Но личность, персональная личность, уничтожается. У тех же людей, у которых действует лишь низшее сознание, нет памяти о прошлых воплощениях. Два антипода — две полярности, как и все в мире, должны соединиться для активной

манифестации. Эманации — удары по сознанию — доходят до семени (эго — дух) и насыщают его. Важно осознание и развитие психической энергии. Теперь особенно нужно из-за неизбежно идущей на планету катастрофы. Но человечество отказывается принять этот дар, отказывается от развития духовности, а *газ, посылаемый Платоном с Юпитера, не воспринимается Землей, не пробивает тьму*. Катастрофа должна быть в 1977 г. Но Братство упорно работает для предотвращения. “666” в Апокалипсисе обозначает Будду, Христа, Майтрею, каждого с числом “6”. Додекаэдрон — знак Матери Мира.

Учителя уйдут на Венеру с земными сотрудниками. Часть последует на планету, формирующуюся за Венерой. Остальное человечество уйдет на Сатурн. Если Е.И. добровольно останется для основания опытной станции, она сможет дольше побыть в Братстве, затем придет обратно, а потом совсем уйдет. Ее миссия — это пространственный провод — доказать в физическом теле [возможность] сношений с дальними мирами. Редчайшая миссия. Даже Е.П.Б[лаватская] жила в долине, а не в Братстве, когда была у Мастеров. Е.И. же может сноситься с Учителями, получать посылки из пространства и [даже] получила магнитную стрелу с Венеры. На ней проводится исключительный опыт. Она проходит Агни-Йогу (йогу огня) — она вся зажжена, чувствует в себе пламя, что лишь через триста лет сможет воспринять продвинутое человечество. Это самая могущественная йога, даваемая теперь людям и нужная для постепенного развития человечества. У Е.И. много болезненных проявлений, боль в спине, [ей] нужен уход, [она] спит на животе. Болезненны уши с тех пор, как слышала музыку сфер, говорит о ней как о грандиозном ритмичном возрастании больше, чем об определенных темах и отсутствии гаммы. Ей и Н.К. не позволено есть суп, темное мясо, можно копченую рыбу, курицу.

Н.К. — одиночный провод — сообщается с Учителем. Потому не столь болезнен на ощущения и не требует ухода. Будет меньше в Братстве, ибо должен все время разъезжать. Пресса и паблисити нужны как шаги для будущей работы Н.К., но не ему лично. Е.И. сказала мне, что я и Нуця им нужны для Города Знания и будем работать вместе с ними здесь. А остальные останутся в Америке. Сказала, что Модра из-за легкомыслия поставлена на последнем плане, перед ней Ояна, которая не поняла свою миссию идти сердцем. (Говорила мне, что ни праны, ни концентрации волевой и напряжения мне не нужно, а сосредоточиваться на портрете Мастера, как она это делала.)

Е.И. и Н.К. не верят в получение Беатр[ис] Розен санскритских слов и нахождение их в словаре. Сидней может быть директором Пан-Космоса, если сам все соберет и устроит без наших затрат. Должна быть комната для Пан-Космоса в Доме, и Беатр[ис] не должна быть забыта в делах в Доме.

Мы перевели с Н.К. “Искусство в Тибете”. Написали три письма (я — Шкляверу). Н.К. недоволен памфлетом “Roerich’s Day” [“День Рериха”], ибо в нем нет и упоминания о Рождении Будды в этот день, что так важно для Индии. Говорили об Ориоле — [нужна] хорошая няня для ухода — предпочтительна немка, а начиная с трех лет — разные учителя приходящие по разным предметам. И такая, как мисс Лунсбери, рассказать истории и сказки, развивая дух ребенка, но раз в неделю, не чаще, не мучая ребенка. Е.И. против русской воспитательницы и против англичанки — [чтобы] не убить энтузиазма в ребенке. Мать должна очень следить за учителями, искать настоящих. Е.И. говорит, что Шугарман может быть приближен и в смысле сближения и для Енточки — он указан как полезный человек, даже желателен как директор.

Н.К. был Далай-ламой пятым, построившим Поталу*. Он шутливо заметил, что делает себе рекламу, ибо хорошо говорит о нем в своей статье. Старое искусство

Тибета хорошо, но не новое и [не] подражания Китаю и Индии. Когда устроим выставку, мы должны говорить об этом. Мы живем как в мечте — не верится, что мы у них. Чахемб[ула] лично желает стать священником — это не было ему Указано.

Теперь надо обращаться к Мастеру, называя Его Владыка Майтрейя или [просто] Владыка.

15.VIII.28

Утром Е.И. себя очень плохо чувствует — ночью летела в Америку, перелетела океан, увидела какой-то корабль и почувствовала страшный взрыв бомбы внизу спины и подумала: “Это враг меня убил. Как это отразится на делах, если так рано умру?” Потом она проснулась с болями во всем теле и сильной головной болью на весь день. Конечно, это был взрыв психической энергии. <...>

Говорили утром о Светике — я рассказывала о нем. Е.И. сказала, что при всей любви к нему (это ее любимый сын) она так не убивается, как было раньше. Она отошла от такого чувства. Говорила о трудности его характера, ужасе игры на бирже и [о том], какой огромный дар у него. “Он может быть оком мира” — было о нем Сказано. Также говорила, как его всегда щадил Учитель, не позволяя передавать, когда говорил им о нем сурово. За эту зиму его два раза похвалил Учитель. Е.И. видела его в оспинах двенадцати[летним] ребенком, а однажды — калекой и относит это к тому, что он еще не вырос. Говорила, что видела, как Логв[ана] переносили на руках из комнаты в комнату — значит, сам он еще не может ходить. Радовалась, когда я ей сказала, что он вырос из[-под] влияния Порумы.

Проект высотного здания для Музея им. Н.К.Рериха в Нью-Йорке

Все после завтрака работали над Домом: даны указания на стиль ресторана “нордик — рустик — романеск” с простой тяжеловатой мебелью. Устройство библиотеки — XIII—XIV столетия, мебель все равно какой страны для холла отеля, испанские панели вделать в стену выпукло, как рельеф. Музей — изменены две перегородки и прибавлена комната для хранителя Музея, уменьшен склад. Сдать пока под парикмахерскую, канцелярские принадлежности и книжный магазин свободную площадь Музея в подвале. Н.К. обещал написать картину для места над лестницей, куда мы должны были повесить “Сокровище Ангелов”, чего он не хочет, а велел ее повесить на этой стене, но выше — к следующему этажу. Доволен комнатами в башне, но из большой советовал сделать небольшую спальню и студию, если понадобится. Модра все записала. О Тарухане Н.К. сказал, что он действует по-своему, и пусть. Н.К. не хочет быть почетным президентом “Алат[аса]”

и в письме к нему упомянет об этом между прочим. Е.И. сегодня нам читала в Учении, что было Сказано в прошлом апреле о Тар[ухане], что он вреден для дел.

Опять рассказывали о Докторе, как он жаловался на всех, никого не хотел лечить и неправильным лечением ускорил смерть ламы в лагере. Как Кард[ашевский] говорил, что он приехал им помочь, что он водитель экспедиции, это его экспедиция, [а сам] командовал, ничего не делал. Видно, они оба вели себя возмутительно и доставили им немало тяжелых моментов. Е.И. говорила мне, что Нуця и я будем с ними, что я буду работать, наблюдая и помогая, когда Е.И. уедет. Что я [тот] человек, которому она доверит и поручит. Я так счастлива, зная это, готова жизнь отдать, чтобы работать с ней и быть возле нее, здесь, в этой стране, которую я чувствую близко и люблю.

Вечером у нас была чудная Беседа, затем Е.И. читала нам Учение, начиная с [того] дня, когда мы расстались в Монголии. Днем получили телеграмму. Порума в положении, ждет ребенка в марте — мальчика. Е.И. счастлива, что у нее будет двое детей — легче воспитывать, малая разница в возрасте, и Ориола не будет испорчена и ее характер улучшится. Мы все радуемся. Бумаги о Доме подписаны, мисс Вильямс оказалась болтуньей и не преданной [делу]. Франсис все время ходит злая, почти не разговаривает со мной, увы! — завидует, что наши любимые сердечно меня любят.

16.VIII.28

Утром работали с Н.К. над докладом в Америку, телеграммой и письмом к американскому консулу здесь. Затем начали работать над “Алтай-Гималаями”. Обложка должна быть темнее. Буквы черные, а не белые. “Ведущая” — ярче и чище (не так грязно, как теперь) или же “Чаша нерасплесканная” в одном тоне — синем, но цвет бумаги не подходит к колориту “Ведущей”. На карте должны быть Урга и Алтай. Работали над Книгой (первая часть)*, много поправок. Е.И. не спала, чувствует себя плохо. После завтрака слушали девятую симфонию на фонографе. Е.И. ее очень любит, вспомнила, как изумительно поет Сестра Ориола “Клич Валькирии”, которую она слышала на астральном плане. Затем продолжали работу над Дневником*.

Пришла телеграмма из Нью-Йорка. Левенстин хочет 50 000 \$, что нас очень огорчило. Много говорили о том, как неразумно мы поступили, не заключив с ним договора, ибо Н.К. сказал, что адвокат — это всегда жулик, “все равно что поручить вору быть швейцаром и дать ему ключи от имущества”. Н.К. советует, чтобы American Bond & Mortg[age] и Guaranty Trust, которые его рекомендовали, помогли сбавить цену, также сказать ему, что Учреждения не могут платить, откуда они возьмут [деньги], если банк [их] нам не даст? Пусть он укажет способ, где взять деньги. Но, конечно, вина наша. Е.И. и Н.К. говорят, что без заключенных условий с кем бы то ни было мы не должны работать, иначе всяк надует. Также читали отчет о Доме. Они огорчены малым размером дохода и условиями. Е.И. говорит, что нам надо еще иметь минимум 800 000 \$. Н.К. говорит, что в бюджете должен стоять также старый долг Логвану за дома с самого начала и наши обязательства за платеж ему. Чтобы мы смогли показать другим, когда будем говорить о денежной помощи Учреждениям.

Говорили во время обеда, что из Тибета еще не получена расписка на деньги, которые Н.К. послал в уплату за провизию, купленную караваном в пути, когда они были задержаны без средств и пищи. Решили писать письмо или телегр[амму] в Тибет от нас (комиссии), прося немедленно ответа, ибо деньги Н.К. послал еще 29-го мая.

Имели чудную Беседу, успокоены относительно адвоката. Решили картину Яна Стена продать не дешевле 4600 \$. Наши запросили в телеграмме. Н.К. недоволен ценами в К[орона] М[унди] и переменит [их] — слишком низкие. Н.К. говорит, что нужно продавать вещи дороже, ибо принцип 100% отменен. Каждая вещь, проданная из К[орона] М[унди], должна иметь печать К[орона] М[унди] на обратной стороне (лучше всего воском или выжжена), знак К[орона] М[унди], но без года. Вообще сделать для всего новый знак К[орона] М[унди], изъав “1922” повсюду. Можно продать из нашей коллекции танка двадцать [штук] похуже. Очень Е.И. и Н.К. заботятся о менеджере для Дома.

Сидя в темноте, Е.И. все время видит цвета и насыщенную лучами темноту, хотя она говорит, что лучше всего видит к утру — очень отчетливо. Говорит, что кристаллы лучистой материи видела при дневном свете долгое время, минут сорок, причем, когда она лежала на кровати, кристалл был на стене, а когда она приподнималась, падал ей на грудь, ибо, как было объяснено после, притягивался Камнем. Она видит предметы и вещи с их цветом или окрашенным ее аурой. Например, ее губку видела окрашенной в чудный голубой цвет, цвет ее ауры. А вдевая нитку в иголку, видела все окруженное желтым цветом — интеллекта. В Городе Знания красный цвет не будет употребляем — лишь лиловый, синий, белый. В 1940 году мир получит наплыв психической энергии. Е.И. выпишет музыкальные инструменты для Города Знания — фонограф, пианолу.

17.VIII.28

С раннего утра работала с Н.К. до позднего часа (ужина) над Дневником, сверяя и поправляя русский и английский текст. Франсис в это время печатала доклад. Удивительно приятно работать с Н.К. У него такой тонкий юмор, он так широко на все смотрит, так всеобъемлюще. Пришлось ему все менять касающееся Тибета и в поздних главах — касающееся Росс[ии]. Тут мы хохотали до слез. В одном месте было сказано “третий интернациональный стол”. Я, не прочтя последнего слова, говорю: “Н[иколай] К[онстантинович], это надо вынуть!” Н.К. говорит: “Да ведь это же стол. Это не 3-й Интерн[ационал]. Халат красный — нельзя! Снег белый — нельзя! Вот до чего дошли”. Затем в последних главах, где говорится о путешествии пароходом по Иртышу к Оби, Н.К. говорит: “Все выкинуть. Опять пароход, опять матросы. Еще скажут, что я пропаганду делаю”. Говоря о мальчике, встреченном на пароходе, Н.К. его вычеркнул, говоря: “Еще неизвестно, каким он вырастет. А вдруг негодяем!”

Дивный, изумительный, светлый Н.К. И как он хорошо мне сказал: “Да, раз Радна здесь, ошибки не будет. Как вы вчера нашли путаницу в телеграмме Франсис!”, (что истинно случилось).

Днем покупали покрывала, смотрели вещи, привезенные разными торговцами. Е.И. выбирает для меня цвета. Она себя плохо чувствует, [сама] не своя. Ночью сильно болели плечи, голова, не выносит дыма, ибо он действует на открытые центры. Говорила со мной вечером о том, как ужасна была их поездка и как они были спокойны, когда все дрожали и боялись смерти. А поездка была нужна, но приход в Лхасу был не нужен, ибо их бы не выпустили или отравили, ибо они были бы против Д[алай]-л[амы]. Ведь Новый Город и уклад жизни против ламства — просто должны быть учителя с этикой и моральным укладом. Больше русских и американских, мало восточников, ибо они еще не разбужены. Они ждут событий, которые неминуемы. Да и Америка переживет трудную пору — 30-й и 31-й год. Многие лучшие люди погибнут и многие отбросы останутся.

Франсис <...> настояла на том, чтобы послать телегр[амму], чтобы с Вильямс хорошо обращались и не отказали [ей]. Говорила об этом с Н.К., желая его склонить на свою сторону. Я была против, но телегр[амму] послали. Сегодня вечером было сильное Указание против Вильямс. Е.И. говорила мне, что Франсис на последнем месте из-за ужасного легкомыслия. И сегодня Е.И. говорила широко, как ужасно легкомыслие, как мы должны крайне серьезно обдумывать, тщательно взвешивать, думая о будущем, и не думать о моменте или [не] поддаваться чему-либо без размышления. Серьезность, ответственность за дела наши. Е.И. говорила о чудесности нашей сказки жизни, ибо мы прикоснулись к самому высшему. Говорила, что мы ведь спасены, ибо десять лет будет сильная борьба между Белым Братством и темными. Затем человечество получит возможность искать себе спасения, если пожелает воспользоваться данными ему дарами. Если нет, планета погибнет. А мы пойдем на Венеру с Учителями. <...>

18.VIII.28

Утром заканчивали с Н.К. чтение “Алтай-Гималаев”. Затем поехали в Чум, кроме Е.И., которая себя очень плохо чувствует: руки, ноги ломит, и сердце болит — перебои, нет дыхания. Монастырь новый, построен 20 лет тому назад. Римпоче, бывший настоятель монастыря Чумби, — второе духовное лицо после Таши-ламы в Тибете. Поднялись наверх в его приемную, сидели на низких покрытых коврами скамеечках, Римпоче — на возвышении вроде трона. Перед нами маленькие столики. Угощение — тибетский чай с маслом, противного вкуса, беспрерывно подливает. Плохие статуи, танка. Переводчик — лама Мингиюр, учитель и друг Юрия. Н.К. все время упорно твердил о том, как возмутительно поступило с ним тибетское правительство, продержав пять месяцев на высотах, варварски относясь, а ведь титул Далай-ламы — Защитник всего живого. А обращались власти с экспедицией, как с бандитами. А теперь и на письма не отвечают. Римпоче вначале уклончиво говорил, что его дело — религия, с правительством Тибета он ничего не имеет, никого не знает. Но потом сказал, что правительство там теперь очень странное и времена плохие. Спросил, много ли буддистов в Америке. Обрадовался, узнав, что много. Н.К. продолжал твердить о тибетских властях. Римпоче сказал: “У вас есть уши, и вы слышите. У вас есть глаза, и вы видите. И у вас есть сердце, и вы понимаете. Благо будет вознаграждено, а зло наказано”. После ужасного чая пошли в храм слушать службу. Интересное пение с монотонной [мелодией].

Затем Н.К. просил, если Шклявер очень захочет приехать в Америку, сказать, что мы даже можем обратиться в несколько лекционных бюро и стараться устроить для него лекции через них. Но они должны быть сенсационные, иначе его престиж и имя погибнут в Америке. Конечно, это [надо] ему говорить, если он сам пожелает приехать и первый заговорит об этом. Е.И. говорила, что М.М. против рукопожатий, того, чтобы гладить или прикасаться друг к другу, ибо этим нарушается равновесие ауры. У нее опять сегодня были истечения психической энергии из ее организма. Она в этот момент как бы теряет сознание. Даже не знает, куда идут [эти] посылки, но думает, что в Америку.

19.VIII.28

С раннего утра прочли с Н.К. главу о Монголии. Затем целый день наклеивали номера на вещи, купленные для Кор[она] М[унди], — они составят чудесную выставку. Писали счет, считали. Пришли люди, принесли вещи — купили чудного позолоченного Будду и [многое] другое. За столом говорили о том, что Доктор и

Полковник спали по 18 часов в сутки, ели и думали о еде и ничего не делали. Полковник, который должен был заведовать отрядом лошадей, отдавал приказание людям, а сам даже не думал осмотреть их [лошадей]. На лошадь не умел сесть, ружье не умел чистить, платный гость в караване. Доктор еще хуже. Никого не хотел лечить, выпивал все лучшие лекарства, предсказывал всем скорую смерть и дрожал за себя, боясь умереть. Знал некоторые магические формулы, но никаких [настоящих] знаний. Душа болит при мысли [о том], что они ели: нам показали гнилую муку, вонючее масло с волосами яков в нем, хлеб как камень (Юрий сломал зуб и теперь [его] лечит), пшено черное, гнилое. И этим они питались несколько месяцев! А теперь смеются, вспоминая. Е.И. все время плохо себя чувствует. Сегодня волнуется, ибо завтра приезжает Светик. Только бы он держал себя хорошо и не причинил ей боль! Е.И. хочет немного пожурить Франсис за ее легкомыслие. Мне поручено заведовать делами, имея секретаря. Модре всецело перейти в Новый Синдикат. Вечером после Беседы писали письмо домой, как Указано. Н.К. диктовал. Как я их люблю и какую ласку чувствую от них! Трудно даже передать словами!

20.VIII.28

С утра работали с Н.К. над Дневником. В 9.30 приехал Светик, плохо выглядит. Е.И. страшно счастлива. Продолжали работу с Н.К. до позднего часа и окончили перевод “Тибета”. Светик привез интересные документы, которые достал Шклявер, касающиеся переписки Франции с Британией о визе Светика. Телеграмма от Яруи из Лондона — он женится в пятницу и едет сюда по получении визы. Боясь, чтобы он не приехал с женой, решили ему послать телеграмму, что ждут его одного и что советуют отложить женитьбу. Разговаривали вечером после Беседы. Н.К. говорит, что мы должны определить каждый свою работу, ибо иначе семь человек будут тащить один и тот же стул в угол. Советовал мне заняться работой в Школе, наблюдая за делами. Порума может следить за ведением бухгалтерских книг. Модре заняться Новым Синдикатом.

21.VIII.28

С утра читали Дневник, говорили с Франсис и Н.К. о Новом Синдикате. “Алтай-Гималаи” вне ведения Нового Синдиката, ибо Кор[она] Мунди ее издает у Стокса. Если мы печатаем цветные репродукции, открытки, фотографии К[орона] М[унди] или Музея, это не имеет ничего общего с Новым Синдикатом. Буддийский Центр печатает репродукцию “Владыка Мира”. Но книги или издания Учреждений могут идти через Новый Синдикат. Или он их печатает лично, или передает издателю, получая за это комиссию, но принимая всю ответственность за печатание и корректуру, иначе опять “шесть человек будут тащить один стул и наступать друг другу на ноги”, как сказал Н.К. Днем читали со Светиком и Н.К. отчет и цены на картины К[орона] М[унди]. Все указания, относящиеся к К[орона] М[унди], мною занесены в доклад. В общем Н.К. доволен К[орона] М[унди] в этом году. Обсуждали, как говорить [о том], когда поедет в Симлу. Просить вице-короля быть членом научной станции — питомника, биологической, астрономической лаборатории. Нужно [иметь научную станцию] высоко и в горах, ибо там нет муссона и ужасной сырости, как здесь. Когда здесь влажность 70%, там лишь 15 [%]. Е.И. говорит, что 1928-й год находится под лучом Будды, и она верит в успех этого дела.

Н.К. за ужином очень картинно и уморительно описал, как в Адьяре он был приглашен на святую трапезу к Кришнамурти, как они все сидели на полу на

пальмовых листьях, им подавали какую-то гадость. Как нога Н.К. устала и потянулась к пальмовому листу святого человека, по правую руку которого он сидел. Как Н.К. подобрал свою ногу. Как все молчали. Потом аудиенция у Кришнамурти, когда надо было снять ботинки, и Н.К. сказал: “Ну, заяц — так заяц!” Знаменитая речь Кришнамурти после долгого молчания, когда он сказал: “Помогите нам”, прося Н.К. дать рисунки здания, которое он собирался строить. Мы хохотали до слез: как Яруя наткнулся на урну с пеплом Е.П.Б[лаватс-кой]; как им показали место, где на почтенного

***Фото: Н.К.Рерих в штаб-квартире Теософского Общества.
Адьяр, Индия, январь 1925.
На обороте фотографии надпись рукой Е.И.Рерих:
“Сады Блаватской. Дом для приезжающих.
Постоянный обитатель — неизвестный “гном”.
Но Н.К. и Яруя его не заметили”.***

Ледбитера наплевал дух; как Яруя слышал шаги гнома и чувствовал себя либерально, ибо Н.К. без него бы, наверно, уверовал во все. Уморительно!

Затем после Беседы (говоря о менеджере), Е.И. сказала, что его нужно заинтересовать возможностью повышения заработка, если он удачно сдаст квартиры. Е.И. говорила об Агни-Йоге, что она видит огонь в себе, поднимающийся пламенем от сердца и соединяющийся с мозгом. После этого она всегда очень больна. Голова болит и общее страдание. Очень рекомендуется самим варить корни валериана и принимать, носить ботинки на резиновой ступне и подошве — сплошь. Употреблять мяту и смолу для дыхания (через нос), лакрицу для желудка. Е.И. нельзя есть супа и темного мяса, но можно белое мясо, рыбу, копченые продукты.

23.VIII.28

Утром проверяли К[орона] М[унди] со Светиком и заканчивали русский Дневник. Немного гуляли с Е.И. После ланча [только] начали работу над планами со Светиком, как пришел индус-нотариус, но не принес печати и не мог зарегистрировать бумаги — завтра поедем в Дарджилинг за этим. Затем подошли американец и индус, оба члены миссии Вивекананды — тихие, молодые, первый изучает Веданту и будет в Калифорнии, где его родители дают землю [чтобы] основывать общество.

Разговор зашел о Брамане. Е.И. говорит, что Браман* меняется, но принцип Брамана совершенен. Что пралайя* — это есть накопленная энергия, подготовляющая в известном состоянии новую манвантару*. И так это идет по закону эволюции. Е.И. говорит, что сознание ограничено, мир ограничен, ибо может лишь существовать в границах сознания, так что мы существуем ограниченно

в безграничном. Е.И. дошла до этого сама, и М. ее назвал Находящая, ибо все ученики должны дойти до этой формулы сами, без Его помощи.

Светик заявил, споря с Е.И., что они принадлежат к разным школам. Н.К. говорил, что вчера до поздней ночи Светик их мучил пралайями и манвантарами, пока Н.К. не сказал ему, что пралайя наступила теперь и надо идти спать. Я очень смеялась.

Когда пришли молодые люди, Н.К. вышел со мной и сказал: “Ну, начали говорить о пралайях, значит, теперь не уйдут”. А Светик вдруг подружился с ними и говорит: “Они ничего, они — мирные!!!” Мы смеялись до слез. Затем Н.К. говорит, что надо спросить “генерала” (Светика) о ценах.

Чудесный день! Утром немного работали, составляли важные депеши, одну — нашим о выборе почетных членов для научной станции, но как трудно было дать им понять, чтобы они не сообщали сюда отказы кого-либо. Затем работали все над планами Дома, некоторые идеи хорошие, а некоторые неожиданные, как, например, относительно Нового Синдиката. Ему дается видное, серьезное место печатного агента всех Учреждений.

Потом говорила с Е.И. Она мне сказала, что у М. нет сорной травы в Его саду, всё полезно. И Тарухан, теперь работающий для себя, но безусловно талантливый, может быть полезен к 1936 г. на Алтае, когда начнется “Белуха”. А что он ищет свою выгоду, то все придут для личной выгоды. Ведь было Сказано: Лихтманы лучшие люди. И если нам нужен человек практичный, умеющий ясно и четко работать, а наш сотрудник духовен, но слаб, временно переместим, сузив поле деятельности первого. Но самое важное — терпимость, ибо нет совершенства. Прощать малый вред, ибо от него может произойти большая польза. И, видя малые раны, наносимые делу, смотреть на них широко и терпимо, прощая и помня, что это сотрудники и лишь при явном предательстве мы можем их откинуть.

Так, например, с Чахемб[улой]. Он ненавидел Е.И. все время и, лишь войдя в Храм Майтрейи, подошел к ней и просил прощения, и она такое ему сказала, что он потерял свою одержимость и переменялся. Это случилось не по воле Учителя, а благодаря воле Чах[ембулы], стечению всего, словам, правильно сказанным Е.И. Конечно, он может пойти обратно, ибо одержимость продолжается 900 дней*, он склонен к предательству, ибо, будучи Тальботом, он убил Жанну д’Арк и гордится этим. Но лишь тогда можно его откинуть, а пока — осторожность с ним, ибо он слишком много знает. Он говорил, какую великую миссию ему дал М. Е.И. ему отвечала: “Но вы ошибаетесь. М. сказал, что вы выбрали тяжкий крест, а не Он дал вам”. А он все повторял свое.

М. сказал, что никогда не отошлет Ярую, ибо он, когда они были в Москве, посылал им благие мысли и думал о них хорошо, и это им помогло. А когда мы думаем плохо о Тар[ухане], это плохо отзывается на них, ибо мы все так тесно связаны. М. выбирает прежде всего людей, связанных вместе кармически, уже работавших вместе, ибо с ними легче и им легче быть вместе из-за прошлых опытов. Е.И. говорила, что соизмеримость — ближайшая ступень к целесообразности, и я должна это постичь. А главное — быть терпимой ко всем, иначе начнут меня бояться и не пожелают работать вместе. Это правда, ибо я это уже чувствую, и я должна быть безусловно терпимой.

Е.И. говорила, что в аппарате Братства, который пролетел над ними, был Брат Джуал Кул с сотрудником в уплотненном астрале и летели они к Т[аши]-л[аме] упомянуть о них. И сотрудник должен был передать ему весть, а Брат Д[жуал] К[ул] остался сторожить аппарат (овальной формы, как бы из алюминия), чтобы, если кто откроет их, уничтожить аппарат. Затем она увидела себя в видении, что садится в аппарат, сзади М., который управлял, и они летели над океаном, и их сильно качало.

И когда она начала просить М. прекратить качку, Он ответил, что это из-за магнитных токов. Потом Е.И. летела сама над пустыней и, припадая к земле, поднималась и сильно кренилась набок, и это тоже было результатом магнитных токов.

Вечером чудная Беседа — ответ на наш дневной разговор. Е.И. рассказала, что прочла рассказ “Лес увел его” о молодом помещике, который был придавлен падающим деревом, и М. сказал, что это из ее жизни, когда она была помещицей Рокотовой. Затем она читала рассказ про помещицу Натали Рокотову, как та умерла от разрыва сердца на балу, и возле нее был ее сын офицер. Это ее же смерть, и Свят[ослав] был ее сыном. Затем ее видение, как она прощается с сыном, который едет в город, и она ему говорит, как одинока она будет и пусть он даст ей знать задолго до своего приезда, и она вышлет ему буланых, его любимых лошадей. Тоже она и Свят[ослав] — Рокотовы, и поразительно, что все это она прочла и знала еще до того, как ей было сказано о ее воплощении. Дивные, святые люди.

Завтра начнем переводить Книгу.

24.VIII.28

Утром пришел корреспондент “Statesman”, и я дала ему интервью по желанию Н.К. После завтрака начали переводить с Е.И. и Франсис “Агни-Йогу” — перевели восемь стр[аниц] до ужина — очень трудно. Е.И. говорила о пренебрежении Доктора, Полковника, Портнягина к ней как к женщине, как они писали дневники, особенно Доктор, абсолютно не говоря о беседах с Н.К. и Е.И. и Учении, а [ведь он] прожил с ними больше года. Как они командовали, требовали услуг, приказывали и грубо обращались с Людмилой и Раей и целые дни спали. Возмутительно! Что им пришлось перенести от них.

Е.И. говорит — М. сказал, что Люмоу будет заместителем Фуямы на Западе. Е.И. страшно любит Св[ятослава], но видит его недостатки. Знает наизусть и слепо берет “Тайную Доктрину” и “Письма Махатм”, а данное через Е.И. и Н.К. Учение не хочет брать. Все сам! Вечером после Беседы (24-е — значительный день) играли Шуберта, “Шехерезаду” и “Валькирии” — радовались музыке.

25.VIII.28

Утром одна беседовала с Н.К., гуляя с ним, говорила ему о Св[ятославе], его отношении к Дому, делам и так далее. Н.К. сказал, что [он] может быть полезен при развеске [картин в] Музее; что лучше брать стены одного материала и цвета: выкрашенные в зеленый или желтый, они быстро пачкаются, лучше взять образцом серый фон старого Музея; что девизом при постройке Дома должна служить простота всего, говоря, что мы будем добавлять постепенно. В К[орона] М[унди] Светика не тащить и не звать, если важные посетители, а лишь сообщать ему: если захочет, пусть придет. Но понимать, что если директор К[орона] М[унди] становится собирателем, то это опасно для Учреждения. Собственный интерес стоит у него на первом плане. Так что быть осторожным со Свет[иком]. <...>

Затем мы работали над докладами Учреждений — они неполны и неточны, где прибыль от каждого года М[астер] И[нститута]? Затем много говорили о Новом Синдикате в присутствии Франсис — конечно, жаль, что она неискренна и не сознается, что не только пренебрегала Новым Синдикатом, но и всеми Учреждениями. Бог с ней! Пусть теперь набирается знания, силы и жажды преуспевания от наших.

Днем пришла миссис Финч — теософка, приятная, сидела у Е.И. целый день, когда мы работали. Е.И. рассказывала, как она ненавидит Джинараджасу и Безант, говоря, что последняя пошла против воли Блаватской, ибо устроила себе место президента Теософ[ского] Общ[ества] и читала повсюду лекции, хотя это Блаватская ей запретила.

Миссис Финч рассказала, что “Тайную Доктрину” — и редакцию, и корректуру — Блаватская поручила двум людям, придя и бросив им всю кучу манускрипта. Конечно, из-за этого была масса ошибок. Затем она хотела внести изменения после набора, что было уже невозможно. Поправки в гранках набора стоили больше, чем сама книга. Е.И. и Н.К. возьмут ее [миссис Финч] с собой на место Нового Города, ибо она будет полезна, как было Указано.

Е.И. прочла нам главу из “Криптограмм [Востока]”, когда она была дочерью Будды — Урусвати и дана как приемная дочь на воспитание Майтри, йогине (единственному женскому воплощению М.), которая воспитала раньше Будду, а потом его дочь. Позже она сделалась настоятельницей общины монахинь, после смерти ее матери, жены Будды, которая занимала этот пост. Затем Е.И. говорила о своем воплощении — матери друидов — жрицы, когда ей было так тяжело и тайны были похищены врагом и извращенными даны народу. Ее звали Вайдегунда. Замечательно, что это воплощение ей было показано во сне. Затем в видении она видела себя молодой девушкой с золотыми волосами, которой на плахе отрубали голову. Это было, когда враг был тирольским герцогом, а ее мать была его сестрой, и он велел ее казнить, ненавидя ее. Ее Учитель назвал Дездемоной, ибо так Они называют всех невинно казненных. Затем Е.И. напонила мне, что я была тронной дамой в Сирии и султаншей в Монголии после Чингиз-хана и ее сестрой тогда. Сказала, что Учителя не любят говорить о воплощениях, не желая, чтобы знающие не начали жить двойной жизнью.

Так как Майтри была найдена около озера Манасаровара как дочь мудрого Нага*, там должен будет построен Город Знания. И туда они поедут искать место.

С Тарух[аном] быть корректным, картины Кор[она] М[унди] одалживать ему для Чураевки, но с точным текстом, как именно он должен писать в печати и что говорить. Но у него есть талант. Е.И. говорила, что она понимает видение мамы о первой помощи человеку как то, что он должен был распространять книги Учения, а не писать свою.

26.VIII.28

Вчера Е.И. говорила о том, что я должна предупредить мисс Лунсбери, чтобы она не ходила на сеансы ни с кем, ибо она должна быть довольна получением своих посланий от Блав[атской]. Что же, разве она не верит своим получениям? Пусть она подумает, с кем она сидит за сеансом, когда она соединяет свою ауру с посторонними, с которыми приходят и низшие, и самые враждебные духи? Ведь ей лично дано Учение и книги для детей, и поэтому она должна прекратить хождение на сеансы.

Сегодня утром писала с Н.К. письмо домой. Опять получили телеграмму о лекционном бюро и Фикинсе. Н.К. просил сказать всем, чтобы если от него приходит просьба пока на время что-то оставить или он лаконично на что-то отвечает, значит, и нам из Нью-Йорка оставить это и не писать об этом вновь. Вообще, понять положение вещей и быть осторожными в телеграм[мах]. Начиная с 10 часов утра и с перерывом на завтрак до 4-х дня мы с Е.И. переводили. Изумительно, как Е.И., не зная прекрасно английского языка, знает всю его тонкость и *чувство языка*. Как свободно она иногда переводит, не обращая

внимания на то, что иногда нужно и выпустить слово, чтоб дать силу мысли. И с каким восторгом она объясняет смысл, как горит всем Учением. Она рассказала, что у нее появилось болевое ощущение — как бы лучи звезды зажглись внутри и пошли от сердца повсюду. Потом была мучительная реакция, как и после всех опытов. Это огонь в ней, который горит все больше. И потому Учитель, когда они были в походе и у нее был чудовищный жар от сильного огня внутри, применял к ней ледяной луч и лечил ее. Так же, как лечит ее сердце. Но у нее все время болевые явления, не может повернуть шею, должна держать ее прямо, боли в плечах, тоскуют руки и ноги. “Стала инвалидом”, — говорит она.

За обедом Н.К. рассказал, как Доктор в караване всем, кроме них, рассказывал грязные истории и анекдоты и как Н.К., узнав про это, раз сказал ему: “Что вы скажете про того, кто рассказывает грязь? Ведь мерзавец!” Тот ответил: “Нехорошо”. А Н.К. говорит: “Да нет, сами сознайтесь, что мерзавец!” И тот должен был признаться. Также, как он пришел к Н.К. и сказал ему: “А правда, я выше среднего роста!” Н.К. ответил: “Да нет, вы высокого роста!” Так он с ним действовал во всем. Учитель назвал его “ослиный доктор”. <...> Как все эти люди, названные “осужденные”, мучили Е.И. и Н.К. Людмила и Рая были единственными сотрудниками, и было Сказано, что “легче учить Раю, нежели сорок полковников”.

И все же они были нужны, ибо девять европейцев в караване являлись необходимым элементом для англич[ан].

Вечером после ужина Е.И. нам говорила, что в Городе Знания ее дом будет отдельно и там будет башня. Ей нужно будет оставаться одной в покое и слушать голоса с дальних миров, ибо ей Указано услышать их с Земли и было Сказано, что она услышит. Затем она сказала, что раньше, в Нью-Йорке, Учитель посылал ей видения, теперь же ее дух, благодаря открытым центрам, сам получает видения и слышит. В ее руках не только провод всего Братства, но также и всего пространства. И она первая услышит язык и голоса с других планет. Когда она хочет, она может услышать М.К.Х. или другого. Раз она пожелала Его услышать, но ей ответил Мохамеди, ее дядя, что “нельзя”, ибо, видно, М.К.Х. был занят. Раз она видела лабораторию, и Брат Астия (Воган) проводил опыт, а две Сестры смотрели. Затем она говорила, что М.М. и Брат Астия следят за ней и работают над ней. Раз она присутствовала на ночном служении в Храме, на огромной глубине земли, где на возвышении на подушке лежал Камень и Братья мерно ходили вокруг него. Слышала ритм Их шагов и дивную музыку. Потом ей было Сказано, что служение было для того, чтобы предотвратить войну.

Затем она говорила, что чувствует и видит свое сознание как бы над головой, а не внутри, объясняя, что астральное тело больше материального и потому выходит из границ. Говорила о мозговом дыхании, как Учитель дал его ей и она почувствовала, как в ее мозгу будто стала подниматься и опускаться какая-то мембрана. Это она овладела космическим сознанием. Затем она говорила о “мостах” в мозгу, по которым сознание в процессе роста буквально *переходит* с низшего [уровня] на высший. [Именно] это она и видела, когда Мастер, покрыв ее плащом, перевел через мост из темной местности в более светлую. Явление это и физическое, и духовное. Она слышит голос Будды и Христа, который ей сказал: “Птица Моя”, когда она выразила мысль, что люди не должны быть стеснены Иерархией, а свободны.

Затем она говорила, с какой силой притягивалась к Венере, когда летала туда, и как видела заграждения на планете и воду зеленоватого и других цветов и в движении. Затем Е.И. сказала, что первый раз, когда ее астральное тело вышло и она почувствовала всю легкость и пустоту, — она испугалась и вернулась обратно (чувство веса восстановилось постепенно). Н.К. тогда был в Нью-Йорке. Учитель

одобрил это. Много она видела в Гульмарге и Хотане. Ей нужен холод, удаленность от города и покой. Когда она задает вопрос, то сейчас же слышит ответ. Часто слышит молчаливый “голос”, но не любит его, ибо ей нравится тембр и вибрации голоса, особенно Учителя.

27.VIII.28

С утра читали книгу вопросов. Н.К. находит, что Яруя должен лишь 5000 \$ Логв[ану], ибо остальные Логв[ан] не имел права одалживать ему и позволять тратить, но все равно, будет он платить за 5000 \$ 4% в год или 2% за 12 000 \$. Н.К. советует передать все ведение [дел по] Нобелевской премии на 50% Шкляверу, но без наших затрат на это. Н.К. хотел, чтобы мы поехали обратно через Венецию, посмотрели ее, и жалел, что у нас есть обратный билет на Марсель.

Днем работали с Е.И., переводя книгу. <...> Пришли письма и телегр[амма] от наших из дому. Н.К. и Е.И. крайне недовольны тем, что они так много сообщают о Буддийском Центре и невозможности помещения “Буддийского письма”, а также о лекциях Н.К. Все это им очень неудобно здесь получать, а мы даже не можем наших предупредить, чтоб молчали обо всем этом. <...>

Кардаш[евский] написал, что откладывает на год священство, едет со своей невестой в Бельгию, женится гражданским браком, она будет служить в конторе, а он писать, т.е., другими словами, жить на ее счет. А затем он пойдет в священники. Здесь нам советуют очень его остерегаться в будущем. Большое веселье вызвала искаженная телегр[амма] от наших, говорящая, что Яруя подарил изобретателя Учреждениям. Из “Statesman” получили письмо к Франс[ис], что они посланную ею статью — интервью с Н.К. — решили из-за сенсационного характера не помещать, а сначала убедиться, правильны ли сообщенные факты, послав их проверить другу редактора в Шотландию, что задержит ее появление на шесть недель. Мы все возмущены и написали ему очень хорошее письмо.

28.VIII.28

Сегодня утром [получена] телегр[амма], извещающая о странных условиях Яруи с изобретателем. Поехали с Н.К. в банк, затем пошли на базар покупать подарки. Пошли с Н.К. и Свят[ославом] и накупили разных мелочей. Приехали домой и после ланча начали переводить с Е.И. Какое у нее изумительное чувство языка и как широко она смотрит на все. Где нужно — переводит свободнее, где нужно — дает смысл переводу без буквальности. И при этом с такой любовью все объясняет. Перевели восемь страниц. Вечером имели чудную Беседу. После немного говорили. Е.И. и Н.К. против того, чтобы в Восточном Зале позволять танцы, легкую музыку. Скорее давать это в библиотеке Музея Рериха в случае нужды, нежели опозлить идею Буддийского Центра.

Е.И. рассказала изумительный случай: в пути Юрий был с ней очень груб и резко упрекал почти каждый день. Она же жестоко страдала от открытия центров [и] в связи с трудностями пути. Однажды он ее так извел, что она подумала: если бы он чувствовал то, что я чувствую! Не прошло и нескольких минут, как с Юрием случился припадок, все испугались, думая, что он умирает, и побежали ее звать. Она подъехала, посмотрела на него, зная, что с ним ничего не будет. После М. ей объяснил, что так как она на ступени Пустынного Льва*, то она может мыслями приводить людей в разное физическое состояние, но Он упрекнул ее, поскольку она не должна была этого делать.

Утром разбирали с Н.К. письмо Логв[ана], говорили об Americ[an] Museum. Я записала указания, и Н.К. добавил, что будет пагубным, если, когда Музей откроется, люди узнают, что он собирался 10 лет. Пусть собирает умело, спокойно, но не говоря, что для Музея, и не только вещи америк[анских] художников, но и вещи, выражающие дух человека собирающего; затем Н.К. думал, что лучше не покупать Свет[ику] вещей для Кор[она] М[унди] и Дома. Я ему рассказала все об отнош[ениях] Логв[ана] со Свет[иком].

Затем с утра до вечера переводили с Е.И. Перевели десять страниц — ужасно трудно переводить. Е.И. говорила, что она была королевой Марго, женой дофина во время Жанны д'Арк, и Кардаш[евский], будучи Тальботом, строил ей ужасные козни, и замечательно, что он, не зная всего этого, говорил ей, как он ненавидел королеву Марго. Также и Доктор, живя во время воплощения Е.И. в Германии, нанес ей ужасный вред тем, что приносил ценные книги и указания Врагу и повернул его мысли в опасную сторону, когда тот производил опыт. Он также открыл ключом подобран[ную] шкатулку и украл важные документы. Е.И. все-таки выказала ему доброту, как и Сестра Тереза, чисто из желания добра, помогает Полковнику.

Е.И. рассказывала, как у нее из всего тела идет жар, из ступней ног, когда они были в пути, шел огонь, во время сильнейших морозов она заходила в палатку и мылась, чего никто не мог делать, затем, ложась в ледяную постель, чувствовала через пару минут сильнейший жар. Это огонь Агни-Йоги, ибо она на ступени Пустынного Льва. А после остаются лишь две ступени: Сотрудник и Создатель. В “Агни-Йоге” Е.И. названа Сестра Ур[усвати], но она это зачеркнула. Только подумать, что мы знаем, любим и близко соприкасаемся с Сестрой из Братства! Е.И. рассказала, какую двойную жизнь она ведет, видя и слыша, когда она в покое, утром и вечером. Как она говорит с Юрием и Н.К. о вещах, о которых никогда не говорит [в обычном состоянии сознания], и при этом видит и слышит себя [как бы со стороны].

Говорила о видении, как она была в кабинете ученого, там было двое ученых, которые проводили опыт. Е.И. писала на черной доске и говорила им что-то важное и сказала: “Вы должны уйти от земной мудрости”. Потом Учитель пояснил, что она была в астральном плане у Мечникова, в его кабинете. Говорила о Докиуде, что там работают Учителя и что там есть подчинение и работа, а не как в астральном плане, где духи могут удовлетворять все свои желания, какие бы они ни были, создавая роскошь и так далее. Затем читала нам, что Упасика* ушла, ибо был самый лучший момент для ее нового воплощения, и М. всегда знает, когда лучше ученику уйти для новых благоприятных условий из этого мира. Всегда Он выберет лучший срок для ученика. Упасика через несколько лет воплотилась в молодого венгра, который сохранил сознание о Е.П.Б[лаватской] и ушел в физическом теле в Братство, и теперь там Брат Иерониус. В Городе Знания не будет ничего красного, [даже] цветов, только белые, синие и лиловые. И абсолютно не будет мяса. Е.И. говорила, что для оккультных проявлений нужен сильный свет месяца, но она лично луны не любит. Рассказала, что, когда она много работала на машинке и по дому раздавался стук, Н.К. говорил, что она уже начала работать ногой.

Вечером гуляли, ужасно смеялись. Сперва Н.К. пугал нас, сгибаясь и подкрадываясь, а затем Светка, изображая тигра, бросался на нас.

Сегодня утром [вместе] с Н.К. прочла письма Б[ориса] К[онстантиновича] и переписку о “Б[елухе]” и “У[ре]”. Н.К. нашел, что исследование Крыжановск[ой] экспедиции Пономарева* — ценнейший документ для нас, затем он сказал, что нигде нет явного отказа нам от них, и поэтому, если будет выбран Гувер и Бора будет дружелюбен Москв[е], мы можем искать компаньона и начать “Ур”, конечно, с американск[ими] инженерами и без Б[ориса] К[онстантиновича].

Затем я пошла переводить с Е.И. одна, ибо Франсис начала писать с Н.К. важные письма. И вот у нас был дивный разговор с Е.И. Она мне сказала, что Вивекананда [сейчас находится] на Юпитере, жена Будды — на Венере, Платон — на Юпитере. Но первые не пожелали вернуться на Землю, ибо хотели уйти от нее. А Великий Платон неустанно работает, посылая лучи, необходимые Земле. Е.И. сказала, что если все уйдут на дальние миры, кто же будет работать для Земли и помогать ей? М.М. остался добровольно, Е.И. осталась добровольно. Затем она сказала, что при полном знании того, что должен наступить ужасный взрыв планеты в 1977 году, все же Учителя насыщают человечество, повышая его сознание так, чтобы оно после взрыва, перейдя на другие миры, могло начать там с той ступени, которой они достигнут до взрыва. Иначе, если Учителя их теперь покинут, они останутся на низшей ступени. Конечно, низшие пойдут на Сатурн, лучший элемент — на новую планету, а Учителя и их ученики — на Венеру. М.М. обещано одно женское воплощение, а Е.И. было сказано, что может выбрать, “кем быть и когда захочет”. Е.И. сказала, что когда она в первый раз почувствовала огонь внутри себя и начала задыхаться, то имела видение, как М.К.Х. сидел против нее и лечил ее голубым лучом, который отстукивал ритм и охлаждал ее. Она Ему при этом сказала, глядя на порывы своей ауры и понимая, что Он получил сильные ожоги, спасая ее: “Как же можно было быть столь неосторожным?” Он улыбнулся и сказал по-английски, что в такой работе Он может сам о себе позаботиться. Затем рассказала, что летала раз с Учителем над Землей и видела ее желто-грязного цвета, всю покрытую чадом и ужасной тьмой, затем они поднялись к другой чудной планете и остановились где-то на утесе. Но тут Е.И. почувствовала необычайное желание лететь и бросилась вперед, несмотря на то, что М. ее удерживал. Она услышала страшный крик (то был Галилей) и упала в бездну. Тут сильная рука (Учителя) подхватила ее, и она очнулась у себя на кровати, поняв, что была спасена от ужасной гибели.

Затем она говорила о встрече Учителей в Лондоне, когда толпа расступилась и она увидела Их и поразилась открытой улыбкой ей М.К.Х. и даже обиделась на это. Придя домой, сказала, что, по ее мнению, — это Учителя, ибо они такие необыкновенные, но над ней дома смеялись. Они были [в Лондоне] в марте, затем уезжали, в ноябре были опять и тогда (в 1920 г.) она Их видела. Они приезжали специально их видеть. Говорит, какие изумительные сеансы у них были, с манифестациями. Раньше они сидели с медиумом, а потом Соколов им советовал сидеть самим, что они сделали, и стол немедленно пошел. А Яруя впервые сказал им про Учителей, Белое Братство. Но М. себя не называл: то говорил — Аллал-Минг, то — М. и К.Х.

Десять лет будет тревожное время до 1936 года, затем начнется строительство, а в 40-ом году будет дана психическая энергия. Таковы Указания. Лишь бы человечество осознало сотрудничество в высоком смысле! Иначе Учителя еще до взрыва уйдут на Венеру.

Е.И. говорила о своем детстве. Девочкой на нее сильное впечатление произвела “Иллюстрированная Библия” Доре (советовала ее для Ориолы, но не Старый Завет, там кошмарные картинки, а Новый), книги с иллюстрациями — путешествия по Центральной Азии. Затем “Урания” Фламариона — эти книги дали

ей толчок к любви живого Христа, Агни и полету на дальние миры. Осознание Учителя, который ею руководит, имела с раннего детства. Говорила, какой недалекой была ее мать, продав все редкие книги отца, даже отдав рисунок синагоги ее отца, который Е.И. спрятала для себя. Государь написал на этом проекте: “Если она [будет] построена, то затмит все храмы!” Затем говорила, что мать ее не любила, а лишь гордилась ее успехами в обществе и в предыдущих жизнях всегда была ее матерью, но не любила ее.

Днем работ[али] над планами, Н.К. огорчен окнами и все упрощает. Лестницей тоже недоволен. Он не уверен, что архитекторы все переменят. Вообще они огорчены Домом. Затем пошли смотреть монастырь красной секты (ему двести лет), страшные изображения, интересна библиотека с перегородками и книгами в них. Так и у нас будет.

31.VIII.28

Сегодня утром говорила с Н.К. и Франс[ис] об Учреждениях. Франс[ис] подала идею, чтобы все три Учреждения имели одного бухгалтера, одну стенографистку и мисс Лунсбери. <...> Н.К. согласился на это. Я вначале пыталась доказать невозможное, но, видя, что Франс[ис] против меня, не настаивала. Когда распределяли, кому заведовать каким Учреждением, Франс[ис] сказала, что она не знает, что делала Ента, кроме преподавания. Я ей напомнила, что она следила, проверяла и искала повсюду ошибки. <...>

Переводила почти весь день с Е.И. Она очень страдала сегодня, сильные боли в солнечном сплетении, со стороны слепой кишки, объясняются тем, что она вчера по Указу посылала энергию в Америку, что всегда у нее потом сопровождается болевыми явлениями. Со времени ее Агни-Йоги она сильно страдает, горение внутри, невыносимая боль в горле, где очень важный центр, средства — ментол, валериан, мята, смола, мускус. Ледяное молоко при сильных болях. Иногда в пути у нее были такие [сильные] боли, думала, что не выдержит. У нее излучения из ног, из пальцев рук. У Н.К. тоже были два раза, но главное, что Н.К. не так страдает, ибо он одиночный провод, а Е.И. — пространственный. Иногда у нее были такие боли, что она лежала скрючившись и подняв колени к лицу. Лежать невозможно, стоять или ходить тоже. Бедная, родная Е.И.!

Очень интересный сон она видела зимой, видение, что она прилетела в Америку, мы все сидели вместе, будто в клетке, отвернувшись от нее. Я ближе всех к ней, она положила мне руку на плечо и сказала: “Радночка, когда вы приедете в Дарджилинг? Вы должны приехать!” Е.И. уверяет, что и у меня будут болезненные явления и чтобы я вспомнила ее, когда они будут, а главное — быть спокойной. Говорила, что в физическом теле никто не может сознательно помнить свои воплощения. Только в момент смерти вспоминается прошлое. Сильный дух сам выбирает поле деятельности. Например, Учитель шел по стезе царей, священников — организаторской работы. После Курновуу Он не должен был воплощаться. Соломоном уже не должен был быть, но пошел на Землю добровольно и принял на себя новую карму. [Существует] закон, что последнее воплощение перед завершением всего цикла должно быть незаметным. Вот почему махараджа Черная — после Акбара. Великое Сострадание заставляет Учителей не уходить на дальние миры, а продолжать работу для Земли. Бесспорно, Великие Духи все время воплощаются. Ведь великий музыкант может воплотиться в большую личность с другой задачей, но большой любовью к музыке, как мы часто встречаем на Земле. Три четверти человечества ходит на четвереньках, так что Великие Духи все время идут обратно на Землю, чтобы вести его. Так сегодня говорила Е.И.

Днем пошли в Бутиа Басти (старый монастырь) смотреть праздник Канченджанги. Прекрасные танцы лам! Встретили Ладен-Ла — хитреца и лису. По приходе продолжала перевод с Е.И., пока ей не стало худо.

Праздник Канченджанги, как нам объяснил лама Мингиюр, уже существует около четырехсот лет. Его празднуют здесь и в Сиккиме. В нем приняли участие вначале две маски, очень страшного вида, затем четыре воина. Танцы очень ритмичны, в особенности воинов. Танцуют в открытом дворе перед храмом, вокруг фонтана, причем музыканты сидят недалеко — две длинные трубы, литавры, тарелки и барабан. Однообразное повторение ритма, но очень интересно. Четыре воина вначале долго танцуют вокруг фонтана, затем, становясь вокруг, рассыпают песок на землю своими мечами. Затем второй обряд — это форма самохваления двух воинов перед двумя другими тем, какие они геройские подвиги совершили. Танцуют мерно вначале двое, затем другие два. Потом они вчетвером, один за другим, с прекрасными прыжками и движениями, заканчивают. Вся толпа сиккимцев, тибетцев из Кама, непальцев, здешних лам стоит вокруг всего двора, выражая свое восхищение пронзительно тонкими вскрикиваниями, похожими на смех. Потом нас угостили чаем, Ладен-Ла любезно говорил о себе. Он глава здешних буддистов, распространяет Учение, строит монастыри. Тем и окончилось. Затем состоялась стрельба из лука, за которую Ладен-Ла назначил приз, серебряную чашу, но мы не остались.

1.IX.28

Сегодня утром Н.К. делился мыслями о Городе Знания, как искать для него ученых, продиктовал мне также аннотацию для Дневника, когда он выйдет. Затем я пошла к Е.И. переводить. Она немного лучше себя чувствует, хотя и страдает. Рассказала, что огни начались у нее еще в Лондоне в 1919 или 1920 году. Что она видела вечером, ложась в постель, определенной формы, в виде конуса, пламя. Вначале она и семья думали, что это она держит в памяти отражение пламени камина. Но так как это повторялось каждый день, то она поняла, что это что-то другое. Затем у нее начались изумительные видения, материализации, видения ликов, Учителя в профиль. Сильные приступы огней были в Н[ью]-Й[орке], горение внутри, пламя в голове, груди, тоска членов — рук, ног. В Нью-Мексико один ужасный приступ, когда она подумала, что у нее перитонит, так как была опухоль в области живота и [начались] невероятные боли. Часто [были] сильные боли в мочевом пузыре. Главное же, что вспухал живот, сильная головная боль и тошнота. Но это так же внезапно и проходило. Те же явления были в пути и теперь. В пути особенно сильно отразилось на горле, когда было такое горение и воспаление, что все подумали, что это простуда. Но Е.И. потом поняла, что это явления Агни-Йоги. Организм Е.И. подготавливался с детства для Агни-Йоги. Особенно сильное воздействие было в Нью-Мексико и на Монхигане, когда у Е.И. так сильно распухли локти. Когда Е.И. было тридцать пять лет, она испытывала сильнейшие боли в животе, думая, что это из-за регулов и что это внутренняя женская болезнь. Но все врачи, к которым она обращалась, говорили, что это на нервной почве. Потом все неожиданно прошло. Страдания Е.И. испытывает все время. Сегодня ночью она видела, как на ее столик вскочила кошка, которая сердито уставилась на нее. Но сейчас же появился Лик Учителя в очках с сеточкой.

Много говорила Е.И. о делах в Н[ью]-Й[орке]. Рассказала мне, как Франсис ей призналась, что одно время ей было так трудно, она даже хотела уйти. Е.И. сказала, что, если Франсис уйдет, дела развалятся. Не забыть этого и передать нашим.

Е.И. также говорила, что ее очень огорчили в этом году С[офья] Ш[афран] и Д., которые стояли перед Франсис в конце, ибо она из-за ее легкомыслия была поставлена Учителем последней. Первой стояла Порума. Е.И. просит всех быть терпимыми, ибо нет людей [без недостатков], нет совершенства. Пусть Франсис работает с инициативой, не ожидая проверки [со стороны] других, ибо наша вина, что мы это делали. Но она была слишком загружена работой. Пусть она не говорит с учениками и не имеет касательства к фундам Школы. Этот год ей вновь даются возможности и вместе с тем испытание. Е.И. говорит, что когда-то Модра была ей тяжела, но теперь она ее легко чувствует. И мне Е.И. сказала: она довольна своим стражем, но я должна быть более терпимой. Так я и буду стараться делать, ибо она и Н.К. правы. Говорила, что С[офья] Ш[афран] должна перестать раздражаться и культивировать терпимость, ибо иначе ее видения будут извращены, и она не сможет правильно их толковать. Я счастлива, что поговорила с ней и многое ей рассказала о положении дел, отношениях Луиса и Франсис и других. В общем, чувствую, что на нас [лежит] вина в неумении находить и удерживать друзей и в том, что “шесть человек тащат один стул”. Мы должны перемениться.

Вечером пришла неприятная телеграмма от Яруи, пишет об изобретателе, что достал ему визу, оплатил проезд туда и обратно, одел его и поддерживает семью и предложил условия, выгодные для Америки. Что же еще в Америке хотят? Все здесь очень недовольны, и Е.И. говорит, что нужно потребовать высылки денег обратно и что он не должен сюда приезжать. То же самое говорит Н.К. Недаром они говорят, что М.М. сказал, что больше не надо иметь русских, за исключением Беатрисы. Но Говорит, [что] Н.К. ей [следует] лишь посоветовать, что она может сделать, но не брать ее сразу в дела. Пусть сначала выявит себя.

“Звезда М.М. — Уранус”.

2.IX.28

С утра писала с Н.К. письмо к нашим, затем подала Н.К. идею для второй книги, чтобы издал ее “Century” или Стокс. Н.К. одобрил эту мысль, дал титул книги “Shambhala the Resplendent” [“Шамбала Сияющая”] и ряд статей для нее. Затем я высказала идею о том, чтобы вся теперешняя выставка картин, которую Н.К. посылает в Н[ью-]Й[орк] на временную экспозицию, а также те, которые он пришлет позже, были бы проданы в пользу Города Знания Н.К., то есть им лично, и чтобы все знали, что он все деньги с продажи этой временной экспозиции дает на научную станцию. Идея очень понравилась Н.К. и Е.И. и была вечером одобрена Учителем.

Затем пошли с Модрой к Е.И. переводить, и Е.И. почти все утро беседовала с нами. Сначала она нам рассказывала свои видения. Она с Учителем [была] в лодочке, она у мотора, а Учитель и еще один Мастер — у руля. [Они плыли] под айсбергом. (У руля были два провода, соединяющих лодочку с Белым Братством.) Причем она видела чудесную краску лучей солнца через весь айсберг, они то опускались, то подымались. Затем она уже одна, по указу Учителя, в лодочке опустилась на дно Индийского океана, оставила свою лодочку в узком проходе, пошла между почти совершенно изъеденными холмами и пришла в место, где была группа вроде бы хорьков или сусликов, окаменевших в самых странных положениях, [как] будто их захватила катастрофа. Глядя на изъеденную поверхность скал, она поняла, в какой опасности находилась планета, ибо все взорвется и взлетит на воздух при малейшем извержении. Затем — как она была в комнате, где сидели М.М., Учитель Ракоци и Сестра Пхон По, а мужчина, ассистент, стоял рядом. На столе перед ними лежали металлические пластинки. М.М. взял руки Е.И.

и поднял над одной пластинкой, и из руки пошел свет желтых лучей. Е.И., видя руку М.М., быстро нагнулась и поцеловала ее, раздался страшный крик ассистента — и она очнулась у себя на кровати. Потом ей М. объяснил, что это брали ее фотографию через руку, ибо в Братстве должны быть фотографии всех членов. И что крикнул ассистент, боясь, чтобы Е.И. своим быстрым движением не разрушила бы всей лаборатории. Но ничего не случилось, и портрет вышел прекрасно.

Рассказала, что по пути они рассчитали двух бурят, скверных слуг. И вот, лежа в палатке, Е.И. увидела, как черные стрелы летели ей прямо в глаз. Моментально появилась рука Учителя, которая необыкновенно спокойно брала и переломляла в пальцах каждую стрелу.

Е.И. рассказала, что она была женой царя в Казани, и, когда Иван Грозный пошел на Казань и победил, она велела всем своим женщинам пойти с ней в храм, где заперлась, отдав приказание поджечь храм, и все они сгорели, не желая попасть в руки войска. А сожгла она себя оттого, что, будучи Марго, женой дофина во Франции, была сильно потрясена пламенем костра, на котором сожгли Жанну д'Арк, и сила этого впечатления перешла на другое воплощение. Затем до королевы Марго она была монахиней-кармелиткой в Париже — Жозефиной Сент-Илер — и жила не больше 20-ти лет. “Криптограммы [Востока]” выйдут под этим именем. Вообще Е.И. воплощалась быстро, наибольший срок между воплощениями был 45 лет. Она сказала, что никогда не была в английском теле, ибо ее сердце не лежит к английскому [языку]. Н.К. на это сказал, что, очевидно, Далай-лама пятый (это было его воплощение) был молчаливым человеком и почти не разговаривал, ибо у него ни памяти, ни интереса к тибетскому языку нет.

Затем Е.И. вспомнила всю свою жизнь. Встреча с Н.К. в Бологом, имении князя Путятина. <...> Он был представлен Е.И. как знаменитый художник, и ей сразу понравились его “чистые глаза”. Затем приезд в Петроград и встречи на концертах, ибо мать Е.И. его не приглашала к себе. Затем ее визит к нему два раза в его студию, во второй раз он ей сказал, что любит и хочет видеть ее своей женой. Но она просила держать [это] два года в секрете, ибо семья будет против ее брака с художником. Затем, как он пришел поздравить ее с днем рождения и увидел там гусара Аккермана, который ухаживал за Е.И., желая жениться на ней. И он попросил [разрешения] поговорить с ее матерью и просил ее руки. Та изумилась и не дала ответа сразу. Но потом произошла сцена, мать была против, вся ее семья [тоже], княгиня Путятина, которая ужасалась даже мысли о браке Ляли с Н.К. Затем Н.К. писал ей письма, которые читала вся ее семья. Ей же было все это ужасно тяжело, и она пустилась на хитрость, сказав, что она не прочь покончить со всем, но хочет получить свои письма, которые писала ему, обратно. А для этого они должны поехать в Париж, и она лично их получит. По приезде в Париж она и мать пригласили Н.К. якобы требовать писем. Е.И. отослала мать из комнаты и все ему рассказала. Затем они уехали в Италию, и Н.К. ездил за ними в Лидо и другие места. Потом она и мать были срочно вызваны домой в Петербург, ибо умер ее дядя, оставивший им наследство, а к Вознесению, как она видела во сне, Н.К. официально сделался ее женихом, ибо получил должность секретаря Великой Княгини и, будучи знаменитым художником, занимал уже настолько видное положение, что ее семья не могла идти против него. А кроме того, она с ним была уже обручена, хотя и тайно, но многие догадывались [об этом], и это уже было бы для нее компрометирующим. А сон ее был таков: пришел ее отец и сказал ей: “Все будет хорошо к Вознесению”. Затем еще в двух снах отец приходил и говорил ей: “Ляля, выходи за Рериха”.

Мать Е.И. была ограниченной светской [женщиной], пустой и, когда видела в руках Е.И. книгу по философии, говорила: “У нас в институте только дуры это

читали”. И она, и отец Е.И. были против ее поступления в университет, боясь, что она сделается революционеркой. И лишь после смерти отца мать ей позволила поступить в музыкальную школу Боровки. Отец ее был идеальным человеком, большим мыслителем, гуманистом. После его смерти к ним приходили его рабочие, студенты его курса и говорили: “Он был отцом нашим, учил нас, как жить”. Тетка Путятинна была редкой певицей, второй после Патти, пела в опере, с ума сводила весь двор, вышла за Митусова, отца Степ[ана] Степ[ановича], но развелась с ним, ибо он ее бил. Затем вышла [замуж] за князя Путятинна.

Мы перевели уже восемьдесят страниц “Агни-Йоги”.

3.IX.28

Сегодня утром переводили с Е.И. Говорила об аурах. Мастер имеет синюю ауру, Будда — желтую, Матерь Мира — лиловую, Е.И. — лиловую, Учитель Ракоци — желтую, Н.К. — синюю, Светик — зеленую, Юрий — розовую, я — синюю, Франсис — желтую. Лиловая — возможность сношений с дальними мирами. Синяя — водительство и степень учительства. Желтая — принесение всех высших возможностей на Землю для исполнения. Зеленая — сила синтеза и большой интеллектуальности. Но, конечно, все цвета прекрасны, все зависит от чистоты и интенсивности цвета. Е.И. видела свою ауру, Н.К. и М.М. Последняя — сине-лиловая, с огромной окружностью всех цветов радуги, но красного и оранжевого почти нет. Красный цвет (алый) нехорош и цвет низменный, материально-земной.

Днем пришли письма — наши огорчены статьей в “World”. Статьи мы не получили. Н.К. говорит, что мы должны по приезду узнать окольным путем, где газета получила сведения о финансах Мориса и Луиса. Если через банк, то, безусловно, должны иметь это против них и в случае чего — применить. Возможно, они нарочно стараются портить. Вечером задали много вопросов и получили ответы.

4.IX.28

С утра переводили с Е.И. Очень много успели. Е.И. жалуется на боль шеи. Ей трудно лежать. На спине нельзя из-за боли в кундалини, на животе можно, но не нажимая на сердце, так что ноги она поджимает. Подкладывает подушку под шею, а голова [лежит] не на подушке, и в таком искривленном положении тела спит. Часто просыпается, спит очень мало.

Платон, уходя на другую планету, сказал: “Творите героев”. Е.И. очень любит Платона. Он ей близок, и она будет с Ним работать в будущем. Аура Е.И. лиловая, означающая назначение работы на дальних мирах.

Все мы удивляемся, отчего не получили номер “World” с этой статьей, о которой столько писалось? Вообще, как можно так много писать о таких вещах да и вообще послать ее? Е.И. жалела, что об американских консулах в Тяньцзине и во многих [других] местах в Китае говорят, что они грубы и не хотят помочь американским учреждениям, например нашей экспедиции — случай с Чахемб[улой] и Доктором. Принять к сведению и сказать кому надо.

Днем пошли на чай к миссис Финч, встретили массу дам — почти все англичанки глупы, индусски очень милы, теплы, больше сердца, есть сходство с русскими. Сари — очень красивая одежда. Все были милы и страшно притягиваются к Е.И. Она как магнит притягивает всех. Миссис Финч сама очень мила. Мистер Ладен-Ла тоже неплох, но, конечно, определенного типа — и нашим и вашим, но прежде всего — себе.

Я и Е.И. ехали на рикшах — было удивительно красиво возвращаться в тумане, видеть фантастические тени деревьев, листвы, огней.

5.IX.28

Н.К. продиктовал мне с утра содержание новой книги “Shambhala the Resplendent”. Затем я написала названия картин для “Stokes”. Написала письма миссис Мигель и Леонтина, [которые были] одобрены Е.И. Затем пошли с Е.И. переводить. Она себя плохо чувствует, боли в затылке, не может согнуть голову. Тяжело в атмосфере, и она, как тончайший аппарат, реагирует на все космические и атмосферные явления, как [например] пару дней тому назад она себя особенно плохо чувствовала, и потом было сказано, что на островах Фиджи произошло землетрясение.

Вчера к утру Е.И. слышала голос Учителя, говоривший с такой болью: “Яруя! Яруя!” Это ее ударило как ножом в сердце, и она почувствовала такую острую боль. Она говорила, что видела Христа в палатке с Мастером — она вошла, стояла за Их спиной, затем видела в Музее Братства изображение Христа в красках, очень крупная голова, масса волос, но при этом она сказала: “Совсем не похож”. Затем она видела Его в профиль — описывает волосы каштановые, цвета скорее спелого колоса, темно-синего цвета огромные глаза, чуть раскосые, высокий лоб, длинные волосы, [лежащие] прядями ниже плеч. Очень оригинальное лицо. А Будду она описывает: лицо огромной силы, но не особенно красивое. Затем мы продолжали перевод, кончили “Агни-Йогу”, принялись за “Криптограммы [Востока]”, много перевели.

Днем покупали вещи, вечером беседовали. Е.И. говорила, что Франсис получила огромный клад — все книги на английском языке. Она должна ими пользоваться, писать ряд статей об Агни-Йоге, сравнивая ее с ведантой, [чтобы] подготовить людей. Затем об астрохимии, в сравнении со спектроанализом, астрологией, о воплощении, психической энергии — доктора тоже прочтут, а потом можно дать им и Агни-Йогу. Проводить идеи Учения через статьи, потом Книги. Фр[ансис] уверена, что сможет распространить Книги. Е.И. ей сказала, что ей придется много сделать, ибо у нее дар писательницы.

6.IX.28

Утром переводили очень мало, ибо начали паковать и почти все запаковали для Корона Мунди. Днем переписывали. Е.И. вспомнила свое видение. Она вошла в зал, в нем сидели на тронах большие, важные, полные Учителя. Все ей улыбались, но она подумала: нет, это не Учитель для нее — и пошла дальше. Затем она пошла к полю и увидела: вдали ходили коровы с пятой ногой на спине. Она удивилась и хотела их поближе разглядеть. Подошла к горе, на ней стояла скамья. На ней сидел Св.Сергий и сказал ей: “Елена, Елена, наконец ты пришла”. И она осталась сидеть возле него, ибо поняла, что Он ее Учитель.

Цвет луча Сестры Ориолы зеленый. Цвет луча Сестры Пхон По — желтый, она над Китаем. Но аура Сестры Ориолы лиловая. Сестра Радегунда имеет дивное меццо-сопрано, а Сестра Ориола — сопрано. “Клич Валькирии” — ее зов. Чахембула был в Монголии давно, у одного Хутухты*, и тот дал ему очень хорошее изображение Зеленой Тары*. Сестра О[риола] — Зеленая Тара. Учитель Ракоци — над Америкой.

В 5 часов пришла миссис Финч, затем Ладен-Ла, который говорил без умолку до 7.30 — [рассказывал] странные и глупые истории. Вечером после Беседы

слушали музыку. Е.И. говорила, что в Монголии многие ламы употребляют магнит, вешая его над теменем, чтобы ясно видеть.

7.IX.28

Утром работали с Е.И., закончили перевод “Криптограмм [Востока]”. Е.И. рассказала, как она видела Матерь Мира сидящей, повернув покрытую вуалью голову, — фигура довольно жизненная, на руках браслеты Е.И. А возле нее стоял Учитель, весь белый, борода, все лицо, все, даже будто нереальный, конечно, в облике Целителя Уру. Несколько месяцев М. не хотел говорить Е.И., что это был Он, а затем сказал: “Урусвати права”. Е.И. говорит, что ей приходится бороться. М. не сразу говорит ей, когда Он показывается, — только в известных случаях. Затем ее видение. Она была в астрале, в гостях у своего дяди, который ждал к себе обоих Мастеров К.Х. и М. Вот они пришли переодетые, загримированные, даже глаза и бороды другие. Сели у стола говорить с ее дядей. Никто их не узнал, кроме ее дяди, с которым М.М. очень серьезно говорил. Е.И. уселась около К.Х. и поцеловала Его руку. Хотела поцеловать руку М., но при этом проснулась. После М. объяснил, что они спускались в астрал к ее родне, чтобы остановить слишком много разговоров о Е.И. Изумительно, знак женского начала — додекаэдрон. Знак мужского [начала] — шестиугольная звезда. Знак кристалла. Женское начало — лиловое.

После обеда немного беседовали вместе со Светиком. Говорили, что Логв[ан] должен сам учиться искусству, находить каждый день время для этого. Изучать один день Франса Халса в Метрополитен[-музее], затем — другого художника, пока не запомнит, не изучит основательно каждого. Это должно быть его работой. Светик не должен для него покупать [картины] во избежание лишних разговоров — пусть Логв[ан] учится сам. А Логв[ану] не мешало бы ехать со Светиком в Европу, в Париж, когда он свободен, и там учиться. Ходить, прицениваться, покупать — учиться самому. Теперь ему лучше меньше покупать, а больше изучать.

Затем днем я пошла к Е.И. и беседовала с ней одна. Она мне дала Послание, направленное ко мне. Затем Е.И. говорила о необходимости расширить и подготовить мысли Порумы к нашей космической работе для всего пространства, а не только для Учреждений. Ибо новая планета, так похожая на Землю, будет формироваться по лучшим образцам земных достижений, и наша работа и лучшие мысли и достижения будут перенесены туда. Затем, говоря о детях, Е.И. сказала, как важно, чтобы дети учились визуализации*. Она говорила, что и мы, взрослые, должны учиться внимательно присматриваться к вещам, например кораллам на шее, а потом очень отчетливо представлять их себе. Даже до оттенков цвета на них, а потом воображать [их] с деталями. Затем учить детей, гуляя и смотря на вещи, уметь их потом описать, до оттенка света солнца на лепестках. Давать им составлять целую мозаику из листьев, камней, которые так [легко] подходят для этого по форме и цветам. Ставить ребенка перед белой стеной и дать его воображению создать образы и формы на этой стене. В музыке то же самое — слушать тона, краски их, различать цвета в природе. Затем, как ужасно, что дети, работая в школах и учась зимою, летом остаются без руководства. Когда именно летом так важны прогулки с опытным наставником, знающим и любящим природу, умеющим заинтересовать и увлечь детей цветами, растениями, насекомыми. Как это важно для развития детей.

Затем Е.И. говорила, как Порума должна развить дисциплину в Ориоле именно теперь, до семилетнего возраста. Как дисциплина должна быть строга, определенные часы сна, еды, прогулок, настаивать на этом, не менять установленных часов, ибо ребенок привыкает, а после семи лет дать больше свободы, не мешать развитию. Но сначала Порума должна сама развить

воображение и научиться визуализации, а потом дать это своим детям. Затем Е.И. говорила, что мы должны прежде всего научиться терпимости, это важнее всего. Заводить больше друзей, не жить сектой, а больше ходить, искать людей, но с большим тактом, не уча других. Наша ошибка, что мы требуем от других полного бескорыстия и отдачи, но забываем, что людям надо давать. Требуя от малых работников исполнительности, мы должны платить им. Мы же хотим, чтобы все приносили и давали, как мы. Все время Е.И. говорит о терпимости.

Н.К. сегодня говорил о Шинази — [нужно] сказать ей, как принято во Франции даже у людей из общества: если они посылают к антиквару своих друзей и те покупают [что-либо], то они получают комиссионные. Это делается вплоть до президента Республики. Таким путем “прощупать” Шинази. Затем Н.К. рассказал, как Перкинс из “Boston Evening Transcript” стал врагом. Они были тогда в Бостоне, и Н.К. слышал, как Порума, когда Перкинс ей признался, что любит вечером поиграть на рояле, [в это время] его дух отдыхает, сказала ему: “Вы не живете по идеям проф[ессора] Рериха, вы должны работать ежечасно. В противном случае вы бездеятельны”. Затем он посетил Барроуза в Детройте. Тот с ним был в большом клубе, и, когда Н.К. заговорил о Форде, он сказал ему: “Но зачем вы о нем говорите, у нас триста миллионеров в Детройте”. Н.К. его спросил: “А кто они такие?” Он ему указал на ряд людей с газетами в клубе и сказал: “Вот они”. Тогда Н.К. спросил: “Чем они занимаются?” Тот, смеясь, ответил: “Кто его знает”. Вот таких людей нужно вовлечь в жизнь и открыть их глаза на красоту во всем.

Сегодня Свет[ик] закончил портрет Н.К. Смотри на него, Н.К. сказал: “Человек приятный! И представительный!” Мы много смеялись. Н.К. говорит о нашей плохой системе в учреждениях. Говорит, что каждый из нас, продавая [что-либо] или посылая людей в Корона Мунди, должен получать проценты. Затем, если при продаже присутствуют двое или трое, комиссия должна быть разделена между ними. Больше трех людей из нас при продаже присутствовать не должны.

8.IX.28

Дарджилинг

Утром доканчивала письма домой, готовила список слов для [перевода, который делает] Е.И. Затем паковалась, ибо завтра с Н.К. и Ю. едем в Симлу. После завтрака переводили с Е.И., которая объяснила разницу между огнем и психической энергией. Огонь — это первичное вещество,

Ф.Грант и З.Г.Лихтман. Индия, 1928

чистый элемент, из которого создано все. Психическая энергия — это огонь, но уже как составной, смешанный, оттененный другими составами. Лишь волей мы направляем психическую энергию. Потому самое главное — это воля. Развивая наши центры, мы развиваем психическую энергию, но центры развиваются лишь духом. Дух наш называется психической энергией, но это не точно. Вернее назвать огонь — духом. Центров шесть, два в голове: на темени и на затылке (так называемый “третий глаз”), два оплечия, манас (чаша в груди) и кундалини.

Головные центры, этот (“центр колокола”) на темени — это серовато-желтая масса в виде “янтарного” шарика. При сожжении [трупа] в Монголии ламы всегда ищут этот шарик. Чем он больше, тем дух был выше. Он никогда не сгорает. Эти шесть центров питаются духом, а остальные — кровью и потому являются физическими центрами.

Е.И. хочет узнать, сколько и за какие книги Юрия Логван платил. Она огорчена, что у Юрия недостает книг — прислали не те, которые ему теперь так нужны. Один том словаря вместо трех и так далее. Е.И. говорит, что “Батур Бакша”* был дан во многих копиях Нуце, когда мы были в Монголии, чтобы его широко печатать и распространить. Я этого не помню и должна узнать. Деталь, в Т[ибете] всё знали, Д[алай-]л[ама] о Н.К. получал все сведения, ибо сносится с агентом по телефону. Говорят, что один Авалокитешвара* обернулся в дьявола и конец будет худым. Знаменательно для Д[алай-]л[амы]. Светик очень приятен, Юрий труден, Фр[ансис] тяжела — ревнует.

9.IX.28

Утром закончили паковку, [состоялся] чудный разговор с Е.И. Она говорит, что не нужно быть вегетарианцем ради принципа — мы всё убиваем: зелень, яйца, сам воздух — тем, что мы живем; что касается оккультного закона, то дух развивается, и [только] лишь вегетарианство не развивает оккультные способности. Светик говорил о “Письмах Махатм”. Е.И. говорит, что все меняется; она бы не выбрала Учителя, который живет прошлым, но такого, который создает и находит все время новое, каждый день. Сказала она это с необыкновенной силой, утверждая, что на каждый период есть свое Учение, которое и дается Учителями. Е.И. ест белое мясо [птицы], в пути ест много [того], чего обычно не ест, именно доказывая, что все не едящие мяса не делаются вдруг ясновидящими. Затем она просила нас не ссориться, ибо нам нужна гармония для общего успеха нашего начинания. Она и Светик долго махали нам, когда мы шли вниз, пока мы не сели в машину. Ехали спокойно до Силагури, там пересели в поезд до Калькутты.

10.IX.28

Приехали в Калькутту, зашли в книжный магазин Тэкера, устроили наши книги на комиссию, затем пошли к “McKennon & McKenzie” устроить ящики в К[орона] М[унди], затем к амер[иканскому] консулу мистеру Джарвису — очень милый человек, пригласили его на ланч: показали ему репродукции, затем пошли к нему подписать документы, затем на почту отправить манускрипт. <...>

В Симле встретились с мистером Фрезером, нашим американским консулом — приятным человеком. Он нам сказал, выслушав весь наш план об устройстве станции, что не видит, почему идея не может пройти, и обещал свое содействие. Затем мы пригласили его и его жену на чай. Оба милейшие люди, пришли в восторг от картин Н.К. Завтра он обещал представить нашу записку Брею и поговорить о нашем деле. Симла — большой город, кипит деятельностью и официальными людьми. Красивый город, хороший климат.

13.IX.28

Симла

Уже второй день здесь. Сегодня утром мистер Фрезер встретил Н.К. и сказал ему, что, получив все наши бумаги, он пошел на встречу с мистером Атчисоном,

секретарем и ассистентом мистера Брея, и тот очень дружелюбно отнесся к идее [создания] научной станции, лишь приветствуя ее, и завтра днем хочет лично повидать Н.К. Мистер Фрезер очень, видно, этим интересуется и всячески старается помочь. Премилый человек. Затем днем Н.К. и Юрий получили от вице-короля приглашения на завтрак завтра. Леди Ирвин, его жена, — в Англии, оттого мы, то есть дамы, не приглашаются. Конечно, приглашение последовало после того, как Н.К. расписался в книге визитеров у вице-короля. Также завтра утром Н.К. и Юрий посетят сэра Маршалла — очень видного ученого и крупного деятеля. Все идет превосходно, и мы, вероятно, в воскресенье сможем уехать отсюда. Сегодня днем пошли смотреть базары — вонь и гадость такая, что, заткнув носы, пришлось повернуть обратно.

В Симле ничего особенно привлекательного нет, кроме хорошего климата и чистого города. Конечно, любопытно видеть все национальности Индии, собранные здесь во время летней сессии. Всевозможные чалмы, фески, костюмы, цвет лица — разнообразие типов очень интересное! В отеле “Cecil”, где мы остановились, можно много наблюдать: стройные, эффектные [молодые] индуски, такие грациозные в их сари, и толстые, старые с неприятными голосами. Разнообразен род человеческий. Чудесно путешествовать с Н.К. и Юрием. Все идет размеренно, плавно, чувствуется во всем рука Мастера. Сегодня вечером они были приглашены к президенту Гималайского клуба на ужин, мы с Франсис ужинали вдвоем в отеле. Здесь больше терпимости, нежели в Америке. Попробуйте встретить в ресторане рядом сидящих черных и белых! Н.К., придя вечером, сказал, что его пригласили участвовать в Гималайском клубе — записаться в члены. Затем мы готовили папку с бумагами для вице-короля на завтра.

14.IX.28

Симла.

Встали рано, приготовили письма, чтоб отправить домой, документы, подписанные у консула в Калькутте, и отправились с Франсис искать лучшую папку для бумаг Н.К., когда он пойдет к вице-королю.

Долго искали (магазины неважные, почти ничего нет и все очень дорого) и пришли обратно домой. Как раз подошли Н.К. и Юрий после их визита у сэра Маршалла, были очень довольны, их прекрасно приняли, с большим уважением к Н.К. Сэр Маршалл уходит в отставку, рассказал им, что три американские группы ищут здесь места для научных исследований. <...> Очень характерен этот американский наплыв именно теперь. Идеи носятся в воздухе. Мы получаем огромную возможность быть первыми, но другие подхватывают идеи и идут вслед. Вспомним — когда мы начали нашу идею постройки Дома, как начали в разных местах проводиться в жизнь те же идеи: Chicago Opera Building [здание Чикагской оперы], Church Building [здание церкви] и много других. Н.К. велел это отметить, ибо это знаки космического значения.

Н.К. и Юрий, придя от вице-короля, рассказали, что все было превосходно. Н.К. был почетным гостем, сидел по левую руку вице-короля. Тот очень милый человек, расспрашивал много о Тибете, интересовался научной станцией, был рад получению картин, репродукций. Одним словом, визит был во всех отношениях удачным. Было девять человек за столом. <...>

Затем мы днем отправились вчетвером к Атчисону, ассистенту сэра Брея. Он с необыкновенным уважением встретил Н.К., обещал сделать всё, что в его силах, чтобы двинуть это дело технически через нужные департаменты, записал, что мы хотим около трехсот акров в долине Кулу для научных целей. Он сказал, что мы

имеем полное право покупать землю как американцы. Он не думает, что будут препятствия, наверно, мы будем кооперироваться со здешними учеными, что будет приятно всем. Одним словом, был очень мил и устроил на завтра свидание с сэром Мухаммедом Абиббулой, заведующим образованием и отделом науки и земель. На завтра в 5 часов дня жена консула миссис Фрезер пригласила нас к себе на чай. Придя домой, мы отправили телеграмму домой. Н.К. прав, говоря, что бы мы ни посоветовали относительно здания, архитекторы все равно сделают по-своему. Так и есть. Теперь хотят новую градацию кирпичей, а также сделать мебель и холл отеля в стиле модерн. Очень это огорчительно. Вечером пошли в синема — такая гадость, что ушли почти сейчас же. Н.К. в чудном настроении, все время шутит, говорит, что у Маршалла говорил зря, очень плохо (то есть по-английски), а у вице-короля хорошо. Что он доволен собой. Удивительно добрый и мудрый дух.

15.IX.28

Утром поехали с Франсис в город, купили путеводитель по долине Кулу, смотрели мех для Н.К. и узнали, что хранение [вещей] в отеле “Сесил” будет стоить 8 центов за каждое место или сундук в месяц. Приехав домой, написали с Н.К. письмо в Himalayan Club, где Н.К. будет пожизненным членом (400 рупий за Юрия и за него), затем пошли к сэру Мухаммеду Абиббуле, министру образования, здоровья, агрикультуры и доходов. Он был необыкновенно любезен, дал нам аудиенцию в полчаса, очень хвалил Америку за ее богатства, щедрость и помощь. Очень приветствовал нашу научную станцию, сказав, что во всем поможет, что через год он открывает три института: медицины, здоровья и агрикультуры — и что Фонд Рокфеллера дает деньги на покупку земель и полного оборудования для них. <...>

Затем сказал, чтобы мы за всем обращались к нему, ибо он источник всего. Настоящий восточный дипломат, напыщенный, надутый, но, что очень важно, приветствовал идею [создания] научной станции и поможет в ней. В 5 часов дня мы отправились к американскому консулу мистеру Роберту Фрезеру и его жене на чай. Они были необыкновенно милы, видимо, очень [хотели] произвести впечатление, так как Н.К. принял вице-король. <...> Завтра едем из Симлы в Бенарес. Помогла вначале уложиться Н.К., затем запаковала свои вещи.

В общем, поездка в Симлу очень удачна по результатам. Как Н.К. сказал, все сложилось так необычно и своеобразно. Все в восторге от нашего проекта американской научной станции, все сочувствуют и обещают содействие в здешних правительственных кругах. И все мы очень довольны нашей поездкой.

16-[17].IX.28

Утром пришел астролог и за 65 рупий предсказал нам всем нашу судьбу — много вздору, но [есть] и интересные моменты. Мне сказал про домашние неприятности и что буду больна в будущем сентябре. Затем позавтракали и поехали в Калку, теперь пересели на другой поезд и едем в Бенарес. Жара невероятная — проехали Дели, Аллахабад и добрались до Могул Сарай, здесь взяли машину. Приехали около 6.30 утра 17-го, все в пыли. Дорога была ужасной. Проезжали через очень красивую деревушку, видели обычную жизнь людей, как они торгуют, едят, торгуются, спят. Мы остановились в отеле “Clarks”, лучшем в городе, и сейчас, после отдыха, посетили подругу мисс Финч — сумасшедшую леди, называющую себя буддисткой.

У нас в ванной три ящерицы. Франсис принимает ванну, а я гоню их палкой вверх по стене, чтобы они не сползли вниз. На улице голый человек обмахивается

опахалом, которое приводится в действие с помощью огромной веревки, протянутой через стену комнаты. Жара страшная. В комнатах нет окон.

18.IX.28

Встали в 5 [часов], а в 6 отправились на машине к Гангу посмотреть праздник — женщины молятся и купаются, чтобы выйти замуж. Но молились и купались все — мужчины, женщины, дети, среди них один прокаженный с огромными розовыми пятнами по всему телу. Они не только сами моются, но и стирают свое грязное тряпье, полощут рот, пьют воду, справляют свои телесные нужды — и всё в одной и той же воде, невыразимо грязной. Дворцы махараджей вдоль берега не такие уж древние, но некоторые из них довольно ветхие. В общем, весьма захватывающая картина, все эти красочные сари женщин и вся эта масса народа в воде.

Два часа мы катались на лодке, затем пошли обратно в отель, позавтракали и поехали в Сарнат. Здесь чувствуешь себя иначе. Мир, спокойствие, сострадание — здесь проповедовал Будда, строил свои первые монастыри. Уже по дороге любуешься большой прекрасной ступой, воздвигнутой Акбаром, а приехав в Сарнат, — красивейшим столбом Ашоки, местом, где столь часто сидел и проповедовал Будда. Затем [любовались] музеем, с дивными, прекрасными камнями, фигурками, раскопанными там, где стояли древние монастыри. Конечно, все сейчас лежит в благородных развалинах. Восемь лет назад Стейн провел многочисленные раскопки, и находки его сейчас в Музее. Но каждому понятно, что многое еще предстоит раскопать — и как знать! — возможно, когда-нибудь и мы примем в этом участие. Уезжали с прекрасным чувством. Затем отправились в Храм Обезьян и Золотой Храм. Толстые, отвратительные брамины, грязь, жадность, искажение чистой мысли взирают на вас из-за каждого угла. Храм Шивы — святые, измазанные грязью, почитание лингама быка — и все же это интересно, но там, где чистота и святость. Все это в Сарнате.

Вернулись домой обедать. Заклинатели змей дали нам представление. Десять змей, три страшные кобры, один питон — всем им заклинитель играл на странно звучащей дудке. А затем борьба мангуста со змеей, в которой победил мангуст. После обеда поехали на машине в Могул Сарай, а теперь едем в душном поезде в Калькутту, куда приедем завтра рано утром.

19.IX.28

Приехали в Калькутту рано и пошли с Н.К. в магазин военно-морского ведомства, приценились к палаткам, походной мебели и шерстяному белью. Затем пошли к “McKennon & McKenzie”, устроили все относительно посылки вещей в Америку. Затем пошли в антикварную лавку, купили ящичек, для того чтобы положить в основание дома, но его должны починить, прислав нам и приделав недостающую ручку. <...> К ланчу пришел мистер Отенс — милый человек, друг Юрия. Он рассказал нам, что едет обратно в Н[ью-]Й[орк] или Бостон изучать медицину. Потом пришел мистер Ботичарья, аптекарь, очень хороший человек, заинтересован в нашей научной станции, дает полезные советы, хочет снестись с американскими аптекарями, дал нам хорошие образцы [лекарств] против астмы и другие патентованные лекарства. Он нас повез в своей машине в Миссию Рамакришны. Приятное место — посетили комнату, в которой хранятся вещи Его и Его жены. Прекрасный, чудный дух. Затем посетили комнату, где жил и умер Вивекананда. Много мыслей дает это помещение. Ушли сильные души, осталась

хорошая атмосфера, но при хороших свами мало деятельности. Мало жизни, чт'о они несут в свет? Не таков был Вивекананда!

Затем поужинали и теперь едем домой. Опять Н.К. в разговоре со мной подчеркнул, что год этот должен быть спокойным. Не надо много деятельности. “Даже фонтану отдохнуть надо”. Пару статей за год в журналах. Но в общем нам держаться спокойно. Опять Н.К. подчеркнул, что двое детей, но не больше [должно быть у] Порумы. Третий уже нежелателен для дел.

20.IX.28

Сегодня в 10 часов утра приехали домой в Дарджилинг. Было радостно увидеть Е.И. и Свет[ика]. Масса писем и телеграмм из дому. Много беседовали о происшедшем у нас и здесь за десять дней. Е.И. видела сэра Брея — очень неприятным, чувствовала тяжесть, а потом было сказано об удаче, и она также видела его ассистента — приятно и дружески расположенного. Вообще она чувствовала здесь большую тяжесть из-за сильных приливных волн, ураганов, происходящих в Вест-Индии и Южной Америке. Радостно вновь быть всем вместе. Сегодня важное Указание на нового менеджера — явленное чудище! Что будет печальной ошибкой его пригласить. Завтра шлем телеграмму.

21.IX.28

Утром 21-го сентября послали телеграмму домой о менеджере, письмо в Тибет, (подтверждая получение денег, посланных проф[ессором] Р[ерихом]), письмо Бейли. Затем я и Е.И. пошли наверх, думая начать перевод “Общины”, но Е.И. хотела говорить об Учении. Говорили об эволюции как совершенствовании ко Благу. Е.И. говорила, что раз все в мире прогрессирует спирально, то спирали миров, планет, тел, индивидуальных личностей идут как бы параллельно в пространстве. Но спираль, совершая круг, опускается очень близко от начального пункта, то есть довольно низко, а потом подымается выше и так совершает всё большие круги, опускаясь и подымаясь. Это и есть закон эволюции. Смена форм — Рим, достигнувший расцвета, уступает место галлам, готам, но его достижения остаются. Но форма вливается в другие возможности. Мы, идя к катастрофе [19]77-го года, лучшие достижения понесем на Венеру, где и начнем эволюционировать с этого же момента — как бы начнем со своим багажом. Но там условия будут легче, и лучшей части человечества, идущей туда, будет гораздо легче в новых условиях, нежели на Земле, принадлежащей Люциферу, который, желая совершенных материальных благ на Земле, отделил нашу планету от сношений с дальними мирами. Вот почему атмосфера Земли так сгущена, что лучи, посылаемые Платоном с Юпитера, и газ в капсуле не могут пробить земную атмосферу, ибо не ассимилируются ею, что очень печально для Земли. Но печалиться ввиду предстоящих катаклизмов не следует, ибо мы должны думать о мирах, населяющих пространство, а не об одной Земле. Ибо наша задача — сношение с дальними мирами. Одна лишь Земля на протяжении тысячелетий имела Братство, которое ею руководило. Но теперь Братство уйдет на Венеру, куда пойдут и сотрудники на Земле. Другая часть человечества пойдет на новую планету, а худший элемент — на Сатурн. Во время катастрофы Атлантиды Братство перешло на Гималаи. Другие планеты, как например [планета, которую посещала Сестра] Изар, имеют своего Планетного Духа-Создателя, который насыщает своим сознанием эту планету, принося туда лучшие образы красоты и знания. Он пришел с Венеры. Но всегда и везде будет борьба зла и добра — причем пропорционально с добром возрастет и

зло. Конечно, зло утончается, постепенно вырастая из грубого, низшего состояния. Но грань между добром и злом почти невидима. Лишь знание духа поможет разобраться. Ибо темные обладают воображением и силой и часто могут служить инструментами для продвижения сил добра. Цель оправдывает средства, если ко благу. Но иезуиты исказили эту благородную формулу, применяя для личных эгоистичных целей. Красота [стоит] на первом плане в мировой эволюции и пути к совершенству.

Брат Атрия — это Воган. Н.К. был Юта — богатырь из Исландии — основатель рода Рюриков. Одна ветвь была Фризами. Платон достиг новых лучей, которые дадут возможность летящим в астрале на другие миры удерживать при всем полете полное сознание, не теряя ничего. М.М., когда воплотится на Венере, сохранит полное сознание всех предыдущих воплощений, ибо Сам изберет свое следующее поручение. Но не все Мастера сохраняют сознание, воплощаясь опять. Сестра Пхон По вернулась из Китая, основав там Круг из семнадцати — десяти женщин и семи мужчин. Жена Будды — на Венере, сын — на Юпитере. Не захотели вернуться на Землю. Е.И., лежа на постели, видела себя летящей, затем также себя разговаривающей с кем-то и в то же время на постели. Во всех этих трех видах она сохраняла одно сознание, что изумительно. Когда Е.И. летит в другие миры или в Америку, она это делает в зерне духа, чувствуя себя как бы шаром света, сознавая полет и полное сознание. Но тела она уже не ощущает. Сон Е.И. Она видела Акбара вышедшим из дому в народ. К ней же пришли родственники, принося деньги и подарки. Она, приняв их, пошла за Акбаром и дала ему в руку. Они вошли в бедный дом, он говорил с одной женщиной и помог ей. При этом Е.И. с тоской подумала, что опять придется вернуться во дворец к родне и суете. Так мы говорили весь день.
<...>

Она [Е.И.] — эта великая душа — сказала, что ее мать совершила непоправимое преступление перед ней, всегда наедине с ней сомневаясь в ее способностях и умении, а при людях гордясь ей. И вот она всегда сомневалась в себе, начиная с раннего детства, отчего жестоко страдала. И теперь сомневается, несмотря на абсолютное знание духа. Говорила о Франсис и о ее чудовищном легкомыслии, что ей надо подтянуться, ведь ей дана программа и возможность черпать из Книг для своих статей, лекций и роста Нового Синдиката. От нее зависит, будет ли она в “Урусвати”, хотя она очень хочет работать именно там. Е.И. сказала, что Указано, что я и она будем работать в Городе Знания.

22.IX.28

Дарджилинг

Сегодня утром перевели с Е.И. одиннадцать страниц “Новой Эры”*, затем Е.И. начала со мной беседовать об Учении. Она говорила: в эволюции одна форма, дойдя до совершенства, уступает место другой, как бы претворяется в другую, и так до высших ступеней. Это во всем космосе, но также и индивидуально. Это насыщение пространства духом — чем совершеннее дух, тем больше он насыщает. Добро и зло, свет и тьма, женское и мужское — это вечные два антипода, которые должны быть вместе. Их можно даже назвать одним законом, одной силой, ибо они как понятия относительны: зло — [это] несовершенное добро. Одно содержится в другом. При усилении одного начала растет и другое. Грубое зло делается в законе эволюции более утонченным, отбрасывая грубую, низшую оболочку, и в какой-то стадии может начать служить добру. Пользование им для целей блага необходимо, как и пользование всяким инструментом. Люцифер отделил Землю от других миров, желая материального совершенства на ней. Но темные пользуются своим знанием

для личных материальных целей, оттого двуногие — человечество в массе — служат им. Белое Братство обладает высшими законами, вплоть до разложения основ материи, и служит для Блага Человечества. Пример претворения темной силы в светлую: враг, ненавидящий меня, начнет подражать мне; постепенно, желая перещеголять меня в одежде, он начнет одеваться прекрасно и достигнет чувства красоты; придя к совершенству, он сам удивится своему приобретению красоты. И начнет сам служить благу.

Бессмертия души нет, есть лишь бессмертие зерна духа. При каждом новом воплощении, как при химическом опыте, к первоначальной субстанции присоединяется новый ингредиент. Жидкость из красной делается синей, зеленой, желтой, совершенно теряет цвет и состав, но первоначальная субстанция все еще в ней. Вот поэтому мы не помним и не важно помнить предыдущие воплощения. Знание остается в духе. Дойдя до физического тела в новом воплощении, каждый дух забывает прошлое из-за грубой своей оболочки и должен жить радостью будущего. Это закон для всех. Даже Адепт*, воплощаясь в новом теле, забывает прошлые воплощения и лишь при обстоятельствах и толчке его дух продолжает идти к новым достижениям.

Пример М. При всей Его мудрости, Майтри учил ее учитель, ибо девочка не могла быть совершенно мудрой. Соломон, будучи молодым, хотел знаний, и Хирам, царь Тирский, указал ему на мудрецов и магов, и они вместе [все] изучали — оттого любовь его к Хираму. Сергей, едва умевший читать и писать, не помнил Оригена, великого писателя, мыслителя и блестящего оратора. Даже больше, он не признавал в себе делимость духа, о которой знал как великий Иерофант Египетский. Аполлоний Тианский, узнав от друга, что существуют мудрецы, мечтал к ним поехать и был допущен к Ним, забыв, что Он же, будучи Ибн Рагимом, Сам проводил Христа в Братство. Уже будучи Нефру, Он достиг полного знания, не был связан с Землей и мог уйти на другие миры, но жалость к Земле заставила принять добровольно ряд новых воплощений, принимая на себя и новую карму. Достигнув высших ступеней, Он воплощался для определенного поручения каждый раз по выбору Владык, не по своему. Выбиралось наиболее подходящее тело, но дух зависел от него, ибо не было [ничего] лучшего. Уйдя, будучи раджей Черной (Он должен был быть земледельцем, чтобы очистить ауру, ибо как Акбар жил среди толп и разных эманаций*), и придя в Братство — прошел там через [определенный] период времени, пока не осознал, будучи Адептом, сумму предыдущих воплощений. Теперь это знание полное, но не исключено, что при новом воплощении на Венере может вновь забыть прошлое — градации Дэвакхана неисчислимы, и, попадая туда, дух наслаждается, создавая прекрасные образы по мере своего знания.

Дух может долго остаться в Дэвакхане, но активный дух силой воли может избежать его и прямо пойти под руководство М., где в Докиуде будет набирать знания и учиться, пока в лучший момент не воплотится вновь. Что и может быть крайне быстро. Йог Уру долго жил в астрале, работая как целитель, появляясь, исчезая. Это и было началом опыта уплотненного астрала, который был пройден М.К.Х. и который пройдет Е.И. Хатха-йога вредна, ибо, страшно развивая волю через упражнения, она усиливает астральную оболочку, которая после смерти очень долго остается в астрале, не спеша вновь воплотиться. М.М. теперь Коган. В VII-ом веке в Карфагене Е.И. была Кешиджа — святая женщина, а Учитель Илларион — мудрец и философ Хамид.

Нужно понять радость работы для пространства, миров, а не для Земли, и не отягощаться прошлым.

В наших Учреждениях мы должны набрать знания, дать лучших учителей детям, ученикам, ибо знание необходимо. Но не давать детям теософию или одного

Учителя, но всех, говоря, что если мы учим в школах географию и историю, то должны изучать всех Учителей — все Учения. Но не заставлять и не настаивать, а идти осторожно, развивая воображение, внимание, наблюдательность в детях. Рассказывать им чудные сказки (о мальчике и Кришне в лесу из книги Сестры Ниведиты о Христе, который мальчиком лепил из глины птичек, и они все у него оживали).

Мать Мира — Небесная Мать — не есть Мария, простая чистая душа, имевшая детей от Иосифа, как все, а именно то Женское Начало и Она, рукоположившая Будду, Христа. Потому Христос и сказал о Марии: “Эту женщину не знаю. Что мне мать?”

Енточка будет моей правой рукой в Мастер Институте и должна, кроме того, много читать Учение, книги и развиваться. По приезде я скажу всем — что Учитель послал нам всем упрек в нетерпимости, мы были неправы с Таруханом.

Если спросят об Индии, могу лишь сказать, что женское сознание начинает здесь широко подниматься. Женщины [участвуют в] политической, общественной деятельности. Так, племянница Боса, Майя Бос, учреждает свой госпиталь, радиокабинет. Люблю Индию по ее великому прошлому, ибо все Учения зародились в ней.

О Светике Е.И. абсолютно не тревожится, ибо он приобрел массу знаний, вырос. Если занимается спекуляцией, ибо не может писать вульгарные портреты, и на эти деньги учится, изучает искусство, то временно это хорошо. Логван тоже нажил деньги спекуляцией и был остановлен лишь потому, что мог их все потерять. Что же касается отношений Светика с Кат[рин] — пусть идет как хочет. Его карма, и Е.И. его удерживать не будет. Но она не думает, что он на ней женится. Но пусть идет своим путем.

Н.К. рассказал забавные эпизоды из своей жизни, как он, будучи юношей, пришел к известному археологу Штетену, и тот дал ему покровительственно свою книгу, разрешил цитировать из нее, обещал учить его. А когда Н.К. послал в “Новое Время” свой первый фельетон о раскопках и [который] был так успешен, этот же археолог сказал ему, что ненаучно писать в газетах, вот он написал книгу, на что Н.К. ответил, что книгу прочтут десять человек, а газету — полмиллиона людей. И тот его возненавидел. Затем, как, когда Н.К. производил раскопки в Новгородской губ[ернии], известный археолог Веселовский сказал, что фигуры, найденные им там, сделаны и закопаны в землю крестьянами. Затем сам поехал туда, забрал эти фигуры, привез в Петербург и кричал, что сделал великое открытие. Тогда Н.К. его публично опросил на заседании Археологического Общества, не думает ли он, что Н.К. закопал их там. Тот ответил: “Вы шутите”. Н.К. сказал: “Но вы же говорили, что они подделка”. Веселовский ответил: “Но я лично удостоверился”, на что Н.К. ответил: “Но почему вы не молчали, когда сомневались, а публично объявили, что они подделка?” Затем Н.К. говорил, как сильно мог Куинджи нападать, когда нужно было. Однажды один человек пришел ругать Н.К. в Общество. Куинджи как раз был там. Он сделал вид, что не видит того, стал к нему спиной и говорит: “А ведь говорят, что он осел и свинья!” Потом, обернувшись, сказал: “Вы извините уж, как это неудобно! Ведь я не знал, вы у нас в это время не бываете!” И тот, помявшись, ушел через две минуты.

23.IX.28

Утром писала письмо домой под диктовку Н.К. Затем снимала фильмы дома, комнаты Е.И., студии Н.К. и его самого. После ланча получили очень встревожившую всех депешу, что наши наняли менеджера, рекомендованного

Шугарманом. Видимо, они это все проделали, не спросив нас вообще о нем. Е.И. и Н.К. были ужасно возмущены, особенно Е.И., которая сказала: “Они, должно быть, с ума сошли! Посылают запросы о кирпиче, цвете, эмблеме для Дома, а когда приходят к такому важному, не спрашивают и поступают самостоятельно”. Е.И. говорит, что писала Поруме письмо о важности выбора менеджера, ибо это все для Дома. Затем они нам писали о Холле, спрашивали совета, мы ответили. А потом нам не писали ни слова, приняли его или нет. А теперь еще хуже — вели переговоры, приняли менеджера, а потом сообщили нам факт. Они были крайне возмущены, и Е.И. повторяла: когда они вырастут? Она слышала Голос М. этой ночью, сказавший: “Ужас! Ужас! Ужас!” Относилось [это] к Америке. Затем она слышала их, говорящих: “Скучно сообщаться телеграммами!” Мы отправили им сильную телеграмму (по Указу, полученному днем), и я с Е.И. раньше разговаривали о том, можно ли применять спекуляцию на бирже для “Ур”, то есть выпуск акций! Затем я говорила: “Допустим, я могу помочь Учреждениям, совершив самый гадкий поступок и достав этим крупный капитал, как на это посмотрит Учитель? Ибо применяем ли мы “цель оправдывает средства”, если для блага?” Е.И. сказала: “Лучше заменить эту формулу словами: целесообразность и соизмеримость. Думать о качестве сознания и мотиве, руководящем для совершения поступка антиморального с точки зрения западной морали. Знание духа подскажет истину. И Сен-Жермен, будучи гигантом, кланялся Людовику и хвалил его. Но Адепт знает непоколебимо, ибо обладает полной соизмеримостью”.

Затем пришла миссис Финч. Она рассказала, что Джинараджадаса ушел в отставку и уехал в Америку. Безант говорит, что она больше не должна воплощаться, так как она следующий Коган в Бел[ом] Братс[тве], и она заставила Кришнамурти принять на себя роль Учителя Мира. Он радикально изменился. Раньше был робок, а теперь уверен в том, что говорит.

Е.И. рассказала, что видела в последнее время Лик Учителя в три раза увеличенный, страшной силы лицо, огромные глаза и снопы света вокруг, и Он сказал, что это Его Лик для битвы, ибо теперь идет битва. Также рассказала, как она видела Будду и Христа. Вечером у нас была Беседа, и был ответ на наш дневной разговор, а также вибрации и накопление энергии.

Н.К. рассказал, что в Тибете самая мелкая монета называется карма, но что это очень плохая карма для Тибета.

24.IX.28

Дарджилинг

Сегодня утром получена телеграмма, что контракт с менеджером еще не подписан и они стараются его уничтожить.

Я закончила с Н.К. поправку каталога Мастер Института, и мы поехали с Е.И. в город за разными покупками. Приехали к завтраку и узнали, что пришла новая телеграмма, извещающая, что они взяли менеджера, потому что был очень рекомендован им. Также сообщают, что недовольны Лунсбери, и спрашивают [можно ли] заменить ее. Последнее нас очень огорчило, ибо Е.И. и Н.К. оба чувствуют в ней хорошую, преданную душу — главное, преданную Учителям и делам. Они говорят: не смотрите на недостатки, усмотрите достоинства.

Прибыл сегодня ларец, купленный нами в Калькутте и принадлежавший М.М., как нам было Указано.

Днем Н.К. диктовал мне свою статью “Light of Desert” [“Свет Пустыни”] по-английски. Опять за чаем говорили о Лунсбери. Е.И. думала: кто бы мог иметь с ней столкновение — Логв[ан] или Пор[ума]? Вечером гуляли. Е.И. говорила, что надо

иначе смотреть на вопрос свободной любви, никто не имеет права вмешиваться в это. Женщина не должна раньше 21-го [года], а мужчина — 23-х лет вступать в брак. А государство должно иметь ясли для содержания детей, родители которых не могут уделить им время. Со всех должен быть собран самый минимальный налог на содержание этих яслей.

Днем Е.И. сказала, что кому-то из нас придется уехать раньше из-за серьезности положения дома. Думаю, судя по всему, мне. Вечером в Беседе было подтверждено, чтобы принять Холла и беречь Лунсбери.

25.IX.28

Встала рано, вошла в студию Н.К., где работаю каждое утро — пишу под диктовку Н.К. Скоро и он пришел и начал диктовать свою статью “Light of Desert”, которую мы пишем уже два дня. Затем мы бросили [работу], и началась беседа о тяжести атмосферы, которую я остро чувствую идущую волнами из Америки. Н.К., выслушав, что я ему говорю, думал, что лучше Пор[уме] и Енте работать вместе, но не делить мне и ей труд по М[астер] И[нституту], ибо это неправильно — двуглавым орлом “трудно быть”. Затем мы говорили о Св[етике] и как каждый идет своим путем и нельзя, основываясь на очевидности, обвинять его; если его дух так вырос в Учении, значит, он вырос и в другом. Если качество сознания кого-либо выросло так высоко, что он имеет знание духа, он может и убить, и сделать разные странные для мира деяния, но он будет прав. И пусть все делают, как он, если достигли того же. А Св[етик] несомненно предан Учению, изучает, знает его как никто из нас. Затем мы говорили, чтобы Учреждения не платили арендную плату, но вместо этого каждое Учреждение платило ежегодно часть суммы, погашая долг Логвану. Говорили, что выгодно сдавать зал разным менеджерам на определенное время (несколько дней в сезоне) — это нас освободит от его [долга] уплаты самим.

Затем мы писали статью “Light of Desert”, закончили ее и начали новую — “Poisoners” [“Отравители”]. Потом я пошла наверх к Е.И. просматривать английский перевод, сверяя с русским. После ланча гуляли и продолжали работу, затем пришли письма от Луиса, пишет про покупку водяных машин в Мориахе — все тут изумлены такой странной и нелепой идеей в такое серьезное время, когда строим двадцатичетырехэтажный дом.

Послали утром телеграмму о Холле и Лунсбери. Пришло письмо от Ботичарья о лекарствах для Америки и возможности [съемки] индусских кинофильмов в Индии и кооперации с Америкой. Культурный человек с идеями!

Вечером я, Н.К. и Св[етик] проверяли цифры [затрат на строительство] Дома, высчитывая увеличение расходов; затем писали телеграмму, а потом я опять говорила с Н.К. Он предложил 10% в Корона Мунди каждому директору, кто продаст вещь или пошлет покупателя. Затем для Мастер Института предложил давать каждому директору сообразно с его деятельностью, а также 10% с каждого приношения через его посредство в Школу (последнее позже было отвергнуто Е.И. и Св[етиком]). Я предложила в М[астер] И[нституте] прибыль делить поровну между директорами. Мы об этом позже все спорили, и было дано Указание о всех Учреждениях в Беседе. Затем давать также премии некоторым учителям — предложил Н.К. Конечно, в К[орона] М[унди] тот, кто приводит покупателя, получает 10%, но если этот же клиент приходит позже и директора, который его привел вначале нет, — он, конечно, не получает комиссии. Атмосфера сегодня легче, но дома, видимо, тяжело, ибо это ощущаем.

26.IX.28

Сегодня утром Н.К. говорил, что мы по приезде домой должны подробно узнать, как обстоит [дело с] участием Ориолы в корпорации “Master Building”, ибо опасно иметь несовершеннолетних, может потом еще такая корпорация быть признана неправильной. Затем Н.К. говорил, что в М[астер] И[нституте] и К[орона] М[унди] нам лучше прибавить еще четырех директоров: Енту, маму, Юрия и Светика — сделать это легко. Семь попечителей выберут четырех директоров. Мы должны повезти с собой план для корпорации научной станции в Н[ью-]Й[орке], чтобы там инкорпорировать. Днем пришла телеграмма, что они возьмут Холла с января, пока он будет помогать так. Е.И. сегодня ночью слышала: “Новая опасность!” Думает, что относится к Америке. <...>

После ланча я читала у Е.И. английский перевод, сверяя с русским. Франсис много пропускает, забывая фразы. Е.И. ей говорила, что лучше медленнее делать, но точнее.

Затем Е.И. мне рассказала про Юрия, как он ей утром говорил, что он как ученый может принимать доказанные факты, а не такую книгу, как “Тайная Доктрина”. Е.И. ему ответила, что, прочитав ее, он получит знание [того] чт’о важно, но не для того он читает, чтобы цитировать. Он трудная натура.

Одно место в Учении Агни-Йога — можно иметь близких. Е.И. объясняет, что, конечно, люди, имеющие семью, обязанности, имеют и чувствуют б’ольшую ответственность и шире думают, нежели одинокие, делающиеся эгоистами. Но близкие не значит лишь родня, а близкие как люди, делающиеся нам дорогими. Я работала в комнате Е.И. до вечера. Утром работала над статьей Н.К. под его диктовку. Н.К. сказал, что если класс рисования будет круглый, что мы по углам — квартиры для мышей построим?

Жалею о трудных неделях для меня, но сама виновата. Теперь чувствую все легче.

Христос — девятый Дхиан Коган.

27.IX.28

Сегодня утром читали статью “Poisoners” под диктовку Н.К. Затем сделали поправки для будущего каталога Корона Мунди и, по моему предложению, короткую телеграмму для Associated Press. Хотя Франсис и против ее посылки, но Н.К. и Е.И. высказались за нее. Говорили о том, кому писать статью для брошюры “Корона Мунди” — наметили Маккормика, Робертс, Народного, но все брать широко. Подойти к ним осторожно — если им будет неудобно писать для Корона Мунди, может быть легче для Мас[тер] Инс[титута]. Затем — дать им плату деньгами нельзя, а подарком — вещи из Корона Мунди — можно. После ланча пошла к Е.И. проверять Книгу. Она удивляется, что Франсис пропускает целые части. Но увy! Рассеянность не вылечишь сразу! Я сегодня, читая письмо к Маркони, напечатанное ею, нашла ошибку. А оно уже было подписано Н.К. и готово к отправке. И он был удивлен этим.

Днем я говорила с Е.И. Говорили о понятии элемента огня. Е.И. говорила — принять в сознание, что огонь везде, он очищает, сжигает, составляет материю, движет всем, принять его сознанием. А главное — знать настолько Учение, что формула данная всегда в нашем сознании, и тогда усвоение в сознании огня будет истинным. Затем упражняться в чистоте, остроте мышления, направив мышление по тому пути, который положишь себе: не допустить хаоса в мыслях, лишние мысли. Но идти четко, по одному мышлению. Это очень трудно. Затем иметь искренние мысли — не двойственные, находя себе же оправдание, когда ложно или

неправильно мыслишь. Это крайне ценно — вечная искренность перед самим собой и Учителем.

Е.И. говорила о Франсис, что она одинока, ее натура требует привязанности физической. Ее надо пожалеть.

Как Учитель выбирает лучшие пути всегда: что было прекрасно один год, меняется в будущем, но всегда согласно с планом и предусматривая лучшие возможности для нас. Например, когда они шли в Россию, как их готовил М.: идти с полным энтузиазмом, видя прекрасное во всем. Иначе они бы не прошли вообще, а так, видя во всем лучшее, они пришли и сказали, что нужно, предупредив по космическому закону.

И почему России дано было первое место? Потому что она от всего условного отошла, от своего имени отказалась. Затем, идя в Тибет, им было Велено хвалить, видеть все в лучшем свете. Они так и шли и принесли Указ. Учитель знал результат раньше, но если бы они знали, что будет неуспех, как было бы все им в тяготу. А так, в полном доверии и преданности к Учителю, исполняя Его указ, они шли, полные энтузиазма. И все совершилось к лучшему. Вот в этом видно высокое знание духа.

Е.И. дальше говорила, что Мировой Учитель приносит не абсолютно новое Учение, а синтез прошлых Учений и дает их людям именно тогда, когда наступает момент. Так сделал Будда, дав свое Учение народу — всем, не только одной касте. Но Учение было до Него, Он лишь дал синтез. Е.И. говорила, что мы должны глубже понять значение Шамбалы, больше идти этим Именем, ибо Им прошли через все опасности до сих пор.

Говоря о смешанном браке между индусами и белыми, Е.И. сказала, что не видит в этом ничего ужасного, ибо они люди одной и той же пятой расы. Вот хуже сочетание между третьей и пятой.

После Беседы нам было велено сидеть в темноте и не записывать, но запомнить. Было Сказано о желании М. дать больше денег Н.К., чтоб покупать старинные вещи. Затраченные деньги утратятся. Поменьше новых вещей. [Надо] освободиться от чувства личной собственности, тогда покупать. Учитель — лучшая акция. Положение Н.К. и Е.И. высоко — это тоже лучшая акция. Каждое слово об Учителе — это капля цемента на постройку. Это — слова пространства (Учитель). И Кришнамурти — даже ему все дают: деньги, земли, ибо он проводит эту идею. Не произносить имени “теософия” в Н[ью-]Й[орке] — не идти этим понятием, любимым Олькоттом.

Н.К. должен написать семь картин Шамбалы.

М. сказал, что Будда жил до ста лет, а не до восьмидесяти трех, как известно.

28.IX.28

Утром окончили с Н.К. “Poisoners” [“Отравители”] и начали “Son of the King” [“Сын Царя”]. Затем беседовали с Н.К. Говорили о той тягости, что наши налагают на Н.К., запрашивая его о цвете кирпичей, когда он их никогда и не видел. Вместо того чтоб запросить о целесообразном — о новом менеджере перед тем, как его наняли. Как мало соизмеримости мы видим в этом действии. Н.К. сказал, как люди, говоря о великом Учителе или личности, прицепят к его Имени самые обыденные подробности, забыв про великое. Он вспомнил Джинараджадасу, который, как фокусник, вдруг вытащил мелки, которые употребляла Блаватская для записывания карточного проигрыша, а не перо или то, чем записывала высокое диктуемое ей Учение. Можно много говорить и писать об этом, но этому лишь обрадуются враги.

Затем я говорила о Франсис, что Н.К. ведь видит ее рассеянность и упущения здесь в писании писем и многом другом. Что же будет в Н[ью-]Й[орке], если над ней не будет контроля? Вначале Н.К. сказал: пусть научится ответственности, все равно сломает себе нос. Но я предложила проверку в Учреждениях Порумою. Н.К. на это согласился, и сегодня вечером это было Подтверждено. Затем мы начали переводить “Клады” из монографии 1916-го года* с Н.К. для его второй книги.

Днем после ланча я пошла к Е.И. наверх и начала читать перевод дальше, сверяя с русским. Е.И. рассказала, что видела сегодня в 8-ом часу утра свет — светло-лиловый, идущий по одному направлению как бы искрами из шара. Затем она открыла глаза и увидела как бы полосу вокруг всей кровати из язычков пламени сильного лилового цвета. Продолжалось это так долго, что она его сама остановила. Это был пространственный огонь. Затем она говорила о “часах счастья — 28-ом годе, обещанном ей Учителем”. И как она тосковала, поняв, что придется отложить их уход в Братство из-за дел в Америке, которые они не могут бросить. Теперь она не знает, когда они уйдут. Если она уйдет одна — она сможет пробыть там три года, если с Н.К., то дольше, он же будет уезжать и приезжать обратно в Б[елое] Бр[атство], ибо ему придется организовывать город Урусвати. Его работа — организация, ее — с дальними мирами. А вернется ли она в Город Знания в физическом теле или уплотненном астрале, она еще не знает, но не думает, что вернется в последнем состоянии, ибо чувствует знанием духа, что опыт не пойдет так далеко вперед, чтобы она могла им воспользоваться.

Ведь М.М. хочет, чтобы уплотненный астрал достиг вида физического тела, чтоб оно могло быть видно простым глазом, могло спускаться вниз на равнины и небольшие высоты для работы на Земле. Но оно лишь не будет иметь неудобств физического тела, функций еды и так далее. Теперь Учителя [находятся] на 12 000 футах высоты, и приходить в физическом теле на высоту семи тысяч или ниже и долго оставаться [там] Им крайне трудно. Это было в Лондоне, но Они часто это не делают. Для этого одиннадцать человек в Б[елом] Бр[атстве] в физическом теле. Ушел из этого состояния К.Х. (его физическое тело теперь уничтожено) и находится в уплотненном астрале, но не в таком конечном результате, какого добиваются Мастера. Наш Учитель тоже очень скоро перейдет в уплотненный астрал. Но Е.И. бы очень хотелось еще застать Его в физическом теле. Сестры невидимы простому глазу — те, которые в уплотненном астрале, ибо он не достиг такой плотности.

Затем Е.И. говорила о радости. Как трудно испытывать моменты космической радости — такие редкие. “Радость — особая мудрость”. “Твоя радость уйдет”, — сказано ей. Как тяжело на Земле, зная все, что происходит, борясь, работая в трудных, обыденных условиях, сохранить радость. Как было бы несравненно лучше быть в уплотненном астрале, приходя на Землю, когда нужно и уходя в высшие сферы без затруднений и риска для тела. Освободиться от тяготы тела, болей, когда солнечное сплетение начинает двигаться и идет слюна при тошноте, когда мозг передвигается с места на место, когда все тело скрючено после болезненных явлений опыта, — все это так трудно чувствуется телом на Земле. Прежде, в начале опыта, Е.И. плакала, дрожала при малейшем шуме, теперь уже ей легче и не так болезненно отзывается. М. ей сказал, что, когда та будет в Б[елом] Бр[атстве], она будет настолько [много] работать, что будет мечтать о минуте отдыха. Сегодня Е.И. была грустна. Какой дух! Непокоримо честный, прямой, все дающий, поясняющий всем основы Учения, но уже оторванный от Земли. Сознание ее уже в других мирах — это видно, когда она смотрит на вас, видя нечто другое, чувствуя нечто другое. Ибо ей тоскливо на Земле.

<...> Н.К. рассказал, когда он посетил Крупскую в Москве, она его спросила: “Вы уже давно здесь не были, ну что, как вам нравится, какими бюрократами мы

стали!” — “Я ей про Великое Имя, — говорит Н.К., — а она все про бюрократизм”. Затем он посетил одно ее учреждение и там одной ее сотруднице рассказал, как в Америке всюду написано: “Улыбайтесь непрестанно!” Та и говорит: “Это насилие над личностью!” Н.К., не сморгнув, говорит ей: “Да, и представьте, до чего доходят, на рельсах пишут “остерегаться поезда”. Какое возмутительное насилие!”

29.IX.28

Утром закончили с Н.К. две его вещи из монографии 1916 г., переведя на английский. Затем я пошла сверять дальше “Агни-Йогу” к Е.И. Позже Е.И. говорила, что Светик очень болезненно нервный и очень чувствительный, как она. <...> Он унаследовал от Н.К. экзему, которой страдал в детстве. Н.К. родился с ужасной экземой. Она вернулась к нему, когда он уже был женат. Лечила его Е.И. смолой. Густо смазывать затронутые места, не моя, один слой на другой. Затем снимать не водой, а смазав вазелином. Затем опять мазать смолой. Экзема пройдет.

Е.И. огорчена медленностью работы, но не хочет торопить Грант, желая, чтоб она лучше обдумала. После ланча я собрала “Криптограммы [Востока]” на английском вместе — они были разрозненны. Затем вновь проверяла перевод у Е.И. Вечером, после Беседы, Е.И. говорила, что так как частицы астрального тела Будды могут быть Им передаваемы какому-нибудь высокому духу при его воплощении, потому говорят, что в нем луч Будды или даже Он частичное воплощение Будды. Будда и Христос пришли с Венеры. Но Будда оставил свое астральное тело. А Христос совершенно разложил свое. Когда Е.И. видела империл*, она это видела как бы в виде трубочек, в которых были шарики, окруженные темными отложениями (империл), а светлая масса (психическая энергия) как бы проникала в них. Затем она видела Землю в три раза больше Луны (во время своего полета), все материки, горы, реки были очерчены ясно и желтоваты, а вокруг Земли непроницаемая черная масса — как грифель черная. Сегодня ночью Е.И. плохо слышала — неясно, были обсуждения каких-то формул, алхимических также, и голос М.К.Х. сказал: “Как жаль, что нельзя этого дать людям — они не поймут”. Но все было неясно Е.И., ибо плохо слышала.

Вечером ставили Вагнера. Все радостно слушали музыку.

30.IX.28

Сегодня утром беседовала с Н.К. о работе в Н[ью-]Й[орке] и наших. Н.К. говорит: “Если вы все будете идти через реку, вы будете дружно идти и вместе, ибо это необходимо в такой момент. Вот почему вы были дружны при начале постройки Дома — ибо это огромное дело, потому мелкие мысли отпали и все соединились. Ибо нельзя иметь разногласие — слишком большое дело, и потому большая опасность. Теперь наступила пора, что, если один из вас приходит к другому и говорит ему: “Так нужно!”, другой должен немедленно почувствовать и ответить: “Так нужно!” Но особая дипломатия и подходы к каждому уже теперь не очень желательны”. Остался всего один год до окончания первого семилетия, и мы должны вырасти до этого сознания и установить его. Если мы не успеем и займем у второго семилетия, то надо новую работу второго периода сделать в меньший срок, что ответственно! И серьезно. Но “шестерым носить один стул” невозможно! Потом искать себе заместителей. Все время думать об этом, ибо возможны неожиданные отъезды. Модре тренировать людей, ибо не исключены ее поездки в Южную Америку или другие места.

Затем мы переводили с Н.К. Начали новый рассказ из моногр[афии]. Пришла телеграмма, огорчены, что здание дороже, чем считали, и выпускаем 100 000 \$ второй закладной. В бюджете нет статьи непредвиденных расходов, что ужасно.

После ланча сверяла у Е.И., затем беседовали о концентрации. Е.И. говорит, что концентрацию надо развивать так: направить мысль на известное представление и не допускать других мыслей. Например, она себе представила, как ее серебряная нить провода летит к Учителю через горы, ущелья, как она искрится голубым светом, затем после долин опять поднимается кверху, в башню М.М. Представляет М.М. в кресле, как Он одет, как принимает эту нить провода. Вот такой процесс — ясного представления. Вот почему надо развивать наблюдательность с детского возраста, давать долго наблюдать цветы, листья, затем спрашивать их описание со всеми деталями. И так с всевозможными предметами, наблюдать краски природы, подмечать цвета и уметь описывать. Затем перейти к развитию воображения, как ребенок представит себе дерево, животное, сад, как бы он хотел иметь сад, цветы, деревья, дорожки, настаивать на деталях, ибо это развивает воображение. Взрослому полезно, читая, например, “Тайную Доктрину”, изучая одно место, отставить книгу в сторону и в мыслях точно и ясно пройти это место, не впуская посторонние мысли. Это есть лучший метод концентрации. Ибо святой или подвижник, уходящий для созерцания и процессов медитации в отдаленные места, может достигнуть и высоких планов и подняться туда, но, если его заставить спуститься с высот к людям, в другие условия, он окажется во многом хуже заурядных людей. Итак, наблюдательность, добросовестность (так объясняя концентрацию простым людям) и, наконец, достижение концентрации. Опять по качеству духа достигая большего. А дух питается тончайшими энергиями — это Амрита*. Должен их воспринять не мозгом, но именно сознанием — манасом*, центром солнечного сплетения, а не мозгом. И растем качеством сознания. Е.И. не любит упражнений медитации.

Затем Е.И. говорила, что нужно накапливать знание здесь, на Земле, ибо в астрале дух живет тем, что получил здесь. И не творит и развивается, а живет в той же атмосфере и понятиях, что ужасно. Но если есть стремление неустанное, тогда дух не остается, а стремится к новым опытам. Вот почему лучше не жить долго в одном теле, а возвращаться чаще и накапливать знания в новых телах и опытах. И также накапливать все время знания в жизни и стремиться к высшему знанию. Днем также Е.И. и Н.К. говорили, что она и Н.К. не считают себя Адептами. Я же ей говорила, ибо глубоко верю в то, что они Адепты, ибо последний раз здесь и имеют чувствознание. Я твердо знаю это. Мы живем с Адептами. Наше великое преимущество! Е.И. настаивает, что они лишь сотрудники Бел[ого] Бр[атства]. Е.И. говорила, что часто, когда она подслушивает и смотрит, Учитель ей говорит: “Довольно!” Она надувается и умолкает. Мы много этому смеялись.

На чай пришел Чаттерджи, правительственный чиновник, не особенно приятный брамин, много доверять ему нельзя. Сидел бесконечно. В Беседе вечером было дано много о концентрации.

I.X.28

Утром получили из дому телеграмму, что архитекторы советуют стиль модерн во всем и наши советуют принять их предложение. Всем здесь эта телеграмма очень неприятна. Но Е.И. говорит и Н.К., что бы мы отсюда ни посоветовали, все равно там архитекторы изменят. Поэтому лучше им предоставить. Но все же чувство неприятное. Все утро переводили с Н.К. из монографии 1916 г. С Е.И. не работала, но зашла к ней на минутку, и она меня крепко, крепко поцеловала. Так отрадно. От

нее веет непередаваемой человечностью понимания и высшей мудростью. Затем мы ждали Яруя, он приехал к двум — выглядит хорошо, пополнил. Говорил, что их группа с докт[ором] Лукиным, его невестой, Чахемб[улой] и Е.Г. дали изобретателю в общем 500 \$, но больше не могут. А ждут они в Америке за это [изобретение] 10 000 000 \$. По описанию Яруи и чертежам видна простота изобретения, но не знаем, как пойдет. Во всяком случае, очень интересно, и может все перевернуть, если применимо. Я говорила с Н.К., что наши в Америке должны дать ему временную материальную помощь. Ибо мы видим, как Учитель велит М.Сигрист помогать ламам на монастыри и в стольких случаях. И мы должны научиться этому. Н.К. одобрил меня. Яруя говорил про Полковника и его проблему женитьбы. Карточка его невесты нам всем очень не нравится — была Мессалиной — жестокое лицо. Яруя — как был — славный, наивный. Также Е.И. говорила о Вогане, который теперь Брат Атрия и какое у него славное лицо. Сестра Ориола была Жанной д'Арк и была сожжена Тальботом (Полковником) и теперь помогает ему. Вечером слушали музыку.

2.X.28

Дарджилинг

Утром писали письма и отправляли телеграмму в Америку об изобретателе. Потом Н.К., Яруя и я приводили в порядок все бумаги. Н.К. работает с истинной благостью. Шутит, помогает всем, дает самое мудрое и простое указание, как все делать, самую простую систему указывает и принимает все советы, так что всем кажется, что все возможно. Лишь незаметно он вставит одно, два слова, и все меняется и делается значительным и ясным. Мастер! И мы имеем радость с ним вместе работать и у него жить!

После ланча я пошла к Е.И. сверять. Е.И. говорила о Юрии. Трудный он, алармист*. Боится за здоровье, что многое не выйдет, что будут опасности. Живя с ними и видя ежедневно все чудо их жизни, все же не вполне верит. “Не мешало бы ему пожить одному, самому зарабатывать, разовьется лучше, ибо очень старый дух, упорный, не хочет идти по новому пути”, — говорит Е.И. Что у него было с Манциарли в Париже, Е.И. правильно объясняет. Он мог или флиртовать с мадемуазель Манциарли, или войти в среду русской золотой молодежи, аристократии, куда его пытались втянуть. Из двух зол первое оказалось меньшим, и Учитель позволил первому совершиться.

Сегодня совершилось чудное явление с Е.И. Утром она, по обыкновению выпив чай с тостом, принесенные Людмилой, легла, чтоб начать слушать и записывать. Но легла неудобно, провалившись в ямку постели. Все же не хотела повернуться удобнее, боясь нарушить процесс слушания. И вдруг сильным физическим движением была повернута на другую сторону, в ее обычное удобное положение. На край постели, лежа на животе, обе руки под подбородком, чтобы не давить на сердце и солнечное сплетение. И начала слышать и записывать, что она обыкновенно делает одной рукой, послушав четыре, пять фраз и потом записывая их. Легче запоминает, когда слышит на разных языках, что обыкновенно и делается, чтоб она запомнила. Иногда она не успевает окончить мысль, как идет ответ. Иногда проходит пять, десять минут, иногда полчаса, пока идет другая фраза, иногда несколько раз одна за другой. По утрам она слышит М.М. и К.Х. Обыкновенно в 7.15 она пьет чай, а потом слушает до 8-ми, потом встает.

Говорили об одиночестве духа, хотя бы на пару часов в день, что так важно, ибо мы между людьми, все время отдаем им, они у нас берут психическую энергию, и лишь в спокойствии и наедине с собой мы восстанавливаемся. Важно иметь свою

спальню, комнату. Говорила, что центр “чаши” около сердца и “змей [солнечного] сплетения” — этот комок и солнечное сплетение мало изучаемы врачами, а потому они не знают и названий. Е.И. говорила, что надо наполнять пространство, трудясь, не думая о результатах. Ибо большие дела, как дуб, растут незаметно, а цветок, который сразу пышно распускается, так же быстро увядает. Возьмем дело Блаватской. Она создала и принесла все дело, дала идею об Учителях, создала Общество. Ее называли шарлатаном, запретили вернуться в Индию и лучшие друзья отвернулись от нее. А теперь, спустя пятьдесят лет, люди читают ее книги, теософия как движение вошло во весь мир благодаря ей и помогло стольким людям, и люди говорят о Блаватской, и ее имя горит ярко, а Безант пережила сама себя, ибо при ней, в конце ее жизни, все приходит к распаду. Посылать все благое в пространство, трудиться для будущего, но не думать о результатах теперь, ибо они могут быть лишь через долгие годы.

3.X.28

Дарджилинг

Е.И. говорила, что, когда она совершала полет в астральном теле, ей всегда давали в руки как бы маленький столик, нечто вроде круглого вращающегося предмета, который вращался с быстротой пропеллера и который она держала в руках, управляя им, во время полета. Сегодня утром Н.К. говорил со мной о Блаватской и Олькотте. Малая капля его преданности и сознание и вера в Учителей его держали в благополучии всю жизнь, хотя он был во многом и против Блаватской, даже губя ее начинания и идя против них. Вот капля преданности! Так во многом: у нас чуть не потеряли Лунсбери — ценного человека, забывая, как мало людей, преданных Учителям. Затем мы работали над системой премиальных в Школе, доходов и бюджета. Потом сверяла у Е.И. [перевод], после ланча снимали Ларец Учителя. <...>

За ужином Е.И. вспоминала, какие чудеса они видели вместе с Яруей в Лондоне. Как на воздух приподнялся их знакомый на стуле и держался в воздухе. Как кружились ковры в комнате, как играл Мусоргский на рояле, при этом Е.И. сидела в кресле, а на ней было вплотную другое кресло, которое ее почти придавило. Были приношения монет, предметов — явления страшной силы из-за присутствия Мастеров в Лондоне.

Им очень нравится статья “Ашрамы” Полковника. Все же они его ценят больше Доктора именно за его преданность и стремление к Учителю, несмотря на его трудный характер. Он был одержим духом, который уже долго за ним гонится. Стрелял у них в лагере, так что надо было хитростью отобрать у него патроны. Ему было запрещено входить в другие палатки, ибо всегда после его визита у всех были кошмары. Позавчера Е.И. слышала, что Учитель посылал духовную телеграмму в Америку, ибо там не все ладно. Видимо, Он был недоволен, но чем именно, не сказал.

4.X.28

Дарджилинг

Н.К. сказал, что, когда я приеду в Нью-Йорк, мы должны взять деньги, положенные на наше имя для Свет[ика], и отдать ему наличными. Сделать это [нужно] в январе, чтобы он не потерял процентов. Мы с Н.К. сегодня утром беседовали. Н.К., когда приедет в Нью-Йорк, [думает] собрать всех нас в один хороший вечер и сказать, что мы должны понимать друг друга с намека и работать в

таком духе. Если кто-либо придет к другому и скажет: “Это надо сделать”, другой должен ему ответить: “Сделаем!” без сомнений, подозрений, в таком сознании духа, иначе сколько же мы будем оставаться детьми? Ведь нам дано семилетие на рост. Нельзя же всегда кого-то носить на руках и за кого-то бояться! Если мы уверяем, что многие из нас выросли, то чем докажем свой рост, если не работой в гармонии! Так говорил Н.К. Затем я немного работала с Яруей, затем пошла к Е.И. сверять книгу. Е.И. говорила, что человек растет постепенно в сознании духа — это самый лучший путь. Это путь, которым идут Адепты. Если же кто и падает сильно, а потом и подымается сильно — все же получается “излом спирали”, о котором говорится в “Агни-Йоге”. Надо идти по спирали Космоса, иначе мы запаздываем. Вот теперь мы запоздали, то есть все человечество, а между тем пришла эра Агни-Йоги. Она дается еще не подготовленному из-за своего падения в росте духа человечеству. Поэтому катастрофа нашей планеты неизбежна.

Е.И. говорила, что Блаватская потому должна была воплотиться в последний раз в венгерского юношу, ибо у нее было больное астральное тело, а ей надо было прийти в Братство в физическом теле, и для этого нужна была здоровая оболочка. А не потому, что якобы у нее были гнев и раздражение. Она была совершенным агни-йогом. Также Акбар воплотился в раджу Черная, ибо его астральное тело было повреждено, будучи всегда на виду, в придворной жизни, всегда принимающее уколы и поражения со всех сторон. А нужно было прийти в Братство в здоровом физическом теле, потому и [нужно] это воплощение. Затем Е.И. говорила, что Агни-Йога дается первый раз, хотя многие уже были агни-йогами, [такие] как Пифагор и др. Степень полного труда для Общего Блага — это самое начало Агни-Йоги. Но знание Учителя и Учения — это сознательный подход к овладению Агни-Йогой. Конечно, зависит от роста сознания. Причем физический рост идет наравне с духовным, ибо второй поднимает первый. Агни-йог часто болен, ибо идет в жизни. Но ему нужна известная дисциплина и бережное отношение к условию своего покоя, некоторые правила для здоровья.

<...> Е.И. очень довольна моей сверкой двух текстов и сказала мне: “Теперь даю на проверку самому строгому и точному критику”. Я нахожу пропуски и многие ошибки, но не всегда понимаю широкий смысл. Тут мне объясняет Е.И., которая предпочитает широту смысла точному переводу. Затем Е.И. говорила, что в физическом теле три Сестры: одна из них, она думает, Сестра Юсна, заведующая сельским хозяйством. В астрале Сестра Ориола — Зеленая Тара, заведующая образованием, также ботаникой, изучением растительного мира. Сестра Пхон По — Желтая или Китайская Тара, с миссией в Китае, где она недавно была и организовала кружок семнадцати китайцев. Она всегда работает с К.Х. Она прелестная, небольшая ростом, правильные черты, огромные глаза, совсем молода. Говорит по-русски: так же говорит Сестра Ориола, но со странным произношением. Венера называется Тула. Ее [Е.И.] называют в Белом Братстве Урусвати. Теперь женщина вступает в свои права — хорошо быть женщиной. Тогда как раньше хорошо было быть мужчиной, ибо он шел по всем путям, а женщине оставались мелкие области, но она по ним приобретала больше знания и развития в широком смысле. Развивалась находчивость, рос дух. Так говорила Е.И.

5.X.28

Утром беседовала с Н.К. об Учреждениях. Конечно, самое главное для нас в Круге — развить сознание или, правильнее, чувствознание. При этом будут и соизмеримость, и рост сознания. Но если это развивается у всех, тогда можно работать в гармонии и тогда один член, говорящий другому: “Это надо сделать!”,

понят и утвержден в этом действии другими членами. Но это не делает один разум, а именно чувствознание. Н.К. больше огорчен состоянием Кор[она] М[унди], нежели Мастер Института, ибо в первом Учреждении нет коммивояжера и культурного отношения к искусству. Советовал при окончании года и отчете отделять цифру себестоимости вещей из дохода, чтобы ее можно было опять затратить на [покупку] произведений искусства.

Е.И. сегодня ночью было тяжело — она думает, из-за Америки, там не все ладно.

<...> Затем распаковали прибывший вчера из Шигацзе караваном [груз в] 330 томов Канджур и Танджур. Приехал полковник Бейли на семи или девяти мулах с тремя тибетцами и слугой, который помог достать [эти книги]. Приезд их был очень живописен. Записала купленные восемь танка, привезенные этими же караванщиками для продажи. Очень хороший Будда [статуэтка] за 78 рупий. Светик спросил меня, желаем ли я или Франсис его взять. Я сказала, что пусть возьмет Франсис, что она и сделала. Послали сегодня телеграмму. <...> Затем я сверяла у Е.И. листы. Е.И. говорила, что нужно пересмотреть язык, ибо многие понятия входят в жизнь в искаженном виде. Нужно укоротить язык, следить за ясностью и определительностью выражений. К вечеру беседовали с Яруей. Подошел Н.К., спросил меня, сколько мне лет. Я сказала: “Тридцать четыре года”. Он спросил про других, но я не знала. Затем он при всех сказал о моем возрасте и спросил Франсис, сколько ей лет. Она ответила: “Двадцать девять”, и Светик заявил, что она почему-то покраснела. Она же ответила на вопрос Н.К., что и Нетти столько же. Н.К. не верит ей, я это чувствую. А Е.И. заявила при всех, что она не думает, что мне столько лет, но гораздо меньше.

6.X.28

Сегодня утром беседовала с Н.К., говорили об Учреждениях. Он говорил, что К[орона] М[унди] — это все равно что школа без учителей. Крайне нужен коммивояжер. <...> Затем, говоря о М[астер] И[нституте], Н.К. сказал, что он еще может двигаться, если даже и не так хорошо, ибо есть учителя. Если будет случай продать коллекцию танка М[астер] И[нститута], то хорошо продать, чтоб иметь капитал, ибо это является насущным. Е.И. сказала, что хорошо бы продать всю тибетскую выставку и наши старые танка за 20-25 тысяч. Утром мы сели втроем с Е.И. читать “Агни-Йогу” — идет очень хорошо. Перевод хорош. <...> В половине третьего Е.И. поехала к Майе Бос отвезти ей монографию Н.К. в дар. Мы же все пошли гулять, но раньше я прочла и сверила все параграфы. Затем мы вернулись с прогулки, по дороге были чудные виды на Джелап-Ла, покрытую снегом, затем на гору Фалют. Е.И. уже была дома, и мы опять почитали, после чего Е.И. пошла принять ванну (она принимает обыкновенно в 6 часов вечера), а затем сошлись за ужином. Уже четыре дня как мы все, кроме Юрия — по совету Учителя — вегетарианцы. Очень дразним Юрия. Вечером была Беседа, потом изумительные манифестации ритма стола и его левитации.

Е.И. мне вчера говорила, что крест является старейшим символом — задолго до Христа. Рисовался так . Затем был включен в круг (также теософский символ — тео) , затем получил следующий вид: — как бы распятый человек или же эзотерически микрокосм в макрокосме — знак погружения в землю-материю.

Е.И. опять себя плохо чувствует, странные чувства в мозгу — все время перемещения и невозможность концентрации мыслей. Вчера Е.И., сидя в ванне, начала медитировать на космосе — начав с неба и кончив мыслью о беспредельности — даже делается страшно, она говорила, и все же это есть

конечность в бесконечности. О начале вселенной Е.И. предполагает, что вначале появилось сознание, а законы создавались из него, хотя и уже в сущности существовали.

7.X.28

Сегодня утром Н.К. диктовал мне аннотацию для “Криптограмм [Востока]”. Е.И. ночью плохо себя чувствовала, плохо работает сердце. Под утро видела наших в Нью-Йорке, сидящих у стола. Логвана, который тряс пальцем и что-то кому-то говорил, — чувствовалось несогласие в Круге. И она услышала голос Учителя, сказавшего: “Я им дал мост, а они его упустили!” Учитель, видимо, недоволен ими. На днях Е.И. говорила Учителю, что она не считает особенным то, что она видела кристалл фохата, материи люциды, и Учитель сказал: “Невежество”, — после чего она замолчала. Она ужасно смеялась, рассказывая это. Утром мы втроем начали читать книгу, потом присоединился Н.К., который со мной следил по русской [книге], а Е.И. и Франсис — по английской [книге]. Книга очень хорошо переведена. Затем мы завтракали, и после завтрака вдруг разгорелся спор. Е.И. рассказала, что Майя Бос недурно рисовала, но ее муж над ней смеялся, и она бросила [рисовать]. Причем она сказала Е.И., что, когда женщине наносят такую рану, она остается. Тут Е.И. сказала, что Н.К. ей нанес такую сильную рану в молодости, сказав, что пианисты и интерпретаторы не есть творцы, ибо они передают, — это ремесло, а не творчество. Это ее так ранило, что она, поверив ему, бросила музыку. И вот загорелся спор. Е.И. утверждала, что исполнитель есть творец. Н.К. говорил, что мы не знаем [ни] характера Бетховена, ни его стиля, потому исполняем по-своему, но не по Бетховену. Светик был на стороне Н.К. В результате Е.И. говорила, что творец берет свои идеи из пространства, у предыдущих творцов, синтезируя, ибо сказано, что большой Учитель начинает с того, что имитирует большого творца, а затем присоединяет свое личное. Все мы исполнители и имитаторы! Спор был долг, потом мы пошли наверх и Е.И. сказала, что она не хотела говорить, чтобы не обидеть Св[ятослава] и Н.К., но она знает всю кухню живописи, и художники есть интерпретаторы, ибо берут из книг, из народного творчества (танка, бронз[овых] фигур) сюжеты для своих творений. Эль Греко брал у Веронезе, все берут из природы, жизни и других творений. И в музыке музыкант, исполняющий композитора, есть творец. Искусство одно. Она сказала, что Н.К. еще один раз причинил ей страшную боль, когда сказал ей в ответ на то, что она устала жить его интересами, — отчего она не имеет своей жизни и своих интересов? Тогда она сразу потеряла интерес к его делам, школе, работе, взялась за Рамакришну, Вивекананду и открыла свой мир, и Н.К. пришел в ее мир. Ибо она его научила и облака писать, и чувствовать краски и природу, [так] как он раньше не чувствовал.

Затем мы продолжали читать книгу. Е.И. говорила, что Доктор в одном воплощении похитил ключ от ее шкафа, желая выдать формулу атомистической энергии Врагу, вообще был против нее. А она ему теперь платила добром, как Сестра Ориола Полковнику. Говорила, как была страшно больна в Нагчу, где чуть не умерла от огненной смерти. Тогда Мастер К.Х. несколько дней лечил ее синим лучом при ледяном холоде, что было необходимо, и ей давали холодное молоко, а Доктор ей дал опиум и [этим] чуть не убил ее. Сам Будда был встревожен, ей сказали.

Затем там же [в Братстве] была сделана ее статуя — терафим — она не знает из чего, но огромная, во весь рост, сидящая, волосы не седые, но как были у нее в молодости — “пепельные с красным вином”, как их называли. На статуе надет

монгольский халат в цветочках по синему полю и желтая шелковая рубашка видна у шеи. У статуи пронзительно суровый взгляд и как бы белесоватое вещество — не то аура, не то эктоплазма над головой. Е.И. соединена со статуей связью, и к ней магнетически притягивается очень сильно. Однажды, увидев ее в видении, так стремительно потянулась к ней, что упала и наткнулась на ее ауру. Этой статуе дается энергия, которая сообщается, когда надо, Е.И. Вначале был взят портрет Е.И. в Нагчу, а по нему в Братстве была сделана статуя. Е.И. очень издалека, но очень отчетливо слышит голос Христа (больше теноровый тембр), голос Будды (баритонового тембра). А голос Учителя (глубокий баритон) слышит вблизи. Голоса всех в Братстве слышит очень ясно. Рассказала нам вечером после наших изумительных манифестаций, что многое как в Лондоне. Однажды на доске стола запечатлелось два Лица: М.М. и К.Х. отчетливо, причем М.М. поворачивал глаза справа налево. Продолжалось это видение долго при электричестве.

8.X.28

Сегодня утром отправляли почту, затем были неприятно поражены телеграммой из дому, сообщающей, что по совету Корбета выбрали другую ступу, а не посланную Светиком. Е.И. и Н.К. оба говорят, что глупо что-либо посылать отсюда — все равно архитекторы настоят на своем. Они решили ничего не посылать отсюда относительно Дома, но лишь попросить выслать последнее решение по плану Дома. Затем я и Франсис пошли читать с Е.И. книгу, которую сегодня днем окончили. Н.К. со мной утром беседовал: во-первых, он говорит: жаль, что Нуця не сочиняет музыку. Он пишет прозу, поэмы — это могут сделать Сигрист и другие. А ведь у него дар композитора. Он единственный в нашем кругу мог бы написать музыкальные поэмы к картинам Н.К., начав со своих же фанфар, которые мог посвятить “Varangian Sea” [“Варяжское море”] или же одной из гималайских картин. Ведь нам музыка будет нужна. Затем Н.К. удивлялся, почему Нуця, когда получал “чаевые” от знакомых на покупку каких-либо бумаг, не покупал. Как неправильно мы понимаем спекуляцию! Если бы мы посвятили все помыслы и время покупке и игре на бирже, то это неправильно. Но так — какая разница между покупкой картины, чтобы продать ее [по цене] в три раза больше, или земли с той же целью, между покупкой акций, которые, если они подымутся, продать их? Это подлинные слова Н.К. Он сказал, что когда-то считалось правильным купить земельную акцию, а нобелевскую нет! Это, мол, спекуляция! Между тем вторая была результатом солидного, блестяще растущего дела.

Е.И. сегодня чудесно говорила о сознании Беспредельности. Что наше сознание может думать лишь в ограниченных формах, так же, как и творить, ибо каждое творение уже ограничено. Беспредельности мы не можем *и не должны* постичь, ибо, если бы это случилось, мы бы перестали существовать. Тайна первого импульса мировой энергии — начала всего — *не может* быть нами постигнута. Если бы человеческое сознание постигло это, оно бы в этот миг погибло, ибо мы видим лишь *конечность*, созная, что за пределами ее — бесконечность, но не постигая ее. И самые высшие духи не могут сознать бесконечность. *Фохат* — это сознание, присущее космическим лучам. Когда оно начинает работать с силой вихря в пространстве, отважный Планетный Дух вселяется в это круговращение и начинает творить и создавать формы и жизнь, насыщая и наполняя своим сознанием новую планету. *Психическая энергия* — это эманации из нервных каналов. Незаметная глазу и аппарату белая масса, которая выделяется нервными каналами. Ее можно изучить, начиная с изучения выделений империла на стенках нервных каналов. Ибо видно, как грануляция показывает как бы шарик, окруженный черной

массой (империлом), и беловатая масса (психическая энергия) поглощает его, как бы поедая. Конечно, нужен будет тончайший аппарат, чтобы это увидеть. *Тушита* — это надземные сферы, где обитают высшие духи. Понятие рая в санскрите. *Сатья Юга* — это святая, светлая юга, тогда как Кали — черная. Когда Высший Дух погружается в пралайю, он сохраняет свое сознание, и когда после периода покоя, который он сознательно переживает, он приходит в манвантару, он сознательно продолжает с того момента знаний, которого достиг ранее, но не начинается сначала. Когда Е.И. слышала музыку сфер, она при этом видела Дал[ай]-ламу. Он сидел маленький, сгорбленный. Мимо него проносились дивные звуки и свет, но он ничего не сознавал. Это было на пути из Монголии.

Сегодня были чудные манифестации вечером и принесена тибетская монета “шо” для Дома.

9.X.28

Сегодня утром горы сказочно красивы и сверкающе ясны. Н.К. позвал нас посмотреть их. День бирюзово-голубого неба — первый раз за все время, ибо целые дни, не переставая, лил дождь.

Утром решили пойти на прогулку, все, кроме Е.И. Франсис пошла с нами, но так как Н.К. с Яруей шли впереди и она их не догнала, а со мной и Светиком, шедшими позади, не хотела идти, то она надулась и пошла обратно, несмотря на наши зовы идти с нами. Мы же совершили дивную прогулку. <...> Мы все шли с такой радостью, Н.К., как всегда, чудесно добрый, простой, любящий и указывающий все красивое и все время шутя. Свет[ик] был тоже очень мил, а Яруя всему радовался. Юрий тоже не пошел. Придя домой, застали Франсис разобиженную до того, что все обратили [на это] внимание, а Светик при всех прямо сказал причину, добавив, что она хотела пойти домой, чтоб быть наедине с Е.И., а он ей на прощание крикнул, чтобы она ее не тревожила. Н.К. вообще был удивлен и недоволен тем, что она повернула домой и что у нее капризы, и все качал головой. Е.И. чудесно вспомнила, как Учитель сказал, что особенно ценит Фуяму за то, что тот “готов исполнять всякую черную работу”.

Днем пришла миссис Финч, а до того Н.К. сел со мной переводить “Лакшми” и писать письмо в Музей о даре Канджура и Танджура. Миссис Финч славная, но несчастная душа, устраивает лекцию Франсис при содействии Victorian Hospital в Дарджилинге.

За ужином Светик начал спор о бесконечности миров. Е.И. сказала, что пространство бесконечно, но вселенная и миры конечны. Что слово “бесконечность” ужасно и если бы мы осознали это сознанием, нас бы в тот миг не стало. Ибо то, что мы осознаём, делается немедленно конечным, как и миры. Элемент огня бесконечен, его проявления грубо материального порядка — предельны. Движение как принцип бесконечно, но ритм — его проявление — конечно. Светик дал пример: считать от одного до бесконечного. Но Е.И. ему сказала, что каждая цифра конечна, а считать мы их можем в бесконечности вот таким образом. Очень она меня ласкала, целовала сегодня, понравился ей синий цвет моей кофточки, нашла, что мне очень идет этот цвет. Она удивительно светилась, и было радостно на душе.

Сегодня сушили палатки. Чудный день.

10.X.28

Сегодня день рождения Н.К. Я ему нарвала цветочков к завтраку, потом пришел торт, заказанный мною к ланчу.

Е.И. дала мне утром гамму цветов, соответствующую тонам гаммы:

С (до) красный

D (ре) оранжевый

Е (ми) желтый

F (фа) зеленый

G (соль) голубой

A (ля) темно-синий с пурпуром

B (си) темно-фиолетовый пурпурный

(Розовый есть сочетание красного и голубого).

Мадам Рерих вспомнила, какой чудный аккорд Нуця составил на цвета их аур. Do#, fa, la, si. Утром мы немного все гуляли. Затем Н.К. окончил со мной “Лакшми”, которую он мне диктовал из монографии 1916 г. После ланча опять немного гуляли. Затем села переписывать ритмы для всех; подошла Е.И. и сказала, что они замечательны по своему принципу нарастания — Махаван есть кульминация, а 6-й ритм — это уже замедление и замирание. Сказала, что можно его дать каждому композитору, пусть стараются сделать что-либо, написать симфонию.

Днем я читала с Е.И. “Криптограммы [Востока]”, затем беседовала с Н.К. Он советует у нас в Зале Наций стулья [подготовить так], чтобы можно было передвигать при необходимости: ряды на планках. Н.К. ничего не имеет против того, чтобы его две комнаты в M[aster] B[uilding] [Дом Мастера] были бы где угодно — верхнем (двадцать третьем) или срединных этажах и такие, которые не очень требуются для сдачи, ибо [с видом] на реку, он сказал, можно скорее сдать.

Днем гуляли и на пути встретили змею. Яруя и Свет[ик] были против убийства, но Юрий, Н.К. и я стояли за, ибо это была ядовитая гадюка. Ее убили слуги. <...>

Вечером Е.И. рассказала, что, сидя в ванне, она подумала о движении. Оно бесконечно, поднимаясь по спирали все выше и выше, нарастая к взрыву, не останавливаясь, и спираль нашего космоса идет в обратном пропорциональном порядке. Когда в бесконечном спираль идет ко взрыву и потом как бы опускается, в это время спираль нашего *конечного* космоса поднимается. Принцип эволюции и инволюции!

Свет[ик] очень противоречил, вышел неприятный разговор, который продолжался и после Беседы. Хотя Беседа показала правоту Е.И. и одобрение ее мысли Учителем. Но Свет[ик] говорит, что он живет по “Тайной Доктрине” и “Письмам Махатм”. Е.И. ему ответила, что она эти книги знала раньше его, ибо в 1924-ом году он их еще не знал. Затем она говорит, что Блаватская писала, сама собирая материалы, прося своих друзей собирать источники, и под диктовку Учителей. Свет[ик] утверждает, что лишь Учителя написали “Тайную Доктрину”. Но тогда в чем бы был ее личный труд? Тем более Учитель Сам сказал про это Е.И. <...>

11.X.28

Дарджилинг

Утром встали и решили поехать всем, кроме Е.И., в город за необходимыми покупками. Говорили об изобретателе и предполагали послать совет в Амер[ику] поддерживать его один месяц до нахождения им службы.

Поехали в город, мокли под дождем, ходили по лавкам, пока все купили. Приехав к ланчу, застали телеграмму, что изобретатель из-за болезни жены хочет немедленно ехать домой, но не имеет денег на жизнь и проезд. Советовались с Н.К.

и Е.И. <...> Н.К. предложил, что он даст авансом из жалования Яруи 175 \$ изобретателю на проезд, а д-р Лукин пусть потом вернет Яруе. Но Яруя сразу отказался. <...> Очень это неприятно поразило Н.К. и нас. Легкомысленно навязал нашим человека на голову, но сам погашать долг не желает. А вся группа дала по 10 \$ каждый изобретателю, кроме Лукина, который дал 600 \$.

Е.И. видела сегодня ночью сон, что она сидела в светлом помещении с Н.К. против Сестры О[риолы] и Та заметила, что Е.И. так любит лежавшие там какие-то предметы. Е.И. ответила, что она их любит, ибо они имеют касание к Братству, и притом у нее показались слезы на глазах. Тогда Сестра О[риола] нагнулась и поцеловала ее в лоб. А до того она слышала целые беседы о космогонии, но как только хотела записать, сейчас же забывала. Утром же, после чая, она лежала с открытыми глазами и увидела в своей голове картину, как она, сопровождаемая молодой прислугой, которая несла мешок с древними вещами, идет в старом городе к антиквару, смотрит старые вещи, материю и упрекает его, что он ее плохо заштопал. Затем сегодня вечером в ванне Е.И. видела Лик М. и вокруг черные неприятные тени, которых лучом разил Учитель. После этого у нее все время были боли в сердце.

Е.И. рассказала, как Н.К., когда его учили в семь лет музыке, платили 5 р[ублей] за каждый раз, что он играл, и он не мог играть двумя руками разное, а лишь унисон. Потому и играл “Буренушку” и нашел хор из “Африканки”, где поется унисоном, и это играл. Мы смеялись до слез, тем более, что Н.К. удивительно музыкален и очень любит музыку.

Затем я пошла к Е.И. наверх и читала, сверяя, “Криптограммы [Востока]”, которые мы с ней начали вчера. Она мне еще раз объяснила, что движение идет спиралью, достигая верха, как бы вздохом, что и есть Дыхание Космоса. А в момент совершения спирали, нисходящей книзу для оборота, наш *конечный космос* как бы совершает свою инволюцию. Возможно, что это и есть Пралайя, когда высшие духи, сохраняя сознание, бодрствуют на страже. Огонь — это и есть пространство, ибо есть бесконечный, основной элемент, проявляющийся во всем, т.е. в пространстве. Потому они — одно. Е.И. вспомнила, как она видела на месте Цайдама* древний город Атлантиды с красным быком на площади, старые улицы, дома с треугольной крышей, очень интересные постройки.

Говорит, что Юрий еще труднее Светика, он дипломат старой школы и ему надо пожить в мире одному, будет очень полезно.

К вечеру Е.И. читала мне Учение, ибо Учитель сказал, чтоб она мне устно его читала. Но кое-что мне можно записать. В Братстве Е.И. может пробыть не три года, а гораздо больше. Возможно, с 30-го года. Какая она дивная, высшая душа! Н.К. сидел, когда Е.И. читала мне.

12.X.28

Утром Е.И. опять себя чувствует плохо, спину ломит, колотье в сердце, и оно плохо работает. Видела черную пыль, желтые звезды, что означает предостережение, а вечером — черную звезду, что означает угрозу здоровью.

Утром я гуляла с Н.К. и говорили о Яруе и его обязательстве к “World Service” и Логв[ану]. Он утверждает, что Логван ему разрешил тратить все деньги и запретил иметь агентства. Мы решили ему сказать, чтобы он отдал отчет о ликвидации дела в Америку. Потом я пошла к Е.И. сверять “Криптограммы [Востока]”. Она говорила, как тяжело было в пути с Доктором и Полковником. Их неверие, страх за здоровье и [страх] смерти, мечта о пище; храбрыми и поддерживающими мужество всего стана явились Людмила и Рая. Оттого их и не любили Доктор и Полковник. Ему дано

сильное предостережение Сестрой О[риолой] (Жанной д'Арк, которую он, Тальбот, вел на костер и предал). Е.И. была так больна в пути, так мучилась и все же видела опыт фохата; но М. настаивал: не стоять на месте, а передвигаться. Однажды Юрий настоял не двигаться, и они остались. Между тем атмосфера была губительна для Е.И.

Затем Е.И. жалела, что Франсис такая ревнивая, просила, чтобы я ей не читала то, что я переписываю от Е.И., особенно от 2-го ноября. Также не дала перевести, чтобы я никому не говорила о ужасном сроке [в 19]77 году, ибо все наши падут духом и не будут столь интенсивно работать. Е.И. говорила, что мы должны каждый отдельно читать Учение и развивать сознание, но не собираться для этого вместе — лишь для общих бесед о прочитанном уже после штудирования.

Было Указано: каждый должен работать сам над Учением. Затем Е.И. мне читала много из Учения — развертывание плана, Указ на оставление Тибета, подготовка к новой столице, Указы Доктору и Полковнику — первый может быть в Сибири и работать там, даже его здоровье улучшится. Затем я перевела с Юрием тибетскую газету об экспедиции Н.К. Прекуръезная вещь! После ланча читали “Криптограммы [Востока]”, вначале одни, затем с Франсис и Н.К. Продолжали чтение после чая — до 6-ти. <...>

Е.И. говорила вечером, что любила разучивать Бетховена, но больше любила других, более эмоциональных композиторов. Она любит арию Вотана и Брунгильды в последнем акте “Валькирии”. Любит “Марш Грааля” и “Парсифаль”, “Пеллеаса и Мелизанду” Дебюсси, “Хованщину” Мусоргского и “Бориса Годунова” [в исполнении] Шаляпина.

Сказано, что Смирнов и Баранов будут привлечены к будущей работе, ибо музыка будет необходима.

13.X.28

С утра Е.И. опять нехорошо: тошнота, слюна идет — от сердца. Утром говорили с Н.К. о Яруе, всё думаем, как конкретно выяснить его отношение и обязательства к Америке. Потом говорили с ним, но он все отрицает и путает. Вышло, что он во всем прав. <...> Решили, чтобы он составил отчет хотя бы приблизительно и рассчитал, что он морально считает долгом Америке и как он хочет устроить свой платеж. Увидим, что он составит, но все это довольно безнадежно. Одно ясно: из своего жалования он не желает платить. Е.И. тоже была при разговоре. Она говорит, что таким людям, как Яруя, надо давать суровые указы и держать их в руках. Она нам прочла, что было сказано в 1923 году Яруе в Сент-Морице: прорубить окно в Рос[сию] — быть смелее, быть смелым! Но ничего из этого не было им сделано. После ланча мы кончали “Криптограммы [Востока]”, затем добавили еще страницы к “Агни-Йоге”. Н.К. сказал, что авторские права на “Агни-Йогу” и “Криптограммы [Востока]” должна взять Франсис. Обложка для “Агни-Йоги” *синяя*, “Криптограмм [Востока]” — *зеленая*. Из “Криптограмм [Востока]” можно печатать отдельными легендами в газете или целым собранием в газетах, журналах, по совету Н.К. Где нужно подписать имя Жозефина Сент-Илер, а где — не нужно. Это была молодая монахиня, жившая после немецкого воплощения Ядвиги (Е.И.). Затем Е.И. была музыкантшей в Голландии — Гертрудой Гедде — и имела большую семью. В древности она была жрецом Удралом — женщины не могли быть жрецами, но она скрыла свой пол и была жрецом до старости.

После чая мы упаковывали ящик для Кор[она] М[унди]. Затем беседовала с Н.К. о Кор[она] Мунди и важности хорошего коммивояжера. Затем, что надо быть

очень осторожным и не дать возможность Шугарману и Ловенштейну влезть и знать внутреннее состояние Учреждений.

Е.И. слышала голос К.Х., который очень сильно ей сказал: “Сама купи, сама посмотри”. Е.И. говорила, какую огромную жертву принес М.М., оставаясь добровольно по выбору около трехсот лет на этой Земле. Тогда как другие Высокие Духи уходят на другие планеты. Е.И. просила не говорить никому, что Брат уйдет на Венеру в знаменательном году. Майтрейя дает направление и созидание Своей Эре. Тогда как Будда приносит синтез Знания и Учения. Майтрейя имеет наиболее сильную и важную задачу.

14.X.28

Сегодня утром гуляли с Н.К. <...> Он сказал, что [нужно] написать Смирнову и Баранову — пусть изучают Учение, расширяют сознание, работают дальше и глубже по их специальностям и что в будущей научной станции на Гималаях и по их отделам будет работа и в будущем и они смогут приложить свой труд. Послать на имя Рупы для них Книги. С Бабенчик[овым] не переписываться. С Каем* — если он напишет, [но] самой не писать. Б.К., если он напишет об “Ур”, сказать, чтобы представил полный хозяйственный план, а также все санкции прав., проект, куда и как вывозить асбест и другие предметы и стоимость вывоза. Если спросят деньги, сказать, что амер[иканцам] надоело давать на неудачные дела и если пришлют конкретный подписанный план с санкцией, тогда увидим. О “Б[елухе]”, если он спросит, сказать, что пока ее не собираемся трогать, но в будущем. Просить у него официальное письмо на оставленные у него картины “Пантелеймон [целитель]” и “Валькирию” — когда он их вышлет. За эскизы ему ничего не платить, ибо это вещи Е.И. и значатся так по монографии 1916 г. Написать позднее в Общество Поощрения Худ[ожеств], запрашивая о картинах Н.К., а также о дарах его в Музей — что с ними сделалось? Нам собираться для собраний раз в две недели и отдельно для каждого Учреждения. Я — докладчик по М[астер] И[нституту], ибо мне он доверен. Если я предлагаю меру, а другие против, я все же имею заключительный голос и могу решить своим предложением, при этом занеся в протокол оппозицию большинства и мое настояние на решении. Пусть я несу ответственность. Так и все, каждый по своей работе. В Школе следить за всем — не сквозит ли из окна, входить во все интересы учащихся. Учителей искать широко, всеми мерами, всеми путями. Так говорил Н.К.

Затем я пошла к Е.И. У нее переписывала данное ей Учение и пророчества. Затем беседовала с ней. Пока она мне говорит, чтобы я употребила все мысли на Дом и Школу — это самое важное. Даже на время не ходила изучать госпитали, школы, как было мне Сказано, а сделала это позже, когда все наладится со Школой и Домом. Затем углубиться в Учение — знать его прекрасно, уметь прилагать в жизни, всегда цитировать, прилагая ко всему, выписать все касающееся музыки, искусства и применять его в моей специальности и со всеми и всем в жизни. Это главная работа.

Затем Е.И. очень понравились мои мысли о новых идеях преподавания музыки, новыми путями, вливая новое содержание и дух в музыку, не идя лишь технически, путем одного пианизма, устарелыми приемами. Е.И. согласна, что Шопен и Шуман устарели и их невозможно изучать и играть, что Шуберт свежее и ближе нам. Баха понимать не по мертвой форме, а искать его великий дух и человечно передавать его. Идти новыми — Скрябин, Дебюсси, Равель, Франк — их изучать. Ибо мало книг по новым мыслям преподавания, опять черпать из Учения — оно даст подход и новые мысли. Нельзя заключать детей и учащихся в клетки,

навязывая им уже сложенные формы — узкие, но дать им весь мир и указать на свободу в нем для духа и созидания. Всегда вливать новое содержание — синтез накоплений — в понятные формы. Это очень понравилось Е.И., и она вполне согласилась со мной. Говорила, что мы должны создать оркестр из учеников, который бы разучивал оперы, симфонии, камерную музыку — это так важно.

Вечером мои мысли были одобрены в Беседе. Затем Е.И. мне читала Учение, позволяя копировать кое-что. Сказала, чтобы я не переводила по-английски. <...>

Е.И. говорит, что все Учение, данное нам с самого начала, и есть Агни-Йога — все, не только новая книга. Но людям надо давать вначале, привлекая радостью, красотой Учения, доставляя свет, внося в жизнь радость. Не их тянуть приходится за Учением, а наоборот, так им его давать, чтобы они мечтали приходить и получать его. Так делала Е.И. Не говорить о гибели планеты никому, ибо руки у многих опустятся. Но говорить о болезни планеты, бросить постепенно, начиная с “Огонь Земли пробиться хочет” о болезни и состоянии планеты. Не быть нам в изоляции, искать людей, беседовать с ними, но не ужины и обеды устраивать для них, а близкие беседы.

Е.И. рассказала мне и читала много своих снов и воплощений. “Была женой умного индуса в Ладаке, тогда принадлежавшем Тибету. Порума (Дзонг тогда по имени) была ее дочерью и умерла рано. Е.И. была казнена тогда. Ядвигой она была феодалкой. Но “Дездемоной”, как ее называли в Братстве, была тоже при немецком воплощении, когда была племянницей герцога Тирольского (врага) и была сожжена на костре из-за несправедливого обвинения”. Я была из рода Чингиз-хана — ханша Смарагда в Монголии.

Полет Е.И. над пустыней — внизу кактусы разных форм и цветов выглядят как змеи. Е.И. должна найти цветок алоэ. Летит обыкновенно Е.И. прямо, как человек стоя, без малейших движений телом и, лишь когда хочет выше подняться, делает еле уловимое внутреннее движение в теле и сразу поднимается. Когда попадает в магнитные токи, ее наклоняет и ей трудно держать баланс. На Венере Е.И. лишь видела рыб и птиц — последних изумительного оперения и красок. Животных там нет. Когда летела в пространстве, видя Землю, она была окружена серо-желтой аурой, вся как бы окружена грязно-серой, желтой тяжелой атмосферой. Около Докиуда и подобных мест атмосфера, конечно, иная. Но когда она однажды с учениками Братства полетела в место, где произвели взрыв земных газов для разрядки, ей стало дурно и она не могла там быть. А утром встала больной. Когда у нее пламя в горле и взрыв комка нервов — это всегда признак заболевания. Мастер К.Х. ее всегда лечит, ибо благодаря астралу может быстрее к ней направиться. <...>

Н.К. еще сказал, что [надо] сохранить с Тарух[аном] лучшие отношения. Он будет полезен в будущей “Белухе”. Если в газетах или, главным образом, частно пройдет слух, что Н.К. советский подданный, сказать, что он давно америк[анский] подданный, вынув первые бумаги в самом начале. Затем, если все же обвинят в печати, ответить иронической заметкой, что масса стран считает его своим подданным, как-то: Швеция, Норвегия, Финляндия, Германия, Латвия, Франция и так далее. Кроме того, он был похоронен уже два раза. Вот пусть и доказывают о нем!

15.X.28

Сегодня утром я только вышла с Н.К. на прогулку и начала ему передавать мой вчерашний разговор с Яруей, как он подошел. Он опять начал крутить: Амер[ика] вызывала изобретателя и потому ответственна, но не они в Риге. Н.К. очень был

недоволен, велел ему говорить тише, не кричать во весь голос (это было в лесу на поляне), сказал, что когда он говорит, [то] лучше бы не крутил, а держался того, что говорит. Затем, что после 27 лет никто не юн, а вам 30 лет и пора осознать, что делаешь. Вы все это устроили, Амер[ика] вас знает, вы и ответственные. Одним словом, решено, что Амер[ика] заплатит за издержки адвокату, но не за расходы изобретателя на проживание. За это заплатит Рига, т.е. Лукин, о чем и послана телеграмма в Амер[ику]. Но Н.К. был очень возмущен.

Затем я прошла к Е.И. и с ней говорила. Е.И. очень огорчена Яруей. Она говорит, что Учитель редко кого упрекает в пространстве, а тут Он недавно сказал с такой болью: “Яруя! Яруя!” И эта боль моментально отразилась в ее сердце. Затем она говорит, что, конечно, Логв[ан] не должен считать, [что] если 12 000 \$ не принесли ничего, а пропали в World Service, это значит, что они должны ему сейчас и вернуться. Это его духовно опустит. Технически все вернется к нему в определенном времени, но сожалеть и ждать сейчас возвращения при знании Учения невозможно. Е.И. вспоминала, каким подвижным и более ищущим был Яруя в Лонд[оне] при ужасном материальном положении, питаюсь лишь хлебом и чаем и повсюду шагая пешком, не имея [денег] даже на трамвай. Чуть ему дали возможности, сейчас все распустилось. Как это грустно! Е.И. говорит, что все повсюду думают о богатстве Америки и рассчитывают на него. Затем Е.И. удивлена, что Пор[ума] не пишет все время. Они отсюда не должны писать, ибо Указано. А нашим в Амер[ике], с одной стороны, это испытание, а с другой — отсюда письма будут все реже, ибо лишь в случае значительности и нужды они будут писаться, не иначе. Когда письма пишутся часто, их кладут в корзину и забывают. А в редких случаях получения письма больше думают о нем. Кроме того, когда они уйдут, вообще не будет сообщений, и мы должны быть к этому приучены. Затем Е.И. говорила, что мы должны понять, что мы им самые близкие, и не ждать вновь уверений в любви и близости. Это уже теперь смешно и не нужно. И им вначале М. говорил: “Родные, дети мои, родная!” А теперь другая пора, и это больше не является нужным.

Смотрели палатки и заказывали для отъезда кровати, складные стулья, столы и так далее. Днем все работали. Е.И. плохо себя чувствует, пошла лечь, у нее все время тошнота, сердце почти не работает. Чувствует как бы открытую рану в сердце. Мы все очень взволнованы и огорчены за Дом — ибо чувствуем, что архитекторы их обходят. Также, что они никогда не дали письменно [сумму], сколько будет стоить здание. А ведь без этого они могут строить до облаков, как сказал Н.К., и все время повышать стоимость постройки. Решили послать им телеграмму с запросом по этому поводу, но были остановлены М. Ибо Логв[ан] очень удручен, Е.И. видела его позавчера и сегодня очень несчастным. Послали ему бодрящую телеграмму. Также, хотя Е.И. и предложила взять половину расходов по изобретателю на себя, я предложила разделить между всеми, на что она и Н.К. согласились. Сегодня Е.И. ласкала меня, поцеловала и сказала: “Славный мой сотрудник!” Вот она все понимает! И Н.К. так хорошо смотрит на меня, и руку на плечо положит, и подшучивает. Чувствую с радостью, что они меня любят. Свет[ик] называет меня крокодиллом, и все забавляются этим.

16.X.28

Сегодня утром Е.И. опять плохо себя чувствует — уже четвертый день, даже больше, колотье в спине, сердце, тошнота. Очень плохо ей было ночью. Смеяться трудно — колет сердце точно иглами. Начать говорить трудно, а потом немного расходится. В общем, очень ослабела, видно, страдает, бедная. Еле сидит с нами за

столом. Видела она к утру три сна: первый, что она летела в Амер[ику], ей было очень трудно. Она думала, что не долетит, но все же она очутилась у Порумы и начала ей говорить, что прежде чем возжечь внешний свет, надо возжечь внутренний, и только тогда приходит внешнее озарение. При этом она ей показала как бы аппарат вроде маленького рояля и зажгла внутри свет, и все извне сразу загорелось. Та ее слушала с недоверчивой улыбкой. Затем выбежала Ориола и радостно ее приветствовала.

Второй сон: она очутилась в темном помещении, очень большом, где ей надо было охранять ребенка, близкого ей, не знает какого, но это будто был символ. Там же были разные люди, очень темные и гадкие, которые готовили нападение на ребенка, и она подумала, как же она сможет охранять его и днем и ночью, ибо ночью на нее эти люди нападут. Она увидела через окно Н.К. и Свет[ика] и позвала их. Прошли Н.К. и Свет[ик], и она ушла и сразу потом очутилась в большем помещении Мистического Братства, где было собрание будто розенкрейцеров. Лиц не было видно, и [они] сидели у стола, все закованные в сталь. Их председатель, в зеленом кафтане, меховой шапке, черные длинные волосы, высокий, стройный, стоял впереди. Она подумала, что Н.К. нужно быть здесь. Позвала его, втокнула в круг. Они все встали и вытянули правую руку, и он тоже вытянул правую руку и со всеми вместе приносил присягу. Это было третьим сном. Как бы три картины.

Е.И. на высотах имела пульс 145 — что самое ужасное, человек не может жить [при таком пульсе]. Продолжалось это около недели. Сильные перебои в сердце, и оно каждый раз совершенно останавливалось. У Н.К. пульс был [один] раз 140, но он себя так плохо не чувствовал.

Сегодня днем беседовали с Н.К. о Корона М[унди], решили, что хорошо было бы продавать акции для привлечения нового капитала. Помогло бы принятие хорошего коммивояжера и расширение дела К[орона] М[унди] Затем также хорошо было бы начать кампанию для Учреждений в Нью-Йорке теперь, в ноябре. Пойти к хорошему устроителю кампаний. Но мы решили все эти вопросы спросить. Утром мы с Н.К. составляли Устав корпорации научной станции. <...> Послали подробную телеграмму домой с планом одной библиотеки и простых стен без полок для конференц-зала. Также, что делим издержки, авансированные изобретателю Логваном. И в конце подбодрили их верой в успех дел. Затем Н.К. велел Яруе послать телегр[амму] в Ригу, чтобы Полковник не принимал решения до получения письма отсюда. Ибо, судя по письму, полученному Яруей от Е.А., тот написал миссис Вебес, что должен уехать и посвятить себя священству. А она совсем убита [этим]. Н.К. главным образом хочет его спасти от католицизма. Конечно, жаль ее, Е.И. говорит, что он [Яруя] такой трудный и в своих внешних проявлениях, и внутренне, хотя и имеет стремление к красоте и преданность Учителю.

Е.И. опять говорила, как важно развивать в детях концентрацию и умение четко мыслить и наблюдать. <...> Мы выписали для Е.И. земляничный чай из Парижа. Очень полезно для сердца. Е.И. выразила желание прочесть “Алису в стране чудес”, ибо Мастер К.Х. одобрил эту книгу, сказав, что таких книг должно быть написано побольше.

[Некоторые средства, рекомендуемые Учением.] Теплое молоко, валериан, мята. Лакрица, алоэ (сделать отвар из листьев и пить) — помогает от чахотки. Смолу использовать осторожно. Мускус (полезен для гланд). Холодное молоко для горла, также молоко и валериан или сода от простуды. Мадам Р[ерих] ест салат из помидоров; салат-латук ест мало, со сметаной — сметаны много. Это ее обед. Ей также было сказано есть творог и сметану.

Утром ездила верхом с Юрием — очень хорошо, но [испытывала] чувство, будто сегодня решится, что нам здесь недолго быть и в Кулу мы не поедem. Приехали домой, беседовали о Южн[ой] Амер[ике], о том, что брат Франсис может быть полезным. Н.К. вполне согласен с этим. Затем говорили о матери Франсис и также говорили о родителях и родственниках. Н.К. говорил, что глупо поступать резко с родителями, все равно чьими — Модры, Луиса, моего кузена и многих тех, которые теперь нам враги, а могли бы быть друзьями и даже полезными, если бы мы их видели изредка, но не избегали, как чумы. Ибо, как сказал Н.К., в самой даже скверной лавочке есть один хороший предмет. Поэтому от всех и всего можно получить пользу.

Возьмем Сильверстейна. Он любит говорить и хочет, чтоб его слушали не прерывая, и поэтому и его надо иногда видеть и слушать его вздор. А в это время пусть наш мозг думает о чем-то другом и делает творческую работу. Как Н.К. говорил о Нечаеве-Мальцеве, который каждые два дня приходил к Н.К. и говорил длинный и скучный вздор два часа. А Н.К. в это время творил мысленно картину и потом говорил [Нечаеву]-Мальцеву, когда тот его спросил, когда он работает и пишет, если он так занят: “Да вы, мой друг, вы приходите — я отдыхаю и создаю мои картины”. Так нужно все превращать в полезное действие. Но не отгонять никого, ведь нельзя знать, кого может этот человек нам привести. Главное же — забыть о раздражении, нетерпимости и не позволять себе ссор и раздражения с близкими. Лучше бросать разговор и уходить, бросать заседание, но не продолжать. Это тоже сказала Е.И. вечером. Ибо М.М. когда-нибудь скажет: “Больше не буду помогать!” Нет, не можем мы больше продолжать [так], как шли до сих пор!

Днем была миссис Финч, очень славная, купили чудный старый храм и раму для стен конференц-зала, непальской работы, очень старая, музейный экспонат. Днем поехали в школу с Франсис установить фонари и слайды. Вечером дивное Послание, но, как я давно [пред]чувствовала, мы не едем в Кулу, нам нужно через две недели ехать домой, ибо мы нужны в Амер[ике], а они [Рерихи] уедут в декабре в Симлу, а в марте — [в] Кулу.

Е.И. чудно говорила Франсис, какая у нее задача и миссия путешествовать, нести весть и быть вестником Нового Синдиката и всех Учреждений в Южн[ой] Амер[ике]. И она, и Н.К. дают ей мужество, бодрость и веру в себя. Они усиленно это делают, именно [для того], чтобы она этим прониклась и выполнила свой долг и работу в будущем.

Мне Е.И. сказала, что у меня огромная задача быть напоминателем о раздражении всем. Выписать красными чернилами сказочку о животных и всегда во всех случаях раздражения припоминать и показывать ее!

18.X.28

Утром послали ряд телеграмм и писем. Затем составили с Н.К. ряд вопросов к Шкляверу, а также для интервью, говорили и записали ряд мыслей для церемонии закладки Краеугольного Камня, говорили о визите к сенатору Бора и как с ним говорить, когда поедem [к нему] с Логв[аном]. Логв[ан] не должен с ним говорить, а мы — [должны говорить] о Тибете и отношении к экспедиции, что продолжаем расследование, хотя и не получили от него (тибетского правительства) ответа на наши запросы. Возможно, Крейн даст рекомендации в Вашингтон Бора и другим лицам. Перед самым завтраком немного работали и после завтрака — читали вновь сорок стран[иц] “Агни-Йоги”. <...>

Е.И. говорила, что долго думала о раздражении и ссорах в Круге и даже утром начала писать письмо к нашим об этом. Не спала ночью, но чувствует себя хорошо.

Затем она говорила о своем воплощении, когда была монахиней (дочерью Будды). Тогда она была названа Урусвати Учителем (бывшим тогда Майтри).

19.X.28

<...> Сегодня утром клеила номера на храмы для К[орона] М[унди], затем писали вместе с Н.К. письма, а немного погодя пошли к Е.И., чтобы она нам диктовала Учение. Е.И. начала со мной беседовать до прихода Франсис. Она рада, что Свет[ик] остается и начнет работать здесь, но знает, что он ее будет мучить.

Затем мы говорили о том, что при осознании ответственности все же ценно принимать советы и мнение другого. Если другой знает и говорит из [своего] опыта, быть открытым и не отвергать, а взвесить и решить, лучше это или нет. Иногда человек не может видеть вашими глазами и даже сделает по-своему — труднее, но понятнее для себя. А иногда, если принудить человека сделать что-либо, он, не понимая и не желая, сделает так, что в результате выйдет хуже. Поэтому, заключила Е.И.: “Не принуждайте, не заставляйте, но советуйте”. Как говорит Учитель: “Я не настаиваю, но советую”. Пусть это будет для нас правилом. Не принявший разумного совета все равно получит свой урок. А мы должны избавиться от раздражения окончательно. Это будет одним из путей.

Затем Е.И. читала Учение. При этом разговоре была и Франсис. Е.И. прочла, что одно воплощение Учителя, когда он был Щаги, было в III веке до Р.Х. в земле Готл — теперешнем Тибете. Он был предводителем народа, она была Его сестрой. Через 47 лет Он воплотился в Ал[лал]-Минг[а]. В X веке до Р.Х. Он был предводителем племени, и Его Имя было, как и теперь. Сен-Жермен, говорила Е.И., должен был бросить идею Общины именно в эпоху Людовика, и три понятия: Свобода, Равенство, Братство — именно были даны, чтобы дать идею о Братстве. Конечно, идея позже вылилась в безобразную форму, но дать ее было нужно. Мастер Ракоци, на свою ответственность, также внушал Наполеону идею о Штатах Европы. Конечно, мысль не была о том, чтобы достигнуть этого войной. Ошибка Наполеона состояла в том, что он не удержал данного ему Камня, расстался с Жозефиной, чего не должен был делать, и напал на Россию вместо того, чтобы сделать из нее союзника. Не все Братство приняло эту идею, но Мастер Ракоци. Конечно, и теперь люди могут увидеть, что если Наполеон желал объединить Европу в Штаты, то теперь это можно сделать без войны. Но тогда была мысль устроить также Штаты Азии, так разделив мир.

Идея сохранения одного кресла нетронутым для Учителя существовала во многих религиях. <...>

20.X.28

Утром писала под диктовку Н.К. меморандум для Бора, посылала приглашения на лекцию Франсис, звонила по телефону. Не читали с Е.И. После ланча сели читать — я читала за Франсис, чтобы она не утомила свое горло. Н.К. и Е.И. следили по русской книге.

В 4 часа уже оделись и поехали с Чаттерджи и Яруей на лекцию в Queens Hill School, а Е.И. и Юрий приехали позже во втором автомобиле. Публика неважная — миссионеры и ученики школы и учителя. Читала Франсис отчетливо, красиво, спокойно. Опять изумительный случай со слайдами и электричеством. Оно потухло, и надо было поправлять его, чтобы продолжать лекцию и показать слайды. Всегда темные стараются на лекциях о Н.К. испортить электричество. Как Е.И. сказала: “Зная это, надо нам всегда и всюду осматривать провода и электричество”.

Е.И. сказала, что Франсис нужно больше говорить о самой картине: указать на снег, воду, облака, подробно рассказать легенду. Показывая “И мы открываем Врата”, надо рассказать эпизод с нашим Музеем, когда мальчик плакал и просил маму: “Я хочу туда”, желая войти в эти врата. Затем, говоря о Майтрейе, упомянуть Мессию и этот символ во всех религиях. Надо было больше говорить о Христе. Но в общем Е.И. понравилась лекция. Франсис же, чувствуя, что могла говорить лучше (хотя акустика зала была ужасная), рыдала, когда мы пришли домой. Я ее утешала. Учусь от Е.И. ее жалеть, ибо она ее жалеет и ласкает.

Н.К. дал две темы для лекции: “Heart of Asia” [“Сердце Азии”] и “Message of Asia” [“Послание Азии”]. Если Фикинс захочет другое название, согласиться, ибо все равно Н.К. будет говорить на свою тему. Конечно, если он будет требовать особенного названия, можно телеграфировать Н.К. Если пожелает непременно начать турне в ноябре, придется согласиться. Юрий может быть и в другом лекционном бюро и читать лекции в разное время и [в] других городах. Меморандум дать Бора лично в руки с докладом. При этом говорить [так], как намечено на другой стороне меморандума.

Е.И. говорит, что в “Чаше нераспесканной”* надо говорить про [изображенную] фигуру: “саньяси”, а не “монах”.

21.X.28

Е.И. сегодня читала Учение и там прочла, как Учитель сказал: “Радна воскликнула — бедная Е.И.! Да, Радна беспокоится”. Утром Н.К. диктовал мне свою статью “Урусвати”, которую закончили. До того я с Юрием ездила верхом. Вчера тоже ездила. В общем три раза за все время, ибо не было времени. Я езжу уже лучше.

Сегодня дивный вид был на Канченджангу и все горы.

Затем пришла Е.И., и мы все начали читать “Агни-Йогу”. Я сказала Е.И. при Н.К. о том, что я ей посылала вчера духовную посылку. Она удивилась, что не получила. Н.К. сказал: зачем было посылать, если ее можно было увидеть, — и был прав, ибо было Подтверждено вечером. После обеда мы дочитали двадцать страниц, и я открыла Е.И. свою душу. Она меня поняла, сказала, что лик, виденный ею, был не мой, а Юрия. Что она замечала тяготу и потому вчера меня ласкала. Но что она жалеет и усиленно выказывает любовь Франсис, ибо хочет ее поднять. Она бедная, у нее никого нет. У меня есть две опоры — мама, Нуця, преданные мне, а у нее — никого. Ее нужно жалеть и помочь ей во всем. У нее есть бесспорный талант говорить, писать, тонкость схватывания выражения, смысла, культура. Она не проникнута духом Учения, не горит, может бездействовать, опять быть забывчивой. Но у нее есть ответственность, и ей дана большая задача. Второй приезд ее к Н.К. и Е.И. будет другим, завися от того, как она выполнит данное ей. Я обещала Е.И. поддержать Франсис и вообще показать собою другой лик, перемену во мне.

Е.И. говорила, что [надо] бросить разговоры о прошлом, ибо это изжито, мы знаем друг друга и наши недостатки, нечего о них говорить. Мы живем для будущего. И упорно говорить о раздражении, приводя указы Учителя. Иначе мы развалим дела и погибнем. После Е.И. меня долго обнимала и целовала, называя сотрудником, которая понимает и так близка с ней духовно. Н.К. подошел и сказал, глядя на меня: “Он славный!” <...>

[Е.И.] Прочла изумительную весть о Бр[атстве] и укреплении места по плану Бр[ата] В[огана]. Затем свои видения кристалла материи люциды в виде столбика огня цвета электричества, но вибрирующего, продолжалось [это] 20 минут при открытых глазах. Затем видение отложений грануляции империла. Затем видение

учебной поездки в Ледовитом океане с М.М. и ныряние в глубину Индийского океана, где видела, как разъедена наша Земля. Вечером гуляли, смотрели на Юпитер, который очень ярк здесь. На нем теперь Платон, Вивекананда и Ананда. Е.И. говорила, что на Венере люди живут в уплотненном астрале до 40 лет, затем дезинтегрируются, а дети появляются, соответствуя нашему семилетнему [возрасту] на Земле. Затем, чтобы иметь ребенка, мужчина и женщина вызывают энергию пространства и, фиксируя взор, создают новое существо.

Е.И. рассказала, что Людмила пришла к ней и сказала, что она тоже хочет дать часть своих денег на Новый Город. Е.И. ей сказала, что она очень ценит ее желание, но пусть подождет еще лет десять, не нужны ли будут ей деньги за это время, а потом она сможет дать. Так и нам велела — всегда раньше испытывать людей, иметь с ними терпение, а не сразу на все соглашаться, ибо многое меняется.

Если будут говорить, что в прошлом было Указано и записано другое, а теперь меняется, сказать, что Учение — это жизнь и каждый раз поворачивает нам свой лик другим, и мы должны повернуться соответственно.

Е.И. говорила о своей скорой смерти, ибо вчера Сказано ей: “Твоя смерть за плечами!” Она думает, что через два года она уже сможет покинуть физическое тело для своей миссии и продолжать свою работу в астрале. Похороненной хочет [быть] по обычаю Атлантиды, то есть три дня не трогать, покрыв цветами, благовонными маслами и священным покрывалом. Из ламп образовать круг. Потом отнести тело в пещеру в нов[ый] гор[од] и сжечь. Ей давно было дано число ударов по количеству лет, сколько она будет жить, а потом *тихий плат**. Е.И. говорит, что ей не дано долго оставаться в физическом теле и она рада этому. Ей хочется избавиться от мучений физического тела и его тягости.

Н.К. говорил, что, когда они приедут, он хочет иметь две комнаты, спальню и небольшую гостиную [для себя], а Юрию дать отдельно комнату.

22.X.28

Сегодня утром отправляли телеграммы домой, затем отправились на пуджу* — религиозную церемонию в честь богини Кали. Пригласил нас Чаттерджи — поехали все, кроме Е.И. и Свет[ика]. Маленькое помещение — в нем совершенно балаганный образ со многими фигурами по бокам и позументами. Всё очень аляповато и грубо. Брамин очень гнусаво читал мантры, мы, женщины, могли войти, но мужчины стояли снаружи. Стояли в толпе индусок — многие абсолютно европейского типа, некоторые красиво молятся, складывая руки ладонями внутрь и отставляя большие пальцы вместе, прикладывая их ко лбу. Молитва продолжалась недолго. Мужчины, стоявшие около брамина, читавшего по книге мантры, все отвечали ему хором напев и бросали цветы к ногам образа. То же делали и женщины. Нам дали подношение из бананов и каких-то круглых лепешек из муки. Мы взяли. Затем каждому черпалкой из маленького тазика давали на ладонь грязную воду — все пили, затем прикладывали ко лбу, волосам. Мы не пили, но приложить ко рту пришлось. Миссис Финч, бывшая там, пила ее.

Затем мы поехали в Ашрам Вивекананды. Они строят помещение. <...> Н.К. пожертвовал 100 рупий на постройку. И на пуджу дал 12 рупий. Он повсюду дает — нам надо этому выучиться! Он говорил: “Как жаль, что нельзя хорошо и говорить о теперешних свами. Какие были сильные духи Вивекананда и Рамакришна и что теперь!” Да и говоря об Индии, надо вспомнить о Вивекананде, который, говоря об Индии своей ученице, на вопрос, что ей делать, ответил: “Любите Индию!” И в результате [только] и остается после посещения Индии любить Индию великого

внутреннего побуждения Учения Будды и великого прошлого. Поэтому надо, несмотря на настоящее, любить Индию всеми силами, несмотря ни на что.

Днем прочли тридцать страниц, начав их после возвращения с пуджи — Франсис и я чередуемся при чтении, тогда Е.И. и Н.К. следят за русским текстом, или же Е.И. и Франсис следят за английским, а я и Н.К. — за русским. Затем пришли пять человек из американской миссии — потеряно два часа. Потом читали пришедшую корреспонденцию. Думаем о выборе имени для отеля, ибо, как сказал Н.К., невозможно, чтобы Музей был в отеле, а [так] это и будет, если название будет одно, как, например, “Master Building”. Но говоря об Учреждении или же отеле и выпуская буклеты, [надо] всегда писать, что он в “Master Building”. Не могли еще придумать имени для отеля, хотя все думали. Е.И. сказала: “Нужно очень простое имя”. Н.К. говорит: “Что ты имеешь в виду — простое имя?.. Я живу в “Ездre”* в “Master Building”!” Страхно все смеялись.

Е.И. сказала, что мы не должны никому навязывать буддизм, вообще никакую религию. Надо очистить буддизм, сравнив его с чистым Учением. Это было сказано Е.И., говоря о миссионерах, ибо ей ужасна мысль об обращении кого-либо в какую-то религию.

23.X.28

Сегодня рано утром ездила с Юрием верхом — езжу гораздо лучше, чем раньше, выезжала уже несколько раз. Приехала, Н.К. диктовал мне письмо для наших, затем я собирала материалы, [чтобы] взять [их] с собой, затем мы кончали чтение, которое продолжили после ланча, работали над письмами, закончили чтение “Агни-Йоги” — возьмем обложку. “Криптограммы [Востока]” будут изданы как это пожелает издатель. Е.И. дала мне свое письмо домой к нашим. Долго искали название для Дома — выбрали ряд имен. Е.И. сказала, что Атлу было священным именем М[атери] Мира, а теперь имя Сестры: “атл” — древнейший корень.

Затем вечером после беседы Е.И. объяснила, что взаимоотношение энергий [идет] в следующем порядке:

Брама, или Парабрам[ан] — материя матрикс — фохат — материя люцида — психическая энергия.

Фохат — это мост между материей матрикс и материей люцидой, но вместе с тем они втроем составляют одно, ибо материя люцида входит как ингредиент в психическую энергию.

Е.И. очень огорчена тем, что Пор[ума] не переписала и не переводила с Ентой Учение, что у них нет Учения, что мы все его не знаем. Судя по вопросам, которые мы задаем, видно, как мало мы знаем. Детские вопросы — незнание! Е.И. мне сказала: “Вы должны указать другим на поддержание чувства достоинства к Учению, больше любви, бережности, желания сделать все достойно, даже в переписке страниц Учения”.

24.X.28

Уже три дня как Е.И. говорится о ее близкой смерти: “Смерть за плечами” — она должна готовиться. А по ночам ее лечит Учитель охлаждающим лучом. Сегодня утром писали с Н.К. Затем сошла Е.И., рассказала, что слышала вчера наши голоса и что мы хорошо беседовали (что было фактом, ибо мы беседовали до двух [часов ночи]), и посылала нам добрые стрелы. Затем она с нами беседовала о том, что мы должны всем говорить о необходимости избегать [раздражения] и следить за раздражением — именно в эту пору. Раньше нам была дана соизмеримость, но мы

ее не поняли. Вместо того чтоб тренировать хороших людей в Школе, Кор[она] Мунди, мы сами все делали — тащили ношу и пренебрегли Учением, ибо не изучали и не знаем его. А мы не можем идти дальше, не зная его. И очень просила нас Е.И. не поддаваться раздражению, ибо оно на нас нахлынет. Но всячески идти по Указу и не допускать его [раздражение]. Затем мы пошли сверять и кончили “Агни-Йогу”. Днем, после ланча, читали “Криптограммы [Востока]” и кончили их. Затем Е.И. читала нам Учение, и я записывала части его. Потом мы беседовали с ней немного, она просила (по моей просьбе) не говорить Пор[уме] и Енте о предстоящей катастрофе Земли, также не говорить Енте о том, что было о ней Сказано. Затем Н.К. пришел в мою комнату и мы немного беседовали до ужина.

После Беседы мы укладывали Ларец по Указу. Е.И. его вымыла, я высушила. Затем и Е.И., и Франсис вымыли 17 мексиканских долларов. На дно был положен пергамент, на него — печатное изображение Будды, поверх в синем шелке — изображение Учителя, сделанное Светиком, — очень хорошее. Тонкое удлиненное лицо, но выражение глаз, говорит Е.И., не совсем хорошо. Затем письмо, переписанное Юрием (пророчество, присланное Учителем). Это было положено в синий шелк и запечатано сургучом кольцом Н.К. Затем тибетская монетка, чудесно полученная во время Беседы пару недель назад, — тоже завернута в синий шелк и запечатана кольцом Н.К. Поверх положены два куска синего шелка, и наверх, в верхнее отделение, положено семнадцать монет в бумаге, тоже запечатанные сургучом. Пока Ларец еще не закрыт.

25.X.28

<...> Е.И. очень рада, что мы едем в Лондон, увидим музеи, редкие коллекции и, что очень важно, почувствуем атмосферу. К 4-м часам пошли втроем с Н.К. к миссис Финч на чай. Люди все те же, неинтересные, но пришел сэр Джагадиш Бос и долго и много говорил. Очень интересный человек, большой ученый, конечно, эгоцентричен, но многое говорил замечательно, как будто из Учения. Говорил, что любит сильных врагов, ибо потом они им же превращаются в друзей. Ибо он любит борьбу. А одобрение или порицание слабых людей ему не нужно. Говорил, что мы все тонем и нуждаемся в просвещении, которое начнется через искусство, науку, дух. Говорил, что во всех странах надо искать лишь лучшее, что его идеи интернациональны, что ученики должны искать учителя, а не он их. Очень увлекательно говорит. Около 70-ти лет, а живой, подвижный, питается психической энергией. На завтра пригласил меня и Франсис на чай и взять у него интервью.

Вечером Е.И. вспомнила, как она и Сестры О[риола] и П[хон По] летали под водой, видели затопленный город, дома с плоскими крышами, ей кажется, что на севере Сиб[ири]. Сестра О[риола] очень высокая, а вторая Сестра маленькая, и когда они опустились в воду, она сказала: “Вот видите, совсем не мокро”.

Большие перемены плана места. Е.И. думает, что многое из-за ее здоровья изменено. Ибо, когда ее теперь лечит Луч, который работает в такт с ее сердцем, — все время было хорошо, а недавно, когда Луч оторвался, — это болезненно отразилось на сердце, как бы ударило ее болезненно. <...>

26.X.28

<...> Затем [только] начали с Е.И. вставлять новые места в Книгу, как подошел мистер Харди, солиситор* — мы устраиваем доверенности для Н.К. и Яруи от нас и Учреждений.

После ланча закончили с Е.И. Книгу и поехали к сэру Джагадишу Босу. Живет в большом доме, богато, считаясь с индусским стилем. Очень много говорил о себе, показывал, как о нем замечательно пишут. Показал очень интересный опыт с уже увядшим листом, который положил стеблем в бутылочку со стимулятором — и лист на наших глазах [начал] оживать и выпрямляться, пока совсем не ожил. Он большой ученый, но уже стар, около 70-ти, и любит себя и свою славу до нелепости. Сидели до 6 [часов]. Пришли уставшими. <...> Мы понесли сэру Босу монографию в подарок и пригласили быть Почетным советником Музея, на что он согласился. От имени Н.К. сказали ему, что в станции будет питомник его имени. Он поблагодарил, сказал, что там идеальное место для известных растений и опытов на высоте 12 000 [футов].

27.X.28

Утром Н.К. диктовал мне вставку в книгу Шамбалы — “Light of the Desert” [“Свет Пустыни”]. Затем мы вставляли новые места в “Агни-Йогу” и “Криптограммы [Востока]”. Затем я с Е.И. и Н.К. прошли “Общину”, отмечая перемены для перевода на английский. Е.И. и Н.К. говорили со мной и просили указать Кругу на стр. 250-й в третьей Книге*, а также во второй, где говорится о монгольском кафтане*, если будут разговоры о переменах плана. Н.К. говорит, что есть вещи, которые не следует говорить. Затем, мы должны продолжать хвалить Поруму, веря в ее огромные силы, талант, самоотдачу, новые идеи во всем — искусстве, науке. Затем, то, что говорила ему Е.И., — правильно. 28-й и 29-е годы удачны, 30-й труднее, а 31-й еще труднее, и в стране затруднения, и у нас — вероятно, с Домом, как раз к тому времени, когда подспеют платежи. Н.К. говорит: “Когда мы наблюдаем процессию муравьев, мы не видим, когда один останавливается, ибо у него зуб болит, а у другого — нога. Мы многого и не видим, но общий план идет, а детали варьируются, ибо жизнь их вносит и свободная человеческая воля. Так мы должны расширять сознание и понимать Учение”.

Днем мы с Франсис и Е.И. читали Учение и я записывала его. Мастер Серапис был великим Платоном. Мастер Ракоци был Сен-Жерменом. Е.И. говорит, что Мастер Серапис, даже когда Блаватская сказала что-то, чего Мастер Серапис не говорил, не опроверг [сказанное], ибо хотел увеличить ее авторитет, который и так подрывался ее же сотрудниками. То же делал М.М. И вот в чем видна мудрость Иерарха. М.К.Х. иногда и говорил кое-что о М.М., чего не следовало тогда делать. И некоторые Его письма М.М. предложил Ему сжечь, но Тот отказался, ибо предпочитает полностью платить свою карму. Но Он был младшим Братом в Иерархии, а М.М. — старшим. Платон в [19]24-ом году ушел на Юпитер и до этого [события] следующим Владыкой Шамбалы был назначен М.М. Великий Платон был Им до того времени.

У Е.И. было видение — собрание неоплатоников* в школе — все в белом работали у низеньких столов, что-то записывая. Кто-то удивительно красивый, весь лучезарный был тоже — она его в первый раз видела и думает, что это М[астер] Илларион. Вечером, когда мы с Франсис тренировались одни, была чудесным образом принесена тибетская медная монета. Были очень сильные вибрации — они говорят: как в Лондоне.

Мы должны послать Е.И. шубу из антилопы на два номера больше моей меры и длиннее, а также книгу о жизни Оригена.

28.X.28

Утром немного беседовали с Е.И., а до того обсуждали с Н.К. содержание телеграммы домой. Н.К. настаивает, чтобы послали твердую телеграмму, настаивая не превышать первоначальную цифру, согласованную с архитекторами. Конечно, они уже ее превысили, но, может быть, получив эту телеграмму, они будут тверже, не соглашаясь на все перерасходы архитекторов, которые им скоро сядут на голову. Потом опять беседовали с Е.И. и Н.К. о том, что *собрания* должны быть *редкими*, записи прошлого собрания должны быть прочтены и все должно быть записано — все мнения: и за, и против, и кто именно [как голосовал]. Надо соблюдать достоинство на собрании, не тратить времени на глупости и шутки. Написать плакат — дисциплина, не раздражаться и соизмеримость. Это говорила Е.И. Хотя это было все сказано Н.К. несколько лет тому назад и привезено Авирахом в книгах.

В 11 часов утра мы поехали с Н.К. и Светиком на непальскую границу, по дороге в Сандак Пу. Там по этой дороге, возможно, позже они поедут выбирать место. Очень интересная деревня, старая ступа, грязь ужасная, и даже солдат нет — вот и вся непальская граница. Затем на обратном пути мы стали у скалы Гам. Там мы взобрались на самый верх и увидели место, где лежит пророчество. День очень туманный, пейзажа не могли видеть, а говорят, он изумителен. Затем поехали домой. К чаю пришла миссис Финч. <...>

Н.К. говорил, что, если Доктор напишет нам что-либо в Амер[ику] — прямо ему написать: пусть пришлет статью о “состоянии на высотах”, с медицинскими и научными наблюдениями, это будет интересно в Амер[ике]. Пусть даст материал, хотя это под сомнением, ибо когда он был с ними в экспедиции, он не наблюдал и не записывал, имея при этом все возможности собрать редкий материал.

29.X.28

Утром получили телеграмму, очень взволнованы. Херольд хочет иметь Брэгдона [в качестве] редактора. Запросили, сможет ли Франсис в дек[абре] читать гранки книги, а также [сообщили], что ничего против Брэгдона не имеем, если он не изменит стиль и смысл. Затем послали [совет], чтобы держались первоначального расчета в 1 590 000 \$, не меняя условий. Также, чтобы [из чего делать] пол, решали по прочности <...>, а двери и основание — по солидности (хотят из кирпича, чтоб все удешевить).

Затем привели в окончательный порядок “Агни-Йогу” и закончили ее. Затем Е.И. читала нам Учение и закончила. Рассказала, что Брат В[оган] работает в уплотненном астрале и при этом может работать с физическими аппаратами и что Он работает с Учителем. После ланча получили письма — по всему видно, что дома неладно. Логв[ан] пишет, что когда Дом будет готов, тогда будем знать его стоимость. Все в ужасе, говорят, что во всем мире берут расчеты раньше и заставляют архитекторов подписаться. Затем на присланных планах видно, что холл Музея имеет лишь 7 фут[ов] длины от вращающейся двери до лестницы. А ширина входной двери 5 фут[ов]. Послали им запрос по этому поводу. Н.К. и Е.И. очень огорчены перерасходом в 180 000 \$, а еще только начали [строить]! Е.И. говорила, что мы должны были настаивать на подписанной цифре расчетов архитекторами, и ни копейки больше, сказать — у нас нет [денег], и кончено.

После Беседы вечером Е.И. нас очень ласкала, обнимала, целовала и говорила: “Мои девочки, вам будет трудно! Как мне вас больше соединить? Главное — не ссориться, каждый в отдельности чудный человек и со мной все прелестны, а вместе грызутся!” Затем пошла с нами вниз и тоже говорила, чтобы мы держались вместе, внесли гармонию и стойко предупреждали о раздражении. Ибо Учитель сколько лет уже твердит. Ведь слова должны иметь силу, а они их слышат уже столько лет и

перестали даже обращать внимание. Долго она с нами говорила, просила дома дать пример, держаться вместе, сказала, что мы — два столба дел. Франсис своим писанием, а я во всех делах на страже, следя, чтобы ничто не было упущено. И вот мы должны быть вместе. А в заключение сказала, чтобы мы не представляли все себе столь ужасным, ибо так много прекрасного впереди и мы лишь должны открыть Учителю ход послать нам все благое — атомы и посылки, которые Он готов послать, а мы не допускаем к себе раздражением. Затем крепко нас обняла и поцеловала и оставила паковать наши вещи. Неужели она скоро уйдет от нас и мы больше не увидим этого лучезарного лика и сияющих глаз, полных высшей мудрости и знания?

*Ларец с реликвиями для закладки
в “краеугольный камень” основания высотного здания
Музея им. Н.К.Рериха в Нью-Йорке*

30.X.28

Сегоня утром паковали немного, затем показывала Юрию и Яруе, как работать с кинокамерой; Н.К. диктовал письмо Франсис для Зулоаги и Боса, потом к нам пришла Е.И. и помогла нам немного паковать. Она и это умеет чудесно делать. После ланча мы беседовали с Н.К. Он говорит, что Свят[ослав] ему сказал: “Как хорошо, что крокодил (это он меня так прозвал, и все это подхватили и очень любят) едет домой. Ведь он там очень нужен, ибо он единственный, который никого не боится, а умеет со всеми сильно и твердо говорить”. Н.К. и Е.И. оба как бы подтвердили мне это, что мне было очень радостно, хотя я им и сказала, что теперь чувствую себя иначе, нежели в прошлом. Ибо я говорила сильно, но и кусала и набрасывалась на людей, а теперь этой тактикой дальше идти нельзя. Наоборот, всеми силами избегать раздражения и ссор и осторожно и умело говорить, что нужно.

Н.К. очень понравилось, когда я ему сказала, что у меня была идея, чтобы Логван одолжил деньги у нескольких банков, как он это сделал в одном банке для “Ур”. Затем я и Франсис поехали к мистеру Харди подписывать наши доверенности, которые мы здесь даем Н.К. и Яруе от нас и Учреждений.

Затем мы поехали в город искать материю и чашечки, лампадки для меня, но не нашли! Приехали поздно, очень усталые. За ужином Е.И. говорила, как она не любит Дарджилинг и хочет устроиться в Кулу, но придется иметь и около Фалюта место, в резерве. Вечером после Беседы Яруей была найдена на полу монетка, принесенная чудесно. Тибетская. Уже четвертая монетка приносится при нас в вечерних Беседах, причем Е.И. оставляет или маленькое окно, или камин открытым.

Сегодня вечером мы вкладывали последнюю монетку в Ларец, ту, которая принесена в Лондоне. Ее тоже вложили в шелк и запечатали сургучом и кольцом Н.К. Затем внутри Ларец выложили шелком и закрыли на ключ, а ключ Е.И. вынула. Затем она весь Ларец протерла вазелином на ватке, ибо это лучше всего чистит

железо. Если спросят на границе, сказать, что везем старый ларец, купленный для закладки в основание дома. Купили закрытым, в нем ничего нет.

Значит, в нем лежат: напечатанное на тибетской бумаге изображение Майтрейи; портрет М.М.; Его письмо; монетка, принесенная здесь; семнадцать мексиканских долларов и монетка, данная в Лондоне. Все это покрыто внутри синим шелком и было закрыто сегодня, 30-го октября 1928 г., в Дарджилинге в “Hillsid’e”.

Е.И. просила ей ни шубы, ничего другого не посылать. Когда приедет Н.К., тогда она с ним перешлет список нужных ей вещей. Е.И. послала для мамы кашмирскую шаль и белое кружево, а для Мэри — шелковую шаль и цветные платочки.

31.X.28

Порума была не тибеткой, а кашмиркой в Ладаке, дочерью Е.И., когда она была замужем за индусом. Ее звали Дзанг, и она умерла 13-ти лет. Сказать Поруме.

С утра все время были с Н.К. и Е.И. Печатали портреты Учителя. Разводили в ванночке с тепловатой водой кристаллы Nipor. Негативы накладывали в рамочку, закрывали на печатную бумагу и выставляли на солнце, пока не чернело почти совсем, затем вынимали отпечатанную бумагу и клали на пятнадцать минут в ванночку, а потом в миску под воду из-под крана на один час. Затем вынимали и вешали на кнопке сушить, а потом выравнивали в книге.

Е.И. все время обнимает и целует нас, говоря, что не может поверить, что мы так скоро уезжаем, ибо время буквально промчалось. В 12 часов пришел Харди и мы подписали все доверенности. После ланча опять сидели с Е.И. и Н.К. (Немного начали переводить с Н.К. “Гайятри”, но бросили, ибо все хотели беседовать.) Н.К. и Е.И. говорят, что кампания для сбора денег должна быть со всех сторон — и большим менеджером, и лично нами, и клубами и друзьями, и [должна] быть все время, а не вдруг прекратиться.

Научная станция очень поможет кампании. Е.И. говорит, что я ничего не боюсь и должна бороться, что много тяготы на моих плечах, но мы должны верить в будущее, и Учитель нам поможет. Все время Е.И. целует и обнимает меня и Франсис. Говорила, что этой ночью ей опять было Сказано, что она готова к смерти. Она не понимает этого, ибо как она выполнит поручение; она не думает, что сможет выполнять работу для Земли в уплотненном астрале. А Указания на ее смерть идут все время. Неужели это последний раз, что мы ее видим? Ибо она не знает, когда мы вновь увидимся! Не знаю, что и думать. Целый день мы с ней вместе. Она нас просит быть ее столбиками дел и показать пример, не раздражаться. Просит нас смотреть, не волнуясь, в будущее, веря в Учителя и не внося раздражение в дела.

После Беседы вечером (я получила монету, и одна есть для Порумы. Я так счастлива, что мне тоже принесли монету чудесным образом!) Е.И. долго нас не отпускала, все обнимала, целовала без конца, гладила меня по голове, целовала лоб, лицо, не могла расстаться. Обогрела меня всю и Франсис. Ее она очень, видно, жалеет. И Н.К. меня гладит по плечу и с такой любовью смотрит. Все, все смотрят и выказывают любовь.

Неужели я больше не увижу Е.И.? Что это значит — такое чувство [выражено] у нее на лице, будто она знает то, что не хочет сказать?

Рано утром Н.К. позвал в последний раз смотреть горы — чудесно выглядели. Затем получили телеграмму, что сталь Дома начнут возводить с 10-го ноября. Все огорчены.

Е.И. все время с нами. Успела немного поговорить со мной наедине, сказала, как жаль, что даже не смогли поговорить вместе [наедине], [ибо] маленький цербер (Франсис) все время сторожит. Советовала сказать Енточке, что ей было Указано быть сердцем в Круге и чтобы она не забыла этого и что великое сердце не знает обид и все вмещает. Она огорчена Енточкой, думает, [нужно] чтобы я с ней поговорила, но не говоря, что знаю про письмо и телеграмму, посланные ею Е.И. Также, что Пор[ума] должна принять в сознание станцию на Гим[алаях] — это поддержит все Учреждения. Но что она должна понять это.

Е.И. говорит, что много тяготы лежит на моих плечах, но я должна говорить против раздражения всему Кругу. Франсис пусть даст монетку и Будду Поруме, а я должна прочесть Учение и сильно говорить о нем, а не в два голоса, ибо этим мы ослабим Слово Учения. Это Е.И. сказала мне наедине и Франсис при мне.

Она нас без конца обнимала и целовала. Увидим ли ее и когда? Свет[ик] и Е.И. проводили нас до автомобиля, и она вся сверкала, напутствуя нас.

Н.К., Юрий и Яруя поехали с нами на станцию. Н.К. сказал, что расстояния стираются. Мы говорим, что увидимся в будущем году, словно это будет завтра. Со всеми крепко в силе простились и уехали. <...>

АМЕРИКА

1929 — 1930

18.VI.29
Нью-Йорк

Наш великий учитель, член Бел[ого] Бр[атства] *в теле*, вновь с нами. Сегодня приехал, и в нас всех уже воцарилась радость. Какая великая возможность опять дана нам всем. Опять строим под его указанием. Мир, и радость, и успех будут с нами, если мы исполним его указы. Бесконечно счастлива сегодня. <...>

20.VI.29

<...> По приезде Н.К. был встречен на пирсе тремя членами комитета мэра Нью-Йорка и нами. В трех автомобилях и с полицейскими мотоциклами [в сопровождении] мы проехали через весь город, остановились у Музея, зашли вовнутрь, Н.К. посмотрел вход, вестибюль.

Затем мы поехали в Билтмор пить чай, затем обратно в Школу. Все это с полицейским эскортом, сиренами, останавливая для нас все движение в Нью-Йорке на 5-й авеню и повсюду.

Вечером [18-го] собрались в доме Пор[умы], имели чудную Беседу с изумительным Посланием. На другой день, 19-го, с утра ряд репортеров в Школе

интервьюировали Н.К., затем [мы] пошли в дом — [показать] перемены в Школе.
<...>

***М.М.Лихтман встречает Н.К.Рериха
на борту корабля, прибывшего в Нью-Йорк 18.VI.29***

Утром была длинная беседа со Штрауссом. Н.К. одобрил идею “The Master” как название для Дома. <...> Вечером от 8 до 11 [часов] большой прием в честь Н.К. Пятьсот человек, все известные, председатель Чарльз Крейн. Большой успех, все — ученики, учителя, друзья, чужие — жаждали познакомиться с Н.К. Прекрасно все декорировано флагами всех наций, цветами. Н.К. принимал [гостей] в Восточном Зале. <...>

20.VI.29

Рано утром Н.К. и Юрий — первые в Школе, Н.К. озабочен тем, что Штраусс не советует теперь дарить картину Гувелу, говорит, что лучше [именно] теперь, ибо она ([картина] “Гималаи”) — результат экспедиции. В октябре к открытию Музея будет как бы реклама. Смотрели дивные новые картины Н.К. Джули снимал его в профиль, для медали, затем в 1 ч[ас] дня ланч в “Clairmont” на двадцать четыре человека с Гектором Фуллером, представителем мэра, который ему представляет больших людей. Он сказал речь — недурно. Н.К. чудно ответил об Америке, стране будущей эволюции. Крейн говорил глупо.

Затем все в пяти автомобилях поехали в городское управление и в 3.45 были приняты мэром Уолкером. Фуллер представил Н.К., говоря о нем как об ученом, исследователе, способствующем делу мира. Н.К. опять чудно говорил мэру о своей радости вновь быть в Америке, о которой он всюду в Азии говорил с любовью. Мэр прекрасно ответил, назвав его “посланцем доброй воли”, и что он приветствует его от имени семи миллионов жителей Нью-Йорка. Затем мы все пожали ему [мэру] руку и помчались в автомобилях и с эскортом домой. Опять за работу: послали телеграммы Е.И., Шкляверу, разбирали корреспонденцию.

Вечером у Порумы было собрание. Доклад по Мастер Инс[титуту]. Решено отказать Лунсбери в [такой] форме, что я [теперь] буду всем заведовать и мне нужен простой маленький секретарь, а она слишком хороша для этого. <...> Затем Франсис доложила о своей поездке в Южную Америку. Видны огромные возможности. Н.К. говорит, что она в марте должна опять ехать туда.

21.VI.29

Н.К. поехал с Логв[аном] и Авир[ахом] в Метрополитен[-музей] исследовать освещение с потолков — оказывается, очень плохо. А оно такое же, что у нас. Очень печально, что Логв[ан] не [подо]ждал до приезда Н.К., ибо теперь придется менять [освещение]. Затем составляли список людей, которых Н.К. должен увидеть, — включен даже Судейкин, который вызывал сегодня Н.К. Очень не понравилось

Н.К. паблисити в “Times”: все говорят об ученом, исследователе, а о художнике — ни слова. “Скоро скажут globe-trotter*!” Затем, нет правильного цитирования слов Уолкера; [текст] репортеру давала Сермолино и умалила.

В час Н.К., Штраусс и Луис завтракали в доме Луиса. Н.К. потом пришел в Школу и говорил, что его [Штраусса] идеи хорошие, “но пока ничего нового и особенного [он] не сказал, а [все же] приятно, что они совпадают с нашими”. Все Учреждения, даже Корона Мунди, даже Новый Синдик[ат] будут [организациями] Музея Рериха. Им это поможет, а мы открыто выступим. Затем Штраусс советовал давать Н.К. жалованье 12 тысяч в год и страховать его на полмиллиона в пользу его семьи. Это прекрасная мысль. В 3 часа дня Н.К. уехал на дачу с Логваном увидеть детей! Странное у меня чувство — очень грустное, стараюсь побороть из всех сил.

22.VI.29

Утром в 9.15 у Н.К. было свидание с Беннетом при нас всех — он ему говорил, что не о России надо думать, а об Азии, начиная с Сибири. Говорил об Алтае, Монголии, как подойти там к местным правительствам через образование, говорил, что уже есть группа, которая начала шаги к концессии, и, если Беннет хочет говорить о бизнесе, Н.К. может дать ему деловые данные. <...> Затем читали почту, в газету Вашингтона пролезло [сообщение] о свидании Н.К. с Гувером. <...> Брэгдон пришел видеть Н.К., и он дал ему монетку и кольцо. Тот был очень хорош, обещал принять участие в конкурсе о Махатмах. В 2 часа был Миндлин, дал многие идеи, Н.К. одобрил и предложил демонстрацию фильмов давать всю неделю, а не лишь три дня. Ибо говорит, что если будет успешно, то конкурент построит на всю неделю. А концерты или лекции давать в малом зале Музея на третьем этаже или же по утрам в Зале Наций. Затем мы пошли посмотреть квартиру Н.К., вероятно, решим на 22-м [этаже]. Н.К., увидев рисунок потолка в вестибюле Музея, сказал, что он не признаёт таких рисунков, что раньше была линия, а теперь дизайн. Потолок Восточного Зала тоже не нравится, и одно окно придется замуровать. <...> Он был в ужасе от потолков, неровных окон, плохих стен, а наверху, смотря на нелепые комнаты, сказал мне тихо: “Это прямо ужасно”. Потом он сказал: “Черт знает что настроили внутри и снаружи”. Он очень огорчен.

После ужина собрались у Нетти. Читали документы о покупке земли в Кулу. Им было очень трудно получать визу, покупать землю, теперь они продают фрукты, обрабатывают землю. Н.К. сказал Штрауссу, что он останется здесь на год. Лекции он не будет давать, заменит их выступлениями. Музей будет иметь членство. <...>

23.VI.29

Рано утром пришел Н.К., и я с ним говорила. Н.К. говорит, что он ночью проснулся и все думал о Доме — какой ужас там настроили. Это чудо, посланное нам, что люди [все же] снимают квартиры, но не может же энергия Учителя идти на поддержание балкона, чтобы он не свалился, и *что будет и кто будет принимать Дом*, когда он будет готов. Говорит, что он, может [быть], должен найти отговорку, что Дом построен по современным условиям жизни, мол, все сокращается теперь в современных домах. Я рассказала про все: и что мог быть человек вроде Беккера, чтоб смотреть за Домом, и что многое было бы спасено. Н.К. жалел, что у нас не был взят такой человек. <...> Жалел, что ступы нет, ибо она именно связала [бы] нас с Востоком, а иначе “в чем мы проявили Восток, которым мы так интересуемся”? Рассказал, что в одном из писем к ним Логван “нервно и криво вниз (а не вверх, что всегда лучше) приписал, что он очень жалеет, что ступа не была ими указана

раньше, что они ее не желали, тогда бы он действовал иначе, и что он рад, что видения и Послания можно понимать жизненно, т.е. по жизни. Это в Индии их очень удивило, и Н.К. говорит: идея ступы им понравилась, но на ней никто не настаивал, и теперь жаль, что ее нет.

Затем я рассказала про нашу работу, составление вообще каталогов. <...> Н.К. говорит, что каждый должен иметь глазок по своему учреждению, следя за тем, что не исполнено или может быть забыто. Но работать могут все вместе, и советоваться друг с другом, и Дом строить вместе, в согласии — иначе как же? И чтоб я училась на других школах, как все делается. Затем я все рассказала про начало переговоров со Штрауссом. <...> Очень жалел Н.К., что у нас не было яхты Треболда его встретить, ибо две яхты встретили их пароход и было очень красиво. А так потеряна возможность с Треболдом, что очень жаль. <...>

Затем мы их проводили на поезд в Вашингтон — завтра свидание с Гувером. Н.К. сказал: “Если даже Учителя в Лондоне ордена надели и военную форму!” — в ответ на мои слова, что яхта и специальная встреча были нужны не ему, а нам, не для нас, а для Индии, Англии, Парижа. Затем Н.К. говорил, как часто мы неправильно понимаем видения: если С[офья] Ш[афран] видит, что Бринтон вытаскивает у кого-то кошелек, это не значит, что он моментально должен быть заклеямен нами вором и выгнан вон! Нет, “просто, когда его видим, надо застегнуться”, т.е. быть с ним осторожным, но наружно очень любезным.

24.VI.29

В 4 часа дня телеграмма от Н.К., возвещающая о чудном приеме у Гувера, что Америка может гордиться таким президентом и что Гувер предложил Рериху стать гражданином Америки. Днем был англичанин, видимо, шпион, репортер “Tribune”, — допытывался у Нуци, был ли он и Н.К. в Москве. Привела его Сермолино.

Вечером приехали Н.К. и все из Вашингтона. Гувер его принял хорошо, но были и Блюм, и Луис, и Юрий, но не Франсис — Блюм был против того, чтоб она пошла. Гувер спросил про путь из Урумчи для торговли, затем советовал увидеть секретаря комитета осенью и приветствовал Н.К. для американского гражданства. Н.К. говорит, что Блюм во все вслушивался и при нем Н.К. не мог ничего говорить. Гувер принял в дар картину, о которой ему сказал Н.К., — видно, Н.К. жалел, что не повез ее с собой. Даже Блюм намекнул — не имеет [ли] Н.К. подарок для президента. Н.К., видимо, очень чем-то недоволен. Блюм за Англию, Гувер, говорят, тоже. <...> Н.К. обеспокоен английским репортером от “Tribune”. Был сегодня днем в поезде взволнован, как он нам передал. <...>

25.VI.29

Утром рано, в 8 [часов], пришел Н.К. Учил, как говорить с репортерами вроде вчерашнего шпиона, — ничего не отрицать! Хотят знать немного — рассказать уйму. И в Алтай поехали — другого выхода не было, а в Москву, конечно, из-за визы? Сколько дней в Москве? Да на визу дают три дня — приехали — числа не помню, но на визе стоит, а помню, что день был солнечный и многие люди даже еще босиком ходили. А Абиссиния? Да, одно время было так трудно, что хотели туда пробраться. А зачем? Живет на Инде племя, похожее на эфиопов — так хотелось изучить их нравы, обычаи, а потом в Нубию и дальше. А какой паспорт? Да всех стран. А как насчет Сов[етской] России? Да Швеция, Норвегия, Латвия, Финляндия, Франция, Америка считают его своим — так что теперь все страны говорят об этом. И в таком духе заговорить его, чтоб [ему] уйти захотелось.

Пошли с мамой встретить Нетти в госпитале: оперировали гланды Ориоле — сошло хорошо. <...> После ланча понесли в Дом три картины смотреть демонстрацию освещения Музея — она ужасна, придется все менять, завтра покажут другие возможности. Н.К. совсем огорчен.

Вернулись обратно. Пришел журналист из “Tribune” (ужасный человек), с ним говорили Франсис и Юрий. Показали Н.К. заметку из газеты — “Have Museum for Hotel Lobby?” [“Музей в фойе отеля?”]. Н.К. был в ужасе, говорит, что мы сами себя убиваем, если после признания всем миром позволяем писать нечто подобное. Сказал мне на мой вопрос, был ли он доволен Вашингтоном, что было все, как нужно для официального приема, но он ожидал от Гувера большего. А то он все улыбался, как царь Николай. Молчал и улыбался. Конечно, Блюм маленький человек, говорит Н.К., но ведь и он может быть полезен. Но с ним нужно быть осторожным. Н.К. говорил, что Франсис должна заняться паблисити, иначе что [же] она будет делать? Это, когда мы говорили, что Сермолино больше не нужна.

Вечером мы встретились, Н.К. сказал, что нужно сидеть каждую неделю, ибо иначе слишком долгий срок, а атмосфера вокруг очень напряжена. После чудного общения говорили о Доме. <...> Главное следить, чтоб не было торговли спиртными напитками из-под полы, ибо сегодня продадим вино, а завтра опиум. Очень за этим следить.

26.VI.29

Н.К. пришел рано утром и беседовал со мной. Говорил, что Нового Синдик[ата] не существовало ни раньше, ни теперь, ни в будущем. Он растворился в Учреждениях. Модра любит разъезжать и будет этим более полезна, нежели в делах внутри. Четыре месяца в году она будет ездить, остальное время — паблисити по Учреждениям. Писем для нас писать она не будет — мы должны писать письма простые, но от сердца, и иметь хороших секретарей. Вообще о Нов[ом] Синдик[ате] говорить поменьше, не затрагивать этой темы, она теперь неприятна. <...>

В 3 часа пришел Штраусс и говорил худо, как никогда, показывая все свои плохие стороны. Двадцать восемь комитетов, столько же президентов, спрятать Н.К. до ноября, а в апреле он каждый вечер говорит к комитетам. Четыре дамы <...> за деньги от нас приведут нам друзей. Н.К. должен один вечер иметь столик в “Stadium”, чтоб его все видели. Должен съездить в Кони Айленд, чтоб 700 тысяч человек его видели. Ужас, какой вздор! <...> Когда он ушел, Н.К. был поражен, что о его визите у президента ничего не было в газетах, а Кони Айленд, званые обеды нужны! Н.К. сказал: “Мы должны будем сами действовать, и многое делать, и брать его идеи”. Видимо, очень недоволен был Штрауссом. <...>

Вечером [было] собрание, посвященное делам. Установили цены на все курсы Школы. Будем посылать учителей на дом. Также давать несколько уроков, даже один урок, не только настаивать на курсе. Вообще, все [должно быть] подвижно. <...>

27.VI.29

Н.К. рано пришел и, увидя меня, говорит: “Уже кто-то сидит у стола”. Это он говорит каждое утро, когда приходит в Школу. Затем мы начали говорить о биографиях каждого из нас для энциклопедии. Я высказалась против, но Н.К. сказал, что это очень важно. “Вы — лидеры больших Учреждений, о вас должны знать, иначе Штраусс в своем стойле скажет, что он о вас никогда не слыхал, а это важно, чтоб через десять, пятнадцать или сто лет люди по таким рекордам знали о

вас, чтоб, говоря о внучке Ориолы, входили в историю всего и читали про вас в разных энциклопедиях. Да и не только в Америке, но в иностранных энциклопедиях. Зайдите на полчаса в публичную библиотеку и посмотрите там, какие [есть] иностранные энциклопедии, и там поместите. Это земная обувь. Но должно быть достойно, красиво написано, а не вздор, подобный тому, который написан о Луисе, что он вдруг подпал под влияние красок Рериха! Надо тщательно следить за этим, чтоб было написано достойно”. Затем Н.К. сказал, что у Штраусса склерозные идеи — западает что-то в голову, заседает в известковую почву — и не выгнать оттуда! Почему в Кони Айленд нужно поехать и видеть людей, а яхта Треболда могла испортить кампанию, непонятно никому. <...>

Н.К. пошел к дантисту, и тот сказал, что у него целый ряд зубов в ужасном состоянии и что у него удивительная выдержка — терпеть такие ужасные боли. Н.К. говорит ему, что у него никаких болей не было. Тот был поражен и хочет представить доклад об этом случае в стоматологической клинике. Он хотел вынуть несколько зубов, а Н.К. не позволил, а велел лишь лечить их. <...>

В 2 часа Н.К., Юрий и Франсис пошли к Фикинсу, вернулся Н.К. крайне возмущенным и говорит, что у нас теперь две опасности — освещение Музея и лекции Фикинса. Всего устроены четыре несчастные лекции, по 200, 300 \$. Н.К. делается рабом Фикинса, разъезжая, тратя свои деньги, и все равно дадут 200 \$ — он, мол, должен читать лекцию. <...> Это крайне опасно: после всех мировых успехов, славы, имени начинать сначала. “Это 1905-й год, — сказал Н.К. — И то, когда я приехал в Чикаго, я дал пять лекций за минимальную плату — 200 \$ за лекцию и получил 1000 \$, а меня тогда никто не знал. Великому художнику хочется говорить, фонтан открылся, и он разъезжает повсюду и платит людям, чтоб его слушали”. <...> Главное — узнать, что Штраусс обещал Фикинсу, ибо придется лекции отменить и заплатить Фикинсу. Или же, в лучшем случае, устроить все для Юрия. Н.К. поражен, что для Юрия ничего не сделано, ведь Фикинс ему сказал, что даже по 75 \$ не дают, так что он еще думает спустить цену. А это убьет Юрия на будущее, ибо это его первый приезд сюда, и если будут устраивать его лекции по таким ценам, то через два года, если он опять приедет, люди и 30 \$ не дадут. Главное, что Юрий вообще не хотел ехать в Америку, ибо боялся, что ничего для него не устроено, — и так и вышло! Ужасно трудно Н.К. видеть все это.

27.VI.29

Сон С[офьи] Ш[афран]: Е.И. летела высоко над землей, и какие-то тонкие нити связывали ее с нами. Она начала спускаться, что было ей трудно, и она говорила: “Думайте, думайте и действуйте очень осторожно!”

28.VI.29

Утром, придя в Школу, Н.К. сказал, что чем платить за что-то деньги ничтожному человеку Фикинсу, лучше ему списаться с Харшем и предложить, что он, помня его первую работу по выставкам Н.К., решил посетить Чикаго и другие города, давая повсюду выступления о значении “радости через созидание”, потом показывая слайды с картин, но ничего не говоря о Тибете, ибо это не относится к кампании. И денег Н.К. не возьмет, и видные люди будут, и все красиво. <...>

О Штрауссе Н.К. говорит, что он был Указан полезным, значит, нужно узнать, где и как. По Школе он не годен, Музея не понимает — очень смешно Н.К. его изображает. Величественным жестом и походкой.

Чудесный случай с Лунсбери. Она утром сказала Н.К., что ее заветная мечта о Dream School for Children [Детской школе мечты] обещана быть исполнена на днях. Е.П.Б[лаватская] ей дала Указание, и что это будет частью Мастер Института. <...> Я ей сказала, что на днях я говорила с Н.К. о ней, что ей будет большая работа, мы это все видим, и мне жалко, что она делает такую малую, несоизмеримую с тем большим работу стенографистки. И что нужно нам подумать, как она будет работать для молодого поколения. Она мне на это рассказала, что одна богатая особа хочет дать деньги на основание такой школы для сирот за городом, и это решится в воскресенье. Это ей Указано Е.П.Б[лаватской], и она [школа] будет соединена с М[астер] И[нститутом], и что она [Лунсбери] ищет земельный участок за городом. Я ей тогда сказала про Мориях и что мы имеем землю, дом, амбар — она была потрясена и я тоже. Н.К., узнав, сказал: “Теперь понимаем, с какой стороны явилась ее полезность, как было Указано”.

<...> Про Енточку Н.К. говорит, что им было Указано, если зайдет разговор о женитьбе — не вмешиваться. Они так и сделают, возможно, что она выйдет за Шугармана. По ее словам им: все виноваты, а он непогрешим. Вечером пришли Тарух[ан] и Таня. Н.К. был с нами. Тарух[ан] прочел отчет о Чураевке и “Алатасе”. Н.К. сказал: “И красиво, и убедительно, и нужно”. Он нам много читал из “Агни-Йоги”. Чудесный вечер провели с Н.К.

29.VI.29

Утром пришли Н.К. и Луис. Н.К. начал с Франсис составлять список вопросов для Штраусса на понедельник, главным образом относительно двадцати восьми комитетов. Н.К. находит, что кампанию надо начать в октябре, ноябрь, декабрь работать, подготавливать теперь, а не ждать апреля, как говорит Штраусс, ибо весь год так пройдет, а в феврале начнется наново его 25 тысяч жалования. Я показала Н.К. письмо, которое посылается банкирам. Он <...> велел прекратить. Вообще Н.К. верит не в высылку десятков тысяч писем, а в личный контакт. <...>

В 11.30 пришла Селиванова — повидать Н.К. Сказала ему, что лучшее лекционное бюро это Понд, а Фикинс очень неважен и мало известен.

Днем пришел Миндлин — мы его видели с Луисом, без остальных и Н.К., дал деловой отчет, интересные идеи программы кинематографа: приключенческие, художественные, научные, образовательные, исторические. По его счету, мы выработаем за год чистых 20 000 \$ для нас, столько же для него, а 12 000 \$ арендной платы. <...> В 4 часа к Н.К. пришел Зак — прекрасно принял его, сказал нам потом, что он может быть полезен в Азии. Мы были с ним очень любезны и провели вечер вместе. Затем мы пошли с Нуцей ужинать к Н.К. и чудно поговорили.

Н.К. говорит, что Нов[ый] Синдикат не существует и что Франсис сама ему говорила, что не чувствует, как кристаллизировать его. Затем, что она будет разъезжать в Южной Америке, читать лекции. Вообще лучше Синдик[ат] совсем закрыть и назвать Информационное Бюро Музея Рериха, Франсис — [назначить] его директором. Не рассчитывать на работу с ее стороны, она и “Шамбалу”, и статьи Н.К. переведет, когда захочет. Она будет незаменима извне и для лекций. Затем говорили о Музее и что будет лучше для Луиса, если он не получит обратно все затраченные им деньги. Психологически это ужасно для него — как бы отрезан от Дома. А создать идею дара им картин Музею. *Об этом надо подумать позже.* И не думать, что мы идем над пропастью. Дом ведь есть. Н.К. дал свою землю в Кулу в дар станции. Затем мы работали над бюджетами Музея Рериха и М[астер] И[нститута]. Конечно, всем директорам жалование — так что видно для всех, что Нуця и я не взяли причитающиеся нам 80 000 \$ за 8 лет. Это нужно для отчета. Н.К.

учит всегда ставить приход значительно больше расхода. Н.К. говорит эти дни *при нас* о Кардаш[евском] и Докторе, показывая, что с малой долей преданности к М. — за одно это они удержаны у дел. Даже такой человек, как Яруя, — и ему дана возможность. Затем добавил, чтоб мы это помнили, думая о каждом из нас.

Перевели на английский “Лют Великан”. Затем сидели вместе. Получили весть об идущей неприятности. Н.К. почувствовал это, еще когда мы работали, а я в этот момент ощутила Е.И. Он буквально святой человек.

Видение С[офьи] Ш[афран]: у нас было собрание. С нами была Е.И. Она сказала: “Будьте осторожны, спрашивая советы, ибо не всегда можно принять их”.

30.VI.29

Рано утром [я] позвонила Н.К. Зашла за ним, и вместе пошли погулять по проспекту. Дом Н.К. в целом находит недурным, но внутри — ужасным. О маме он говорил, что пусть имеет глазок над Домом, *не как* инспекцию, но смотря видящим глазом, где что недостает — и потом скажет мне, но не Луису, а я уже через день или когда удобно скажу, где нужно. Но чтоб она лично не вмешивалась, иначе [будут] ссоры с людьми. Пусть читает, изучает Учение, подавая нам всем этим пример и напоминая, что забыто. <...>

Главное, говорил Н.К., быть практичными: Франсис едет давать лекции — должна устроиться и получать за них [деньги], иначе невозможно идти, давая даром. Это можно лишь вначале. В 5 часов дня пошли в Дом — осмотрели все в Школе, потом выбрали для меня квартиру в четыре комнаты на двадцать четвертом этаже — передние, светлые. С одобрения Н.К. — маме там же две комнаты. Франсис — этажом выше* на Риверсайд Драйв две передние комнаты. Все довольны. А в результате всего директорам и Холлу дано двадцать пять комнат, т.е. около 7% от всего Дома. <...>

Пошли к Н.К. на квартиру, имели чудную Беседу, затем решали бюджеты и установили для Франсис бюджет. Каждое Учреждение платит ей жалованье за год, дает по 400 \$ на поездку и лекции. Одним словом, должны помочь ей жить и иметь секретаршу. Н.К., помогая ей сегодня, обеспечивает общественное положение для другого члена Круга на завтра. Видно, у него великое милосердие ко всем. <...>

Н.К. опять говорил, что субсидией Учреждение жить не может, а должно изобретать, продавать статьи, издавать другие книги, ибо ведь это Издательство Музея Рериха, как Оксфордское издательство. Пути должны быть найдены.

Н.К. вспомнил, как, когда его избрали секретарем Общества Поощрения Художеств, граф Сюзор ему представил наитруднейший бюджет, а когда он протестовал, сказал ему: “Но вы гений, изобретите на 365 дней в году [идеи], это ваше дело, как вы это сделаете, вы известны вашим умом, не мне вас учить”. Потом Н.К. говорит, что мы должны делать бюджет, чтоб он балансировался, а жизнь устроит много неожиданностей. Например, возьмем Послание, что Рузвельты будут опасны, атакуя Н.К. Кто мог это знать раньше? Ну Англия, большевики, кто угодно! А вдруг с неожиданной стороны — так и во всем.

1.VII.29

Н.К., придя в Школу утром, говорил, что мы должны перестать думать, что живем над пропастью, наоборот, живем хорошо, есть доходный дом, а Штраусс — это лишнее окно: может быть, что-нибудь придет оттуда, но не надеяться на это. Я ему говорила про то, что Луис хочет повсюду быть главным — “стеклится”, когда его что-либо спрашивают. Он мне на это говорит: “Зачем его спрашивать, когда вам

дано следить за Учреждениями. Делайте сами, следите сами — дела слишком выросли, чтобы считаться с настроением одного или другого. А кто сделает, что надо, тот и главный. Надо научиться быть незаменимым”. Нетти из-за детей на долгое время отошла от дел — она уже не в делах. Что касается Франсис — главную паблсити, статьи должна писать она. Ей письменно посылать письмо, что к такому-то числу нужна статья. У себя держать копию. Когда исполнит — пометить, если не исполнила — сделать знак и через год собрать эти факты. В течение года она может вообще не работать, в пивной сидеть, не приходить, а через год это является рядом фактов. Но не ссориться в течение года, лишь собирать факты. Она же может делать как хочет. К 12-ти [часам] пришел Штраусс — был очень нервен. <...> После его ухода Н.К. позвал меня к себе на завтрак и опять сказал, что мы должны действовать нашими средствами. Главное — заплатить долг Логвану. Кампания может и не удалась. <...> Вечером мы собрались, прочли и закрепили все бюджеты. <...>

2.VII.29

Сегодня утром случилось пренеприятное и серьезное событие — получили письмо из Вашингтона от Акерсона, секретаря Гувера, о том, что на картине, посланной Н.К. в подарок президенту, написано 10 000 \$ страховки, поэтому президент ни от кого не может принять такой дар. Это нам страшный удар. Н.К. был ужасно потрясен. Он должен был лично повезти картину в Вашингтон, судя по видениям мамы, или же, в крайнем случае, Луис или Морис, а не через Будворта. Мы можем теперь потерять всю связь с Вашингтоном. А ведь это был совет Штраусса не везти картины. Сейчас же Луис и Нуця поехали в Вашингтон увидеть Акерсона и сказать, что 10 000 — это страховка картины агентом по отправке ее.

Второй удар был нанесен Н.К. тем, что Франсис была у Фикинса и он ей сказал, что у него был ряд конференций со Штрауссом и Луисом и что все его действия по устройству лекций, все цены в 200, 250, 300 \$ и так далее были одобрены Луисом и Штрауссом. Другими словами, выходит, что его наняли для паблсити, а не для устройства лекций. Он написал во все Музеи, Харшу, и тот ему отказал. Теперь Н.К. не может предложить выступление Харшу в Art Institute [Художественный институт], как он предполагал, ибо это покажется очень подозрительным. Н.К. говорит: еще два таких удара, и мы сами себя зарежем. Это несмотря на все, что нам дается. Н.К. прямо убит и говорит, что во всей жизни ему ничего подобного не встречалось. Теперь надо начинать сначала, заводить дружбу, ездить по городам, тратить время. Душа болит за него. А Луис не говорил правды. Н.К. прекрасно видит, что он не может говорить с людьми, не может писать писем. “А кого же поставить проверять все письма, вас? Тогда как я могу вас забрать из Школы?” Он мне сказал, что Нуця должен будет следить за всем выходящим из Школы, особенно за письмами. <...>

Заметил, что не придается большое значение видениям мамы, велел мне позвонить ей днем и узнать, что она видела. Сон ее ночью был, что мы все шли, ведомые Н.К., по дороге, перед нами были препятствия, глыбы, камни. Н.К. умел обходить их, мы же падали, были ранены о камни и были задержаны из-за неумения обходить препятствия и этим самым задержали Н.К. Проснулась она вся разбитая, и ей хотелось почему-то плакать, до того тяжело ей было на душе. Н.К. считает это крайне значительным.

Затем мы собрались вечером у Пор[умы]. Луис позвонил, что Акерсон принял картину для Гувера на условиях, что мы напишем письмо, что она не имеет финансовой ценности. Идиотство невероятное, чтобы офис президента так

поступал. Но для нас это спасение, ибо отношения с Гувером не будут порваны. Н.К. на меня смотрит так ласково, гладит по плечу, как бы чувствует, что я понимаю его, и [так] дает мне понять это, что у меня все радуется в душе.

3.VII.29

Сегодня утром получили очень славный бюллетень от New Center of Rosicrucians с изумительной передовой статьей о Н.К. Так что он сказал: “Это, наверно, враги пишут, друзья о нас так не пишут”. Произнесена большая формула и чужими: если они умеют ее сказать, и мы должны ее уметь произнести и не бояться больших формул. Тем более что мы, как лидеры таких больших Учреждений, стоим на должной высоте и немыслимо нам уронить себя, а этим самым и Учреждения. Для всех, для всего пространства повторять большие формулы. Если у человека маленькое сознание, наш долг — постараться расширить его. <...> Вечером к 6-ти пришел Луис в Школу и первым делом взялся за папки и чистить ящик. А великий учитель, приехавший из Индии для наших дел, бросивший самое священное, сидел рядом, и Луис не понял, что важнее — говорить ли с Н.К. или чистить стол. <...>

Вечером собрались у Н.К., говорили о комитетах в новом Доме и новых отделениях Обществ Друзей Музея во всем мире. <...> Н.К. очень скорбит за Дом, за Музей — тяжело ему здесь. <...> Вечером было Указано избежать столкновения с архитекторами. <...>

4.VII.29

Н.К. утром беседовал со мной и Нуцей. Он видит все и всех открыто. “Пока я говорю Франсис: “Вы замечательны, великолепны! Вы завершили так много страниц, идите поработайте еще немного”, она будет работать. А если этого не будет, перестанет”. Мы сможем с ней продолжать [работать] с соской и погремушкой. А так как сосок и погремушек много, то пока все ладно. О Поруме Н.К. говорит, что он на нее недавно смотрел и даже испугался — серо-синее мертвое лицо, абсолютно переменялось на его глазах. И хотя Ента, приехав к ним, уверяла, что Логван и особенно Порума очень выросли, Н.К. этого не видит совсем. Наоборот, не находит, что она выросла. Затем Ента ему говорила тоже, что когда он сюда приедет, чтобы он на все говорил: это хорошо, то есть все хвалил. Он же ей сказал: “Ну а если дом горит и балки падают, разве можно говорить, что все прекрасно?!” Теперь это сбывается. Н.К. хочет, что только может, лично все устроить и обеспечить, ибо он такую серьезную вещь сегодня сказал: “Это все хорошо, пока я здесь и все устрою, а как же будет дальше без меня?” Он видит все недочеты, очень грустит, и ему тяжело в этой обстановке. Опять он говорил, что Логв[ан] хочет получить обратно все свои деньги, даже с процентами за эти шесть лет. То есть он прекрасно поместил свой капитал, одолжив деньги, и теперь получит по 6% и деньги обратно. Даже то, что за это время деньги падали, были кризисы, его не касается, ибо он хочет все сполна. Значит, с его стороны дара не было, Музей не был им основан. Мы буквально поражены всем. Но Н.К. запретил нам даже заикаться ему об этом, иначе, он сказал, вы нарушите его карму, а он должен ее пройти. Значит, теперь мы устроим кампанию, чтоб в первую голову отдать Логвану деньги. А затем Дом будет приносить прекрасный доход и долг банку будет постепенно погашаться.

В 10.30 мы поехали автомобилем все к Логв[ану] на дачу. Провели там [время] до 8-ми вечера. Решили план открытия Музея 17-го октября, всю программу, затем отделения в Америке Общества Друзей Музея и целый ряд других важных вопросов.

Н.К. дал дивную идею организации дела продажи репродукций-открыток, высчитав, насколько это будет выгодным. Рассказал, что в 1905-ом году он это начал для Общины Св. Евгении — Красного Креста, начали с капиталом в 10 000 руб., а в 1914 году они имели 200 000 руб. годового дохода. “Зачем нам ждать прихода денег от невидимых друзей, когда мы имеем возможности вокруг нас!” Н.К. говорил о Яруе, что за плохой [он] работник, не любит своей секретарской работы, готов от нее увильнуть всегда, делать все, кроме того, что должен. Говорил об энтузиазме работников, силе, которая двигает нас всех. Затем мы читали письма Енты ко всем, полученные вчера. <...>

5.VII.29

Утром Н.К. говорил об Ориоле, что она хороший дух, если ее родители не испортят, не задергают восхищением ее необыкновенностью. Нельзя так дергать ребенка. Затем Н.К. говорил, что Логв[ан] произнес цифру в 900 000 \$, которую непременно

3.Г.Лихтман

нужно ему отдать. Вся кампания и для этого — значит, он забыл о даре. А если он получит деньги, нельзя знать, как[им] будет воздействие на него. Может быть, ему и нужен такой толчок. Затем говорили о Енточке. Вчера мы читали ее письма, каждому отдельные, кроме Франсис, и это дало неприятный осадок. Н.К. говорит, что он ей говорил писать одно общее письмо, лишь в особых случаях вкладывать в письмо запечатанный конверт с письмом кому нужно. Иначе видно, как написано письмо каждому, разница в обращении и при общем чтении. Это очень бросается в глаза. Так что если мы сами создадим чувство “это хозяин, хозяйка, а остальные — работники”, в этом мы будем сами виноваты, ибо испортим отношения. “Ведь известно — кто главный? Тот, кто больше сделает”. Н.К. велел послать телеграмму в Индию, чтобы Енточка не писала отдельных писем, а одно общее письмо всем. Н.К. говорил: пока человек не отрешился от мысли, что мое — это мое, а не мое — это чужое, до того времени его нельзя трогать и насильно пробуждать сознание. Ибо сознание растет изнутри, а не внешними толчками.

У меня был ланч с мисс Лунсбери, сказала ей про должность библиотекаря — бухгалтера в библиотеке при Музее и что она должна пройти курсы этих специальностей. Она была очень счастлива и согласилась. Н.К. рассказал мне, что говорил за ланчем Поруме и Логвану, как он рад, что они не испортят Ориолу. И что вообще родители теперь всеми силами портят детей и только тогда рады, когда ребенок делается ничтожным, как все. Конечно, говорил он это для них, чтоб они задумались над этим.

Н.К. много говорил с миссис Аттватер, пригласил ее на должность заведующей Кор[она] Мунди. Устроил все лично, ибо, как сказал мне недавно, боится, что выйдет безобразно, если не он все установит. <...>

Затем мы вечером беседовали, мне велено было вдвоем сидеть с Н.К. Огромное счастье сидеть против этого великого человека. <...>

6.VII.29

Получили письмо от миссис Аттватер с принятием поста исполнительного директора Кор[она] М[унди]. <...> Мы должны издать от Издательства Музея Рериха серию книг, посвященных выдающимся людям — художникам, ученым и так далее. Издать популярно, десять биографий в книге, уже одну к октябрю приготовить, с Кролем, Спайкером и всеми другими врагами — и они же будут нашими друзьями. Идея дивная, вечером была одобрена Мастером. Он [Н.К.] мне рассказал, как он говорил Франсис, хлопая ее по плечу: “Миллионершей будете, приготовьте мешок для денег, но не растеряйте, тяжело будет!” Он видит ее насквозь и нагружает работой — только не работать толчками, а ровно, продолжая, не взлетая, а потом падая. Именно как спираль, нарастая. Ибо работа толчками плоха. <...> Получили письмо от концессионного комитета о том, что мы утратили права на “Белуху”. Н.К. говорит: все равно нам ее не уместить, даже если бы и были деньги, — людей нет вести ее. Но все же мы не можем никого заинтересовать в том, что уже есть. Раз у нас ее нет, [только] лишь говорить об Азии — это даром давать идеи другим. Пишем письмо с просьбой продолжить опцион*.

Поехали смотреть нашу мебель. Н.К. не нравится, хотя он и говорил: “Она ничего, хорошая”. <...> Затем поехали в Art Center, на выставку современной мебели. Н.К. говорит: “Дешево и безобразно”. Картины Р.Кента поразили его, до чего он стал плох. Это современное движение слишком долго продолжается, и в нем все еще нет смысла. Ведь Ренессанс продолжался столетие. Все эти художники, артисты не живут современной жизнью, а лишь имеют такую мебель, а сами такие, как были [раньше]. А в колониальной эпохе люди жили, мыслили, одевались и окружали себя именно этим стилем — колониальным. И это было красиво и правильно. А это — дешево и искаженно. И характерно, что мысль людей теперь, вся современная эволюция — это черная мебель, красный письменный стол, сумрак и уродливые вещи. Иначе, если бы все было прекрасно, Мастерам не пришлось бы работать и говорить об опасном времени, как Они это теперь делают. В такси Пор[ума] сказала, что ей нравится серия книг об американских художниках, люди, мол, не будут говорить про Музей одного человека. Меня это как ножом ударило.

Вечером Н.К. сказал, что мы должны говорить с Мастером очень часто, ибо у нас нет полной налаженности. Азбука не очень плавна. После чудной Беседы послушали записи Франсис. <...>

Франсис сказала Н.К., что она хочет писать книгу об Акбаре. Он ответил, что идея превосходная, но может ли она взять отпуск на год, чтобы собрать и изучить все многочисленные источники, худые, хорошие, историю того времени, иезуитские миссии, которые ехали к его двору, об Акбаре, чтобы написать прекрасную книгу? Ведь писать по двум книгам, которые у нее есть, — это компиляция фактов двух книг, и это никому не нужно. А Юрий при этом добавил, что ей придется изучить персидский, ибо лучшие источники об Акбаре на персидском и не переведены. Н.К. думает, чтобы Франсис издала в будущем популярную книжечку об Акбаре <...> а большую книгу ей теперь немислимо писать, ибо к такой личности, как Акбар, надо отнестись серьезно и научно, а не делать из нее беллетристику.

Опять Н.К. говорил, что вся кампания теперь для Логвана, чтоб ему отдать деньги. Нам эта кампания не нужна, мы и без нее можем жить. Потом Н.К. говорит, а вдруг все повернется так, что Логвану все вернут, а потом его вдруг спросят:

желает ли он и считает ли он возможным остаться в списке жертвователей. Что он на это сможет ответить?

Говорили о Тарух[ане]. Н.К. предложил вернуть Тар[ухану] его обязательство на уплату нам всем долга и получить его в виде земли в Чураевке. Так что мы все будем иметь там землю. Конечно, мы эту идею с радостью приняли, ибо она так достойна. А то деньги, что он платит, все равно расходятся, а потом Логв[ан], когда все будет уплачено, еще спросит: а где эти деньги — и будет ждать новой уплаты. <...>

Очень много ценнейших идей Н.К. дал для Мастер Института. <...> У него была Колокольн[икова]. Он говорит, [что] она славная душа и еще нам, может быть, в будущем пригодится, ибо, если Лунсбери уйдет, она сможет быть библиотекарем и бухгалтером. А пока пусть учится в галерее, где теперь она служит. Н.К. говорил, что с Издательством Музея Рериха все должно быть на деловых основаниях, столько процентов автору, столько Издательству, столько книгопродавцу — Музею как последнему. Книги могут продаваться в каждом Учреждении, у Холла внизу. Учреждение, покупая, имеет уступку как книгопродавец.

Н.К. днем поехал к Судейкину, вернулся, говорит, что у него ужасная атмосфера и он там себя очень плохо чувствовал. Но теперь огромная дружба, и тот сказал: “Если вы меня будете хвалить, я на вас молиться буду”. И не исключено устроить в Кор[она] Мунди его выставку. Поехали в “Longchamps” ужинать.

Вечером — чудная Беседа. Н.К. говорил, что главное — не испортить дух Ориолы, ибо все видения о похищении ее относятся к краже духа. Утром по приходе в Школу он мне сказал: “Вами только все и держится. Не будь вас, все развалится”. Меня это глубоко тронуло, ибо это ведь сказал учитель наш. Как больно, что Пор[ума] и Логв[ан] не с нами в воскресенье, ведь Н.К. считает воскресенье лучшим днем для работы. Где их уважение к великому человеку? Торчать у себя на даче, когда Н.К. здесь. Недаром Н.К. хочет спросить Енточку, почему она уверяла, что Логв[ан] и Порума необыкновенно выросли. Он видит, что наоборот — пошли назад. Потом, ему не нравится чрезмерная дружба Енты с Порумой — это опасно и приведет к нежелательным результатам, как это бывает.

8.VII.29

Н.К. пришел утром в Школу и сказал, что у него определенное чувство идущей неприятности. Ему тяжело в Нью-Йорке. Он уже вчера сказал, что токи теперь гораздо хуже, нежели четыре года тому назад. Пришел Логв[ан], “остеклившийся”, выслушал про предложение перенести долг “Алатаса” на землю в Чураевке. <...>

Н.К. поехал к Вейкерт, говорив, вернувшись, что он полезный и хороший человек, очень интересуется торговлей и лекарствами в Азии, много расспрашивал его об Азии. Пойдет по линии научной станции. “Конечно, — добавил Н.К., — если бы я его видел не один, ничего бы не вышло”. <...> Затем Вейкерт пригласил Н.К. и Юрия на будущей неделе к себе в загородный дом проехать на яхте. Н.К. предложил и Луиса. Тот, видимо, удивился, но из любезности пригласил. Н.К. говорит, что на две трети было бы лучше, если бы они поехали без Луиса. Все видит Н.К., не уходит от него честолюбие Луиса и Пор[умы].

Вечером беседовали с М., писали план работ для открытия в октябре Музея и кампании и издержки. Н.К. хочет, чтоб Франсис пошла к Штрауссу и представила ему все это. Мне Н.К. сказал, что для Франсис лучше, если все будет написано, для работы лучше. Завтра Н.К. не будет на собрании Общества Друзей Музея Рериха, но [он] выработал для нас всю программу. Иначе все будет инсценировано, если он будет на этом собрании.

9.VII.29

<...> Н.К. говорит, что Логв[ан] в духовном отпуске, он раздираем на части, но Порума дома одна, с детьми, спокойна, и если ее мысли нечисты, то она отравляет Ориолу. И как она не понимает, что надо постоянно мыслить и в духе Учения?

Н.К. тяжело здесь, он видит все, даже Юрий заметил, что, когда Логв[ан] с ними и один — он другой, а как приезжает от Порумы — то совсем “остеклившийся”. И в квартире Логв[ана], где живет Н.К., атмосфера

неприятна. Ужасно жар
ко, отвратительная при
слуга. Завтрак Н.К. с Ле-

бланком и тремя большими банкирами, судя по словам Логв[ана], был чудом из чудес. Н.К. говорит, что все было хорошо, знакомство хорошее и Лебланк ничего человек. Вечером Н.К. говорил со Шнайдером, не был на собрании Общества Друзей Музея Рериха, но мы выбрали Шнайдера президентом, других важных членов, Сидней предложил кампанию, она была принята. Все шло как по маслу благодаря тому, что Н.К. выработал для нас всю программу заранее.

10.VII.29

В чем заключается сила и величие Н.К.? В том, что он все прощает во Имя Учителя и для служения Ему. Сегодня утром мы говорили о будущем. Конечно, как он сказал: “Пока я здесь, мы живем, а что будет дальше, когда меня здесь не будет?” Все же он готов многого не видеть и не придавать многому значения. Школа, он сказал, будет существовать, ибо мы, если у нас будут триста учеников, будем иметь благополучие. К[орона] М[унди] — увидим. А Музей, конечно, самое главное. Но нужно делать все самим. Франсис не могла написать проспект для Общества Друзей Музея Рериха? Прекрасно, Н.К. продиктовал Нуце по имеющемуся уже образцу, и он готов. Письма Н.К. диктует мне, Нуце, кому можно. Издательство Музея Рериха захочет сделаться миллионером? Может, не захочет, не толкать ее, не настаивать. Главное, чтоб к октябрю вышла первая книжка, а потом она может спать или поступать, как хочет. Дано ведь каждому.

У Н.К. тревожное чувство: он знает, что будет неприятность, — из Вашингтона от Акерсона еще нет ответа. Н.К. завтракал с Даусоном: “Ничего, но что выйдет, не знаю”. От Е.И. телеграмма: три недели назад была суровая сердечная атака, теперь ей лучше. В конце телеграммы вопрос о здоровье детей. Н.К. встревожен. Заметил, что не надо так много говорить о здоровье детей, это превращается в культ. А то как с ним: в детстве [был] болен все время, так что вообще и не ходил в гимназию. А один умный доктор сказал ему: “А вы ездите зимой на охоту!” — “Как на охоту, с температурой?” — “Да, с температурой”. Так он и излечился. То же было и с детьми Е.И. Один врач сказал ей: “Пусть они по земле ходят. Пустите их ближе к земле”.

<...> Вечером работали над программой к 17-му октября. Дивный человек Н.К.! Сверхчеловек! И так ласков ко всем, ровен со всеми, помогает всем. Удивительно хорошо с ним работать, все делается. Он все помнит и наблюдает.

11.VII.29

Опять Н.К. говорит — все делайте сами и не спрашивайте Франсис. Пришла статья, написанная журналисткой для “Brooklyn Eagle”: Н.К. и Нуця ее прочли, поправили до прихода Франсис, чтоб сразу отослать. <...>

Получили письмо от Е.И. к Н.К. В нем она пишет обо мне: “Передай Радночке, что Ояна — для Америки, а Радна — для Звенигорода”. Я бесконечно счастлива и сказала это Н.К. Но он эту фразу хочет исключить, когда будем читать всем письмо. Там сказано еще, что Е.И. много думает обо мне, просит меня радостно и твердо смотреть вперед, ибо каждый работник незаменим. <...>

Н.К. говорит, что главное — следить, чтоб о нем писали в прессе прекрасно как о художнике. Это главное, ибо у нас Музей. А о писателе, ученом и так далее — это неважно, что не пишут. Иначе скажут: у него великая мысль в картинах. Так для чего он мараает полотно, писал бы лучше книги. Теперь важно писать о его искусстве, и писать сильно. Статья из “Brooklyn Times” очень талантливая, ибо в ней все: и большевизм, и Англия, и Христос — великий коммунист. Все это интересно. А вот он пишет, что был убит английский офицер. И вот Н.К. велит Франсис повидать этого человека и указать ему, что в экспедиции был английский офицер (полковник) и что на кого он намекает, кто был убит! Именно, атаковать врага со слабой стороны! А сама статья интригующая.

Затем Н.К. говорил, что сам же в былое время велел писать о Бенуа, что тот известный критик. И тем его известность как художника была побита. Затем рассказал, как Буренин из “Нового времени” одно время каждую пятницу писал о Н.К., сравнивая его с Толстым, Горьким, Андреевым, очень худо. Куинджи был этим очень огорчен и не знал, как это прекратить. А однажды Н.К. встретил Буренина в театре, подошел к нему и говорит: “И находятся же такие плохие люди, говорят, что я вам плачу за то, что вы обо мне пишете каждую пятницу”. Тот весь вскипел, но писать о нем моментально перестал. Куинджи очень хохотал, узнав про это.

Н.К. решил очень важный план — Юрию придется поехать к Таши-ламе в Монголию до поездки его домой в Кулу. Ибо с ним начать дело легче, нежели чем через банкиров здесь или [через] Россию. Это план огромной важности.

12.VII.29

<...> Утром Н.К. беседовал со мной — как ввести долг Логвану в кампанию. Невозможно собирать для него! С другой стороны, невозможно писать на каталоге “временная экспозиция”. Значит, Н.К. не сможет никогда, никому продать своих картин. Все отдал, теперь приехал помочь всему, что могло бы развалиться, а Логван никакого дара не давал и хочет получить обратно деньги!

Затем Н.К. велел мне пойти смотреть квартиры. <...> Н.К. рассказал, что завтракал с Логваном и сказал ему, что директора занимают такие дорогие комнаты в Доме, люди будут говорить об этом, лучше нам всем выбраться из Дома. Луис ему сказал на это: “Да, вы правы, ибо люди спросят, а где живет профессор Рерих? А на 22-м этаже! Значит, он выбрал себе лучшую квартиру! Вы все видите, он — великий человек!” Н.К., услышав это, сказал: “Да, нам всем причитается по две комнаты, вот мы будем жить в другом доме и за нас, за квартиры, будут платить. Наши квартиры будут сданы, и, вычтя из этой суммы на уплату за нас [наши квартиры], для Дома еще останется прибыль”. Логван согласился с восторгом. <...>

Мама позвонила в 12 ночи — видела два видения. Первое — Е.И. говорила Н.К.: “Папочка, что дети болтают!” Второе — Дедушка держал в руках конспект, составленный Юрием о научной станции, и обвел карандашом слово “estate”*.

<...> Н.К. говорил утром, что если у людей настолько забыто понимание Учения, что они должны начать с самого начала, с азбуки, тогда нам нужно обязательно выбраться и не жить в Доме. <...>

Днем приехала Порума, Н.К. ее тем же начал охаживать, она казалась очень подавленной, не могла поднять глаз на Н.К., ибо он все время говорил про дурные мысли, с которыми мы живем и которые опаснее фактов и действий. <...>

Вечером мы с Франсис <...> зашли к Н.К., и он рассказал, что Лунсбери была у него, впала в транс, описала Сестру Ориолу, и что у нее было испытание, и что она его прошла сама. Она хочет остаться, и Н.К. ее оставил на наших условиях: сорок пять в неделю, быть только библиотекарем, потом быть, по предложению Порумы, коммивояжером, разъезжать, устроить комитет, привлекать людей. Затем Пор[ума] просила Н.К. остаться в Доме, а он сказал, что если до пятнадцатого сентября Холл не сдаст квартир, то мы увидим. Н.К. говорил, что у Франсис больше тонкости сознания, чувства и за это надо ей простить все: и забывчивость, и ненаписание статей, и взятие денег из кассы — и быть с ней друзьями. Ибо надо усилить наш фронт, как в битве, подвести к нам войска, дать им провианту и тем самым укрепить нас. А про Енточку он сказал, что такая дружба: “Какая вы чудесная и какой дивный у вас ребенок” — может привести к тому, что она может стать приживалкой Пор[умы]. Так что Н.К. сказал Нуце направить ее на правильный путь. Затем он сказал про Поруму, что она много [бывает] одна, ничего не делает, с детьми и может и поглупеть. Вспомнил, что Е.И. говорила, что все няни — это вообще святые.

Утром пришел Н.К. и сказал, что эпизод с нашими квартирами забыт нами до 15-го сентября. Мы не должны о нем говорить, но хорошо, что нарыв вскрыт, ибо лучше, чем [когда] он гноится, а потом [приходится] отрезать руку. Одно лишь надо помнить: когда вскрывается нарыв — иметь наготове перевязку. На время пока все хорошо. Про Ригу Н.К. говорит, что они в приготовительном классе, когда читал письмо Лукина ко мне. Главное — сделать 17-ое октября [днем] огромной важности, очень большим должен быть этот день.

В 10 часов дня поехали к Нетти в Scarborough. По дороге Н.К. рассказал, как он применял тактику адверза* уже давно. Когда Боткин ему сказал, что он не позволит читать лекции в музее, а закроет его, Н.К. ему ничего не ответил, а, уйдя от него, устроил собрание учителей, и вынесли резолюцию, по которой закрытый музей — не музей, а склад и поэтому им нужно строить свой. Эту резолюцию Н.К. на общем собрании прочел Боткину, и при этом Боткина начали прозывать хранителем склада. Тому поневоле пришлось взять назад свое решение.

Пропал день у Порумы — серо, скучно, они немного лучше, но все же натянуты. Приехали домой, стали на Беседу — получили серьезное Послание. Затем поехали в кинотеатр смотреть звуковое кино. <...> Н.К. находит, что очень полезно знать, кто живет у нас в Доме, ибо он [может быть] от спецслужб. Звуковое кино ему не нравится — это примитивно, но восторгаться первым граммофоном, первым аэропланом — это просто глупо. Потом Н.К. отметил, насколько картина Японии, их музыка, голоса, танцы — вообще Восток — тоньше Запада.

<...> Из личного письма Е.И. к Н.К. от 8.VI.29.

“Прилагаю совет. Новую страницу надо начать. Чую, придется Ф[уяме] быть судьей среди сотрудников. Желаю начало устойчивое. Желаю изъятие легкомыслия. Желаю полного сознания приказа М. Бывает лучше замена полевыми цветами увядших роз. Работа процветает, когда применяется максимум желания. Сознание утончается явлением вмещения. Не годно больше быть школьниками в деле Моем. Не годно растить сад обид. Не годно себя в престол Гуру вмещать. Истинно говорю: родоначальники Моих дел — У[русвати] и Ф[уяма]. Знаю, кто не замечает. Знаю, кто горит. Знаю, кто даст, потому запомните: школьничество уже прошло. Хочу видеть сотрудников. Явите родоначальникам утверждение полностью. Судья Ф[уяма] поможет. Обиды много являют задержек. Явлю меч, явлю мощь и победу!”

“Радночке скажи, что О[яна] — для Америки, но Радна — для Звенигорода. Очень много думаю о ней. Хочется помочь ей в переходе к новому сознанию. Пусть твердо и радостно помнит, что каждый незаменим на своем месте.”

15.VII.29

<...> Мы должны быть очень осторожны с нашим бюджетом, так что Н.К. просит цифры за все прошлые годы — прибыли и убытка. Ибо ведь видел Н.К. прибыль на тех бюджетах, которые мы ему привозили. Я говорила с миссис Рубенофф и убеждала ее в открытии Ассоциации Общества Друзей Музея Рериха в Нью-Джерси. Затем мы поехали днем смотреть стулья и столы для чайной внизу. Н.К., по-моему, нельзя нам таскать для таких мелочей, тем более что я с ним уже ездила туда и выбрала стулья и столы.

Получили очень серьезные письма, говорящие о воспалении нервов Е.И. из-за огорчений. Ей прислано правительственное письмо, что ввиду того, что они не заплатили пока еще всей суммы за свое поместье, им нельзя продавать фрукты и собирать урожай и их считают арендаторами. Придирка Англии и желание их вытурить оттуда. Н.К. очень огорчен и думает заплатить отсюда все деньги, чтобы поместье считалось вполне их. Надо спросить Ловенстейна, как поступить. Н.К. посетила [миссис] Букман и устраивает комитет. Вечером у нас было собрание, говорили о делах, что готовить для открытия. <...> Н.К. больше слушает на собраниях, собирая все мнения, затем дает совет. Все мы видим, что Дом ему не нравится, а на Музей он смотрит так: уже построили, и ничего не поделаешь.

После отъезда Пор[умы] мы говорили с Учителем. Очень сильные манифестации — стол поднялся на воздух, повел нас к статуе Учителя, затем очень ритмично и сильно взлетал много раз на воздух. Было Сказано серьезно, но с затемненным смыслом. Н.К. говорит об удивительной технике Учителя. Когда все благополучно — тогда идет Учение, длиннее Указания, плавно, а в серьезное время идут короткие фразы, часто неясные, чтоб не нарушить кармы, и сопровождаемы сильными вибрациями, насыщенные психической энергией. Н.К. говорил вчера о собственности — это мое сегодняшнее платье, а завтра и нет его, ибо как коротка жизнь, когда человек пользуется тем, что имеет. И человеку пора понять это и отучиться от мысли, что это его состояние. <...>

16.VII.29

Н.К. мне утром говорил, что он в России, когда был директором школы, всегда пользовался следующей тактикой. Он предлагал на собрании свой хороший план, за который стоял, но уж не так отстаивал, а затем предлагал очень нелепый план, трудный. Конечно, все стояли за первый, и тогда он добивался, чего хотел. Так и Н.К. мне советовал.

Затем мы пошли в здание смотреть Hall of the East [Восточный Зал] и как его устроить. Н.К. очень решительно сказал: “Мы поставим статую Будды, и пусть все спрашивают и говорят что угодно. А мы скажем: “У нас и Мадонна, и Христос, и Будда — всех чтим, всех возносим””. Он был очень серьезен, когда сказал это. Н.К. на днях сказал, что Воган признался Юрию о главной причине его ухода от нас — то, что он не имел возможности слова сказать. Очень характерно, ибо Пор[ума] и Франсис учили его. Джоунс был у Н.К. утром, был счастлив его видеть, даст в октябре первую лекцию.

Днем Н.К. был у доктора Кеппеля и в разговоре с ним увидел, что тот заинтересован в публикации. Это его направило на мысль дать привет Азии от Америки в форме книг на монгольском и английском языках. Кеппель был очень заинтересован этим, просил смету на стоимость таких изданий и сказал, что лично представит эту мысль. <...> Вечером, собравшись у Н.К., беседовали об устройстве общего бюджета всех Учреждений, чтобы мы шли по линии жизненности и того, что можем сделать сами своими силами.

Затем имели Беседу с Учителем. Опять изумительные манифестации, столик подымался в воздух с необычайной легкостью, взлетал, вел нас к статуе св. Роха, и были чудесные видения. Говорили о Штрауссе — Н.К. озабочен многим происходящим: молчанием из Вашингтона, событиями в Кулу и опять сказал сегодня утром: “Я вообще не вижу, как я смогу уехать”.

Сон С[офьи] Ш[афран]. Она видела, как Яруя собирался уезжать из Кулу.

17.VII.29

<...> Затем Н.К. завтракал с Ловенстейном. <...> Он дал ему совет заплатить сполна за Hall Estate* в Кулу. <...>

Н.К. удивительно ровен, не перехваливает людей, не затрагивает их дурных сторон, берет все спокойно и с достоинством.

18.VII.29

<...> План Н.К., что мы не можем проводить кампании, а должны рефинансироваться, заняв три миллиона на 4% вместо 6%, как мы теперь платим. Логв[ану] должны мы платить 4%, а не 6%. Иначе как мы достанем у банка деньги на 4%? Эту проблему представить нашему Финансовому комитету. Тут Штраусс сможет быть полезным, найдя человека, который нам поможет рефинансироваться.

Затем мы уехали с Франсис на ланч к Рубенофф в East Orange, приобрели многих друзей, помогли основать Отделение Общества Друзей Музея Рериха в Нью-Джерси. Приехали, но Н.К. и Юрий уже уехали к Ч.Крейну в Вудшелл на уик-энд. <...>

21.VII.29

Утром неожиданно приехал Н.К. — очень радостно его опять видеть. У него было очень удачное посещение Ч.Крейна и его семьи в Вудшелле. Он горит и зажигается именно на идеи о Махатмах и Учителях. Любит и ценит картины Н.К. Между прочим, Н.К. отметил, как один четырехлетний внук Ч.К[рейна] плавал и нырял в океане, а другой, тринадцати лет, на лошади с ружьем был отправлен на ранчо без копейки денег, на год, чтоб жить и зарабатывать самостоятельно. Наловил рыбы, получил за это деньги и так далее. Н.К. ценит такой труд с раннего детства и награду за него.

Затем говорили о займе, как собирать деньги. <...> Составляли меморандум для Кеппеля, собирали материал для памфлета о Музее, по совету Ловенштейна. Нам очень нужен такой памфлет. <...>

Вечером беседовали — чудное Послание и видения. Истинно, “сидя с Учителем, и наши мозги шевелятся”, как сказал Дедушка. <...>

22.VII.29

Н.К. пришел утром с мыслью предложить Штрауссу [осуществить] все идеи по кампании и выпуску облигаций. <...>

Вечером собрались вместе. Н.К. дал идею избрать двенадцать вечных попечителей (одиннадцать нас и двенадцатого — Учителя), чтоб они при жизни назначили преемников. А преемники, когда вступят в должность, назначили своих преемников. Это очень ценно для нас и людей. Затем Н.К. избран Почетным президентом в отставке для людей, а в делах — председателем правления. Это крайне важно. Эту идею дал Нуця. Затем мы торжественно решили постановить: Музей Рериха — дар нации, а мы вечные его стражи, также и наши преемники. Это будет запечатлено на пергаменте, упомянуто в нашем письме президенту страны в связи с 40-летним юбилеем деятельности Н.К.

Чудный вечер провели вместе. Вчера и сегодня — какие-то особые дни.

Сон С[офы] Ш[афран]. Мы все были вместе. Е.И. сказала: “Это преждевременно — отказываться от кампании, ибо деньги нам нужны. Но нужно собирать их не путем благотворительности, а найти другие выходы”.

23.VII.29

Н.К. говорил, что он, когда увидит Енточку, скажет ей, что у нас одно дело, хозяев нет, а есть работники. И каждый растет и может расти по мере роста сознания. Культа быть не может, ибо он опасен. <...> Затем Н.К. говорил, что лучше пусть один ученик придет с улицы и не заплатит, посещая класс, нежели десять учеников вообще не придут. Не идти по мертвой букве закона, а жизненно. <...> Н.К. дал чудную идею предоставить Federation of Arts [Федерации художников] комнату у нас в здании. Ведь мы чуть было не дали жулику и вору Босвеллю комнату на год, а тут не думаем, что через Federation of Arts, которая имеет виднейших представителей, мы получаем связи, ничуть не мешая их работе. И на конференции мы должны ехать, если приглашены, и не отбрасывать истинные возможности и новых друзей. Ибо ведь очень худо, если мы двадцать лет обхаживаем Треболда, пока не надоедаем ему до смерти. Нам было сказано, что мы ждем помощи, упираясь в одну сторону и забывая искать со всех концов.

Поехали с Н.К. выбрать матрац и кровать для Е.И. — самую простую. <...> Днем Н.К. видел отца Лазариса, Фреди и сказал ей, чтоб она усиленно организовывала греческую группу. <...> Затем к Н.К. пришли мистер Ричард и Шлосс. Ричард пришел говорить об основании им Школы философии и как Н.К. будет ему помогать. Н.К. ответил: “В духе”. Но тот сказал, это требует материальных работ, а он этим тяготится. Н.К. посоветовал ему нанять хорошего секретаря. Тот говорил, что хотел бы иметь уже готовую организацию, а Н.К. ответил ему: “Но у вас уже есть последователи!” Одним словом, по всем пунктам!

Вечером встретились — чудесные видения, Беседа. Радостно видеть свои недостатки под руководством Н.К.

Видение С[офьи] Ш[афран]: Гувер хотел подойти к Н.К., уже приближался к нему, но на него смотрело такое количество глаз со всех сторон, что он испугался подойти.

24.VII.29

<...> Пришел Воган встретиться с Н.К. Он очень может быть полезным, говорил, что хочет устроить статьи Юрия в “Tribune” по 100 \$ за статью. Затем, что нужна обязательно книга о Н.К., ибо люди хотят знать о нем, а материала в энциклопедиях и в “Who is Who [in America]” нет, как, например, мистер и миссис Дэйл, которые очень заинтересованы Н.К. и наняли человека собрать о нем материал, а тот ничего не нашел. А Воган — друг Дэйлов, очень культурный человек и имеет хорошие идеи. Днем мы подписали бумагу о даре Музея нации и его вечном состоянии как Музей Рериха. У меня целый день было очень тяжелое состояние, которое усилилось к вечеру. Вечером была Указана крайняя осторожность из-за серых мышей кругом. Н.К. сказал, что и у него тяжелое состояние с полудня. <...>

25.VII.29

Н.К. утром говорил, что капитал, собираемый для Учреждений, является общим для всех дел и делится сообразно. Также, что мы должны назначить цены на картины из временной экспозиции, ибо многие пожелают подписаться на пожертвование и дать в дар картину Музею. <...>

Настроение серьезное и подавленное у всех нас. Но Н.К. говорит, что нельзя поддаваться ему и думать именно о беде. Иногда [нарастает] напряжение перед серьезным событием, иногда дающим хорошие результаты.

Письмо из Кулу [полученное] сегодня говорит о жаре [стоящей] там и не особенно хорошем состоянии здоровья Е.И.: трудно ей из-за жары. Как замечательно, что, именно когда мы писали, чтоб Музей не был никогда распушен, могут появляться [такие] мысли, как было у Н.К. в Петрограде. Григорович, хранитель Музея, предложил сделать выставку костюмов в Музее, а потом вообще его продать. Потому Н.К. хочет развесить картины в классах Школы, директорских комнатах, библиотеке. Чтоб не осталось много повешенных картин и не заниматься развеской каждые три месяца, ибо будут неприятности. *В Музее Н.К. других выставок никогда не может быть.*

Затем Н.К. говорил мне не обращать внимания на Поруму, когда она нудит, а думать о своем, сочинять письма, прикрыть рот, если хочется зевнуть, но не возражать ей, не стоит. Или же, как сделал Н.К., когда после революции собрался совет всех художников, хороших и плохих, он им всем предоставил право высказываться сколько угодно. Говорили до часу ночи, никакого толку, его просят: “Нельзя ли прекратить?” А он: “Ни за что! Исторической важности!” В 2 часа заседание так ничего и не решило, а он все продолжал, а когда в 5 часов утра он предложил составить комиссию, все согласились. Комиссия, предложенная им, была выбрана, и все пошли, шатаясь, домой. Так он их и извел! <...>

Как бы нам достать деньги и обеспечить все будущие затраты! Н.К. хочет, чтоб выдача жалования всем обязательно началась с октября, как в бюджете! По 100 \$ в месяц каждому в начале года! <...>

26.VII.29

<...> Н.К. хочет повидать мать Франсис и сделать из нее приятного человека, именно потому, что та неприятная. Не велика штука видать только приятных людей. <...> Н.К. вспомнил, как сказал Рамбовой, чтобы она приближалась к Дому физически и духовно, дал ей монетку, а она ему ответила, что будет исполнять все, что он ей скажет. А сегодня уже решила жить у нас в Доме, просила дать ей две комнаты за 1800 \$ — что Н.К. посоветовал сделать, ибо она привлечет в Дом людей.

Н.К. говорит, что Штраусс прямо цинично относится к нам и ему нужно писать письма, спрашивая его советы и идеи проведения кампании, мы должны иметь копии того, что мы пишем. Советовал Луису выйти из комитета Штраусса, ибо там затевается нечистое дело образования нового банка. Также Н.К. говорил о Ловенстейне: нужно ему написать, что он пропускает все нужные для нас сроки с налогами и другие. Что нам с того, что он хороший адвокат, если он ничего для нас не делает. Н.К. видит его в таком положении, что [он] не может ничего ни указать в здании, ни дать совета, ибо его обвинят во всем уродливом и скверном, скажут: он посоветовал. Поэтому он реже бывает в здании и даже сегодня, когда Луис его спросил: “Какого цвета должен быть потолок театра?”, ответил: “Белого”, ибо услышал от Луиса, что разные цвета вместе удорожат плату. Что же тут советовать! А если бы Н.К. не приехал теперь, что бы было! Страшно подумать! Ибо он ведь учит нас, как действовать, говорить с людьми, а сколько полезных людей он уже привлек!

Затем он нам рассказал, что он говорил Джульет Шинази, — дал большой урок Поруме, которая стояла при этом. Он ей сказал, что она несчастна. А когда та спросила, откуда он это знает, то ответил, что у него глаза есть. Сказал ей, что ей не веры нужно искать, а знания. Знания законов будущей эволюции человечества, знания красоты. И что пора меньше думать о здоровье тела, а больше о здоровье духа. И что в будущем будут госпитали духа, в которых будут лечить дух и именно психической энергией. И что надо не сидеть в кресле, ибо завтра его может не стать вообще, а лучше сознавать себя хранителем собственности и научиться давать, а не только считать один цент, два цента и так далее. Также нужно иметь и развивать в себе энтузиазм. Это все было сказано в упор Поруме. Чему только не учишься возле нашего благого учителя! Такое счастье быть подле него.

27.VII.29

Н.К. пришел утром, опять говорил, что его беспокоит Порума: она “не в форме” и даже мешает делам, когда начинает входить в них. Она долгое время не была в делах и теперь из-за детей приезжает не часто, не в курсе многого, хочет что-то делать, а только тормозит. Действительно, трудно и нудно с ней работать, все останавливает, на все говорит “нет”. Тяжелая она!

Утром работали над конвертами для отправки за границу. Писали телегр[амму] Шкляверу, заказывая медали. Днем составляли лист выступающих, проверяли гранки Элинова, вечером была Беседа. Изумительные вибрации стола, он взлетал к потолку, но не легкая атмосфера и не легко идет азбука. Логв[ан] и Порума все еще тяжелые. Н.К. очень ценит Вогана, тот обещал многое сделать для Юрия, поместить его статьи в “Asia” — очень полезные контакты через него. Дабо нравится Н.К. — культурный человек. Все же Н.К. отдает большое количество своей энергии из-за несогласованности нашей внутренней атмосферы.

28.VII.29

Утром Н.К. сказал мне и Нуце, что мама узнала, что Холл получил от прачечной взятку в 500 \$. Лучше в такие дела не вмешиваться, а узнать, каковы у нас концессии, что они приносят, и посылать всех к Холлу. Что все управляющие берут, Н.К. знает, а вот не будут ли жаловаться жильцы на плохую еду и обслуживание? Ибо, как сказал Н.К., он предпочитает умного жулика честному дураку. Ибо умный жулик сам имеет доход и другим дает.

Затем говорили о Поруме — опять Н.К. говорил, что она волнуется, что она выброшена из дел и потому у нее с нами создается тягость. Я предложила Н.К. дать ей работу написать о “Женщинах в искусстве” — книгу для наших серий. Н.К. идея эта понравилась, и он днем нам всем говорил, что мы все должны писать — она на эту тему, а каждый из нас о чем-либо важном для серий. Дал нам чудесные идеи и огромную программу. <...> Но для всего мира мы должны показать энтузиазм и благополучие, ибо мы первые провели на практике идею искусства в жизни, и в этом мы успешны. Не дай Бог нам просить денег как в виде благотворительности — мы проиграем всё. Ведь мы уже 60% [квартир в Доме] сдали, мы успешны, но нам нужен лишь оборотный капитал. Это естественно, и все поймут. А собирать деньги внутренне — тоже не спеша, ибо мы желаем получить теперь 30 000 \$ за комнату Музея, а в будущем сможем получить больше.

Потом Н.К. уже несколько дней чувствует, что должны прийти деньги из одного места. Завтра мы хотим звонить сэру Эсме Ховарду в Вашингтон, ибо от него еще нет ответа. Затем завтра нажать на Штраусса, добиться Ловенстейна. Сегодня Н.К. послал “Altai-Himalaya” миссис Рокфеллер с очень хорошим письмом.

Сегодня его навестила Колокольникова, он говорит, что она духовно выросла и славная душа. Мы с ней обедали. Говорил, как глупо, что Франсис не пользуется агентами, которые на известных условиях процентов помещают статьи, а идет домашними способами в 8 \$ за статью. <...>

29.VII.29

Утром Н.К. говорил, что, если Порума или вообще кто-либо будет опять нудить и вести повторение уже решенных вещей, лучше выйти из комнаты. Ибо иначе как же мы можем жить, когда он уедет? На один час ушел к Дерюжинскому, а мы на год пошли назад. Затем говорили о том, чтобы к родителям Луиса, Франсис, Нетти относиться дружелюбно, не возбуждая их. <...>

Я завтракала с матерью Франсис, очень дружелюбно и хорошо поговорили. Н.К. был очень доволен результатом, сказал: “Это хорошо, что именно вы с ней говорили”. Луис и Франсис были у Штраусса, он предложил им пойти к его другу, банкиру, за займом на деловой основе. Особенных результатов от этого не предвидится. Днем говорили о продаже книг от Издательства Музея Рериха Учреждениям. <...>

У нас была чудная Беседа — уже три дня [происходят] изумительные явления, столик летит на воздух, к потолку — определенный ритм, магнетизирование предметов. Составляли списки людей, которые могут собирать для нас деньги за комиссионные в 10%, причем это правило и для директоров. Н.К. сегодня страдал от жары.

30.VII.29

Е.И., видимо, беспокоится. Утром Н.К. очень одобрил идею Нуци, чтобы он дал предисловие к книге американских художников и американских музыкантов. Это ведь будет для нас щитом, если Рерих напишет предисловие. Затем Н.К. очень

понравилась моя идея написать статью “Roerich in Music” [“Рерих в музыке”] — и он мне уже продиктовал несколько страниц.

Сегодня разразилась бомба, тяготу которой мы чувствовали все время. [Пришла] телеграмма из Кулу, извещающая, что правительство не позволяет им купить землю и хотят вернуть уже уплаченные ими деньги. Это самое серьезное, что можно было ожидать. Н.К., Юрий, Франсис, Луис немедленно поехали в Вашингтон на встречу с сенатором Джонсоном и пойдут к английскому послу. Это уже объявление войны, и придется бороться. Конечно, Н.К. внутренне очень обеспокоен, боясь за здоровье Е.И., но все же проявил изумительную силу и мудрость и, конечно, победит. Увидим, какие новости будут завтра. Жаль, что он не послал сразу отсюда всю сумму сполна, как он хотел, ибо, ожидая свидания с Ловенстейном, он потерял много дней.

Сегодня у Н.К. были на завтраке полковник Бейли с женой и старик Крейн. Потом пошли смотреть картины. Н.К. подарил им и Крейну по картине. <...>

31.VII.29

<...> Вечером приехали из Вашингтона Н.К., Логв[ан] и Франсис. Говорят, что все прошло успешно — сенатор Джонсон свел их с мистером Каслом из Госдепартамента, который [оказался] очень милым человеком, и он обещал послать телеграмму американскому консулу в Калькутту (Фрезеру, очевидно) для исследования “недоразумения”, почему Н.К. не дают право на землю, уже им приобретенную. Затем они были у Акерсона, и тот сказал, что Гувер скоро напишет письмо с благодарностью за картину, ибо он ее принял и весь эпизод забыт. Был очень любезен и просил написать ему письмо о медали для Гувера. Затем они были в английском посольстве, их очень любезно принял секретарь, Н.К. дал ему приготовленный меморандум, они любезны, но, конечно, видны их истинные намерения. Н.К. был чудно принят в Федерации художников, и они были поражены предложением иметь даром помещение в Доме. Доктор Кеппель и доктор Форест — два их попечителя, и мисс Менскен им сообщит об этом. Хотя все и сошло удачно, все же Н.К. говорит, что из этого случая надо сделать огромную паблисити и раздуть все, ибо это не просто и протянется долго. На все нужно быть готовым, ибо у нас битва. А относительно Штраусса Н.К. говорит, что его нужно прижать, назвать ему богатых людей, и пусть он с них соберет для нас деньги. И все время говорить ему об этом, этим его нужно добить. Н.К. очень озабочен, ибо время тяжелое и атака на Е.И.

1.VIII.29

Н.К. сегодня утром говорил о том, что если Штраусс опять скажет, как вчера мне, что рассылаем слишком много приглашений, ответить, что это наше самое маленькое и нормальное дело и каждая галерея высылает 15 000 приглашений на каждую выставку. Затем прямо предложить ему, чтобы он через своих людей, на коммиссионных началах, продавал у нас классы, комнаты, стулья — именные в помещениях. Посмотрим, сделает ли он что-либо. Рассылаем письма — Н.К. настоял, чтоб сегодня ушло письмо королю Георгу и Макдональду. Н.К. говорил, что он себя чувствует “depaysee”* — не на твердой почве.

Днем мы с Франсис помогли вместе с Н.К. вкладывать приглашения в конверты. Вспомнили, как мы это делали вместе с ним и Е.И. еще на 54-ой улице. <...>

Н.К. сегодня весь светился, хотя и говорил, что у него не особенно приятное чувство. <...>

2.VIII.29

Получили телеграмму от Е.И. На предложение им заплатить сполна за землю правительство еще не дало ответа. Н.К. говорит, что вчера вечером, когда он сидел на постели, ему на руку упала капля большая — как слеза. Это пот Учителя — знак, уже данный раньше Н.К. и Е.И.

Затем Н.К. предложил пересмотреть бюджеты и сократить все возможные статьи расходов.

Днем все работали, были в Доме, смотрели свет в Музее — Н.К. очень огорчен: радиаторы занимают так много места на стене, что придется их закрыть, иначе картины погибнут. <...> Вечером поговорили и распределили статьи бюджетов, решили очень серьезно поговорить со Штрауссом. <...>

3 и 4.VIII.29

Я и Юрий были у Пальмеров. Мы чувствуем, они смогут быть очень полезными в будущем. Они были очень милы к нам. <...>

5.VIII.29

Н.К. просил, если Пор[ума] говорит о мелочах, выйти из комнаты, заняться чем-то другим или стараться прервать разговор. Иначе мы ей помогаем и делаемся такими, как она. Вообще, сказал Н.К., что лучшие дни — это воскресенье, без нее, когда она не приезжает. Тогда все можно успеть. Н.К. упразднил стипендии, заменив их Фондом средств на образование. Причем помощь идет лично через учителя, а не Школу. Учитель рекомендует и выбирает достойных помощи, но не жюри и экзамены — все это упразднить, ибо люди делаются паразитами, а потом врагами, и это пахнет благотворительностью. <...>

6.VIII.29

Н.К. говорит, что мы не знаем, кто и где виноват в Доме, — например, если что скажешь про неправильность, отвечают: “Мистер Хорш это одобрил”. Значит, выходит, что говоришь против своих же людей. Бесспорно, архитекторы предъявляют свой лист обид и жалоб. Бесспорно, Логв[ан] делал многое сам, а говорить теперь поздно и нельзя. <...>

Мы все были днем в Доме. Н.К. увидел, что Школа далеко не готова и мы не можем [туда] выбраться. <...>

С Истманом по картинам Н.К. выбрали рисунки для витражей в Доме и Музее и также для занавеса театра. Днем был Штраусс, был отвратителен, сказал, что никого не приведет и мы должны сами находить людей, а также нанять организатора, чтоб он устраивал комитеты. Он ужасен. Н.К. недоумевает, что, где и кем испорчено между ним и нами и в чем он вообще будет полезен. <...>

Трудное время, и трудно здесь Н.К.! Сегодня мне сдавило горло до слез, когда мама сказала, что Е.И. больно за Фуяму, ибо ему тяжело здесь.

7.VIII.29

Н.К., видимо, очень ценит Вогана, тот говорил Юрию, что Н.К. считается предтечей приходящего теперь на Землю Спасителя и его можно было бы и объявить сейчас повсюду таковым, но это вызвало бы слишком разнообразную литературу. Затем он хочет писать статью в “Tribune” о Н.К. и его славе и огромном значении в Европе до Америки, чтобы показать, что *не Америка его* сделала. Просил дать ему ряд русских цитат — одним словом, предан Н.К. Он, вероятно, напишет книгу о Н.К., но об этом лучше молчать, пока Франсис напишет свою. Н.К. сегодня утром уехал в Elboran к миссис Букман на день, Нуця и я проводили его на поезд.

8.VIII.29

<...> Н.К. сегодня говорил, что у Букман вчера ничего особенного не было, кроме неприятного доктора Метснера <...> и доктора Бринтона, который хотел нам служить за 30 \$ и саркастически говорил о миссис Аттватер: “Посмотрим, что великого она совершит!” Н.К. находит его опасным. Н.К. ничего нам не говорил и не показывал писем Енточки и Е.И. — последних, полученных вчера.

<...> Днем поехали к Миндлину смотреть наши фильмы. Фильм “Кулу” очень хорош — можно что-нибудь сделать. <...>

Пришли Потоцкая, кузина Е.И. и племянница навестить Н.К. и уехали с ним обедать. <...> По приходе Н.К. обсуждали приглашения к 17-му октября. Флаги Музея и Дома, общую вывеску для всех Учреждений, приглашения, общие бланки, объединяющие все Учреждения под Знаком Музея со всеми Почетными советниками, много чудных идей дал Н.К. Но напряжение, как он сам сегодня сказал, все еще продолжается.

Пришло очень глупое, безграмотное письмо от Гувера, без малейшего знака благодарности за картину, и очень хорошее письмо из Госдепартамента. <...>

9.VIII.29

Н.К. говорил, что не видит, как он вообще сможет уехать отсюда. Все приняло настолько большие размеры, что те, кто не могут вместить, должны будут барахтаться, биться о камни, но все же будут унесены общим потоком. Как было с Боткиным — он шел против, был врагом, но все же должен был хоть и против своей воли, но плыть вместе со всеми.

Затем Н.К. просит не повторять попугайской формулы: “А я это говорила!”, “А я это знал или знала!” Это лишь возбуждает раздражение. Затем Н.К. говорил, что, безусловно, есть и будет неприятно, что мать Франсис будет жить в Доме. Но если заходит бесконечный разговор о ней или других неприятных вещах, лучше переменить разговор, выглянуть в окно, сказать, что где-то пожар, наконец, разбить стакан, но не продолжать вместе со всеми вредный для мыслей и развития сознания разговор.

Днем работали, вечером были все на ужине у Нетти, пришли миссис Уайтсайд и доктор Стоддарт, последний замечательный медиум. Н.К. дал ему подержать монетку. Он почувствовал сильные вибрации, увидел пещеру, вероятно, в Индии, в ней трон, на нем высокое лицо, ритуал. Затем мы все подали ему по одному вопросу на бумажке. Он с завязанными глазами щупал каждую и отвечал изумительно на все вопросы. На мой вопрос: кто даст деньги на станцию “Урусвати” — увидел женщину темной кожи, гладко зачесанные волосы, глубокие глаза и сказал, что помощь придет между третьим и серединой октября. Он очень милый и культурный человек. Они оба рассказывали много интересного. Н.К. дал мне прочесть последнее письмо Е.И. В нем она очень хвалит Ояну, называет ее истинным

сокровищем, говорит, какие у них чудные беседы, и сбоку приписывает: “Жалею, что не удалось иметь такие же часы с Радночкой” — что могу сказать! Вспоминаю, как Франсис сторожила нас на каждом повороте, была всегда вместе, не дала поговорить спокойно, не говоря о ее враждебности ко мне и отравлении времени, которое могло бы быть самым незабвенным и священным! Но, очевидно, так было надо, и я должна была пройти через это испытание. Лишь бы вырасти сознанием и не жить малыми мыслями!

10.VIII.29

<...> Сегодня с утра достигаю сознанием мыслей Н.К. и чувствую себя прямо на крыльях. Он при Франсис мне и Нуце начал говорить о понятии Учителя, Иерархии, что Индия лишь этим и держится — пониманием Учительства. Иначе бы давно распалась. И что в северных странах это понятие так высоко стоит — [в] Финляндии, Германии, Швеции. Конечно, это было [сказано] для нас всех, а в особенности для Франсис и понимания поручения, данного ей Н.К. <...>

Затем я опять говорила с Н.К. о квартирах. <...> Я сказала, что мы должны иметь две комнаты на случай приезда Мастера, как я это понимаю, как это было Сказано давно, при постройке Дома. Это нужно нам как наше Святилище, должно это быть не в доме Порумы, а изолированно от всех помещений, ибо там мы говорим с Мастером. Н.К. это очень понравилось, и он сказал, чтоб я подняла этот вопрос вечером, а он меня поддержит. Затем Н.К. чувствует, что Учреждения Кор[она] М[унди] и М[астер] И[нститут] должны иметь с ним контракт, датированный 23-им годом, по которому все картины поступают в Музей с правом их покупки от Музея. Это крайне важно закрепить, я это чувствую. У меня удивительно радостное чувство, и Н.К. сказал, что мыслью о Святилище показывается рост духа и сознания. <...>

Вечером имели чудную Беседу, я предложила идею о Святилище, Н.К. поддержал, и решили устроить ее на 28-ом этаже, украсив священными предметами и посвятив Учителю. Все радовались этому, кроме Франсис, которая в отвратительном настроении, кукуется на всех, огрызается, и Н.К. на нее смотрит и улыбается мне, что она, мол, сердится. Жаль ее и смешно вместе с тем. Истинный урок, как не надо поступать, глядя на нее. Н.К. послал телеграмму, приглашая капитана Беннона на неполную рабочую неделю, оклад 150 рупий в месяц, как консультанта для научной станции. У него было чувство сделать это сейчас же, показав англичанам, что он со своим планом по-прежнему идет вперед. Удивительно радостный вечер. Н.К. ласково на меня смотрел, по плечу гладил. А когда он касается моего плеча, будто целительная сила входит. Великий йог с нами!

11.VIII.29

Важные постановления Н.К.: Ориола и Флавиус официально установлены директорами пожизненно, у нас тринадцать директоров, каждый имеет право на две комнаты, итого двадцать шесть комнат. Это должно быть в протоколе, и каждый директор получает об этом бумагу. Кроме того, сегодня был составлен документ о контракте между Н.К. и Учреждениями в 1923-ем году о том, что он предоставляет право на покупку своих картин исключительно нам для Музея. Это очень важно, ибо мы должны стараться закрепить картины для Музея за нами. <...> Затем был Морей, предлагает устроить у нас в Музее концерты симфонического оркестра с его трансляцией. Пусть ищет людей и возможности для этого — мы берем его

спокойно, может, и не так скоро выйдет, и даже не он сможет это устроить, но дать ему возможность, ибо он таким путем говорит о нас.

Днем пошли все на 28-ой этаж обсуждать устройство Святилища — превосходное место. Смотрели квартиры в Доме, некоторые ужасно выкрашены! Вечером смотрели фильмы экспедиции, потом была Беседа. Н.К. опять говорил, что мы в океанских волнах и должны идти этим размахом. Мы успешны и не можем просить благотворительности, нам ее не нужно. Затем, когда 17-го октября все всем будет показано, мы сможем начать нашу кампанию на все публичные возможности в Учреждениях, продажу стульев, комнат и так далее. Иначе нам не пройти. Логв[ан] и особенно Порума опять не откликаются полностью на идеи Н.К. Что-то есть скрытое!

12.VIII.29

Утром Н.К. комментировал вчерашний разговор вечером с Логв[аном], когда тот ему при нас сказал, что он разочарован, что работа не делается и что у нас осталось мало времени. <...> Выходит, что мы прямо желаем денег как таковых, а лично работать для этого не желаем. Н.К. очень огорчен. Говорит, что абсолютно не видит возможности ему уехать.

Писали письмо от имени Логв[ана] к Н.К., официально извещающее его об избрании Почетным президентом и Председателем совета. Иначе, как Н.К. говорит, его вообще не существует в Учреждениях, ни как президента, ни как попечителя. Днем Н.К. видел мать Франсис, говорит, что она совсем ничего, только очень запущена. Что ей, в крайнем случае, можно и работу дать на дом, пересмотреть листы, сравнить. <...> Порума пошла с нами в Музей и опять нудела про стулья. Н.К. на это ей указал под лестницей, около лифта Музея, в комнатке [на]против библиотеки, места — все для стульев. Но уже довел до абсурда. Чтоб построить стены, истратить капитал и найти место для стульев. А картины куда угодно развесить, разложить, но главное — стулья. Как Н.К. говорит: предметы искусства, картины Музея в особенности ненавидимы Порумой. <...>

Вечером Н.К. предлагал цвет для флага Музея, заказать печати, [организовать выступление] оркестра на площадке Музея после открытия 17-го октября, чтоб многие пришли в национальных костюмах из International House*.

Сегодня я нашла у себя негативы после того, что Юрий заставлял Франсис найти их, говоря, что он дал их ей в Дарджилинге.

13.VIII.29

Рассказала Н.К. о том, что нашла у себя негативы. Он вспомнил, что сам мне их дал, но при этом сказал Нуце, Юрию и мне, чтобы не говорить именно в этом виде Франсис и всем, а просто, что Нуця нашел, не сказав где, а просто “возле книги, где-то возле другой книги”. А еще лучше вообще не говорить об этом, а через три недели, когда они будут напечатаны и кто-то спросит, как они нашлись, сказать, что это уже, мол, давно найдено, и не распространяться об этом. Удивительно благородно Н.К. ограждает каждого из нас от огорчений и неприятностей. Говорил о Логване, что он широк по замыслу, и вчера сказал, что, если бы он был богатым человеком, он бы продолжил Музей на весь этаж Школы, а ее передвинул бы на следующий этаж. Конечно, Порума его все время задерживает. Затем Н.К. говорил о стипендиях, давать из Фонда средств на образование на пробу — один месяц или больше в зависимости от успехов ученика, а не на год. И судить

об этом может только сам учитель. И не проводить экзамен на стипендию, а прямо извещать в каталоге Школы, без особой паблисити, жюри. <...>

Затем я присутствовала при свидании Бурлюка с Н.К. Тот принес набросок своей книги о Н.К. — очень неплохо. А затем Н.К. показывал ему картины — в его грубом теле сидит очень чуткая душа. Он назвал картины Н.К. аккумулятором внутренних ощущений и сказал, что они заряжают зрителя электрической энергией! Редко кто это говорил до сих пор! Совсем недурной человек.

Вечером Н.К. предложил читать каждый вечер полчаса второй том “Агни-Йоги” (я об этом с ним совещалась утром с Нуцей вместе), все радостно согласились. Всем были розданы письма о пожизненном праве каждого директора на две комнаты в Доме. Сильное Указание про Гувера, что он погибнет. Потом читали памфлет для всех Учреждений — очень приятное чувство. Если бы только Порума продвинулась вперед! Светлые, неповторимые минуты с Н.К.! Терп’им до необычайного, но также и доведет до абсурда там, где люди тупо упираются в точку. <...>

14.VIII.29

<...> Утром Н.К. говорил, что Порума вчера вечером была гораздо лучше, говорила, что Учреждения стоят лишь духом. Затем Н.К. сказал, что все же важные дела закрепляются этими днями: попечители на всю жизнь, пожизненное пользование двумя комнатами каждым попечителем. Утром была выдача дипломов, памятных знаков лучшим художникам Школы. Франсис прекрасно говорила, Корбет был очень неприятен и плохо говорил. Днем выбирали цвет Музейного флага, что очень трудно, ибо Н.К. решил, чтоб он был из фуксина* со светло-голубым. Смотрели образцы очень интересных открыток для наших будущих рождественских открыток. Вейкерт, Альберт Котс, миссис Мигель приняли [звание] Почетного советника Музея Рериха. Днем Н.К. и мы беседовали, что нужно добиваться гражданства, ибо этот самый важный вопрос будто бы остановился. Решили на будущей неделе устроить свидание в Вашингтоне с министром труда Дэвисом. Утром у Н.К. был мистер Мелон из Цинциннати: почитает Махатм, едет в Россию найти душу народа. Все его восемь детей имеют “Himalaya”, и он велел всем им изучать каждое слово и каждую картину. Очень хороший, духовный человек.

День очень тягостный атмосферой. Н.К. и мы все чувствовали сонное состояние среди белого дня. Вечером начали читать “Агни-Йогу”, а Франсис — сверять перевод.

15.VIII.29

Н.К. — воплощение доброты и радости за других. Сегодня утром он так радовался, когда я ему показала готовые статьи для отсылки Бурлюку и Тарухану — “Рерих в музыке”. Затем мы пошли [смотреть] на здание, и ему было больно видеть, как много внимания архитекторы положили на ресторан, где соблюдена симметрия, потолок правилен, а на Музей никто внимания не обращал, торчат неровные колонны, никакой симметрии — обидно было за Н.К. И чайная комната внизу отличная, и хранилище Корона Мунди больше, чем нужно, а Музей самый убогий в смысле построения и планировки. Затем Н.К. дал ряд указаний Истману для Тибетской библиотеки, вошел во все детали, выбрал рисунки — желтый фон, а также алый — будет замечательная комната.

Днем я была у Райкера в “Musical America”, он принял статью “Roerich in Music” [“Рерих в музыке”], пришла и рассказала Н.К. Он был очень рад, советовал

мне рассказать Поруме, что у меня, мол, было интервью с ним, и Логвану сам рассказал. <...> Он ласков, добр, во все входит, готов всем помочь, даже карточки с Порумой читает для отсылки к 17-му октября, чтобы и она была довольна. Со мной трогательно ласков, подшучивает, одобряет, дает советы, как самой все делать, чтобы другие и не знали, а дело бы двигалось вперед, что есть самое главное. Дивный, светлый учитель — Махатма с нами!

16.VIII.29

Утром беседовали о том, что Франсис не может быть в таком скверном состоянии, как она сейчас. Н.К. говорит, что Учитель ей дал огромное дело, увеличил жалованье, помог в семейных делах, а она ходит, внося дисгармонию в дела. Это надо убрать, ибо, если придет кто-либо, кого мы пожелаем приблизить, а у нее будет такое вредное настроение — это будет вредно для дел. Затем мы пошли с Н.К. в Дом — смотрели наши квартиры. Н.К. должен будет взять передние комнаты Светика, а ему отдать свои, ибо у него плохой свет — не северный — для писания картин. Затем Н.К. поехал к Дабо смотреть его картины — тот был очень тронут и подарил Н.К. свою картину. Он очень нравится Н.К.

После ланча я поехала с Юрием, Н.К. и Нуцей в магазины искать большого Будду для Тибетской библиотеки. Н.К. шутил, говоря о Доме, что теперь лифты *еще не действуют*, а когда жильцы будут жить, то скажут, что они *уже не действуют*. <...>

Сегодня Юрий именинник, решили вечером идти в театр. Записали сегодня двух учеников и так радовались, что Н.К. сказал, видно, у нас это большая редкость — записывать новых учеников. Был Бурлюк, Н.К. очень хочет получить для прочтения его манускрипт, ибо может написать на руку большевикам — ему-то что! Вечером беседовали с Учителем — Учитель всех хвалил, повторено пять раз: “Доволен”. Н.К. говорит, что это неспроста, мы должны готовиться к боевым действиям — какие-то события произойдут, и Учитель нас готовит. Видели фильм “Four Feathers” — английское обожание и пропаганда войны. Они ведут в Америке изумительную пропаганду, работая в массах через романы, пьесы, фильмы. Это нам очень ценно знать. “Journey’s End”, “Black Watch” и этот — все о храбрости и славе англичан. Н.К. очень это отмечает.

17.VIII.29

<...> Н.К. утром говорил о том, что нам нужен оборотный капитал в 25 000 \$, и подал идею, чтобы Логван одолжил эти деньги в том банке, где когда-то он одолжил 25 000 \$ для “Ур”, и на три месяца до декабря все наши дела смогут существовать, пока Дом и дела не начнут получать доходы. Ибо мы решили, что излишек дохода по Дому покроет эти 25 000 \$ для Учреждений. Чудесная идея!

Вчера был разговор о машинках, нет денег купить новую, и Н.К. был недоволен, ибо у нас дела огромные, а приходится говорить о малых вещах. Значит, теперь нужен оборотный капитал. В понедельник решили звонить в Вашингтон и пригласить нью-йоркского сенатора быть председателем программы мероприятий 17 октября.

<...> Были Таня и Тарухан. Он строит отель, будет иметь аэропорт у себя. Мы едем его навестить в эту пятницу. <...> Вечером говорили о том, чтобы собирать наших ближайших учеников и беседовать с ними два раза в месяц об Учении, Н.К., его идеях и искусстве. Называть эти беседы “Talks on Art” [“Беседы об искусстве”]. Оказалось, что Бурлюк распространил слухи о посылке экспедиции Рериха

Ленинградской академией наук. Значит, с ним надо быть настороже. Говорили о родных, Н.К. с юмором говорил о своей сестре, что она уникальна, что ее никогда в семье не портили, ибо она уже родилась кристаллизованной, хотя и была единственной и старшей дочерью. Между ней и Н.К. десять лет разницы. Их семья состояла из восемнадцати человек, а осталось лишь четверо.

Опять Н.К. говорил, что надвигается что-то большое. События идут серьезные. <...> Н.К. устало выглядит — ему нелегко. Атмосфера вокруг тяжела, да и мы нелегки.

19.VIII.29

Очень тяжелый день. С утра Н.К. себя чувствовал плохо, уши будто заложило ватой и все внутри дрожало. Принимал мускус, пил валериан, но, видимо, страдал. Говорил о том, что все должны плыть вместе, в одном потоке, немыслимы плохие настроения, недовольные лица. Говорил, что нам нужны новые люди и мы должны искать их, привлекать их, дать им свободу и не ожидать, как от рабов, немедленной работы. Как, например, Логв[ан] говорил, что миссис Аттватер уже в сентябре сможет продать массу картин. Ведь так думать — это абсурд и опасно[сть] для дел. Или, говоря о Енточке, сказал, что ей надо научиться понимать, что дружба очень хороша, но хвалить людей во что бы то ни стало вредно и для них, и для себя, и для дел. Хозяева ушли из дел, остались лишь общие работники. Надо избежать чувства приживальства — это очень вредно. Например, человек скажет, что на дворе солнце, когда льет дождь, кто-то, желая ему сделать приятное, поддакнет. Тот выйдет на дождь, хорошо промокнет и будет ругать своего же льстивого друга, зачем тот не доказал ему, что на дворе дождь. Если у Порумы духовный порыв, надо об этом знать, обойти это, но не хвалить ее за это! Видно, Н.К. недоволен был ее отчетом и неумением отличать вред от пользы. Н.К. работал с нами над проспектом Общества Друзей, закончил его; видимо, все торопит. Но страдал он целый день. Вечером было сильное Послание, чтоб торопиться и направить все мысли на Музей. Логв[ан] и Пор[ума] были на даче, в город не приехали, боимся, что они не очень уж правильно мыслят, когда остаются одни, особенно она. Очень было тяжело.

20.VIII.29

Замечательно то, что какие-то разговоры были вчера между Порумой и Логв[аном] — мы это чувствуем. Н.К. сегодня лучше, он говорит, у него очень редко бывает такое настроение, как вчера, — его энергия нужна Учителю для многих других дел, и нам теперь Указано сидеть вместе лишь два раза в неделю. Н.К. был у Корбета, очень завоевал его, тот единственный пока из всех людей в Нью-Йорке, как говорит Н.К., сказал ему, что Восток с его миллиардами людей очень нужен Америке для взаимных отношений. Он еще нам будет полезен. Н.К. дал ему подарок. Затем он посетил миссис Робертс, тоже дал ей подарок, и она ему говорила, что все люди поражены ростом наших Учреждений и потому болтают о нас вздор. Она хочет дать у нас в Школе [лекцию] “Making of a magazine” [“Создание журнала”]. После ланча Н.К. был очень расположен, шутил. В 4 часа была миссис Дэйл, Н.К. говорит, что произошла великая трагедия — она слышала, что мы изумительно успешны, нашу площадь арендуют на 75%, и картины Н.К. величайшие сокровища, и что мы должны их хранить, но не продавать на сторону. Вот и вышло, что это правда, против этого не пойдешь, а как же она нам будет полезна и как даст деньги!!! При этом она скупа!!! “Величайшая трагедия!” — говорит Н.К.

Вечером пошли на лекцию миссис Уайтсайд о Жанне д'Арк в Rosicrucian Center [Розенкрейцерский Центр] — все очень добрые, симпатичные люди, ищущие Учения. Н.К. опять вчера сказал: покуда он с нами, все хорошо, а как только уедет, все пойдет плохо. Потому Юрик его пилит, когда он вообще сможет уехать!

21.VIII.29

Утром Н.К. говорил, что Логв[ан] вполне [все] понял, когда Н.К. сказал ему, что дети не могут гулять на Бродвее среди низших эманаций и, наоборот, когда они вырастут, как они оценят возможность иметь террасу и свою комнату. Несчастны же дети, которые должны гулять на Бродвее, но что Н.К. первый протестует, если дети Логв[ана] будут делать то же самое. Логв[ан] почувствовал, что Н.К. из всего делает самое возвышенное. Сегодня было послано длинное письмо Корбету о возможностях в Азии для Америки. Был Яременко, будет печатать на английском книгу о Н.К. с иллюстрациями. American Bond & Mortgage сказали Логвану, что, так как наш Дом стоит на 200 000 \$ меньше, они выключат нас из займа. Положение серьезное, но Логв[ан] берется все сделать. Ловенстейн, с которым он созванивался по загородному телефону, приедет 1-го сентября все уладить. Пока важно, чтоб они оплатили счета до 1-го. Завтра Н.К. навестит Шугармана в его кабинете, ибо он нам теперь нужен.

Н.К. вечером говорил, как их большой друг, адвокат, их предупреждал: “Помните, не берите адвокатов, вовлекут в дела, ибо должны же они существовать”. Затем вспоминал известного Гржебина, редактора социологической прессы, жулика. Он долго должен был Н.К. деньги за статью, но не платил. Однажды пришел и принес чек на 300 рублей. Н.К. изумился, но взял чек, дал ему расписку. Тот же попросил вдруг большую сумму займа. Н.К. сказал, что не имеет. Тот начал спускать, дошел до 350 руб[лей] и сказал: “Ведь 300 руб[лей] вы уже имеете”. Н.К. расхохотался и дал ему деньги. Мадам де Во Фалипо просит сегодня в письме Н.К. дать одну из его картин Гималаев в дар Люксембургскому музею от имени Французской ассоциации. Н.К. даст картину “Майтрейя”.

Н.К. вспомнил, как мать Е.И. не [могла] запомнить названия Талашкино и все говорила Калашниково. Однажды Е.И. ей сказала: “А что бы ты сказала, если бы люди называли твое имение вместо Конищево — Вонищево?” Это ее заставило [за]помнить название Талашкино моментально.

Н.К. очень удивлялся наглости банка и взяточничеству во всей постройке, особенно профсоюзных работников. И сказал, что образуется профсоюз из непрофсоюзных работников, в него войдут миллионы людей и в стране произойдет революция.

21.VIII.29

Положение серьезное. American Bond не платит своим людям жалования. <...> Н.К. опять очень озабочен, неважно себя чувствует. Утром Н.К. говорил: “Ну что, Нуця уехал, нас все меньше остается, как оркестр, который остался при одном лишь дирижере!” <...>

О детях Логв[ана] Н.К. говорит: “Мы все говорим о том, как они чувствительны, а вот не понимает Пор[ума], что нельзя же им гулять по Бродвею. А то тоже будем всё извинять, они, мол, чувствительные, а глядишь, и вырастут упрямые, своевольные, капризные”. Вот где нужно разграничить. Вообще нельзя ставить детей в красную, особенную рубрику.

<...> Получили телеграмму от Свет[ика], будет на следующей неделе. <...> Н.К. плохо [вы]глядит, очень встревожен. Вечером Логв[ан] принес плохие новости — придется ему платить некоторым подрядчикам, иначе пойдет плохая слава. А завтра он, по совету Ловенстейна, вручит Моору письмо о том, что мы его привлечем к самой суровой ответственности. Увидим, что выйдет. Решили выбраться в Дом раньше. Указано спешить. Трудное время.

22.VIII.29

<...> Н.К. утром чувствует обостренность положения. Днем Луис сообщил, что American Bond сказали, что не в том дело, прав он или виноваты они, а что у них нет денег и чтоб он перезаял 200 000 \$. Ловенстейн посоветовал, чтоб Луис добился от них письма о том, что даже если Луис теперь авансирует деньги подрядчикам, все же их обязательство к нам по контракту остается по-прежнему. Луис пошел днем к Моору и после упорной беседы в полтора часа с ним добился от него этого письма. Конечно, это письмо нам нужно, а пока Логв[ан] даст самые необходимые суммы контракторам. Н.К. озабочен, что нам нужны 27 000 \$ для начала дел, ибо как же мы начнем наш год до притока денег — не ходить же за каждой мелкой суммой к Логвану. Банк, где Логван имеет друзей, отказал ему в займе в 25 000 \$. Н.К. предложил, чтоб мы взяли в банке деньги под его ценные бумаги, ибо теперь они ему не нужны. Н.К. советовал Логв[ану] поехать завтра в Олбани для консолидации всех Учреждений. Я устроила, что завтра мы начинаем выбираться. Масса дел, прямо разрываешься на части. Н.К. даже сказал мне, как жаль, что я не могу разделиться на три части и действовать на три стороны. Завадский привел менеджера, который хочет снять у нас театр на интересных условиях. Увидим. В субботу мы увидим Миндлина.

Вечером ужинали с Н.К. у Чайлдса, беседовали, работали. <...> Решили работать по вечерам, чтобы успеть и подвинуть дела быстрее. Все же Н.К. чувствовал, что все затруднения ко благу.

23.VIII.29

Сегодня Н.К. заметил, что, когда кто-либо из учащихся опаздывает к назначенному часу, не ждать его, а менять время на другой раз — пусть приучается к дисциплине. Когда Франсис сказала, что жители Южной Америки всегда опаздывают, Н.К. сказал: “Значит, они не будут успешны”.

С утра пошли с Н.К. в Дом следить, чтоб маляры красили в нижних этажах. <...> Днем, по желанию Луиса, мы переезжали, но вообще было глупо это делать. Н.К. говорил, что не нужно, чтобы его знали как писателя статей и поэтому особенно стараться, чтоб его статьи Франсис носила в журналы. Другое дело — это книги Н.К. Их можно выпускать сколько угодно. <...>

Он, видимо, устал, ибо выдает огромное количество энергии и часто даром. В Доме многое ему неприятно — безобразное фойе, уродливые ниши в ресторане. Но он говорит [глядя] на всё: “Ол райт”*. Вечером открыли, что Викман, наш бывший учитель, которого Порума выгнала прошлым летом, — мультимиллионер. Узнав, как это случилось (на его место взяли Бистрана, а его просто выставили), Н.К. был поражен этой неэтичностью. Устала я невероятно, да и мы все!

24.VIII.29

Утром говорила с Н.К., что мне очень неприятна мысль о том, чтоб одолжить деньги под залог ценных бумаг Н.К. Он согласился со мной, но спросил, как же поступить иначе, если деньги нужны для Учреждений, чтоб войти в жизнь. Больно трогать деньги Н.К. <...>

Говорили об Ориоле, которая сказала матери: “Если ты не разрешишь мне играть, я начну плакать”. Ведь это может вырасти истеричное, капризное, своевольное существо! <...> Вечером все беседовали о текущих делах, пошли в Дом, там все движется, потом Пор[ума] и Логв[ан] уехали и я с Н.К. читали гранки Бурлюка, хохотали до слез. Абсолютно безграмотно и бессмысленно написано, совершенно бессвязно. Он какой-то невежда. Но что делать! Он ведь выпускает эту книгу.

25.VIII.29

<...> Пошли с Н.К. в Музей. Каждый раз когда мы в Музее — это ему нож в сердце: уж больно безобразны стены! Пришли обратно, и великий учитель наш со мной по пыльным, душным чуланам считал картины свои и Корона Мунди. Пачкались, пересчитывали, но сделали все сами до конца!

Днем Н.К. очень понравилась моя идея употребить уже имеющуюся корпорацию “Ур” для сношений, торговли с Азией. Пошли ужинать с Заком, и Н.К. этот вопрос с ним очень подробно провел, ибо тот умница, имеет массу связей и может быть очень полезным. Тем более что он очень зажегся всем! В общем, возможности огромные, авось найдем нужных людей через него.

Н.К. вспомнил днем, что, как Учитель говорил, так и вышло. Франсис абсолютно ушла от общих дел. И теперь занимается одним: Издательством Музея Рериха.

26.VIII.29

Переезжали в новое помещение Школы, в 310 Риверсайд Драйв с раннего утра и еще не закончили — завтра закончим. Очень устала.

Вечером приехали Н.К. и Юрий из Чураевки, где в уплату за долг устроили, чтобы Тарух[ан] дал нам на 370 000 \$ земли. <...>

27.VIII.29

Сегодня с утра продолжали переезд, закончили в 5.30. Устали все. Пор[ума] приехала с утра и следила за всем. Н.К. показал мне письмо, в котором он пишет Е.И.: “Бедная Радна стоит на сквозняке, ибо в конце концов весь переезд был сделан ею”. Затем Н.К. продиктовал мне коротенькую заметку о Дягилеве, которую он послал в журнал “Danse” по их просьбе. Говорили о Франсис. Он согласился со мною, что она ничуть не изменилась, а такая же, как и была. Но людей не переделаешь, говорит Н.К. Он прав. Я та же, что и была, при всем осознании всех своих ужасных ошибок и трудного характера. Когда же я переменюсь! Мне очень трудно. Говорили об “Ур”, ибо Зак предлагает финансировать это дело. Решили вечером объявить, что истратили уже 97 000 \$, включая экспедицию Н.К. и нашу поездку в Монголию. Пошли смотреть Дом — многое в нем подвинулось.

28.VIII.29

Н.К. сказал замечательную вещь, когда я ему говорила, как трудно работать: “А вы смотрите в будущее, только в будущее! И на все, что теперь, не обращайтесь

внимания”. Так и запомню. Все еще устраиваемся в Школе, досадно, что многое не сделано, как должно было быть. Но что поделать. Н.К. тяжелее, чем кому-либо. Однако он молчит и улыбается.

29.VIII.29

<...> После ланча мы поехали с Н.К. в студию Истмана. Окна с витражами, которые он делает, вышли очень хорошо. Н.К. отметил большое сходство со Св.Сергием. Н.К. говорил: в закладку Дома положен портрет Учителя. Эмблема Дома, а над Домом — “Master of the House”, где еще можно найти сочетание всех таких высоких знаков. Для этого и стоит работать! Пошли на квартиру Светика в “Ritz Tower”*, пересмотрели, все ли хорошо, купили цветы и конфеты. Потом <...> поехали все встречать Светика. Он приехал, Дом ему понравился, но не их квартира.

30.VIII.29

Утром занята, вижу людей по Школе, телефоны, диктовка писем, Н.К. беседует со мной о денежном вопросе — все же думает дать свои бумаги, чтоб получить для нас, т.е. Учреждений, 10 000 \$. Ибо такой долг, он правильно чувствует, нам придется ему отдать. <...>

Вечером ужинали у Луиса, высчитали, что нужно для Учреждений 9300 \$ на сентябрь. Светик премил, Н.К. о всех заботится и желает, чтоб всем было хорошо и удобно. Как отец родной для всех.

31.VIII.29

<...> Днем мы ходили по Дому, все рассматривали, а вечером Н.К. устроил, как он говорит, “benevolent conspiracy”*. Просили меня одну приехать к Светику в отель ужинать с ними тайком от Франсис. Я так и устроила, беседовала с ними всеми, и решили, чтобы Н.К. своих денег не предлагал на покрытие расходов первого месяца, ибо этот шаг не нужен морально. Деньги должны придти другим путем. Затем мы поехали — я, Н.К., Юрий и Светик — смотреть “Hallelujah” [“Аллилуйя”]. Чудное звуковое кино, прекрасно провели вечер. Так радостно с Н.К. Он сегодня такой ласковый, все гладил меня, говорил, что он согласен со мной в денежном вопросе. Чувствую, что он был доволен мною сегодня. Логв[ан] еще днем уехал домой. Завтра мы едем к нему на дачу.

1.IX.29

Утром в 9.30 Н.К. мне диктовал письмо к Блюму, и вдруг на моих глазах мое кольцо с чашей совершенно почернело — так продолжалось до вечера. Конечно, мы встревожены, но пока еще не знаем причины. Поехали на дачу к Поруме. Н.К. вручил Флавию письмо о попечительстве.

Сцена была прелестна — сняли фильм и фотоснимок. Ориола больна и уже сильно испорчена уродливым воспитанием Пор[умы] и Логв[ана]. Вырастет истеричной барышней, как говорит Н.К. А это очень жаль. Н.К. ее не чувствует, но Флавия ощущает. У них в доме очень серая обстановка, провели тяжелый день. Сильно пошли назад, особенно Порума — ее методы воспитания те же, что и при Джин.

2.IX.29

Сегодня беседовала с Н.К. об Ориоле. Н.К. говорит, что у них в доме атмосфера психической инфекции и нет веры в то, что сказал Учитель. Все это положение неправильно, и у них тяжелая, серая атмосфера в доме и трудное положение. Н.К. также намекал на это и Логвану.

Затем мы [по]шли смотреть Дом. Н.К. удивлен, что и Холл, и Логван неделю тому назад говорили, что Дом готов и что все идеально, а теперь все надо перестраивать и перекрашивать и тратить новые деньги. Кому тогда и верить! <...> Очень мы смеялись, когда Н.К. спрятался в чулане и пугал [нас] оттуда, а Юрий и Светик потащили меня туда. Затем смотрели их квартиру, думали об устройстве полок и кухни. Днем Н.К., Юрий и Свет[ик] поехали в Вашингтон повидать секретаря Дэвиса относительно гражданства Н.К. и Юрия. Н.К. так трогательно ласков ко мне эти дни, отметил, что я вчера страдала в доме Нетти, все гладит меня, берет под руку, говорит, что я все знаю и права в том, что говорю. Прямо не верится, что он так тепло и хорошо думает обо мне. Хожу как на крыльях.

3.IX.29

День жары, грязи, пыли и труда в Школе. Н.К. приехал поздно вечером, и мы его не видали.

4.IX.29

Поездка в Вашингтон была нужна тем, что Дэвис сказал, что Н.К. может получить подданство лишь через билль, одобренный Конгрессом. Тут сможет пригодиться Блум. <...> В английском посольстве секретарь им сказал, что думал о них всю ночь на воскресенье (вот почему потемнело мое кольцо!) и просил их дать ему доказательства, что Н.К. не был в Ленинграде, а лишь в Москве.

Н.К. недоволен Луисом. Он говорил о том, что Школа и Дом в превосходном состоянии, еще неделю назад, а теперь признаётся, что ничего не сделано. И действительно, у нас грязь, сумятица и всё в безобразном виде. И кому нужно было, чтоб мы переехали в этот бедлам? Неизвестно.

Я плохо себя чувствую. Н.К. очень участливо ко мне относится и все спрашивает, как мне. Затем мы говорили о денежном вопросе — у нас буквально нет денег в Учреждениях. Решили сегодня, чтоб Логв[ан] просил заем для Учреждений в Chattam and Phoenix Bank. Нам необходимо иметь 10 000 \$ на месяц. <...>

5.IX.29

Утром говорила с Н.К. о Франсис, что она ничего не хочет писать для Учреждений. Н.К. советует тренировать Пауэлл, диктовать ей, чтобы во всем была свежая кровь. Иначе все время тот же язык, те же слова Франсис. Ибо, как он говорит, если он ей диктует “the best”, она пишет “the worthiest”*. И он это заранее знает. Все думаем, как бы достать денег на необходимые нужды Учреждений, решили пока одолжить у Логв[ана], что я и сделала при всех. Он пока даст. <...>

Ездили с Н.К. смотреть фильмы о Кулу у Миндлина — они чудесны. <...> Вообще, несмотря на трудное положение, Н.К. весел и бодр, верит в будущее.

Получено чудесное письмо от Е.И.

6.IX.29

Н.К. все спрашивает, как я себя чувствую, находит, что я плохо [вы]гляжу, озабочен этим. И мальчики так нежно заботятся обо мне, что [это] меня глубоко трогает.

Утром говорили с Логв[аном] о деньгах. <...> Видно, туго с деньгами. Но мы полны все надежд. Свет[ик] и я были у Миндлина, добились хороших идей от него для открытия театра. Он — дельный человек. <...> Затем вечером, перед тем как я ушла от Н.К., он мне сказал: “А мы Енточку отправим домой, а вас [возьмем] с собой в Кулу. Она приедет толстой”. (Тут я добавила: “А я поеду тощей!”). И мы все смеялись.

В эти дни я счастлива, несмотря на нездоровье и усталость. <...>

7.IX.29

<...> Бурлюк писал портрет Н.К., пришел с утра — портрет плох, но Н.К. не мог ему отказать. У меня целый день была работа по приему учеников. Н.К. предложил Луису показать, что мы занимаем 60% объема Дома, ибо оставшиеся комнаты, помимо наших, идут под коллекции Американского Музея. Идея блестящая, поможет нам для налогов. Днем Н.К. ушел с Франсис смотреть картины Кубини (бывшего иезуита). Я со Свет[иком] и Юр[ием] была в Школе. Франсис вернулась в Школу, а я с Юр[ием] и Свет[иком] пошла на дом к Н.К., оттуда поехали к Свет[ику] и у него ужинали. Затем он повел нас на кошмарную, грязную пьесу “Follow Through” [“Следуй до конца”]. Мерзость, стыдно было смотреть. А такой святой человек, как Н.К., должен был высидеть. Вышли из театра, ливень, час мокли, пока достали такси. Н.К. говорит, когда идешь смотреть гадость, ничего из этого хорошего не выйдет. И что ужасно — людям это нравится. Люди буквально озверели. Жутко жить в городах.

8.IX.29

Утром немного беседовала с Н.К., искали телеграммы для английского посольства в Вашингтоне, чтоб доказать им, что Н.К. не был в Ленинграде. <...> Затем немного беседовала в Школе с Н.К. Настроение у него и мальчиков превосходное. Потом они уехали со Свет[иком] к нему, приглашали меня с ними, но я отказалась. Пошла с мамой, Франсис и Логв[аном] ужинать, ему очень нравится роль управляющего и домоправителя. В 8 часов пришел в Школу Зак, я присутствовала при общей конференции с Н.К., Юрием и Светиком. Результаты будут, ибо он полон энтузиазма, хочет наладить экспедицию в Азию при содействии Музея Рериха, найти большие средства и [привлечь] видные фирмы для участия в этом, будет одним из попечителей. Одним словом, крайне полезный человек. Ушел поздно, ибо мы показывали ему Музей и Школу. <...>

Замечательно Н.К. ответил Заку на его слова, что он очень занят и сможет уделить мало времени нашему делу: “Когда Ришелье был нужен человек для очень ответственной миссии, он всегда просил: позовите того, кто наиболее занят!” Заку это так понравилось, что он моментально согласился взять на себя наиболее сложную работу приготовления доклада Клейну в Госдепартаменте.

9.IX.29

Утром Логв[ан] очень раздражен и взволнован, был в банке, и те отказали одолжить нам 30 000 \$ под Учреждения. Нужны деньги, а их нет. Днем Н.К. поехал с Логв[аном] к Ловенштейну. Тот сегодня утром видел Моора и говорит, что они

прямо сказали, что не имеют денег, чтоб дать нам закончить постройку. Так что Логв[ан] должен дать 65 000 \$ в этом месяце. Положение трудное. Надо найти деньги, ибо в будущем месяце нужно дать 100 000 \$.

Приехала Нетти, жаловалась, что Ориола крайне раздражительна. Днем я видела много подающих надежды учеников. Вечером беседовала с Н.К. о трудности положения и что нужно продавать комнаты, стулья, самые разные вещи. Деньги нужны! <...> Вечером поехали Н.К., Свет[ик], Франсис и я, Морей, его жена к Рут Денис, по ее приглашению специально танцевать для Н.К. Она [все] еще чудесно танцует, несмотря на свои 60 лет, видна большая артистка. Он очень хороший танцор, но без ее огня и духовности. У них чудесный дом с верандами, огромной студией. Очень хороший вечер провели у нее.

10.IX.29

День упорного труда, приема людей. Н.К. сидит для бюста у японца-скульптора Ногучи. Суссман его интервьюировал для “Musical Observer”, также “Jewish Tribune” его интервьюировала. Вечером он, по приглашению Рамбовой, встретил Спалдинга у миссис Скотт. Пришел и рассказал нам, что этот человек или изумительный жулик, или же на службе у Скотланд Ярда. Слишком все гладко говорит и имеет свой Spalding Foundation [Фонд Спалдинга] в Англии и Калькутте. В Гоби открыл города, около Кучар, редкие манускрипты на шелке и привез редчайшую вазу, за которую Британский Музей предложил ему 300 000 фунтов. Н.К. хочет навести о нем справки, и Франсис поедет его интервьюировать. Он — автор книги “Master of the East” [“Мастер Востока”]. <...>

11.IX.29

Получили наглое письмо из английского посольства в Вашингтоне, требующее дополнительные документы о происшествии с экспедицией в Тангмарке. <...> Приняли миссис Бузениус для [открытия] кампании, она будет очень полезна. Логв[ан] дал сегодня 84 000 \$ за облигации American Bond & Mortgage. В Доме постепенно все устраивается. В Школе еще не все закончено. Вечером зашли на полчаса к Н.К. Он хочет послать благодарственные письма лицам, составившим комитеты.

12.IX.29

С утра кабинет Н.К. заполнен: Бринтон и Атватер, затем Селиванова и издатель. Вдруг приходит Морей с двумя очень подозрительными княгинями. Очень трудно, что Музей Рериха не имеет своего собственного кабинета. <...>

Днем пошли с Н.К. смотреть у Миндлина фильм “Jerusalem” [“Иерусалим”], но он не годится для открытия нашего театра. <...>

Вечером были у Н.К., готовили вопросы для Стоддарта на завтра, когда он будет у Н.К. <...>

Нелегко, денежный вопрос серьезен, деньги нужны извне. Хорошо если бы кто другой, но не Логв[ан] дал деньги.

13.IX.29

<...> Миссис Бузениус старается достать деньги из фонда миссис Лидс для нас. Н.К. сегодня положил мне руку на плечо и лечил меня, ибо у меня опять очень болит спина. И делает он это так ласково. <...>

Логв[ан] старается продать облигации, которые он принужден был купить у American Bond. В общем, он и Пор[ума] кислые, и Н.К. приходится особенно с ними говорить. Н.К. переезжает в “Ritz Tower” и просил меня помочь ему укладываться. В воскресенье в час дня мы с Н.К. обедаем у Колокольниковой, а затем едем к нему укладываться.

Вечером у Н.К. были доктор Стоддарт и миссис Уайтсайд. Он был приглашен профессионально и изумительно ответил на все наши вопросы. Он и она очень славные люди, но он поразителен: как он говорил про Рокфеллера, Форда — чудо из чудес, если все это сбудется. Ушли от Н.К. поздно, ибо потом разбирали вопросы. Н.К. подарил миссис Уайтсайд кольцо Майтрейи, а ему кольцо с бусиной.

М.М.Лихтман

14.IX.29

Утром Н.К. получил письмо от Зака, в котором тот выражает свое восхищение Домом. Н.К. ответил ему на это и на прошлое письмо (отказ принять участие в работе экспедиции) прекрасным письмом, но “выдавливая воображение”, как он говорил. <...> Луис узнал, что American Bond становится банкротом, это, возможно, будет нам выгодно. У Н.К. днем и к вечеру тревожное чувство. Вечер чудно провели [все] вместе у Порумы, смотрели фильм “Kulu” [Кулу] Свет[ика], потом много смеялись; Н.К. шутил, и было очень радостно.

15.IX.29

<...> Затем я поехала с Н.К. на обед к Колокольниковой, и она нас так накормила, что мы чуть не заснули после обеда. Очень смеялись, ехавши домой, ибо Н.К. все время ей говорил, что, если много есть, можно очень располнеть.

Приехали днем к Н.К., я и мама начали паковать его вещи, закончили, и он переехал на время к Светику в “Ritz Tower”, пока не освободится его квартира на 25-м этаже. <...>

Вечером были у Н.К. и рассказали ему, что Шугарман был сегодня у Логвана и требовал дополнительно 15 000 \$ за свои планы для Дома. Н.К. возмущен и говорит, что ему не только не платить, но и выдвинуть обвинение против него.

16.IX.29

С утра началась серьезная работа приема учеников и рутины по Школе. Н.К. видела утром мало, лишь читали вместе письма. Он послал прекрасное письмо Корбету в ответ на появившееся интервью его в “World” о нашем Доме. Миссис Бузениус приводит людей, которые могут достать деньги. Увидим. На ланч Франсис и я поехали к Н.К. в “Ritz [Tower]”. Говорили о нашем вредном списке — Ловенстейн, Шугарман, Штраусс. Н.К. решил пригласить Стоддарта к себе в отель, чтоб задать ему конкретные вопросы про кампанию, Форда и Рокфеллера. <...> Вечером я осталась работать в Школе и многое успела, но, к сожалению, не смогла

быть вместе с Н.К. и всеми. Н.К. мне сказал, что ему нравится, что я все делаю сама по Школе, и он находит, что темп Школы очень хорош.

17.IX.29

Говорила с Н.К., чтобы отделить для Енточки две комнаты, а потом их сдать для того, чтобы был доход и она могла бы его иметь, как мы уже давно решили, что каждый попечитель имеет право сдавать свои комнаты, иметь с них доход, т.е. делать с ними, что захочет. Потом Н.К. говорил, что хотя мы и написали на всех бумагах, что мы равные директора, но все же у Логв[ана] и Пор[умы] сидит эта мысль, что они еще хозяева. Но жизнь постепенно изживет это. И слава Богу, что всё на деловой почве, что Логв[ан] не жертвовал и не основывал, а просто одолжил деньги на Музей и Учреждения. Мы их отдадим и тем установим равенство. <...>

18.IX.29

Утром мельком видела Н.К. Он огорчен состоянием Музея, стены в пятнах, их нельзя закрасить, а найти новый холст невозможно. И выйдут обрубки в Музее, как говорил Учитель.

Днем пришли письма. Н.К. дал мне читать для всех вслух. Миссис Бузениус действует недурно, приводит людей, и мы надеемся на хорошие результаты. Вечером Н.К. принимал у себя в отеле доктора Стоддарта. Я работала в Школе. Юрий зашел к нам вечером и рассказал много интересного из того, что увидел ясновидящий Стоддарт.

19.IX.29

<...> Вечером у нас было собрание и решен был ряд вопросов о Миндiline и других делах. Н.К. сегодня мне сказал, что мы должны держать наш фронт вместе с Франсис, ибо нас больше. Он знает, что теперь идут неприятности, и готовится к ним. Бедный наш Н.К., он плохо [вы]глядит, замучен Домом и всем происходящим.

21.IX.29

Получили характерное письмо от Зака, пишет, что нам нужен человек с солидным окладом, чтоб [от]дать делу Азии [все] свое время. Он явно намекает на себя, и мы рады, что избавились от него. Н.К. меня утешал и пел все время: перетерпим и спасены будем. Пор[ума] <...> отказалась помочь мне в устройстве комнат, был неприятный разговор. Н.К. и говорил мне, что она “out of shape”* и не знает, что ей делать. Она приходила к нему плакать и спрашивать, что он хочет, чтоб она делала. А он ей ответил: “Общество Друзей”. Потом Н.К. говорил о своей уверенности, что Ента приедет другой, ибо она проводит все время в Учении. И по приезде должна будет взять прямую линию. Днем он со мной долго и дружески беседовал, говорил, что теперь все столь сложно и глаза всех обращены на нас. Потому нам и тягостно. Но мы через это тоже пройдем. Н.К. все гладил меня и жалел, как мне трудно. Люди миссис Бузениус пока не очень приносят и сегодня не особенно понравились Н.К. Но увидим. Вечером Н.К. пригласил меня к ним на ужин, было очень радостно. Затем мы были у Пор[умы], имели Беседу. Н.К. позже очень просто сказал о квартире для Енты. Пор[ума] была поражена, но должна была согласиться.

21.IX.29

Н.К. все поет: кто перетерпит, спасен будет. <...> Днем Н.К. велел заснять плохие места в Музее для архива. <...> Н.К. был поражен, узнав, что в Музее около 100 \$ и что 1000 \$, данные Ансбахом, которые вложили на счет, были моментально вынуты Луисом. <...>

22.IX.29

Сегодня утром говорила с Н.К., не лучше ли Поруму опять привлечь в Школу. Но Н.К. не хочет этого, ибо говорит, что она будет толкаться со мной, а если и Ента приедет, то будет объединение против меня, поэтому Порума должна работать для Общества Друзей, чтоб это Учреждение развивалось. Н.К., видимо, против ее работы в Школе. “Все для всех Учреждений и для всего, но каждый в своем Учреждении”, — сказал Н.К.

Н.К. сегодня устраивал приемную со старой мебелью, а свой и Светика кабинеты перевел в 23-й этаж. В кабинете Н.К. имеет свой стол Нуця. На этом же этаже Порума и Логван имеют свои кабинеты. Но Н.К. сказал мне: “Не буду же я филином сидеть наверху, а придется сидеть и быть внизу”.

Днем случилась замечательная вещь. Пришел жилец Дома требовать, согласно контракту, лекции и классы в Доме. Мы хватились — и действительно, в контракте мы обещаем лекции и классы даром. Вызвали Ловенстейна, он сказал: “Будьте великодушны, это поможет вам с налогами”. Мы решили дать три курса: искусство, музыка, литература — даром жильцам, три вечера в неделю. <...>

На ужин Свет[ик] и Н.К. пригласили меня, и мы все удрали от остальных. У них было очень весело, мы много смеялись, Н.К. шутил, было очень радостно и весело с ними. Такая радость быть с ними вместе.

23.IX.29

Утром приехал Нуця после месяца отсутствия в Белых Горах из-за сенной лихорадки. Опять масса работы с утра, прием людей. Н.К., конечно, все время внизу, а наверху в кабинетах никто не сидит, как раньше и сказал Н.К. К 6-ти часам вечера Н.К. и Свет[ик] пригласили Нуцю и меня на ужин. Мы поехали, Франсис дала лекцию в Rosicrucian Center, но из нас никто не пошел. Н.К. очень смешно изобразил, как он присутствует на лекции и все время кланяется, когда о нем говорят. Мы хохотали до упаду. Затем мы все сели и беседовали с Учителем — было чудно, и нам было Указано сидеть раз в неделю в этом составе. Н.К. прекрасно видит непорядок в Доме, но все пройдет. Нам всем нелегко, а все же мы переходим через препятствия. Когда Порума вчера сказала Н.К., что на лекции трудно достать публику и чтоб мы дали меньше лекций, Н.К. сказал ей — тогда надо закрыть церкви, ибо люди в них не ходят. Музеи вообще все закрыть. И она не знала, что ответить. Франсис пришла позже со своей лекции, злая и надутая, ибо Н.К. нас пригласил, а ее нет. Н.К. был, как всегда, добр и ласков, трогательно любовно относится ко мне, все гладит меня по спине, прямо лечит меня, ибо я очень устала. Было сказано на мой вопрос, что я скоро поеду в Кулу — осенью, но не с Н.К. и Светиком. Увидим. Так мечтаю поехать туда, прямо рвусь.

24.IX.29

<...> С банком неладно. Н.К. говорит, что он [Хорш] не разбирается во всем, ибо все говорится неясно, цифры все время меняются и выходит тягость.

Настроение трудное. Атмосфера у них в доме тяжелая. Сегодня и дети заболели — оба сразу, причем Ориола прямо нервна до истеричности, и поэтому у нее усилена астма.

Ужинали с Н.К., пригласили его и Юрика в “Longchamps”. Говорили о текущих делах, о какой-то разрозненности между нами, засасывании и бесхозяйственности. Один валит на другого, а о’кей* Луиса красуется на самых ужасных вещах и указаниях. Все это говорят — Джордон, Холл и другие. После ужина Н.К. говорил, что и Логван пройдет все, ибо, как на корабле, он уже поплыл и сойти нельзя. Пробыл третий звонок, сходни подняты. Первый день пассажир брыкается, второй, а потом идет по течению. Порума, будучи все время с детьми, пошла назад и вообще поглупела. Так что Н.К. опять повторил: нам лучше всего держаться с Франсис. Он говорил, что знает все ее недостатки, может тысячу вещей про нее рассказать, как она теряет ценные, только что продиктованные бумаги, но все же с ней лучше быть вместе. Идея Н.К. о предоставлении зала Музея для имени старика Рокфеллера одобрена Учителем.

25.IX.29

Сегодня в полшестого утра Луис вызвал сказать, что Ориола умерла. Оказывается, у нее развилась пневмония вместе с астмой, при сильных средствах и впрыскиваниях сердце не выдержало. Это сильный удар для всех. Конечно, ребенок очень страдал, и ей теперь лучше. Флавий опасно болен тем же, и все внимание на нем — дай Бог, чтоб он выдержал. Порума и Логв[ан] изумительно крепки и спокойны. Но душа болит за них. Это случилось в разгар полного успеха Дома и всех дел. Мы абсолютно не знали, что дети уже вчера были так больны. Мы просто думали, что у нее вечером был приступ астмы и пройдет, как и другие. Н.К. говорил, что уже теперь видны знаки новой эволюции — ускорение сроков воплощений, что гораздо лучше для человечества. Время очень тягостное. Уже вчера днем я и Светик определенно чувствовали тягость и понимаем, к чему это шло. Н.К. нам дает теперь всю свою силу.

26.IX.29

В 9 утра похоронили Ориолу — золотую птичку. Недолго она прожила с нами. Н.К. остался с Порумой [на] все утро и буквально исцелял ее, ибо она совсем без сил. Но она держится прекрасно, да и Логван, хотя у них глубокая рана, и больно чувствовать их страдания. Флавий очень серьезно болен — живет в кислородной палатке. У него бронхопневмония. Лишь бы он выжил. Все мы еле держимся на ногах от работы и последних тяжелых дней.

Но жизнь идет. <...> Ловенстейн был сегодня у нас — мы должны достать 250 000 \$. Нелегко! Бриз был, по-видимому, серьезно работает, чтоб достать фонд на итальянский Музей и отделы. Конечно, возможностей много, когда они материализуются — неизвестно. А пока Н.К. говорит, чтоб мы высчитали, сколько денег нам нужно к 1-му октября по всем Учреждениям. Где их вообще достать! Переживем и это!

27.IX.29

<...> Сегодня Н.К. навестил отца Келли, известного католического священника, друга Отто Кана и Spiritual Director of Catholic Writers Guild*, как он себя величает. Тот изумительно говорил об Н.К., Музее как о “великом

международном источнике красоты и искусства”. Сказал с улыбкой о протестантах, что они, мол, “протестуют и разрушают, и мы счастливы быть католиками!” Одним словом, говорил ловко и блестяще, обещал довести до кардинала Хейза сведения о Н.К. и Музее. Теперь, как Н.К. говорит, со всех сторон хвалят: большевики, англичане, католики — все!

Затем днем доктор Флейчер говорил буквально тем же языком, что и доктор Келли. Католик и еврей — знаменательно! У нас желание расстаться со Штрауссом, сказав о трудности нашего положения. <...>

Вечером было первое заседание сибирской группы, устроенной Тарух[аном] у нас в Школе. Было человек восемь сибиряков — люди славные. Н.К. сказал им чудесное слово, напомнив о Беловодье — о Сибири — центре Азии. Затем Москов прочел свою прекрасную статью о Н.К., Тарухан читал свои отрывки из книги.

Затем мы пошли наверх к Поруме. Флавию лучше. Они держатся бодро. Говорят об Ориоле очень спокойно и правильно. Светлый, дивный дух Н.К. Если бы не он здесь, не знаю, что бы было!

28.IX.29

Сегодня утром прибыл мистер Дэйрз, миллионер из Филадельфии, привез его доктор Бринтон, он хотел дать серебряные рамы на все картины Н.К., прислать черный бархат для стен, занавесей. Но в общем, возможно, что-то он даст. Забавный случай рассказал Н.К. Пришла старушка из Rosicrucian Center к Н.К. и все говорила: я, я, я. Одним словом, о себе. Потом просила помочь ей. Н.К. и сказал ей: “Вы очень эгоистичны и должны отучиться от этого”. А она в восторге говорит: “Вы мне помогли, ибо никто мне никогда об этом не говорил”. Днем Н.К. начал развешивать картины в Музее. Я случайно до развески пошла вниз и [только] зашла, [как] мне говорят: “Повсюду потух свет”. Я вызвала сейчас [же] электрика, обслуживающего Дом, и он исправил освещение. Конечно, Н.К. это предвидит все время — проблемы со светом.

К вечеру мы зашли к Поруме, а затем Н.К. пригласил Нуцю и меня к ним в отель на ужин. <...> Было очень радостно с Н.К., Свет[иком] и Юр[ием]. После ужина мы имели Беседу и получили ответы на очень важные вопросы. О Музее, Доме и так далее. Затем еще мы с Юриком, поехав домой, побыли у нас дома и пили валериан. Радостно быть вместе с Н.К.

29.IX.29

С утра прием людей, учеников, записи новых, урок. Затем Н.К. пригласил меня и Нуцю к ним в отель. У нас был очень характерный разговор. Н.К. говорил, что, когда он сказал Франсис об указании написать Гуверу и Бора лично, она его упорно расспрашивала — он это [указание] получил один и как он его получил, слышал ли и так далее. Одним словом, она подозревала, что мы получили его вместе. Вот он и говорил о ее ревнивой натуре и о том, что у нее все на столе пропадает и что теперь он кладет бумаги на стол секретаря, а Франсис его при этом спрашивает: “Значит, вы мне не доверяете?” И все же он настаивает, что паблисити мы должны писать сами, все делать сами, и настаивает, что это очень просто: надо взять старую паблисити за пример [на]писания. Увидим, как это можно будет провести. <...>

Затем я была до 7-ми в Музее, помогая при развеске картин. Порума просила послать телеграмму, что она хочет ехать с Флавием в Индию. Вечером Нуця и я ужинали у Н.К., получили в Беседе одну фразу, чтоб заботились о Музее для спасения дел. Все невероятно устали.

30.IX.29

День упорной работы. Н.К., видя, что мечусь повсюду, воскликнул: “Ну а где же Катенька? Ведь так же нельзя, ведь ему было указано Учителем помочь вам!” Я ответила, что я его больше просить не могу, а буду делать сама как могу (Катенька Голем — прозвище для Нуци). Н.К. прошел по классам, сказал, что нужно взять все-таки людей! И шесть человек мыли и чистили, пока не пригладили и не привели все хоть в мало-мальски приличный вид. Н.К. заходил мельком, погладил меня по плечу, сказал: “Миленькая моя”, но он сам замучен. Развешивает до ночи [картины в] Музее, а целый день занят. Пришла телеграмма от Е.И. с Указанием, что золотая птичка [Ориола] опять вернется. Порума мечтает уехать в Индию, но не знаем, когда сможет. Время трудное.

1.X.29

Школа началась при трудностях, служитель не пришел: пришлось нанять спешно кого-то и лихорадочно спешить, чтоб все приготовить, ибо все классы начались сразу. Но при всем наплыве учеников и новых приходящих записываться все шло хорошо. <...> Работы было по горло до позднего вечера. Получилась телеграмма, чтоб Порума с ребенком приехали бы по возможности скорее, а Логв[ан] позже с Н.К. поехал бы в Индию, а там его бы встретила Ента в Бомбее. Вечером нам было сказано, что нужно провести совещание трех адвокатов и судить банк за убытки. Если мы не атакуем их, нам будет плохо. Затем сегодня было открытие ресторана, Штраус и другие ужинали там и все хвалили. Музей подвигается в развеске. <...>

2.X.29

Сон С[офьи] Ш[афран]. Е.И. была с нами, прошла в Школу, вынула из сейфа и папок бумаги и облигации, начала их просматривать и была крайне огорчена. Затем пошла в Музей, все посмотрела и сказала: “Картины висят слишком скученно”. Затем прошла повсюду, по всем Учреждениям и сказала: “Когда же у вас будет порядок?”

Я беседовала с Н.К. об этом сне. Конечно, с бумагами трудно, не знаем, что Луис запутал и что он умалчивает. Но Ловенстейну верить нельзя. Относительно картин, говорит Н.К., это отчасти Светик устроил, развесив так тесно вещи и говоря, что это прекрасно, при всех. Но потом придется их распределить. Вечером при развеске Музея я помогала, устала невероятно. Н.К. сам еле ходит. Были у Порумы позже, решили отказать нашей домработнице, ибо она никуда не годится. Ходили с Н.К. смотреть все внизу — грязь невероятная, прямо антисанитарно.

3.X.29

День усиленной работы для всех. Все устали, Н.К. еле на ногах сам. В квартире Н.К. потолок до того намок, что провалился. Написал сильное письмо Шугарману, увидим, что тот ответит. Получено прекрасное письмо от Бора. Н.К. пригласил меня и Нуцю к себе на ужин. Завтра идут к адвокату узнать мнение о возможности действий с Домом. Рекомендован большой адвокат. Ловенстейн действует как бы в пользу наших врагов, но не на нас. Н.К. не думает, что Пор[ума] скоро поедет в Индию с ребенком, но просил нас не говорить об этом вообще. Пусть будет пока в пространстве. Музей хорошо развешивается.

4.X.29

<...> Развешивали [картины в] Музее, были у Порумы, имели Беседу. А поздно Н.К., Юрий и Светик пришли к нам, и Свет[ик] открыл моего Будду из Дарджилинга. Нашли редкие старые манускрипты и изображения на шелке. Будда приблизительно 16-го столетия, очень старый. Одним словом, было огромное волнение. Разошлись поздно. Чудный вечер.

5.X.29

Утром в Школу пришел Дэвид Грант — дельный адвокат. Тоже удивлялся нашему Ловенстейну. Затем мы все поехали к нему. Говорил он [Ловенстейн] прямо как адвокат нашего врага Bond & Mortgage, т.е. что мы неправы, а они ни в чем неповинны. Затем он нам доказывал, что у нас все хорошо. Одним словом, ужасное чувство, я прямо заболела. Завтракали с Н.К. у нас в ресторане. Днем были заняты, я — по Школе, затем развеской картин. Открывали Будду Франсис, но он не такой старый, как мой, и в нем мало что нашли. Затем вечером опять принимали участие в развеске, уже много картин развешено. Затем Нуця, я, Н.К. и мальчики ускользнули потихоньку и поехали к ним и там имели чудную Беседу. У них радостно, чувствуется такое любовное отношение от всех. Н.К. поцеловал меня на прощание — дивный, светлый наш учитель. Чудный сон мне снился, будто я с Н.К., Юр[ием] и Свет[иком] ходили по пещере в Гималаях, нашли ряд ходов, священные предметы в одной комнате, будто принадлежавшие Св.Сергию. Было чувство, будто это одно из пристанищ Учителей.

6.X.29

Днем имела разговор с Н.К. Говорила ему, как враждебно Франсис относится ко мне и как она всех третировает. Н.К. сказал, что до 17-го мы должны все перетерпеть, даже если она на голове ходить будет. Иначе многое не будет закончено, а главное — это не упустить 17-е, ибо с этим числом придут все большие возможности. Н.К. сказал, что она сегодня и с ним не хотела говорить, и Светику не отвечала, и он мог бы рассказать о ней в сто раз больше, чем говорит. Но теперь не время. А после 17-го ее отделят от других дел и ей придется показать работу по большому делу Издательства Музея Рериха, а теперь же, кто имеет больше всех терпения, тот и вырастет. <...> Говорил, как ему трудно со Светиком, что бы тот ему ни говорил, он должен молчать и говорить “да”, иначе будут сплошные неприятности. И какой трудный Юрий. Потом говорил о Боткине, что тот после 17-ти лет вражды к Н.К. пришел к нему и сказал: “Вы мой друг и всегда были им”. И это была истинная победа. Вообще, когда Боткин говорил ему: “А я думаю взять ваш кабинет себе”, Н.К. отвечал: “Отлично, правильно, берите!” А тот ему: “Ну а вы где же будете?” — “Найду, не беспокойтесь”, — отвечал Н.К. А тот этого пугался и говорил: “А не лучше ли оставить по-прежнему?” — “Да ведь вы же хотели?” — “Ну, я передумал. Я с вами останусь в кабинете”. — “Как хотите, и это можно”, — говорил Н.К. Так и нам, и мне поступать. <...>

А вечером мы с Франсис ужинали у них, а затем была Беседа и получили ценные Указы. Странно, что Свет[ик] настаивает на получении ответов и посланий через стуки.

7.X.29

Н.К. видел Брисбейна, говорит, что он глуповатый, но хороший человек. Во время завтрака Н.К. говорил ему о Тибете, а тот записывал. Обещал прийти в Музей. Миссис Бузениус пока еще ничего не принесла, а устройство итальянской комнаты вряд ли даст что-либо Музею, как говорит Н.К. Еще нам будет стоить содержание такой комнаты. Трудно у нас работать, беспорядок. И нелегко, ибо, когда что-либо говоришь, все против. Не знаешь вообще, как и поступать. Вечером поехали к Н.К. и сидели, имели Беседу. Было Сказано, что надо сидеть три раза в неделю, как и было Указано. Много трудного накопилось теперь, когда же будет легче!

8.X.29

Н.К. решил пригласить всех русских на открытие. Будет и бывшая Великая Княгиня Мария Павловна, и другие видные русские. Утром получено письмо от Бэттла, адвоката, что нам отказано в освобождении от налогов. Это будет трудно, если надо будет платить. Вечером Н.К. выступал по радио. Мы его слушали: говорил он необыкновенно ясно и звучно — отлично звучало. После мы отправились к нему на дом и имели Беседу. Получили ответы на вопросы. Завтра утром Н.К., Юрий и миссис Атватер едут в Филадельфию повидать мистера Дэвиса и миссис Тэйер — очень богатых и полезных людей.

8.X.29

Сегодня звонила Юрию в Филад[ельфию] сообщить ему, что Фикинс достал ему приглашение читать лекции в [городе] Гранд Рапидс штата Мичиган за 200 \$. Потом подтвердила его согласие Фикинсу. Днем у меня были Катрин, миссис Велч и Светик на чае. Было очень мило. До того Свет[ик] повесил у меня две своих картины. Затем он пригласил нас к себе на ужин с Нуцей. Уехали домой рано. Н.К. еще не приехал обратно.

Штраусс заложил облигации стоимостью 12 000 \$ за 10 000 \$. Так что с пожертвованиями Штамма и тем, что одолжили Джудсон и Розенталь, у Луиса [есть] 32 000 \$, которые он уплачивает подрядчикам. Мы чувствуем, что деньги у него есть, но он их не хочет давать. Он говорил Свет[ику], что сделал недавно на бирже 100 000 \$.

10.X.29

Н.К. утром говорил, что в Филадельфии было все очень успешно: доктор Бринтон познакомил с молодой барышней, мисс Вент, у которой шесть миллионов и совершенно одинока — она интересуется “Урусвати”. Затем Н.К. обедал у миссис Тэйер — известной миллионерши, она сказала, что знает про Н.К., ждала его и видела Учителя. Затем мистер Дэвис даст свою выставку к нам в Кор[она] М[унди] и будет полезен в будущем. В общем, все шло хорошо, и миссис Атватер и доктор Бринтон оказались полезными. Я завтракала с Н.К. у нас в ресторане. Он говорил, что люди приходят через Учение и хорошо, что новые люди и иногородние, ибо из Нью-Йорка не придут. Н.К. отсоветовал Пор[уме] ехать теперь в Индию, ибо, если она сейчас не едет, потом невозможно, ибо в Кулу суровая зима. Днем были миссис Ителсон и мистер Старр из Starr Commonwealth [Федерация Старра]. Первая хочет купить картину Н.К. Вечером Н.К. приглашал к ним ужинать, но я отказалась, ибо было много работы по Школе. Н.К. взял к себе в “Ritz [Tower]” Франсис с машинкой и диктовал ей массу нужных писем.

11.X.29

<...> Утром к Н.К. пришел Великий Князь Александр Михайлович с секретарем Румановым, был в восторге от Музея, провел все утро. Днем у Н.К. был Бринтон, завтракал с ним. <...>

Были на лекции Юрия, которую он дал для сибирской группы Тарух[ана]. <...>

12.X.29

У Н.К. был Скидельский, очень намекал, что ему следует за картины (два панно) больше, чем он получил пару лет тому назад, — от него можно ожидать пакость. Затем Н.К. навестил Лапрадель, очень много людей теперь ходят — все хотят видеть Н.К. и очень утомляют его. Днем мы все пошли смотреть “Storm over Asia” [“Буря над Азией”] — чудная картина Совкино, но такая пропаганда для большевиков, что нам невозможно ее показать.

Затем Нетти и Луис поехали домой, а мы все к Н.К. Имели Беседу — опять Сказано беречь здоровье Н.К., Поруме и мне. Указано, что Великий Князь познакомит Н.К. с миссис Хёрст. Я задала два молчаливых вопроса: скоро ли я поеду в Индию и будет ли мне легче на душе в ближайшем будущем после 17-го. На оба вопроса Отвечено было положительно. Я все недоумеваю, почему мы встречаемся отдельно от Луиса и Нетти — это на них действует тягостно. Это, вероятно, тягостно и Н.К., ибо он намекал на это и хочет вообще переехать в Дом. Как это возмутительно, что его квартира еще не готова. Все мы уже живем месяц, а его еще нет здесь. <...>

14.X.29

Получили замечательную телеграмму “Учителю Красоты и Мудрости, сочлену из Гималаев”, и в этот момент Нуця поднял флаг над Музеем в первый раз, пробуя его. Уже получаем телеграммы — замечательная от премьер-министра из Кулу, от Альберта Эйнштейна. Завтра ждем письмо от президента Гувера — устроенное Юриком через Пель. Сегодня утром все работали напряженно. <...>

Днем был майор Рапикаволи, который вчера приехал из Италии специально к открытию Музея. Н.К. думает послать через него послание и танка в дар Муссолини. Вечером ужинали у Н.К., потом все сидели вместе. <...>

16.X.29

Прибыли телеграммы от президента Французской Республики, Генерального прокурора. Изумительные послания и приветствия. Но пропадает масса писем для прессы, и было Указано оповестить прессу больше. Пропало важное письмо о Музее как национальной собственности в кабинете Франсис. Н.К. знает все, но все же выставляет ее при всех и поднимает. Очевидно, так нужно.

Сегодня за ланчем были с майором Рапикаволи — премилый человек. Вечером смотрели театр и электричество. Дай Бог, чтоб завтра все прошло благополучно.

17.X.29

Изумительный вечер — около пяти тысяч человек посетило Музей. Свыше семисот в театре присутствовали на программе речей. Все говорили хорошо и стройно, когда Логван сказал свою речь и дал медаль Н.К. и тот встал, чтобы ему

ответить, поднялась вся толпа в театре и стоя прослушали его речь. Говорил он изумительно, просто, ясно. Чувство у всех было самое возвышенное. Все чувствовали силу этого исторического события — открытия Музея опять в новом Доме. После того как толпа разошлась, мы немного побеседовали с Логв[аном], Пор[умой], Таней, Тарух[аном], а затем Франсис, Нуця и я поехали проводить Н.К. домой и у него посидели до 2-х. Н.К. особенно ласков с Франсис и ее явно выделяет. Маме сегодня снилось, что Дедушка принес Н.К. белое одеяние и сказал: “Сегодня ты надень его, брат, и носи с сегодняшнего дня”.

Дивный, великий, полный красоты и значения день сегодня — 17-е октября 1929 г., четверг, 9 часов вечера!!!

18.X.29

От Акерсона получена телеграмма, что канцелярия Гувера теперь очень занята и не могли прислать приветствие. Возмутительно! В каких руках президент! Ведь это опасно для администрации — Н.К. говорит, что все знают, что президент сам на почту не ходит и телеграмм не пишет, как и король или император. И что это за секретарь, который обещал послать приветствие от имени президента, а потом отказался. Пель, друг Юрия, подымет теперь целое дело. От Рокфеллера отказ, что он не дает своего имени для Музейного зала. Сегодня вечером все удрали без Франсис, и мы поехали к ним ужинать с Н.К. и мальчиками. Она вызывала, требовала Н.К. к телефону, но все же ее не пригласили. Потом мы сидели, имели Беседу и ответы на вопросы. Н.К. говорит, что теперь самое трудное — финансовое положение.

19.X.29

Сегодня Дэвис и Бринтон приехали из Филадельфии, видели Н.К., и Дэвис сказал, что хочет часть картин из Музея выставить в своем доме в Филадельфии, а на их месте устроить выставку своей русской и французской коллекции в Музее. Возмутительная идея, поддержанная миссис Аттватер! Н.К. им сказал, что он не против, ибо ничего другого не мог сказать. А затем мы сообща решили, что это ужасно и думать [об этом], и объяснили Аттватер, что Н.К. согласен, но попечители по конституции Музея не могут согласиться, ибо мы в прошлом отказали видным Музеям. <...>

Вечером у нас была Беседа с Учителем. Потом открывали Будду Порумы. Разошлись поздно. Мисс Джонсон составила преинтересный гороскоп Н.К. Я ей дам и свой составить.

20.X.29

<...> Днем разговаривала с Н.К. Сказала ему про ужасное отношение ко мне Франсис и что все это видят, и это влияет вредно на дела. Н.К. говорил, что у нее невероятная ревность, но она сама создает свою карму, и мне лучше от нее отойти и действовать в Школе самостоятельно и не говорить при ней ни о чем, что я и делаю, а искать новых людей и действовать повсюду, вести группы в Музей и видеть людей, но никому не сообщать. Затем Н.К. сказал, что учитель — это точка в центре, а от него радиусы по всем направлениям, но далеко, на расстоянии друг от друга — это ученики. “От меня и вперед, не ко мне, а именно от меня вперед”. “Почему апостолы Христа разошлись по всем странам, может быть, они не могли быть вместе не только духовно, но и физически. И Франсис, может быть, навсегда

уедет в Южную Америку? И Порума буквально то же самое говорила мне о Франсис, что и вы, но только по-английски”. Так говорил Н.К. <...> Потом Н.К. сказал, что она говорила все про издателя, что он обещал и она [была] уверена, что книги выйдут, но все-таки они не вышли, а мы теряем на сотни долларов продажу, ибо сегодня было около пяти тысяч человек в Музее. Н.К. очень недоволен Франсис, что книги не вышли. А у нее в контракте и не стояло, когда они должны были быть готовы. Затем он нас всех собрал и указал, чтобы мы имели одно центральное управление финансами всех дел — Дома и всех Учреждений. Одного эксперта-бухгалтера. И деньги все идут в общее управление — в одну казну, и расход оттуда контролируется. Все были в восторге, кроме Франсис. Н.К. сказал, чтобы я больше интересовалась учениками, нежели учителями. Вечером мы поехали с Нуцей к ним ужинать, Франсис не было. Н.К. очень хочет переехать, ибо, живя в Доме, все его будут видеть и не будет тайн, с кем он и что он делает.

21.X.29

Получили письмо от Стивена Хёрша с отказом быть у нас на факультете. Н.К. сразу и сказал, что это нападение на нас американских художников. Велел мне с ним хорошо [по]говорить, что я и сделала, но он явно завидует Н.К., его успеху, Музее. Увидим, что он теперь напишет. Затем я говорила с Бородиным в Музее, он нагло хотел узнать о поездке Н.К. Я говорила с ним очень холодно и указала, чтоб он читал “Altai-Himalaya”. Сегодня у меня были Форест Грант и Джайлс и мы совещались и получили от доктора Фореста Гранта обещание дать кредиты от Министерства просвещения на курсы по искусству. Вечером мы все и майор Рапикаволи были вместе с доктором Стоддартом и он прекрасно отвечал на вопросы. Затем Юрий, по обыкновению, зашел к нам вечером выпить валериан, и мы славно беседовали. Н.К. говорил с Джайлсом сегодня и сказал, что тот сказал чудную формулу: “Все за одного и один за всех”. И что его нужно будет в будущем сделать деканом факультета искусства.

22.X.29

Утром пришло письмо от Дэвиса с отказом выставить свою коллекцию, ибо он не может получить комнат в Музее. <...>

Днем пришли изумительные письма от Е.И. и Енточки, особенно письмо Е.И. к Поруме. Мастер объявил ее Сестрой Белого Братства. Я при чтении письма Е.И. совершенно преобразилась — все мелкое отпало, и я, говоря с Н.К., сказала ему, как мы его не понимаем. Он сказал: “Главное — идите широко, во все стороны, дела слишком огромные. Не так важны враги на листе, которых мы знаем, но внутренние враги. Их надо опасаться”. Так радостно было беседовать с Н.К. Он меня обнял и поцеловал — пора мне избавиться от мыслей о Ф[рансис], а лишь думать о благе дел Учителя. Н.К. чувствует беспокойство и тяготу сегодня.

Вечером мы были у него. Он поехал с Юрием на Стоковского — мадам Стоковская пригласила их в свою ложу. Мы же со Светиком провели вечер вместе — пошли в театр. Н.К. очень хорошо думает о Джайлсе.

23.X.29

<...> Днем Н.К. был сильно недоволен памфлетом Миндлина, который тот выпустил к открытию синема. Когда мы пошли вечером в театр смотреть картину, Н.К. ему сказал: “Не печатайте ничего бесчестного, мы искренни, никаких изгибов.

Вам придется показывать мне все, что вы печатаете”. <...> Когда я сказала Н.К., что хочу отказать Макдональд и взять другую секретаршу, он ответил: “Но кем уж она ни будет, вы должны взять ее до конца сезона, иначе ученики будут протестовать”. Замечательно! Ведь это справедливо, иногда полезнее оставить не очень желательного человека, но не менять.

Н.К., видимо, устал. Был очень ласков, положил мне руку на плечо. Вечером у нас было очень хорошее собрание Общества Друзей.

24.X.29

Н.К. рассказал, что Руманов предложил ему дать на издание книги Вел[икого] Князя “Union of Souls” [“Единение Душ”] 300 \$, и Н.К. не мог отказать. Затем сегодня Н.К. интервьюировал журналист из Цинциннати и сказал, что о Музее [ходят] разные слухи и надо бы их остановить. Н.К. ему на это ответил, что слухи никогда остановить нельзя. Его хоронили три раза по слухам, а он все еще жив. И писали про него, что он царист, папист, атеист и тому подобное. Вечером было открытие синема — “Silver Valley” [“Серебряная долина”] — Кулу очень хорошая вещь. Людей недостаточно. В общем, плохой менеджмент. <...>

25.X.29

Письмо от миссис Дэйл — она принимает комнату своего имени в Музее — надеемся, что она даст крупную сумму. <...> Вечером Fox Movietone [кинокомпания Фокс] пришли в Музей, снимали Н.К., и он говорил об искусстве как единственном паспорте во время всего путешествия. О Гувере — как гиганте, питающем нации, — как о нем говорят на Востоке. Затем мы говорили с Учителем. Н.К. писал о нашем единении, ибо в этом и есть истинное братство.

26.X.29

Н.К. был у Великого Князя Александра Михайловича, говорил, что тот может дать связи, ибо говорил о знакомстве с миссис Хёрст, Армстронгом и другими нужными людьми. Его книга будет печататься в Издательстве Музея Рериха, и Н.К. дал ему (Вел[икому] Князю) 400 \$ за известное количество книг. Вечером у нас было общее собрание, читали все бюджеты и решили, что Музей платит за телефоны, электричество, топливо!!! (по настоянию Холла и [при] поддержке Порумы). Но Пор[ума] не сообразила, что таким образом Музей имеет право на доход с Дома, ибо он является владельцем. Затем решили платить 8000 \$ в год проценты за 200 000 \$ стоимости временной экспозиции (4%). Таким образом, у нас нет временной экспозиции, ибо мы ее приобретаем. В общем было хорошее настроение. Н.К., говоря об Издательстве, сказал: “Это огромные возможности, и увидим, как оно вырастет”.

27.X.29

Сегодня Н.К. предложил, чтоб Джайлс, Дабо, Шнайдер были американским комитетом Об[щества] Др[узей] Музея Рериха. И чтобы после того как мы выпускаем паблисити от всех Учреждений, одну копию дать в Издательство, пусть там будет архив паблисити. Днем мы слушали бюджет Дома, по нему чистого дохода 100 000 \$, а по вычитании всех расходов, включая платежи Луису, Н.К. и всех дефицитов по Учреждениям остается 18 000 \$ прибыли. Вот над чем Н.К. работал с июня и чего наконец добился сегодня. Это истинная победа.

Вечером Свет[ик], Нуця и я ужинали у мистера Мэри и миссис Стейрас, потом приехали к Н.К. Там был Юрий — мы беседовали. Н.К. было Указано на опасность для здоровья. Затем Юрий и Светик начали пилить Н.К. заботами о здоровье. Нелегко ему с ними. Они не понимают, что на нем как на учителе лежит вся тягота.

28.X.29

Сегодня утром Н.К. позвал меня поговорить с ним, очень жаловался, что Свет[ик] его дома тупой пилой пилит, почему, мол, Учитель не помогает в акциях. А затем Учитель пошлет драгоценное и будет вопрос, можно ли это продать, как Свет[ик] и спросил уже раз. Затем Н.К. говорил, что мы собираемся не для феноменов, а для возвышенных посланий, и очень странно требовать Беседу или ответы на вопросы стуками. А скоро мы потребуем стуки по темени. Затем Н.К. сказал, что мы должны встречаться лишь вместе, а не отдельно, и не скрывать чего-то от других членов Круга.

<...> Вечером у нас дома были Н.К. и Светик. Они быстро теперь переедут, ибо Свет[ик] сам этого хочет из-за своих сильных потерь на бирже. Была ужасная паника последние три дня. Вечером была лекция Дабо. Хороший оратор. Затем мы имели Беседу с Учителем в доме Порумы.

29.X.29

Страшная паника на бирже продолжается. Свет[ик] потерял все, да и вся страна в ужасном состоянии. Н.К. говорит, что это работа Англии, но где же правительство? Что же значат слова Гувера, который вчера уверял, что все в блестящем состоянии. Это страшная вещь! Но мы вспомним, что 1929 г. — год кризиса был Указан.

Сегодня пришла Кошиц, завтракала со мной и Н.К. Она отвратительна, стала гораздо хуже и пришла явно выпрашивать. Днем был доктор Ногучи, известный хирург и антрополог из Японии. Вечером мы ужинали все с Рапикаволи, потом пошли к нам наверх. Н.К. со мной беседовал немного лично, он очень огорчен из-за Светика: на нем лица нет, и, главное, он ничего не говорит. Затем, Луис не говорит Н.К., что он потерял, и мы не знаем ничего, как обстоят бумаги Н.К. Акерсон и ему подобные являются изменниками Гуверу и правительству. Н.К. имел вечером свидание с миссис Блэйр и уехал, а мы остались и очень задушевно провели вечер с майором Рапикаволи. Он хороший, духовный человек.

30.X.29

Как мы узнали, Гувер отказался дать заявление по поводу положения страны, Уолл-стрит возмущена им. Англия скупила массу бумаг, устроив всю эту панику, и, видно, люди около Гувера вроде Акерсона помогли в этом. Паника продолжается — финансовый кризис хуже, чем во время войны. Положение прямо ужасное. <...>

Ночью Н.К. говорит, что он проснулся и почувствовал вокруг себя такую сумятицу, такой сумбур! У него тревога. Получили чудное письмо от Е.И. к Порумочке. Она, возможно, поедет туда без Флавия. Вечером беседовали с Учителем. Было вновь Указано единение. Н.К. подтвердил потом: главное — единение во всем и всем вместе. Франсис в отвратительном настроении, буквально заражает всю атмосферу. Н.К. все кивал на нее и меня спрашивал: “Почему она в таком настроении, почему злая?” Мучительно дышать при ней. Н.К. рассказал, как Боткин говорил: “Никогда не верьте рекомендациям. Я всегда даю прислуге

прекрасные рекомендации, когда она уходит. А если б она была хорошей, я бы ее никогда не отпустил”.

31.X.29

<...> Вечером с Н.К. ужинали Ловенстейн и директор музея Амстердама, Луис и Нуця. Директор музея, [как] мне потом рассказал Н.К., говорил, что в Германии ужасно относятся к искусству. Желая узнать, настоящая ли картина, смотрят на нее, перевернув ее вверх ногами.

Я поехала к Светику ужинать, позже приехал Н.К. и сказал, что он мечтает о том, чтоб облигации были распроданы, жильцы заплатили бы за квартиры, и потом, когда идут пароходы, ему тяжело и он хочет уехать домой. Вообще нелегко нам всем теперь. Увидим, как будет с платой за квартиры. Ведь от этого зависит благосостояние всех Учреждений.

1.XI.29

Н.К. сегодня завтракал у миссис Дэйл, говорит, что они прекрасно говорили и она, возможно, и даст, но нужно перестать думать о получении денег с отдельных личностей — надо расти изнутри и даже не просить больше денег у людей.

Н.К. рассказал, как он вчера задал мисс Венц [вопрос]: живой ли она человек или чековая книга? И когда она сказала ему, что не даст от своего имени, а лишь анонимно, он спросил, а почему она бережет свое сокровенное имя? Вот Христос — тот отдал свое имя. Потом, дело не в выписке чека, а в работе. Она ему сказала, что знает все, что написано в “Агни-Йоге”, а он ей сказал, что это даже страшно и преступно — ибо если она все знает и не живет по принципам, то как это назвать? Она сказала, что слышать это для нее — шок, а Н.К. ответил, что это здоровый взрыв. Н.К. сказал, когда ему заявили, что через три года положение дел уляжется в Америке, — что никогда не уляжется, ибо это начало трудных лет. Мучительная атмосфера вокруг. <...>

Юрик поехал в Вашингтон, вызван телеграммой Пеля по поводу английского посольства. <...>

3.XI.29

Утром была группа, [изучающая философию] Спинозы — очень хорошие молодые люди. Н.К. говорил к ним, потом я провела их через Музей. Они симпатичные, и доктор Кеттнер, их учитель, очень славный. <...> Вечером был Ловенстейн, говорили с ним. Затем мы все поехали к Сутро на ужин. Потом приехал Юрий из Вашингтона. Передал, что Акерсон скоро будет удален и что Британское посольство теперь благосклонно.

4.XI.29

<...> Сегодня ужинала с Н.К. у Порумы. Говорил он о том, как нам полезна идея тайны, как Учителя ее всегда поддерживали и дали нам в помощь. Ибо люди, что бы мы им ни говорили, все-таки верят в то, что у нас тайна, и не атакуют нас. Это чудо, что не было сильных нападок в прессе после 17-го, а будь мы обыкновенными, как все, нас бы давно разорвали, ибо все галереи и школы — наши враги. Затем мы говорили, что Пор[ума] поедет в Индию в феврале, а Н.К. и Юр[ий] — в апреле, она же с Ентой вернется обратно к июню. <...>

Затем мы, то есть я и Н.К., беседовали об “Урусвати”. <...> Я же сказала Н.К., что надо заботиться о росте “Урусвати”, ибо это создание целого города, и я, будучи сотрудником, смогу по отъезде Н.К. и Юрия продолжать работу и думать о созидании. У меня идея пригласить Клемин и Свифт и других дать лекции под покровительство “Урусвати”, а деньги на это дать от Школы, ибо это наша образовательная программа. Н.К. это очень понравилось.

Затем говорили, что хорошо бы привлечь богатых людей и их назначить президентами. Но, конечно, тогда опасность — служить Рокфеллеру, а не Учителю, как сказал Н.К. Пригласила Дабо в учителя. Бистран предложил дать курс теоретического дизайна. Отчего нет? <...>

6.XI.29

Раз день начинается трудно, то и кончается трудно. Получили ужасное письмо от Эрскайна Луису против Н.К. и Музея. Устроила же историю Франсис, тем, что велела Миндлину пойти к Эрскайну, чтоб он был в жюри для выбора кинокартины. Никто не знал про это, и как Н.К. сказал: “Это преглупая и нелепая идея, чтобы видные люди выбирали бы для нас картины каждую неделю целым комитетом”. Вечером Завадский устроил заседание для содействия симфоническому оркестру. Пришло тринадцать человек, в том числе Вел[икий] Князь Александр Михайлович. Было преглупо. Отец Келли тоже был — прехитрый иезуит. Глупая речь произнесена Мореем, и, конечно, все чепуха и без толку. Ничего не выйдет из этого. Опять ужасная паника на бирже — все упало. Н.К. говорит: “Что это за ужасное правительство, которое позволяет [такое] и помогает разрушению страны?” <...>

7.XI.29

Имела большой разговор с Н.К. Сказала ему все про Франсис, что она чувствует свою силу, давит всех, портит дела, душит меня, отравляя атмосферу. Просила Н.К. соединить нас, иначе дела после его отъезда распадутся. Н.К. сказал, что я во всем права. Надо еще больше удалить Издательство и ее от всего, ей надо развить это дело, ибо Н.К. подчеркивает его огромные выгоды. Что каждый из нас, при всех огромных недостатках, все же выбран Учителем и что лучших на их место Учитель пока еще не нашел. Что Порума более опасна, ибо ее можно окрутить, она не имеет своего мнения. Что каждый должен усиленно работать по данному ему делу. Я сама вижу, что могу писать паблисити без Франсис и должна обходить ее совершенно. <...> Главное — не обращать на нее внимания. <...> “А ей нужно показать, — сказал Н.К., — что она ему вовсе так не нужна”. Паблисити теперь кончено, флаг Музея — наше паблисити. Памфлеты и книги написаны, теперь она должна их продавать. Н.К. еще сказал, что он часто сидит один, намекая, что члены Круга, кроме Франсис, не стараются и сидеть с ним, и слушать его, и спрашивать его мнения. Как больно, что Пор[ума], Логв[ан], Нуця не ловят каждый момент, чтоб быть с ним. Боже мой! Если б я не была так безумно занята! Затем Н.К. сказал, что было непростительной ошибкой уступить Светику и собираться без Пор[умы], Логв[ана] и мамы у них в квартире Светика, вначале с нами, а затем с Франсис. Это принесло много непоправимого вреда. Затем он сказал, что Франсис приносит вредную волну, а через нас перекачиваются непоправимые волны, и мы должны соизмерить, какой волны опасаться. И поэтому забыть о Франсис, ибо Америка в опасности и мы в опасности и должны об этом думать. Н.К. глубоко прав, и так и нужно действовать. <...>

Маме сегодня снился сон. Н.К. правил лошадьми, сидя в чудесном фэзтоне. Но лошади были ужасны, все тянули в разные стороны и разносили фэзтон на части. Н.К. из последних сил, с огромным напряжением старался остановить фэзтон.

Второй сон. Я страшно ругала маму за какие-то деньги — один доллар, требуя у нее отчета и говоря, что я ей их дала. При этом сидел Мастер М. и все слышал. Она Его видела, а я нет, и ей было ужасно больно, что Он все слушал. Она пыталась меня остановить, выдумала, что она ошиблась, а я все же ее ужасно ругала. Господи, как мне исправиться, что делать с моим кошмарным характером!

8.XI.29

Н.К. сегодня опять говорил, что у Логв[ана] и Пор[умы] не выросло сознание. Он может их учить и проводить в жизнь тысячу вещей, а на 1001-й они сами сделают неправильно, ибо сознание не выросло. <...>

Пока надо быть крайне экономными, не тратить лишних денег. Ибо у нас [их] нет. “Все на бумаге, и все бумага”, — как сказал Н.К. Вчера у Боссомы был Гуггенгейм, миллионер, и сказал, что Америка не сможет оправиться от этого краха. Боссом сказал, что Америка уничтожена извне в смысле влияния и финансов. Конечно, не отрицает, что это Англия. Днем Великий Князь привел миссис Хирст. Она была в восторге от Музея, говорила о необыкновенной красоте картин, обещала прислать человека из “International Studio”. Великий Князь очень старался, говорил ей, что Н.К. — Великий Мастер. Вечером был Рапикаволи, провел вечер, простился с нами (завтра едет в Италию домой), премилый человек. Везет письмо Муссолини от Н.К. и книги.

9.XI.29

Самое лучшее — это вообще не говорить о Франсис; пусть покажет сама в жизни, как она может развить Издательство. Я вынесла твердо это убеждение из разговора [с] Н.К. Он на днях отметил, что она с июня до сентября не написала ни одного письма Е.И. — значит, не о чем было писать. С другой стороны, она нужный человек в деле, и ей необходимо развить Издательство. Лучше всего и не думать о ней. <...>

10.XI.29

Н.К. предлагал печатание его биографии отложить на будущий год, чтоб иметь эту возможность попозже. Затем конкурс о Махатмах отложить и спросить Учителя, ибо теперь это вызовет толки о культе и так далее. Да и если напечатаем книгу “American Artists”, на нас накинута все другие американские художники, не вошедшие в эту серию.

Затем я и Франсис с Н.К. поехали в Церковь Св. Марка на улице Бауэри, где Н.К. выступил об Учительстве. Он чудесно читал первым о понятии Учителя, затем читал Ричард, отрицая все, чтобы прийти к Беспредельному, — слабовато, затем англичанин Велчман. <...>

Потом мы поехали домой, я и Н.К., к нему и долго беседовали о бюджетах. Конечно, Н.К. говорит, что бюджеты [должны быть] по жизни, и увидим, как они проникают в жизнь. Если театр будет убыточным — закроем его. Вообще, после завтрашнего заседания многое покажется нам ясным.

Мама видела сегодня сон, что Е.И. усиленно кутала Н.К.

Имела большой разговор с Н.К. Луис написал письмо, чтобы сдать деньги из Мастер Института в общую казну в “его офис”, “мой офис” — как он выразился. Я протестовала, говоря Н.К., что, если эти деньги пойдут на Дом и разные долги и нам нечем будет платить учителям, будет очень плохо. Н.К. сказал, что мы теперь делаем этот опыт, чтобы видеть: Учреждения мы или нет. Увидим. Я послала чек в 4500 \$ в общую кассу. <...> Затем мы с ним днем говорили, и я предложила, чтоб у нас было правление Почетных директоров в Мастер Институте, чтоб привлечь новых людей. Идея понравилась Н.К., и он решил подумать о ней.

В 5 часов у нас было назначено деловое собрание. Нуця, я, мама, Юрик были ровно в 5 в кабинете Н.К., прошло 20 минут, пока появились остальные. Нуця, я и Юрий дали точные отчеты. Луис по Дому — никакого, кроме дурацкого письма Холла. Миссис Аттватер прислала детское письмо, но ни денежного отчета, ни бюджета. Миндлин прислал приход за три недели без расходов вообще. А Франсис устно проболтала об Издательстве Музея Рериха, не представив вообще никакого отчета. Это было очень знаменательно, ибо я говорила Н.К., что мы в понедельник ни о Доме, [ни о] ресторане и театре знать ничего не будем, и так и вышло. <...>

Приехали [к Рерихам], Н.К. шутил и говорил, думая про меня, что “крепость сегодня не сдавалась”, сказала — “не дам денег”. Мы поехали в театр, видели хорошую картину “Condemned” [“Осужденные”]. <...>

Н.К. сказал, что случилась знаменательная вещь. Люди начали покупать золото, как это сделал Джудсон. Биржа абсолютно беспомощна, что это за правительство вообще? Он поражен терпением и покорностью американской публики, вроде знаменитой истории о цыгане, который сказал: “Жаль, я почти что уже выучил лошадь не кушать, а она взяла и околела!” Ведь в России при царском режиме разнесли бы биржу, во Франции была бы уже перемена кабинета. А здесь ничего, терпят. Были днем мистер и миссис Дюпон, привел их Руманов, который и меня познакомил с ними. Н.К. их повел по Музею, может быть, они дадут на комнату Музея.

Мама сегодня была у Таберози, изумительной ясновидящей, которая живет на 100-й улице, цифра, которая два раза была указана маме. Она ей сказала изумительные вещи о смерти Ориолы внезапно от сердца, о больных зубах Н.К., о том, что он несет Учение Будды, Христа и Моисея людям в жизнь. <...> Все были поражены, и Светик с Н.К. поедут к ней в будущую среду.

Вечером пришли пятьдесят человек из клуба “Art in Trade” [“Искусство в торговле”] с мистером Бёртоном, мистером Кейслером, вице-президентами, с мистером Ньюманом — издателем — и другими, очень большими промышленниками. Я их повела и показала им Музей, они были поражены Музеем.

Н.К. сказал замечательную вещь, что те, кому дают, всегда разбегаются. Так было и с Христом — приходили за исцелением, за получением, кому [что] было нужно, и поспешно уходили. Но сами ничего не давали. И теперь приходят многие к Н.К., богатые, значительные, и получают от него слово, книги, помощь, а сами и не думают, чтобы дать что-либо. Сегодня биржа опять пошла вниз. Через два месяца мы почувствуем настоящую серьезность положения. <...>

Сегодня день моего рождения. Порума пригласила всех на ужин, потом все собрались у меня в квартире и читали чудесные письма, от Е.И. полученные как раз сегодня. Е.И. пишет о Таинстве Иерархии.

14.XI.29

<...> Сегодня беседовали с Н.К. Я высказала мнение, что Миндлину нельзя позволять показывать кинокартины всю неделю, ибо стоит дороже и нам не будет прибыли. <...> Шнайдер написал письмо, что не может дать деньги на обещанный им бюллетень, ибо потерял деньги на бирже. Н.К. советует объявить это всем членам и что мы не можем из-за этого выпустить бюллетень. <...>

15.XI.29

Н.К. простужен, мы беспокоимся, ибо знаем, что ему нехорошо иметь простуду — она всегда у него затягивается. <...> Н.К. говорит, что нужно обязательно иметь ведомость учителей, чтоб знать, сколько лет каждый учитель был с нами, ибо это нужно знать для бонусов и будущих пенсий. Днем на чае у меня были Палмеры и Н.К. с Юрием и Светиком. Было очень мило, они хотят купить картину Н.К. Надеюсь, что выйдет. Потом мы поехали с Н.К. и Светиком к ним. Н.К. рассказал, что старик Клевер, известный художник в Петербурге, говорил, когда кто-либо хотел купить его картину, а он уже тогда больше не писал: “Хотите мою вещь, а приблизительно какого рода? С деревом, зиму, вечер!!! Трудно, но постараюсь достать для вас такую из моих. Приходите через три дня”. Шел домой в мастерскую, где у него работало восемь человек и говорил: “Пишите № 3, зиму, вечер, с деревом” — так и продавал. Мы очень смеялись. А чернила ирадикатор* Н.К. называет живой и мертвой водой.

16.XI.29

Н.К. был нездоров со вчерашнего дня, не приехал в Музей. <...> Днем мы поехали к Н.К. и остались у него ужинать. У него простуда, надемся, она скоро пройдет. Он получил письмо от Вел[икого] Князя — престранное. Тот пишет, что хочет работать в духе с Н.К., но совершенно автономно и самостоятельно. И иметь кабинет у нас в Доме. <...> Свет[ик] нудит, ибо потерял много на бирже. Н.К. нелегко с сыновьями. Он думает с Юриком в марте ехать домой — боюсь, что слишком рано для дел. Но Н.К. замучен всем — и делами, и положением страны.

17.XI.29

Обедали у Порумы, она думает ехать в январе в Индию. Мы все надеемся, что облигации будут проданы, ибо к январю нужны 60 000 платить по вексям. Днем заехали к Н.К. Ему лучше, но Свет[ик] битый час грыз его, да и нас своими потерями — мучительное у него состояние. Вечером в Тибетской библиотеке была лекция доктора Сойса о буддийской философии.

18.XI.29

Получено письмо от Акерсона о получении им книг для президента. Днем завтракала с Джульет и Тини, уговорила их на портреты, чтоб Светик их писал. Вообще надеюсь, что Джульет можно привлечь в Кор[она] Мунди. Н.К. одобрил эту идею. К вечеру мы к нему заехали и очень поздно беседовали. Н.К. очень огорчен

Свет[иком]. Он говорит без конца о деньгах, отчего Учитель ему не указал, что и когда вообще продать. Затем хочет найти золотые вещи в Кулу, в своей крепости, расплавить их и продать. В общем, мучает Н.К., и Н.К. хочет ехать уже 24-го марта домой, ему тут очень тяжело и хочется поскорее уехать.

А я сегодня ему сказала: боюсь, что он уезжает слишком рано и дела пострадают, ибо Логв[ан] будет многое делать самовольно, чего мы даже и не узнаем. Тут на меня и Юрик, и Нуця напали и говорят, что голосованием будем все решать. И что будем посылать все отчеты всем попечителям и обязательно в Индию, и что в случае нужды будем телеграфом запрашивать о важных решениях. Все это хорошо, но все же вижу, что будет много произвола и самовольных действий, которых остановить нельзя. Но я высказала свое мнение, а будущее нам многое покажет.

19.XI.29

<...> День большой работы. Вечером поехала к Н.К., помогала укладываться. <...> Сегодня вышел буклет “Урусвати” — хорош, очень достоин.

20.XI.29

Сегодня Н.К. и Свет[ик] были у Таберози. Она говорила, что это последнее воплощение Н.К. на Земле, что он будет жить до 90 лет и что он — великий дух. Что Свет[ик] найдет растение, подробно описанное ею, которое он употребит как средство против рака. Очень много замечательного она говорила, и Н.К. ее находит лучше Стоддарта — не такая предубежденная. <...> Мы с Нуцей помогали Н.К. и Светику укладываться, ибо они завтра переезжают в свою квартиру над нами, на 25-м этаже. Н.К. и Юрий уедут отсюда 20-го марта, возможно, что и Светик поедет с ними. Н.К., видимо, хочет поскорее уехать. И так все уедут, останемся лишь Нуця, я, Луис, мама. Очевидно, так надо и все ко благу.

21.XI.29

Н.К. переехал сегодня в Дом — наконец он живет в Доме. Днем Н.К. говорил о том, что раз мы занимаем 51% Дома (это Учреждения), то нам нужен человек, который будет заведовать технической частью, то есть починкой электричества, тепла, следить за всем. <...> Чудесная мысль! Вызвана она тем, что у нас мучение с радиаторами в классах рисования и не от кого, буквально, искать помощи. <...>

Было у нас сегодня деловое заседание. Все представили отчеты, но заем еще не представлен Луисом. Доход ресторана еще не представлен как следует. Н.К. решил закрыть кинотеатр, ибо от него один убыток. Решили сдавать под театр, концерты, лекции и так далее. Сегодня собрались у Пор[умы] для Беседы. <...>

23.XI.29

<...> Беседовали сегодня с Н.К., Пор[умой] и Логв[аном] об электричестве, решили, что Музей платит за все Учреждения, но что Общество Друзей должно платить за свет и охрану на лекциях, концертах и вечернем открытии Музея.

Н.К. рассказал, что однажды один миллионер в России пришел покупать у него картину и так торговался за 500 руб., что Н.К. сказал ему: “Ну, знаете, столько мы времени потеряли, и так мне это надоело, не могу поверить, что вы, богатый человек, сделаетесь банкротом, если заплатите на 500 руб. больше. Берите вы себе эту картину, надоело мне это, а дайте мне расписку, что, не будучи моим другом,

получили ее от меня даром”. Тот опешил и сказал: “Вы шутите!” Н.К. ему говорит: “Да, и вы, наверно, шутили, и я теперь шучу!” Тот, конечно, поспешил дать полную цену за картину. Мы очень смеялись этому.

Вечером я осталась дома, ибо у меня насморк и я не хотела быть у Порумочки, где читали дивные письма, полученные от Е.И., и чудное письмо от Енточки. Был у меня Моор, я ему дала десять книг “Агни-Йоги” — он славный человек. Юрий пришел пить валериан поздно. Каждый вечер мы с ним беседуем за валерианом, который он регулярно приходит пить.

24.XI.29

Провели светлый день. <...> В 1 час дня пришла Пэтти Хилл с сестрой. Мы с Н.К. и Юрием обедали с ними. Они нам рассказали, как теперь ужасно в России, в каком напряжении и страхе живут Макаровы. Они произвели хорошее впечатление на Н.К., который потом им показывал Музей. Днем Н.К. сказал Луису <...>, что мы должны развиваться изнутри, а не лишь искать денег извне. <...> Работали весело, с шутками и смехом, встретились наверху у Пор[умы], читали дивное письмо Е.И., затем второй том Агни-Йоги*, сравнивая с английским переводом, присланным из Индии. Затем имели Беседу с Учителем, потом пошли к нам пить валериан.

25.XI.29

<...> Была сегодня у Н.К. Алиса Бейли, говорила о кооперации и что все великие люди должны встречаться у нас в Доме. Днем у Н.К. был Раймонд Дункан, тоже хочет у нас читать курс. Вечером Дэйлы ужинали с Н.К., Нетти и Логв[аном]. Я навестила Леонтин, которая недавно потеряла своего отца, — она хорошая душа. Пришла и пошла со всеми вместе смотреть квартиру Н.К. Нетти была у Таберози — та ей говорила много замечательного, читая, очевидно, по ее ауре. Затем Н.К. и мальчики пришли к нам пить валериан. <...>

26.XI.29

Н.К. замечательно сказал сегодня, что Гувер сделал заявление с просьбой стабилизировать бизнес!!! Ведь это ужасно, выходит, что хваленый американский бизнес нуждается в стабилизации!!! Он сегодня завтракал у Вел[икого] Князя, и тот ему сказал об Указании, что Великий Учитель придет из России, и при этом добавил: “Ну, мы с вами в этом не будем соперниками!” Прекурьюзно!!! Руманов говорил, что и Дюпон и Бач потеряли миллионы и мистер Хорш потерял массу миллионов. Н.К. ответил: “Не массу, а несколько! Ибо ведь в хорошей компании”, — добавил он мне. Мы много смеялись. <...>

Н.К. потом был у нас, беседовали, пили валериан. Нетти думает ехать с ними в марте.

27.XI.29

<...> Вечером Бринтон читал лекцию о России — убогая пропаганда.

Затем мы читали “Агни-Йогу”. Потом Н.К. и Юрий пили у нас валериан. Н.К. говорит, что узнал грустную вещь, что у нас в будущем году амортизация поглотит 50 000 из 100 000 дохода, так что у нас будет недочет для покрытия всех расходов. Это вещь серьезная — Логв[ан] забыл вписать. Н.К. ищет художника, чтоб писал по его рисункам декорации к “Весне Священной”, ибо он думает в марте ехать, а “Весна Священная” идет в апреле. <...>

28.XI.29

Доктор Фридлиб уверял Н.К., что вовсе нет ничего страшного в финансовом положении страны — люди, мол, все прячут и через четыре месяца весь бизнес будет [идти] по-старому. Пошли в класс 5 с Н.К. слушать “Parcifal”. Н.К. сказал мне, что днем он и Луис говорили о делах и Логв[ан] очень хвалил меня, как Школа хорошо идет. Но, конечно, я сказала Н.К. — главное, если он [Н.К.] меня хвалит. <...> Потом сидели вечером, получили Указание, что Порума может ехать в январе с ботаником. Н.К. думает на будущей неделе поехать с Юрием в Вашингтон и повидать Ритчи, секретаря Гувера, и передать ему медаль для президента. <...> Затем Н.К., Юрий и Свет[ик] пошли к нам пить валериан.

29.XI.29

Пришло письмо, подписанное Ритчи, где тот от имени президента Гувера благодарит за присланную медаль. Какая тонкость Учителя! Предупредил вчера, что надо послать, а сегодня было послано нам уже как ответ. <...> Н.К. получил диплом от Общества розенкрейцеров и не особенно доволен им, ибо источник этой логи ему неизвестен. <...> Учитель говорил, что надо держать настроение духа высоким, ибо мы знаем про финансовую тяготу и должны думать, как помочь этому, но не говорить о том, что кто-то отдал последний цент.

Вечером я пошла с Порумой в оперу на “Don Giovanni” [“Дон Жуан”] Моцарта.

30.XI.29

Имела разговор с Н.К. Он мне говорил, что видит и знает недостатки каждого, но “претерпевший до конца — спасен будет”, как он пел, начиная с лета. Что вначале мы перестаем многое говорить, но затем самое важное — это очистить мысли, ибо мы говорим мыслями и лишь потом наступает продвижение. Главное — не давать ход нежелательным мыслям. Говорил, что Пор[ума] сказала ему, что из шестидесяти комитетов мы имеем лишь два. На это ей Н.К. сказал, что можем иметь хоть сейчас шестьдесят, но выдержим ли? Она на это замолчала. Говорил о непонимании того, что теперь творится в стране, — полное неразумие, начиная с Вашингтона. Говорил, что доктор Фридлиб сказал ему, что он пытался продать наши облигации, но ему давали такую низкую сумму, что он не может ее повторить. Говорил, что у нас очень серьезное положение, ибо никто не хочет дать денег ни на что. Говорил, что, если не получим хотя бы 5000 с театра, придется его закрыть. Днем у нас было деловое совещание, вечером были у Бистрана. Он показал Н.К. свои картины. Н.К. находит их неплохими, но не сильными.

1.XII.29

Н.К. слушал музыку Алисы Салафф к поэме “To the Hunter entering the Forest” [“Ловцу, входящему в лес”], и ему очень понравилось.

Фридлиб прислал своего знакомого купить 25 облигаций по 75. Хотя и с потерей, но если продадим, будет прекрасно. <...>

Днем заседание с Дэвидом Грантом о том, чтобы требовать 165 000 за убытки с Bond & Mortgage. Затем читали “Агни-Йогу” у Нетти. В 8 вечера у меня была группа в 75 человек из International Club, которых я повела через Музей. Остальную часть вечера провели с Н.К., Свет[иком] и Юрием, которые пили у нас валериан и беседовали допоздна.

2.XII.29

Была в городе за покупками — ужасный кризис: платье за 180 продается за 25. Шляпа в 40 — за 5 \$. Sachs* перед Рождеством рассчитал 300 продавщиц. Пришла рассказала Н.К., а он говорит, что не понимает теперешнего положения страны — всё процветание, очевидно, дутое, и положение у нас очень серьезное, ибо в лучшем случае за облигации стоимостью в 300 000 мы можем выручить 225 000, а нам нужны 240 000, помимо Учреждений и административных расходов. При этом Луис каждый раз преподносит другие цифры, и в них не разберешься. Н.К. хочет теперь научить Авираха разбираться в цифрах Музея. Увидим постепенно, ибо иначе не вылезем из вечных долгов. Н.К. на днях думает поехать повидать сенатора Бора.

Читали “Агни-Йогу”, затем пошли все в синематограф, потом Н.К., Светик и Юрий прошли к нам и мы долго беседовали. Н.К. очень смешно говорил, что он на днях у нас в синематографе спросил Уайтсайд: кто едет в Индию? А она моментально заявила: “Я еду, в любой момент готова”. А мадам Кэффри вытянула голову и заявила: “И я еду”. А за спиной у Н.К. кто-то заблеял: “И я еду в Индию!” Н.К. испугался и говорит: “Да никто не едет, я так просто спрашиваю”. А он это к тому говорил, что Колокольникова хочет ехать с Нетти в Индию.

3.XII.29

Масса работы в Школе, зорко надо за всем следить. Н.К. сегодня утром говорил, что вопрос о долгах всех Учреждений Мастер Институту представить в форме вопроса: как будет выплачиваться этот долг и как насчет процентов? Вообще, всегда такие заявления на собрании представлять в форме вопросов. Так и Н.К. делал в прошлом в России. Он говорил: “Если хотите, можно и закрыть школу”.

Утром были Крейн и Райерсон, восторгались Музеем. И комнату своего имени видел Крейн, однако никаких результатов от него не произошло. Пришло дивное письмо от Е.И. Вечером читали письма. Решили “Foundations of Buddhism” [“Основы буддизма”], которые тоже пришли, печатать в “New Era Library” [“Библиотека Новой Эры”]. Послали об этом запрос Е.И. Получили замечательные Указы и видения. Потом пили у нас валериан, беседовали.

4.XII.29

Утром говорила с Н.К. о Юрии. Он взволнован тем, что ему не дают жалования, что его лекционный тур испорчен, и т.д. <...> Н.К. думает, что придется ведь Юрию платить жалование, ибо он на том же положении, что и Франсис, т.е. директор “Урусвати”, а ведь она, будучи директором Пресса, получает жалование. В это время зашел Логв[ан], Н.К. ему и сказал, что Юрию нужно платить [еже]месячно 200 \$ и директорам выдать хоть что-либо наличными, ну 50 в месяц, а остальные — облигациями. Л[огван] ответил, что так как наличных почти нет, то лучше ничего не давать деньгами, потом предложил, что не лучше ли зарегистрировать только в книгах. Н.К. ответил, что это не по-деловому. <...> [Всё] это не особенно понравилось Логв[ану], но все же он принял. <...> А вечером Юрий заявил, что не признали 12 000 \$ субсидии на “Урусвати” и выдали ему 40 \$ — за неделю.

Я сказала Н.К.: если он [Хорш] с утра до вечера при Н.К. все переменял, хотя и принял все утром, что же будет при отъезде Н.К., в особенности если он неверно понял обращение Е.И. о том, что он должен принять на себя решение дел? Н.К.

согласился со мной и сказал, что отъезд его явится самым большим испытанием для Логв[ана] и увидим, как он его перенесет. И если он будет настаивать на проведении опасных решений — дать им телеграмму. Вообще решать большинством голосов, ибо это право попечителей. Один президент вообще никогда не может решать! <...>

5.XII.29

<...> За ужином Светик был очень груб к Нетти и Луису, обвинял их в неумении оберечь его вещи (говорит, что у него пропало 40 картин). <...> Затем, что вместо книги об американских художниках надо было выпустить книгу о нем и что все должны стыдиться. Затем, что на “Урусвати”, мол, дают деньги, а на его травы и изыскания не дают. <...> Одним словом, ужас что он говорил. Это мне рассказал Н.К., который очень убит.

Именно, как сказал Н.К.: “Главное не положение извне, а состояние духа изнутри”. Бедный Н.К., как ему тяжело! Ведь непонятно, почему невозможно достать денег на наш Дом — во всей Америке не достать! Н.К. не верит и в получение подданства теперь, не верит, что Блюм что-либо сделает. Аукциона Н.К. тоже боится, ибо можно [на нем] и потерять. <...>

Сегодня первый раз собрались в новом Святилище*, на 28-м этаже. Чувство дивное — такая изоляция от всех и спокойствие. Чудные видения и сообщения. Я и Н.К. стояли за маленьким столиком и говорили.

6.XII.29

<...> Днем я пошла к Таберози, показала ей часы Н.К. Она сказала, что покупка земли с четырьмя буквами (Кулу) очень успешна и что там будут копать и найдут массу ценностей в земле. Говорила, что Н.К. стремится уехать, ждет парохода и что он Мастер, Великий Вождь, и если к нему все придет, то и мы будем иметь [все], ибо у нас общая связь и мы все испытываем финансовые неприятности. Затем о Юрии сказала: ученый, лидер, масса книг, “произносит речь, стоя на помосте”, “большой успех в январе”. Про Нуцю: что его здоровье неважно теперь, не должен волноваться и сомневаться, но иметь веру. Мне: что у меня никогда не будет детей, что я не должна “волноваться и унывать. Счастье скоро придет”, в марте я еду с тремя людьми, у меня большая целительная сила в руках, и она меня видит, “как я выступаю на помосте. Я еще не выказала свои большие знания другим, но обязательно сделаю это”. Уеду на два года, если все устроится. Заменит меня мужчина и две женщины и еще мужчина на букву W. Я должна готовить заместителей, буду выполнять много организационной работы. Спросила, занимаюсь ли я астрологией, и [сказала] что я могу это делать. Что меня трудно заменить в деле, ибо я делаю так много. Но очень интересно она сказала, что вчера у ней были два члена правительства из Вашингтона и она им сказала, что Гувера убьют и у власти будет Кёртис. Условия здесь будут крайне плохими. У нас же через три недели все улучшится финансово.

Вечером мы пошли смотреть у нас “Shiraz” [“Шираз”] в кино, потом к нам — валериан пить. Светик мечтает продать свои и К[орона] М[унди] картины на аукционе и закрыть Кор[она] М[унди]. Я не понимаю такого хода, но вообще еще увидим, выйдет ли что-либо из этого. Были немного наверху у Н.К., смотрели найденные Свет[иком] картины. <...>

7.XII.29

<...> Днем Н.К. беседовал со мной. Разбирал, почему Нуця подавлен, ибо, как он говорил, он многого не может сказать. Хотя и начинает, но бросает говорить, понимая, что время все изменит. Вообще над нами нагнетение больше, чем угнетение. А живем мы в Доме, имеем по две комнаты каждый и как попечитель — доход в 200 \$ в месяц, что избавляет нас от мыслей о мелких земных нуждах. Это и есть забота Учителя, а полного благополучия и отсутствия нужды у нас никогда не может быть, ибо это возможно лишь в мертвых делах.

Затем каждому из нас дано кое-что изжить. Юрик ест мясо и не хочет признать вегетарианства. Ну и будет есть [его] три раза в день, пока не опротивеет. Так и с каждым. <...>

Вечером сошлись все у нас: пить валериан и беседовать до 12 часов, что делаем каждый вечер.

8.XII.29

<...> Разговаривала с Н.К. Он говорит, что один путь — это уйти от человека, который тебе делает зло, а другой — ответить ему любовью, ибо от одного человека зависит не нарушать единения, а не от двух. <...> Н.К. говорил, что у нас потому есть единение, что мы не уйдем от Учителя и дел, кроме того, извне мы его [единение] покажем тем, что будем защищать наших членов Круга от чужих нападений. Но внутри это не так важно, если нет определенного единения. Пусть каждый покажет его в высшей мере, не обращая внимания на другого, и даже если другой посылает ему стрелы вражды, подойти к нему на расстоянии стрелы, тогда стрела не заденет. Так говорил Учитель. Н.К. опять привел как крайний пример Боткина, который 18 лет был врагом Н.К., а последние два года говорил, что он его единственный друг, и спас его от многого. <...> Вечером сидели, потом пошли к нам пить валериан. Светик, видно, не в ладах с Юрием, ибо сегодня у нас утром за завтраком нападал на него. <...>

11.XII.29

Пришли письма от Енточки, первое письмо к нам за все время. Утром видела мельком Н.К. Днем он поехал в Вашингтон с Франсис увидеть Бора и [всех] кого нужно в Госдепартаменте и английском посольстве. Будет отсутствовать два дня.

12.XII.29

<...> Луис думает, что нам удастся получить заем от банка. У Светика ночью материализовалась старая индусская монетка. Вечером был в театре концерт взрослых учеников. Играли все хорошо, но зал слишком велик и из-за снежной бури было мало народу. В будущем будем устраивать в аудитории Музея. <...> Был звонок от Н.К. Он видел Бора и Касла, завтра днем приезжает. <...>

15.XII.29

Н.К. сегодня у нас утром завтракал, как он это теперь делает по воскресеньям со Свет[иком] и Юриком. Это для нас истинный праздник. Говорили об “Урусвати”. Н.К. говорит, что о денежном отчете и вообще всех делах “Урусвати” должен заботиться Юрик. Затем Н.К. говорил, что Луис теперь ко многому привыкает, к новым решениям, положениям дел. <...>

Днем Н.К., Франсис и я читали “Агни-Йогу”, затем к Н.К. пришел Сорин, принес отлично изданную свою монографию ему в дар, выразил большую дружбу.

Потом я с Франсис dokonчили чтение и проверку “Агни-Йоги”. Вечером Нуця, Свет[ик] и я были приглашены к Рамбовой и провели с ней очень приятно вечер. Позже Н.К. и Свет[ик] пришли к нам пить валериан.

16.XII.29

<...> Вечером я, Н.К. и мама пошли на концерт Голтье, было недурно, хотя и поет она однообразно. Затем пошли к нам наверх, ибо удрали от всех людей в Музей и повсюду. Подошли Свет[ик] с Нуцей, которые были в кино. Мы устроили экзамен Свет[ику], <...> очень смеялись, ибо Н.К. задавал смешные вопросы Свет[ику]. <...>

Затем, Н.К. говорил утром Бистрану, когда кто-либо против идей Музея, Школы, вообще искусства, сказать ему, что он враг культуры, и это подействует. Н.К. однажды на суде был вызван свидетелем, когда генерал Верещагин обвинял княгиню Тенишеву в ее работе, тогда он все сказал, какую благородную работу для искусства делает Тенишева, а что он именно враг культуры. На следующий день это было во всех газетах. Вечером Н.К. говорил, что нам больше не нужна газетная паблсити, у нас ее слишком много, и Америку надо оставить на время. А посылать статьи изредка в иностранные журналы, но с новой нотой — о великом художнике, подчеркнуть искусство Н.К., иначе, Н.К. говорит, будут смотреть как на диковину. Этот Миллер, которого привела Аттватер, сказал эту фразу, и Н.К. говорит, что он прав, и поэтому советует писать о картинах, творчестве, красках.

17.XII.29

Сегодня утром Н.К. со мной беседовал и говорил мне, что у нас теперь организация в тысячу человек, со всеми членами Общества, учениками, учителями, их надо ценить, давать им концерты, лекции, не жалея затрат на это, ибо они наша сила. Мы думали, что нам нужна кампания, чтоб собирать как бы милостыню, а наши жильцы, наша организация в тысячу человек — они и есть кампания. И вот в этом Штраусс нам и был полезен, он нам и показал, что значит кампания, и комитеты, и трудности, связанные с этим, и потеря достоинства. И мы, обойдя все это, имеем свой верный доход и наших людей. Н.К. боится, что Ента еще этого не поняла, и просил меня написать им туда об этих мыслях. И главное, чтоб Порума отучилась от мысли закрывать концерты, учреждения, сокращать, экономить и так далее. Сбережет 10 \$, а потеряет ценных людей. <...>

Сегодня банк отказал в займе, все очень подавлены, ибо мы очень надеялись на это. Увидим, принесет ли завтра новое развитие событий. Нетти даже намекала, что, возможно, не поедет. Н.К. очень трудно.

18.XII.29

<...> Н.К. думает предложить в пять республик Южной Америки, во Францию, Италию свои картины, чтоб там висели два или три года, в отдельной комнате или занимая стену, и значились бы от Музея Рериха. Тогда Музей делается мировым, а не только американским. А к тому времени когда картины придут обратно, можно будет здесь взять больше комнат для Музея. Жаль, что сейчас нельзя расширить Музей, а с другой стороны, распространить картины по музеям мира — тоже отлично. Банкиры нам не дали денег, Луис повсюду бегаёт и старается. Откуда же нибудь придут деньги! Н.К. говорил, что такое состояние страны его пугает. Он начинает думать, что не страна обанкротилась, а люди овцы и слишком просты. В момент и разбойничать готовы, а там от всего и всех отказаться готовы. <...>

19.XII.29

Пока ничего не идет благополучно с нашим займом. Н.К. говорит, что, раз все банки нам отказывают, он боится, что наши облигации станут не пользующимися спросом.

Сегодня Н.К. выступал перед учениками классов Бистрана и Джайлса. Я была при этом. Он говорил изумительно. Начал с того, что поздравил их с учебой под таким мастерским руководством, как Джайлс и Бистран. Говорил, как незначительно людское “Holy name” [“Святое имя”] и что мы не знаем имен великих египетских и китайских мастеров древности. Затем говорил, что иногда, когда имя употребляется, то это есть отдача собственности для блага. Мы ведь знаем, что от собственности должны отказаться. Говорил, что психическая энергия есть творческая, духовная энергия, что ее нужно развивать, ценить ее присутствие, но не заглушать. Что творим мы под ее благотворной силой, ниспосланной нам, и тогда она питает нас, дает силу. При ней можно работать 20 часов в день без усталости, ибо мы сменяем разные центры. Говорил, что ничто не должно быть отрицаемо, даже враг или вред, но лишь покрываемо благом, тогда все вырастет. Говорил о Куинджи и как тот сказал ученику, жаловавшемуся на семью и необходимость работы для заработка от 10 до 6, что работать надо от 4 до 9, как и сам Куинджи делал, будучи ретушером в студии фотографа. Затем, что тот же Куинджи говорил, если кто жаловался на непосильный труд, ответственность: так ему лучше сразу погибнуть, если он такое экзотическое растение. Говорил, что если родня и семья мешают, и на них смотреть другими глазами, освещая их, тогда и они будут другими. Все ученики были в восторге, а Джайлс мне прямо сказал: “Он истинный Учитель”. <...>

20.XII.29

<...> Вечером у нас было собрание Общества Друзей Музея. Шнайдера не узнать, до того осунулся, тик у него какой-то, посерел, видно, почти все потерял. Н.К. говорит про него, что он уходящая тень. Собрание было коротким. Н.К. предложил Манди и Дабо в вице-президенты, а Вогана и Маккормика — в Почетные члены. <...>

Н.К. говорит, что время смутное и устроена паника и теперь немодно зарабатывать. Так что все должны при разговоре сообщать, что потеряли. Конечно, как дальше будет, трудно вообразить. Но пока очень сложно. <...>

21.XII.29

Утром Н.К. был огорчен, имел длинный разговор за завтраком с Нетти и Луисом, они настаивали на именных арендных договорах всех попечителей, что они, мол, платят за квартиры. Н.К. же говорил, что, если дать в руки Холлу эти документы, он будет шантажировать нас. Вообще нельзя устраивать подлог — якобы платить за наем квартиры, а на деле не платить. Потом, заработок у Франсис, например, 4000, а платит она за квартиру 3000. Потом нам придется платить большие налоги. Нетти и Луис, видно, настаивали на этом, Н.К. же отказался от этой мысли. Н.К. днем позвал Дэвида Гранта, тот тоже сказал, что это мошенничество и опасная вещь. Что лучше, как советовал Н.К., чтоб Мастер Института нанял все эти комнаты, платил за них Музею, Музей же дает субсидию Школе на бюджет, администрацию и так далее в ту же сумму. Кроме этого, Мастер

Институт дает жилые помещения попечителям. Подошел Луис, и ему это было сказано. <...>

Вечером приехали Светик и Нуця из Вашингтона. Им обещано полное содействие для бумаг Светика со стороны Криста, члена комиссии по натурализации*.

22.XII.29

Н.К. порвал сегодня свой арендный договор, мы еще наши не получили. <...> Он очень обеспокоен отсутствием точных цифр и отчетов по отелю и ресторану на наших деловых собраниях. Он также не видит, как он может уехать в Лос-Анджелес, если за два дня его отъезда в Вашингтон могли появиться на свет наши арендные договора, на которых так упорно настаивал Луис. Н.К. очень огорчен непониманием многого, неумением вести дела и хочет непременно увидеть Енточку, хотя бы на неделю, когда приедет в Кулу, чтобы установить с ней точную линию ее поведения здесь, ибо ему отнюдь не нравится ее желание всех хвалить за все, а именно Поруму и Логвана.

Днем был Бурлюк, показал письмо Голлербаха, где тот [пишет, что] хочет напечатать монографию о Николае Константиновиче. Н.К. одобрил мысль, дал Бурлюку 50 \$ авансом для Голлербаха, чтоб ему переслать. А мы же будем печатать присланные им материалы о Н.К. в музеях России — здесь. <...>

23.XII.29

Сегодня утром Н.К. опять настаивал, чтоб в отсутствие Холла проверить отчеты и цифры по Дому и общим расходам. Иначе сегодня у нас 90 000 прибыли, а завтра столько же убытку. <...>

Самое отрадное — когда Н.К., Юрик и Светик приходят поздно вечером пить валериан. И шутки, и смех, и деловые разговоры — всё вместе. <...>

24.XII.29

Сегодня утром Н.К. сказал мне, что хотя и был вчера против моей идеи, чтобы оклады администрации все были бы от Музея, но сегодня он пришел к этой идее и одобряет ее. Говорил со мной об увеличении доходов Школы. <...>

Сегодня National City Bank предложил Луису, чтобы он представил один арендный договор от Дома Музею, ибо они считаются лишь с Музеем и с ним одним желают заключать договоры. Возможно, они дадут деньги под облигации. Дай-то Бог, ибо положение очень трудное. Большой платеж в январе, время очень сложное. Луис совсем убит, Нетти плохо выглядит. Все мы ходим напряженные. Н.К. очень трудно жить во всем этом и переносить всё: и дурное настроение Франсис, и каприз Светика, и всех нас вообще. У нас никогда так трудно еще не бывало.

Вечером собрались в Святилище, оно уже убрано, и в нем чудесное чувство. Сегодня еще вешали материи и танка на стены. Н.К. имеет свое кресло и Учитель Свое — на эти два мы никогда не садимся. Перед собранием играем “Parcival” [“Парсифаль”]. <...>

Завтра Рождество — 1930-й год. Самый трудный год в нашей и, в частности, моей жизни. Как даже Венер сказал через своего водителя — Белое Облако, что у меня сильные приступы печали и что я не должна им поддаваться. А я из этих приступов и не выхожу.

25.XII.29

Все утро писала письма Е.И. и Енточке. Утром был в Музее Хьювит, очень все хвалил, говорил про чудные рамы и на вопрос Н.К., не тесно ли висят картины, ответил, что это ведь картины одного художника и потому составляют одно целое. Так что увидим, пошлем ли мы вообще картины в другие музеи. Луис и мы все против этого, и Н.К. сам начинает соглашаться. Днем Н.К. завтракал у Вел[икого] Князя, и ему не понравилось, что тот так открыто идет против них и говорит “заученные и привычные слова”. Днем мы с Луисом, Франсис, Нуцей и Н.К. разбирали отчет и цифры на завтра для банка, чтоб получить заем. <...>

Вечером были все у мамы с Н.К., ибо пришли Таня и Тарухан. Было очень славно, Н.К. читал Учение, комментировал его. Затем советовал Тарухану пустить обзор об Агни-Йоге в русские газеты. Разошлись поздно после чудного вечера, проведенного вместе с Н.К.

26.XII.29

Н.К. показал сегодня мне телеграмму от Буймистровой, где она просит места в Музее для выставки скульпторов, художников, для “этически духовных целей”. Затем Руманов был у Н.К., потом мне сказал, что он был духовным советником Н.К., что тот подарил лучшую картину его жене и что теперь пришло время “соединить под одну эгиду Великого Князя и Музей — практику и духовность”. Н.К. говорит, что они могут сделаться совсем нежелательными. <...>

Забавно было, что Н.К. сделал ужасный беспорядок на моем письменном столе. Я пришла в ужас, думала, что Нуця, и Н.К. начал смеяться. Все мы очень смеялись, когда он сказал, что это вид рабочего стола. Луис еще не получил ответ от банка, дадут ли они деньги, — положение трудное. <...> Вечером все были у нас, пили валериан, много смеялись, что я такая сильная и в битве победила Юрия, и он ретировался. Н.К. очень шутил. Но он очень устал, замучен, побледнел. Ему тяжело. <...>

27.XII.29

<...> Сегодня Бурлюк приезжал благодарить Н.К. за устройство его выставки в Корона Мунди, говоря, что это для него великая честь. <...> Днем я спросила Н.К., хорошо ли, что мы идем все в будущий четверг к Таберози и вообще ходим к разным ясновидящим? И не думаю, чтоб Е.И. ходила к ним. И боюсь, что Луис и Нетти начнут к ним и позже ходить, ставя их выше Учения. Н.К. говорит, что мы идем [для того], чтоб учиться, это поучительно, и нужно знакомиться с такими явлениями, и если кто и пойдет потом за советом, получит по шапке. И хорошо, что мы были у Венера и видели, что он нуль, и что мы убедились в незнании Стоддарта. <...>

29.XII.29

<...> Н.К. сегодня говорил про Таберози, что и ее, после визита к ней в четверг, надо будет обобщить со всеми прочими и поставить на место. Вообще таких людей надо ставить на свое место, изучая их как любопытное явление. Ходить же [к ним] хорошо всем вместе, но не отдельно. <...>

С утра тягостное чувство, будто что-то висит в воздухе. Н.К. хочет, чтоб отчет по Школе заключал лишь факты об учителях, учениках и событиях за этот год. Поэтому я работала два часа с Мэри Сигрист над материалом. <...>

Вечером работала с Луисом над бюджетом. Н.К. предложил жалованье администрации установить по Музею, как я давно ему об этом говорила. Луис согласился, плохо он глядит, и у него, видно, очень тяжело на душе. <...> Затем пришли Н.К. и Светик. Н.К. говорит, что интересно, что Бора ответит на план of Art Treasures Protection [Защиты сокровищ искусства], который они оставили у него. Н.К. тоже чувствует с утра беспокойство. Что-то должно произойти! Здорова ли Е.И.? Лишь бы с ней все было благополучно.

30.XII.29

<...> Днем Логв[ан] был с Честером Дэйлом в банке, и тот очень ручался за Луиса и помогал, чтоб получить заем. И возможно, что завтра получим благоприятный ответ. Вечером Н.К. сам пришел к нам и долго с нами беседовал. Говорили о трудностях прошедшего года, и если бы не приезд Н.К., наш банк бы давно прекратил платеж — и не в 300 000, а, может, и на целый миллион. Мы и не знаем, от чего мы были спасены. Н.К. говорит, что Штраусс святой человек, глаза нам открыл, иначе мы бы всегда надеялись, что деньги сами придут и кто-то их достанет. Говорили о предстоящем концерте Мореля и что он обязательно хочет, чтоб Н.К. сказал речь на концерте. Смеялись до упаду, когда Н.К. ответил: скажите ему, что могу говорить речь только в короне, а раз там тоже Великий Князь, то при нем неудобно носить корону.

Н.К., вероятно, поедет со Светиком в апреле, после аукциона, ибо событие такой важности, как аукцион, где такой капитал поставлен на карту, должно произойти при Н.К. Затем Н.К. пробудет два дня в Париже, где ему Министерство устроит большой прием, хотя и не хочется ему “поднимать пыль Парижа”, как он выразился. А Юрий поедет один в марте. Н.К. говорит, что он ужасный консерватор и его нужно оставить. Как хочет, так пусть и делает.

Затем читали очень серую и бледную аннотацию Тарухана о “Криптограммах [Востока]”, которую он хочет поместить в русской газете. <...> Затем мы поехали на 25-й этаж, где Светик расставлял мебель. Все опять перевернуто, и я спросила, есть ли перемена в спальне Н.К., а он говорит очень деловито: “Нет, кровать еще стоит”. Очень смеялись. Потом пошли все к нам пить валериан. Смотрели фотографии [сделанные] на Монхигане. Светик уверял, что у Н.К. хитрый вид, затем хохотали тому, что Юрий сказал: “Его можно убить, но не ограбить”. Было радостно видеть у нас Н.К. и провести с ним вечер. Н.К. очень озабочен Светиком, ибо он плохо выглядит, очень нервен, и лучше ему его забрать с собой в Индию. Да и сам Н.К. очень плохо выглядит.

31.XII.29

Утром пришел представитель Chemical Bank, не понравились ему арендные договора Учреждений, но все же сказал, что все здание оставило у него благоприятное впечатление. Н.К. говорит, что мы вообще, когда просим заем, должны спросить у банка, какие условия они хотят. А мы уже так и сделаем. А то, как мы ни предложим, кому-то не понравится. Днем Н.К. поехал к Сорину, тот ему жаловался на Америку и жизнь здесь. Говорил про Отто Кана и его жену. Если она говорит “да”, то это еще “может быть”, но если он говорит “да”, то это значит “нет”. А в будущем году приезжает сюда Бенуа со своей выставкой.

Вечером собрались в Святилище. Затем, получив чудные благословения и послания на Новый год, пошли к Поруме, где и встретили Новый год. Год был трудный, а что будущий несет? Судя по всему — нелегкое. А одна радость все же

есть — встречали мы его вместе с Н.К., Светиком, Юрием и все вместе. Что-то будет в будущем году? Потом Н.К., Светик и Юрий пошли к нам наверх пить валериан.

1.I.30

<...> Днем я беседовала с Н.К. Он говорил, что хорошо бы Юрию потолкаться среди людей и посмотреть, как нелегко зарабатываются деньги, а то он думал, что легко заработает 5000, имеет 5000, вот и будет 10 000. Н.К. заплатил за дорогу за него и Светика. <...> Н.К. говорил, что люди часто судят по результатам, а не по фактам. Например, кто-то думает [о том], чтобы свалился с неба миллион, и, если ему кто-то даст в этот момент 10 000, он и не возьмет. А ему в этот момент, может быть, вообще нужны только десять тысяч, а не больше. Или взять миллионера, возможно, и у него наличных денег так же мало, как и у нас теперь, и приходится изворачиваться, ибо все деньги уже лежат в каком-нибудь деле. <...>

Вечером пошли смотреть опыт с литием к Светику. Горит белым ярким светом. <...>

2.I.30

<...> Вечером мы все пошли к Таберози на сеанс. Она якобы впала в транс. <...> Очень это было глупо и ничтожно — все разговоры и советы. Лев Толстой, царь Николай с семьей и Петр, конюх Н.К.!!! Ничего не вынесли, а лишь убедились в убогости такого медиумизма. Потом пошли к нам пить валериан. Разошлись поздно. <...>

3.I.30

Сегодня утром Chemical Bank вызвал Луиса и сообщили ему, что они дают заем в 70 000. Для нас всех это большая радость. <...>

Вечером собрались для Беседы с Учителем, но из-за Франсис, которая имела с кем-то ужин, мы должны были отложить Беседу на час позже. Потом у нас были Н.К., Светик и Франсис. Сидели до полпервого ночи.

4.I.30

Сегодня был подписан заем на три месяца — условия легкие, ибо Дэйл дал обеспечение. Это была тяжелая пора для всех. Логван приложил все усилия, искал повсюду, везде отказывали, прошел через много разочарований и все же добился своими усилиями. <...>

5.I.30

Утром Н.К. чудно говорил, что здесь преступное правительство, если суды переполнены на четыре года вперед. А завтра будут школы и надо будет ждать образования детям, а потом больные будут ждать операции два года. Говоря о тюрьмах, он говорил, что преступники должны испытать суровый труд, а не быть называемы “несчастненькими”. Это он говорил за завтраком. <...> Н.К. видел Моора и его группу в девять человек, затем Стокса, который привел приятного раджа-йога — лектора. <...> Днем я была у нас в Tibetan Hall на лекции преподобного Тара — Maha Bodhi Society, с которой соединился Buddhist Center. <...> Затем пошли к нам

на “валериановый вечер”. Н.К. ездил днем к Германовой, считает ее очень духовным, хорошим человеком и говорит о кооперации с ней.

6.I.30

Сегодня утром, как и все время, Н.К. читал при мне вслух свои письма и одно — из “Temple Artisan” от миссис Доуэр — передал мне, чтоб ответить. Ибо они, испытывая трудности, хотят объединиться с нами под именем “Урусвати”, а это рискованно. Также передал мне для ответа и другие письма. В четверг он едет говорить с актерами Германовой. <...> Вечером был разговор о бюджетах, хвалили Школу за рост учеников и сравнительно малые расходы. Вечером собрались, ибо было Указано, что это Праздник Наполнения Чаши. Чудная Беседа и записи Н.К. Затем все собрались у нас пить валериан. Н.К. днем заметил, что он испытывает тягостное чувство.

7.I.30

Утром получили письма от Енты к Н.К. и нам, затем чудесное письмо от Е.И. к Н.К. Праздник гармонии, когда приходят письма Е.И. Теперь, после получения нами займа от Chemical Bank, нам предлагают заем и National City Bank. Н.К. начал сегодня писать картину для Палмер. Просил меня звонить Моору и просить его совета, как устроить свидание Н.К. с Рокфеллером, ибо об этом говорили в Rockefeller Foundation Юрию. А Моор оказался лгуном, вилял и потом заявил, что контакт с семьей у него очень слабый. Н.К. мне напомнил, что он потому так легко и относился к Моору и его группе, ибо не особенно верит ему.

Сегодня был концерт Рагини, было около шестисот человек народу, переполнено, очень понравилось, успех огромный. <...>

Потом пошли с Н.К. к нам валериан пить. <...> Говорили о росте и что закрывать-то легче всего, вначале во время завтрака, потом на день. И расходов не будет, и дела помрут!!! Затем говорили о том, что надо создать работу, тогда дела вырастут, иначе это пассивно — лишь отвечать на письма. Затем Н.К. диктовал Нуце археологическую статью, возможно, для помещения в “Art and Archeology”. Сидел у нас до 12-ти, потом ушел к себе наверх.

8.I.30

Сегодня утром получили письмо от графа Ледэн из Парижа, что он отказывается вернуть картины и заплатить деньги — 40 000. Мы чувствовали перед отправлением картин, что он жулик. Теперь надо угрозами получить их обратно. <...> Был утром сумасшедший, русский портретист, грозил, скандалил, требовал денег и [хотел] видеть Н.К. Вышел Н.К., спросил его адрес, говорил с ним холодно, но спокойно, направил его к Руманову, но после позвонил тому и просил его поступить с ним “политически”. Вот я научилась, как поступать с такими людьми. <...>

Вечером Н.К. был на обеде у Букмана. Свет[ик] пошел с Франсис в театр, а я, Нетти и Юрий — в кино. Свет[ик] не хотел идти со всеми, объявил разрыв. Вечером Н.К. пришел с обеда, говорил, что видел Бенненсона, у которого от лица ничего не осталось — облили серной кислотой. Тот за Советы и их экономическую базу, а Н.К., которого тот вызвал на разговор как авторитет по этому вопросу, сказал, что если это база, то не культуры. Если при такой экономической политике учитель получает 36 руб[лей] в месяц, то тело работает рукой, но без головы. Тут он

посмотрел на Бенненсона и увидел, что “тот совсем без головы”. Мы очень смеялись. Вспомнили, что и Воган имеет большое багровое пятно на лице, но Юрий сказал, что это родимое пятно, а Н.К. вспомнил такую неприятную поговорку, что “Бог шельму метит”. Получили от Маккормика письмо, что он отказывается быть Почетным советником, ибо как католик не может быть в Учреждении, где любят Будду и почитают его. Мы изумлены его поступком. Н.К. рассказал, что Кубини ему передавал, что кардинал ему запретил видеть профессора Рериха, ибо он такой большой человек, что “вы никто его не убедите, а он вас всех убедит”.

9.I.30

Сегодня днем мне выпала большая радость поехать с Н.К. в Laboratory Theater, куда его пригласила Германова, известная артистка Московского Художественного театра, выступить перед ее молодой труппой — ее учениками. Если и были у меня горести и непонимание, то как завеса спала с глаз моих, и я не забуду этого дня. А когда мне будет опять что-либо непонятно, вспомню этот день и что говорил Н.К. молодежи.

Фото М.Н.Германовой с дарственной надписью С.М.Шафран

Приехали мы в 2 часа, сцена была освещена, на ней сидело человек 25 учеников, в середине кресло, готовое для Н.К. Театр был в темноте.

Н.К. начал с того, что поздравил их с успехом, который был вчера на премьере “Трех сестер”. Сказал, что они делают огромное дело, они несут красоту и дают, и должны давать все время. А дающие всегда получают. Поэтому они и получают всегда, неожиданно, из пространства, отовсюду, а не именно из одной темной двери, через которую люди обыкновенно ждут получки. Затем он говорил против отрицания — все покрыть благословенным “да”, а не отрывистым “нет”. Даже по звуку они характерны. Одно позитивно, другое негативно. Одно строит, созидает, а другое разрушает. Одно — животное состояние, другое — человеческое. “Да” можно и врага покрыть, привлекая его на свою сторону. Затем [следует] избегать недоразумений — их надо тушить, прощать, а это возможно при единении. Вот чем и сильна группа или организация — своей сплоченностью. Поэтому Н.К. советовал им не разъединяться.

Н.К. говорил о психической, или творческой, энергии: ее нужно реализовывать, прислушиваться [к ней] — она и дает радость творения. Осознав ее, человек не устает при усиленной работе, ибо все его центры работают, сменяя друг друга. Говорил, что правильна вечная неудовлетворенность, ибо что есть радость грусти или грусть радости? Просил их задавать вопросы, беседовал с ними, отвечал им и зажег много молодых чутких сердец. Германова была очень тронута. Он обещал им прислать “Агни-Йогу”. Говорил по-английски — чудесно, плавно.

Затем мы поехали к Мейровичу выбирать очки, где все узнали Н.К. и окружили его необычайным вниманием. По дороге Н.К. говорил, что советует путешествовать, ибо в дороге меньше повода для ссор. Лишь на стоянке армия

распадается, а в походе держится. Незабываемы его слова: главное [что] меня поразило — не отрицать ничего.

Вечером у нас была Беседа с Учителем — чудесная. Потом пили у нас валериан. Думали, как начать католическую группу Св. Франциска Ассизского, что было сегодня указано Учителем, когда я стояла за столиком с Н.К. Объединить все религии под кровлей нашего Дома — изумительная задача!

10.I.30

Получили очень сильное, серьезное письмо от Е.И. с указанием на то, что вице-президентство дается и надо чтить его как дар и что для “Урусвати” были Указаны все члены и в каком порядке. Это относится к Модре. И, кроме того, она получила личное письмо от Е.И., в котором ей послан упрек в легкомыслии по отношению к Учителю, как мне говорил Н.К. Она, конечно, это письмо никому не показала и не покажет. Послание в Америку — Послание Учителя — очень сурово и сильно. Велено каждому переписать и знать его.

Новая трудность: в одном деловом журнале было объявлено, что “Master Building” заплатил проценты за декабрь, но не имеет фонда погашения [задолженности]. Надо судить за такие слухи, ибо это ужасный подрыв. <...> Затем Н.К. пришел к нам, подошли Юрий, Свет[ик] и Нуця, и мы беседовали до полпервого ночи. Говорили о грядущей мировой катастрофе, ибо время уже надвигается и все время будут происходить сдвиги.

11.I.30

Утром получили письмо от мадам де Во Фалипо. Она считает долгом сообщить, что говорят и пишут, будто Н.К. образовал новую религию — вроде теософской. Ватикан против нее и недоволен [ей], и мадам де Во, как преданная католичка, думает, должна ли она быть в таком движении. Одним словом, враг не дремлет, а действует через дружеские ряды.

Днем беседовала с Н.К. о бюджетах — решил сделать новые, открытые всем. <...> И люди будут нам тогда давать. Затем у нас было собрание, после чего мы разошлись с чувством недовольства Холлом — его отчеты плохи, без цифр и фразы пустые. Ресторан имеет убыток в 16 000 вместо 5000 по бюджету. <...>

Явно, идет новая сильная власть на мир — католицизм, а английская власть слабеет. Или же, как сказал Н.К., не скрывается ли одна за другой! Отец Келли, видно, немало знает от Завадского. Вспоминаю, как на днях Н.К. сказал, что вместо “но” надо говорить “и”. Большие построения. И еще сказал, что величайшее открытие Эйнштейна состояло в том, что он произнес слово “относительность”. Это даже важнее всей его теории. Вечером пили у нас валериан. Свет[ик] заявил, что не едет в Индию, мы все его поддерживали, ибо это один способ [общения] со Светиком — не идти против него. <...>

14.I.30

Тягостное чувство у Н.К., у меня, Нуця нездоров, не спал всю ночь, Флавиус нездоров — что-то в атмосфере. Днем видела мельком Н.К. Он просматривал статью Мэри Сигрист о Мастер Институте. Потом поехал к Стоковскому. Вечером я и Светик, стоя в коридоре Школы, видели мелькание как бы крыльев летучей мыши, пролетевшей над лампой. Чувство неприятное. <...>

Н.К. рассказывал, как однажды в Новгороде его пригласила старушка смотреть ее картины. Отличные были копии, но на одном портрете не было глаз. Н.К. ей сказал, а она говорит: “Не может быть”. Он ей говорит: “Да нету, посмотрите сами”. Она ответила: “Наверно, золой на Рождество прочистили, ибо раньше были”. А на другом отличном портрете на руке было шесть пальцев вместо пяти — мы много смеялись этому. Затем все пошли окуривать Школу эссенцией балю.

15.I.30

Утром просмотрела статью о Школе с Н.К., потом прочла ее с Сигрист и передала ей. Напряженно работала целый день, устала невероятно. Перед ужином беседовала с Н.К., говорили, как опасна мелочная экономия со сдачей зала, урезыванием сторожа в Кор[она] Мунди, Музее. Н.К. говорил, что Поруме крайне важно теперь поехать к Е.И. и многим проникнуться. Говорили о новых статьях дохода для Школы, Н.К. предложил иметь членов как в “Урусвати”, что и было вечером одобрено Владыкой. Очень поощряет Н.К. открытие отделов Школы в других городах. Даже при малом приходе это даст рост в будущем, новый контакт.

Вечером у нас была Беседа, слушали принесенные Н.К. пластинки “Sacre du Printemps” [“Весна Священная”] от Стоковского. Потом собрались у нас пить валериан.

16.I.30

Утром пришла мама и сказала, что, вероятно, ночью что-то случилось, ибо она была разбужена тремя сильными стуками, и ей тревожно. Флавиус болен, высокая температура. <...>

16.I.30

С утра напряженное преподавание, только в три часа дня видела Н.К. — говорили о заметке Завадского в “Times” “International Orchestra under Societee Anonyme” [“Международный оркестр при анонимном обществе”] (Мисс Дрейер — большевики) и “организован Великим Князем Александром”, а название “Roerich International Symphony Orchestra” [“Международный симфонический оркестр имени Рериха”] выпущено! Н.К. сказал, чтоб я хранила эту вырезку как зеницу ока, ибо пригодится. А сам вызвал Руманова и рассказал ему, какой идиот Завадский и что не иезуиты, а большевики поддержат, по его (Завадского!) мнению, оркестр!

Днем был д-р Макгоффин, президент Archeological Institute of America [Американского Археологического института], пригласил Н.К. в вице-президенты и сказал, что всю свою разведочную работу в Индии они будут делать через “Урусвати”. Это большая победа, тем более что было давно Указано, чтобы Н.К. был выбран от их института. Устроил это доктор Ньюэт. Затем вечером был Норвуд, пастор Епископальной церкви, и рассказал Н.К., что на Рождество он прочел проповедь об Н.К. Вообще он считает Н.К. Учителем, распространяет Агни-Йогу и говорил, что 15 лет тому назад имел видение — Мастера в лилово-серебряном свете. Н.К. его очень хвалил.

Была у Порумы и советовала ей, что взять в путь.

17.I.30

<...> Было обычное субботнее собрание. Трудно из-за Светика, который часто выступает против Н.К. Например, что надо закрыть Корона Мунди, не устраивать

никаких выставок. <...> А вечером за ужином у Порумы Н.К. нам рассказал, что Светик прямо прочел лекцию с выпадом против всех: в такое трудное время, как теперь, мы помогаем устраивать новое предприятие (имея в виду “Урусвати”), а когда ему было трудно, мы не помогли ему с его медициной. Очевидно, был очень неприятный разговор. <...> Н.К. говорил, что ему [Святославу] уже двадцать семь лет, а в двадцать семь лет Н.К. сам работал и собственными усилиями все устраивал, и говорить о помощи даже странно. Затем, что “Урусвати” был Указан М., и мы увидим, как ценнейшие люди подойдут через него. Закрывать же Корона Мунди нет основания, можно устраивать по три хороших выставки в году, но не закрывать без причины. <...>

Светик очень против “Урусвати”. <...> И слава Богу, что он не едет теперь в Индию. Ехать и делать шум и раскопки — это козырь англичанам и преопасная игра. Так что Н.К. хочет поехать с Юрием 2-го апреля и не быть на [премьере] “Весны Священной”. <...>

19.I.30

Утром, в 9 часов, как всегда в воскресенье, Н.К. завтракал у нас. Мудро говорил, что мы все осознали, что нам некуда уйти от дел, что все должны работать в делах. А [то] кто как действует, покажет его рост. Если во время Бесед с Учителем есть и шутки, и смех, и рисование карикатур, то остановить или указать кому-либо нельзя. Через 10, 50 или 200 лет человек припомнит, как он вел [себя] на этих заседаниях. Вообще, то как на человека влияют внешние действия, и покажет его внутренний рост. Иной уже выше поднялся, на него меньше всё влияет. Значит, он вырос, а другой еще не может освободиться. Потом Н.К. говорил, что нужно начать с себя, подмечать у себя, а не у другого.

Утром Н.К. немного работал со мной, прочел каталог, дал ряд ценных советов. Днем пришел доктор Кеттнер, Н.К. дал комнату для его группы. Они могут вырасти. <...> Вечером у Нетти беседовали с Н.К., затем Нуця, Н.К. и я пошли навестить Юрика, потом к нам — пить валериан. Светик составлял мой гороскоп, мы читали русские и английские газеты. Чудесно быть с Н.К. Он весь светится. <...>

20.I.30

Утром беседовала с Н.К. около часа. Очень мучает теперь всех состояние Светика. Н.К. говорит, что его идеология вроде купеческой — обобрать, а потом свечи ставить. Или же Рокфеллер! Велика ли заслуга — теперь он отдает излишек, который ему не нужен и переварить который он не может. Не будет же он носить две пары штанов! Как человек, который наелся до отвала и отдает то, что съесть уже не может! За это Н.К. нисколько не уважает Рокфеллера. А Светик сидит и ждет повышения конъюнктуры, а работать не хочет и другим мешает. Требуется лаборатория, говорит об открытиях, не зная химии, не зная, как составлять формулы, а не просто смешивать составы, надеясь на случай. Он забывает, что научная работа требует годы. <...>

Днем <...> пришла Германова. Я водила ее учеников (группу в 35 человек) по Музею. Затем Н.К. беседовал с ними. Славная молодежь. <...>

Вечером у нас пили валериан. Светик читал мой гороскоп, много смеялись. <...>

Сидели поздно, беседовали с Н.К. — радостно проводить с ним вместе каждый вечер.

Утром пришел Завадский, Н.К. не мог его принять и поручил мне. Он мне сказал: “Я работал шесть месяцев, чтоб основать Roerich International Orchestra, вы одним ударом разрубили все, и мне пришлось снять имя Рерих и пойти под моим флагом”. При этом мне была сказана куча грубостей. А это все потому, что он, не известив Н.К., снял его имя и устроил свой международный оркестр под эгидой Анонимного Общества — Катрин Дрейер. Н.К., узнав про это, сказал, что здесь есть рука отца Келли и леди Армстронг, глава тайной английской полиции здесь. И мы решили повидать Завадского вечером при свидетелях. Он пришел, разговор был с Н.К. при мне, Тарухане и Нуце. Н.К. начал с того, что за сорок лет впервые его имя сняли с названия общества, в котором он является Почетным председателем. Затем он спросил Завадского, назвал ли он свой оркестр по месту, то есть потому, что это Roerich Hall [Зал Рериха], или по человеку? Сказал, что в своей жизни не участвовал в анонимных обществах и ему не советует, ибо это для всех подозрительно, если кто-то анонимен. В общем, сурово говорил с ним полтора часа и в результате сказал: “А теперь продолжайте, как начали, без моего имени, вообще не упоминая его. А потом увидим”. Конечно, Завадский безнадежный дурак и пешка в руках отца Келли, который дал два дня тому назад рекомендательное письмо для леди Армстронг, и таким путем Завадский пригласил ее в комитет. Как и говорил Н.К. Но разговор был изумителен тем, что Н.К. ему доказал свое желание иметь оркестр у нас и дал бы ему зал на 5-ое февраля, но Завадский сам бестактно ушел и снял имя Н.К. с названия общества.

Была у нас сегодня Беседа, где было сказано, что Руманов будет удален. Как думает Н.К., — за то, что он пытался втянуть его в корпорацию с Фридлибом, а это подозрительная афера. Потом пили у нас валериан. Много смеялись — Юрий приподымает меня на воздух, а Н.К. говорит, что это неудобно и не лучше ли ему приподнять статую носом или ухом. <...>

Н.К. предложил, что если деньги очень нужны, написать на старинной доске свежую картину, [отправить] в Европу и дать знать таможене здесь. Когда начнут ее исследовать, то смоют ее и ничего на доске не останется. А тогда требовать 200 000 убытку. Мы очень смеялись всем этим “конструктивным” мыслям. <...>

<...> Вечером Н.К., мама и я заехали за Таруханом и Таней и поехали вместе на обед, устроенный Maha Bodhi Society. По дороге Тарухан рассказал, что Н.К. у нас на концерте, когда певицы вышли кланяться, сказал: “Скорее бы пели, а то публика разойдется”. Они пели. Потом опять были аплодисменты, и Н.К. сказал Тарухану: “Пойдемте скорее, а то опять будут петь”. <...>

Н.К. рассказал, как он на совете школы у них в Петербурге искоренил курение. Все курили, Н.К. зажег кусок бумаги. Все начали кричать: “Что ты, с ума сошел?” А он: “В чем дело?” — “Да ведь дым идет!” А он в ответ: “Да и от вас дым идет!” Вот они и перестали курить. Принцип доведения до нелепости — как проповедует Н.К. Обед сошел скучно, курили до невозможного. Потом все собрались у нас, говорили о Холле и его плохом управлении, лени и попустительстве к краже. Обнаружено, что мы платим за провизию на 30% дороже, чем другие отели, что наполняет, очевидно, чьи-то карманы. Решено выразить недовольство Холлу и выжить его от нас. <...>

<...> Очень много работала сегодня, вплоть до нашего собрания в 4.30, которое бывает каждую субботу. Убедились, что Холл нечестен, из-за его управления будут убытки в ресторане и по Дому. Решено, чтоб Сидней с ним завтра говорил. Вечером была Беседа, потом пили у нас валериан, Франсис тоже была, она два раза в неделю, после собраний, приглашена к нам. <...>

26.I.30

Утром — воскр[есный] завтрак с Н.К., днем — обед у мистера Александера и Уайтсайд — все мы, кроме Луиса, Нуци, Свет[ика], которые уехали в Принстон видеть профессора Мазера и Юрия, который еще в Филадельфии. <...> В 5.30 немного беседовала с Н.К. Он говорит, что главное — это продолжать активную политику повсюду: в Школе, Прессе — везде, иначе замрет все. <...> Н.К. на днях сказал, что теперь поездка в Южн[ую] Америку должна будет показать, как они будут реагировать, только ли брать от нас или что-либо давать. И группы тамошние, которые ничего не пишут сюда, — будут ли они заменены другими? В 8.30 йог Кескар говорил в Тибетской библиотеке просто, искренно — хороший человек. Н.К. говорит, что он мог бы сказать это и на улице, а не [только] избранной аудитории.

Концерт Розы Манди прошел хорошо, я зашла на короткое время в зал. Затем Н.К. и Свет[ик] пили у нас валериан. <...>

28.I.30

Получена телеграмма от Форда о том, что из-за невозможности видеть Н.К. в назначенный им срок встреча не состоится. Конечно, выдумка! Днем Н.К. говорил к группе женщин из Общества денверских детей, больных туберкулезом, об образовании, красоте в быту, повседневной жизни — негативное, отвратительное “нет” и положительное, приятное “да”. Говорит он просто, спокойно, красиво, ведет к пониманию новой эволюции, новой эры через красоту, труд, знание. После того как он окончил, он вышел, а меня просили остаться и рассказать дамам о его жизни, деятельности, работе, что я и сделала. Они были все очень милы и хорошо все приняли. <...>

Н.К. сегодня сказал Руманову, что не может участвовать в корпорации с Фридлибом, ибо банк не отвечает его роду работы. Говорила пару минут с Н.К. о докторе Кеттнере, Маһа Bodhi. Н.К. говорит, мы не должны быть очарованы и поэтому не будем разочарованы. Все эти люди имеют свои ссоры, мелочность, и у нас будут от них мучения и затруднения. Все же мы должны открыть им двери и полный доступ ко всему. Конечно, когда я сказала Н.К., как нам будет трудно после его отъезда, ибо ужасно, если мы начнем все допускать или же все уничтожать по принципу, что все возможно, и из этого могут вырасти страшные махровые цветы, Н.К. ответил, что формула “для чистых все чисто” тоже может оказаться ужасной, ибо “для грязных все грязно”.

Вечером была Беседа, собрались ненадолго пить валериан. Свет[ик], как рассказал Н.К., был опять очень плох за ужином. Очень тяжело и грустно. Не понимаю, почему Н.К. выделяет Ф[рансис] до наивысших пределов.

29.I.30

Приходил утром доктор Хоффнер, специалист по итальянским примитивистам, — ему хорошо заплатят за сертификаты для аукциона, который еще неизвестно как

пройдет. Н.К. сегодня мне говорил о разговоре с Нетти, что и ее поездка должна быть обставлена на деловой почве, то есть Учреждения платят за нее. <...>

1.II.30

Профессор Ростовцев навестил Н.К. Показав на кончик мизинца, Н.К. сказал о нем: “Вот столько! Чем люди живут!” <...> Телеграмма из Белграда — просят картину Н.К. для крупной выставки знаменитейших художников. Вечером имели Беседу с Владыкой. Изумительное Указание, чтоб Н.К. миновал Париж. Там был убит Кутепов — генерал белой армии — и вообще там теперь рискованно. Изумительный поворот! Значит, Н.К. и Юрий поедут только в Лондон. <...>

2.II.30

Воскресенье

Н.К. пришел на завтрак рано. Говорили о вчерашних видениях. В Париже Н.К. представится президенту, Бриану, продлит визы на три года и уедет. Лекции в Сорбонне и других местах — это глупо, никакой пользы не принесет. А если будет много показываться, русские скажут, что он себе паблисити устраивает, появятся новые враги. <...> О Штрауссе Н.К. говорил, что он сослужил великую пользу, ибо мы узнали, что кампания с обедами, комитетами нам ровно ничего не принесет.

Утром я была занята, днем пришла Германова с ученицами, я их повела по Музею. Затем я пошла с ней к Н.К. Он замечательно говорил о кресте, что это символ желанья и воображения, и где они соединяются наперекрест, там-то и зарождается атом. И еще он думает, что у Христа тоже был крест и он носил его. А свастика — это крест, брызжущий огнем. Крест — древнейший символ. <...>

8.II.30

<...> Затем показал письмо Шклявера, где тот пишет, что Лига Наций к нашим Учреждениям отнеслась холодно, ибо в 1928-ом году, когда они сделали запрос в Вашингтон о Музее, им ответили, что они такового не знают. Хорошо! Америка нас не признаёт! Ужас, что здесь творится, — весь мир знает, а они не знают! Дальше Н.К. говорил, что надо поехать в Вашингтон и все налаживать снова. Потом Италия хочет объявить о неприкосновенности Музеев, то есть [поддержать] идею Н.К. Потому решено пустить ее здесь в Associated Press, ибо Бора, получив доклад об этом, все же молчит и поныне. Разошлись поздно. Н.К. хочет написать статью о коллекционерстве и поместить ее в какой-нибудь журнал. Она будет ко времени.

9.II.30

Воскресенье

Утром беседовали с Н.К. Он поручит Судейкину следить за открытием “Весны Священной”. <...> Днем у нас было собрание совета директоров, опять Холл мямлил и представил наивные доводы для успеха. <...>

10.II.30

Поехала сегодня с Н.К. купить туфли для Е.И. и ботинки для него. По дороге говорили, что Порума боится ехать, оттого и больна теперь и все у нее начинает болеть — зубы и так далее. Н.К. говорит: она долго сидела на одном месте, и ей трудно сдвинуться. Также вспомнил, что Тарухан перед приездом сюда написал

духовное завещание. Сегодня прошел билль о гражданстве, предложенный Блюмом. Надеемся, что он пройдет в Сенате. <...>

Затем Н.К. пришел к нам. Говорили, что люди снимают у нас квартиры в Доме из-за разных обществ и что надо это сказать Холлу.

11.II.30

Юрий приехал из Филадельфии, наладив новые контакты, успел прекрасно. Н.К. был у Франкеля (“Art News”) [“Новости искусства”], и тот принял его статью о коллекционерах. <...>

На душе очень больно за многое, тоскую, почему творится так много непонятного? Ласка, любовь, заботы — для иных, а для других — холодное отношение. Но терпение приведет ко многим переменам. Вечером все у нас пили валериан, но без Луиса и Нетти — ибо она простужена, плохо выглядит, а в пятницу уезжает в Индию.

12.II.30

Хотя Франсис и дала вчера в пять газет “Roerich Pact” [“Пакт Рериха”], сегодня ни в одной из них ничего об этом не появилось. Н.К. очень огорчен этим отношением прессы. Из Амторга письмо, что они готовы начать переговоры о “Белухе”. И это Н.К. очень не нравится, ибо пахнет их желанием явиться в Музей, а потом оповестить повсюду. Днем пошла с Н.К. к Тарухану, тот хотел всунуть “Алатас” в дела сибирской группы. Но Н.К. сказал, что комната дана сиб[ирской] гр[уппе] и что не [надо] вмешивать “Алатас” в их выступления, ибо будут винить Тарухана. Он еще с ним долго “мусолился”, когда я ушла, как он мне говорил. <...>

Потом пошли к нам. Я немного говорила Н.К. о маме, что она приуныла. Н.К. на то говорит, что мы поневоле теперь разделены в делах, а через три года одному будет Указано быть в Чили, другому в Англии и так далее. Когда дух растет, он грустит не от личных, а от космических причин. Н.К. понимает, что она видит многое, что и сказать не может. Но ей трудно.

Н.К. говорил о распределении комнат в Музее: “Скоро все отдадим богатым и останется Коридор Бора, Выход Гувера”. Мы очень смеялись.

13.II.30

Утром Н.К. говорил, что пророков никогда не спрашивали про предсказания, боялись их, ждали, пока они сами заговорят. Напомнил, что Е.И. не любит, когда ее спрашивают, что она видела. Это он говорил относительно мамы.

Днем были с Н.К. в ложе на “Lohengrin”. Он говорил, что постановка ужасна, но что Ерица ему понравилась — она единственная артистка из всех. Говорил, что, если изъять Вагнера, некого поставить на его место, ибо за последние 25 лет творческий дух падает, подобного Вагнеру композитора не появилось. Также и в живописи — когда-то выставка художника в Париже или России была событием, о ней писали, готовились, а теперь — ничего. И не потому, что их много, а притупился интерес к развитию духа.

Говорили, как Юрий взволнован заметкой о лекции Уайтсайда, а Н.К. вспомнил, что Эдисона в начале его карьеры называли сумасшедшим, и все ученые сначала объявляются шарлатанами.

Вечером были у Порумы, имели Беседу, затем немного побыли у нее. Ей лучше, хотя и простужена. Появился вчера в “Times”, в четырехчасовом утреннем

выпуске, проект Знамени Мира Н.К. Решили делать анкету, ибо нигде в других газетах это не появилось. Вечером были у нас, пили валериан. Получили письмо от Е.И. с посланием для Франсис и меня — “бросить старые привычки, ибо время грозное”. Сурово, но заслуженно. Жалела себя, завидовала, сомневалась! Надо вырвать из души с корнем!

14.II.30

Переговоры с менеджером для кампании для “Урусвати”. Пока соглашались на наши расходы в 3 000 \$ и проценты им с поступлений, которые ожидаются в апреле. Но это еще не решено. Завтракали с Нуцей у Нетти, она сегодня уезжает. <...>

Поехали, проводили Нетти, уехала в очень счастливом настроении в Италию, на “Saturnia” к Е.И., то есть из Италии в Индию. На пароходе Н.К. говорил мне, что уже мечтает об отъезде. Он и Юрик едут 4-го апреля, Свет[ик] 15-го апреля, а Франсис решила 18-го, то есть через две недели после Н.К.

Приехали к нам домой, пили валериан, Юрий и Н.К. имитировали пение в церкви, мы много смеялись. Н.К. говорил, что не понимал никогда, почему надо было, когда Христос изгонял дьяволов, обратить их в идущее мимо стадо свиней, а потом свиней бросить в море. Ведь дьяволов можно было сразу в море, ибо свиньи кому-то принадлежали. Очень смеялись. <...>

15.II.30

Сегодня наконец произошел долгожданный разговор с Н.К. Сказала ему все, что мучает меня уже несколько месяцев: наверно, он мною недоволен. Он так приветлив к Франсис и заботится о ее настроении и так холоден ко мне. Чувствую себя не в курсе дел, не вижу его, всегда он в Издательстве, большее время проводит там; извиняет “божественную ревность” Франсис, но ревность может быть и у других. Сказала все, что накопилось на душе, очень при этом мучилась и не смогла сдержаться слез. А при этом показала ему письмо Е.И. с ее упреком мне и Модре и напоминанием изменить старые привычки, пока не поздно, чтоб не очутиться перед закрытой дверью.

Н.К. долго со мной говорил, от 7.30 до 11 часов вечера. Говорил, что если Гуру признан, то и его действия признаны, а он действует с каждым именно как нужно. Что я могу заходить к нему, когда хочу, спрашивать, что хочу, и спрашивать надо. Нужно искоренить в себе “кажется”. Развить в себе эту благую вселенную и расширенным сознанием смотреть на всё и вся. Где можно — помочь другому, по возможности, не показывая [этого] людям. Ибо “когда скажешь человеку, что он теряет брюки и потому смешон, или что перед ним яма и он должен быть осторожнее, он того и обругает, кто его предупредит”. А главное — забыть себя, ибо, думая об общем благе, [нужно] забыть прежде всего свою самость. Ведь делать благо — выгодно. Быть святым — выгодно. Но [надо] всегда распинать себя, винить себя: “Я виноват!” Если что не вышло, значит, не сделал достаточно хорошо. Это сознание держать в себе, ибо это путь совершенствования.

Я привела в пример Москву: когда мы там были, он предпринял сверхчеловеческие усилия с большевиками, а все же не вышло. И потом Вл[адыка] сказал, что *знал* заранее, что не выйдет. Неужели и тогда Н.К. скажет, что был виноват? Н.К. подтвердил, что, наверно, не все его действия были правильны и чего-то он недоделал. Винить себя, но не делаться слабым, а накапливать новую энергию, трансмутировать сознание и устремлять его к Учителю — этим и

вырастем. Иногда лучше послать сознание Логвану (например), представив себе его ярко и отчетливо, нежели даже видеть его. Соизмеримость поможет, где указать другу или близкому, а где предпочесть, чтоб споткнулся, ибо полезнее для него. А главное — думать меньше [плохого] о других, но искать вину в себе. Мыслями убивать можно сильнее ножа, поэтому [надо] развивать благие мысли.

Иоанн был любимым учеником Христа, Мария сидела у ног Его, а Марфа пекла лепешки для Его трапезы, но Он все же любил Марию больше — трудно сказать за что. И так ли это? Все относительно. Иоанн единственный из всех Апостолов не пошел распространять Учение, а умер в глубокой старости. И неизвестно, за что он был любимым, и кто это сказал, и как записали. Отношение же Христа было, наверно, разным ко всем, сообразно с нуждой каждого. Забыть личные чувствования, настроения, жалобы, не видеть даже, если явно происходят несправедливости, даже не помнить их. Ибо дела растут так быстро, что мы должны поспеть за ними и спешить с ростом, при этом не вспоминая мелких вещей и обид. Остается лишь большое. Забыть про личную горошинку.

Н.К. хвалил Школу и сказал, что нельзя себя отделять от дела, ибо главное — это дело. Говорил так мудро и просто. Все понимать, все прощать, но не делаться бесчувственным. Но и не думать о личных чувствах. Мне надо лишь найти силу выполнить его указы и идти вперед, не мучаясь маленькими болями, которые не нужны. Очистить дух и мысли — для этого молю Вл[адыку] послать мне помощь.

16.II.30 **Воскресенье**

Как и всегда, Н.К. завтракал с нами. Просматривали газету: до чего большевики преследуют церкви и как ловко Папа [Римский] воспользовался этим, начав на них атаку. Затем имела ряд деловых встреч. Утром к Н.К. пришла Германова, затем он работал с Франсис над “Основами буддизма” и сделал важную поправку там, где сказано, что Будда не признавал Бога. Днем я и Юрик поехали в общество “Наука”, где Юрик прочел по-русски прекрасную лекцию со слайдами о Тибете. Затем я с ним поехала к миссис Шинази, пригласили ее в члены комитета кампании для “Урусвати”, та приняла [предложение], была очень мила. Вечером мы все поехали в театр смотреть “Green Goddess” [“Зеленую Башню”]; Н.К. заметил: фильм с намеками на Кулу — подбираются к Гималаям. Говорили позже у нас за валерианом, как можно было бы поставить фильм в Кулу, ибо места удивительно красивы. Затем говорили об аукционе, сегодня “Art News” имеют двенадцать наших репродукций и статью профессора Мазера о нашем аукционе. Надеемся на успех.
<...>

18.II.30

Н.К. говорит, что облигации продать невозможно, разве, заработав деньги с аукциона, нам самим их купить.

Возмутительно, что когда Н.К. выразил желание смотреть костюмы для “Sacre du Printemps” [“Весны Священной”], ему ответили, что их видели миссис Рис, мистер Мэкан и поэтому ему их видеть не нужно. Он жалеет, что писал костюмы и декорации для “Sacre du Printemps”! <...> Вызывала Шинази завтракать с Н.К. и мною завтра, и, к нашему изумлению, Джульет заявила мне, что хочет работать для “Урусвати”. <...>

Имели Беседу вечером и [когда] по окончании включили свет, Н.К. сидел весь белый, тихий и, видимо, спал. Но это было необычайно. Продолжалось это долго,

потом он открыл глаза и сказал, что в России произошло что-то неладное и лично против него. Было очень знаменательно! Потом все пили у нас валериан. Н.К. настаивает, чтоб мы не нарушали наших собраний, а, наоборот, соблюдали их всегда по субботам. Разошлись рано! Около 11.15 ночи. <...>

20.II.30

Н.К. говорит: какой-то трудный день. Н.К. и Юрий пошли в Британское консульство, там вопросы: почему вы едете в Кулу и когда? Потом они вызывали Луиса — те же вопросы. Будут делать пакости. Днем работала без конца. Луис говорил, что продал несколько облигаций по 65. Также получил чек в 7500 в уплату долга в 55 000 от American Bond. Увидим, будут ли они выплачивать. <...> Узнали, что в день нашего аукциона днем будет [другой] важный аукцион. Говорили о кампании, надо работать и увидеть, что эти люди сделают за пять недель, иначе мы не будем продолжать, лишь заплатим им 3000 \$. <...>

27.II.30

Н.К. получил от Бора письмо ко всем консулам при проезде за границей. Сегодня советовал Логв[ану] в каталоге не выставлять некоторые картины, был удивлен, что некоторые выставили для аукциона. <...> Немного беседовала с Н.К. о бюджете будущего года: советовал платить за электричество и телефон в конце года, также аренду — сообразно с доходом. <...> Говорили о выпуске к десятилетию Школы юбилейной книги (к 1931-му году), собирая подписку в 2 \$ с учеников. Н.К. идея эта нравится.

Вечером была на заседании сибирской группы с Юрием и Нуцей. Говорение, работали над уставом. Вечером поздно пили у нас валериан. Решили на понедельник пригласить Германову к нам на “валериановый вечер”. Сегодня она была у Н.К., а потом зашла ко мне. Чудесная душа, я ее очень люблю. <...>

Н.К. очень был недоволен тем, что печатник, заказанный нашим бывшим глупым бухгалтером, переменял шрифт. Решил, чтоб мы всегда держались одной формы и шрифта. Днем поехали на “Валькирию”. <...> Н.К. говорил, что все же люди, и услышав эту дивную музыку, приходят домой и [продолжают] делать то же самое.

Вечером я и Нуця с Н.К. поехали к доктору Кеттнеру на собрание его группы. Очень понравились Н.К. 30 человек, больше из рабочих, кто из Бруклина, кто из Кони Айленд, молодые, вопросы задавали прекрасные, обдуманные, видно, изучают Агни-Йогу. Ничего глупого не спросили. И не сравнить с группой Моора — те прямо тупые. Н.К. говорил нам, как это прекрасно, что существует такая группа, которая стремится к свету, и чтоб мы ее посещали и к нам приглашали. Н.К. замечательно отвечал на их вопросы. Сказал, чтоб не получить стрелы врага, чтоб его стрелы нас не ранили, [нужно] подойти к нему вплотную, то есть хорошо изучить врага и принимать его с улыбкой. На вопрос, как соединить каждодневную работу и духовное устремление, Н.К. ответил, что даже пол можно мыть красиво, то есть радостно, с песней, с восторгом. Говоря о единении группы и работе вместе, он сказал, что две руки лучше одной, шесть еще лучше, а шестьдесят рук — отлично, ибо можно больше сделать. Говорил, что центр чаши накапливает весь опыт и очень ценен для чувствознания. Просто принять психическую, или огненную, энергию, ввести ее в жизнь, подумать над странными болезнями, эпидемиями и раком и вспомнить, что к сороковым годам огонь усилится, если мы его не осознаем в нас. Думать не о себе на этой маленькой Земле, но соединиться со всей Вселенной, тогда

чувство собственности, эгоизм, мысль о себе исчезнут. Чувство любви тогда чисто, когда, забывая о себе, думаешь о принесении блага другим. И еще важно — держать в мыслях Лик Учителя, отчетливо, сильно, со всеми деталями — этим соединяешь Его сознание со своим.

28.II.30

Н.К. видел днем Германову, потом направил ее ко мне, он ее очень одобряет — хорошая душа. Приходил ко мне Москов, его друг, американский адвокат, хочет купить картину Н.К. Я при Н.К. и говорила с ним, причем Н.К. узнавал, какую сумму он собирался на это затратить, а потом можно и решить. Также советовал насчет “Весны Священной”, которая им теперь написана. Затем днем Юрик читал памфлет “Урусвати” Н.К. и мне. Я внесла поправки о включении имени Е.И. и Н.К. как основателей, ибо их имена не были упомянуты. Вечером была лекция доктора Кескара — прекрасная — “Послание из Гималаев”. Я шепнула Н.К., чтобы просить Стокса еще две лекции доктора Кескара для Общества. Н.К. понравилась эта идея, и я ее [вы]сказала Стоксу от имени Н.К. Он был очень тронут и тут же объявил ее. Стокс вообще, видно, все устраивает для доктора Кескара. Он и его жена полезные люди. Вечером Н.К. был у нас, говорил, что Светик вернул ему 5000 \$, а также, что Светик говорил Логвану, что Музей не должен поддерживать “Урусвати”. Н.К. ходит с самым тяжелым настроением. <...>

Н.К. настаивает, что если что-то происходит в классах — отопление, порча, — писать письмо менеджеру Дома, ибо есть доказательство. Вспомнил Боткина, который говорил в таких случаях, когда ему подавали письмо: “А зачем же писать было, могли и на словах сказать!” — “А я это для памяти”, — отвечал Н.К.

Затем обсуждали с Н.К. устав сибирской группы, и он дал ряд полезных советов. <...>

1.III.30

Как быстро наступил март. Сегодня был день хороших мыслей — хоть бы побольше этих дней. Утром обе Палмер смотрели в кабинете Н.К. картину “Ведущая”, которую он написал для них. Пришли в восторг от нее, заплатили 5000 \$ и повезли ее к себе в Нью-Лондон. Н.К. заедет к ним 16-го марта, ибо будет в этот день в Йеле и посмотрит, как ей висеть. Немного беседовали с Н.К. У него идея, если у нас будет очень хорошая секретарша, одинокая, дать ей комнату по дешевой цене. Было деловое собрание, Н.К. предложил выработать форму аттестатов и дипломов для Школы. <...>

Увидим, что принесет март — Сказано о его значительности.

1.III.30

Воскресенье

<...> Говорили о России. Теперь там, возможно, многое скоро переменится, и надо будет опять обратить внимание, ибо Америка даже и в гражданстве отказывает. Но Н.К. говорит, что долго нужно будет держаться политики строгости, ибо озвереют люди.

В “Times” появилась репродукция двух леопардов, посланных в дар Е.И. жителями Кулу. Вероятно, послала Енточка, и Н.К. был рад этому. <...> Была с Юриком утром у Шинази, она очень заинтересована “Урусвати” и думает деятельно помочь. <...> Вечером у нас была Германова, пришли с обеда у Кларка с Джайлсом

Н.К. и Свет[ик], но он сейчас же ушел, а пришел Юрий — провели чудный вечер вместе с Германовой — хорошая душа. Портрет Н.К. Светика, а также “Unspilled Chalice” Н.К. отправляется в Венецию. <...>

4.III.30

Н.К. получил чудное письмо от Джона Финлея, редактора “Times” — называет его гением. В субботу Н.К. увидится с ним. Утром Н.К. имел со мной долгий разговор о Светике. <...> Весь год Н.К. старался сделать всех директоров равными, а Светик одним ударом все испортил. Возмущен, что он не в “Урусвати”, его, мол, выкинули. <...> Теперь недоволен, что его выбрали и поставили в новый каталог Музея вице-президентом. [Н.К. говорит]: “Как я ни изошряю фантазию, но придумать не могу, что он хочет... А раскопки — это безнадежное несчастье: не найдет — горе, а найдет — хочет расплавить на золото — хуже дикарей!” Н.К. боится раскопок как огня. А судя по письмам Е.И., [она] все время больна, ибо чувствует все [исходящее] отсюда, как говорит Н.К. <...> Н.К. очень страдает от этого, выглядит очень плохо. <...> Юрий приехал из Вашингтона, очень против [позиции] Светика, конечно, хочет быть главным сам! Но хоть прав в том, что хочет идти по научной линии. В этом Н.К. его одобряет. Лучше было бы, если бы Светик в этом году не ехал в Индию. Здоровье Е.И. надо охранить.

5.III.30

Утром работала над каталогом. Н.К. смотрел рисунки Истмана для столовой в подвале, но решил их отложить. Н.К. говорил вчера, что все газеты теперь полны “красными, коммунистами” так же, как когда-то в России все кричали о коммунизме, было в моде объявлять себя красным — и пришли к революции. Так и возможно в Америке — 3 миллиона безработных, а если у каждого еще семья, то это 30 миллионов. Много может начаться. Днем была в городе, искала рояль, затем заехала к миссис Сутро, она в госпитале для богатых людей. Вечером я пошла вместе с Н.К., Юр[ием], Свет[иком] и Нуцей к Шинази — провели хорошо вечер после ужина — надеемся, что она даст деньги для “Урусвати”. Пришли очень уставшими и, выпив валериан, сейчас же разошлись. <...>

8.III.30

Письмо из посольства Англии, из Вашингтона. Любезно пишут, что ответа из Лондона о визе для Н.К. и Юрия в Индию не имеют, но что здесь они ничего сделать не могут, ибо все зависит от Лондона. Одним словом, та же формула, употребленная раньше для Светика. Н.К. говорит, что не удивится, если вообще откажут в визе. <...>

Вечером были на лекции Гребенщикова о Святом Сергии — очень недурно. Н.К. потом тоже сказал чудесное приветствие, была записана стенограмма по-русски. Был митрополит Платон, Гребенщиков и Н.К. целовали ему руку, также другие из публики. Потом Н.К. всем показал Музей — было больше ста человек недурной публики.

9.III.30

<...> Долго Нуця и я беседовали с Н.К. до ужина. Он рассказывал, как Государь однажды подарил их школе дом и землю Морского ведомства в центре города. Он, то есть Н.К., приехал в Морское ведомство, а там удивились и сказали: “Нам ничего

не было сообщено, может быть, Его Величество думал что другое”. Так школа и не получила [дар]. Затем на одном репорте школы Государь написал: “Жаль, что столько иностранных имен” — Н.К. не знал, что и делать, ибо был там и барон Фредерикс, и министры, но пометку Государя надо печатать, а неудобно! Запросил, была прислана новая пометка: “Это только для Вас”. Потом однажды дал дар, а когда Н.К. пришел разузнать, как получить, опять никто не знал. А позже пришла пометка: “Отменить!” Четыре раза в год Н.К. ездил к Государю, несколько раз в году Государь приезжал на выставки. Но было нелегко, ибо граф Сюзор сказал: “Делайте что хотите, продавайте, покупайте, но дефицита не должно быть”. Заведовал Н.К. одной лишь школой, музеем заведовал Боткин, а Обществом Поощрения Художеств также кто-то. <...>

10.III.30

Утром Н.К. получил письмо от Кланделя, французского посла, о том, что он не может разделять его взглядов, ибо он католик и его взгляды совершенно противоположны [взглядам] Н.К. Ведь он сам себя зарезал, ибо для нас это изумительный документ. Ему было отвечено Н.К. о симпатии к его взглядам и послана “Мадонна [Орифламма]” Н.К. И Шкляверу было сообщено об этом — пусть знает. <...>

11.III.30

<...> Вечером — Беседа с Владыкой. Потом у нас пили валериан. Светик опять повел разговор, что это, мол, не настоящее автоматическое письмо, а правильно писали лишь истинные чела — всё намекая на Н.К. <...>

Н.К. очень скорбит о Светике, говорит, что он именно подрывает основы, говоря против Учения, Посланий [через] Н.К. и способа писания. <...>

Н.К. прямо убит и говорит, что лучше бы ему поскорее уехать, тогда всем легче будет. <...>

Душа болит, а ведь Н.К. уже скоро уезжает. <...>

12.III.30

Утром Н.К. поехал в студию Бергмана смотреть декорации, находит очень плохими. <...> Видно, выйдет очень плохая постановка к “Sacre du Printemps”, говорит Н.К.

Днем получили письмо от Е.И. с самым суровым указом Владыки против Модры, и Е.И., видно, очень недовольна ею, ибо отвечает подробно на ее письмо, сурово осуждая его. Также говорится о том, что Авираха нельзя умалить. Н.К. был очень потрясен этим письмом. <...>

Я с Н.К. почти до полночи беседовали. Все об этом письме. Н.К. говорил, что Нуця предложил не показывать никому, и Модре тоже, эти суровые страницы, направленные к ней, иначе будет взрыв для нее, Луиса, Светика. А она едет, и ей нельзя ехать с таким чувством. Хотя восстание против Учителя — страшная вещь, но он не понимает, в чем происходит восстание к Гуру, как пишет об этом Е.И. Также Н.К. говорил, что не понимает, кто и как умалил Авираха, но, очевидно, произошел острый факт. Хочет его расследовать, думает, что, может быть, ему нужно было со всеми ехать в Вашингтон. В конце концов, всем, кроме Юрия, письмо покажут сокращенным. <...>

Говоря об этом годе, Н.К. сказал, что все выросло, дела невероятно расширились и всё в космическом течении, поэтому обстоятельства решат многое. Ибо все попали в водоворот и завертелись. И против воли, и барахтаясь, а все же несемся. Я могу писать письма в Индию по отъезде Н.К. со всеми фактами, но без комментариев. Трудно все, сложно. Невменяемым нельзя ничего сказать, должны пройти опыт сами, говорит Н.К. Приносить жертву без сожаления о себе — истинно по Учению. “Мы отличаемся от иезуитов тем, что они работают для блага своего Ордена, а мы на благо всего мира”. Это фраза Учителя. Все лишь в применении и понимании. <...>

Вчера был Тарухан и сказал Н.К., что собирается строить часовню Св. Сергия в Чураевке. Н.К. дал ему 100 \$ и обещал дать рисунок. Я спросила Н.К.: “Как же, видя, что Тарухан хочет чужими руками жар загребать, вы ему все же даете?” Н.К. ответил: “Да, но в Америке где-то будет стоять часовня Св. Сергия — вот что важно, а кто построил — неважно”. А ведь Н.К. знает Тарухана насквозь и, как мне сказал, ценит его большие достоинства и видит все недостатки. Но он полезный нам человек, наша связь с Сибирью, ибо сибиряк.

Затем за ланчем у Логв[ана] я заговорила о предложении Мордкина снять с Улухановым театр на год за 10 000, задаток в августе 1500, с сентября по 800 в месяц и 25% с валового дохода. Луис сказал, что думает, надо обеспечить себе минимум 7000 или 8000 задатку, иначе не сдавать. Пора бросить сентиментальность, иначе нас надуют. Н.К. его моментально спросил, как мы себя обеспечиваем, если жильцы выбирают и нарушают контракты, не требовать ли с них за полгода вперед, установив принцип во всем? Конечно, Н.К. хотел довести все до абсурда. Видно, Логв[ан] понял это, и ему не понравилось, ибо сидел, криво улыбаясь. А Н.К. потом сказал: он вырастет, а кривая улыбка все же останется. Ибо даже Архаты изображены каждый со своим атрибутом, а не со всеми вместе. Один имеет чашу, один лотос — каждый свое. Так и мы все. <...>

13.III.30

Н.К. ездил смотреть, как висят картины в American Art Galleries. Днем у него были дамы из Филадельфии и миссис Ителсон — она будет действовать в комитете, 29-го днем устраивает большой чай и прием в Музее. Затем был редактор “Saturday Evening Post”. Вечером было заседание с Таруханом и Таней. Говорили о постройке часовни и сборе денег. Идея прекрасная, но все же Тарухан мечтает о чайной, палатках, лагере. За валерианом у нас были Н.К., Юрий и Свет[ик], говорили о кампании [для] “Урусвати”, увидим, что устроится вообще, конечно, Юрик надеется на Филадельфию. Н.К. очень устал, весь бледный.

14.III.30

Флавий очень болен, сильный бронхит, привезли для него кислородную палатку, консилиум два раза в день. Мы все очень встревожены. В час дня “Gotterdammerung” [“Гибель Богов”], последняя из “Ring of the Nibelung” [“Кольцо Нибелунга”] опера — впечатление чудное, но очень грустное — ослепление людское, незнание Зигфрида, и кончается все его гибелью. Все, кроме Луиса, были в ложе Н.К. <...>

Н.К. на днях сказал, что он, как полководец, не должен уехать, пока все не одумаются.

15.III.30

Чистое несчастье: опять высокомерие и оскорбительный тон со стороны Франсис — буквально пренебрежение ее ко мне неслыханно. <...> Я говорила Н.К., что трудно работать, когда есть нежелание кооперации и оскорбление со стороны сотрудника. Все же жалею, что говорила об этом Н.К. Право, лучше пережить это все и переработать, ее не исправишь. Она опять заплачет перед Н.К. и скажет ему, что у нее ужасная натура и она такая же, как ее мать. А завтра опять уничтожит словом и поступком все, что я думаю делать. Бог с ней! Но я буквально замучена ее стрелами. Она раньше не была такой. Это за последние полтора года.

Днем у нас было собрание. Юрий уехал в Филадельфию. Флавию лучше, только бы с ним все было благополучно! Вечером Н.К. пригласил нас всех на ужин с Джайлсом и мистером Кларком — премилый человек, президент Grand Central Gallery — очень нам полезен. Он просил у Н.К. “Чашу нерасплесканную” для выставки в Венеции, куда и отправил ее, а также портрет Н.К. [работы] Светика. Вечером был вечер “L’esprit Francais”* — Французской ассоциации Общества Друзей Музея Рериха. Полно народу, французский консул тоже был, очень хорошо говорил, два французских профессора. Н.К. чудно приветствовал новую группу и всех. <...> После все собрались у нас, и Германова была. Было славно, пили валериан. Она славная, но ей нелегко. Завтра Н.К., Юрий едут в Нью-Хейвен, а

*Условная схема учреждений
Музея им. Н.К.Рериха в Нью-Йорке.
Карандашный рисунок (ок. 1930 г.)*

я вместе со Свет[иком] и Нуцей едем к Палмерам в Нью-Лондон, позже и они приедут.

16.III.30
Воскресенье

Мы выехали все вместе после завтрака у нас. В поезде составляли списки приглашений на прием в честь Н.К. 29-го марта. Н.К. не очень доволен этим приемом, ибо хотел уехать без всякого шума, а выйдет, что теперь все об этом узнают. Он и Юрий сошли в Нью-Хейвене, ибо ехали к профессору Ростовцеву, а я, Нуця и Свет[ик] поехали в Нью-Лондон. Там нас встретили Палмеры и повезли к себе, чудно приняли, гуляли, смотрели фильм, который они сняли с меня и Юрия, когда мы у них были летом. Я очень хорошо вышла на нем — все говорят, что мне нужно идти в кино. К 5-часовому чаю приехали Н.К. и Юрий. Н.К. дал им по тибетской вещице каждой, отчего они были в полном восторге. <...> Они были в восторге от места, которое выбрал Н.К. для своей картины в столовой, и вообще от его приезда к ним. <...>

На свое американское гражданство Н.К. теперь смотрит спокойно: он приложил все усилия, а что американских граждан вообще свое правительство не защищает — мы знаем. <...> Было чудно ехать вместе в вагоне и беседовать с Н.К., ведь он через семнадцать дней уезжает. Приехали домой к 12-ти. Флавию немного лучше. <...>

19.III.30

Н.К. вчера рассказал мне, что проснулся в 6 часов утра, очень ясно услышав звон колокольчика, очень продолжительно, а это у него обыкновенно является предупреждением. <...>

Вечером мы сидели, имея Беседу с Учителем. Я видела изумительное явление: когда Н.К. писал, из-под его пальцев пробежало синее пламя — точно электричество. Это случилось два раза — удивительно красиво — видела лишь я одна. <...>

20.III.30

<...> В “Temple Artisan” продают [книги] “Агни-Йоги”, а мы им послали их в дар. Послали моментально телеграмму — возмутительно, что делают теософы. <...>

21.III.30

Получено письмо от английского консульства, что все еще “рассматривается разрешение на въезд в Индию и Вас известят, когда оно придет”. Английская наглость изумительна! Послали телеграмму Шкляверу, чтоб он там действовал и нажимал бы на английского посла в Париже. Н.К. говорит, что это наглое письмо, полученное сегодня, еще можно обратить на пользу, умело действуя. Очевидно, “Sacre du Printemps” больше, нежели неприятности, ничего не принесет Н.К. Порвали и испортили только что сделанный Н.К. рисунок, посланный миссис Рис. Она и Стоковские никуда не годны. <...>

Кампания Юрика мирно замрет после приема. Сами Баркеры отказались ее вести, ибо якобы наши дамы не активны. Это урок Юрику, как нам говорил Н.К.: легко ничего не приплывает. А эти общественницы время умеют отнимать, но не работать. Вечером мы были на лекции Кескара — очень хорошо, буквально почти читает по “Агни-Йоге”. Затем Тарухан показывал нам слайды Алтая. Приятно было вспоминать места, знакомые нам. Германова скоро уедет в Европу — ее театр лопнул.

Вечером у нас пили валериан. Сегодня были развешены картины в Anderson Galleries. Светик волнуется и говорит, что мы все потеряем. Увидим!

22.III.30

Обе Палмер станут пожизненными членами “Урусвати”, дают 1000 \$. Крейн написал письмо, отказываясь быть в комитете “Урусвати”. Очень характерно. <...> Придя домой, застала Н.К. и Нуцю. Н.К. делает рисуночек для часовни Св. Сергия в Чураевке — чудная церковка. Н.К. и Светик ушли пораньше — Н.К. немного простужен и устал. Юрий уехал в Филадельфию.

23.III.30

<...> Сегодня воскресенье. Н.К. завтракал с нами, потом подошел Луис, я предложила посвятить мой класс Е.И., что было одобрено Н.К. Говорили об аукционе: трудно что-либо предусмотреть, ибо это истинная авантюра. Днем у Н.К. были восемь учеников из класса Бистрана, беседовали об Агни-Йоге — умеют задавать вопросы, в общем, они славные — сказал Н.К. Днем Нуця и я поехали с

Логв[аном] смотреть, как наши картины висят в American Art Galleries. Чудные вещи — прямо как музей — что-то будет! <...>

Днем Н.К. был у Судейкина. Вечером мы говорили о бюджете Дома, с натяжкой у нас дефицит в 10 000 \$, но если платить налоги, то гораздо больше. <...>

24.III.30

<...> Вечером адвокат заверял новое завещание Н.К. В нем он все отдает после смерти своей и семьи Музею. Вечером пришла телеграмма от Шклявера, что через Париж можно будет действовать на Лондон, когда Н.К. будет там. Днем Логван подарил икону Св. Сергия, которую мы ему привезли, для будущей часовни. Когда Н.К. понес ее вниз к Тарухану, то они оба определенно почувствовали запах ладана в комнате. <...>

Вечером мы сидели. <...> Затем получили огромной важности Указ Учителя.

Потом все у нас пили валериан, беседовали. Сегодня был большой день. Н.К. с утра чувствовал сильные вибрации.

25.III.30

Н.К. крайне возмущен поведением Англии с его визой в Индию и решил, чтоб Луис и Нуця пошли запросить у консула ту формулу, которую они имеют для отказа в визе Н.К., и пойти с адвокатом, чтоб он ее записал при них. Это обыкновенно действует. Получили письма — одно от Е.И. Есть место, где Е.И. говорит, что “итак, Н.К. поехал в Америку, чтоб основать Издательство Музея Рериха”. Н.К. этого не понял, чувствует иронию и расследует это на месте. Затем Е.И. пишет, чтобы Ояна по приезде продолжала связи по “Урусвати”, налаженные здесь Юрием. Но и Н.К. и Юрий оба говорили со мной и решили, чтоб я их продолжала и наблюдала за кабинетом в отсутствие Юрия, ибо я уже знаю рутину дел и буду говорить с друзьями Юрия из Филад[ельфии] и учеными и так далее. Ученых направлять к Перцову, его же просить дать осенью лекцию. Оба они говорят, что раз я уже этим была заинтересована и многое знаю, то и смогу это делать.

Нуця и я завтракали у Луиса, потом поехали все в Аудиториум*, где Н.К. прочитал лекцию “Одеяние Духа” для Лиги композиторов. Было свыше тысячи человек, переполнено толпой, успех у Н.К. был изумительный, говорил он чудесно, просто, сильно, плавно. Мисс Бэтрик вела стенограмму. Потом показали костюмы из “Sacre du Printemps”, а потом записи оркестра Стоковского. Приехав домой, Юрий просил меня быть на заседании комитета с миссис Ителсон. Рада, что была, ибо в субботу на приеме в честь Н.К. они все хотят подписаться на “Урусвати”. Вещь опасная для имени Н.К. и Музея, и нужно это остановить. Была у Н.К. Германова, он ей сказал ее [эзотерическое] имя и велел ехать домой к мужу — по Указу. <...>

26.III.30

Утром разбирали почту с Н.К. Много смеялись, когда пришла телеграмма от Леонтин и ее мужа, которые поздравили нас с годовщиной свадьбы. Мы-то и забыли, а слепые вспомнили. Пришли через Шклявера письма от французского посла, извещающие о благодарности короля Англии и Принца Уэльского за получение медали Музея, с благодарностью Музею и лично основателю наших Учреждений Н.К., а также личное письмо Макдональда, английского премьер-министра, за медаль. Это огромная победа, все мы чувствуем, как повернутся из-за

этого события. Но, несмотря на это, когда Нуця и Луис пошли с Дэвидом Грантом к консулу сэру Армстронгу запросить о причине невыдачи визы, он сказал, что это не его отдел, а капитана Тейлора — паспортиста. Послали телеграмму Шкляверу, чтоб он там действовал. Н.К. чувствует, что получить визу на Лондон придется через Париж, а в Лондоне — визу для Индии.

Сегодня Н.К., я и Юрик завтракали внизу в ресторане, Франсис имела с кем-то завтрак и была так зла с утра, что даже не смотрела на нас. Н.К. все это видел и сказал, что хоть на один день можно оставить кислоту и злобу, ибо завтра аукцион, и как же у нас будет успех, если мы наполняем пространство таким настроением? Н.К. сегодня весь светился, был такой ласковый со мной, добрый, как в начале своего приезда. Сказал Германовой ее [эзотерическое] имя — Альбина. <...>

Днем, окончив уроки, мы беседовали с Н.К. Опять он шутил, был полон ласки, хвалил мою вечернюю секретаршу. <...> Вечером в 7.30 мы встретились у Луиса и слушали по радио лекцию Франсис. Она сказала между прочим, что Издательство Музея Рериха основало “Урусвати”, говорила о градации цвета нашего Дома. Но в общем хорошо. Потом я с Н.К. пошли паковать, он все шутил и говорил, что я умею паковать, а мама меня в этом не признаёт. Подарил мне чудную подвеску из бирюзы. Потом пошли к нам пить валериан все, кроме Франсис. <...> Мы же ставили цены на картины аукциона, то есть нашу предлагаемую цену. Я завтра иду на первый день аукциона. Разошлись все с радостным чувством, полные гармонии. Даже Светик был хорош. Не забуду я чудного чувства этого дня. И как был полон любви и света Н.К. Он посылал чудные стрелы всему пространству, и, конечно, если мы все можем создать такую гармоническую атмосферу, то успех будет во всем.

27.III.30

Утром телеграмма от Е.И., что Нетти приезжает сегодня. Также получена виза на Лондон от английского консула здесь (капитан Тейлор, отвечающий за паспорта). От Шклявера известие о том, что визу в Индию можно лучше устроить в Париже, а также дар земли на французской почве около Калькутты для “Урусвати” от французского правительства. Н.К. поехал прочитать лекцию в Дальтон Скул (под покровительством миссис Стоковской). Очень хвалил чудное помещение, кабинеты, театр (лучше нашего), комнаты факультета, комнаты [для] медитаций, советовал мне навестить их. Говорил мне утром, когда я буду посещать клубы, заводы, госпитали, как мне было Указано, делать там контакты для Учреждений, точно так же, как и набирать знание для будущего. Также говорил, что хорошо, что я буду получать жалование, — будет больше времени для контактов.

Днем была снежная буря, все волновались, что помешает аукциону. <...> Вечером пошли на аукцион Луис, Сидней, Франсис, я. Было продано 86 картин за 42 000 \$, нам осталось за вычетом расходов около 18 000. Илья Содомы, Bishop пошли по 750 \$ — ужасно мало. Мабюз 7000, Гоген [ранние работы] из Бретани 2000 — что нелепо. В общем, Н.К. говорит, что ничего, ибо очень нужны деньги. Заем продлен на три месяца; Шугарман вызвал Луиса объявить ему, что помолвлен. Н.К. при этом сказал: “Слава Богу”.

28.III.30

Утром телеграмма от Боссомы с запросом, откуда достать визу на Индию и почему отказано в ней. Решено с ним говорить в Лондоне, иначе он может напутать и сделать лишь хуже. Пошли на последний спектакль Вагнера “Тристан и Изольда”. Удивительно пели, а музыка идет все ввысь, весь порыв вылит в ней, столько

щедрости, широты, как сказал Н.К. Вернувшись домой, поужинали и поехали на аукцион. Неважно шло, в общем — получили обратно Райдера, Мартини, Веронезе, Давида, в общем, чистый результат у нас 55 000, а у Светика 12 000 (его Эль Греко пошел за 9500, малый Фрагонар за 1600, а Ренуар за 1000). Конечно, это вычислив все расходы. Ожидали мы 300 000, а потом уже минимум 100 000. Луис очень подавлен, говорил, что нам недостает еще около 100 000. Светик очень недоволен и все время говорил, что лучше играть на бирже, нежели покупать картины. Н.К. ничего вслух не говорит, но видно, что огорчен. Послали результаты аукциона Е.И. сегодня ночью телеграфом. <...>

Нелегко на сердце, но надо не показывать. Указано радоваться, несмотря на какие бы то ни было результаты.

29.III.30

С утра начались приготовления к приему. Палмеры очень жалели, что не были на аукционе, когда узнали, какие малые цены давались за картины. В 1.30 дня я заехала за Н.К. к Дэйлу, он у них завтракал, чтоб поехать с ним в Пресс Клуб, где он читал [лекцию]. Он прочел чудесное выступление на тему “Красота как краеугольный камень грядущей эволюции”. Говорил о практичности красоты, об устранении уродства из домов, жизни, о разрушительном влиянии отрицания, самом звуке “нет”, его грубости и о благом звуке “да” во всех языках. Он имел очень большой успех, все дамы оценили его речь. Он также говорил об энтузиазме и Св.Терезе и Жане де Лакруа, которые во время экстаза поднимались на воздух.

Мы приехали домой, надо было смотреть, все ли в порядке. Был получен Флаг для сохранности науки и искусства и первый раз сегодня показан всем на эстраде. В 4.30 зал был переполнен, Луис председательствовал, первым говорил доктор Макгоффин, очень хорошо, так сильно о новом учреждении “Урусвати”, о заслугах Н.К. в археологии и науке.

Затем Франсис прекрасно говорила об “Урусвати”, затем чудесно просто говорил Н.К., обратился к добрым друзьям, приветствовал их всех, говорил о Звезде Утра, во имя ее он и говорил, о красоте, “великий ученый есть великий художник, а великий художник есть великий ученый”. Он произвел огромное впечатление, все встали, аплодируя и желая ему удачи.

Затем был показан фильм о Кулу, потом все направились на второй этаж Музея, где был чай и прием. Было свыше шестисот чел[овек] народу. Были Джеймс, Спейер, Адольф Окс, Гугенхайм, Леман, Моргентен, Чарльз Крейн, французский консул мистер Монжендр — одним словом, очень большие люди. Все были полны одушевления и радости, говорили обо всем с восторгом, была замечательная атмосфера подъема. Очень нужная после вчерашней неудачи с аукционом. <...>

Н.К. сегодня был весь светящийся, ласковый, такой огромной доброты и терпимости.

30.III.30

Сегодня последнее воскресенье, что Н.К. с нами, потому все вместе сошлись у нас на завтрак. Имели чудную беседу, я дала идею, чтоб книжный магазин был бы в отдельной комнате в фойе отеля, что Н.К. было одобрено. Решено печатать открытку Дома на восьми языках — европейских, китайском и хиндустани. Театр передан в ведение Общества Друзей Музея Рериха, которое дает Дому 10 000 арендной платы, а остальное берет себе. “Не делайте недействующих законов и убийственных принципов, — сказал Н.К., — а судите, как обстоятельства покажут”.

Утром Н.К. дал Германовой читать письма Е.И., также дал ей монетку. После завтрака имели деловое общее собрание. До этого Н.К. прошел со мной и Германовой в Кор[она] М[унди], очень одобрил картины Джайлса, хвалил Бистрана, которого все-таки признал не таким превосходным, как Джайлс.

Обсудили все общие дела на последнем собрании с Н.К., а затем Н.К. сказал в заключение, что он уезжает с чувством, как все изумительно выросло, и что мы должны открывать ход всем возможностям. Самое хорошее чувство у всех, все пожимали руку Н.К., благодаря его за все сделанное им для дел.

Затем читали с Н.К. стенограмму (очень плохую), записанную на его двух последних лекциях в Wanamaker Auditorium и Дальтон Скул. Смотрели картины Н.К., прибывшие из Калифорнии, за которые он предлагает, чтоб мы дали 500 \$. Затем Н.К., Нуця и я пересмотрели, какие репродукции пойдут для комнаты Нуци, как было решено сегодня. Ужинали все у Логв[ана], потом, проверяя цены аукциона, убедились, что мы пострадали на 100 000, потеряв их. Вечером сидели. <...>

31.III.30

Письмо от Сутро, очень заинтересован идеей Пакта Мира, хочет внести и свою лепту. Говорили об охране Н.К. в пути, ношения Юрием револьвера. Н.К. говорит, что это не только физическая опасность, но и клевета, нападение в печати. Днем было собрание “Урусвати”, Н.К. предложил из наших Почетных советников три комитета — художественный, научный, финансовый, затем, чтоб мы писали письма-дневники под копирку в тетради, отражая каждый по-своему факты и настроения. Вечером Германова дала чудный вечер, читала и “Гонца”, очень тонко, большой талант. Н.К. сказал ей привет от Музея, сообщил об избрании Почетным членом Общества Друзей. Затем был прием в Музее, потом все вместе с Германовой собрались у нас. <...>

1.IV.30

Телеграмма от Е.И. о том, что она не желает, чтоб Н.К. был в Париже. Возможно, это то, что я ей писала в письме, переданном с Нетти, что я ее прошу повлиять на поездку Н.К. в Париж из-за Указа. Слава Богу, Н.К. отменил поездку в Париж, едет прямо в Лондон. “Избегнуто этим большое несчастье”, — было сегодня Сказано. <...> Доктор Кеттнер поселяется в Доме и будет иметь комнату Спинозы вместе с квартирой. <...>

Вечером мы имели Беседу с Владыкой, а потом до поздней ночи помогали Н.К. упаковываться.

2.IV.30

“Растите в жизни, шире широкого”, — сказал мне Н.К., когда я спросила насчет новых отделов или классов. Сапожные, шляпные, портняжные, столярные, тиснение по коже — все мастерские, но художественные. А программу давать опасно — вдруг жизнь все переменит. Н.К. говорил с Джайлсом и Бистраном о духовном. Потом оба декана — Нуця, Джайлс — и я присутствовали на собрании с Н.К. Главное — расти шире, кооперироваться. Пришел Мансветов, интересная идея, кооперативные банки в Праге, в Чикаго и так далее. Сильный человек. <...>

Германова приходила, обменялись с ней крестами, она верный человек. Вечером все были у миссис Уайтсайд, там была Таберози — имели глупый сеанс. Придя домой, после валериана принялись за упаковку и кончили сегодня.

3.IV.30

Удивительно отрадное воспоминание от вчерашнего вечера. Это то, что Таберози велела нам соединить руки, и я, сидя рядом с Н.К., держала целый вечер его руку. Удивительное чувство, будто живительная рука Благости держала меня — его благословенная рука!

Сегодня утром читали письма, как всегда, вместе с Н.К. <...> Ужасно обидно из-за нашего каталога: по вине печатника на обложке вместо “lectures” напечатано “lecture”*, и теперь все надо перепечатать. Н.К. согласился со мной в том, что лучше платить немного больше и иметь лучшего печатника. Н.К. видел утром Крейна. Затем целый день много дам и разных посетителей. Н.К. мне говорил, что, когда Бурлюк принесет для редакции книгу Голлербаха, я [должна] за этим следить: где нужно, все вынуть, например о поездке Н.К. в Россию, а где сильнее сказать, украсить, прибавить, не стесняться с Бурлюком, ибо в России их цензура, а у нас наша. <...> Затем Н.К. говорил, что много плохого идет от Холла, например, он против Тарухана и комнаты Св. Сергия, все хочет поставить какой-то счет.

Вечером мы все сидели наверху, имея Беседу с Учителем, затем пошли к нам пить валериан. <...>

Н.К. и сам чувствует, что здесь будет нелегко с денежными вопросами. Увидим! Потом пошли закончить паковку [вещей] Н.К. — он изумительно аккуратен. Сдала ему вечером послание от Школы — от учителей и учеников, чтоб повезти в Кулу. Вчера был у Н.К. видный кооператор, создавший банки в Праге, Чикаго, — Мансветов, сибиряк. Теперь он едет создавать [банк] в Канаде, думает и в Нью-Йорке. Он большой человек и будет очень ценен в будущем.

4.IV.30

Отъезд Н.К. из Америки в Лондон на “Majestic” “White Star Line”, каюта 13-131 <...>

Утром читала письма с Н.К. Очень много прекрасных ответов на Pease Rast Flag Н.К., лишь один отрицательный ответ от доктора Свифта. Как Н.К. сказал, он, вероятно, поддерживает военную организацию. Н.К. говорил, что нужно бы было, когда будем писать историю Учреждений, упомянуть, что Рокфеллер отказал, Carnegie Foundation [Фонд Карнеги] отказал и так далее. Характерный факт получится для всех. <...> Н.К. подписался на построение часовни Св.Сергия — 120 \$. Я — 31 \$. Так что сегодня был открыт сбор пожертвований для этого указанного Учителем дела. Масса людей шли прощаться с Н.К. Мы еще допаковывали вещи, бумаги.

Главная опасность, сказал Н.К., — это желание остановить рост дел, Школы, как вчера, например, Логв[ан] сказал, что класс нельзя открыть с восемью учениками, а лишь с двадцатью. Если, как сделала Франсис на прошлой неделе, она будет говорить с учениками, вы им сможете десять раз говорить, а вот опасность остановки роста дел — вот это страшно. <...>

Вечером все ужинали у Луиса. До того Юрий передал мне ведение “Урусвати”, кабинетом, секретаршей. Надеюсь, что я смогу найти время и умение продолжать здесь “Урусвати” Именем Учителя.

Н.К говорил, что теперь мы уже живем без программы и без мертвых правил, а как сложатся условия жизни и обстоятельства.

Пришла М.Н.Германова — хорошая душа — и просила меня быть с ней на “ты”, ибо чувствует во мне сестру, как и я чувствую в ней мою Машу. Потом она простилась с нами и ушла к себе во второй класс, ибо она тоже едет сегодня на “Majestic” в Париж и будет вместе с Н.К.

Мы в последний раз смотрели на Н.К. и любовались на его доброе, мудрое лицо, его ласку каждому, затем к десяти часам простились с ним, расцеловавшись, простились с Юриком, прося его усиленно охранять в пути Н.К. И мисс Джонстон в присланном ею гороскопе пути Н.К. говорит о грозящей ему опасности в пути. И видения мамы все совпадают с этим. Мы еще около 20-ти минут стояли снаружи и кивали, и махали Н.К., который стоял до конца на палубе с Юриком и Марьей Николаевной и кивал нам, и посылал привет. Так чудно четко обрисовалась его фигура, борода и тонкая, мягкая рука, которой он все время махал нам.

После 10-ти часов, около 10.05, “Majestic” плавно двинулся и отплыл.

Изумительным оказался этот год по строительству. Был он и тяжелым — смерть Ориолы, потеря поддержки банка во время финансового краха, внутренние нелады. Но, очевидно, это нужно было пройти. Теперь идем к новой ступени под благой рукой нашего сегодня отбывшего Гуру.

АМЕРИКА

1934

14.III.34

Приехали наш светлый Гуру и Юрий. Н.К. весь светится любовью к нам и терпимостью, которая в каждом его слове. Юрий превосходно выглядит, возмужал. Н.К. не изменился ни на йоту. Говорил, что в Париже Шкляв[ер] работает хорошо, мадам де Во просила его приезжать каждый год или же раз в два года! Правительство там теперь дружественно нам — Думерг и др. <...> Таубе говорит, что в Германии очень туго: молодежь приходит на лекции профессоров вооруженная револьверами, и профессора их боятся. С Германией нам работать невозможно. В Италию к Муссолини большевики прислали какую-то красавицу, которая так его подчинила, что он расположен к большевикам. В Белград Н.К. не поехал из-за расходов, и потом, их дружелюбие вовсе не было высказано на Конвенции, где представитель Югославии даже не говорил вообще. Н.К. говорил о иезуите отце Ганском, который спросил Н.К., отчего он не делается католиком. Н.К. сказал ему: “Я рожден в ортодоксальной православной церкви, ответьте мне по сердцу, должен я стать католиком?” Тот ответил: “Нам лучше иметь вас другом”.

План — это поездка в Киото для выставки картин, затем в страну Ачаира*,

Н.К. и Ю.Н. Рерихи.
Предположительно на корабле по пути в США.
На фотографии автограф Ю.Н.Рериха

оттуда Юрий едет в глубь Монголии тренировать, организовать — Н.К. глава всему. Конечно, Япония на стороне дружбы, ибо они единственные против большевиков. Америка могла бы иметь первое место, но потеряла его из-за признания*. Во Франции все считают Рузвельта сумасшедшим. Н.К. видеть его не собирается. Ни Юрий, ни Н.К. не вернутся в Индию скоро, Указан срок 36-го года, когда Е.И., возможно (по Указанному ей сну), поедет встречать их в Афганистан, мотором через Индию. Чудесные возможности!

Н.К. встретил нас словами: *“Итак, мы пришли к будущему! О прошлом надо забыть”*. Свет от него буквально струился! Приехал он в 1.30 дня, завтракал у Нетти — мы все внизу, а затем собрались у нее. Он посмотрел Музей, удивился, что такие глубокие трещины в полу, говорил о том, что у меня в кабинете хорошо, любит прямую линию всех портретов у меня, прошел всю Школу, повсюду одобрил картины учеников, очень похвалил талант Марголиса, ему лично сказал, что у него сила в живописи. Я познакомила его с некоторыми учениками. В моей студии он видел Тарухана и Таню. Юрий сказал нам, что Тарухана не любят в Париже — он себе сам навредил.

Вечером опять встретились у Нетти ненадолго, затем мы прошли к Н.К. на пару минут. Н.К. мне сказал, что я такая же, ничуть не изменилась, смотрит так ласково, что от него все светлеет в сердце. Ему понравились Донн и Хелен, сказал, что они оба славные. Друг (Уоллес) вызывал Франсис [по телефону], и завтра утром она с ними [Н.К.Р. и Ю.Н.Р.] едет в Вашингтон, увидят Друга в 6.30 — важно решить вопрос об экспедиции.

Мама видела утром, что я приехала к Е.И. и начала командовать прислугой, разбирая свои сундуки. Е.И. мне сказала: “Вы, Радна, должны немедленно ехать обратно, когда ваш характер исправится, вы сможете приехать обратно, а теперь я не могу этого вынести”. <...> С приездом Гуру у нас радость — все тягости отпали.

15.III.34

<...> Видели Н.К. кратко в его квартире, затем поехали его проводить с Франсис на вокзал. Юрий в последний момент не поехал из-за простуды. Н.К. расспрашивал про Формана и сказал, что он ему скажет при свидании о людях, которые ждут своего Мастера всю жизнь, и когда им говорят, что он приедет завтра, но нужно бодрствовать всю ночь до приезда, они уверяют, что для их здоровья им необходимо спать именно эту ночь! Также рассказал про Асеева, очень хорошего человека, но вначале интересовавшегося только лекарствами из Агни-Йоги. Так что Н.К. написал ему в конце концов, что лекарства эти применимы, если Учение принято духом. Говорил, что Каменская, теософка в Швейцарии, говорила, что Агни-Йога не из истинного источника!!! Говорил, что Б.К. возмутителен бездействием, главное, себе же не помогает, а доктор Орлов с его возмутительным письмом все же выказал действие! Говорил, что отныне, говоря или давая что-либо

в газеты, надо упомянуть о глубоком знатоке Востока, но не вдаваясь в детали. <...> Затем он и Фр[ансис] уехали в Вашингтон. Н.К. буквально излучает свет. Сделала для него свидание на воскресенье днем с Сутро, которая ругала меня за то, что я не известила о его приезде раньше. Юрий со мной немного беседовал. Оказывается, пожертвование Сутро в 2500, данное ею мне в 1932 году, вообще никогда им не было выслано (Хоршем), а также около 3-х тысяч из пожертвования Стоксом в 9 тысяч. Его [Юрия] забота — обеспечение “Урусвати”, ибо у них средства лишь до мая. Затем продвижение их, но это, он надеется, будет покрыто экспедиционными средствами. Затем, когда там будет учрежден центр, здесь будет отделение — все это в пределах ближайших лет. Замечательные видения имела Е.И. — все идущие к завершению плана. Но Юрий, видно, бросит всю работу по “Урусвати”.

Был днем генерал Глисенда, чех, с женой — мы с Юрием водили его по Музею — очень духовные люди, и он и жена. Форман дал вечером лекцию — вот уж Н.К. видит его насквозь. Он пытался отложить свидание с Н.К., которое я ему устроила, с субботы утром на вторник. Затем пытался меня уверить, что [это] я хочу отложить, а все для того, чтобы уехать на уик-энд в Бостон, где он дает лекцию в понедельник. Изумительно знание людей Н.К.! Послала три заметки в русские газеты — одну собственную Н.К., а две другие — мои — о его приезде.

Забавно обрисовал Н.К., когда он в Париже узнал о скандале с авиапочтой в Америке, он сказал, что все разрешается в мирную сторону: военные авиаторы возят почту, артиллерия действует в похоронных процессиях, в шлемах — молоко, а мечи — на плуги!

16.III.34

Сегодня беседовала с Юрием. У него вместе с ясным пытливым умом появились за эти годы и терпимость, и даже мягкость. Говорили о будущем “Урусвати”, необходимости выработки бюджета “Урусвати” на будущее. Я предложила установление дотации от разных лиц для “Урусвати”. Затем Донн с нами провел совещание, как вести обмен журналов — бесплатное распространение, папки (не как велось), а как нужно — по алфавиту. Затем Юрий говорил, что раз Эрнст (адвокат) — радикал, нам с ним работать не придется. Говорил он о (ботанике) Колзе — тот, видимо, заняв деньги у местных жителей, этим же себя погубил и много вреда причинил.

Пришло письмо от Е.И., очень серьезное, суровое к нам за наше легкомыслие и непонимание. Мне упрек за то, что стремилась напечатать “Напутствие Вождю” и распространить его для новых. Встречали Н.К. и Франсис, приехавших вечером из Вашингтона. Н.К. чувствует, что экспедиция идет хорошо. Друг действует, дал ему письмо о руководстве, представил Н.К. Райерсона, но он ему не понравился. Друг должен быть тверже, ибо он на пути к президентству, должен уметь говорить с людьми тверже. Дал ему кольцо, Портрет и порошок йога ([принимать], когда очень большое напряжение). Друг предложил Н.К. видеть президента, но Н.К. не нашел нужным. Видели они Гила Боргеса и южноамериканских дипломатов — понравились Н.К. Он решил, чтобы они действовали своим комитетом за принятие Пакта южноамериканскими странами, но не наш постоянный комитет. Видели они Скотта, но Н.К. нашел его притворным (актер). Затем Н.К. всех оценил в нашем руководстве. Главное — это огромная работа для будущего, уже через шесть месяцев начнутся действия и будут новости. Для этого нужно работать, ибо все мы будем там. Все беседовали у Нетти, затем мы пошли с Н.К. и Юрием к нам пить валериановый чай. Затем я поздно переводила для Франсис письмо.

Удивительна мудрость Н.К. И терпимость, и ласковость ко всем — при этом оценка всякого по достоинству и снисходительность к дурным качествам. Утром видела его мало — мы прошли с ним и Фр[ансис] в комнату попечителей, там разбирали корреспонденцию — мне Н.К. поручил заведовать русской, а Фр[ансис] английской — так что мы заведовали двумя дивизиями!

Кроме явно нежелательных личностей, Н.К. готов видеть всех и каждого обласкать. Я привела к нему Формана, он с ним был около часа, потом сказал нам: “Форман как Форман. Сказал, что он хочет много работать, все сделать, а я его спросил — кто же вам мешает?” Н.К. припоминает покойного Боткина, как тот, проводя что-то нежелательное для кого-либо, говорил именно ему: “Ну я и сделал, как вы хотели!” Тот моргал, недоумевал, но ничего сказать не мог. А когда о Боткине написали, что он занимает восемнадцать платных должностей, он сказал: “Вот если бы меня спросили, я бы им сказал, что девятнадцатую должность они забыли!” — тактика адверза!

Н.К.Рерих в Музее

Н.К. говорил с Луисом о финансах и потом мне передал, что у нас ведь очень плохо. Сутро и Стокс больше не дадут денег, надо искать новых! Теперь Н.К. скажет миссис Дэйл, чтобы ее муж помог в отсрочке нашего долга Chemical Bank, ведь не до зарезу же им нужны эти 16 тысяч! Иначе, Н.К. предложил, можно было бы их спросить: “Ведь какое должно быть ужасное положение в вашем банке, если вам нужны 16 тысяч!!!” Н.К. передал мне ряд русских статей для разных газет, затем статью для будущего югославского календаря. Затем он нас повел посмотреть его новый портрет — Светика, только что прибывший — удивительный! Будет висеть на лестнице в Музее. Затем его новую картину “Ныне Силы Небесные с нами невидимо Служат”, причем он указал, как звезды на этой дивной картине сливаются с огнями!

Затем мы прошли в Школу — он слушал издали наш оркестр, хвалил его, оказывается, оркестр играл “Кавказский марш” Ипполитова-Иванова — марш, которым Н.К. и в Париже, и на пароходе, и всюду встречают! Замечательно, ибо этот марш будет выбран для будущего — в духовом оркестре! Прошли в кабинете Нуци — говорил о подозрительных советниках. Боттомлей оказался негодяем, когда у них было затруднение с визами — он боялся им писать. Рамон тоже — на письма не отвечает, профессор Каун прокис и т.д. Мы много смеялись.

Затем мы зашли ко мне — начали смотреть папку, которую я приготовила для Н.К. Подошли Таня и Тарухан. Он им уделил много времени — потом сказал, что Тарухан сегодня лучше, и сам заговорил о будущем, о сиб[ирском] центре. Затем Н.К. пошел на открытие у нас выставки вашингтонских художников (Washington Square Artists)*. Говорил с миссис Дэйл, Флейчер, Колокольниковой, Бурлюком (тот

хочет его интервьюировать для “Голоса” — большев[истской] газеты!!!). Я повела к нему на третий этаж Сутро — он у меня в студии принимает людей. Он также видел Стерна (адвоката).

В 7 часов вечера мы встретились для Беседы. Н.К. обратился к нам, чтоб мы сидели спокойно, посвятив мысли будущему. Замечательные стуки в столе, разные ритмы, движения! У мамы было одиннадцать видений! Н.К. затем писал — чудное Послание! Затем все прошли к нам пить валериан. За столом Н.К. очень смеялся, когда Нуця описал поездку в омнибусе в Вашингтон. Дала Н.К. манускрипт Голлербаха. Н.К. его просмотрел и велел хранить, ибо он из Сов[етской] Рос[сии], а все же во многих отношениях превосходно пишет о Н.К. <...> Н.К. посидел до 10-ти и ушел. Позволил, чтоб Клайд, Дорис и Дедлей приехали его видеть! Живя с Н.К. рядом и соприкасаясь с ним в жизни, видишь в нем Мастера на каждом шагу. Пришла телеграмма от Б.К. — 19-го февраля он выслал план. Также прибыло очень хорошее официальное письмо от Друга (Уоллеса) к Н.К., приглашающее его быть руководителем и покровителем экспедиции.

18.III.34

Утром Н.К. завтракал у нас, и Фр[ансис] была. Какое светлое чувство видеть его у нас, как он прост, мудр, ласков ко всем, сочувствие к каждому, прямо все оживает в его присутствии. Потом Н.К. прошел ко мне в кабинет — я ему показала некоторые цифры и спросила совет, зная, что к лету у нас будет критическое положение. Он советовал мне выписать все доходы, затем нужную цифру, также упомянуть о прибыли в 2600 за 4 месяца, показанные недавно, и дать эти цифры и отчет на собрании. Таким образом я подготовлю почву на будущие летние месяцы. <...>

Затем мы пошли на собрание. Сидней выбран председателем Финансового комитета — даст нам отчет о состоянии дел. Луис предложил внести Мастер Институт в общую организацию для того, чтобы не платить отдельно налоги, но Н.К. посоветовал оставить как есть, то есть Мастер Институт отдельно. Говорили, как постепенно устранить Шрака. Нетти призналась, что он для нее тоже труден. Его и Рунеса решено тронуть после реорганизации. Установили: приготовить бюджеты к будущему заседанию.

После собрания Н.К. показывал нам всем свои новые картины изумительной красоты и новый портрет [работы] Светика — его.

После ланча Н.К. имел свидание с Кеттнером. Затем был Стокс, и Н.К. думает, что он поможет в будущем. Затем Н.К. был со мной и Фр[ансис], говорил об издании книги о Сибири по-английски от имени Сибирского Центра с кредитом на год, ибо сейчас нет денег платить издателю. Затем я поехала с Н.К. и Юрием к Сутро — повезли ей медвежью шкуру и альбом фотографий “Урусвати” с коллекцией medica* ее имени. Она была — как обычно — пригласила Н.К. и Юрия со мной на будущей неделе на обед, но Н.К. не чувствует, что она что-либо даст; готов, скорее, поехать навестить Пальмеров.

После ужина Н.К. и Юрий пришли ко мне вниз, мы прошли список картин — поставили цены, я показала материал, который держу для Н.К. Он пересмотрел, многим интересовался. Потом пришел Флейчер, который читал лекцию. Н.К. подарил ему свою картину. Затем мы пошли все на его лекцию, которая была абсолютно бессмысленной. Затем все — к нам валериан пить. Н.К. очень смеялся, как Нуця показывал Кеттнера, заболевшего по дороге в автобусе. <...> Жду возможности поговорить о будущем, пока лишь спросила, что мне делать для будущего. Н.К. сказал: “Держите в руках русские газеты, как до сих пор. Если это

было важно до сих пор, то станет очень нужным позже”. Он ласков и участлив изумительно.

19.III.34

Какой Н.К. великий дух — понятно, почему он явится представителем Новой Страны. Сегодня утром я и Фр[ансис] встретили его в ее кабинете. Получили прекрасное письмо от Пан-Американского союза — Гила Боргеса. Затем Фр[ансис] уехала, а Н.К. пришел ко мне, и мы чудесно поговорили. Я ему говорила о Школе, он научил меня, как готовить отчет на будущие месяцы. Говорила о мольбе к нему о единении. Он согласился, но сказал, что формула великодушия — это единственное действие для всех. Все равно, принимаема ли она кем-то или отрицаема, — все равно как питье валериана: кто-то будет пить и скажет, что пользы до сих пор не видит. И на это ему скажут: а вы продолжайте (не судя, есть ли польза или нет). Не ведают, что творят — формула незнающих, но мы-то знаем! И вот с этим чувством, что все мысли перед Самим Владыкой, должны нас заставлять действовать великодушием. И это во времени повлияет на других. Говорил об Уоллесе: не очень доволен им — он, оказывается, и письма-то сам не пытается написать, а подсунуть Фр[ансис], чтоб она писала. И литературно это письмо не из замечательных! Да и со своим подчиненным он держал себя так, будто он его боится, недостойно, вместо того чтобы прямо представить его Н.К., сказав, что это глава экспедиции. Не государственно! Затем, когда Н.К. сказал ему о президентстве, тот решил, что это в 1940 году, и Н.К. спросил его, почему не раньше.

Мама видела сегодня утром, что Уоллес попал в лужу и кто-то сказал ему: “Генри, будь осторожен. Ты в грязи”. И это удивительно оправдалось, ибо сегодня случайно в конверте его письма Луис нашел личное письмецо (Уоллеса к Н.К.), в котором он просит Н.К. ничего не говорить японскому консулу об экспедиции и вообще не указывать ему на сношения с Вашингтоном. Вот он и попал в лужу. Ведь нельзя же Гуру указывать! И потом У[оллес] написал официальное письмо Н.К., приглашая его быть главой экспедиции, — зачем это скрывать! А визит у Эрнста был таков, что, когда Н.К. ему сказал, что в Париже говорили о возможности разрушения Лувра, он спросил: фашистами ли? Эрнста нужно остерегаться, ибо он не заботится о будущих шагах для нас. Н.К. боится, что именно после реорганизации возникнут опасности и будут атаки разных держателей облигаций.

Затем Н.К. посетил японского консула и очень доволен свиданием. Тот ему сказал: “Вы едете в Японию благодаря своим личным заслугам и не нуждаетесь в рекомендациях ни одного американского ведомства. Вас ждут за личные заслуги”. Вот в чем видна чуткость Востока! Н.К. ему говорил о Сиб[ирском] центре — тот понял. Также об У[оллесе] как о возможном будущем президенте и друге их страны.

Днем Н.К. чудно говорил с Хелен — она парит над землей от восторга. Сказал ей, что Школа — это ее Школа и она должна смотреть на все как на свою работу. Это ей даст огромную радость в жизни. Долго с ней говорил, потом сказал мне, что она очень хорошая душа, очень славная. Опять говорил со мной об У[оллесе], его непонимании, видимо, Н.К. опасается, что он [Уоллес] еще многого не понимает и чего-то боится. Затем у него были Косгрев, Селиванова. Я с ним еще говорила: он все время заходил ко мне. Одобрил мой бюджет по Школе, одобрил отчет, составленный мною. Говорил о будущем. Не очень мне развивать Школу, пусть спокойно идет. Готовиться для будущего. Я ему сказала, что Хелен может замещать меня. Н.К. чувствует, что ему долго здесь нельзя задерживаться. Очень ласков ко мне, открыто показывает [это] — весь мир светит мне. И Юрий заходил, беседовали о разном, он говорил о будущем. Вначале пойдут 30 человек, потом в Харб[ине] все

расширится, потом Внутренняя Монголия или Алтай — на месте будет видно. Днем были Тарухан и Таня. Н.К. говорит, что Тарухан стал будто лаковый, не весь открыт, переменялся и не к лучшему. Вечером Джайлс его видел.

Пили у нас валериан, потом Н.К. продиктовал мне письма к Шкляверу и Кириллову. Затем слушали у меня в студии марши: они ищут пару хороших духовых маршей. Затем мы расстались. Я же пошла печатать письма. Чудесно с ним: все озаряется, все сверкает, все хорошо в его присутствии. И Юрий очень умен, зрелый мозг. Радостно с ними — все понятно! Видение мамы вечером: Голос: “План успешно продвигается. И средства материальные придут”. <...> Затем Голос: “Важные бумаги при себе держать”.

20.III.34

Светлый день. Много прекрасного говорил и решил Н.К. Решил издать книгу о Сибири под редакцией И.А.Кириллова в Париже. Фр[ансис] просила Хелен или ее брата напечатать книгу, но с платежом через год. Хелен, поговорив с мужем, пришла сказать, что не только ее муж возьмет гарантию на себя, но и она также считает, что ей дана привилегия сделать это. Н.К. говорит о ней, что она чистая душа, ласково о ней говорит.

У нас было собрание Агни-Йоги — прекрасно прошло. После него я говорю: “Н.К., что если бы у нас все собрания так шли”. Затем обрисовала ему пару собраний с резкостями, упреками и обвинениями Франсис и т.д. Н.К. сказал, что уж если, издавая Учение, комитет не может себя хорошо держать, то нужно ставить на стол Портрет Вл[адыки] во время заседания. Тогда я рассказала, что и это уже произошло [за] два дня до приезда Н.К., и рассказала про все собрание. Но затем я мучилась, что говорила про то, что было сказано Нетти, и просила Н.К. простить меня за разговоры о прошлом и [за] то, что упомянула имена.

Н.К. говорил, что все идущее к будущему идет легко: экспедиция, Япония, новая книга. <...> Вечером все мы с Франсис пили у нас валериан. Светлый Н.К., дивный дух.

Когда я говорила Н.К. о прежних собраниях Агни-Йоги и как в них нападали на Фр[ансис], он сказал, что она должна была посылать записочки, что не может дать отчета, потому что не получает его от Плоткина, и она просит Логвана, который заведует отделом Плоткина, нажать (на того), чтобы тот дал такой отчет. И все время посылать эти записочки к каждому заседанию.

21.III.34

<...> Утром Н.К. диктовал мне письмо И.А.Кириллову об издании им книги “Сибирь и ее будущее”. Сейчас же напечатала и отослала. Книга будет в 150 страниц, с географической картой. <...>

Позже Н.К. видел Донна, очень серьезно говорил ему, что его пессимизм — это болезнь, которая не дает ему быть успешным и которая отражается во всем — и в духовном, и в материальном. Если он верит в Иерархию, он не может быть пессимистом. Как удивительно Н.К. в момент определяет характер человека. Затем Н.К. опять меня спрашивал, отчего Авирах курит, ведь он знает по Учению, что никотин хуже алкоголя. Тут Н.К. сказал, что как лекарство алкоголь очень нужен. Например, в болезни, путешествии, слабости нужен коньяк, а из вин лучшее — портвейн, остальные вина слишком слабы. Если что-либо покушать плохое, сейчас же [нужно] пить портвейн. Опять говорил об Авирахе, почему он начал курить и какой это плохой пример для других.

Затем Н.К. говорил о делах: нужны новые люди, приток средств и т.д. Ему понравилась моя мысль — добиться получения пожертвований от Стокса, Крейна и т.д. по 2-3 тысячи в год, если возможно. Но он говорит, что новая возможность идет через кооператив в Маньчжурии, прислан план — [нужно] туда очень естественно привлекать средства, как на паях. Очень его озабочивает мысль о деньгах, в “Урусвати” есть деньги до мая, у нас здесь почти ничего нет. Самое главное — это думать о средствах.

Опять Н.К. говорил о великодушии. Говорил о маме, что она должна во всем снять с меня бремя дома и помогать мне. Я просила Н.К. не забыть узнать: взято ли Логваном его письмо, гарантирующее Химическому банку 30 000, ибо это серьезная опасность. <...> Продиктовал мне письма в Белград Асееву и [Дукшта]-Дукшинской. Днем Н.К. опять приходил ко мне, хвалил Хелен, что она славная и чистая душа, и пусть она поможет Донну избавиться от пессимизма. Я ему говорила, что Авирах был в нашем Кругу самым ярким примером пессимизма, он улыбнулся и сказал: “А вы будьте таким же ярким примером [оптимизма]”. Спросила его, как действовать в будущем, он сказал, что, когда будут клеветать на него или распространять нелепости, — напомнить, что он уже и похоронен был, и пропал в Тибете — мы привыкли к слухам и удивляемся, как другие еще верят в это. А если люди будут говорить, как художник может быть правителем, напомнить профессора Масарика, пианиста Падеревского. Мне же здесь готовить заместительницу Хелен, в случае если меня позовут туда. Если Франсис сделает здесь связи, ее позовут туда для организации прессы. Днем Н.К. пришел к нам пить молоко и говорил маме о том, чтоб она не смущалась, продолжала говорить показанные ей видения, но не толковала их, не говорила о своем чувстве, а только то, что она видела. Очень также повторял о великодушии, что этим человек оздоравливает атмосферу вокруг себя и самого себя.

Приехал Друг (Уоллес), и Н.К., Юрий и Фр[ансис] были с ним от 6-ти часов вечера. <...> Вечером я и Нуця сошли смотреть с ними вместе новые картины, затем на короткое время пошли к ней, [чтобы] побыть с Другом, затем ушли, оставив их. <...>

Наши любимые Гуру и Юрий пришли вниз пить валериан, рассказали, что все было обсуждено с Другом, Н.К. доволен сегодняшней беседой, указал ему на будущее, на его работу здесь; в общем, вся экспедиция закреплена — сумма будет выдана на будущей неделе. Отсюда командированы два ботаника, остальные люди берутся в Харб[ине]. Н.К. сказал, что хочет иметь японца как майора экспедиции. Все чувствуют, что у Друга чистое сердце. Я и Фр[ансис] зашли к Н.К. вниз, и нам показали Хоругвь, изображающую Св. Сергия. Знамя с Его Ликом на одной стороне и явлением Богородицы Сергию на другой стороне — вышито на синем шелку. Итак, все во Имя Преподобного. Затем Н.К. вынул реликвию Св. Сергия (принесена была Германовой) и благословил ею меня, положив ее мне на лоб, а затем на лоб Франсис. Чудесное чувство — не забуду никогда.

22.III.34

Н.К. пришел ко мне в кабинет утром, чудесный, ласковый, прочел свой меморандум о положении Учреждений. Я предложила размножить его для близких друзей, чтоб узнали об истинном положении вещей. Ему очень понравилась эта идея, и я это сделала в своем кабинете.

Затем я и Нуця спросили его о World League of Culture [Всемирная Лига Культуры] — он сказал, что держать это тихо, ибо, во-первых, Шнайдер председатель и он бездействен совершенно, а во-вторых, могут быть нападки со

стороны, так что быть осторожными. Затем говорил о ничтожестве Лиги Наций: то они приняли решение о признании Пакта Мира, а через три года отказались от него — это детская игра, им вообще верить нельзя. <...> Council of Peace [Совет Мира] тоже теперь начать нельзя, ибо у нас нет новых, свежих людей, а с теми же людьми нельзя — не поймут! Пока держать все тихо.

Г.Уоллес

Отдала Н.К. письмо, которое он дал нам в 1921 году, — хранила его в сейфе; он открыл его и дал нам прочесть — это старое пророчество, теперь сбывающееся. Затем пришел репортер из “Evening Journal”, я его представила Н.К., и он дал ему интервью. Также фотограф из этой же газеты, которого я знаю, — мистер Хорлан, снимал Н.К. При интервью я присутствовала — чудесно говорил Н.К., так конструктивно, положительно о кооперации, гармонии труда.

Днем он опять пришел ко мне в кабинет после завтрака у миссис Дэйл, сказал нам, что просил ее поговорить с Chemical Bank об отсрочке нашего платежа. Н.К. говорил, что она несчастливая женщина и ей недолго жить. Затем мы все разбирали бюджет Франсис, я предложила, чтоб к осени Донн жил у нас в Доме на таких условиях, как Джесс, и работал для “Урусвати” и для Пресса. Н.К. понравилась эта идея. Затем мы читали письма Асеева, Шклявера и другие, прибывшие днем. Н.К. диктовал мне письмо к В.К. Мы все условились пойти с Н.К. на “Parcival” на будущей неделе.

Вечером Н.К. был на финансовом заседании с Логв[аном], Мор[исом] и Сиднеем — видно, все очень скверно, судя по отчетам. Я имела чудный разговор с Юрием о будущей стране и управлении ею — весь план так прост и вместе с тем будет весь чуть ли не завершен в 1936 г. Не верится во всю эту чудесную сказку. Вечером Н.К. прошел к нам, и мы собрались в радости (увы, Л[уис] и Н[етти] не с нами, не понимаю, что с ними, — пошли на лекцию). Юрий мне сказал, что я буду помогать Е.И. в народном образовании и школах. Авираху придется организовать еврейство.

Каждая минута с Н.К. — это великая радость!

23.III.34

Н.К. утром пришел ко мне в кабинет — показал прекрасное письмо от Пан-Американского союза, начал говорить о наших Учреждениях. В Музее пульс замер, в Издательстве Музея Рериха пульс замер, не работает, в Школе пульс слабо бьется — например, было 85, а теперь 62, в Корона Мунди пульс замер, в R[oerich] Soc[iety] то же самое, ведь не на сборищах можно сказать, что пульс бьется, ибо и на литературные завтраки приходят сотни людей, а ведь как они — друзьями или врагами уходят, — это не известно. И вот он начал говорить, что надо работать, создавая новые контакты, развивая комитеты, и с новой силой оживлять пульс. Ибо если пульс слаб, что-то случилось с сердцем. Насильно сердце оживить нельзя, но,

начав кровообращение в новых частях организма, можно и оживить парализованные части.

Говоря относительно Н[етти] и Логв[ана], он сказал: “Насильно никого нельзя объединять или заставлять любить, а можно лишь оздоровлением пульса создать единение в будущем”. Дал, как пример, Боткина — сидел с ним 19 лет, а потом, когда за Н.К. стояла сила в 70 учителей, тот не мог его выжить, хотя старался все время. “Так же и вы,— сказал Н.К., — создайте себе десять таких Хелен — она живой человек, в ней пульс бьется — и создадите новые возможности, новый комитет, который представит силу”. <...>

У нас здесь было положение, что нам задерживали жалование и мы не могли свободно распоряжаться деньгами, не получая их. Затем сказала Н.К., что очень тягостно получать мне жалование с такими неприятностями. Он был поражен и сказал, что не может быть произвольной задержки. Нужно хотя бы предупредить, что будет задержка на известное время, и нужно сказать это в начале месяца.

А главное — Н.К. говорил о великодушии: выказывать его повсюду, на заседаниях, при беседах, видя, что другой несправедлив, посылать всегда стрелы благодушия, ибо одно молчание — отрицательно! А не приходить вообще на заседания — это отступление! Все можно сделать при великодушии — иным мы не излечимся и не достигнем успеха. О великодушии Н.К. говорил целый день, когда только был со мною. Замечательно, что фотографические карточки Светика, Юрия и т.д., за якобы потерю которых меня так сильно упрекали Е.И. и [даже] Юрий по приезду, что они, мол, у меня и я их еще не прислала Е.И. — оказались у Нетти!!! Нашел их у нее Юрий и пришел сказать мне [об этом] и извиниться. Оказывается, Е.И. дала Енте поручение привезти ей эти карточки, а она Нетти вообще не спрашивала и говорила, что они у меня или у мамы. Главное, что я спрашивала Нетти два года тому назад, когда искала их, но она говорила, что не имеет, а Ента вообще об этих карточках не заботилась. Сегодня же в две минуты она дала их Юрию! Они написали письмо Е.И. об этом. <...> Н.К. очень хвалит Катрин, она трогательно говорила с ним и хочет работать. <...> (Течение времени или) текущая вода — все меняется, говорит Н.К. Затем на мой вопрос, как помочь Фр[ансис], когда ей нужно ехать в Вашингтон, Н.К. сказал, что будет отложена сумма, и она [Франсис] будет как посредник между экспедицией и департаментом земледелия. Дивный, светлый дух — сердце радуется, лишь глядя на него.

24.III.34

Founders Day [День Основателей]. Утром пришел Н.К. и продиктовал мне меморандум для всех Учреждений. Замечательное напутствие и указ на будущее. <...>

Пришли письма из Индии. Чудесное общее письмо для всех — Учение. Затем Н.К. дал нам прочесть письмо Енты к нему, отрывок из письма Яр[уй]. <...>

Затем Н.К. уехал к Стоксу. Утром в 12 часов Н.К. видел Дедлея (приехавшего рано). Потом сказал мне, что он ему нравится, он хороший дух. Был очень заинтересован эпизодом с кражей писем у Дедлея и уверен, что определенная организация [стоит] за этой горничной из отеля. Сказал, чтобы Дед[лей] дал мне ее описание, ибо она может явиться сюда. Хочет его еще раз видеть и дать ему кольцо. Имела днем серьезный разговор с Дед[леем], доказав ему, как он сам себя сделал больным из-за своих мыслей. Много говорила об Н.К., Мастере, Иерархии — будто понял, но надолго ли?

Вечером Беседа. Н.К. писал и дал два значительных срока — ноябрь 1935-го и 11 июня 1936-го. Были на вечере, устроенном мисс Беккер. Члены [Общества]

Спинозы читали напевом стихи Н.К. — очень славно. Затем вновь у нас пили валериан (мои славные Дед[лей], Донн и Хелен были на этом вечере тоже). Н.К. высчитал, что всего пробудет с нами еще 31 день, думал о получении денег из Вашингтона на экспедицию.

25.III.34

Утром завтракали у Франсис с Н.К. и Юрием — они огорчены мыслями Лог[вана] о сдаче квартиры на 25-м этаже. <...> Затем у нас был разговор о Тар[ухане]. Н.К. поражен, что он вообще писал такую поэму, как “Царевич”, [это] доказывает, что он вызывает к жизни Романовых, — ужас! Н.К. решил не присутствовать на этом чтении в будущее воскресенье и просил меня написать об этом Тар[ухану], что я и сделала!

<...> Затем Нетти опять язвила [по поводу] мисс Грант, Луис упрекнул ее также за то, что она говорила о Джеке, что он подозрительный человек! При этом тягостный, мучительный тон отношений между нами сквозит во всем! У меня все плачет внутри, когда я думаю о том, что наш Гуру с нами и он видит эту гущу вражды и недоброжелательства. Утром немного говорила с Дедлеем, днем показывала им троим (Хелен, Донну и ему) новые картины. А затем имела с ними чудную беседу о будущем, о том, как работать для него, — хорошие, любящие души! Н.К. был занят встречами [в] это время, затем он зашел к Франсис (Форману дал тибетское кольцо), и мы были с ним, говорили вновь о денежной тяготе и необходимости достать деньги. Юрий поговорит со Стоксом и Ителсон, но на медитацию к Стоксу в субботу Н.К. не поедет, узнав, что там бывает Толстая. Затем Н.К. и Юрий обедали со Шнарковским. <...>

Опять видели нашего родного Гуру и провели с ним вечер, как это делаем теперь все время. Незабываемое время! Но и Н.К. и Юрий видят, как забрали власть в свои руки Лог[ван] и Пор[ума]. Затем Логв[ан] также спрашивал Юрия несколько раз: “А что я буду делать в Новой Стране?” и был, видимо, недоволен, когда ему была указана возможная роль американского посла, — ужас!

Сегодня мне грустно: наш великий учитель с нами, а все-таки нам это не помогло сплотиться! Н.К. указал, что если бы Тарухан за это время понял нужды всей работы и сделал бы должные связи, то им можно было бы взять его с собой туда теперь же! И это он теперь потерял! До сих пор думал и думает о Чураевке и о себе, не зная, не понимая, кто вообще будет лидером! А ведь десять лет прожил здесь, видя все чудесное, зная якобы Учение! Чудовищно! Теперь через писание таких поэм он распространяет мысли о лже-Дмитрии!

26.III.34

Утром Н.К. диктовал мне письмо Шкляверу, затем я с ним немного беседовала, говоря о том тягостном чувстве, которое мы выносим из каждого общего заседания. Он сказал, что он считает это *болезненностью* (говоря о Лог[ване] и Пор[уме]), и это очень серьезное явление. Обычно нужен покой при болезни, но теперь его прописать нельзя, значит, надо надеяться, что болезнь не будет расти. Привел также пример сумасшедшего и спросил, имела ли я когда-либо дело с таковыми — обыкновенно их нужно оставить в покое. <...> Так и мы на собраниях — применять *высшее великодушие*, понимая, что *кто-то* болен манией величия! Также Н.К. советовал окружиться людьми, комитетами, чтоб за нами была сила, и тогда нам не нужно будет зависеть от настроения Логв[ана] или Пор[умы].

В отношении же финансовой зависимости, в смысле администрации и жалования, я тоже рассказала Н.К., но это трудный вопрос — придется, может быть, затронуть это позже. <...>

Затем Н.К. сказал Дед[лею], Донну и Хелен, что нужно наблюдать все факты, даже свои мысли о них готовить в письменной форме, но не подвергать себя без толку нападкам темных (относится к статье в газете о том, что brain trust* ведет эту страну к разрушению и посадит нового Сталина на место Рузвельта. Затем у нас было заседание Permanent Peace Committee* с Н.К. — очень хорошее. <...>

После ужина Франсис позвала меня в кабинет, там уже были Н.К., Юрий и Нуця, и показала письмо от Друга. Он пишет, что Райерсон советует пройти через позволение Госдепартамента и японского посла; затем там против поездки и остановки в Японии, также [против] японского парохода. А жалование будет выдано по их прибытии в Мань[чжурию]. Значит, все это работа бандитов, черной руки англичан, которые действуют за Райерсоном. Мы страшно огорчены. Н.К. говорит, что, если бы были 12 000, они бы моментально отказались от экспедиции, а прямо занялись бы своей работой. Придется им поехать в Вашингтон, ибо возможно, что план будет теперь действовать через кооператив, а не экспедицию. Очень осложнено все. <...>

27.III.34

Утром беседовала с Н.К. Он, видно, недоволен Другом, подробно разбирал детали его письма, опять указывал на неумение Друга высказаться твердо и ясно даже в письме. Затем Друг позвонил Франсис и сказал ей, что все улучшается, но что трудности технического характера и о них должны говорить Юрий и Райерсон. Решено поехать завтра в Вашингтон. Утром Фр[ансис] получила еще более пространную записку от Друга (Уоллеса), тот пишет, что Райерсон делается более чутким, читает между строк и Юрий и Райерсон должны поговорить друг с другом. Н.К. говорит, что его (Уоллеса) абсолютно нельзя оставить одного и он прямо садится в лужу третий раз. Во-первых, Райерсон не должен читать между строк, во-вторых, Друг боится его. Также они думают предложить Другу разделить экспедицию на две части — одну с ботаником, а другую — их, с уклоном на сельское хозяйство. Также хотят настаивать на японском пароходе, не заменяя его американским. Но как может человек, будущий президент, быть столь слабым! Днем прием в честь японского посла — очень славно!

Вечером складывали листы докладной записки о кооперативе. Потом говорили о финансовых трудностях. Юрий получил сегодня от Стокса 1000 \$. Беседовали с Н.К. до пол-одиннадцатого. Говорили о завтрашнем дне в Вашингтоне, настроение хорошее.

28.III.34

<...> Утром Н.К. и Юрий зашли ко мне в кабинет готовые к отъезду в Вашингтон. Н.К. опять говорил, что не думает отказываться от японского парохода, ибо Друг (Уоллес) его не предупредил. Н.К. винит Друга, что тот вообще не нашелся сказать, что с пароходом его вина, ибо он его не остановил на покупку билетов на японском пароходе, что Н.К. уже сделал. Затем Н.К. опять сказал, что в Вашингтон ему теперь незачем ехать, а едет он из-за непонимания и неумения Друга, что эта поездка должна быть оплачена за счет экспедиции. Н.К. говорил, что чувствует твердость и именно так и будет говорить в Вашингтоне. <...>

Затем Н.К. со мной говорил о том, что надо *очищать от вульгарного коверкания исторические факты*, например жизнь Екатерины Великой. Затем советовал мне “перейти реку по хорошим камням”. Мы говорили о будущем в Рос[сии], законодательстве, школьном образовании. Светлый он. Надеюсь, все пройдет благоприятно в Вашингтоне. Имела прекрасный разговор с Дедлеем о новом плане кооператива в Маньчжурии, а также с Хелен и Донном. Надеюсь, что Донн получит место здесь и ему не придется уехать в Чикаго. Вчера Н.К. дал Дедлею кольцо.

29.III.34

<...> Получена телеграмма. В Риге умер доктор Лукин. <...>

30.III.34

Утром приехали Н.К., Юрий и Фр[ансис] обратно из Вашингтона. Н.К., видимо, доволен Уол[лесом], хотя говорит, что трудности, о которых тот писал, очевидно, его личного характера, ибо: Госдепартамент не нужен, в Японии они могут остаться, сколько нужно, потом экспедиция идет для изучения медицинских трав, ботаник от Друга выедет позже их, жалование идет от 5-го апреля по третям — одним словом, все улажено. Одно лишь остается: им нужно ехать на американском пароходе, так что придется выехать 22-го апреля. В общем, поездка была нужной, Н.К. во всем готовил Друга для будущих путей президентства и рассказал ему также про встречу Мастеров [с] Е.И. в Лондоне, про Камень, про Чашу, про все почти по Учению.

Н.К. провел со мной почти весь день. Я полна радости. <...> Говорил, что каждое Учреждение должно пытаться жить по новому бюджету три месяца, а потом, если не идет, переделать бюджет. Н.К., видимо, за то, чтобы Донн остался, и одобряет, чтобы Дедлей платил за него, если он получит обратно свою должность. Я уже говорила об этом с Дед[леем], и он чудесно это принял, так что все зависит, [от того] получит ли он обратно свою работу. Он мне будет телеграфировать по приезде домой — едет завтра. Затем, Н.К. уже три дня чувствует беспокойство. Вначале он думал, что это из-за смерти Лукина (позавчера), но теперь он думает, что это что-то другое. Удивительно ласков ко мне Н.К. Я прямо живу под его лучом. Говорил мне готовиться по образованию, присматриваться к школам, также держать русскую прессу.

Получили письмо от Е.И. о чуде нахождения или, вернее, принесения к ним Чаши 3-го марта. Н.К. читал нам это письмо отрывками. Е.И. также прислала письмо к ней Флейчера, и Н.К. считает его сумасшедшим. Н.К. считает, что мы должны читать его письма к новым *мысленно часто* и уметь разбираться в них. Ибо мы видим в этих письмах не то, что он пишет, а то, что нам кажется.

Затем Н.К. говорил Нуце при мне о неубедительности молчания, даже вреде его, ибо это не есть великодушие; великодушие не отрицательное качество, а молчание там, где нужно сказать слово, является отрицательным. Например, на наших заседаниях, когда Авирах молчит, не говоря о том, что он видит во время спора, не покрывая спорящих каждого долей его же правды, он создает вред. Ибо тот, кто неправ, может или подумать, что Авирах на его стороне, или против него, [тем] что молчит, и может возненавидеть его за это. А тот, кто обижен, безусловно, не забудет этого Авираху, ибо тот не принял его сторону. Великой мудрости наш Гуру. <...>

Вечером, когда они пили у нас валериан, Н.К. с Юрием вспоминали о нашей поездке по Алтаю и комических эпизодах ее. Н.К. диктовал мне о своих картинах в Музее, письмо к Шкляверу, говорил о своих статьях. Радостный день!

Приехали Клайд и Дорис — славные они. Мы все ужинали с ними. Имела чудный разговор с Дед[леем] о будущем, указала ему, что ему делать. Счастливым был день, но одно серьезно — это беспокойство Н.К.

31.III.34

Суббота

Утром пришел Н.К. и диктовал мне статью “Сердце Азии” для новой книги “Сибирь и ее будущее”. Затем у него начались встречи. <...> Н.К. видел Дедлея перед его отъездом, сказал ему, чтоб он понял: он теперь служит Мастеру и находится всегда в Его присутствии, и чтоб он жил с этой мыслью. Потом Н.К. видел Клайд отдельно, и та вышла и начала рыдать — оказывается, как потом передавал Н.К., она говорила о своем ужасном муже, а тот ведь интересуется Учением, и Н.К. заметил ей, что нигде в Учении не сказано, что нужно уничтожить семейную жизнь и гармонию. Затем она вообще забыла, что у нее дети. Н.К. напомнил ей, что ее священный долг — дети, которые являются ее друзьями. Грустно, но она не поняла, что личная проблема у нее перешла [в] стремление к Учению. Затем Н.К. говорил с Дорис, нашел ее более подвижной, более в состоянии работать (она теперь едет в Вашингтон и будет полезна нам в Обществе). <...> Затем Н.К. опять вспомнил, как Хелен, придя к нему, ничего о себе не говорила, а лишь о работе.

Н.К.Перих

Вечером была Беседа. Н.К. опять писал. Дано вновь 11 июня 1936 г. Затем мы долго сидели наверху. Н.К. и Юрий вспоминали забавные моменты из экспедиции: доктора Рябин[ина], Кардашевского. Очень мы все смеялись, и Н.К. сам так благодушно и сердечно ко всему относился, что было самое радостное чувство. Вечер закончился у нас питьем валериана. Затем Н.К. опять показал нам реликвию Св. Сергия. Дедлей уехал поздно днем — радостный и совершенно духовно и физически (после своей болезни) оживший.

1.IV.34

Утром завтрак у нас, мы с Н.К., Юрием и Франсис. Говорили о Тарухане, как он тяжел для работы — какую ужасную вещь он сделал, [на]писав в своей статье о 77-ми сионских мудрецах. Он также писал, что из-за Н.К. и Музея он потерял друзей, и это дошло до Н.К. Поэтому Н.К. опять говорил, как нам брать людей. Например, Морей: ушел от нас, соединился с нашими врагами (русскими художниками), снял помещение около нас и открыл школу на манер нашей, а все-

таки приходил уверять Н.К. в преданности Учению и ему! Вот как надо распознавать людей и судить их по тому, что они уже сделали.

Было у нас собрание — постановили иметь список всех пожертвований, говорили о Рунесе, сделали Хелен помощником директора. <...>

На всем учиться, говоря с Н.К. Все просто и сильно доказано.

2.IV.34

Утром Н.К. закончил диктовать мне свою статью “Сердце Азии”, которую он диктует мне уже три дня. Говорила ему об этом разговоре, который был вчера у нас с Франсис о Донне. Она говорила о его недостатках, но не признавала его способности; о том, что его нужно усиленно тренировать, — одним словом, звучало как бы обращение Донна в раба, если он будет у ней в Издательстве. Сказала Н.К., что я подумала, и если он согласится, лучше мне взять Донна на место Гудкайнда и готовить его для Школы. Донн тогда будет работать вместе с Хелен. Н.К. одобрил идею и сказал, что это прекрасное решение и вообще не нужно мне настаивать, чтобы Франсис приняла Донна, если ей это не подходит или нежелательно. <...>

Утром Н.К. поздравил Хелен с избранием в помощники директора Мастер Института — она была очень счастлива. После ужина Н.К. был у меня в кабинете, затем мы пошли смотреть польский фильм — плохо!!! Ушли с половины. У нас за валерианом говорили о том, как мало времени осталось, а ведь нужно добиться рассмотрения кооператива — еще ведь ничего пока не налажено из общей программы. <...>

3.IV.34

<...> Затем говорили о распределении комнат — я предложила устроить комнату Св. Сергия на 3-м этаже. Н.К. очень одобрил эту мысль, мы пошли и выбрали № 9. Н.К. дал мысли, как ее украсить, и был очень доволен этим решением, сказав, чтобы я была хранителем этой комнаты. Сказал также, что очень был огорчен, узнав, что комната Св. Сергия, которая уже была у нас, вдруг исчезла, была изъята из жизни, а ведь это есть Имя Вл[адыки], и только это Имя мы можем вообще произносить вслух. Был очень доволен закреплением этой комнаты на нашем этаже. Я счастлива. <...> Решили пригласить митрополита Платона приехать освятить комнату и Знамя Св. Сергия у нас через две недели — завтра начнем чистить и приводить ее в порядок. <...>

Переводили вместе с Н.К. и Франсис статью Н.К. “Будущее” на английский.

Говорили о будущей программе, ведь осталось мало времени, о финансовом вопросе. “Подавайте требования все время, — говорит Н.К. — подгоняйте!!!” Трудности у нас будут. Н.К. это видит, но ведь будущее прекрасно, и мы служим в Учении — значит, все личное уходит. Вечером собрались у нас пить валериан. Светло и радостно подле Н.К. Таня и Тарухан тоже как бы меняются на наших глазах. Днем было слушание дела у третейского судьи, были наши адвокаты и Никаби — говорят, что он лучше говорил о Н.К. как о мировой личности и о Музее, нежели наши адвокаты, — враг!!! Знаменательно, но в общем все сошло хорошо. Через неделю еще раз будет закрытое разбирательство и всё решится. Настроение бодрое.

Как бы хотелось уехать вместе с ними, но, видно, еще не пора.

4.IV.34

Сегодня Н.К. был очень силен в выражении своего негодования из-за упразднения комнаты Св. Сергия. Говорил, что было кощунством допустить подобное — изъять Имя Влад[ыки] после того, как комната Его была утверждена. Н.К. винит Тарухана за то, что тот допустил это и не написал своего протеста нам, говоря о таком допущении кощунства. Н.К. спрашивал сегодня, в чем мы разнились от большевиков — те действовали во имя принципа, уничтожая святыни, а мы-то во имя чего? А ведь они сами могут спросить нас про такой поступок, если узнают! Н.К. сказал, что как же мы можем удивляться на наши последующие несчастья! В таких случаях нужно сделать, как Нуця сделал однажды, — поставить Портрет Вл[адыки] — при нем многое не скажешь! Видно, что он был очень огорчен этим ужасным фактом. Слава Богу, что вчера я начала говорить о комнате Св. Сергия, выпросила ее на 3-м этаже, и мы уже сегодня целый день мыли и чистили, переводили класс гобелена из № 9 в другие две комнаты, а в № 9 уже и мебель понесли, и картины. Сегодня Н.К., Авирах и Тарухан поехали к митрополиту Платону за тем, чтобы он приехал позже благословить комнату и Знамя, но он уже настолько болен, что, вероятно, не сможет этого сделать.

После ланча мы тоже работали все, составляя письмо о передаче нам книг Таруханом в оплату своего долга на 3700 \$. К вечеру Н.К. видел Дорис, дал ей тибетское кольцо, сказал, что длинный волос, найденный ею в “Mahatma Letters” [“Письмах Махатм”], — это волос Е.И. Та в восторге, вся горит. Очень хорошо Н.К. сказал о Хелен, что она ему очень нравится и что он себя чувствует непринужденно при ней. Потом Н.К. прошел к нам до ужина, ибо Юрий из-за простуды целый день был у нас. Мы беседовали о докторе Кеттнере, как благодаря Н.К. он получил связи в Индии и теперь даже не ставит имени Музея или R[oerich] Soc[iety] в своем журнале. Затем Н.К. указал на то, что Тарухан устраивает повсюду Чураевки — в Риге через покойного Лукина, то есть [нужно] иметь все это в виду о нем, не закрывать глаза на его истинный облик.

После ужина (с Дорис и Клайд) мы опять вместе с Н.К. и Франсис переводили на английский “Сердце Азии” — статью Н.К. для книги “Сибирь и ее будущее”. Затем прошли к нам пить валериан. Н.К. сказал, что Катрин отдала сегодня кольцо. Я спросила: “Под пыткой?” Он очень смеялся. <...>

5.IV.34

Утром Н.К. опять говорил об ужасном поругании, которое нанесено нами Имени Св. Сергия уничтожением Его комнаты, также говорил о поругании комнаты Св. Франциска, из которой мы теперь унесли мебель для комнаты Св. Сергия, ибо эта комната употреблялась Рунесом для чтения отвратительных порножурналов. Затем Н.К. диктовал мне ряд писем. Получено опять нелепое письмо от Друга (Уоллеса), говорящее, что Госдепартамент пронюхал про экспедицию и ему нужно их видеть, но он надеется, что все сойдет благополучно. Эти письма своим колебанием очень тревожат Н.К., а ведь пишет лучший человек в стране, как же он будет управлять!!!

Днем Н.К. опять диктовал. Приехали Гребенщиковы. Оказывается, икона Св. Сергия у них в часовне — привезут ее, обещали. Комната приняла чудный вид — и Кат[рин], и Инге тоже принесли иконы для временного пользования. Почти весь день была с Н.К. Сколько радости быть с этим великим духом — терпимость в нем безмерная!

Вечером Н.К. видел Москова — дал ему книги, советовал мне его [по]видать. Затем пили у нас валериан, опять смех и радость за столом. Вся атмосфера насыщена присутствием Н.К.! Пришла телеграмма от Друга — все улажено!

Н.К. пришел утром, как он это делает каждый день, в мой кабинет, сказал мне, что около пяти месяцев мы сможем говорить о Музее в Киото в Яп[онии], пригласившем его, затем говорить о поездке в Среднюю Азию — опять экспедиция — картины, археология — уже невнятно! Если возникнут легенды, говорить о них как о нелепых. Диктовал мне ряд писем. Прибыли книги Св.Сергия*, распределяли их. <...> Н.К. говорил о Франсис, что она растеряла полезнейшие контакты в прессе и что у нас нет ни одного журнала, ушли “Christian Science Monitor”, а ведь были дружны. [Она] все спит, а этим ей заниматься не трудно, ибо на это много времени в день не уходит! Очень огорчает Н.К. спячка Издательства. Говорили о переводе комнат Пор[умы] вниз в Cor[она] Mundi, что Н.К. одобрил. У Н.К. все время мелькает в разговоре удивление по поводу жалования Енты (а Светик не получает!). Да и Юрий мне намекал на то, что она не выполнила свою миссию устройства мира между всеми. Днем пришли Голты и Рут Эванс — Н.К. их видел. <...>

На чае были Н.К. и Юрий. Был разговор с Юрием о происшедшем за эти три года. Они, видно, всё там знали. Вчера было собрание — с денежными делами плохо. Очень смеялись за валерианом, ибо Н.К. сказал, что Юрий за эти три дня болезни пополнил и заболел желудком от восьми стаканов молока с содой!!!

Утром говорила с Н.К. об оплате учителям — в банке почти ничего нет, что делать? Н.К. говорит, что без ссуды невозможно дальше прожить, значит, что-то должно произойти. Если же заплатим учителям, а тут нам предъявят иск, что хуже — сплетня или иск? Значит, и будем ждать и работать. Затем, к великой моей радости (а вчера, когда Юрий сказал, что кто-то донес Светику, будто я была против выдачи ему денег на поездку из Америки в Индию, мне было очень грустно, но я знала, что это неправда), Юрик нашел в протоколе о том, что именно я была за отнесение этих денег на “расходы на поездки попечителей”.

Когда мы показали эту бумагу Н.К., он просил сделать для себя выписку, ничего не сказал, только посмотрел. Дала также одну копию Юрию, который сообщит об этом Е.И. Удивительно, как проявляется неизбежно факт справедливости. Затем Н.К. говорил, что опять получил письмо от Друга (Уоллес), будто Старый Дом* пронюхал об экспедиции, делает запрос, но он надеется, что все пройдет хорошо. Опять нелепо! Люди приглашены участвовать в экспедиции, через две недели им нужно ехать, а вдруг их еще исследуют! Но днем получили телеграмму от Райерсона Юрию о том, что все прошло и он просит Юрия приехать во вторник или понедельник.

Написала письмецо Енте сегодня, предварительно получив одобрение на это от Н.К., который сказал, что он приветствует мысль написать ей первой. Днем все вместе выбирали картину для Друга — Фр[ансис], Нуця и я с Н.К. Узнали, что Ладен-Ла — тибетец, британский шпион — едет сюда, потом в Калиф[орнию], конечно, понятно [для чего:] для слежки здесь и позже — опасный человек. Надеемся, что через Друга удастся его задержать и не допустить сюда. Новость очень неприятная. Н.К. очень сердечно говорил с нами, указал опять на то, чтобы пустить в ход марки, наши открытки через клубы, общества и т.д. <...>

Вечером мы собрались для Беседы, затем вновь пили у нас валериан. Страшно подумать, что Н.К. так скоро уезжает. <...>

Н.К. сегодня мне сказал, что он как бы целый день отсутствует — не чувствует себя здесь.

8.IV.34

<...> Затем пошли вниз и работали немного над комнатой Св. Сергия. Франсис дала две свои иконы, мы свою, мама свою. Затем собрание — Н.К. давал чудные идеи о членстве для R[oerich] Soc[iety] и освобождении от налогов. Я просила занести в протокол, чтобы мы достали обратно от Никаби письмо Н.К., гарантирующее 30 000 держателям облигаций. Это не понравилось Нетти и Луису. Но собрание было в общем приятно. После обеда днем с Клайд я, придя в свой кабинет, написала письмо В.К., продиктованное Н.К.

Н.К. мне сказал, что он уже всем говорил и мне теперь [говорит]: нужно употреблять высшую меру великодушия, не ожидая, чтобы ее применил раньше всего другой. Если это будет исполнено, успех будет. И накапливать русских, приближать их, держать в руках прессу, искоренить пустоту. Затем стараться искоренить пустоту вокруг нас. Мы составили список для комитета Музея Рериха, говорили о младшем комитете Музея Рериха (из детей). Все пошли смотреть комнату Св. Сергия. Я назначена хранителем этой комнаты, все директора будут иметь ключи. Комната готова. <...>

Написано письмо Марголису от Н.К. и дано ему лично. Вечером Н.К. зашел в студию посмотреть его работу, очень хвалил его, считает сильным и интересным, также и Юрий говорит это. Н.К. сказал ему: “Экспериментировать может тот, кто имеет на это право благодаря своему таланту, а вы его имеете”. Опять заходили в комнату Св. Сергия (Часовню). Мы ее очень любим. Вечером пили у нас валериан с пасхой и составляли список для переписки — очень смеялись. Н.К. рассказал, как Микешин говорил: “Пусть я буду проклят, если съем еще что-нибудь!” <...> Хохотали мы ужасно. Рассказывали смешные эпизоды про Ярую, также, как его укусила его лошадь, а Енту лягнула лошадь Юрия, и она очень была этим обижена и потом полчаса ходила и сама с собою разговаривала. Н.К. спросил Нуцю, не знал ли он за ней это.

Мы прошли днем в хранилище и нашли там (о ужас!) одиннадцать картин Н.К.!!! Кроме того, старую мебель, вещи Светика, иконы — безобразие, до чего мы отличились некультурным отношением к искусству. <...>

9.IV.34

Получили письмо от Гила Боргеса с полным утверждением Пакта их Комитетом — в апреле 1935 года Пакт должен быть признан всей Южной Америкой. Я вызывала по телефону Сутро. Она меня уведомила, что едет в Вашингтон с Рабиновым, который собирается получать огромные деньги за права на свою схему. Я сказала ей что следует о нем, напомнив, что через пару лет она пожалеет о своей ассоциации с ним. Н.К. был очень недоволен ее легким отношением к большевикам и просил Фр[ансис] уведомить Друга. Они с Юрием уехали утром в Вашингтон.

Н.К. по возвращении от японского консула рассказал, что консул ему сказал о ненужности виз, ибо у них французские паспорта. Катрин была у меня в кабинете, сказала, что пожертвовала бы иконы для Часовни Св. Сергия, если бы знала, что вся комната не будет разбираться и все дары не исчезнут. Я рассказала Н.К. Он сейчас же пошел со мной наверх в кабинет Енты, сказал ей, что во всем нужен порядок, что все будет записано, под контролем, ибо где порядок, там и ясность. Затем сказал,

что раз нет употребления комнатам Енты — ее трем кабинетам, то их нужно разобрать (ибо он там ни разу не был), а ковер, стол и шкафчик оттуда временно употребить для Часовни, стулья, танка Светика отнести на 25-й этаж.

Н.К. понимает и скорбит, ибо Катрин права в своем неверии в то, что пожертвования у нас вообще существуют, а не исчезают. Говорил, что Тарухан не имел права увезти к себе икону Св. Сергия, а должен был перед нами протестовать против разрушения комнаты Св. Сергия, и мы все, умолчавшие об этом, виноваты. Недаром столько несчастий свалилось на нас. Опять Н.К. говорил, что он [Тарухан] для него “лакированный” — все себе на уме со своими Чураевками. Жаль, что у Пор[умы] и Логвана окисление к Катрин — что-то, видно, произошло в их письмах с Ентюй.

Затем Н.К. при мне и Нуце (для него) говорил о смешках и шутках, что это надо прекратить, что он это укажет Логв[ану], ибо за ним это водится. <...>

У меня днем был на чае Завада (японский консул) с женой. Говорила с ними о Н.К. — мировом лидере, что о нем говорил Метерлинк, о значении Японии и России в будущем. Они меня поняли. Дала им несколько индусских журналов, про которые консул сказал, что пошлет в Министерство иностранных дел. Затем подошел Н.К. Показал им Часовню (они — христиане), очень хорошо ее приняли. Н.К. сказал, что, если будут какие-либо события в 1936 году, говорить тотчас же, ведь этот год был предсказан, 1936 год все несет. Именно, указывать на это людям. Получили дикое письмо от Ачаира — страшно подумать, к каким издерганным русским едет Н.К., как они его будут мучить. Вот именно отряд сумасшедших, как говорит Н.К. Простые солдаты больше поймут его, нежели высокие интеллигенты, — каким опасностям они будут подвержены!

Вечером у меня в кабинете Пор[ума] принесла памфлет R[oerich] S[ociety]. Начала [с] Музея картин Н.К., а кончила кухонькой и апартаментами. Я и сказала об этом потом Н.К. Он говорит, что это остатки отеля: как когда-то говорили, что отель — это самое главное, без него не прожить! Все же это очень тягостно Н.К. Говорила Н.К. о Енте, как она внесла не мир, а раздор. Н.К. много знает сам. Сказал: они удивлялись, когда Ента приехала и рассказала им, что она курила в вагоне, чтобы сжечь страницы Учения, что они [по]считали нелепостью. Вечером Фр[ансис] звонила, но нового ничего нет, ибо она увидит Друга завтра утром, а Юрий ужинал с Райерсоном. Вечером у нас Н.К. сказал нам, чтоб мы потушили свет и сели вокруг стола. Мама увидела тринадцать видений! Из них много предупреждений о слежке и опасности Н.К. Стуки в столе и повсюду, большое нагнетение энергии. Нуця ночует с Н.К., пока Юрия нет.

10.IV.34

<...> Н.К. читал письма, пришедшие от Ачаира и В.К. Нудные интеллигенты, очень боюсь, что будут мучить Н.К. канительными вопросами! Так бы хотелось его оградить и охранить! У него утром было большое беспокойство. Нуце пришла мысль ехать вместе с Н.К. для его охраны. Когда Фр[ансис] вызвала из Вашингтона сообщить, что все идет хорошо, я ей сказала, чтоб она поговорила с Другом, как включить Нуцю в экспедицию, но она была не за это. Тогда я предложила Н.К., что поговорю с Катрин и попрошу у ней, как заем. Н.К. очень одобрил, но сказал, чтоб об этом никто не знал — как я буду проводить эту идею в жизнь. Увидим! Н.К. предлагает дать 300 \$ от картины [проданной] Голтам, я дам скопленные 100 \$ (на сенную лихорадку), и если достану 600 \$, все будет хорошо. <...>

Днем были Таня и Тарухан. Н.К. определенно считает его “лакированным” — вдруг заявил, что Ачаир — розенкрейцер, а мне три года об этом ни слова. Днем

Н.К. наносил визиты, вечером говорил, как он благодарен врагам своим за школу жизни. Когда его назначили в секретари Общества Поощрения, председатель совета граф Сюзор ему начал говорить длинные цифры, потом сказал про смету, а потом сказал: “А теперь действуйте”. Н.К. говорит: “А как же?” Тот отвечает: “А мне какое дело, я вам все сказал”. Н.К. говорит: “Вы повторите хотя бы”. А тот: “Я не привык повторять”. Тут Н.К. должен был усесться и припомнить. Жил он как на военном положении, и теперь благодарен за пройденную школу!

Вечером мы выбирали картины для японцев! Затем они приехали из Вашингтона: все хорошо. Юрий прошел все технические детали, получил деньги за продовольствие вперед, жалование же идет ежемесячно. Франсис говорила о Рабин[ове] и Лад[ен-]Ла, чтобы принять о нем меры. Н.К. меня дразнит, кто поедет — я или Нуця.

11.IV.34

Н.К. сошел ко мне в кабинет и сказал, что он определенно почувствовал, что до конца реорганизации Нуця не может уехать — он ведь подписывался повсюду с Луисом — выйдет, будто это бегство какое-то. Так что я с Катрин не говорила. Получили хорошее письмо от И.А.Кириллова, и Н.К. продиктовал мне ответ — тот уже почти собрал всю книгу о Сибири.

Очень Н.К. озабочен чем-то. Пришли письма — от Е.И. общее письмо нам; чудно она хвалит Логв[ана] за его борьбу и победу. Н.К. уехал на ланч (400 человек, на нем были Сайто и Завада). Приехав обратно, одобрил достройку колонн в Часовне Св. Сергия, побыл немного внизу, но больше видел людей. Понравились ему Врионидесы. Я потом им показывала картины. Они говорили про греческий собор и желательность иметь в нем картину Рериха. Была у Н.К. с Франсис в ее кабинете, он говорил, что Друг должен понять: решения в самом малом зависят от их приложения к Великому Плану — так и мы должны поступать. Затем он опять говорил о великодушии, не ожидая его от других, но именно начиная с себя. Он безусловно святой!

Вечером Н.К. был у меня в кабинете, очень огорчен отсутствием средств, видит всю тяготу нашего состояния. Говорит, что только заем нас выручит. А где его достать? Затем прошли к нам, Н.К. велел позвать Логв[ана] и Пор[уму].

Мы сидели вместе, и у С[офы Михайловны] Ш[афран] были видения. Страшно подумать, что он так скоро уезжает. <...>

12.IV.34

Н.К. пришел утром и очень неодобрительно отозвался о вчерашней нотации мамы, которую она заявила после своих видений при Логв[ане] и Пор[уме]. Н.К. против назиданий вообще, ибо они именно разъединяют, но никак не вносят единение, о чем она говорит. Затем Н.К. сказал мне еще немало грустных фактов и своих мыслей о других членах — о болезни, которая зашла далеко и невозможно излечить. Также говорил о Клайд, что он в самом начале не почувствовал в ней ничего, и он боится, чтобы она не испортила Дорис, которая окажется хорошей работницей. А ведь она себя все больше выявляет! Затем пришел Лисицын, старый интеллигент, начал с ругани заглавия “Твердыня Пламенная”, а кончил как большой поклонник этой книги и [сказал, что] приведет Кружок русской культуры к нам. Н.К. и Юрий его оба видели. Потом беседовали с Н.К. Сегодня было второе заседание судей с адвокатами, и, говорят, не очень хорошо, ибо восемь владельцев облигаций пришли ругать нас. Говорят, еще одно заседание будет 23-го. Спросила

Н.К.: одно из заданий Енты, когда она сюда ехала, было объединить нас всех или нет? Н.К. говорит: это было одним из главных заданий, данных им ей. Но я о ней мало говорю.

Вечером Н.К. и Юрий видели Шперковского, который основывает Русское Общество при Часовне Св. Сергия — мысль прекрасная. Боюсь, что Н.К. устал. Грустно думать, что через девять дней его не будет больше с нами.

**Сидят (слева направо): Э.Лихтман, З.Г.Лихтман,
Н.К.Рерих, Н.Хорш, Ф.Грант.
Стоят: Л.Хорш, С.М.Шафран, С.Н.Рерих,
М.М.Лихтман, Т. и Г.Д. Гребеницковы**

13.IV.34

Утром Н.К. беседовал со мной относительно Донна, что ему нужно все время давать жалование, летом также — не может быть иначе. Н.К. находит, что в нем больше оптимизма и что он выправляется. Диктовал мне письмо для Четвертынской, затем уехал относительно своих налогов с Логв[аном] в налоговое управление. Мы все не понимаем, почему еще не пришли деньги из Вашингтона.

Днем Н.К. говорил с Хелен, сказал ей, чтоб она во все входила, всем заведовала, так что если меня вызовут уехать, чтоб она могла вступить в эту работу. <...> Мне было очень радостно получить указания от Н.К. на мои мысли о том, что я хочу писать о нем статьи государственного характера, — дал мне по параллели со своим творчеством. Великий дух! Юрик видел Броди, и тот обещал телеграфировать Крейну, чтоб тот помог, дав заем или под картины, или как-нибудь от 5-10 тысяч. Затем мы пошли в Музей смотреть на чудеснейший портрет Светика — Н.К. во весь рост, — который повешен в зале. Потом Н.К., Юрий и я поехали вместе к Сутро на чай. Она дала Юрию 1769 \$ 60 центов, грозясь, что это последняя цифра из этого фонда.

Н.К. чудесно говорил, что нет сверхъестественных вещей, а лишь реальность. Говорили о России и разрушении молодежи, принципов, идущем там. По дороге домой Н.К. сказал, что из этого дара Сутро он одолжит 700 \$, из коих 300 даст на уплату учителям, а 1000 пошлет Е.И. Как трогательно он заботится об учителях. Н.К. говорил о возрастах, спрашивал, сколько лет Енте, ибо не могла же она с Нуцей где-то вместе окна разбивать, если ей было 3 года, а ему 12? Также они говорили, что о ее годах нельзя говорить — даже Логв[ан] сказал, что раз спросил ее и встретил ледяное молчание. Меня Н.К. спросил, сколько мне лет — я сказала 39. Пор[уме], оказывается, тоже 39. Логв[ану] — 45. Нуце, наверно, 48, хотя Н.К. казалось, что ему 50. И дома у Н.К., видимо, говорили о возрасте Енты.

Вечером были на вечере [Общества] Спинозы в честь Н.К. Очень славно говорила молодежь, но Н.К. изумительно говорил о сердце, сотрудничестве, огненной энергии, которую мы должны осознать, красоте, вечном труде, приветствовал их группу, затем отвечал на ряд вопросов. Особенно подчеркивал

сердце: исходя от сердца, идя сердцем, — затем говорил искать в природе, у звезд, у красоты чувства истинного понимания. Необыкновенно говорил — так просто, но таким чудным языком — великий Дух — Мастер между нами.

Затем опять прошел к нам, пил с нами валериан и шутил, смеялся над письмом Тарухана в Харб[ин] к Ачаиру, говоря, что Тар[ухан] его представляет как Почетного члена Чураевки, едущего к ним. Сколько любви ко всем, какое снисхождение он показывает ко всем нашим слабостям — никто не изгоняем, но он видит всех, каковы они и есть, и лишь просит нас принимать меры и предупреждать вред и изгонять глупость.

14.IV.34

Сегодня утром приехал Друг. Н.К. с ним много говорил о будущем, указывал ему, как готовить себе президентство, как идти в общем Плана, ибо его успех не будет вне Плана. Дал ему две своих картины в дар, показал ему Часовню, которая его глубоко тронула, благословил его реликвией, показал Знамя. Относительно экспедиции все закреплено. Друг подтвердил то, что 5 мил[лионов] украинцев было уничтожено на Украине голодом и другими мерами (вчера об этом же говорила Сутро). Говорил, какое отрицательное впечатление произвел прием у сов[етского] посла (говорят, стоил 50 тысяч). Рано уехал, ибо спешил обратно. Вообще Н.К. доволен им.

Утром Н.К. немного диктовал мне, говорил, что Нуця должен проявить решительность характера и, будучи хранителем Музея, многое должен был не позволить, например уродливый жестяной покров на вентиляции второго этажа Музея. Н.К. подчеркивает, что пустота и безобразие недопустимы. После ланча Н.К. мне диктовал письмо к Шкляверу, затем я пошла с Юрием к нему и мы уложили книги Е.И. в отдельные ящики, чтобы пока хранить их до той поры, когда можно будет их отослать. Книги Е.И. были в ужасном состоянии (да и книги Юрия), свалены в шкафу как хлам! Окончили, пришел Н.К. и все в шутку спрашивал, а когда же уложат его сундук?

Вечером у нас была Беседа. Н.К. писал — что он делает в каждую Беседу — дивное Послание, писали Фр[ансис], Нетти, мама имела массу видений. Потом все у нас пили валериан. Н.К. против платы в Музее, [ибо она] развивает пустоту [вокруг нас] и лишает нас дохода на [продаже] книг, открыток. Дивный он человек, ласковость его, заботливость безграничны. Опять сказал, что всякий носит в себе единение и разъединение! Опять говорит о великодушии. Так грустно, что скоро Свет наш уедет!

15.IV.34

Воскресенье

Н.К. и Юрий завтракали у нас. Показала объявление Гребенщикова о книгах “Алатаса” — сообщает, что готовится к печати “Сибирь — страна великого будущего”. Название то же, что и для сибирского сборника! Будет неприятность. Н.К. советует предложить Кириллову ряд названий. Затем пошли вниз, на заседание. Н.К. изумительно говорил о великодушии, личном, не ожидающем, чтоб оно проявилось раньше у другого, а именно начиная с себя, чтобы магнитом притягивать других, говорил, что мы должны уничтожить пустоту вокруг нас, изгнать раздражение, ссоры, разбирать вопросы без личных ссор, говорил о единении, чудесно, незабываемо внушал нам, что уже стоим на пороге великих событий, что в 1936 году Сам Вл[адика] ополчится на битву с темными,

следовательно, нам нужно быть готовыми к этому времени и стать твердо с силами Света. Закончил он, опять написав: “Великодушные 1934”! Было решено уничтожить входную плату в Музей, ибо мы, зарабатывая 100 \$, может быть, теряем 10 000. <...>

Я была приглашена Н.К. присутствовать на его завтраке с Яременко. Н.К. принял его по душе, обласкал обозленного на нас человека и сказал ему, чтобы по части книг он сносился со мной. Н.К. мне потом рассказывал, что Яременко ему справедливо говорил о том, что из-за неприязни к нему Франсис и вообще Музея [мы] нанесли вред Н.К. тем, что не помогли распространению его книги*. В наш каталог мы ее не включали, аннотацию о ней не помещали, значит, нанесли вред Н.К. В этом он прав! Н.К. умиротворил его, написав ему прекрасное письмо, продиктовав мне аннотацию для этой книги в русские газеты. Таким путем он остановит клевету и злобу. Затем Юрий получил письмо от Броди, в котором тот сообщает, что Крейн готов помочь Н.К. лично на содержание его дома в Индии, но не Музею. В пятницу Юрий повидает его.

Днем я видела Клайд и Дорис — первая очень как-то изменилась, спорит, придирается, бежит повсюду, врывается с любопытством в разговоры. Дорис куда лучше стала за это время! Вечер провели с Н.К. и Юрием — вначале Н.К. диктовал мне, потом мы все пошли его укладывать. Было весело, все смеялись и, боюсь, перепутали его вещи. Юрия я укладывала днем — в два часа все уложили. Потом у нас пили валериан — незабываемые дни!

16.IV.34

Пришло письмо от Друга к Н.К. — красивое, но малопонятное, а главное, до сих пор деньги не присланы! Вот мертвая казенщина! Прислали правила — тратить 5 \$ в день на еду и отель, что есть нелепость, а чаевые нельзя давать! И жалование платят по истечении месяца!

Утром Н.К. немного диктовал мне, но, главное, *наказал мне*: быть миротворицей на собраниях, не раздражаться и препятствовать раздражению других, в крайнем случае, напомнить о великодушии, о котором говорил Н.К. вчера на заседании. Н.К. сказал, как вчера началось трение между Фр[ансис]

Фрагмент обложки юбилейного сборника, посвященного 10-летию работы Музея им. Н.К.Рериха

и Нетти после того, что он говорил. А что же будет дальше! Наказал мне не касаться с Нуцей вопросов, возбуждающих раздражение, воспринимать все спокойно — главное, следить за миром в Круге. Я его спросила, как отвечать, если будут спрашивать в связи с передвижениями Н.К. — как это он, творец Знамени Мира — участвует в этом! Отвечать — ради мира! Если тигр гуляет на свободе и убивает, надо его обезопасить! Говорил, что Франсис нигде контактов не имеет и не устраивает их в прессе, а их можно создать. Есть же дружелюбные газеты! И ведь только “Таймс” враждебна. И если они опять напечатают ложные слухи, поехать к ним с адвокатом и потребовать не объяснения в газете или извинения, а ответа на

ложные факты, грозить обвинением в клевете — требовать! Могли бы снести с нами до выпусков лжи! Даже о картинах новых Франсис не написала в газеты. Я спросила ее по просьбе Н.К., а она ответила: “Конечно нет!” Он говорит, что темп у нее остановился! Она не приводит полезных людей. Между тем как иногда, приводя человека, нужно передать его и другому из нас — смотря, к кому он ближе подойдет. Но Н.К. знает, что она этого не сделает, а это часто нужно делать! Огорчен Н.К. нами: пустота вокруг нас, будто люди отошли.

Утром он был у митрополита, тот освятил Знамя Св. Сергия и пришлет своего священника освятить Часовню. Н.К. диктовал мне чудную аннотацию об “Агни-Йоге” для русских газет. Говорил, чтоб я запомнила, что деньги, данные Крейном на содержание “Урусвати”, теперь снимут бремя с бюджета, ибо ведь мы должны были высылать каждый месяц 900 \$ Е.И. Также сказал мне: малые суммы за картины, если поступят как наличные, переслать прямо Е.И., не кладя на текущий счет.

Вечером опять чудно беседовал со мной, так ласково, чувствую, вновь надеется, что оправдаю его доверие. Постараюсь! Потом у нас все пили валериан, смеялись, как всегда, позже я зашла к ним согреть руку Н.К. лампой солнечного света (она у него болит с января). Он святой! <...>

17.IV.34

Утром Н.К. получил предлинное письмо от Москова и дал нам [про]читать — предлагает основать Институт русской культуры. Н.К. сейчас же мне продиктовал письмо для него и советует ему начать Институт у нас. Много забот с экспедицией — еще до сих пор возмутительная халатность в Вашингтоне, а ведь Уол[лес] должен понять, что почитание Гуру не одни только слова. <...> Н.К. пришел ко мне побеседовать. Удивительно, как он во все входит, все подмечает. <...>

Н.К. видел Григорьева. Говорит, что он сумасшедший и живет ненавистью.

Затем мы опять паковали наверху вещи Н.К., потом пили валериан. Было удивительно весело. Подумать, так сердце щемит — еще четыре дня! Мы говорили, едучи в город, о разложении Европы и Америки. Н.К. сказал: вдруг появится непобедимая монгольская армия, начнет побеждать, действовать — знаменательно!

18.IV.34

Утром Н.К. мне сказал: “Итак, вы остаетесь одна”. Я поняла прекрасно. Перечислив всех, он подчеркнул, что будут моменты одиночества и горести, не искать физического, внешнего утешения, а идти к Влад[ыке], к Учению, знать, где помощь. С этой стороны одиночества не может быть. Было радостно слушать о его доверии ко мне, когда он говорил опять, что мне именно и нужно быть миротворицей и не думать о других, а следить за собою. Главное, чтобы самой не впасть в раздражение и не видеть недочетов другого — исправлять себя во всем, помогать миру между другими.

Получили письмо от Друга к Н.К. Он пишет, что во второклассном сыском бюро есть удостоверение о слежке за ним и что он был с дамой — знаки указывают на Мод[ру]. Поэтому он понял, почему ему нельзя ехать одному. Теперь нужна крайняя осторожность: передавать можно лишь через Б[ора] — слежка либо его полит[ических] врагов, либо жены, но это серьезно!

Н.К. видел Леонтина — я при этом была, видела самое чудесное: он долго молча сидел с ней, гладил ее руку, затем голову, лоб, колено, при этом от него шла необычайная сила, все было нагнетено — свет шел от него на нее, необыкновенные вибрации. Она сидела вся под его силой, чувствовала себя очень счастливой. Он ей

в конце сказал, чтоб она имела веру в Мастера, и Его благословение будет с нею. Но это было незабываемо — этот момент, когда он ее лечил. <...>

Н.К. говорил о сплетнях: приходящего с ними прежде всего слушать без негодования, наоборот, сделать все нелепым, смешным, превратить в карикатуру, говорить, что это, мол, ничего, а вот это может случиться, говоря явную нелепость, и сплетник скиснет и уйдет, не добившись ничего. Затем хорошо записывать все, что он скажет, — это обыкновенно пугает людей. Главное, осведомлять всех о сплетнях, но не придавать им трагедии, искоренять их умеючи.

Затем Н.К. жалел, что во время последнего заседания он не вынул зеркала и не начал рассматривать свое лицо, а когда бы его спросили, ответить: смотрю, нету ли раздражения на моем лице, — хотите и вы посмотреть!? Опять просил не раздражаться — ведь это главное для дел! Говорил, что нельзя раздражать ненормальных людей. <...> Потому лучше соглашаться с людьми, особенно в патологических случаях. <...>

Было у нас заседание, посвященное Знамени Мира. Очень хорошо Н.К. говорил о конструктивности, распространении Знамени — чудно и просто. Рунес подсел в ресторане к Нуце и Катрин — ругал капиталистов, говорил, что он коммунист и они должны сделаться ими, и дал Катрин книгу о большевизме — в этом несомненная провокация, ибо лишь вчера он говорил с Н.К. по-другому, а сегодня вдруг такие разговоры. <...>

19.IV.34

Утром Н.К. пришел огорченным: Америка начала проявлять дружелюбие к Китаю и вражду к Японии — могут быть осложнения. <...>

Утром мы устраивали последние приготовления для Часовни. В 4 часа приехал архиерей — митрополит Веньямин служить, с регентом и дьяконом — красивое служение. Осветили Часовню и Знамя Св. Сергия. Н.К. до службы сам зажег лампаду — было чудное чувство. Сегодня же пришел чек на 4 \$ от священника Крошкевича, редактора [газеты] “Свет” за десять книг Св. Сергия и появилось мое ревью о Св. Сергии в этой же газете “Свет” и статья “Радость”. <...>

После ужина мы с Н.К., Юрием и Тар[уханом] поехали к Завадским слушать его гимн “Да воскреснет Бог и расточатся враги его”. Превосходная вещь, но симфония возле гимна — запутана.

Приехав домой, мы все пошли к Н.К., помогая укладывать вещи. Завтра они уже отсылают их — веселья и хохоту при этом масса. Н.К. очень добродушно шутил надо мной, как я устала, уселась на стул и спросила: “А где ключи?” Потом пили у нас валериан. Он прямо святой человек! Мастер, по земле ходящий. <...>

Замечательно, что Н.К. сказал Завадскому после того, как он сыграл часть своей симфонии: “И назовите это “1936 год””. Мама видела сон, как Н.К. говорил Катрин: “Присмотрите за Музеем”.

21.IV.34

Утром Н.К. очень озабочен — получили письмо от Друга, на него ужасная атака там, и он, видимо, боится: ботаник его спрашивал про отношение Ф[уямы] и Уд[раи] к Японии. Видно, что там немало вещей теперь рассматривается и Друга будут запрашивать. <...> Н.К. знает, что на Уоллеса теперь нахлынут нападения, и как он устоит — неизвестно. Утром также получили 5 тысяч для Н.К. и Юрия, эта экспедиция причинит им немало неприятностей. <...>

Днем снимали Н.К. и Знамя Св. Сергия в Часовне. Затем помогали паковать. Н.К. к четырем часам почувствовал беспокойство, сказал: чувствует особый неприятный ему запах цветов, как на похоронах, но мы не знали что и думать. Затем позже Тарухан нам сообщил, что как раз в это время скончался митрополит Платон, а ведь последнее, что он сделал, — это благословил Знамя Св. Сергия. Н.К. диктовал мне письмо [Дукшта-]Дукшинской, видел маму, говорил ей о великодушии (потом сказал мне: “Надолго ли усвоено”), дал ей свой эскиз. Дал Хелен свой эскиз чудесный. Велел мне и Нуце выбрать эскиз. Мы оба, не сговариваясь, выбрали “Майтрейя”. Дал Франсис эскиз, Катрин (сказал ей следить за Музеем). Был немного с Донном, всех обласкал.

Затем вечером мы читали с ним мучительное письмо от Гущика в Эстонии — немного свихнулся. Затем собрание — все было очень хорошо. Пор[ума] еще очень раздражена, но уже склонна порвать с Рунесом, ибо Н.К. сказал, что от него нечего ждать ничего хорошего. Были обсуждены вопросы финансов, ведения дел — в общем, все было мирно.

В заключение Н.К. сказал всем свое слово. Во-первых, если идет сплетня или клевета, сообщить всем на собрании попечителей, ведь очень важно, чтобы их знали. Затем, не забыть великодушия по отношению друг к другу. Также, если секретарша жалуется на попечителя, выслушать ее, а затем сказать очень сильно: “Вы знаете, я этого не люблю”. И на этом прекратить всю беседу. Разошлись поздно. Пили у нас валериан. Родной Гуру, как бы хотелось оградить его от мелочей и забот, ведь его миссия так велика.

21.IV.34

Утром читали очень плохое письмо из Риги от Иогансен — ругает Стуре, против его избрания в президенты. После смерти Лукина начался распад. Серьезное письмо Юрию от Друга. У него был Райерсон, который сказал ему, что из-за создавшегося положения с экспедицией — из-за каких-то отклонений, о каковых его запрашивают, также возможности затруднений с Японией, лучше или все прекратить, или же назначить Макмиллана главой экспедиции: ботаники боятся ехать, не верят в безопасность, он же заявил ему, что вся ответственность за жизнь ботаников на Н.К. и Н.К. ручается за них, что ведь очень глупо с его стороны обещать. Откуда мы знаем, что они за люди и как будут вообще себя держать!

По всему видно, что наш Друг очень боится. Броди звонил Юрию сказать: Крейн телеграфировал ему, что в данный момент он не может помочь семье, одним словом, черные начали работать. Райерсон был у Юрия — видимо, все лучше. Он сам сказал, что можно нанять и русского ботаника, если Макмиллан пожелает уехать в Китай или же вернуться домой. Конечно, Райерсону верить нельзя. Он определен Н[иколаем] К[онстантиновичем] как черный.

Поехали все на ланч, устроенный Das Gupta в центре города. Очень хорошо чтили Н.К. В его честь был весь обед. Н.К. сам чудесно говорил о конструкции, мире — в это время начался какой-то уродливый шум. Н.К. обратил внимание всех, сказав, что сила разрушения начинает работать там, где оппозиция.

Днем Н.К. мне сказал, что ему вчера на собрании не понравился смех Порумы — недобрый смех! И при этом выражение ее лица было недоброе. Это Н.К. сказал к тому, что можно дать сто обращений, в смысле вчерашнего панегирика Л[уиса] и П[орумы] по случаю приезда Н.К., но они ни к чему без сердца.

С.Н.Рерих. Портрет Е.И.Рерих. Б., к.

Помогла Юрию уложиться. Вечером Беседа. Н.К. чудно теперь пишет — много Указаний Галахад (Уоллесу). Вечером у нас были Тарухан и Таня, провели вечер вместе. Н.К. дал каждому свою чудесную картину. Я и Нуця получили “Майтрейю”. Франсис — “Pilgrim” [“Пилигрим”], Нетти и Луис — “The coming one” [“Грядущий”], мама — “The White Monastery” [“Белый Монастырь”]. И Хелен получила чудесную картину, и Катрин.

22.IV.34

<...> Затем Н.К. прошел ко мне, продиктовав письмо к Яременко, указав мне открывать письма Шклявера прежде, чем посылать их дальше, также пересматривать письма на имя Н.К. до отсылки Е.И. или Н.К., ибо ведь они будут в больших путях! Затем Н.К. сказал мне, что, если Логв[ан] скажет, чтоб Школа одолжила ему деньги для платежей по Музею, не отказать, но послать письмо Финансовому комитету, сказав в нем, что если деньги теперь одолжены, то мне понадобится определенная сумма для учителей, а если их не будет, то пусть комитет сообщит мне, когда и как он их возместит. Говорил о Катрин, что она дает деньги на печатание материалов работы съезда, ее нужно беречь, она права в том, что хотела получить отчет ее пожертвований и всего, что она дала. Можно было не помещать этот отчет в протокол, но ей надо было его представить.

Затем я пошла наверх, помогла закончить упаковку вещей Н.К. и Юрия. Трогательно, как Н.К. и гладил меня по плечу, и взял за руку, и вывел из комнаты Юрия, где я была, чтобы я пришла паковать его вещи, а не Юрия. Сколько ласки и любви во всех его обращениях! Затем Н.К. был с Луисом и Нетти, также после завтрака. Я пошла заканчивать работу с Юрием, он мне дал определенные инструкции, поручил ряд посылок, платежей, разных поручений и т.д.

К четырем часам Н.К. опять пришел вниз, сказав, что имел прекрасный разговор с Нетти, пошел с нами к себе, dokonчили паковку, зашел в “Урусвати”, ему многое нравится, пошел с нами в Часовню, побыл немного, затем кое-кого видел, а к 5-ти часам с нами всеми пошел на самый последний этаж, в нашу комнату [для] Бесед. Мы немного почистили (ужасная пыль, грязь и все свалено), начали с “Парсифаля”*, потом Н.К. дал нам сильнейшие указания.

Портрет Учителя стоял на столе, и Н.К. сказал: “Буду говорить перед Ликом Его и в Его присутствии”. Говорил о необходимости выполнения всего Плана, а не части его, также Галахад это необходимо, иначе у него не будет успеха. Также, как страшно серьезен теперешний момент, и мы все, несущие ответственность, должны понять это. Иначе мы явно вредим Влад[ыке] и губим План. Сравнил нас с альпинистами, идущими по одной веревке наверх, — один свалится, и опасность всем! Говорил, что без великодушия, без тесного единения нам не пройти, мы все погубим. Велел помнить сказанное, ибо сроки последние, и если мы не выполним всего, мы не люди вообще. Напомнил, чт’о мы упустили из-за вражды,

разъединения, велел брать зеркала, чтобы смотреть на себя, не на соседа во время своего раздражения. Говорил, что нелегко, что будет еще труднее, но мы должны гордиться трудностями, ибо живем в космическом плане и масштабе и должны примерять все согласно с этим мерилom. Потребовал, чтобы мы запомнили.

Мы, каждый из нас, торжественно обещали, впечатление и сила слов Н.К. были крайне торжественны. Он сказал, что Е.И. часто видела, как молнии и искры шли из волос Влад[ыки] из-за этой огромной напряженности, и какой позор нам, если Он должен послать нам Луч на устранение нашего личного раздражения и из-за этого не может послать Луч на спасение страны!!! Не забудем его напутствия нам. Все мы обещали выполнить и выполним!!!

После ужина Нетти просила зайти нас всех к ней, что мы и сделали. Затем они все пришли к нам пить валериан, опять мы прошли в Часовню, затем поехали на вокзал Pennstation*. Провожали Хелен и Донн, также Завадские, Гребенщиковы, Москов, мы все, Катрин и Инге.

Беседовали около часа в комнате для отдыха, затем поцеловали наших родных в добрый час, и они уехали на великую миссию — спасение России. Дай Бог быть их достойными.